

БЕЛОРУССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ФАКУЛЬТЕТ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ
СОВЕТ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

Международное общественное объединение
по научно-исследовательским
и информационно-образовательным программам «Развитие»

Общественное объединение
«Центр изучения внешней политики и безопасности»

Общественное объединение по Европейским исследованиям

Общественное объединение «Общество международного права»

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ: ИСТОРИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

Материалы XI научно-практической конференции
молодых ученых факультета международных отношений
Белорусского государственного университета

Минск, 4 февраля 2021 г.

МИНСК
БГУ
2021

УДК 327(06)
ББК 66.4я431
М43

Редакционная коллегия:

кандидат политических наук *Е. А. Достанко* (гл. ред.);
кандидат исторических наук *В. Р. Боровой*;
кандидат юридических наук *Е. В. Коннова*;
кандидат филологических наук *И. Н. Ивашкевич*;
кандидат экономических наук *О. Ф. Малашенкова*;
доктор исторических наук *В. А. Острога*;
доктор исторических наук *В. В. Фрольцов*

Рецензент

заведующий кафедрой политологии
Белорусского государственного экономического университета
кандидат политических наук *Н. Ю. Веремеев*

Международные отношения: история, теория, практика : материалы XI науч.-практ. конф. молодых ученых фак. междунар. отношений Белорус. гос. ун-та, Минск, 4 февр. 2021 г. / Белорус. гос. ун-т ; редкол.: Е. А. Достанко (гл. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2021. – 450 с. ISBN 978-985-881-285-0.

Представлены материалы*, освещающие актуальные проблемы развития международных отношений, вопросы внешней политики и дипломатии Республики Беларусь, тенденции в развитии международного права, мировой экономики и международных экономических отношений, таможенного дела, межкультурной коммуникации.

**УДК 327(06)
ББК 66.4я431**

* Печатаются в авторской редакции.

ISBN 978-985-881-285-0

© БГУ, 2021

СОДЕРЖАНИЕ

СЕКЦИЯ 1

АКТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ, ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ И КОНСУЛЬСКОЙ ПРАКТИКИ В СОВРЕМЕННЫХ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ

<i>Аўласенка І.М.</i> Дэбаты па венгерскаму крызісу 1956 г. у ААН паводле дзённікавых запісаў Пятро Глебкі	9
<i>Ван Фа.</i> КНР – РФ: взаимодействие в рамках международных организаций в 2013-2019 гг.	14
<i>Журавская О.С.</i> Оценка деятельности контактных посольств НАТО в Беларуси на примере ежегодных международных семинаров	20
<i>Краснопрошин Д.В.</i> Внешнеполитическая стратегия Алжира в странах Сахеля	23
<i>Лань Пэнхэ.</i> Состояние и развитие высшего образования в Китае и Грузии в рамках инициативы «Один пояс, один путь»	28
<i>Ли Мэн.</i> Китайско-американские отношения в торгово-экономической сфере в 1969-1993 гг.	32
<i>Лузан Д.В., Свилас С.Ф.</i> О методике оценки позиций государств-членов ООН по проблеме модернизации организации	37
<i>Лю Сянцян.</i> Роль туристической дипломатии в отношениях КНР и АСЕАН (1990-е – 2020 гг.)	44
<i>Милинкевич К.А.А.</i> Строительство мечетей в Стамбуле как отражение внутривосточного противостояния в турецком обществе ...	50
<i>Слепцова В.М., Свилас С.Ф. Н. Л. Пушкарёва</i> как методолог гендерного подхода в международных исследованиях	56
<i>Федотов Л.А.</i> Сущность, генезис и эволюция нового международного информационно-коммуникационного порядка	61
<i>Хань Ваньчэнь.</i> Деятельность институтов Конфуция в Украине	66
<i>Хань Юй.</i> Политика обновления отношений КНР со странами Корейского полуострова	72
<i>Хэ Юэцзе.</i> Китайская Народная Республика и Российская Федерация в рамках ШОС: проблемы безопасности (2001–2020 гг.)	76
<i>Цзян Юймэн.</i> Участие Китая в миротворческой операции ООН в Демократической Республике Конго	79
<i>Чжан Юйлин.</i> Пересечение интересов Китая и Индии в Южной Азии	84
<i>Чжан Хунчао.</i> Культурная дипломатия Китайской Народной Республики	90

<i>Шадурский В.В.</i> Оценка белорусской советской элиты в монографии американского исследователя Майкла Урбана	96
<i>Ши Даньдань.</i> Китайский Новый год как эффективный элемент «мягкой силы» в реализации внешней политики КНР	103
<i>Ян Кэ.</i> Исследование перемен в формировании публичной политики Китая	108
<i>Янь Бинлян.</i> Политика США в отношении Южно-Китайского моря в период администрации Б. Обамы (2009-2017 гг.)	112
<i>Ярмошук К.И.</i> Геополитическое положение Южно-Тихоокеанского региона (ЮТР) в условиях пандемии COVID-19	118

СЕКЦИЯ 2

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНОГО ЧАСТНОГО И ИНТЕГРАЦИОННОГО ПРАВА

<i>Залесский Д.А.</i> Проблема приведения в исполнение в Республике Беларусь международных мировых соглашений, заключенных в медиации и согласительном урегулировании	126
<i>Коряченкова Ю.О.</i> Искусственный интеллект: вызовы для права интеллектуальной собственности	132
<i>Пономарева Д.С.</i> Проблемные аспекты правового статуса наднациональных юридических лиц	138
<i>Селюн А.А.</i> Источники правового регулирования признания и приведения в исполнение иностранных судебных актов по делам о трансграничной несостоятельности	144

СЕКЦИЯ 3

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

<i>Е Юйху.</i> The connotation and changes of the Chinese innovation concept	152
<i>Баровик Д.М., Петрашевская А.В.</i> Основные тенденции развития мирового рынка энергетики	155
<i>Ван Нана.</i> Будущие направления цифровизации китайской экономики	161

<i>Вэй Вень.</i> Расширение экспорта высокотехнологичной продукции – политика и последствия Китая	168
<i>Вэй Цзэчжень.</i> Малый и средний бизнес в КНР в контексте реализации инициативы «Один пояс, один путь»	176
<i>Гальцова Д.И., Добромудрова И.А.</i> Эволюция понятия "имидж" и его встраивание в маркетинговую деятельность компании	182
<i>Дубовец И.А.</i> Влияние пандемии COVID-19 на глобальные цепочки добавленной стоимости	188
<i>Жук А.В.</i> К вопросу об интернационализации высшего образования на примере Белорусского государственного университета	193
<i>Журавская К.С.</i> Особенности развития "зелёной" экономики в Евразийском экономическом союзе	198
<i>Зайцева В.Д., Тарарышкина Л.И.</i> Коммерциализация научных публикаций	203
<i>Зеленовский М.А.</i> Роль торговой политики в обеспечении конкурентоспособности национальной экономики: современные подходы	206
<i>Киселевич А.И.</i> Глобальный инновационный индекс – 2020: позиции Беларуси	211
<i>Коу Синьсянь.</i> Особенности современного этапа внешнеторгового сотрудничества США и Китая	215
<i>Кулик А.П., Юрова Н.В.</i> Международный рынок медицинских услуг как локомотив национальных экономик в условиях пандемии	219
<i>Лабурдова В.В., Ботеновская Е.С.</i> Перспективы цифровой трансформации международного бизнеса в 2021 году	224
<i>Лагун Ю.А.</i> Экспортоориентированность как ключевое направление развития внешнеторговой политики государства	230
<i>Лесниченко-Роговская М.В., Петрова М.А.</i> Международный опыт развития мировой фармакологии	234
<i>Лешкевич А.В., Малащенко О.Ф.</i> Венчурные инвестиции в мировой экономике	241
<i>Ли Тунмань.</i> Китайско-белорусское инвестиционное сотрудничество: теоретический аспект и перспективы развития	248
<i>Малащенко О.Ф.</i> Формирование единой инновационной политики государств-членов интеграционных группировок: методологический подход	253
<i>Петрашевская Ю.В.</i> основополагающие индикаторы мирового рынка креативных услуг	260
<i>Прокапович Т.А.</i> Современные тенденции развития глобальных цепочек создания добавленной стоимости	266

<i>Проскурина В.Б., Малашенкова О.Ф.</i> Особенности инновационной политики в Республике Беларусь	273
<i>Петрашевская А.В., Симончик В.С.</i> Энергоэкономические модели мирового рынка возобновляемых источников энергии	280
<i>Скуратович Е.Н.</i> Научная дипломатия в современном мире	285
<i>Су Цян.</i> Развитие ИКТ-сектора КНР и его влияние на национальную экономику	289
<i>Троян Ю.Ю., Малашенкова О.Ф.</i> Тенденции развития венчурного инвестирования в мире на современном этапе	296
<i>Хритonenкова Д.А.</i> Устойчивое развитие государств-членов ЕС: методика оценки и механизм реализации	301
<i>Чжуаньсунь Цяочу.</i> Трудовая миграция из Китая в Казахстан	307
<i>Чугай Я.А.</i> Совершенствование программы повышения лояльности клиентов на рынке интернет-услуг	312
<i>Ши Чжичао.</i> Классификации и критерии выделения отдельных групп торговых войн	319
<i>Ян Чжэну.</i> Современное состояние и перспективы развития торговли Китая со странами БРИКС	324
<i>Ястреб Т.А.</i> Торговые барьеры в сфере транспортных услуг	329

СЕКЦИЯ 4

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ТАМОЖЕННОГО ДЕЛА

<i>Болточко П.И., Раткевич Д.А.</i> Анализ создания и развития механизма «единого окна» в государствах-членах ЕАЭС	337
<i>Матейко М.И.</i> Мировой опыт цифровой трансформации транспортно-логистических процессов	343
<i>Нестерчук Д.А., Тарарышкина Л.И.</i> Аспекты формирования общего финансового рынка ЕАЭС	349
<i>Шиманская А.В.</i> Проблема оценки экономического эффекта при формировании цифрового пространства ЕАЭС	354

СЕКЦИЯ 5

МЕНЕДЖМЕНТ МАССОВЫХ СОБЫТИЙНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ

<i>Барышникова Д.А.</i> Event-площадка в условиях пандемии: вызовы и перспективы (на примере Minsk Marriott Hotel).....	361
<i>Елисеева А.С., Дедок В.М.</i> Анализ ведущих конференц-отелей в Европейском и Американском макрорегионах	365
<i>Загдай А. В.</i> Геймификация как маркетинговый инструмент	371

<i>Коротченко А.Ю., Дедок В.М.</i> Онлайн системы бронирования event-площадок: современное состояние и перспективы развития ...	375
<i>Люй Ида.</i> Роль событийных мероприятий в продвижении образовательных услуг Республиканского института китаеведения имени Конфуция БГУ	380
<i>Серякова М.А.</i> Роль спортивных мероприятий в развитии потенциала местных сообществ	384
<i>Стрекалова Ю. В., Л.В. Фокеева.</i> Анализ целевых потребительских сегментов открытого акционерного общества «Горизонт» (на примере телевизионной техники)	391
<i>Тавстуха В.С.</i> Использование информационных технологий для организации деловых массовых мероприятий гибридного типа	397
<i>Шиманович А. В., Решетникова А.Н.</i> Методические подходы к оценке вклада культурного наследия в формирование и развитие бренда территории	402

СЕКЦИЯ 6

СОВРЕМЕННЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ В ЛИНГВИСТИКЕ, ПЕРЕВОДОВЕДЕНИИ, МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ И МЕТОДИКЕ ПРЕПОДАВАНИЯ ИНО- СТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

<i>Карловская Е.Е., Макаревич И.И.</i> Проблемы при выполнении специального перевода юридических терминов с английского языка на русский	409
<i>Коряченкова Е.О., Макаревич И.И.</i> Анализ практики юридического перевода в сфере права интеллектуальной собственности	412
<i>Круглик А.Д.</i> Модальность как средство реализации стратегии дистанцирования в межличностной коммуникации	417
<i>Праконіна В.У.</i> Сінанімічныя рады ў беларускай эканамічнай тэрміналогіі	421
<i>Solovjeva S. V., Baksheev D. P.</i> Preparation for international language exams as a means of developing intercultural competence	425
<i>Солодовникова Т.В.</i> К вопросу о реконфигурации современного рекламного дискурса (на материалах французской школы дискурс-анализа)	430

СЕКЦИЯ 7
ЛИНГВОСТРАНОВЕДЕНИЕ

<i>Климович В.В.</i> Сравнительный анализ греческого термина <i>хаос</i> (χάος) и китайского термина <i>хуньдунь</i> (混沌 hùndùn)	434
<i>Леценко В.О.</i> Отношение арабов к иранцам на современном этапе (на примере медиапространства)	440
<i>Севрюк К.О.</i> Особенности японской межкультурной коммуникации в деловой сфере на примере ведения переговоров	446

СЕКЦИЯ 1

АКТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ, ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ И КОНСУЛЬСКОЙ ПРАКТИКИ В СОВРЕМЕННЫХ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ

ДЭБАТЫ ПА ВЕНГЕРСКАМУ КРЫЗІСУ 1956 г. У ААН ПАВОДЛЕ ДЗЁННИКАВЫХ ЗАПІСАЎ ПЯТРО ГЛЕБКІ

I. М. Аўласенка

*Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт,
пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь, AvlasenkIM@bsu.by*

Артыкул прысвечаны адлюстраванню дэбатаў па венгерскаму пытанню на 11-й сесіі Генеральнай Асамблеі ААН у дзённікавых запісах паэта Пятро Глебкі. Гэтая крыніца, дапаўняючы афіцыйную дакументацыю Міністэрства замежных спраў БССР, дазваляе апісаць атмасферу дыскусій у ААН, стан амерыкана-савецкіх адносін і асаблівасці ўспрыняцця прафесіі дыпламата ў 1950-я гг. Нягледзячы на ўнутрыпалітычную «адлігу» ў СССР і прыкметы «разрадкі» ў савецка-амерыканскіх адносінах у сярэдзіне 1950-х гг., дзённікі Глебкі сведчаць пра захаванне канфрантацыйнага характару міжнародных дэбатаў па венгерскаму крызісу.

Ключавыя словы: пісьменнік; дыпламатыя; Беларуская ССР; Арганізацыя Аб'яднаных Нацый; Генеральная Асамблея; «халодная вайна»; венгерскае паўстанне 1956 г.

DEBATES ON HUNGARIAN CRISIS OF 1956 AT THE UNITED NATIONS ACCORDING TO THE DIARY RECORDS OF PIATRO HLEBKA

I. M. Aulassenka

Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus

The article is devoted to the reflection of the debates on the Hungarian crisis of 1956 at the 11th session of the UN General Assembly in the diary records of the poet Piatro Hlebka. This source is complementary to the official documentation of the Ministry of Foreign Affairs of the Byelorussian SSR and describes atmosphere of the debates in the United Nations, the state of Soviet-American relations and the self-perception of Belarusian diplomats in the 1950s. Despite the domestic «thaw» in the USSR and signs of «detente» in Soviet-American relations in the mid-1950s, Hlebka's diaries proves continuation of the confrontational nature of the international debate on the Hungarian crisis.

Key words: writer; literature; diplomacy; Byelorussian SSR; Organization of the United Nations; General Assembly; Cold War; Hungarian revolution of 1956.

Многія цікавыя старонкі з гісторыі дыпламатыі Беларускай ССР становяцца вядомымі на аснове новых крыніц, здабытых даследчыкамі.

Адной з такіх адметных старонак з'яўляецца пазіцыя Беларускай ССР у дачыненні да венгерскага крызісу 1956 г. Найбольш падрабязны артыкул на гэтую тэму, заснаваны на дакументах з Архіва Міністэрства замежных спраў, успамінах К.В. Кісялёва, быў апублікаваны С.Ф. Свілас у 2011 г. [4] Разам з тым, маюцца і некаторыя іншыя малавядомыя архіўныя крыніцы, якія раней не былі ўведзеныя ў навуковы зварот і якія ўзбагачаюць гістарычны малюнак для чытача і даследчыка. У гэтым шэрагу варта назваць дзённікавыя запісы паэта Пятра Фёдаравіча Глебкі, які ўваходзіў у склад афіцыйнай дэлегацыі Беларускай ССР на 11-й сесіі Генеральнай Асамблеі ААН у лістападзе 1956 – лютым 1957 г. Гэты дакумент у выглядзе асобнага бланкета захоўваецца ў фондзе № 24 аддзела рэдкіх кніг і рукапісаў Цэнтральнай навуковай бібліятэкі Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі (справа № 904) [2]. Запісы Глебкі, зробленыя падчас назірання за работай Генеральнай Асамблеі ААН і абмеркавання венгерскага пытання, дазваляюць адчуць атмасферу работы міжнароднай арганізацыі, стан амерыкана-савецкіх адносін і ўспрыняцце прафесіі дыпламата ў той час (1950-я гг.).

Восенню 1956 г. антысавецкія настроі ў венгерскім грамадстве прынялі даволі шырокі размах. Выклікана гэта было як незавершанасцю лібералізацыі палітычнай сістэмы краіны, так і адмовай СССР ад планаў вывесці войскі з яе тэрыторыі. У кастрычніку 1956 г. антыўрадавыя і антысавецкія настроі ў венгерскім грамадстве перараслі ў стихійныя выступленні насельніцтва, а ў хуткім часе – у сутыкненні паўстанцаў з венгерскімі органамі дзяржаўнай бяспекі. Баючыся згубіць Венгрыю са сферы свайго ўплыву, кіраўніцтвам СССР было прынятае рашэнне аб сілавым падаўленні паўстання, што адбылося на пачатку лістапада. Гэта стала магчымым дзякуючы і таму, што амерыканскі бок па прычыне чарговых прэзідэнцкіх выбараў устрымаўся ад адкрытай інтэрвенцыі ў падтрымку антысавецкіх палітычных сіл.

Венгерскія падзеі выклікалі вялікі рэзананс ва ўсёй сусветнай супольнасці. 2-я надзвычайная спецыяльная сесія ГА ААН, што праходзіла з 4 па 10 лістапада 1956 г., была прысвечана менавіта гэтаму пытання. Падчас яе работы быў прыняты шэраг рэзалюцый, якія заклікалі СССР спыніць умяшанне ва ўнутраныя справы Венгрыі. Пазней на 11-й звычайнай сесіі 12 снежня 1956 г. Генеральная Асамблея абсалютнай большасцю галасоў прыняла рэзалюцыю 1131 (XI), у якой асудзіла «парушэнне Статута урадам Саюза Савецкіх Сацыялістычных Рэспублік, якое пазбаўляе Венгрыю яе свабоды і незалежнасці, а венгерскі народ – карыстання сваімі асноўнымі правамі», і заклікала савецкі ўрад «прыняць неадкладна меры да вываду з Венгрыі, пад наглядам Арганізацыі Аб'яднаных Нацый, сваіх узброеных сіл і

дазволіць аднаўленне палітычнай незалежнасці Венгрыі» [3, с. 62]. На аналагічныя праекты рэзалюцыі Савета Бяспекі ААН СССР наклаў вета.

Венгерскія падзеі прывялі да росту антысавецкіх настрояў у краінах Еўропы і ЗША. У раней апублікаваным даследаванні прыводзяцца наступныя выпадкі, якія змяшчаліся ў справаздачах беларускіх дыпламатаў: пікетаванне савецкага прадстаўніцтва ў Нью-Ёрке, адмова докераў грузіць і разгружаць багаж савецкіх дыпламатаў, а магазінаў – пастаўляць прадукты прадстаўнічай сталовай. Падчас прыёму, які даваў 7 лістапада 1956 г. пасол СССР у Вашынгтоне, насупраць савецкага пасольства быў запалены вялікі крыж, што асвятліў надпіс наступнага зместу: «Вечная памяць венгерскім рабочым, якія памерлі за свабоду». На даху аднаго з бліжэйшых да будынку ААН дамоў віселі сцягі Літвы, Латвіі, Эстоніі, Польшчы, Чэхаславакіі, Румыніі, Венгрыі, Албаніі, Балгарыі і вялікі плакат з надпісам «Мы патрабуем свабоды для гэтых краін і правядзення ў іх свабодных выбараў» [4, с. 64].

3-за дзвюх надзвычайных спецыяльных сесій Генеральнай Асамблеі ААН, прысвечаных егіпецкаму і венгерскаму пытанням, 11-я сесія Генеральнай Асамблеі ААН пачалася са спазненнем – 12 лістапада 1956 г. (а не ў трэці аўторак верасня, як звычайна). П.Ф. Глебкі разам з іншымі членамі беларускай дэлегацыі накіраваўся ў Нью-Ёрк самалётам з Масквы, з перасадкай у Швецыі. Паэт у запіснай кніжцы адзначаў, што дэлегатаў папярэдзілі пра магчымасць правакацый: «У Стакгольме праседзелі ў аэрапорце каля 8 гадзін. Нас нават не выпусцілі на двор з аэравакзала. Прадстаўнікі нашага пасольства ў Стакгольме кажуць, што шмат настроеных супраць савецкіх людзей у сувязі з венгерскімі падзеямі. На вакзале скарбонкі для збору грошай у фонд дапамогі венгерскім “паўстанцам”. У адной з іх даволі салідная куча грошай» [2, арк. 113–114].

Сітуацыя ў Венгрыі значна павысіла градус накала абмеркаванняў на сесіі ГА ААН. Гэта прасочваецца і па запісах П.Ф. Глебкі, у якіх падрабязна і эмацыянальна занатаваныя асобныя спрэчкі, што разгарнуліся пры абмеркаванні праекта рэзалюцыі па гэтым пытанні 4 снежня 1956 г. У прыватнасці, прадстаўнік Злучаных Штатаў назваў падзеі ў Венгрыі «крывавай трагедыяй», «горшым паказчыкам рэжымаў рускага царызма, Леніна, Сталіна, Хрушчова» [2, арк. 101]. Намеснік міністра замежных спраў СССР В.В. Кузняцоў у адказ выказаў «пратэст супраць абразлівых выразаў амерыканца супраць дзеячаў Савецкага Саюза» [2, арк. 102]. Накал дыскусій быў настолькі вялікі, што П.Ф. Глебкі ў сваіх запісах адзначаў, як нерваваўся савецкі прадстаўнік: «...хвалюецца, голас перасякаецца, ён раз, другі раз п’е ваду, горла

перасохла, пяршыць. Патроху голас мацнее, перамагае прамойца хваляванне. Амерыканцы хвалююцца, перашэптваюцца, кудысьці часта выходзяць» [2, арк. 100]. Паводле сведчання паэта, часам выступленне савецкага прадстаўніка перарывалася гучнымі крыкамі незадаволеных членаў іншых дэлегацый: «Слова СССР (у публіцы – о-о-о! (шум, выкрыкі))» [2, арк. 118]. Праз некалькі дзён Глебка стаў сведкам чарговых спрэчак на сесіі Генеральнай Асамблеі. «Ізноў пачалося наступленне чорных сіл на Венгрыю. Усё тыя ж знаёмыя твары: перуанец (Белаундэ), італьянец і інш. Аднак у выступленнях заўважаецца новы манеўр, новы ход: і перуанец, і італьянец вельмі ўжо “хварэюць” за маральны ўрон, нанесены СССР дзеяннямі савецкіх войск у Венгрыі. Але, плачучы, яны ўгаварваюць асамблею, што быццам бы Савецкаму Саюзу нельга верыць і ў справе раззбраення... Вось, аказваецца, куды цэляць “перуанцы”! Вядзецца падтрымка пазіцыі, з якой, напэўна, будуць адмаўляць савецкія прапановы аб раззбраенні» [2, арк. 115]. Не раз з боку замежных дыпламатаў гучалі прапановы прыпыніць членства Венгрыі і нават Савецкага Саюза ў ААН.

Прадстаўнікі дэлегацыі Беларускай ССР адчувалі сябе ў такой атмасферы вельмі няёмка. П.Ф. Глебка таксама балюча ўспрымаў адкрытую антысавецкую крытыку з боку дэлегатаў іншых краін. Вось як ён апісваў выступленне прадстаўніка франкісцкай Іспаніі ў сваім блакноце: «І пайшлі паклёпы і бруд, што быццам бы венгерскі прадстаўнік – рускі чыноўнік і інш. Прапанаваў прыняць рэзалюцыю, і ізноў пачаў паклёпы, аж лопаючыся (нават амерыканцы сядзелі і ўсміхаліся, а другія – крывіліся, трэція – апусцілі ўдол вочы)» [2, арк. 98–99]. Некаторыя прыватныя ацэнкі выступленняў замежных дэлегатаў, адлюстраваныя ў запісах паэта, таксама насілі рэзкі характар. Паказальна, што калі чарга выступаць дайшла да дзяржаўнага сакратара ЗША Джона Фостэра Далеса, то Пятро Глебка нават не стаў занатоўваць асноўныя тэзісы яго прамовы, а проста запісаў: «Сабака!!!» [2, арк. 88].

Незадавальненне беларускай савецкай дэлегацыі (і П.Ф. Глебкі ў прыватнасці) выклікала пазіцыя па венгерскім і егіпецкім пытаннях Генеральнага сакратара ААН Дага Яльмара Хамаршэльда. Вяртаючыся пасля аднаго з начных пасяджэнняў Генеральнай Асамблеі, Глебка склаў наступную эпіграму на шведскага дыпламата:

Я доўга вырашыць не мог –
Ні то ён Даг, ні то ён дог,
А глянуў, як ён службу нёс,
І тут жа ўпэўніўся, што пёс [2, арк. 120].

Вострыя эпітэты і эпіграмы, якія маюцца ў архіўных дакументах паэта, тлумачацца атмасферай «халоднай вайны», якая не знікла нават з пачаткам «адлігі» ва ўнутрыпалітычным жыцці СССР і першымі прыкметамі «разрадкі» ў савецка-амерыканскіх адносінах у сярэдзіне 1950-х гг. Масштабная канфрантацыя ў палітычнай, эканамічнай, ваеннай і ідэалагічнай сферы паміж Злучанымі Штатамі і Савецкім Саюзам пасля заканчэння Другой сусветнай вайны, наклала адбітак на ўспрыняцце самой прафесіі дыпламата. Як у дароўным надпісе, што паэт пакінуў на зборніку сваіх вершаў міністру замежных спраў БССР К.В. Кісялёву [1, с. 268–269, 311], так і ў апублікаваным пазней вершы «Дыпламаты» Глебка параўноўвае дыпламатычную службу з ваеннай, спадабляе працу дыпламата місіі салдата, «што верна бароніць Радзіму сваю»:

А наш дыпламат – гэта той же салдат...

А можа быць – больш, – палкаводзец.

І добрых надзей на яго у нас шмат.

У нас – гэта значыць ў народзе.

<...>

Але ў яго сэрца з вялікіх трывог

Заходзіцца часта, грукоча заўзята.

І недзе на нейкай з сусветных дарог

Яно разарвецца, як тая граната.

Хвала табе, сэрца, што ноччу і днём

Ты б'ешся за долю народа няспынна

І вечна жывым, неўміручым агнём

Бароніш ад ворагаў шчасце краіны [1, с. 269].

Такое параўнанне ўзнікла невыпадкова: яшчэ свежымі ў памяці былі баі на франтах Вялікай Айчыннай вайны, а пачатак канфрантацыі са Злучанымі Штатамі адзначаўся ўкараненнем ваеннай рыторыкі ў афіцыйны дыскурс улады, у тым ліку канцэпцыі супрацьстання «двух лагераў». Гэта сведчыць пра тое, што працягвала дамінаваць прадстаўленне пра дыпламатычную працу, што сфарміравалася яшчэ на пачатку «халоднай вайны», у сталінскі перыяд кіравання. Менавіта таму дыпламат таксама ўспрымаўся як воін, які адстойваў гонар дзяржавы, толькі іншымі метадамі і сродкамі.

Такім чынам, дзённікавыя запісы П.Ф. Глебкі паказваюць, што венгерскі крызіс 1956 г. стаў сур'ёзным выпрабаваннем для савецкай дэлегацыі ў ААН, якая вымушана была вытрымаць істотны напор крытыкі з боку міжнароднай супольнасці. Занатаваныя думкі паэта

сведчаць пра тое, што такая крытыка членамі беларускай дэлегацыі ўспрымалася з абурэннем, як несправядлівая. Дзённікавыя запісы Пятро Глебкі, прысвечаныя і венгерскаму крызісу, і іншым падзеям 1955–1957 гг. служаць доказам таго, што, нягледзячы на ўнутрыпалітычную «адлігу» ў СССР і першыя крокі па зніжэнні напружанасці, градус канфрантацыі ў амерыкана-савецкіх адносінах працягваў заставацца высокім.

БІБЛІАГРАФІЧНЫЯ СПАСЫЛКІ

1. Глебка, П.Ф. Збор твораў: у 2 т. Мінск : Дзяржаўнае выдавецтва БССР, Рэдакцыя мастацкай літаратуры, 1958. Т. 1. Вершы. 497, [1] с., [1] л. партр.
2. Записные книжки Петра Глебки с записями, сделанными во время поездки на сессию Генеральной Ассамблеи ООН (записи дневникового характера, заметки, стихотворения и др.). 1956–1957 гг. // ЦНБ НАН Беларусі, аддзел рэдкіх кніг і рукапісаў. Ф. 24. Воп. 1. Спр. 904.
3. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 1131 (XI) «Положение в Венгрии» (принята 12 декабря 1956 года) [Электронны рэсурс] // Организация Объединённых Наций: [сайт]. [2020] URL : <https://undocs.org/ru/A/RES/1283%28XIII%29>. (дата звароту: 28.11.2020).
4. Свилас С.Ф. «Венгерский октябрь» 1956 г. и дипломатия Белорусской ССР // Журнал международного права и международных отношений. 2011. № 1.

КНР – РФ: ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ В РАМКАХ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В 2013-2019 гг.

Ван Фа

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 2200030, г. Минск, Беларусь, 1394903742@qq.com*

В статье описываются цели и общие приоритеты участия Китайской Народной Республики и Российской Федерации в таких организациях, как ООН и ШОС. Автор обосновывается то, что китайско-российские отношения в рамках деятельности международных организаций представляют собой «стратегическое партнерство», то есть две страны рассматривают себя как партнеров по стратегическим вопросам, связанным с глобальным управлением, структурой мировой геополитики и безопасности. Многие из них имеют важное политическое значение для обеих стран, определяющее векторы их внешней политики. В частности, в Совете Безопасности ООН КНР и РФ проводят совместную политику, направленную на отстаивание своих национальных интересов, что объясняется совместным использованием права вето в 2013-2019 гг. по резолюциям в отношении Сирии, Ирана, Украины и Венесуэлы. В рамках взаимодействия в ШОС усилия обеих стран направлены на необходимость

реформирования основ деятельности ООН и ВТО совместно с МВФ, а также обеспечения глобальной безопасности и стабильности.

Ключевые слова: международные организации; Китайская Народная Республика; Российская Федерация; ООН; ШОС.

CHINA – RUSSIA COOPERATION IN THE FRAMEWORK OF INTERNATIONAL ORGANIZATIONS IN 2013-2019

Wang Fa

Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus

The article describes the goals and general priorities of the participation of the People's Republic of China and the Russian Federation in such organizations as the UN and SCO. The author proves that the Sino-Russian relations within the framework of the activities of international organizations represent a "strategic partnership", that is, the two countries consider themselves as partners on strategic issues related to global governance, the structure of world geopolitics and security. Many of them have important political significance for both countries, which determines the vectors of their foreign policy. In particular, in the UN Security Council, the PRC and the Russian Federation pursue a joint policy aimed at defending their national interests, which is explained by the joint use of the right of veto in 2013-2019 on resolutions concerning Syria, Iran, Ukraine and Venezuela. Within the framework of cooperation in the SCO, the efforts of both countries are aimed at the need to reform the foundations of the UN and the WTO together with the IMF, as well as to ensure global security and stability.

Keywords: international organizations; People's Republic of China; Russian Federation; UN; SCO.

Китайская Народная Республика и Российская Федерация в новейшей истории становятся все более мощными геополитическими игроками в мире. В последние годы стратегическое партнерство между КНР и РФ в рамках международных организаций характеризуется беспрецедентным подъемом, который происходит на всех уровнях двустороннего взаимодействия. Отношения двух ядерных держав, постоянных членов Совета Безопасности ООН и ведущих государств Азиатско-Тихоокеанского региона являются объектом пристального наблюдения, что позволяет говорить об их огромном значении в современном мире.

Стратегическое партнерство КНР и РФ имеет долгосрочный исторический период, что подчеркивает перспективность российско-китайских отношений и серьезность намерений лидеров двух стран, отраженных в двусторонних и многосторонних договорах и соглашениях. Как отмечает российский исследователь С.Н. Сафарова, две страны со-

ставляют крепкий политический союз, в котором КНР и Россия дополняют друг друга. Эти тенденции прослеживаются и в участии обеих стран в международных организациях. Например: ООН, ШОС, БРИКС. Страны придерживаются похожей политической линии и часто голосуют за одни и те же решения [2, с. 252].

КНР и РФ за 2013–2019 гг. усилили свою координацию на международных площадках, что было замечено еще в начале июля 2014 г. в ООН во время их противостояния расширению трансграничной помощи Сирии. С целью противодействия июньской инициативе США вновь ввести эмбарго на поставки оружия Ирану после разрыва ядерной сделки 2015 г. КНР и РФ наложили вето на резолюцию Совета Безопасности ООН. Это стало еще одним проявлением согласованных действий Китая и России. В ходе встречи министров иностранных дел КНР и РФ 11 сентября 2015 г. был затронут ряд международных вопросов. Обе страны подтвердили «близость своих взглядов на важные для них решения» и подчеркнули, что «деструктивный характер действий Вашингтона подрывает глобальную стратегическую стабильность» [6]. В целом встреча еще раз подтвердила общность взглядов КНР и РФ как в многостороннем, так и в двустороннем измерениях.

За 2013–2019 гг. КНР и РФ накладывали вето на четыре проекта резолюций по Сирии, Иране, Украине и Венесуэле. Анализируя такую тенденцию, можно говорить о том, что Китай и Россия проводят совместную политику в деятельности Совета Безопасности ООН. Это объясняется тем, что в новейшей истории в результате появления на глобальном и региональных уровнях новых вызовов и угроз КНР и РФ стремились найти более тесные пути сотрудничества для решения общих проблем, связанных с обеспечением реализации национальных интересов (необходимости справедливого мироустройства, региональной и глобальной безопасности, усилении роли ООН в регулировании отношений между государствами и т. д.) [1, с.169].

В качестве сигнала признания и уважения основных интересов КНР РФ оказала Китаю поддержку в отношении Гонконга, который оказался в центре внимания мировой общественности после принятия в июне 2019 г. Закона о национальной безопасности. В очень ответственный для Китая момент, когда он получил широкую критику со стороны всех других крупных держав, Россия прямо подчеркнула, что «ситуация в Гонконге является чисто внутренним делом Китая», тем самым отбив все спекуляции на юридическом статусе города [7]. Более того, в условиях последних событий на мировой арене (ситуация на Корейском полуострове, украинский кризис и санкции против РФ), сотрудничество с КНР открывает

возможности для альтернативного развития РФ как политического актора (в рамках двустороннего сотрудничества БРИКС и ШОС).

Наиболее наглядным примером сближения китайско-российской политики стало создание ШОС, выросшей из диалогов «Шанхайской пятерки» по обеспечению мирного регионального развития и урегулированию оставшихся с советских времен пограничных споров. Членство в ШОС было расширено еще больше благодаря бывшим государствам-наблюдателям ШОС Индии и Китая по соглашению 2016 года.

ШОС выступает в какой-то мере дополнительной площадкой стратегического взаимодействия КНР и РФ. Обе страны сформировали собственную стратегическую концептуальную базу, в которой нашли отражение не только фундаментальные национальные интересы Китая и России, но и новые вызовы и возможности в регионе. Сравнение стратегических концепций КНР в отношении РФ в рамках взаимодействия двух стран в ШОС представляется очевидным.

Во-первых, у обеих стран есть общая цель – обеспечение территориальной целостности, содействие экономическому росту в относительно слабо развитых регионах, сдерживание проникновения западных стран-гегемонов в регион, противодействие терроризму, сепаратизму и экстремизму в Центральной Азии, установление экономических отношений и добрососедства со странами Центральной Азии, укрепление позиций двух стран в Центральной Азии.

9-10 июня 2018 г. в международном конгресс-центре китайского города Циндао состоялся саммит ШОС (Провинция Шаньдун). По итогам переговоров лидеры КНР и РФ приняли совместное заявление, согласно которому «в условиях растущей нестабильности и неопределенности в мире стороны продолжают углублять консультации по вопросам стратегической безопасности, поддерживать интенсивный диалог между внешнеполитическими ведомствами, наращивать двустороннюю координацию на специализированных международных площадках. КНР и РФ намерены и далее наращивать стратегические контакты и координацию между Вооруженными Силами двух стран, совершенствовать существующие механизмы военного сотрудничества, расширять взаимодействие в области практического военного и военно-технического сотрудничества, совместно противостоять вызовам глобальной и региональной безопасности»[5].

Во-вторых, обе страны единодушно воспринимают ШОС как одну из важных площадок для реализации регионального управления в Центральной Азии. Среди приоритетов этой дипломатической платформы – совместная борьба с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом, предотвращение внутренней нестабильности в виде цветных революций,

сдерживание негативного вмешательства западных стран во внутренние дела государств Центральной Азии и др.

Согласно данным, приведенным в выступлении секретаря ШОС Рашида Алимова на конференции по российско-китайским отношениям в международных вопросах 31 мая 2016 г., в рамках поставленных ШОС задач, были ликвидированы 150 террористических организаций; более тысячи членов международных террористических организаций были арестованы; около 200 человек были привлечены к уголовной ответственности за незаконное хранение более чем 2000 единиц оружия и взрывных устройств и 160 000 боеприпасов. Кроме того, в список террористических организаций дополнительно были включены 12 организаций с численностью более 200 человек [3].

В-третьих, КНР и РФ ссылаются на ШОС как региональную межправительственную организацию, являющуюся оплотом демократизации и многополярности международных отношений. В этой связи, очевидно, что Китай и Россия не склоняются к расширению состава стран-членов ШОС в ближайшее время. Однако это не означает, что ШОС является закрытым институтом. Напротив, взаимодействие КНР и РФ способствует повышению открытости и прозрачности работы ШОС и налаживанию новых форм сотрудничества под названием «партнерство для диалога» для эффективного развития контактов с другими странами или организациями в соответствующих областях.

В-четвертых, долгосрочное военное присутствие США и НАТО оказывает негативное влияние на региональную стабильность в Центральной Азии. Поэтому КНР и РФ используют ШОС как новую региональную объединенную силу для сдерживания распространения влияния США и НАТО в регионе. Несмотря на то, что у КНР и РФ разные подходы к этому, обе страны не допускают участие США в ШОС, но в то же время не позволяют ШОС стать антиамериканской военно-политической коалицией [4].

Анализируя современные условия, можно прийти к выводу, что пока лидеры КНР и РФ дружелюбно относятся друг к другу, объективно оценивают стратегическое значение сотрудничества в ООН и ШОС и следуют подписанным договоренностям, российско-китайское партнерство будет углубляться, невзирая на сложную геополитическую обстановку. Это мнение обосновывается несколькими причинами:

- 1) РФ и КНР выступают против империалистических идеалов США;
- 2) обе страны выступают за многополярный мир и пропагандируют политику невмешательства во внутренние дела других стран, чем становятся ближе друг к другу и концептуально далекими к западным странам и их союзникам;

3) лидеры КНР и РФ понимают, что в сформированном двустороннем взаимодействии есть возможности развивать слабые стороны своих государств через активное сотрудничество друг с другом.

Кроме того, последние несколько лет показывают, что значительная часть населения Китая с большой теплотой относится к России. Это связано, прежде всего, с внешней политикой США, где РФ выступает как антитеза западным ценностям и сторонник идей, разделяемых КНР. В этом контексте следует отметить, что «стратегическое партнерство» в рамках международных организаций, которое часто путают с союзническими отношениями или альянсом, не предусматривает полной эквивалентности позиций и мнений, напротив, по некоторым вопросам они могут быть диаметрально противоположными.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Бураменская В. А. Компетенция и функции России и Китая в Совете безопасности ООН // Молодой ученый. 2020. № 39 (329). С. 168-170.
2. Сафарова С. Н. Сотрудничество России и Китая в международных организациях // Молодой ученый. 2019. № 18 (256). С. 252-253.
3. Comment by the Ministry on SCO Secretary-General Rashid Alimov's statement on South China Sea issue," The Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, 2016, [Electronic resource]. Mode of access: http://www.mid.ru/en/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2292783. Date of access: 24.01.2020.
4. Dennis J. S. "Central Asia: Managing the Delicate Balance between the "Discourse of Danger", the "Great Game," and Regional Problem Solving," Communist and PostCommunist Studies, 2007, p. 40.
5. Liang Yu. Xi, Putin agree to promote greater development of ChinaRussia ties at high level," Xinhua net, 2018, [Electronic resource]. Mode of access: http://www.xinhuanet.com/english/2018-06/08/c_137240624.htm. Date of access: 24.01.2020.
6. Russia, China build case at U.N. to protect Iran from U.S. sanctions threat [Electronic resource]. Mode of access: <https://www.reuters.com/article/us-usa-iran-russia-china/russia-china-build-case-at-un-to-protect-iran-from-us-sanctions-threat-idUSKBN23G2YR>. Date of access: 19.01.2020.
7. Russia defends China's law on Hong Kong [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.aa.com.tr/en/politics/russia-defends-chinas-law-on-hong-kong/1897612>. Date of access: 21.01.2020.

ОЦЕНКА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КОНТАКТНЫХ ПОСОЛЬСТВ НАТО В БЕЛАРУСИ НА ПРИМЕРЕ ЕЖЕГОДНЫХ МЕЖДУНАРОДНЫХ СЕМИНАРОВ

О. С. Журавская

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости 4, 220030, г. Минск, zhuravskayavolha@mail.ru*

В статье рассматривается деятельность контактных посольств НАТО в Республике Беларусь в 2000-2010-х гг. В качестве объекта исследования выступают международные семинары, проводимые ежегодно в декабре при поддержке Департамента общественной дипломатии НАТО и общественного объединения «Центр изучения внешней политики и безопасности», а также круглые столы, проводимые посольствами стран-членов ЕС и НАТО. Цель данной статьи – оценка уровня участия сторон в данных мероприятиях и их результативности в контексте взаимодействия Беларуси с НАТО по выстраиванию общеевропейской архитектуры безопасности. Новизна статьи заключается в выявлении инструмента реализации программы «Партнерство ради мира» и влияния внешнеполитических интересов и приоритетов государства на отношения с НАТО. Данная проблематика недостаточно изучена в белорусской историографии. Следует отметить высокую научную и практическую значимость и актуальность изучения данного вопроса. Практическая значимость исследования заключается в том, что оно позволяет выявить особенности формирования отношений Республики Беларусь с НАТО и оценить их важность.

Ключевые слова: Республика Беларусь; НАТО; Партнерство ради мира; контактное посольство; международный семинар по безопасности.

EVALUATION OF NATO CONTACT EMBASSIES ACTIVITY IN BELARUS ON THE BASIS OF ANNUAL INTERNATIONAL SEMINARS

O. S. Zhuravskaya

Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus

The article examines the activities of the NATO contact embassies in the Republic of Belarus in the 2000-2010s. The object of the research is the international seminars held annually in December with the support of the NATO Public Diplomacy Department and the Public Association "Center for Foreign Policy and Security Studies", as well as round tables held by the embassies of the EU and NATO member states. The purpose of this article is to assess the level of participation of the parties in these events and their effectiveness in the context of Belarus's interaction with NATO in building a common European security architecture. The novelty of the article is to identify the degree of interconnection between the countries of Eastern Europe and the influence of foreign policy interests and priorities of the states on relations with NATO. This problem is not sufficiently studied in Belarusian historiography. It should be noted the high scientific and practical significance

and relevance of the study of this issue. The practical significance of the study is that it allows us to identify the features of the formation of relations between the Republic of Belarus and NATO and assess their importance.

Key words: Republic of Belarus; NATO; Partnership for Peace; contact embassy; international seminar.

Сотрудничество Организации Североатлантического договора (НАТО) со странами, не входящими в Альянс, организовано в рамках ряда многосторонних программ, в том числе через Совет евроатлантического партнерства, Партнерство ради мира, Стамбульскую инициативу сотрудничества, Средиземноморский диалог. С 2008 г. также существует группа «партнеров по всему миру» или глобальных партнеров (*partners across the globe*). НАТО налаживает отношения и поддерживает контакты посредством функционирования в странах-партнерах контактных пунктов НАТО (*contact point embassy*) на базе посольства страны-участницы НАТО.

После присоединения к Партнерству ради мира в 1995 г. и разработки совместных программных документов в Республике Беларусь активно действуют посольства стран-членов НАТО, выполняя функцию контактных информационных пунктов. В основном эту особую роль играют посольства стран-участниц ЕС (так как их членство и в НАТО совпадает). В 2000-2010-е гг. эту ответственную миссию выполняли следующие посольства: Республики Польша (2002–2003), Турции (2004 г.), Литвы (2004–2010), Франции (2011–2013), Эстонии (2013–2014 и 2017–2018), Латвии (2015–2016), ФРГ (2019–2020). Смена происходит в январе в торжественной обстановке передачи полномочий и подведения итогов очередного двухгодичного периода деятельности. Только Литовская Республика три срока подряд осуществляла эти представительские функции, реализуя одно из направлений внешней политики по укреплению влияния в регионе после вступления в ЕС и НАТО. Стоит отметить, что наиболее плодотворным и эффективным было сотрудничество в период литовского покровительства.

В целом сотрудничество с контактным посольством НАТО под руководством Литовской Республики можно охарактеризовать как наиболее активное, конструктивное и целенаправленное. На регулярной основе проводились круглые столы по актуальным для евроатлантического региона вопросам. Например, в 2005 г. прошла встреча в посольстве Литвы в Республике Беларусь на тему «Современные подходы к миротворчеству» [12], в 2006 г. там же был организован круглый стол, посвященный вопросам охраны окружающей среды [13], а в 2007 г. – развитию евроатлантических ценностей в регионе Восточной Европы [14]. Среди участников были и дипломаты (представители НАТО, МИД Литвы, Беларуси), военные, журналисты (В. Поздняк,

А. Алесин), представители ученого сообщества как Беларуси (В. Шадурский, А. Розанов, А. Володькин), так России и Украины (И. Гац).

Позже при участии общественного объединения «Центр изучения внешней политики и безопасности» и факультета международных отношений БГУ при поддержке Департамента общественной дипломатии НАТО ежегодно проводились международные семинары по натовской тематике (с 2009 г. по настоящее время) [1–11]. В них активное участие принимал профессорско-преподавательский состав кафедры международных отношений, а именно эксперты по вопросам международной, региональной безопасности и деятельности НАТО (доктора наук, профессора А. Розанов, А. Байчоров, В. Шадурский, А. Русакович, А. Шарапо, А. Челядинский, кандидат исторических наук, доцент О. Бычковская), по вопросам евразийской безопасности и отношений НАТО со странами постсоветского пространства (кандидаты исторических наук, доценты А. Тихомиров, Р. Турарбекова, А. Володькин), специалисты-консультанты профильных министерств (МИД, Министерства обороны, МЧС), представители фабрик мысли (А. Сивицкий, Д. Мельянцов) и иных независимых платформ (В. Поздняк, А. Федоров) [1–11].

Также совершались выезды групп экспертов, журналистов, преподавателей и студентов БГУ в штаб-квартиру НАТО с целью ознакомления со структурой, деятельностью организации (например, в 2006 г., 2007 г., 2009 г.)

Оценка деятельности контактных посольств и перспектив со стороны представителей ЕС и НАТО, членов дипломатических миссий в основном положительная. Прежде всего, в обязанности контактного посольства входит также обмен информацией между НАТО и страной пребывания: освещение деятельности Североатлантического альянса, объяснение его целей и задач и регулярное представление в НАТО обзора текущих событий, характеризующих происходящее в сфере политики безопасности в стране пребывания. Также происходит укрепление сотрудничества Беларуси с НАТО посредством продолжения многих форм деятельности контактного посольства: участие в международных семинарах, круглых столах с участием представителей от НАТО, развитие контактов в Беларуси.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Европейская безопасность и НАТО в XXI веке (Минск, 27-28 июня 2002 г.) : материалы междунар. семинара / редкол. А.А.Розанов, В.Г. Шадурский и др. Минск : Тесей, 2003. 96 с.
2. НАТО: вызовы настоящего и будущего (Минск, 10 дек. 2009 г.) : материалы междунар. семинара / редкол.: А.В. Русакович [отв. ред и др.]. Минск: Тесей, 2010. 100 с.

3. Международная безопасность и НАТО в новых условиях (Минск, 15-16 дек. 2011 года) : материалы междунар. семинара / редкол.: А.В. Русакович [отв. ред и др.]. Минск : Мэджик, 2012. 128 с.
4. Международная безопасность и НАТО в меняющемся мире : (Минск, 13-14 дек. 2012 г.) : материалы междунар. семинара / под ред. А. А. Розанова, А. В. Русаковича. Минск : РИВШ, 2013. 128 с.
5. Международная безопасность и НАТО в современном мире (Минск, 5-6 дек. 2013 г.) : материалы междунар. семинара / под ред. А. А. Розанова, А. В. Русаковича. Минск : РИВШ, 2014. 116 с.
6. Международная безопасность и НАТО в 2014 г. (Минск, 4–5 дек. 2014 г.) : материалы междунар. семинара / под ред. А. А. Розанова, А. В. Русаковича. Минск : РИВШ, 2015. 94 с.
7. Международная безопасность и НАТО в 2015 г. (Минск, 8 дек. 2015 г.) : материалы междунар. семинара / под ред. А. А. Розанова, А. В. Русаковича. Минск : РИВШ, 2016. 100 с.
8. Международная безопасность и НАТО в 2016 г. (Минск, 15 дек. 2016 г.) : материалы междунар. семинара / под ред. А. А. Розанова, А. В. Русаковича. Минск : РИВШ, 2017. 86 с.
9. Международная безопасность и НАТО в 2017 г. (Минск, 15 дек. 2017 г.) : материалы междунар. семинара / под ред. А. А. Розанова, А. В. Русаковича. Минск : РИВШ, 2018. 80 с.
10. Проблемы евразийской интеграции и международной безопасности в 2018 г. (Минск, 2018 г.) : материалы междунар. семинаров / под ред. А. В. Русаковича . Минск : РИВШ, 2019. 128 с.
11. Международная безопасность и НАТО в 2019 г. (Минск, 12 дек. 2019 г.) : материалы междунар. семинара / под ред. А. В. Русаковича. Минск : РИВШ, 2020. 40 с.
12. Современные подходы к миротворчеству (Минск, 10 нояб. 2005 г.) : материалы «круглого» стола. Минск, 2007. 64 с.
13. Охрана окружающей среды и международная безопасность (Минск, 11 дек. 2006 г.) : материалы «круглого» стола. Минск, 2007. 96 с.
14. Развитие евро-атлантических ценностей в регионе Восточной Европы и международная безопасность (Минск, 13 дек. 2007 г.) : материалы «круглого» стола. Минск, 2008. 100 с.

ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКАЯ СТРАТЕГИЯ АЛЖИРА В СТРАНАХ САХЕЛЯ

Д. В. Краснопрошин

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 2200030, г. Минск, Беларусь, vtx26@live.ru*

В статье исследуются алжирский внешнеполитический подход к Сахелю, а также рассматриваются стратегии, имплементируемые правительством Алжира для противодействия всем факторам, угрожающим национальной безопасности АНДР.

Алжир долгое время выступал гарантом стабильности в регионе Сахель-Сахара. Неэффективное управление, политическая нестабильность и шаткая безопасность стали общими чертами государств изучаемого региона. Большие запасы полезных ископаемых Сахеля способствовали иностранному вмешательству и усилению соперничества между мировыми экономическими державами в регионе. Как и любая крупная региональная держава, Алжир имеет свои интересы в регионе Сахель-Сахара в силу географической близости и исторических связей.

Ключевые слова: Алжир; Сахель-Сахара; дипломатия; безопасность; политический кризис.

ALGERIA'S FOREIGN POLICY STRATEGY IN THE COUNTRIES OF SAHEL

D. Krasnoproshin

Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus

The article examines the Algerian foreign policy approach to the Sahel, as well as the strategies implemented by the Algerian government to counter all factors that create the national security of the People's Democratic Republic of Algeria. Algeria has long been the guarantor of stability in the Sahel-Sahara. Ineffective governance, political instability and precarious security have become common features of the states of the studied region. The Sahel's large mineral resources have fueled foreign intervention and increased rivalry among the world's economic powers in the region. Like any major regional power, Algeria has its own interests in the Sahel-Sahara region due to geographic proximity and historical ties.

Keywords: Algeria; Sahel-Sahara; diplomacy; security; political crisis.

Регион Сахеля является одним из самых важных и в то же время сложных регион Африки с точки зрения безопасности. На протяжении последних десятилетий алжирское руководство обеспокоено тем, что страны рассматриваемого региона могут стать основным форпостом для террористических группировок. Сложившаяся в регионе ситуация вынуждает Алжир принимать во внимание происходящие у южных соседей события. Основной причиной нестабильности являются внутренние политические и экономические кризисы. Более того, возможен «эффект домино», когда вслед за падением одного государства дестабилизируются и все близлежащие страны. Основными проблемами для восстановления безопасности в регионе выступают организованная преступность, террористическая активность, контрабанда, торговля оружием и людьми, наркотрафик и отсутствие экономического благополучия у большей части населения. Ситуацию также усугубляет ливийский внутривнутриполитический кризис, послуживший катализатором роста дестабилизации в странах Магриба, Западного Сахеля, Мали, Нигера и Нигерии. Активный поток ору-

жия, боеприпасов и боевиков на север Мали спровоцировало там восстание туарегов, что вынудило малийские службы безопасности принимать контрмеры. Это спровоцировало вооруженную борьбу между исламистами и малийскими военными за автономию на севере Мали.

Для Алжира, как крупного регионального игрока, эти проблемы являются серьезным вызовом. Интерес АНДР к Сахелю не случаен, ведь связи между ней и регионом к югу от Сахары являются давними и многогранными.

Регион Сахеля охватывает территорию, простирающуюся от Красного моря до Атлантического океана, включая части Эритреи, Судана, Чада, Нигерии, Буркина-Фасо, Мавритании и Сенегала.

Туареги, проживающие в Мали, Нигере и Буркина-Фасо - потомки берберских народов центрального Магриба [1]. Они традиционно ведут кочевой образ жизни и переселяются в западную часть Сахельского пояса. Более того, по сей день сохраняются связи между этими народами и туарегами, проживающими на юге Алжира и Ливии. Другие племена, населяющие Сахель, такие как народ тубу также тесно связаны с арабскими племенами Магриба. Все туареги – сунниты-маликиты, а их религиозные обряды дополнены в соответствии с обычаями местных религиозных братств [2].

В силу вышесказанного, внешнеполитическая стратегия АНДР касательно Сахеля строится на трех принципах, а именно:

1) поддержание территориальной целостности государств:

Например, сепаратистские движения туарегов в Нигере и Мали, воспринимаются правительством Алжира не только как нарушение принципа нерушимости границ, но и как риск национальной фрагментации, которая может привести к межэтническим и религиозным конфликтам, а также дестабилизировать ситуацию в Магрибе и Сахеле.

2) Противодействие терроризму:

Основываясь на собственном опыте борьбы с терроризмом, Алжир выработал принцип недопущения переговоров с террористическими группами в случаях захвата заложников, когда за их освобождение требуется выкуп или обмен пленными.

На международном уровне в октябре 2016 г. в Алжире прошла встреча «Оборонная инициатива 5 + 5» с участием Ливии, Марокко, Мавритании, Туниса, Франции, Испании, Италии, Мальты и Португалии [3].

3) Опора на собственные силы:

Борьба с терроризмом в Сахеле должна вестись в первую очередь самими затронутыми странами, без вмешательства иностранных государств. Такой подход, по мнению алжирского руководства, способствует

формированию политики невмешательства во внутренние дела других стран.

Имплементация вышеописанной стратегии базируется на межрегиональном сотрудничестве между различными военными подразделениями и службами безопасности и выполнении Алжиром посреднической роли в содействии урегулированию конфликтов в Сахеле.

Среди промежуточных результатов реализации данной стратегии можно выделить:

1) Интенсификация взаимодействия между Алжиром и государствами Сахеля направленного на поддержание безопасности в регионе.

Так была возобновлена работа алжиро-нигерийского пограничного комитета, чтобы обеспечить безопасность приграничной зоны и обеспечить координацию действий между службами безопасности обеих стран. Также были возобновлены заседания алжиро-малийской комиссии по безопасности, которая была создана в Алжире в марте 2014 г. Более того, алжирской стороной было организовано 2-е заседание двустороннего алжиро-малийского комитета посвященное ситуации на севере Мали в апреле 2014 г., в котором участвовали Мали, Нигер, Мавритания и Буркина-Фасо. На региональном уровне Алжир создал механизм сотрудничества со своими союзниками в Сахеле для организации эффективной борьбы с терроризмом.

2) Выступление в роли посредника при урегулировании региональных конфликтов.

Ярким примером служат усилия Алжира по урегулированию конфликтов между туарегами и центральными властями в Нигере и Мали, где в 2012 г. было провозглашено непризнанное государство Азавад.

Благодаря уверенности международного сообщества в беспристрастности и проницательности, продемонстрированных алжирской дипломатией, на АНДР, в конечном итоге, была возложена ведущая роль в международном посредничестве при урегулировании малийского конфликта. Усилия, предпринятые Алжиром для сближения двух сторон в конфликте в Мали, завершились подписанием мирного соглашения в Алжире и в Бамако в 2015 г.

3) Применение мирных методов для урегулирования конфликтов.

Алжирское руководство уверено, что, например, при борьбе с религиозным экстремизмом и терроризмом, необходимо опираться на политику восстановления исконных для региона ценностей и поддержания у ислама имиджа толерантной и открытой к диалогу религии. Подобный подход применяется в учреждениях образования и мечетях. Заявленная цель заключается в эффективном противодействии импортированным идеологиям и прозелитизму, которые противоречат верованиям предста-

вителей маликитского мазхаба, доминирующего не только в Магрибе, но и в регионе Сахель-Сахара. Алжир начал религиозную подготовку студентов из стран Сахеля в Университете Адара и Исламском институте Таманрассет в южном регионе Алжира.

Согласно мнению правительства АНДР, на сегодняшний день, существует пять основных угроз ее национальной безопасности:

- проблема туарегов. Алжир обеспокоен ростом некоторых экстремистских групп в этнической группе туарегов, которые могут призывать к сепаратизму.

- Рост организованной преступности: незаконный оборот наркотиков, оружия и нелегальная миграция.

- Иностранная интервенция по гуманитарным причинам.

- Конкуренция между ведущими мировыми державами за природные ресурсы Сахеля, такие как нефть, газ и уран.

- Военные проекты: инициативы по строительству военных баз наподобие AFRICOM, предложенного США. От этого предложения отказались многие страны Сахеля.

Все упомянутые выше проблемы представляют собой угрозу для безопасности Алжира. При этом алжирский подход для решения этих проблем базируется не только на военных вариантах противодействия региональным угрозам, но и на дипломатических и других мирных средствах, таких как содействие диалогу, переговорам и процессу государственного строительства.

Таким образом, хрупкая ситуация с безопасностью в Сахеле в сочетании с политической нестабильностью, неэффективным управлением и различными транснациональными угрозами создают потребность в адаптации алжирского подхода к обеспечению безопасности в регионе, не исключая милитаризацию границ. В сложившихся реалиях Алжиру следует пересмотреть свой подход к обеспечению безопасности в отношении Сахеля, особенно в отношении роли алжирских вооруженных сил, закрепленной в алжирской конституции. Согласно конституции АНДР военным не позволено участвовать в вооруженных операциях за пределами страны. Алжирскому руководству следует найти новую формулу, которая позволила бы армии проводить превентивные военные операции для противодействия всем видам угроз, которые могут угрожать национальной безопасности АНДР.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Charles Micaud. Arabs and Berbers: From Tribe to Nation in North Africa // D.C. Heath and Company. 1972. P. 345–360.

2. Harry. T. Norris. The Tuaregs: Their Islamic Legacy and Its Diffusion in the Sahel. UK: Aris & Phillips. 1975.

3. Algeria: 8th Meeting of Chiefs of Staff of '5+5 Defence' Initiative Opens in Algiers [Электронный ресурс]. URL : <http://allafrica.com/stories/201610191095.html> (дата обращения: 18.01.2021).

СОСТОЯНИЕ И РАЗВИТИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В КИТАЕ И ГРУЗИИ В РАМКАХ ИНИЦИАТИВЫ «ОДИН ПОЯС, ОДИН ПУТЬ»

Лань Пэнхэ

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, bblph2006@126.com*

В статье рассматриваются состояние и перспективы развития китайско-грузинского сотрудничества в области высшего образования в условиях реализации инициативы «Один пояс, один путь», выдвинутой руководством КНР в 2014 г. Автор подчеркивает, что Грузия, расположенная в центре Южного Кавказа, играет для Китая важнейшую стратегическую роль. Охарактеризована нормативная база сотрудничества, отмечены достигнутые результаты. По оценке автора, в будущем правительствам двух стран следует усилить коммуникационную функцию Института Конфуция и интенсифицировать сотрудничество в области научных исследований, что позволит усилить интеллектуальную и кадровую поддержку регионального экономического развития.

Ключевые слова: Китай; Грузия; инициатива «Один пояс, один путь»; международное сотрудничество; высшее образование; институт Конфуция.

STATE AND DEVELOPMENT OF HIGHER EDUCATION IN CHINA AND GEORGIA IN THE FRAMEWORK OF THE “ONE BELT, ONE ROAD” INITIATIVE

Lang Penghe

Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus

The article examines the state and prospects for the development of Chinese-Georgian cooperation in the field of higher education in the context of the implementation of the "One Belt, One Road" initiative launched by the leadership of the PRC in 2014. The author emphasizes that Georgia, located in the center of the South Caucasus, plays the most important role for China. strategic role. The regulatory framework for cooperation is characterized, the results achieved are noted. According to the author, in the future, the governments of the two countries should strengthen the communication function of the

Confucius Institute and intensify cooperation in the field of scientific research, which will enhance the intellectual and personnel support of regional economic development.

Key words: China; Georgia; the Belt and Road Initiative; the international cooperation; higher education; Confucius Institute.

В условиях глобализации человечество стоит перед лицом крупномасштабных перемен. Происходит ускорение научно-технического прогресса, конкуренция между талантливыми кадрами становится все острее. Социально-экономическое развитие КНР вступило в новую фазу, отличительными чертами которой являются высокие темпы развития, оптимизация структуры экономики, благоприятные факторы роста и возможности достойных ответов на новые вызовы. Перед экономикой стоит цель не только быстрого количественного роста, но и достижения нового, более высокого качества, то есть интенсификация. Образование тесно связано с социально-экономическим развитием, которое обеспечивает создание для него благоприятных фундаментальных условий. Образование, в свою очередь, является мощной «подпоркой» развития экономики. В XXI веке КНР неуклонно придерживается курса поступательного развития во всех сферах общественной жизни, но его ядром является экономическое строительство. Реализуется политика скоординированного и согласованного развития всех отраслей, растет экономическая мощь, усиливается роль инноваций, стабилизируется и гармонизируется социальная среда. Все это создает прочную основу и благоприятные условия для развития образования.

Высшее образование в КНР делится на академическое и неакадемическое. Академическое образование, в свою очередь, подразделяется на образование по программам подготовки бакалавров, специалистов и магистров. По своей форме оно делится на очное и заочное; в систему высшего образования успешно внедряются дистанционные методики. С приходом эпохи реформ и открытости высшее образование КНР получило дополнительный импульс и стало адаптироваться не только к стремительному экономическому росту, но и к общественным потребностям на различных социальных уровнях, развиваясь в соответствии с экономическим ростом страны и обретая подлинное многообразие форм и видов. Это сделало возможным подготовку большого числа высококлассных экспертов, а также сыграло значительную роль в экономическом строительстве и научно-техническом прогрессе. В 2016 г. общее число высших учебных заведений Китая составило 2596. Учебных заведений, выпускающих бакалавров, насчитывалось 793, выпускающих специалистов — 576, а магистров — 217. В системе высшего образования было занято почти 37 млн человек. Охват населения высшим образованием до-

стиг 42.7 %, что превысило аналогичный показатель стран со средним и высоким доходом [1].

Система высшего образования в Грузии была создана в советское время. По состоянию на 2014–2015 учебный год в стране насчитывалось 73 университета, в которых обучались 124,2 тыс. студентов. Авторитетными и вызывающими интерес у китайских абитуриентов вузами являются Тбилисский государственный университет, Тбилисский государственный технический университет, Тбилисский национальный медицинский университет, Тбилисский свободный университет, Национальная академия изящных искусств и др. Еще в 1993 г. правительство разрешило государственным вузам набирать студентов на условиях самофинансирования. В 2002 г. такие студенты составляли 43.3% от общего числа студентов в государственных учреждениях. Студенты частных учебных заведений могут пользоваться инфраструктурой и консультациями преподавателей государственной системы, при этом стандарт оплаты во многом зависит от популярности и специализации высшей школы. В марте 2011 г. правительство Грузии приняло решение об отмене подчинения национальных университетов Министерству образования, науки и технологий, что позволяет постоянно расширять автономию высших учебных заведений. С постоянным углублением китайско-грузинского экономического и торгового сотрудничества число иностранных студентов и академические обмены непрерывно растут [2].

10 октября 2014 г. правительства двух государств подписали «Протокол о сотрудничестве в области образования между Китаем и Грузией», что способствует внедрению общих стандартов в эту сферу. Число студентов из стран, примыкающих к «одному поясу, одному пути» ощутимо растёт: в 2016 г. в Китае обучалось 200 тыс. иностранцев, при этом китайский язык перестал быть основным предметом. Число студентов, изучающих точные и естественные науки, а также агрономию, выросло более чем на 100%. Международное сотрудничество развивается, в первую очередь, с университетами России, Корейской Республики, Японии, Сингапура. К 2015 г. Китай создал 2376 совместных образовательных структур и проектов с иностранными учреждениями [3], его опыт изучается грузинскими организаторами образования.

Сотрудничество в сфере высшего образования играет важную роль в строительстве «пояса и пути». Опыты развития частного высшего образования в Грузии может служить ориентиром для развития китайских частных университетов. Автор считает, что в будущем Пекин и Тбилиси должны оптимизировать стратегическую схему сотрудничества в сфере высшего образования и поощрять развитие диверсифицированных каналов сотрудничества в этой сфере.

Сотрудничество в сфере высшего образования между Китаем и Грузией обеспечивает языковую поддержку для строительства «Пояса и Пути». В 2015 г. на грузинском языке был опубликован «Практический учебник китайского языка», который предоставляет учащимся возможности и для понимания китайской культуры, а также менталитета народа. Министерство образования, науки и технологий Грузии приняло решение о включении китайского языка в систему преподавания второго иностранного языка и официально начало его преподавание в 2018–2019 учебном году. В Грузии началась «китайская лихорадка», наблюдался стремительный рост спроса на уроки китайского языка. Одновременно в Пекинском университете был добавлен факультатив «Базовый грузинский язык» в систему последипломного образования. В 2015 г. Пекинский университет иностранных языков открыл специализацию «Грузия» для бакалавриата.

Китайско-грузинским кооперативным учебным заведением является Институт Конфуция при Свободном университете Тбилиси, возможности которого не реализуются в полной мере. По мнению автора, обе страны должны использовать высшие учебные заведения, а также социальные и неправительственные силы для организации диверсифицированного китайско-иностранного кооперативного образования. Например, китайские университеты могут создать международную школу-филиал в Грузии или провести совместную программу обучения талантливой молодежи для университетов обеих сторон. В июле 2016 г. Министерство образования Китая опубликовало «План действий в области образования» для содействия совместному строительству «Пояса и Пути» [3]. В соответствии с документом, школы и высшие учебные заведения с совместными фондами, исследовательскими темами и целями развития, число которых растет, укрепляют дружеские отношения, постепенно углубляют и расширяют образовательное сотрудничество и обмен.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Обзор китайского образования. Развитие отечественного образования в 2016 г. [Электронный ресурс]. URL : http://www.moe.gov.cn/jyb_sjzl/s5990/201711/t20171110_318862.html (дата обращения: 16.01.2021).
2. Тиан Хуэйшэн. Развитие образования в Китае в XXI веке. Издательство Китайской академии педагогических наук. 2017. С. 53.
3. Лю Цзинь, Ван Имэн. Текущая ситуация с высшим образованием в странах «пояса и пути» и исследование тенденций развития // Информация об образовании в мире. 2018. № 23(455). С. 13–17.

КИТАЙСКО-АМЕРИКАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СФЕРЕ В 1969–1993 гг.

Ли Мэн

*Белорусский государственный университет
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, 454793292@qq.com*

Проанализированы китайско-американские отношения в торгово-экономической сфере в 1969–1993 гг. в контексте политических взаимоотношений между КНР и США. Охарактеризованы их основные этапы, рассмотрены как достижения двух стран, так и препятствия на пути китайско-американского экономического взаимодействия, определено место торговли и экономики в развитии китайско-американских отношений. Сделан вывод о том, что в рассматриваемый период Китай являлся наиболее важным торговым партнером Соединенных Штатов среди развивающихся стран Азии, нормализация китайско-американской торговли служила одной из основных платформ для формирования общих интересов двух стран. Улучшение отношений между США и Китаем не только сильно изменило международные отношения в Азии, но и оказало определенное влияние на мировой порядок.

Ключевые слова: КНР; США; торгово-экономические отношения; Ричард Никсон; Джордж Герберт Уокер Буш.

CHINA-AMERICAN RELATIONS IN THE TRADE AND ECONOMIC SPHERE IN 1969-1993

Li Meng

Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus

Analyzed the Sino-American relations in the economic and trade sphere in 1969-1993. in the context of relations between the PRC and the United States. The main stages are characterized, both the achievements of the two countries and obstacles to the development of Sino-American economic development are considered, the place of trade and economy in the development of Sino-US relations is determined. It is concluded that one of the most important trade representatives of Asian countries is currently used. Improving relations between the United States and China not only greatly changed international relations in Asia, but also had a certain impact on the world order.

Keywords: the People's Republic of China; the United States; trade and economic relations; Richard Nixon; George Herbert Walker Bush.

В данной статье исследуется процесс развития китайско-американских экономических и торговых отношений на основе политических факторов, анализируются соглашения, подписанные двумя сторонами с 1969 по 1993 гг.

По мере усиления холодной войны голос антикоммунизма в Соединенных Штатах продолжал усиливаться. 14 февраля 1950 г. Китай и Советский Союз подписали «Договор о дружбе, союзе и взаимной помощи между СССР и КНР» [1]. Правительство США считало, что КНР вступила в союз с СССР. В политических отношениях США не признали правительство КНР и ввели экономические санкции. 25 июня 1950 г. вспыхнула Корейская война, экономические санкции США в отношении Китая достигли апогея. С ухудшением китайско-американских отношений объем товарооборота Китая с капиталистическими странами резко сократился: стоимость товаров, импортированных в Китай из капиталистических стран в 1951 г. составляла 432 миллионов долларов, а в 1952 г. она снизилась до 257 миллионов долларов [2, с.1378]. С тех пор торговый разрыв между Китаем и США продолжался более 20 лет.

С 1969 по 1993 гг. китайско-американские торгово-экономические отношения постепенно были восстановленными и взаимосвязанными. В общем можно условно разделить их отношения на три этапа.

Первый этап охватывает период с июня 1969 г. по май 1978 г. Наличие общих интересов подтолкнуло США к постепенному ослаблению политики эмбарго в отношении Китая. Международное положение в 1960 гг. претерпело серьезные изменения: различия между Китаем и Советским Союзом во взгляде на построение социализма постепенно расширялись и их пограничный конфликт становился все более ожесточенным, что привело к распаду советско-китайского социалистического лагеря. Никсон после прихода к власти в 1969 г. выдвинул дипломатические принципы, основанные на «партнерстве», «силе» и «переговорах» (с Китаем, Советским союзом и другими международными силами). Согласно новым дипломатическим принципам, объектом переговоров являлся Китай, а целью – сдерживание Советского Союза путем смягчения отношений между США и КНР. С 1969 г. Соединенные Штаты предприняли ряд шагов для облегчения контроля над торговлей с Китаем. В декабре 1969 г. государственный департамент США объявил, что разрешит зарубежным дочерним компаниям американских компаний продавать нестратегические материалы Китаю и частично отменит торговое эмбарго против Китая [3, с.285]. В августе 1970 г. Соединенные Штаты сняли запрет для зарубежных нефтяных компаний США на перевозку нестратегических материалов, поставляемых в Китай или из Китая. В ноябре 1971 г. Белый дом объявил о торговле нестратегическими товарами с КНР.

Никсон посещал в Китай в феврале 1972 г. и его визит открыл двери для китайско-американской взаимной торговли. 28 февраля обе стороны выпустили Совместное китайско-американское коммюнике. Ком-

мюнике провозгласило: Китай и США рассматривают двухстороннюю торговлю как сферу, которая может принести взаимную выгоду, и соглашаются с тем, что экономические отношения, основанные на равенстве и взаимной выгоде, отвечают интересам народов двух стран. Они соглашаются содействовать постепенному развитию торговли между двумя странами [4]. В 1972 г. Соединенные Штаты импортировали из Китая товаров на сумму 32,4 миллиона долларов, а экспорт в Китай достиг 63,5 миллиона долларов. В 1973 г. Китай и Соединенные Штаты создали отделения связи в Пекине и Вашингтоне, что дало больше возможностей для развития торговли между двумя сторонами. В 1972 г. около 150 американских бизнесменов приняли участие в Гуанчжоуской весенне-осенней экспортной товарной ярмарке; в 1973 г. Чейз нэйшнел бэнк установил деловые отношения с Китаем. С 1972 по 1974 г. торговля США с Китаем возросла практически с нуля до более чем 930 млн. долл [5, с.71]. Однако поскольку Китай и США не установили официальных дипломатических отношений, торговые контакты между двумя сторонами осуществлялись только на низком уровне. С 1974 по 1978 гг. правительство США замедлило нормализацию китайско-американских отношений и китайско-американские торговые отношения также пострадали в определенной степени.

Второй этап – январь 1979 г. – февраль 1978 г. Обе стороны признали друг друга и формально установили дипломатические отношения, что дало хорошую перспективу развитию экономических и торговых отношений. После «оттепели» в китайско-американских отношениях США перешли к политике смягчения в отношении Советского Союза. Однако в рамках политики смягчения военная мощь и экономическая мощь Советского Союза продолжали увеличиваться. Более того Советский Союз также начал экспансию в азиатско-африканском регионе. Активность Советского Союза стала серьезным вызовом американскому гегемонизму. Китай постепенно вышел из тени культурной революции, и в 1978 г. Китай созвал 3-й пленум ЦК 11-го созыва, чтобы принять важное решение о смещении приоритетных направлений деятельности партии на строительство модернизации социализма. Огромные рынки и трудовые ресурсы интересовали капиталистические страны, в том числе и США. 16 декабря 1978 г. Китай и США достигли соглашения о завершении нормализации отношений и выпустили «Совместное коммюнике об установлении дипломатических отношений между КНР и США» [6]. 28 января китайский лидер Дэн Сяопин посетил Соединенные Штаты для обсуждения вопросов, касающихся режима наибольшего благоприятствования, размораживанию активов, а также для содействия подписа-

нию соглашений в области торговли, культуры и обмена консулами между двумя странами.

31 января 1979 г. произошёл обмен нотами между правительствами Китая и США о взаимопонимании в вопросах сотрудничества в сфере образования, сельского хозяйства и космических технологий [7]. «Соглашение о торговых отношениях между Китайской Народной Республикой и Соединенными Штатами Америки» вступило в силу 1 февраля 1980 г. Соглашение предусматривало, что обе стороны предоставляют друг другу режим наибольшего благоприятствования на три года [8]. Политическая стабильность и устранение торговых барьеров способствовали сотрудничеству в экономических сферах двух стран. В 1980 г. объем американо-китайской торговли продолжал расти. Ее объем достиг 4,8 млрд долл. 22 октября 1980 г. обе стороны подписали «Соглашение о торговле зерном между правительствами Китайской Народной Республики и Соединенных Штатов Америки» [9].

В 1982–1983 гг. наблюдался спад устойчивого развития китайско-американской торговли. Вступив в должность президента в 1981 г., Рейган надеялся активно развивать стратегические отношения с Китаем, одновременно внедряя «Закон об отношениях с Тайванем». Объем двусторонней торговли между Китаем и Соединенными Штатами сократился из-за тайваньского вопроса: в 1982 г. он достигал 5,28 млрд долл., в 1983 г. – 4,49 млрд долл., падение составило 23,9 % [3, с. 482].

Заключение «Китайско-американского совместного коммюнике от 17 августа 1982 г.» привело к определенному восстановлению китайско-американских отношений. В 1985–1989 гг. взаимные визиты на высшем уровне в США способствовали развитию двусторонних экономических отношений между США и Китаем. 30 декабря 1985 г. в Пекине был подписан обмен нотами между США и Китаем о сотрудничестве в области мирного использования ядерной энергии [10]. В апреле 1987 г. в Пекине состоялось пятое заседание Китайско-американской объединенной комиссии по делам торговли. Обе стороны соответственно подписали три плана сотрудничества в области авиации, электроники и телекоммуникаций, соглашение о целесообразности финансирования очистки сточных вод в Шанхае и телеобучения. В 1984 г. объем экспорта машин, электроники и оборудования из США в Китай составил 24,6 %, а в 1987 г. вырос до 42,2 % [3, с.423].

Третий этап охватывает период с июня 1989 г. по сентябрь 1992 г. Из-за народных волнений в Пекине США ввели санкции против Китая, поэтому китайско-американские торговые отношения развивались нестабильно. После волнений в Пекине в 1989 г. Соединенные Штаты приостановили встречи между представителями двух стран на высоком

уровне. Отношения между КНР и США серьезно ухудшились. 8 июня 1989 г. Соединенные Штаты прекратили действие контракта на усовершенствование 55 китайских истребителей J-8 на сумму 500 миллионов долларов США. 13 июня Министерство торговли США отменило продажу оборудования для АЭС стоимостью 500 миллионов долларов в Китай [11, с.291]. Вскоре после этого Всемирный банк под контролем США отложил новые кредиты для Китая, и китайско-американские отношения упали до самого низкого уровня с 1972 г. Однако, исходя из долгосрочных интересов отношений между двумя государствами, обе стороны не хотели возвращаться к состоянию 1950-х и 1960-х гг. В 1989 г. Буш направил помощника по вопросам национальной безопасности Скоукрофта, бывшего президента США Никсона и бывшего государственного секретаря Киссинджера с визитом в Китай. В то же время он предпринял соответствующую политику послабления в отношении Китая: при поддержке правительства США Экспортно-импортный банк предоставил кредит в размере 9,75 миллиона долларов. Затем, в феврале 1990 г., США объявили, что предоставит оборудование и услуги для проекта шанхайского метрополитена [11, с.322]. После окончания холодной войны, учитывая, что Соединенные Штаты и Китай имели общие интересы в сохранении экономической стабильности и обеспечении безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе, в марте 1992 г. Буш наложил вето на предложения двух палат Конгресса и результатом этого сложного процесса стало безоговорочное продление режима наибольшего благоприятствования для Китая на один год.

Нормализация дипломатических отношений между Китаем и США открыла двери для более полной интеграции Китая в региональное и глобальное экономическое развитие. Таким образом, изучение факторов установления торговой связи между правительствами двух стран, процесса развития торгово-экономического сотрудничества послужит примером в дальнейшем развитии торговли между Китаем и США.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Заключение «Договор о дружбе, союзе и взаимной помощи между СССР и КНР» [Электронный ресурс] / МИД КНР.07.11.2000. [сайт]. URL : https://www.fmprc.gov.cn/web/ziliao_674904/wjs_674919/2159_674923/t8962.shtml (дата обращения: 17.01.2021).

2. Чжунмэй гуансию хуйбянь (диэрцзин). Шанхай : Изд-во знания мира, 1957. 3210 с.

3. Ян чжичжэнь. Чжунмэй кайфан чжаньлюе юй чжунмэй гуанси. Пекин : Из-во интеллектуальной собственности, 2014. 934с.

4. Совместное Коммюнике Соединенных Штатов Америки и Китайской Народной Республики (подписанное 28 февраля 1972) [Электронный ресурс] // Ем-

bassy of The People's Republic of China in The United States of America [сайт]. URL : <http://www.china-embassy.org/chn/zmgx/zywj/lhgb/t705065.htm> (дата обращения : 17.01.2021).

5. Нагорный, А.А. США и Китай. М.: Наука, 1982. 218 с.

6. «Совместное коммюнике об установлении дипломатических отношений между КНР и США» [Электронный ресурс] // Consulate General of the People's Republic of China in New York [сайт]. [13.1.2009]. URL : <https://www.fmprc.gov.cn/cgny/chn/zt/chinausrelation/t531712.htm> – (дата обращения: 20.01.2021).

7. «Обмен нотами между правительствами Китая и США о взаимопонимании в вопросах сотрудничества в сфере образования, сельского хозяйства и космических технологий» [Электронный ресурс] // МИД КНР [сайт]. URL: <http://treaty.mfa.gov.cn/Treaty/web/detail1.jsp?objid=1531876547249> (дата обращения: 18.01.2021).

8. «Соглашение о торговых отношениях между Китайской Народной Республикой и Соединенными Штатами Америки» [Электронный ресурс] // МИД КНР [сайт]. URL : <http://treaty.mfa.gov.cn/Treaty/web/detail1.jsp?objid=1531876539683> (дата обращения: 20.01.2021).

9. «Соглашение о торговле зерном между правительствами Китайской Народной Республики и Соединенных Штатов Америки» [Электронный ресурс] // МИД КНР [сайт]. URL : <http://treaty.mfa.gov.cn/Treaty/web/detail1.jsp?objid=1531876554215> (дата обращения: 18.01.2021).

10. Чжунмэй гуанси дашицзи [Электронный ресурс]. URL: http://www.gov.cn/ztl/zmdh/content_624367.htm – (дата обращения: 17.01.2021).

11. Тао Вэньчжао. Дандай чжунмэй гуанси яньцзю (1979–2009). Пекин: Изд-во Китайской социальной науки, 2012. 897 с.

О МЕТОДИКЕ ОЦЕНКИ ПОЗИЦИЙ ГОСУДАРСТВ-ЧЛЕНОВ ООН ПО ПРОБЛЕМЕ МОДЕРНИЗАЦИИ ОРГАНИЗАЦИИ

Д.В. Лузан¹⁾, С.Ф. Свилас²⁾

¹⁾ *Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, fmo.luzanDV@bsu.by*

²⁾ *Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, svilas@tut.by*

Вот уже более 20 лет проблема реформирования Организации Объединенных Наций является одной из наиболее важных в мировой политике, однако в историографии не разработаны критерии, позволяющие оценить подходы государств к её решению. С целью восполнения этого пробела на основе анализа политического и дипломатического дискурсов разработаны критерии оценки позиций государств в контексте модернизации ООН, представленные в данной статье. Актуальность исследования определяется важностью проблемы реформирования ООН в современных международных отношениях, а также недостаточной разработанностью вопроса в историографии. Практическая значимость исследования состоит в возможности использования его результатов в научной, учебной и информационной деятельности. В результате исследования была разработана и применена двухуровневая методика оценки позиций

государств по обозначенному вопросу, позволяющая охарактеризовать как подходы к реформе отдельных институтов системы ООН, так и к реформированию Организации в целом. На основе этой методики проведена оценка подходов Республики Беларусь к реформированию ООН.

Ключевые слова: методология и методика международных исследований; многосторонняя дипломатия; глобализация; реформа ООН; Республика Беларусь.

ON THE METHODOLOGY FOR ASSESSING THE POSITIONS OF UN MEMBER STATES ON THE PROBLEM OF MODERNIZATION OF THE ORGANIZATION

D.V. Luzan^a, S.F. Svilas^b

^a *Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus*

^b *Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus*

Corresponding author: D.V. Luzan (fmo.luzanDV@bsu.by)

For more than 20 years, the problem of reforming the United Nations has been one of the most important in world politics, but historiography has not developed criteria to assess the approaches of states to its solution. In order to fill this gap, based on the analysis of political and diplomatic discourses, the criteria for assessing the positions of states in the context of UN modernization have been developed and are presented in this article. The relevance of the study is determined by the importance of the problem of reforming the UN in modern international relations, as well as the insufficient development of the issue in historiography. The practical significance of the research lies in the possibility of using its results in scientific, educational and informational activities. As a result of the study, a two-tier methodology for assessing the positions of states on the indicated issue was developed and applied, which makes it possible to characterize both the approaches to the reform of individual institutions of the UN system and to the reform of the Organization as a whole. On the basis of this methodology, an assessment of the approaches of the Republic of Belarus to the UN reform was carried out.

Key words: methodology of international research; multilateral diplomacy; globalization; UN reform; Republic of Belarus.

В историографии [1–8] не сложилось развернутой характеристики критериев, позволяющих классифицировать позиции государств по вопросу реформирования ООН. Единственной попыткой разграничить подходы в отношении реформенных процессов в Организации, обнаруженной в историографии, является классификация российского эксперта Л. Гришаевой. В статье «Россия и ООН XXI века: новые приоритеты» (2006 г.) она предлагает трехступенчатую классификацию, позволяющую спроецировать на каждое государство одну из трех характеристик. По мнению Л. Гришаевой, позицию государства можно охарактеризовать как *консервативно-охранительную* в случае, если она «не преду-

смаатривает внесения каких-либо процедурно-организационных изменений, а предполагает идти по пути наращивания отдачи от имеющихся организаций и механизмов за счет рационализации их деятельности»; как *умеренно-реформаторскую* в случае, если позиция «предполагает, главным образом, улучшение существующих структур, но исходит из возможности внесения корректив в их композицию, функции по мере необходимости»; как *радикально-реформаторскую* в случае, если государство «вынашивает перспективы кардинальной перестройки международных отношений, ООН и других механизмов международного сотрудничества и взаимодействия» [9].

Подобная классификация представляется удобной при необходимости разграничения позиции государства в отношении реформирования Организации в целом, однако не дает четких критериев для оценки страновых подходов к реформированию отдельных институтов ООН. Исследователем Д. В. Лузаном предложены конкретизированные подходы к характеристике позиций государств, применимые как к отдельным органам ООН, так и к реформированию Организации вообще.

Предлагается дифференцировать позиции государств на три категории: консервативная (правая), центристская, радикальная (левая). При этом в каждой из подобных категорий выделяются дополнительные подкатегории, необходимые для более точной градации подходов к реформированию отдельных институтов Организации (см. таблицу 1).

Таблица 1

Этапы формирования оценки позиций государств по вопросу о реформе ООН

	І этап	ІІ этап
Первичная оценка	Анализ позиции государства по вопросу о реформе институтов (органов) ООН.	Присвоение каждой описанной позиции одной из шести оценок: • Абсолютная консервативная • Умеренная консервативная • Правоцентристская • Левоцентристская • Радикализированная • Радикальная
Вторичная оценка	Синтез результатов первичной оценки с присвоением каждой оцененной позиции соответствующего цифрового значения.	Осуществление вычисления по формуле (1) с присвоением позиции государства по вопросу о реформировании ООН одной из трех оценок: • Консервативная • Центристская • Радикальная

Источник: авторская разработка

Оценку позиций предлагается проводить в два этапа: *первичная (институциональная)* оценка подходов к реформированию отдельных институтов (органов) ООН и *вторичная (общезаконодательная)* оценка совокупной позиции государства по вопросу о реформе ООН.

В качестве базового критерия дифференциации консервативной и радикальной позиций при первичной (институциональной) оценке предлагается фактор *изменения/сохранения текущего места и роли* заданного института ООН. Соответственно, если фактор изменения места и роли присутствует, то позицию можно относить к радикальной, в противном же случае — к консервативной.

Отметим, что первичная оценка не предусматривает абсолютно центристской позиции, так как, исходя из базового критерия позиция любого государства относительно реформ в конкретном институте (органе) ООН априори будет склоняться в пользу одной из характеристик. В то же время абсолютная консервативная позиция имеет место быть (если государство не выносит вопрос о реформировании данного института на обсуждение, не имеет сформированной позиции на этот счет и полагает, что он достойно исполняет свои функции без внесения каких-либо изменений), как и абсолютная радикальная позиция (направлена на глубинное переустройство органа, в результате которого создается новый институт, отличный от предыдущего).

Для дифференциации умеренно-консервативной и правоцентристской подкатегорий консервативной направленности предусматривается использование критерия *развернутости позиции* вкупе с критерием *значимости вносимых изменений*. Таким образом, если в позиции государства доминируют *мелкие процедурные правки* (из опыта Беларуси примером может послужить предложение презентации доклада Генерального секретаря в рамках пункта повестки дня «Доклад Генерального секретаря ООН о работе Организации» вместо «Общих прений») или же она носит *избирательный, неразвернутый характер* и *оперирует предельно общими понятиями*, то такую позицию вернее будет охарактеризовать как умеренно-консервативную. Если же позицию государства в отношении реформ того или иного органа системы ООН в большей степени определяют такие черты, как *развернутость* и стремление к внесению *существенных корректировок в формат работы и процедуру принятия решений, но без изменения его текущего места и роли* (в качестве примера можно привести предложение о переводе рассмотрения повестки дня некоторыми центральными органами ООН на двух- или трехлетнюю основу), то такую позицию можно классифицировать как правоцентристскую.

Схожую систему можно применить и для градации радикализированной и левоцентристской подкатегорий радикального крыла. Если в позиции государства заявлено *изменение места и роли* института Организации Объединенных Наций, но при этом такого рода инициативы строятся *на базе существующего органа ООН с внесением формат-образующих и процедурных правок*, позволяющих в корне изменить положение структуры в системе ООН, то такую позицию можно охарактеризовать как левоцентристскую. Дэ-факто, это также может означать изменение направления работы существующего органа, сопровождаемое внесением корректировок в формат и методы его работы.

Радикализированная позиция в большей степени предполагает глубинное преобразование института: *изменение формата, методов, направлений, инструментов работы, структуры, набора функций и повестки дня, реорганизацию принципиальных основ осуществления деятельности и переоценку ценностей*. Вместе с тем, подобные изменения происходят *на базе существующего органа, при частичном сохранении его функций, целей, принципов и т.д. и с учетом опыта его функционирования*.

Таблица 2

Позиции государств по вопросу о реформе институтов ООН и их оценки

Оценка позиции государства		Критерии
Консервативная (от 1 до 2,5)	Абсолютная консервативная (1)	Государство не разрабатывает собственную позицию по вопросу реформирования заданного института (органа) ООН, удовлетворено его работой без внесения изменений.
	Умеренная консервативная (2)	Доминируют мелкие процедурные изменения без изменения текущего места и роли института. Государство поддерживает общий курс реформ, но оперирует предельно общими формулировками, избегая конкретных шагов. Позиция неразвернутая, избирательная.
Центристская (от 2,6 до 4,5)	Правоцентристская (3)	Государство имеет развернутую сформированную позицию по вопросу о реформе. Она предполагает внесение значительных корректировок в формат работы и процесс принятия решений с сохранением текущего места и роли института.
	Левоцентристская (4)	Предусматривается изменение текущего места и роли института за счет внесения формат-образующих и процедурных правок на базе уже существующего органа. Может означать также изменение направления работы существующего органа, сопровождаемое внесением корректировок в формат и методы его работы.

Радикальная (от 4,6 до 6)	Радикализированная (5)	Реорганизация текущего института Организации на базе существующего органа, при частичном сохранении его функций, целей, принципов и т.д. и с учетом опыта его функционирования в системе ООН за счет изменения формата, методов, направлений, инструментов его работы, структуры, набора функций и повестки дня, формирования новых принципов осуществления деятельности и переоценки ценностей.
	Радикальная (6)	ООН прекращает свое существование. На основе накопленного опыта формируется новая структура с учетом потребностей и потребностей нынешнего миропорядка.

Источник: авторская разработка

Вторичная (общеорганизационная) фаза предполагает целостную характеристику позиции государства по вопросу реформирования ООН на основе первичной характеристики. Для этого каждой позиции присваивается условный балл от одного до шести (см. табл. 2), которым оценивается позиция государства в отношении реформирования каждого института Организации (то есть, если позиции государства по реформированию ЭКОСОС и ГА были оценены как правоцентристские, то обеим позициям присваивается балл «три»). Исходя из присвоенных значений, по формуле (1) рассчитывается коэффициент позиции:

$$(1) \quad X_{\text{позиции}} = (x_1 (\text{ЭКОСОС}) + x_2 (\text{ГА}) \dots + x_n) / n,$$

где x_1 (ЭКОСОС), x_2 (ГА), x_n — условные баллы позиций государства в отношении реформирования отдельных институтов (органов) ООН, а n — количество институтов (органов) ООН, в отношении которых государством вносятся предложения о реформе.

Полученное число (коэффициент позиции) сверяется с таблицей значений (крайняя левая колонка табл. 2), позволяющей присвоить позиции государства одну из трех характеристик: консервативная (правая), центристская, радикальная (левая). Оценка позиции как консервативной отражает вялое участие государства в реформенных процессах (незначительные правки и корректировки). Центристская позиция находит выражение в активном участии в реформировании ООН, но без глубинного переустройства этой международной организации; предлагаемые реформы основываются на качественном изменении уже существующих структур. Радикальная позиция выражается в признании невозможности качественного преобразования существующих структур и в требованиях

построения на их или новой основе структур, действительно отвечающих нуждам XXI века.

На основании предложенной автором исследования методики позицию Республики Беларусь следует характеризовать следующим образом. В подходах белорусской дипломатии к реформированию Экономического и Социального Совета и Совета по правам человека присутствует фактор изменения текущего места и роли этих структур, что дает основания в рамках первичной (институциональной) оценки характеризовать эту позицию как радикальную. При этом в отношении ЭКОСОС подходы Беларуси будет точнее определить как левоцентристские ввиду отсутствия глубинной перестройки в его структуре: предлагается закрепление новых направлений в работе Совета, которое бы сопровождалось различными изменениями в процедуре и формате его работы. В отношении СПЧ белорусскую позицию можно охарактеризовать как радикализированную: республика выступает за всесторонние изменения внутри данного органа, которые приведут к обновленному функционалу, структуре и принципам деятельности.

По остальным направлениям институциональной реформы ООН, включающим реформирование таких центральных органов, как Генеральная Ассамблея, Совет Безопасности, Секретариат и институт миротворчества, позиция Беларуси консервативна. При этом подходы к реформированию института миротворчества можно оценить как умеренно-консервативные по критерию избирательности и неразвернутости, в то время как в отношении ГА, СБ и Секретариата — как правоцентристские (значительные формат-образующие правки).

Исходя из вышесказанного позициям Беларуси в отношении шести институтов ООН, по которым белорусской стороной вносятся предложения о реформе, будут присвоены следующие условные значения:

- институт миротворчества – 2;
- Генеральная Ассамблея – 3;
- Совет Безопасности – 3;
- Секретариат – 3;
- Экономический и Социальный Совет – 4;
- Совет по правам человека – 5.

Проведя расчеты по указанной формуле (1), получаем коэффициент 3,3. Таким образом, позицию Республики Беларусь в отношении реформирования ООН можно охарактеризовать как центристскую: белорусская дипломатия считает необходимым изменения в Организации в соответствии со сложившимися реалиями, однако по-прежнему рассматривает ООН как ядро системы международных отношений. Разработанные критерии позволяют дать как общую оценку позиции государ-

ства-участника по проблеме реформирования ООН, так и институциональную, что ранее не встречалось в историографии. При этом не игнорируется взаимосвязанность институционального и общеорганизационного уровней оценки страновых позиций.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Заемский, В. Ф. Реформы ООН и миротворчество : дис. ... доктора полит. наук. Москва, 2009. 352 л.
2. Юрченко, М. М. Политика США в отношении реформирования ООН: 2001–2008 гг. : дис. ... кандидата истор. наук. Тюмень, 2010. 227 л.
3. Голованов, Е. В. Проблема соотношения универсальной и региональных систем безопасности и реформа Совета Безопасности ООН : дис. ... кандидата полит. наук. Санкт-Петербург, 2013. 228 л.
4. Паламаренко, Р. Ю. ООН в XXI веке: проблемы реформирования : дис. ... кандидата полит. наук. Москва, 2018. 170 л.
5. Гулдинг, М. Организация Объединенных Наций: лидерство, реформы и миротворчество. Москва :Московский центр Карнеги, 2007. 16 с.
6. Chollet, D. UN, Rediscovered / The National Interest. 2007. №88. P. 57-61.
7. Finkelstein, L. S. The Rule of Law, the United States, and the United Nations: An Ambiguous Record / American Foreign Policy Interests. 2006. Vol.28. P. 297-303.
8. Luers, W. H. Looking to a Refashioned U.S. Partnership with the United Nations / American Foreign Policy Interests. 2006. Vol. 28. P. 323-327.
9. Гришаева Л. Россия и ООН XXI века: новые приоритеты // Обозреватель – Observer 2006. № 5.

РОЛЬ ТУРИСТИЧЕСКОЙ ДИПЛОМАТИИ В ОТНОШЕНИЯХ КНР И АСЕАН (1990-е–2020 гг.)

Лю Сянцян

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 2200030, г. Минск, Беларусь, liuxiangqian2016@gmail.com*

Как правительственная международная организация, Ассоциация государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) играет все более важную роль в региональных и глобальных международных делах. По оценке автора, отношения Китая и АСЕАН превратились в наиболее успешную и динамичную модель сотрудничества в Азиатско-Тихоокеанском регионе и живой образец построения «сообщества единой судьбы человечества». На основе статистического материала доказано, что туристическая дипломатия является важной частью отношений Китая и АСЕАН как на многостороннем, так и на двухстороннем уровнях. В статье рассматривается развитие и роль туристической дипломатии в отношениях КНР с Ассоциацией, подчеркнуто значение

туризма как стимула роста взаимного политического доверия и углубления сотрудничества в экономической и культурной сферах.

Ключевые слова: туристическая дипломатия; КНР; АСЕАН; Договор о дружбе и сотрудничестве в Юго-Восточной Азии; Всестороннее региональное экономическое партнерство; инициатива «Один пояс, один путь».

THE ROLE OF TOURISM DIPLOMACY IN THE RELATIONSHIP BETWEEN CHINA AND ASEAN (1990-2020)

Liu Xiangqian

Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus

As a governmental international organization, the Association of Southeast Asian Nations (ASEAN) is playing an increasingly important role in regional and international affairs. According to the author, relations between China and ASEAN have become the most successful and dynamic model of cooperation in the Asia-Pacific region and a living example of building a community with a shared future for mankind. Based on statistical material, it is proved that tourism diplomacy is an important part of relations between China and ASEAN, both at the multilateral and bilateral levels. The article examines the development and role of tourism diplomacy in relations between the PRC and the Association, emphasizes the importance of tourism as a stimulus for the growth of mutual political trust and deepening cooperation in the economic and cultural spheres.

Key words: tourism diplomacy; China; ASEAN; Treaty of Amity and Cooperation in Southeast Asia; Regional Comprehensive Economic Partnership; the Belt and Road Initiative.

Ассоциация государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) – добрый сосед, хороший друг и надежный партнер Китая [1]. С XVII века следует выделить четыре волны китайской эмиграции в Юго-Восточную Азию [2]. Масштабные миграции населения привели к тому, что Китай и Юго-Восточная Азия имеют близкие историческое происхождение, этнические отношения и сходные культуры. В июле 1991 года КНР начала диалог с АСЕАН. В 2003 г. Китай первым из государств за пределами АСЕАН присоединился к «Договору о дружбе и сотрудничестве в Юго-Восточной Азии» 1976 г., первым поддержал центральное положение АСЕАН в региональном сотрудничестве и первым установил отношения стратегического партнерства [3]. Обе стороны добились признанных достижений в различных областях, а взаимодействие в сфере туризма всегда было одним из основных компонентов их отношений. В 2019 г. туристический обмен между Китаем и членами АСЕАН превысил 60 млн человек. КНР является крупнейшим поставщиком услуг въездного туризма для Ассоциации, а через десять стран Юго-Восточной Азии проходят популярные туристические маршруты для китайских туристов [4] (см. рисунки 1-2).

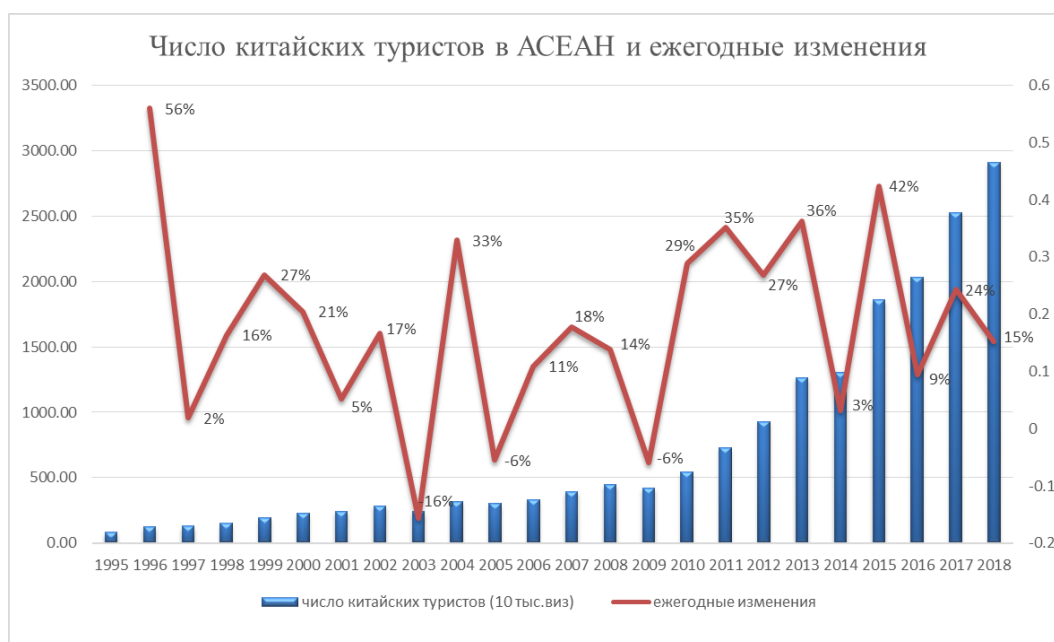

Рис. 1. Источник данных: Официальный сайт базы данных АСЕАН [4]

Рис. 2. Источник данных: Ежегодник по статистике в сфере туризма в Китае [5]

Китайский выездной туризм начался со стран АСЕАН: в 1988 г. Государственный совет КНР разрешил китайским гражданам навестить родственников в Таиланде. Позже Государственный совет дал разрешение навестить родственников в Сингапуре и Малайзии. Таким образом, Таиланд, Сингапур и Малайзия стали ассоциироваться с ранним выездным туризмом Китая. Статистика показывает, что в 1995 г. число китайских туристов в странах АСЕАН достигло 818 тыс., в том числе 103 тыс. в Малайзию, 202 тыс. в Сингапур, и 376 тыс. в Таиланд, что составило

83% от общего числа въезжающих туристов в АСЕАН. В 1995 г. число туристов из Индонезии, Малайзии, Филиппин, Сингапура и Таиланда в Китай достигло 1,039 млн. В конце XX века, по мере ослабления политики Китая в отношении выездного туризма, Филиппины, Камбоджа, Вьетнам, Лаос, Бруней и другие страны становятся местами назначения для китайских путешественников. В 1997 г., когда разразился азиатский финансовый кризис, туристические обмены между Китаем и АСЕАН снизились, но после выхода из кризиса начался их быстрый рост. В 2000 г. число китайских туристов в страны АСЕАН достигло 2,31 млн (+21%) [4], а в обратном направлении - 1,67 млн (+18%) [5].

В XXI веке торгово-экономическое сотрудничество между Китаем и АСЕАН продолжало углубляться, что стимулировало развитие туристической дипломатии и нашло отражение в решениях Конференции предпринимателей КНР и АСЕАН (2003 г.). В октябре 2004 г. автономная область Китая Гуанси, граничащая с Вьетнамом, принимала участников Международного форума КНР-АСЕАН по вопросам туристического сотрудничества, однако Индонезия, Таиланд, Малайзия и другие страны понесли тяжелые потери из-за цунами в Индийском океане и в 2005 г. число китайских туристов в АСЕАН сократилось до 3 млн (-6%). Вместе с тем число туристов из стран АСЕАН в Китай достигло 3 млн (+20%) [5].

2006 год КНР и страны АСЕАН объявили «Годом дружбы и сотрудничества», в ходе которого состоялись правительственные семинары высокого уровня, анонсировавшие необходимость углубления сотрудничества в сфере туризма; в целях интенсификации негосударственного туристического обмена состоялась Конференция по обмену туристами [6].

Финансовый кризис (2008 г.) и грипп H1N1 (2009 г.) привели к сокращению туристических обменов. В целях преодоления этой негативной тенденции в ноябре 2009 г. в г. Куньмине (провинция Юньнань) состоялся первый Форум сотрудничества Китая и АСЕАН в области туризма [7]. Организация Форума предполагает распределение участников на правительственные, корпоративные и академические сессии, что повышает эффективность его работы. В 2010 г. официально создана зона свободной торговли КНР-АСЕАН, что стало вехой в истории отношений Пекина и Джакарты, событием этапного значения для регионального и глобального сотрудничества [8]. В 2010 г. туристический обмен превысил 8 млн человек [4].

Механизм сотрудничества в области туризма между Китаем и странами АСЕАН постоянно совершенствуется. Он включает как многосторонние («Конференция министров по вопросам туризма 10+1», «Туристический форум АСЕАН»), так и двусторонние платформы сотрудниче-

ства. На протяжении 2010–2018 гг. число китайских туристов в страны АСЕАН быстро росло (с 5,41 млн до 29,11 млн); число туристов в Китай также увеличивалось (с 3,22 млн до 5,02 млн) [5].

Подчеркнем, что двусторонние политические отношения влияли на туристические обмены. Проблема Южно-Китайского моря является по-прежнему вызывает споры между Китаем и такими участниками АСЕАН, как Вьетнам, Филиппины, Малайзия и Бруней. Сотрудничество в сфере туризма стало важным способом диалога, предоставляя возможность для улучшения двусторонних отношений [9].

Выдвинутая председателем КНР Си Цзиньпином в 2013 г. инициатива «Один пояс, один путь» предполагает новые перспективы сотрудничества между Китаем и странами АСЕАН, стимулируя рост культурных и академических обменов, а также туристических услуг, упрощение визового режима, организацию Недель туризма и Месяцев рекламы, разработку совместных Планов развития туризма, включая круизный. С другой стороны, туризм способствует ускоренному и более глубокому продвижению инициативы ОПОП.

2014 год КНР-АСЕАН анонсировали как Год культурного обмена, в течение которого было проведено более 100 мероприятий, в том числе в сфере туризма. В мае 2015 г. туристическая выставка в рамках ярмарки КНР-АСЕАН открылась в г. Гуйлинь (автономная область Гуанси). Лейтмотив выставки – «Морской Шелковый путь XXI века: развитие туризма и сотрудничество». 2017 год был объявлен Годом туристического сотрудничества, в течение которого проводился ряд мероприятий по обмену туристами прежде всего в учебно-ознакомительных и профессиональных целях. В марте 2018 г. КНР создала пилотную зону приграничного туризма для маркетингового исследования и дальнейшего укрепления сотрудничества с АСЕАН [10]. В ноябре (2018 г.) КНР-АСЕАН приняли документ под названием «Видение стратегического партнерства Китая и АСЕАН на период до 2030 года», в котором предлагается «создать официальный механизм сотрудничества на высоком уровне для укрепления, углубления и расширения двустороннего сотрудничества в сфере туризма» [11]. В 2018 г. туристические обмены КНР-АСЕАН, по официальной статистике, вступили в «50-миллионную эру» [12]. В 2019 г. были объявлены «Год туризма Китая и Лаоса» и «Год культурного туризма Китая и Камбоджи». Столкнувшись с внезапной вспышкой COVID-19 в 2020 г., КНР и АСЕАН помогали друг другу и совместными усилиями реагировали на этот вызов [13]. В ноябре 2020 г. Китай, 10 стран АСЕАН, а также Япония, Южная Корея, Австралия и Новая Зеландия подписали Соглашение о всестороннем региональном экономическом партнерстве (ВРЭП), что будет способствовать восстановлению

государств-участников после пандемии, в том числе и туристической отрасли [14].

Таким образом, Пекин на словах и на деле выразил готовность к сотрудничеству с участниками АСЕАН по реализации инициативы ОПОП и Генерального плана по взаимодействию с Ассоциацией в соответствии с «Видением стратегического партнерства КНР и АСЕАН до 2030 года», что предполагает дальнейшее развитие трансграничного туризма. По оценке автора, отношения Китая и АСЕАН превратились в наиболее успешную и динамичную модель сотрудничества в Азиатско-Тихоокеанском регионе и образец построения Сообщества единой судьбы человечества. Туристическая дипломатия является важной компонентой отношений Китая и Ассоциации и имеет внушительное торговое пространство. По сравнению с размером рынка в 2 млрд человек, нынешний масштаб сотрудничества в сфере туризма все еще невелик, а потенциал роста в будущем огромен. Туристическая дипломатия Китая и АСЕАН предоставит большие возможности экономического и социального развития обеим сторонам, будет способствовать взаимному политическому доверию, обеспечит рабочие места, повысит уровень жизни людей.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Чжун го - дун мэн гуань си шу ли «хао линь цзюй» дянь фань = Отношения Китая и АСЕАН установить пример «добрый сосед» [Электронный ресурс] // Портал китайского правительства. [сайт]. URL: http://www.gov.cn/xinwen/201711/15/content_5239891.htm. (дата обращения: 14.01.2021).
2. Чжуан Готу. Лун чжун го жэнь и минь дун нань я де си ци да чао = О четырех волнах китайской иммиграции в Юго-Восточную Азию // Исследования в Юго-Восточной Азии. 2008. № 1. С. 69–81.
3. Ли кэ цян цзай ди эр ши сан ци чжун го - дун мэн лин дао жэнь хуэй и шан дэ цян хуа = Выступление Ли Кэцяна на 23-й встрече лидеров Китая и АСЕАН [Электронный ресурс] // Синьхуа. [сайт]. URL: http://www.xinhuanet.com/2020-11/13/content_1126733299.htm (дата обращения: 18.01.2021).
4. Число китайских туристов в АСЕАН и ежегодные изменения [Электронный ресурс] // Официальный сайт базы данных АСЕАН. URL: <https://data.aseanstats.org/visitors> (дата обращения: 13.01.2021).
5. Ежегодник по статистике в сфере туризма в Китае / Министерство культуры и туризма КНР, 1992–2019. Пекин: туристическое издательство КНР, 1992–2019.
6. Ди 11 цзе чжун го дун мэн минь цзянь ю хао да хуэй цзай цзянь пу чжай цзюй син = В Камбодже прошла 11-я Конференция дружбы народов Китая и АСЕАН [Электронный ресурс] // Синьхуа. URL: http://www.xinhuanet.com/world/2017-08/07/content_1121445586.htm (дата обращения: 13.01.2021).
7. Чжун го - дун мэн лу ю хэ цзо лун тан 19 хаоцзай кун мин цзюй син = Форум сотрудничества в области туризма между Китаем и АСЕАН прошел в Куньмине 19-го числа [Электронный ресурс] // Китай Онлайн. URL: http://www.chinadaily.com.cn/zgzh/2009-11/19/content_9002214.htm. (дата обращения: 13.01.2021).
8. Чжун го-дун мэн цзы мао цюй 2010 нянь чжэн ши ци дун бу ру лин гуань ши уй ши дай = Зона свободной торговли Китай-АСЕАН была официально запущена в

2010 году и вступила в эру нулевых тарифов [Электронный ресурс] // Портал китайского правительства. URL: http://www.gov.cn/jrzg/2009-12/31/content_1500907.htm (дата обращения: 18.01.2021).

9. Чжан Цзянчи. И дай и лу чанг и ся чжун го дун мэн лу ю чан е хэ цзо чжи сян цзе гоу ю лу цзин = Сотрудничество между Китаем и АСЕАН в сфере туризма в рамках инициативы «Один пояс, один путь»: направление, структура и путь // Журнал Университета Хуацяо. 2020. № 2. С. 25–34.

10. Вэй бянь цзин лу ю гай ге чуанг синь фа хуэй сянь син ши фань цзо юн = Сыграйте образцовую роль в реформировании и инновациях приграничного туризма. [Электронный ресурс] // Министерство культуры и туризма КНР. URL : https://www.mct.gov.cn/whzx/whyw/201911/t20191128_849141.htm (дата обращения: 15.09.2021)

11. Чжун го - дун мэн чжань лю хо бань гуань си 2030 нянь юань цзин = Видение стратегического партнерства Китая и АСЕАН до 2030 года [Электронный ресурс] // Синьхуа. URL: http://www.xinhuanet.com/world/2018-11/15/c_1123718487.htm (дата обращения: 18.01.2021).

12. Чжун го хэ дун мэн шуанг бянь ван лай цзай чуанг синь гао = Двусторонние обмены между Китаем и АСЕАН достигли нового максимума [Электронный ресурс] // Портал китайского правительства. URL: http://www.gov.cn/xinwen/2019-08/16/content_5421578.htm (дата обращения: 18.01.2021).

13. Чжун го - дун мэн хэ цзо ни ши цзоу чу синь гао ду = Сотрудничество Китая и АСЕАН идет против тренда к новым высотам [Электронный ресурс] // Синьхуа. URL: http://www.xinhuanet.com/world/2020-09/09/c_1126473530.htm (дата обращения: 18.01.2021).

14. РСЕР цянй шу: цзы ю мао и чжи шэн, ди цюй фань жун чжи цзи = Подписание ВРЭП: победа свободной торговли, возможность регионального процветания [Электронный ресурс] // Портал китайского правительства. URL: http://www.gov.cn/xinwen/2020-11/17/content_5561955.htm (дата обращения: 19.01.2021).

СТРОИТЕЛЬСТВО МЕЧЕТЕЙ В СТАМБУЛЕ КАК ОТРАЖЕНИЕ ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОТИВОСТОЯНИЯ В ТУРЕЦКОМ ОБЩЕСТВЕ

К.А.А. Милинкевич

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 2200030, г. Минск, Беларусь, karina.milinkevich@gmail.com*

В ходе исследования были освещены события, связанные со строительством двух важных культовых зданий (мечетей) в Стамбуле за последние 10 лет. Отмечается наличие и даже обострение противостояния, сложившегося во внутривнутриполитической жизни Турции в указанный период. Продемонстрирована важность и символичность тех нюансов, которые были связаны с выбором места и архитектурного стиля для строительства мечетей Таксим и Чамлыджа. В статье показана общественная реакция на строительство выше упомянутых культовых зданий. Целью исследования является анализ предпосылок и причин строительства данных мечетей, а также оценка влияния данных события на внутривнутриполитическую жизнь Турецкой Республики с 2010 г. – по

настоящее время. Ценность работы состоит в том, что была выявлена закономерность в череде данных событий, которая в последствии может повлиять на отношения Турецкой Республики со своими соседями и в регионе в целом.

Ключевые слова: внутренняя политика Турции; мечеть Чамлыджа; мечеть Таксим; площадь Таксим; Реджеп Тайип Эрдоган; парк Гези.

CONSTRUCTION OF THE MOSQUES IN ISTANBUL AS A REFLECTION OF THE INTERNAL POLITICAL CONFRONTATION IN THE TURKISH SOCIETY

K.A.A. Milinkevich

Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus

The present paper focuses on the events related to the construction of two important religious buildings (mosques) in Istanbul over the past 10 years. In this paper the presence and even exacerbation of the confrontation that appeared in the internal political life of Turkey during the above mentioned period is noted. The importance and symbolism of the nuances, connected with the choice of location and architectural style for the construction of Taksim and Camlica mosques are demonstrated. The article outlines public reaction to the construction of the above mentioned religious buildings. The aim of the study is to analyze the prerequisites and reasons for the construction of these mosques, as well as to assess the impact of these events on the internal political life of the Republic of Turkey from 2010 to the present. The value of the work lies in the fact that a particular pattern was identified in a series of these events, which could subsequently affect the relations of the Republic of Turkey with its neighbors and countries of the region as a whole.

Key words: internal politics of the Turkish Republic; Camlica mosque; Taksim mosque; Taksim square; Recep Tayyip Erdogan; Gezi park.

Турецкая Республика, провозглашенная 29 ноября 1923 г. Мустафой Кемалем Ататюрком как светское государство, через 2 года будет отмечать столетие со дня основания. За 98 лет своего существования эта страна прошла через политические и экономические кризисы, военные перевороты и даже вооруженные конфликты. В течение последних двадцати лет в Турции произошли существенные внутривнутриполитические преобразования: впервые партия Ататюрка – Народно-республиканская партия проиграла на парламентских выборах (2002 г.); была произведена конституционная реформа (2017 г.); Турция совершила переход от парламентской к президентской республике.

Как отмечают многие эксперты, на фоне усиления роли Ислама во внутривнутриполитической жизни данной страны образовалось противостояние двух политических сил, которые выступают либо «за», либо «против» проникновения религии во внутреннюю политику Турции. Данное

противостояние нередко перерастало в конфликт, который проявлялся в различных формах. Так, одним из самых жестких проявлений данного конфликта стали массовые протесты на площади Таксим в 2013 г. Формальным поводом послужила вырубка деревьев в парке Гези – единственном зеленом уголке во всем районе Бейоглу. Вместо него собирались построить подземные транспортные развязки и торгово-развлекательный комплекс, стилизованный под исторические османские казармы. Протесты объединили граждан разных профессий: художников, актеров, певцов, ученых, экологов и студентов, а также создали массовый резонанс в мировых и турецких СМИ [7].

За два года до начала протестов, в 2011 г. был объявлен план о преобразовании площади Таксим, который включал строительство там мечети [2].

Данное место для строительства новой мечети вызвало массу общественных дискуссий. Многих настораживал выбор именно площади Таксим, которая является популярным центром городской жизни и символом современной Республики. В то время как строительство было бы более обоснованно в таких консервативных районах Стамбула как Фатих и Эйюп – где, кажется, можно попасть во времена Османской империи и почувствовать себя героиней знаменитого романа Решата Нури Гюнтекина «Королек- птичка певчая» – находящаяся всего в 10 минутах езды на трамвае, площадь Таксим, является центром светской жизни города. Знаменитая своими модными магазинами, выставочными залами, культурными центрами и ночными заведениями, площадь Таксим, по мнению многих общественных деятелей, придерживающихся светских взглядов, не нуждается в строительстве крупной пятничной мечети [7].

Противоположных идей придерживаются те граждане Турции, которые разделяют более консервативные взгляды. Они требуют строительства мечети именно в районе Бейоглу, по причине того, что в данном районе отсутствует большая пятничная мечеть. Важно отметить, что Общество строительства мечети Таксим было создано еще в 1952 г. [5]. С учетом того, что ранее в районе Бейоглу проживало преимущественно армянское и еврейское население, такой большой потребности в строительстве мечети не было. Однако, после того, как в 60-ых гг. многие армяне и евреи иммигрировали, и в район стали съезжаться этнические турки, потребность в мечети возникла.

9 февраля 2017 г. был заложен первый камень в фундамент новой мечети на площади Таксим [2]. А через год, вопреки негодованию многих местных жителей, под предлогом расширения площади для строящейся мечети был снесен Культурный центр Ататюрка. Это было известное здание, выполненное в стиле модерн и одно из любимых мест

досуга, где поколения турок посещали концерты, оперные вечера и театральные постановки. Являясь символом открытости республики западным ценностям, культурный центр был закрыт с 2008 г. на реконструкцию, а в 2018 г. и вовсе снесен [4].

Таким образом, будет справедливо отметить, что строительство мечети именно на площади Таксим, было выбрано не случайно. Район Бейоглу на протяжении многих десятилетий, считавшийся центром светской жизни Стамбула и одним из символов партии Ататюрка в Стамбуле был вынужден приютить у себя грандиозный проект Эрдогана – мечеть Таксим. Однако, ввиду печальных событий в парке Гези и сноса Культурного центра Ататюрка строительство новой мечети стало одним из поводов для обострения противостояния в общественной жизни Турецкой Республики.

Не меньшее количество споров вызвало строительство мечети Чамлыджа. Данная мечеть была построена в одном из самых консервативных районов Стамбула – Ускюдаре, и ее открытие состоялось 7 мая 2019 г., на второй день священного для всех мусульман месяца Рамадан. Важен тот факт, что на данный момент мечеть Чамлыджа является самой большой мечетью в Турции. Она располагается на склонах холма, высота которого составляет 268 метров в самой высокой точке, а купол мечети высотой почти в 72 метра, как отмечают многие жители города, нередко затмевает горизонт Стамбула.

Многие эксперты отмечают, что мечеть построена согласно традициям османских султанов, которые строили свои мечети на семи холмах исторической части старого города, в то время как Реджеп Тайип Эрдоган построил свою мечеть недалеко от самой высокой точки Стамбула, визуально создав восьмой холм. Более того, немалое возмущение вызвал тот факт, что президент Турции предложил украсить мечеть Чамлыджа шестью минаретами, численно конкурирующими по величине с мечетью султана Ахмеда I (Голубой мечетью), и единственной мечетью в Стамбуле, имеющей такое же количество минаретов. Таким образом, строительство мечети Чамлыджа в самой высокой точке города обусловлено архитектурным решением, благодаря которому мечеть визуально возвышается над «султанскими мечетями» Стамбула и как бы символизирует политическую власть Эрдогана, сравнимую с той, что обладали Османские султаны [5].

Отметим, что прежде, в Османской Империи строительство мечетей было давней традицией, которая заключалось в том, что султаны после особенно великих завоеваний или побед строили грандиозные мечети и называли их в свою честь. Мечеть Чамлыджа, в свою очередь, несомненно, является мечетью Эрдогана. В свое время он вмешался в

процесс проектирования мечети и лично руководил ее строительством, даже косвенно отметив, что это не просто мечеть, а «мечеть Селатин». Об этом свидетельствует тот факт, что на церемонии открытия мечети Мимар Синан в Аташехире (район Стамбула), президент Эрдоган заявил: «В европейской части Стамбула есть мечеть Сулеймание, и есть мечеть Шехзадебаша. С другой стороны, есть мечети Султанахмет и Фатих. Однако на азиатской стороне города нет ни пятничной мечети, ни “мечети Селатин”. Нам хотелось, чтобы на этой стороне было несколько селатинских и пятничных мечетей», – отметил он [1].

Данное заявление также вызвало бурю негодования в обществе. Граждане, разделяющие светские взгляды, отметили, что «Мечетью Селатин» или «султанской мечетью», называются только те мечети, которые были построены султанами, наследными принцами и валиде-султан на свои личные средства [1].

Недовольство граждан еще больше подогрели слова Исмаила Кахрамана, который ранее был спикером турецкого парламента от партии Эрдогана – Партии Справедливости и Развития (ПСР) и который в последние десятилетия возглавлял консервативный Национальный турецкий студенческий союз, где нынешний президент Турции, кстати, впервые проявил себя в политике. Он заявил, что мечеть следует назвать «Мечеть Реджепа Тайипа Эрдогана» [3].

Тех кто критиковал строительство данной мечети смущал факт не только мотива строительства, но и огромных материальных затрат, сейсмической устойчивости и целесообразности данного проекта. Многие жители Стамбула отмечают, что количество парков и зон отдыха стало заметно сокращаться в то время как количество новых мостов, мечетей и торговых центров лишь увеличивается. Более того, строительство мечети, по оценке экспертов составило 110 миллионов долларов. Несмотря на то, что мечеть вмещает до 63 000 верующих и включает в себя образовательный комплекс, музей, галерею и конференц-центр, общая статистика по Стамбулу показывает следующие данные: заполняемость примерно 3400 мечетей по всему Стамбулу в будние дни составляет лишь 20%, за исключением пятничных молитв [6].

В итоге, справедливым будет заявить, что мечеть Чамлыджа – это имеджевый проект Реджепа Тайипа Эрдогана. Построенная на самой высокой точке города, в османском стиле, с таким же количеством минаретов, как и султанская мечеть Ахмеда I, а также, называемая «мечеть Реджепа Тайипа Эрдогана» – мечеть Чамлыджа стала еще одним поводом для усиления противостояния в турецком обществе. В то время как сторонники Эрдогана восхищаются прекрасной архитектурой новых мечетей и их грандиозности, светски настроенные граждане нередко не со-

глашаются с целесообразностью строительства данных мечетей мотивируя это большими материальными затратами, отсутствием зеленых зон в городе и конечно же, опасностью усиления роли Ислама во внутривнутриполитической жизни страны.

Подводя итог всего выше изложенного, можно с уверенностью заявить, что на наших глазах происходит усиление противостояния между неоосманизмом Эрдогана и секуляризмом Ататюрка, которое приобретает различные формы: от горячих споров до реальных протестов. Что примечательно, президент Эрдоган нередко использует ностальгию многих граждан Турции по Османскому прошлому. Такой подход не может не пугать ближайших соседей Турции, например, Грецию, отношения с которой значительно ухудшились в прошлом году из-за изменения статуса собора Святой Софии.

Следовательно, строительство мечети Чамлыджа, напоминающей по своему размаху «султанскую мечеть» и строительство мечети в центре светской жизни Стамбула, площади Таксим, – все это звенья одной цепи, где культовые сооружения (мечети), к сожалению, выступают в роли инструмента для достижения определенных внутривнутриполитических целей, и нередко провоцируют усиление противостояния в турецком обществе.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Султанынджамиси [Электронный ресурс]. URL: <https://www.milliyet.com.tr/yazarlar/mehves-evin/sultan-in-camisi-1570485> (дата обращения: 24.12.2020).
2. Таксиминшааты не заманбашлады [Электронный ресурс]. URL: <https://www.haberler.com/taksim-camii-insaati-ne-zaman-basladi-taksim-12462524-haberi/> (дата обращения: 20.10.2020).
3. Чамлыджаджаминеисми Реджиб Тайип Эрдоанолсун [Электронный ресурс]. URL: <https://www.hurriyet.com.tr/gundem/tbmm-baskani-kahraman-camllica-cami-ine-ismi-recep-tayyip-erdogan-olsun-40737604/> (дата обращения: 30.11.2020).
4. Ataturk cultural centre [Electronic resource]: Hurriyet. Mode of access: <https://www.hurriyetdailynews.com/demolishing-work-at-istanbul-historic-ataturk-cultural-center-kicks-off-127300>. Date of access: 14.01.2021.
5. Batuman, B “Everywhere Is Taksim”: The Politics of Public Space from Nation-Building to Neoliberal Islamism and Beyond [Electronic resource] // Journal of Urban History. – 2015. – Mode of access: https://www.researchgate.net/publication/276829409_Everywhere_Is_Taksim. Date of access: 10.01.2021.
6. Grand Camlica Mosque [Electronic resource]: Independent. Mode of access: <https://www.independent.co.uk/news/world/middle-east/grand-camlica-mosque-turkey-istanbul-erdogan-religion-a8899081.html>. Date of access: 04.01.2021.
7. Taksim square is a symbol of secular Turkey [Electronic resource]: New York Times. Mode of access: <https://www.nytimes.com/2019/03/22/world/europe/in-istanbul-erdogan-remakes-taksim-square-a-symbol-of-secular-turkey.html>. Date of access: 14.01.2021.

Н. Л. ПУШКАРЕВА КАК МЕТОДОЛОГ ГЕНДЕРНОГО ПОДХОДА В МЕЖДУНАРОДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

В. М. Слепцова¹⁾, С. Ф. Свилас²⁾

¹⁾ *Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, viktorysleptsova@gmail.com*

²⁾ *Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, svilas@tut.by*

В статье рассматривается научная деятельность доктора исторических наук профессора Н. Л. Пушкаревой, которая вносит заметный вклад в развитие исторической феминологии и гендерной истории в России. Авторы подчеркивают значимость ее работ и организационной деятельности для разработки антропологического (в том числе гендерного) подхода к исследованию международных отношений. Объект исследования – методология международных исследований. Предмет исследования – гендерный подход к изучению международных отношений. Целью исследования является анализ деятельности Н. Л. Пушкаревой как историка-феминолога и гендерного историка. Практическая значимость исследования заключается в возможности использования данного материала в работе по исследованию гендерного аспекта международных отношений и мировой политики.

Ключевые слова: Н. Л. Пушкарева; историческая феминология; историческая андрология; гендерная история; гендерные исследования; гендерный аспект международных отношений; методология и методика международных исследований.

NATALIA PUSHKAREVA AS THE FOUNDER OF THE GENDER APPROACH IN RUSSIAN INTERNATIONAL STUDIES

V. M. Sleptsova^a, S. F. Svilas^b

^a *Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus*

^b *Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus*
Corresponding author:: V. M. Sleptsova (viktorysleptsova@gmail.com)

The article examines the scientific activity of the Doctor of Historical Sciences, Professor N. L. Pushkareva, who makes a significant contribution to the development of historical feminology and gender history in Russia. The authors emphasize the importance of her work and organizational activities for the development of an anthropological (including gender) approach to the study of international relations. **The object of the research** is the methodology of international studies. **The subject of the research** is the gender approach to the study of international relations. **The purpose of the research** is to analyze the activities of N. L. Pushkareva as a feminist historian and gender historian. **The practical signif-**

icance of the research lies in the possibility of using this material in the work on the study of the gender aspect of international relations and world politics.

Key words: N. L. Pushkareva; historical feminology; historical andrology; gender history; gender studies; gender aspect of international relations; methodology and methodology of international.

Выпускница и профессор МГУ, Наталья Львовна Пушкарева является основоположницей гендерных исследований в российской исторической науке. Заслугой этого ученого является анализ взаимоотношений между полами, а также социокультурных факторов, влияющих на положение женщины в России на протяжении десяти веков, который содержится в её кандидатской («Положение женщины в семье и обществе Древней Руси» (1985 г.) и докторской («Женщина в русской семье: динамика социокультурных изменений X–XIX вв.» (1997 г.) диссертациях [1]. Н. Л. Пушкарева занимается также анализом женских движений, изучением распространения феминистских идей в российском обществе и науке. В немалой степени благодаря её усилиям успешные женщины в политической, культурной и социальной жизни российского общества стали «видимыми».

Гендерная методология не существует сама по себе, отдельно от других. Среди особенностей **методологии и методики гендерных исследований** Н. Л. Пушкарева отмечает междисциплинарный подход, метод терминологического анализа, метод включенного наблюдения, предпочтение качественной методологии формально-количественному описанию, анализ биографий и интервью, метод эмпатии, дискурс-анализ [2; 3]. По оценке профессора, в основе гендерных исследований лежит теория научных революций, предложенная Т. Куном. Ранее считалось, что различия между полами заложены природой и исторически неизменны, однако данная концепция позволила взглянуть на историю как на изменчивую среду [4].

С конца 1960-х гг. социологи, психологи, лингвисты, политологи, историки задумались над вопросом, как пол влияет на жизнь человека. Поиск ответа стимулировался подъемом молодежного и женского движения. Вторая волна феминизма, в отличие от первой в XIX веке, сопровождалась требованием перейти от декларирования к обеспечению равенства возможностей женщин и мужчин. Становлению нового направления в науке способствовали, в частности, структурный функционализм Т. Парсонса, концепция ситуативной драматургии И. Гофмана, гуманистическая психология К. Роджерса и А. Маслоу, утверждавшая право человека быть самим собой, отстаивать свою неповторимость [1; 3].

В 1970-е гг. в Западной Европе и США появляются феминистские журналы и начинают читаться курсы по истории женского движения. Возникновение термина **«женские исследования»** (Women Studies) в немалой степени связано с именем профессора Корнелльского университета (США) *Шейлой Тобиас*. Предмет Women Studies - «женские темы» (изменение статуса и роли женщины в обществе), написанные, чаще всего, самими женщинами [3].

В 1975 году, объявленном ООН «Всемирным годом женщины», появляется термин **«феминология»**, введенный в науку *Ниной Коч* (США). **Социальная феминология** определяется как междисциплинарная отрасль научного знания, изучающая совокупность проблем, связанных с социально-экономическим и политическим положением женщины в обществе. **Историческая феминология** занимается изучением изменений женского социального статуса и её функциональных ролей, это история глазами женщин, написанная с позиций женского опыта. Историки-феминологи изучают положение женщин в разных странах в разные эпохи, описывают отдельные судьбы, анализируют опыт женских объединений и участие в общественных движениях. Благодаря усилиям историков-феминологов в истории появилось много женских имен. Русскоязычная историография отдает предпочтение термину «феминология», термин «женские исследования» употребляется реже. В 1990 г. была создана организационная структура для дальнейшего развития этого направления - участники Международного конгресса исторических наук в Мадриде утвердили Международную федерацию исследователей женской истории [3].

В потоке «женских исследований» появились работы, содержавшие мужененавистнические тезисы с одновременным подчеркиванием женского превосходства. Англоязычное слово история «history» переводилось некоторыми феминистками как «его история» (hisstory) с предложением переписать историю как «её историю» (her story) [2]. Ответом стала **историческая андрология**, или **«мужская история»**. Историки-андрологи занимаются изучением изменений социального статуса мужчин, их функциональных ролей; они смотрят на прошлое глазами мужчин. До конца 1970-х гг. «женская» и «мужская» истории существовали раздельно, а **«квир-история»** (история сексуальных меньшинств) отсутствовала вовсе.

С конца 1970-х гг. в Европе и США начинает развиваться **гендерная история** - взаимосвязанная история женщин (историческая феминология), история мужчин (историческая андрология), история квир-сообществ (людей, отличных от гетеронормативной модели поведения). В 1985 г. *Джоан Скотт* выступила с докладом на Собрании Американ-

ской исторической ассоциации, а годом спустя опубликовала на его основе статью «Гендер – полезная категория исторического анализа». Д. Скотт призвала изучать гендерные стереотипы, гендерные нормы, гендерную идентичность и гендерные конфликты, социальные институты, формирующие гендер (семья, рынок рабочей силы, система образования, устройство государства) [5]. **Гендерные исследования**, по определению Н. Л. Пушкаревой, – это научное направление, предметом изучения которого является система отношений и взаимодействий, структурирующих общество по признаку пола. Предложения сменить женские исследования на гендерные были особенно негативно восприняты феминистками США, поскольку, на их взгляд, это вновь превращало женщин в «невидимок» [3].

Интенсивное развитие гендерная история получила в 1990-е гг., когда вместо «структур большой длительности» ученые стали изучать конкретные судьбы обычных людей на небольшом временном отрезке; стал практиковаться биографический метод. **Гендерная история** объединила историю женщин, историю мужчин, историю сексуальности, историю квир-сообществ. Историк-гендеролог занимается анализом представлений о мужчинах и женщинах в разные эпохи [1; 3].

Характеризуя развитие гендерных исследований в России, Н. Л. Пушкарева отмечает, что «женская тематика» присутствовала еще в трудах В. Н. Татищева и Н. М. Карамзина, но самостоятельным направлением она становится в «горбачевский» период советской истории, когда историки получили возможность осваивать западные концепции на основе своего фактического материала. Учреждаются Российская ассоциация исследователей женской истории, Российский национальный комитет в составе Международной федерации исследователей женской истории, научные центры в университетах и вузах России [3]. При содействии Н. Л. Пушкаревой в 1989 г. при Институте демографических исследований был основан Московский центр гендерных исследований (МГЦИ), стали проводиться международные конференции, семинары, а также международные летние школы историков-гендерологов; она призвала обратить внимание на изучение биографий женщин-историков [6; 7]. Работы ученого публиковались в ежегоднике «Социальная история», альманахе «Адам и Ева», журнале «Женщина в российском обществе».

Суть гендерного подхода в международных исследованиях (среди авторитетных его представителей российские ученые профессора Т. А. Алексеева, Э. Я. Баталов, Т. В. Зонова, М. М. Лебедева, белорусский профессор И. Р. Чикалова, Беспанская-Павленко) – рассмотрение мужчин и женщин как равноценных субъектов международных отношений. Эксперты констатируют, что женщина в мировой политике про-

должает играть роль «невидимки». По мнению Т. В. Зоной, для достижения подлинного равноправия необходима целенаправленная государственная политика, законодательно и детально обеспечивающая возможности женщины, в том числе женщины, имеющей семью, плодотворно трудиться на политическом, дипломатическом и научном поприщах [8–10]. Говорить об исчезновении антропоцентризма в международных отношениях преждевременно, но гендерный подход занимает все более прочные позиции.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Пушкарева, Н. Л. Женщина в русской семье X - начала XIX в.: динамика социо-культурных изменений: дис. ... док. ист. наук: 07.00.07 / Российская академия наук. Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. Москва, 1997. 354 с.
2. Пушкарева, Н. Л. Гендерная теория, политика, практика, идеология // Гендерная теория и историческое знание: материалы второй международной научно-практической конференции / Отв. ред. А.А. Павлов, В.А. Семенов. Сыктывкар: Изд-во СыктГУ, 2005. С. 8–20.
3. Теория и методология истории: учеб. для вузов / Отв. ред. В. В. Алексеев, Н. Н. Крадин, А. В. Коротаев, Л. Е. Гринин. Волгоград: Учитель, 2014. С. 288–311.
4. Пушкарева, Н. Л. Женская и гендерная история: итоги и перспективы развития в России // Историческая психология и социология истории. №2. Москва, 2010. С. 51–64.
5. Scott J. W. Gender: A Useful Category of Historical Analysis // Oxford University Press. Vol. 91. No. 5. 1986. P. 1053–1075.
6. Валькова О. А. Гендерная история науки в России. Начало // Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН: Москва. 2019. Т. 46. № 3. С. 544–554.
7. Чаттерджи Ч., Петроне К. Наталья Пушкарева: гендер и историческое наследие в постсоветской России // Вестник Пермского университета. 2019. № 3 (46). С. 76–84.
8. Баталов, Э. Я. Антропология международных отношений. М. : Аспект Пресс, 2018. 352 с.
9. Зонова, Т. Гендерный фактор в политике и дипломатии // Международные процессы. 2009. № 2. С. 94–100.
10. Женщины в истории: возможность быть увиденными: сб. науч. ст. Вып. 1–3 / под ред. И. Р. Чикаловой. Минск: БГПУ, 2001. 320 с.; 2002. 312 с.; 2004. 308 с.

К ВОПРОСУ ОБ ЭВОЛЮЦИИ НОВОГО МЕЖДУНАРОДНОГО ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННОГО ПОРЯДКА

Л. А. Федотов

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 2200030, г. Минск, Беларусь, fiadot@tut.by*

Раскрывается сущность подхода к новому международному информационно-коммуникационному порядку как деятельности, направленной на совершенствование существующих международных отношений в информационной сфере. Выделены семь этапов в истории данной деятельности на всемирном уровне и характерные особенности каждого этапа.

Ключевые слова: международный информационный порядок; права человека; информационное общество; информационно-коммуникационные технологии.

TO THE STUDY OF THE EVOLUTION OF THE NEW WORLD INFORMATION AND COMMUNICATION ORDER

L. A. Fedotov

Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus

The essence of the new world information and communication order is discovered herewith and presented as the activities on the perfection of existing international relations in the information sphere. These activities' retrospect is given in seven stages and their distinctive features described.

Keywords: international order; human rights; information society; information and communication technologies.

В настоящее время большинство исследователей рассматривают новый международный информационный порядок (НМИП) как исторический феномен, относящийся ко второй половине 1970-х гг. – 1980 гг. Однако то, что НМИП был упомянут в резолюции «Информация на службе человечества», принятой в 2020 г. на 75-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН (ГА ООН), указывает на правоту тех, кто считает, что деятельность, направленная на достижение НМИП продолжилась и после окончания холодной войны. При этом содержание концепции НМИП претерпело существенные изменения.

Истоки НМИП выходят за рамки 1970-х гг. и их следует искать в эпоху формирования международного информационного порядка (МИП) – в середине XIX в., когда благодаря достижениям науки и техники систематический обмен информацией стал возможен между боль-

шинством населенных частей Земли, а также возникло мировое хозяйство. И тогда же на повестку дня международного сообщества встал вопрос о его совершенствовании. Часть предложений по совершенствованию МИП с течением времени становилась факторами существующего порядка. В данной связи полагаем справедливым утверждение, содержащееся в монографии «Международный порядок: Политико-правовые аспекты» (1986), о том, что в силу переплетённости элементов старого (сложившегося) и нового порядка в определенной конкретно-исторической ситуации они оказываются общезначимыми [1, с. 17].

В истории деятельности по совершенствованию МИП можно выделить следующие этапы.

1. Середина XIX в. – середина 1920-х гг. Сущность данного этапа – деятельность по формированию системы многостороннего сотрудничества государств в области взаимодействия национальных инфраструктур электрической и почтовой связи. Она воплотилась в создании Всемирного почтового союза, Международных телеграфного и радиотелеграфного союзов (с 1932 г. – Международный союз электросвязи) и стала успешной благодаря тому, что соответствовала национальным интересам всех государств. На уровне негосударственных акторов, в рамках международного пацифистского движения на лондонском Всемирном конгрессе мира 1890 г., рассматривались вопросы влияния прессы на разжигание войн и разработки мер по нейтрализации такого влияния.

2. Середина 1920-х гг. – вторая половина 1930-х гг. Определяющей тенденцией этого этапа являлась разработка международных механизмов, направленных на «моральное разоружение». С середины 1920-х гг. на квазигосударственном уровне, в частности в Международном радиовещательном союзе, а в начале 1930-х гг. в Лиге Наций, в том числе на Конференции по сокращению и ограничению вооружений, началось обсуждение мер по предотвращению использования средств массовой информации (СМИ) для ведения пропаганды, разжигающей вражду против других государств, а также их использованию в интересах мира и взаимопонимания между народами. Часть из этих мер была воплощена в реальность. Среди них – принятие в 1936 г. Международной конвенции об использовании радиовещания в интересах мира, действующей до настоящего времени. Однако эти ростки нового не могли изменить неблагоприятные факторы развития международных отношений, приведшие к новой мировой войне.

3. 1946 г. – 1948 г. На данном этапе международным сообществом в рамках ООН предпринимались усилия по определению универсальной концепции свободы информации и мер по ее претворению в реальность. Они были связаны с деятельностью по гуманизации международных от-

ношений через придание универсального характера концепции прав человека. Идейной основой для соответствующей деятельности являлась доктрина «свободного распространения информации». В проектах трех международных конвенций и 43 резолюциях, выработанных Конференцией ООН по свободе информации в марте – апреле 1948 г., была сделана попытка поиска компромисса между идеями свободного распространения информации через государственные границы и императивами защиты государственного суверенитета. Однако в условиях формирования реалий «холодной войны» такой компромисс не устраивал обоих гегемонов послевоенного международного порядка – США и СССР, рассматривавших сферу информации в качестве поля идеологического противостояния на международной арене. Важным результатом совершенствования МИП стала разработка положений о свободе информации для Всеобщей декларации прав человека и проекта конвенции о правах человека, воплощенной впоследствии в Международном пакте о гражданских и политических правах.

4. 1949 г. – 1973 г. Важнейшей чертой этого этапа может быть названо возникновение и расширение мер по сокращению неравенства стран третьего мира в отношении развития систем связи и массовой информации в рамках процессов деколонизации и развития. На 13-й сессии ГА ООН (1958) помощь странам с низким уровнем развития в создании национальных систем СМИ была признана неотъемлемой частью свободы информации. Действие созданных на глобальном уровне механизмов поддержки данных стран, в частности Расширенной программы технической помощи ООН, а затем ПРООН с самого начала распространилось на сферы связи и массовой информации.

Отражением тезиса, высказанного Генеральным директором ЮНЕСКО Рене Майо, о том, что развитие – это работа на благо мира и справедливости, стал новый импульс, приданный усилиям по обеспечению вклада СМИ в дело мира и справедливости. В 1968 г. на 23-й сессии ГА ООН распространение фактов об опасности апартеида, расизма, нацизма, колониализма и расовой дискриминации было названо первоочередной задачей развития свободы информации, а СМИ призывались к сотрудничеству в борьбе с пропагандой войны.

5. 1974 г. – 1989 г. Отличительная особенность деятельности по достижению более справедливого МИП на данном этапе – это попытка преодоления не только отсталости, но, прежде всего, состояния *зависимости* развивающихся стран в информационно-коммуникационной сфере, что и было сутью концепции НМИП в рассматриваемый период. Триггером для разворачивания дискуссии о НМИП стало провозглашение ООН нового международного экономического порядка в 1974 г. На это событие откликнулась ЮНЕСКО, которая в том же году на 18-й сес-

сии Генеральной конференции определила, что мероприятия данной организации должны проводиться на основе принципов нового международного экономического порядка, в том числе, обеспечения свободного и *сбалансированного* распространения информации. Понятие «Новый международный информационный порядок» вероятно, впервые было использовано в заявлении участников Семинара имени Дага Хаммаршельда для журналистов из стран третьего мира, состоявшегося в Нью-Йорке в августе – сентябре 1975 г., а окончательно вошло в официальный международный лексикон после 20-й сессии Генеральной конференции ЮНЕСКО в 1978 г. [2; р. 4, 43].

Однако даже в качестве концепции НМИП не приобрел законченной формы по причине различных ценностных подходов к механизмам воплощения в жизнь его элементов как на экспертном, так и официальном уровнях. Документы, касающиеся установления НМИП, принятые ООН и ЮНЕСКО в 1980-е гг., позволяют выделить следующие главные акценты этой концепции. Во-первых, это ориентация преимущественно на международный уровень распространения информации. Во-вторых, фокусирование внимания на проблемах СМИ. Вопросы телекоммуникационной инфраструктуры рассматривались в рамках концепции в основном в качестве условия для развития СМИ. При этом координацию деятельности по установлению НМИП с Международным союзом электросвязи (МСЭ) можно оценить как недостаточно тесную. В-третьих, это попытки установить определенные принципы распространения информации как о развивающихся странах в целом, так и конкретных международных проблемах с их участием. В-четвертых, использование ранее сложившихся инструментов международной технической помощи развивающимся странам. Первоначально обсуждавшиеся предложения об использовании для данной цели отчислений из прибылей транснациональных компаний не были включены в тексты официальных документов ООН и ЮНЕСКО. В условиях сокращения финансовых ресурсов для оказания такой помощи амбициозные задачи НМИП оказывались нереализуемыми.

Внешнеполитическое противодействие концепции НМИП со стороны экономически развитых стран, отказ СССР от конфронтации с ними, ухудшение экономического положения развивающихся стран привело к трансформации ее содержания. Событием, ознаменовавшим эту перемену, стала 129-я сессия Исполнительного совета ЮНЕСКО в 1988 г. Признав требование установления НМИП правомерным, сессия высказалась за его реализацию на основе новой стратегии [3, с. 25–26]. Рассматриваемый период дал международному сообществу новые механизмы по оказанию помощи странам в информационно-коммуникационной сфере, как создание ЮНЕСКО Международной программы развития коммуни-

кации, а МСЭ – Центра развития электросвязи, деятельность которого впоследствии продолжилась в виде сектора развития электросвязи.

6. 1990 г. – 1999 г. Этот этап связан с поиском новых приоритетов деятельности международного сообщества по совершенствованию МИП в условиях прекращения глобального межблокового противостояния. На всемирном уровне выделяются три основных направления данной деятельности: 1. Обеспечение свободы информации в новых политическо-технологических условиях; 2. Содействие внедрению новых информационно-коммуникационных технологий (ИКТ); 3. Недопущение использования ИКТ в деструктивных целях. Данные направления на рубеже 1990-х гг. и 2000-х гг. объединились в рамках формирования концепции построения информационного общества, включившей в себя и НМИП.

Заключение в рамках ГАТТ/ВТО в 1994 г. Генерального соглашения по торговле услугами, Приложения по электросвязи к данному соглашению, а также принятие в 1996 г. декларации министров по вопросам торговли товарами в области информационных технологий знаменовало либерализацию международных экономических отношений в отношении услуг связи и информационных технологий.

7. 2000 г. – 2010-е гг. Этап, продолжающийся и в настоящее время, связан с принятием и деятельностью по выполнению концепции ориентированного на интересы людей, открытого для всех и направленного на развитие информационного общества. Формальное утверждение данной концепции связано с проведением по инициативе МСЭ и при поддержке ООН Всемирной встречи на высшем уровне по вопросам информационного общества (2003–2005 гг.). По прошествии 10 лет – в декабре 2015 г. эта концепция стала объектом рассмотрения на совещании высокого уровня Генеральной Ассамблеи ООН, в основном была подтверждена и незначительно актуализирована с учетом Повестки дня в области устойчивого развития до 2030 г. [4].

С точки зрения теории международных отношений концепция построения информационного общества является отражением либерального подхода к совершенствованию миропорядка. В ее основе лежит идея глобализации – глобального информационного общества. Сущность информационного порядка на глобальном уровне ставится в ней в зависимость от характера информационных отношений на национальном уровне. Концепция информационного общества исходит из того, что МИП, признаваемый несправедливым из-за существования так называемого «цифрового разрыва» как на глобальном, так и национальном уровнях, подлежит качественному изменению в лучшую сторону путем установления принципов, признаваемых всем международным сообществом. В их числе могут быть названы как общие характерные для либеральной идеологии принципы (демократия, устойчивое развитие, соблюдение прав человека и основных свобод, надлежащее государствен-

ное управление, преимущественное использование инструментов рыночной экономики), так и некоторые специфические принципы, относящиеся к информационному обществу (например, защита культурного и языкового разнообразия).

Акторами международного сотрудничества при построении информационного общества в рассматриваемой концепции определены органы государственного управления, частный сектор, гражданское общество и международные организации, включая международные финансовые учреждения, совокупные действия которых должны составить «цифровую солидарность».

Концепция информационного общества тесно связана с принципами и приоритетами Декларации Тысячелетия ООН, принятой в 2000 г. Среди них – мир и безопасность, развитие и искоренение нищеты, права человека, демократия и благое управление, защита интересов уязвимых групп. В 2015 г. в рассматриваемую концепцию был внесен и приоритет охраны окружающей среды в сфере ИКТ.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Международный порядок: Политико-правовые аспекты / отв. ред.: Г. Х. Шахназаров. М., 1986.
2. A Documentary History of a New World Information and Communication Order seen as Evolving and Continuous Process. UNESCO, 1988.
3. ЮНЕСКО. Акты Генеральной конференции. 25-я сессия Париж, 17 октября – 16 ноября 1989 г. Том 1. Резолюции. ЮНЕСКО, 1990.
4. ООН. Генеральная Ассамблея. 70-я сессия. Резолюция A/RES/70/125. URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/70/125> (дата обращения: 04.12.2017).

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ИНСТИТУТОВ КОНФУЦИЯ В УКРАИНЕ

Хань Ваньчэнь

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 2200030, г. Минск, Беларусь, wanchenhaaaan@gmail.com*

В статье рассмотрены причины создания, цель, задачи, результаты деятельности сети институтов Конфуция в Украине. Подчеркнуто, что эти учреждения стали авторитетной и популярной платформой для понимания гражданами Украины современного Китая и изучения китайского языка и культуры. На конкретном материале показано продвижение Институтами преподавания китайского языка и содействие китайско-украинскому культурному обмену. Определенное внимание уделено историографии вопроса; отмечен вклад украинских руководителей Институтов Конфуция в повышение эффективности их работы. Определенное внимание уделено деятельности украинских культурных и исследовательских Центров в Китае.

Ключевые слова: Китай; Украина; культурная дипломатия; имидж государства; институт Конфуция; культурный обмен; преподавание китайского языка.

ACTIVITIES OF THE INSTITUTES OF CONFUCION IN UKRAINE

Han Wanchen

Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus

The article expounds the reasons, the purpose, the objectives, and the achievements of establishing the Confucius institutions in Ukraine. It was emphasized that these institutions have become an authoritative and popular platform for Ukrainian citizens to understand modern China and study the Chinese language and Chinese culture. Specific materials show the promotion of the Chinese language teaching institutes and the development of cultural exchanges between China and Uzbekistan. Attention were paid to the history of the issue; The contribution of the Ukrainian leaders of Confucius Institutes to increasing the work efficiency of their work was noted. Particular attention is paid to the activities of Ukrainian cultural and research centers in China.

Key words: China; Ukraine; cultural diplomacy; national image; Confucius Institute; culture exchange; teaching Chinese.

Со времени установления дипломатических отношений между Китаем и Украиной в 1992 г. политические отношения двух стран достигли уровня стратегического партнерства, китайско-украинские научные связи приобрели формы совместных исследований и разработок, получило стремительное развитие сотрудничество в гуманитарной сфере. Китай и Украина – авторитетные культурные державы, поэтому Институты Конфуция являются важным организационным условием, а также компонентом культурного обмена и сотрудничества двух стран.

В ноябре 2004 г. в Южной Корее был основан первый Институт Конфуция в мире. По состоянию на конец 2019 г. Китаем было создано 541 Институт и 1170 Школы Конфуция в 162 странах [1]. Как отметил председатель КНР Си Цзиньпинь, «Институт Конфуция – важная платформа, позволяющая всему миру познакомиться с китайской культурой. Они играют положительную роль в гуманитарном обмене между Китаем и другими странами, а также способствуют диверсифицированному развитию мировой цивилизации» [2, с. 7]. Будучи важным партнером Китая, Украина активно поддерживает деятельность институтов Конфуция. В октябре 2006 г. официально было открыто первое такое учреждение – при Луганском национальном университете. К концу 2020 г. в Украине действовали уже 6 Институт и 2 Школы Конфуция (см. таблицу) :

Таблица

Тип	Время создания	Название	Вуз-партнер в Китае
Институт Конфуция	Октябрь 2006 г.	Институт Конфуция при Луганском национальном университете	Чжэцзянский педагогический университет
	Ноябрь 2007 г.	Институт Конфуция при Киевском национальном университете	Цзилиньский университет
	Май 2008 г.	Институт Конфуция при Харьковском национальном университете	Аньхойский университет
	Сентябрь 2011 г.	Институт Конфуция при Южноукраинском национальном педагогическом университете	Харбинский инженерный университет
	Июнь 2013 г.	Институт Конфуция при Киевском национальном лингвистическом университете	Тяньцзиньский университет иностранных языков
	Октябрь 2019 г.	Институт Конфуция при Винницком национальном техническом университете	Ланьчжоуский политехнический университет
Школа Конфуция	Август 2017 г.	Школа Конфуция при Запорожском национальном университете	Аньхойский педагогический университет
	Июнь 2019 г.	Школа Конфуция при Национальной музыкальной академии Украины	Центральная консерватория музыки

[3].

Китайский и украинский директора совместно возглавляют Институт Конфуция в Украине, директор от китайской стороны направляется партнерским учреждением из Китая, а от украинской -- местным университетом. В Киевском национальном лингвистическом университете доктор филологических наук, проректор по учебно-воспитательной работе и международным связям И. И. Серякова занимает должность директора Институт Конфуция [4], в Южноукраинском национальном педагогическом университете -- кандидат педагогических наук, доцент кафедры перевода теоретической и прикладной лингвистики А. В. Попова [5], в Харьковском национальном университете -- кандидат географических наук, доцент кафедры физической географии и картографии А. М. Байназаров [6]. В других Институтах Конфуция в Украине директорами от украинской стороны являются руководители местных университетов.

Цель создания Институт Конфуция в Украине заключается в общем укреплении отношений между Пекином и Киевом, изучении языка

и распространении китайской культуры. В этих учреждениях проводятся курсы для взрослых и курсы для детей. Курсы для взрослых обычно открыты с понедельника по пятницу после занятий, туда направляются студенты по специальности «китайский язык» и рабочие с совместных производств; курсы для детей проходятся по субботам, они предназначены для детей этнических китайцев и маленьких украинцев, интересующихся китайской литературой и языком.

Различные мероприятия проводятся Институтами в начальных и средних школах, домах для престарелых, Дворцах для детей и юношества (чайные церемонии, конкурсы знатоков китайского языка, торжественные вечера, посвященные Празднику весны и т. д.). Осуществляется языковая и культурная подготовка украинских делегаций (например, для участия в I-й Китайской международной импортной выставке в 2018 г.), обучение китайскому языку бортпроводников украинских авиакомпаний [7].

Институты Конфуция оказывают методическую помощь украинским преподавателям китайского языка, что не только решает проблему нехватки местных кадров, но и повышает уровень преподавания. Благодаря помощи институтов число студентов, изучающих китайский язык, увеличивается из года в год, эта специальность становится одной из самых популярных. В Украине констатируют «бум китайского языка» [8].

Институты Конфуция проводят специальные мероприятия по укреплению своей положительной репутации среди самых широких кругов украинской общественности. Так, будучи первым в Украине, Институт Конфуция при Луганском национальном университете вложил средства в создание памятника выдающемуся педагогу Сухомлину в год его 90-летия, который установлен в зале Национальной библиотеки Украины [9, с. 25].

Деятельность институтов стала предметом научных исследований (работы Ю. П. Мателешко и М. В. Трофименко). Ю. П. Мателешко считает, что деятельность Института Конфуция повышает «мягкую силу» КНР, на большом эмпирическом материале подчеркивает значение распространения китайской культуры и языка в Украине [10, с. 215]. В работе М. В. Трофименко рассматриваются основные принципы деятельности Институтов Конфуция как механизма осуществления публичной дипломатии КНР и их реализация. Этот автор подчеркивает необходимость дальнейшего исследования феноменального роста роли Института Конфуция [11, с. 335].

Исследования деятельности Институтов Конфуция в Украине, осуществляемые китайскими экспертами, касаются вопроса о методиках преподавания китайского языка, формах и направлениях распространения китайской культуры. Мэй Сюэ на основе анализа деятельности Института Конфуция при Харьковском национальном университете внесла

предложения по повышению её эффективности [12, с. 5]. Ван Вэньцзин на примере Института Конфуция при Южноукраинском национальном педагогическом университете проанализировал преподавание китайского языка, учебники и квалификацию преподавателей и также предложил рекомендации для своих коллег [13, с. 22]. Ли Цзихуа, Ван Лумань и другие ученые на основе детального анализа подтверждают значимую роль Институтов Конфуция в продвижении китайского языка и распространении китайской культуры, вносят перспективные предложения для развития Институтов Конфуция как в Украине, так и во всем мире [14, с. 16].

Очевидно, что культурный обмен должен носить двусторонний характер. В августе 2013 г. в Шанхае был открыт первый Центр украинской культуры. В Центре организуются и проводятся культурные и развлекательные мероприятия, деловые форумы и семинары, способствующие развитию украинской культуры и искусства. Особое внимание уделяется распространению украинских национальных традиций и народных обычаев, проводятся туристические обмены между украинскими и китайскими парами, которые сыграли свадьбу в центре [15].

По мере реализации инициативы «Один пояс, один путь» основываются украинские исследовательские центры при китайских университетах, в том числе Чжэцзянском педагогическом университете (2010 г.), Даляньском университете иностранных языков (2014 г.), Шанхайском университете международных исследований (2015 г.), Харбинском инженерном университете (2018 г.), Харбинском коммерческом университете (2018 г.) и других. В 2020 г. специальность «украинский язык» можно было получить в 7 университетах КНР [16]. Деятельность Институтов Конфуция в Украине курирует Ханьбань – Канцелярия Международного Совета китайского языка.

Таким образом, начиная с 2006 г., в Украине создана сеть Институтов Конфуция, которые посредством популяризации китайского языка и культуры способствуют формированию положительного имиджа КНР среди самых широких слоев населения. Ответной реакцией Киева стало создание Центров украинской культуры и исследовательских центров при китайских университетах. Культурная дипломатия КНР и Украины, реализуемая посредством этих структур, стимулирует политическое и экономическое двустороннее взаимодействие, заметно повышая его эффективность.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Штаб-квартира Института Конфуция [Электронный ресурс]. URL: http://www.hanban.org/confuciousinstitutes/node_10961.htm (дата обращения: 17.01.2021).

2. Институт Конфуция. 2016. Вып. 34. С. 7–10.
3. Штаб-квартира Института Конфуция [Электронный ресурс]. URL: <http://www.hanban.org/confuciousinstitutes/htm> (дата обращения: 10.01.2021).
4. Киевский национальный лингвистический университет [Электронный ресурс]. URL: <https://www.knlu.edu.ua> (дата обращения: 19.01.2021).
5. Южноукраинский национальный педагогический университет [Электронный ресурс]. URL: <https://pdpu.edu.ua/> (дата обращения: 19.01.2021).
6. Харьковский национальный университет [Электронный ресурс]. URL: <https://physgeo.univer.kharkov.ua/about/staff/baynazarov/> (дата обращения: 20.01.2021).
7. Служба международных связей Тяньцзиньского университета иностранных языков [Электронный ресурс]. URL: <http://exchange.tjfsu.edu.cn/info/1061/1645.htm> (дата обращения: 17.01.2021).
8. Институты Конфуция в Украине вызвали волну изучения китайского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://m.news.cctv.com/2017/05/16/ARTIONv3zOzszi gkVdTjJS7w170516.shtml> (дата обращения: 17.01.2021).
9. Ли Дихуа, Состояние и перспективы Институтов Конфуция в Украине // Изв. ZJBU (SocialSciences). 2010. № 2. С. 23–28.
10. Мателешко, Ю. П. Культурно-образовательные инструменты «мягкой силы» КНР // Китайская цивилизация: традиция и современность: материалы XIV международной научной конференции. 2020. С. 214–218.
11. Трофименко, М. В. Інститут Конфуція як механізм реалізації публічної дипломатії Китайської Народної Республіки // Вісник Маріупольського державного університету. Серія «Історія. Політологія». 2016. Вип. 15. С. 335–345.
12. Мэй Сюэ. Исследование культурной деятельности Института Конфуция при Харьковском национальном университете в Украине: дис. ... маг. педагогических наук: 13.00.01. Хэфэй, 2019. 85 л. (на кит. яз.).
13. Ван Вэньцзин. Исследование ситуации с преподаванием китайского языка в Институте Конфуция при Южноукраинском национальном педагогическом университете: дис. ... маг. педагогических наук: 13.00.01. Харбин, 2018. 62 л. (на кит. яз.).
14. Ван Лумань. Статус и тенденции развития Института Конфуция: дис. ... маг. педагогических наук: 13.00.01. Чанша, 2014. 53 л. (на кит. яз.).
15. В Шанхае открылся Центр украинской культуры [Электронный ресурс]. URL: <http://world.people.com.cn/n/2013/0628/c57507-22013176.html> (дата обращения: 19.01.2021).
16. Информация о высшем образовании Китая [Электронный ресурс]. URL: <https://gaokao.chsi.com.cn/zyk/zybk/schools.action?specialityId=164247073&ssdm=> (дата обращения: 10.01.2021).

ПОЛИТИКА ОБНОВЛЕНИЯ ОТНОШЕНИЙ КНР СО СТРАНАМИ КОРЕЙСКОГО ПОЛУОСТРОВА

Хань Юй

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости 4, 220030, г. Минск, 510234480@qq.com*

В этой статье рассматриваются основные стратегические цели внешней политики КНР в отношении стран Корейского полуострова. Обосновывается тезис о том, что недавние изменения в поведении Северной Кореи обусловлены тем, что Ким Чен Ын хочет укрепить свое правление в долгосрочной перспективе путем усиления политической поддержки среди северокорейского среднего класса, главным образом путем экономического развития. Во-вторых, он стремится сделать КНДР более независимой от Китая путем балансирования отношений с Китаем и США и их союзниками, одновременно балансируя между Китаем и Россией. Рассмотрены политические последствия этих событий для Китая и стран Корейского полуострова.

Ключевые слова: международные отношения; геополитика; Китайская Народная Республика; Соединенные Штаты Америки, Российская Федерация; страны Корейского полуострова.

POLICY OF UPDATING CHINA'S RELATIONS WITH THE COUNTRIES OF THE KOREAN PENINSULA

Han Yu

Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus

This article discusses the main strategic goals of China's foreign policy towards the countries of the Korean Peninsula. The author argues that the recent changes in North Korean behavior are due to the fact that Kim Jong-UN wants to strengthen his rule in the long term by increasing political support among the North Korean middle class, mainly through economic development. Second, it seeks to make the DPRK more independent from China by balancing relations with China and the US and its allies, while balancing between China and Russia. The political consequences of these events for China and the countries of the Korean Peninsula are considered.

Keywords: international relations; geopolitics; people's Republic of China; United States of America, Russian Federation; countries of the Korean Peninsula.

КНДР стремительно изменила свой стратегический курс с начала 2018 г., и многие ее новые стратегические остаются без аналитической оценки. В то время как торговля и экономика Северной Кореи сильно зависят от Китая, его военная стратегия и стратегия безопасности направлены на обеспечение независимости от Китая и в последнее время ориен-

тируются на Российскую Федерацию. Самостоятельная идеология администрации КНДР восходит к руководству Ким Ир Сена, основателя Северной Кореи. Последующее окончание холодной войны в 1991 г., когда РФ прекратила свою поддержку Северной Кореи и открыла отношения с Южной Кореей, зависимость КНДР от китайской экономики усилилась.

Во время своего руководства Ким Чен Ир пытался уменьшить эту зависимость, но его планы не были реализованы на практике. На текущий момент Ким Чен Ын также пытается уменьшить зависимость Северной Кореи от КНР, глядя на Россию как на альтернативного стратегического партнера, чтобы извлечь выгоду из балансирования своей позиции, с одной стороны, между Китаем и Россией, а с другой стороны, между Китаем и США и их союзниками.

Специалисты сходятся во мнении, что планы Вашингтона и Пекина в отношении государств Корейского полуострова частично совпадают. В определенной степени это обеспечивает основу для налаживания политического диалога в целях содействия денуклеаризации и мира в регионе. Ни Китай, ни Соединенные Штаты не хотят, чтобы полуостров оказался катализатором насильственного конфликта или источником распространения оружия массового уничтожения. Оба государства надеются, что вместо этого страны Корейского полуострова функционирует как двигатель экономического роста для Северо-Восточной Азии, в которую также войдут промышленные китайские провинции по ту сторону границы, российский Дальний Восток и даже Япония [5].

На практике Китай терпимо относится к присутствию США в регионе, даже если его желанием является прекращение американо-южнокорейских отношений. Китайские политические деятели часто утверждали, что если бы Пекин был уверен в том, что Соединенные Штаты не будут размещать значительные американские силы или сетевые ракетные системы на Корейском полуострове, то Южная Корея будет иметь в целом позитивные отношения с Китаем. Это позволит, в конечном счете, получить единый и демократический полуостров, который возможно будет иметь свободные преференциальные соглашения о безопасности с Соединенными Штатами. Сейчас Китай рассматривает американо-южнокорейский альянс как антикитайский [2].

Аналогичным образом, для КНР роль Соединенных Штатов является ключевым фактором в объединении Корейского полуострова. Пекин принципиально не выступает против единой Кореи, пока она не представляет никакой угрозы для интересов безопасности Китая (то есть до тех пор, пока он остается относительно слабым, дружелюбным и отзывчивым в интересах Китая). Китай выступает против воссоединения только в том случае, если он не видит способа достичь этого мирно, и если объединенная Корея останется в тесном союзе с Соединенными Штатами.

Текущие усилия по урегулированию северокорейской ядерной проблемы идут на фоне усиления антагонистических отношений между Вашингтоном и Пекином. Соединенные Штаты уже сделали это, назвав Китай «стратегическим конкурентом», когда обе страны оказались втянуты в торговую войну и технологическое соперничество. Ключевой задачей для Соединенных Штатов является продолжение конфронтации с Китаем. Стоит отметить, что американская политика в отношении Северной Кореи отделена от дискуссий по другим двусторонним международным вопросам [6].

Также все еще не достигнуто четкого консенсуса относительно того, как двусторонняя напряженность может в конечном итоге повлиять на переговоры с Северной Кореей и следует ли их использовать для стимулирования прогресса в денуклеаризации. Одна из точек зрения заключается в том, что Китай может помочь усилиям США, если он считает, что его сотрудничество может привести на уступки со стороны Вашингтона по другим вопросам, таким как торговля [6]. Другие специалисты считают, что Китай будет действовать в своих интересах по Северной Корее независимо от американских предпочтений и уступок, и что любая связь является слабой или несуществующей. Но для Вашингтона было бы разумнее не прибегать к транзакционному подходу в отношениях с Пекином и противостоять любым соблазнам связать эти два вопроса [4].

Администрация Д. Трампа считает, что политика Китая в отношении Северной Кореи направлена против Соединенных Штатов. Однако, это видится спорным. Например, несмотря на ухудшение отношений между двумя странами в 2017 г. и 2018 г., Пекин ужесточил применение санкций с целью максимального давления на Северную Корею. Китай исторически неохотно применял санкции в отношении северокорейских товаров, но в 2017 г. предприняли беспрецедентный шаг, трижды проголосовав в Совете Безопасности ООН за новые санкции. Санкции коснулись северокорейского экспорта, включая уголь, железную руду, морские продукты и текстиль. Также существенно ограничили импорт нефти [4]. Двусторонняя торговля КНР и КНДР также существенно сократилась из-за соблюдения санкций [1]. Такое активное поведение было вероятно частично мотивировано разочарованием Китая растущими провокациями Северной Кореи, включая ракетные испытания [3]. Внутренние проблемы также имели значение. Китай обеспокоен радиационным загрязнением и добивался закрытия полигона Пунггье-Ри вблизи китайской границы.

Политические последствия смены стратегических ориентиров КНР со странами Корейского полуострова [2]:

1. Стратегия Северной Кореи по балансированию отношений между КНР и РФ должна быть тесно увязана, хотя маловероятно, что Север-

ная Корея когда-либо достигнет более тесных отношений с Россией, чем с Китаем.

2. Стратегия балансирования отношений Северной Кореи между США, Китаем и Россией является ключевым вопросом и представляет возможность для США и их союзников сформировать новый порядок на северо-востоке Азии на фоне обострения американо-китайского стратегического соперничества.

3. Северная Корея рассматривает недавние крупные военные учения Китая в Маньчжурии и расширение Народно-освободительной армии КНР как более угрожающей, чем обнадеживающей. Сейчас Северная Корея начинает рассматривать США и Южную Корею в качестве потенциальных партнеров по экономическому развитию с целью снижения китайского влияния.

4. Недавнее потепление отношений между Севером и Югом, включая новое военное соглашение и прогресс в направлении объявления об окончании Корейской войны, даст возможность модернизировать союз США-Республики Корея, а не снижать его значимость.

Новая ситуация представляет собой большую возможность для альянса США-РК, а не создает проблему, которая может привести к сокращению его значения. Это связано с тем, что будущая роль альянса может быть расширена с ограниченной и пассивной роли в сдерживании северокорейских провокаций до активной, с целью установления прочного мира и стабильности в Северо-Восточной Азии, в том числе путем балансирования отношений с Китаем.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. China, Finally, Clamps Down on North Korea Trade – And the Impact Is Sting- ing //Wall Street Journal, March 2, 2018 [Electronic resource]. Mode of access: www.wsj.com/articles/north-korea-finally-feels-the-sting-of-international-sanctions-1519923280. Date of access: 01.10.2020.

2. China's Role in North Korea Nuclear and Peace Negotiations [Electronic resource]. Mode of access: https://www.usip.org/sites/default/files/2019-04/chinas_role_in_north_korea_nuclear_and_peace_negotiations.pdf. Date of access: 01.10.2020.

3. James Griffiths, "North Korea blights China's One Belt, One Road party with missile launch// CNN, May 14, 2017 [Electronic resource]. Mode of access: www.cnn.com/2017/05/14/asia/china-north-korea-missile-obor/index.html. Date of access: 01.10.2020.

4. Stephan M. H. Those North Korea sanctions might be working. Here's Why // Washington Post, April 6, 2018. [Electronic resource]. Mode of access: www.washingtonpost.com/news/monkey-cage/wp/2018/04/06/those-north-korea-sanctions-might-be-working-heres-why. Date of access: 01.10.2020.

5. The China-Russia Entente and the Korean Peninsula [Electronic resource]. Mode of access: https://www.nbr.org/wp-content/uploads/pdfs/publications/sr78_china_russia_entente_march2019.pdf. Date of access: 01.10.2020.

6. White House, "National Security Strategy of the United States of America," December 2017 [Electronic resource]. Mode of access: www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf. Date of access: 01.10.2020.

КИТАЙСКАЯ НАРОДНАЯ РЕСПУБЛИКА И РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ В РАМКАХ ШОС: ПРОБЛЕМЫ БЕЗОПАСНОСТИ (2001-2020 ГГ.)

Хэ Юэцзе

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 2200030, г. Минск, Беларусь, 963221351@qq.com*

Китайская Народная Республика и Российская Федерация являются двумя крупными державами в регионе и странами-основателями Шанхайской организации сотрудничества, нельзя не признать, что стратегическое китайско-российское взаимодействие в новом веке имеет вес в продвижении развития Организации. Целями и содержанием исследования данной статьи являются анализ интересов, касающихся безопасности Китая и России в рамках Шанхайской организации сотрудничества, а также характеристика влияния и значения двустороннего взаимодействия для развития Организации в сфере безопасности. Сделан вывод о том, что несмотря на общее положительное значение китайско-российских отношений для региональной безопасности, несогласованность двух сторон по некоторым вопросам все еще будет оказывать негативное влияние на развитие Организации. Естественным образом изучение интересов Пекина и Москвы по проблеме безопасности обладает актуальной ценностью в региональной стабильности. Кроме того, результат данного исследования также имеет большое практическое значение в процессе развития взаимодействия между Китаем и Россией по вопросу безопасности в рамках Шанхайской организации сотрудничества. Новизна данной статьи состоит в анализе интересов Китая и России по теме безопасности, основываясь на хронике глобальных событий в 2000–2020 гг., а также в выводе о влиянии китайско-российских двусторонних отношений на развитие Шанхайской организации сотрудничества в сфере безопасности.

Ключевые слова: безопасность; Китайская Народная Республика; Российская Федерация; Шанхайская организация сотрудничества.

THE PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA AND THE RUSSIAN FEDERATION UNDER THE FRAMEWORK SCO: SECURITY ISSUES (2001-2020)

He Yuejie

Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus

The People's Republic of China and the Russian Federation are two major powers in the region and the founding countries of the Organization. It must be admitted that strategic Sino-Russian interaction in the new century has weight in promoting the development of the Shanghai Cooperation Organization. The research goals and content of the study in this article are to analyze the security interests of China and Russia within the framework of the Shanghai Cooperation Organization, and also characterize the influence and signifi-

cance of bilateral interaction for the development of the Organization in the security sphere. And the research conclusion is that, despite the general positive significance of the Sino-Russian relations for regional security, the inconsistency of the two sides on some issues will still have a negative impact on the development of the Organization. Naturally, the study of the interests of Beijing and Moscow on the issue of security has an urgent value in regional stability. In addition, the result of this study is also of great practical importance in the development of cooperation between China and Russia on security issues within the framework of the Shanghai Cooperation Organization. The novelty of this article lies in the study of national interests of the People's Republic of China and the Russian Federation on the topic of security, based on the global events, that occurred in 2000-2020, as well as in drawing a conclusion about the impact of Sino-Russian bilateral relations on the development of the Shanghai Cooperation Organization in the field of security.

Key words: security, People's Republic of China, Russian Federation, Shanghai Cooperation Organization.

Сегодня новые вызовы безопасности серьезно угрожают стабильности на территории стран Центральной Азии, России и Китая и ограничивают развитие всех стран в регионе. Одной стране справиться с этими угрозами не под силу. В таких условиях Китай, Россия и страны Центральной Азии готовились к сотрудничеству в ответ на общую опасность и сформировали механизм Шанхайской организации сотрудничества (ШОС). Кроме того, китайско-российские отношения имеют жизненно важное значение для стабильности в регионе. В виду этого анализ интересов Китая и России по теме безопасности в рамках ШОС стал важным для данного исследования.

Общие интересы Китая и России по вопросу безопасности в рамках ШОС.

Основная цель внешней политики Китая в рамках ШОС – создать мирную окружающую международную среду для модернизации страны. Поэтому КНР надеется на развитие дружественных отношений и сотрудничества со всеми соседними странами [1]. В то же время, внешнеполитическая концепция России в контексте ШОС также включает: создание благоприятных внешних условий для устойчивого развития страны, оживление государственной экономики, повышение уровня жизни жителей [1]. Таким образом, и Китаю, и России необходима долгосрочная мирная и стабильная окружающая среда безопасности.

Еще важный фактор, что после трагедии 9.11 стратегия США в Азии не только принесла геополитическое давление Китаю и России, но также усугубила турбулентность в Южно-Китайском море и Центральной Азии. В таком случае КНР и РФ достигли консенсуса в создании многополярного мира, справедливого и разумного нового международного политического порядка в рамках ШОС [1].

Кроме того Китаю предстоит долгий путь к сокращению бедности. А российская экономика развивается не так гладко. Тем более на фоне экономической глобализации золото и сырая нефть на международном рынке оцениваются в долларах США. Так что финансовый кризис в 2008 г. и снижение цен на нефть в 2014 г. непосредственно оказали негативное влияние на китайско-российское торгово-экономическое развитие. Не трудно понять, что Китай и Россия в рамках ШОС могут продвигать реформу в сфере экономической безопасности.

Помимо этих факторов, благодаря географической близости, КНР и РФ могут тесно сотрудничать в сфере экологической безопасности и в области здравоохранения в рамках ШОС при условии масштабного распространения вируса.

Различия интересов Китая и России по вопросу безопасности в рамках ШОС.

В процессе развития ШОС существуют такие проблемы, как расплывчатое отношение к военной безопасности и отсутствие способности действовать в условиях чрезвычайных конфликтов в регионе. В этой ситуации Китай делает акцент на своей концепции безопасности, т.е., на решении споров между странами способами мирных политических диалогов. А Россия подчеркивает военно-политический и стратегический характер Организации. Очевидно, два государства имеют разные понятия о функции ШОС по решению проблем безопасности.

Экономическое присутствие Китая в Центральной Азии быстро расширяется: он стал самым важным инвестором и крупнейшим экономическим партнером для стран в регионе. КНР надеется в полной мере использовать роль ШОС в усилении его международного влияния. И это, в какой-то степени, вызывает конкуренцию с Россией в регионе ЦА. Можем видеть тот факт, что РФ придает гораздо более геополитическое значение ОДКБ, чем ШОС.

Присоединение Индии и Пакистана, несомненно, будет снова двигать вопросы по территориальным спорам в фокус Организации. Кроме того, это и способствует расширению торговых партнеров и рынков стран ЦА, чтобы они не сильно зависели от экономики Китая. Москва активно выступила по вопросу принятия новых членов. А Пекин хотел более серьезно и взвешенно относиться к расширению членов ШОС.

Значение и влияние взаимодействия Китая и России для развития ШОС в сфере безопасности

Несмотря на ряд различий между двумя странами, отношения между Китаем и Россией были стабильными и дружескими на протяжении 20 лет. Это свидетельствует о том, что двустороннее стратегическое взаимодействие имеет сильную жизненность. Например, КНР и РФ из-

начально не достигли договоренности о расширении членов ШОС, но они с членами ЦА в 2017 г. завершили первое в истории принятия новых членов в Организацию [2], поскольку китайско-российские отношения нуждаются в продолжении сотрудничества, и обе стороны будут действовать осторожно и не позволят состоянию двусторонних отношений ухудшиться и обостриться.

Тем не менее участие любого члена-государства в процессе развития ШОС с негативным отношением из-за разногласий по тому или иному вопросу неизбежно будет негативно влиять на реализацию Организацией подписанных документов. К примеру, Китай и Россия имеют разные определения о решении проблем безопасности. На территориях членов ШОС при возникновении конфликтов Китай предлагал странам только дипломатическую поддержку, и уделял особое внимание торгово-экономическому развитию с партнерами в Организации. В то же время Россия обратила больше внимания на ОДКБ в плане безопасности, и на ЕАЭС в плане экономики, чем на ШОС. Если обе стороны не могут добиться совместного согласования, ШОС всего лишь остается и будет оставаться на стадии площадки для военных учений в сфере безопасности.

В целом китайско-российские отношения положительно влияют на ШОС, но обе стороны имеют разногласия, которые еще не были решены. И внутри ШОС продолжают возникать все более сложные проблемы. Это, естественно, делает ШОС региональной организацией, которая находится на изломанной дороге развития.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Хартия Шанхайской организации сотрудничества [Электронный ресурс] / Президент России. Официальный сайт. 6 июня 2002 г. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/3450> (дата обращения: 19.01.2021).
2. О Шанхайской организации сотрудничества [Электронный ресурс] / Секретариат Шанхайской организации сотрудничества. Официальный сайт. [2020]. URL: http://rus.sectsco.org/about_sco/20151208/16789.html (дата обращения: 19.01.2021).

УЧАСТИЕ КИТАЯ В МИРОТВОРЧЕСКОЙ ОПЕРАЦИИ ООН В ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ КОНГО

Цзян Юймэн

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 2200030, г. Минск, Беларусь, jiangyumeng@yandex.by*

В исследовании рассматриваются этапы вовлечения Китайской Народной Республики в миротворческую деятельность ООН, дается анализ создания системы под-

готовки кадров для миротворческих операций, других. В статье представлен анализ участия Китая в осуществлении миротворческой миссии ООН в Демократической Республике Конго. Показаны результаты и значение деятельности китайских миротворцев в Конго.

Ключевые слова: миротворческая деятельность; операции в поддержку мира; Китай; Демократическая Республика Конго; внешняя политика; «мягкая сила».

CHINA TAKING PART IN THE UN PEACE-KEEPING OPERATION IN THE DEMOCRATIC REPUBLIC OF THE CONGO

Jiang Yumeng

Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus

The study examines the stages of involving the People's Republic of China in UN peacekeeping activities, provides an analysis of the creation of a training system for peacekeeping operations, and others. The article presents an analysis of China's participation in the implementation of the UN peacekeeping mission in the Democratic Republic of the Congo. The results and significance of the activities of the Chinese peacekeepers in the Congo are shown.

Key words: peacekeeping; peace support operations; China; Democratic Republic of the Congo; foreign policy; soft power.

Китай наряду с «большой тройкой» стоял у истоков Организации Объединенных Наций. В январе 1942 г. Китай подписал Декларацию Объединенных Наций, а в октябре 1943 г. – Московскую декларацию, впервые провозгласившую необходимость создания новой международной организации. Это позволило китайской дипломатии добиться существенного повышения статуса государства, которое из объекта колониальных противоречий превратилось в страну, имевшую равные полномочия в Совете Безопасности наряду с ведущими державами.

При создании ООН в 1945 г. миротворчество было объявлено одной из ее важных функций. В соответствии с Уставом ООН, ответственность за поддержание мира и безопасности возлагалась на Совет Безопасности. Именно эта организация была призвана обеспечивать урегулирование споров между государствами-членами ООН и принимать меры в случаях нарушений мира и актов агрессии, а решения Генеральной Ассамблеи ООН должны носить рекомендательный характер [2, с. 117–148]. На практике воплощение идей СБ ООН по урегулированию конфликтов было реализовано в миротворческих операциях. В свою очередь, такая формулировка задач возлагала особую ответственность на Китай.

Участие КНР, получившую Постоянное членство в Совете Безопасности ООН лишь в 1971 г., в миротворческих операциях ООН – феномен достаточно недавний. Со времен Корейской войны 1950–1953 гг., когда воевавшие на стороне Северной Кореи китайские «добровольцы» фактически противостояли введенным в Южную Корею миротворческим силам ООН, на протяжении нескольких десятилетий Пекин придерживался антагонистической позиции по отношению к миротворчеству ООН, ставя легитимность таких миссий под вопрос [6]. Миротворческие операции рассматривались тогда Пекином как грубое вмешательство во внутренние дела государств и нарушение их государственного суверенитета. Даже восстановив в своё членство в ООН, Пекин некоторое время воздерживался от голосования в Совете Безопасности ООН по вопросам, связанным с миротворческими операциями.

Заинтересованность КНР в участии в миротворческой деятельности ООН начала проявляться только в 1980-х гг., когда Пекин после существенной корректировкой внешней политики взял курс на развитие многосторонней дипломатии, присоединение к деятельности международных организаций, встраивание в международную систему.

В 1981 г. Китай впервые принял участие в голосовании Совета Безопасности ООН по миротворчеству (резолюция № 495 по вопросу о продлении мандата Вооруженных сил ООН по поддержанию мира на Кипре), с 1982 г. Китай начинает вносить взносы в фонд миротворческих операций, а в 1988 г. – входит в состав Специального комитета по операциям по поддержанию мира ООН.

С 1989 г., когда Пекин впервые направил миротворческую миссию своих военных наблюдателей в количестве 20 человек для участия в миссии в Намибии, Китай стал постепенно наращивать своё участие в миротворческих операциях. В ноябре 1999 г. в соответствии с резолюцией 1279 Совета Безопасности Организация Объединенных Наций учредила «Миссию Организации Объединенных Наций в Демократической Республике Конго» (далее именуемую МООНДРК, позднее переименованную в МООНСДРК) для проведения операций по поддержанию мира в Демократической Республике Конго. Эта самая крупная миротворческая операция ООН продолжается до настоящего времени. В ней участвуют более 20 000 миротворцев ООН, в том числе 17 038 миротворцев и полицейских [8].

Дискуссия об участии Китая в этой миссии привела в 2001 г. к созданию в Министерстве национальной обороны КНР Департамента по миротворческой деятельности, призванного координировать деятельность в этом направлении [3, с. 305]. В апреле 2003 г. Китай направил в Конго (Киншасу) своего первого миротворческого инженера и медицин-

скую группу для участия в миротворческих операциях в регионе.

Активизация миротворческой деятельности КНР, в том числе в Конго произошла после выступления президента Китая Си Цзиньпина на саммите ООН по поддержанию мира (28 сентября 2015 г.), в котором он объявил о шести обязательствах по поддержке миротворческих операций ООН [7]. После отмеченного миротворческого саммита китайские военные стали более активно откликаться на запросы миротворческих операций ООН в инженерно-техническом обеспечении и лечении. Пекин направил в Конго (Киншаса), Южный Судан и Судан, в Мали и Ливан 25 партий миротворческих инженеров и медицинских бригад общей численностью 7001 человек. По состоянию на август 2020 г. 6 инженерных частей китайской армии численностью 1188 человек и 4 медицинские части численностью 199 человек выполняют миротворческие миссии ООН [7].

Согласно решению правительства Китая от 10 декабря 2020 г., созданы два небоевых подразделения в Конго для участия в миротворческих операциях ООН. Одна из них – инженерная рота общей численностью 175 человек. Кроме того, есть госпиталь, некоторые называют его бригадой медиков, в которой работают 43 человека [8]. Госпиталь предназначен в основном для оказания медицинской помощи другим миротворческим силам ООН. В то же время некоторые местные больные и раненые могут получать помощь китайских медиков.

В стране, где часто случаются политические беспорядки и вооруженные конфликты, свирепствуют инфекционные заболевания, такие как лихорадка Эбола, малярия и COVID-19, китайские миротворцы используют весь арсенал своих профессиональных знаний для преодоления многочисленных трудностей, что бы выполнить обязательства по защите мира.

С тех пор, как Китай впервые в 2003 г. направил миротворческие войска в Конго, в стране находилось более 3000 миротворцев. К 2021 г. инженерное подразделение выполнило 31 изыскание и ввело в строй 32 инженерно-строительных объекта, включая «Восстановление стратегического канала Мити-Мбага». Китайцы построили 86,7 км дорог, выровняли 24000 квадратных метров участков, отремонтировали 4 моста и 14 водопропускных труб [8].

Влияние Китая на безопасность и развитие в Конго усиливается, в том числе благодаря росту экономического присутствия КНР на африканском континенте. С 2009 г. Китай остается крупнейшим торговым партнером Африки после, в этом он опередил США. Китайская инициатива «Один пояс – один путь, стартовавшая в 2013 г., стимулировала приток инвестиций в строительство и инфраструктуру на континенте, в том числе и в Конго. Республика Конго прежде всего привлекает китайское пра-

вительство взаимодействием в развитии логистических и промышленных центров, а также партнерством в экономической зоне в Пуэнт-Нуаре [1].

Таким образом, миротворческие операции помогают одновременно легитимно защищать китайских граждан в Африке, поскольку неспособность обеспечить достаточную безопасность своих граждан подрывает престиж Коммунистической партии Китая на международном уровне, так и дома.

Кроме того, вне миротворческих операций КНР не может использовать свой военный потенциал для защиты граждан Китая и своих инвестиций в нестабильных африканских государствах, поскольку это будет нарушать принцип «невмешательства во внутренние дела других стран». Это стимулирует КНР реформировать стратегию своей внешней политики, в том числе усиливать развертывание своих войск в рамках миротворческих сил ООН. Это позволяет ему придерживаясь принципа невмешательства продвигать свой имидж ответственного правительства. Миротворческие операции ООН считаются законными во всем мире, что делает военное миротворческое присутствие КНР в Конго легитимным.

Во-первых, миротворческая деятельность Китая в Конго направлена на защиту его инвестиций, помощь гражданам Китая в рамках инициативы «Один пояс - один путь» улучшать транспортную инфраструктуру в Африке путем соединения рынков континента с остальным миром.

Во-вторых, миротворческая деятельность Китая в Конго служит задачам внешней политики Китая – утвердить себя «ответственной великой державой». Такой политикой Пекин, будучи ответственной великой державой, стремится снизить напряженность, убедить в том, что Китай не собирается бросать вызов западному господству. Китайское миротворчество в Африке демонстрирует его причастность к глобальным делам в рамках существующей системы [5, с. 12].

В-третьих, кроме военных операций, миротворческая деятельность Китая на континенте включает оказание гуманитарной помощи при бедствиях.

Наконец, Китай позиционирует себя как лидера развивающегося мира. В сотрудничестве с Демократической Республикой Конго, Китай продемонстрировал свою приверженность поддержать правительство этого государства в поиске решения его проблем [3, с. 358].

Китай также поддерживает миротворческие миссии Африканского союза, предлагая финансовую помощь Африканскому союзу на образование и оборудование. Он также сотрудничает с другими государствами в поддержке миротворчества в Африке, поддерживает африканские региональные миротворческие органы в принятии окончательных решений при определении необходимости проведения военных интервенций на их континенте [5, с. 22].

Таким образом, мы пришли к выводу, о том, что на сегодняшний момент Китай выступает важнейшей составляющей частью системы Организации Объединенных Наций и становится важнейшей опорой современного этапа миротворчества. На фоне усиления своего положения на мировой арене Китай использует участие в миротворческой деятельности международной организации ООН для расширения потенциала своей «мягкой силы».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Африканские горизонты «Нового Шелкового пути» // Новое Восточное обозрение NEO. [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.journal-neo.org/2017/03/31/afrikanskie-gorizonty-novogoshelkovogo-puti/> (дата обращения: 13.01.2021).
2. Дейч, Т. Л. Миротворчество как функция ООН // ООН в начале XXI века. Москва : Институт Африки РАН, 2008. С. 117–148.
3. Лавренцова, А. Ю. Участие Китайской Народной Республики в миротворческой деятельности ООН как элемент мягкой силы // Скиф. 2019. №12-1 (40). [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/uchastie-kitayskoy-narodnoy-respubliki-v-mirotvorcheskoy-deyatelnosti-onn-kak-element-myagkoy-sily> (дата обращения: 12.01.2021).
4. Лексютина, Я. В. Вклад современного Китая в миротворческую деятельность ООН // Общество и государство в Китае. 2018. Т. 48. № 1. С. 305–311.
5. Duggan, N. The Expanding Role of Chinese Peacekeeping in Africa. London: Oxford Research Group, 2018. 23 p.
6. Gill, B. China's expanding peacekeeping role: its significance and the policy implications [Electronic resource]. Access mode: <https://www.sipri.org/sites/default/files/files/misc/SIPRIPB0902.pdf>. Access date: 12.01.2021.
7. 《中国军队参加联合国维和行动30年》白皮书（全文） [Белая книга "Участие китайской армии в миротворческих операциях ООН в течение 30 лет" (полный текст)] [Электронный ресурс]. URL: <http://www.scio.gov.cn/zfbps/32832/Document/1687750/1687750.htm> (дата обращения: 13.01.2021).
8. 《中国赴刚果(金)维和部队》 = миротворческие силы Китая в Демократической Республике Конго [Текст] // Жэньминь Дженсе. 2020. 23 сентября. № 5.

ПЕРЕСЕЧЕНИЕ ИНТЕРЕСОВ КИТАЯ И ИНДИИ В ЮЖНОЙ АЗИИ

Чжан Юйлинь

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 2200030, г. Минск, Беларусь, 936958658@qq.com*

В статье рассматриваются вопросы, связанные с изменениями в стратегии КНР и Индии в отношении Южно-Азиатского региона. Цель статьи – проанализировать

научно-экспертные подходы к изучению политико-экономических приоритетов Индии и Китая в Южной Азии, дать оценку состоянию и перспективам реализации внешнеполитического курса КНР в отношении Индии, исходя из заданных аспектов китайской внешней политики. В статье описаны общие закономерные цели во внешнеполитических стратегиях Китая и Индии в отношении стран Южной Азии. Обозначены их ключевые различия, определяемые национальными интересами в сфере безопасности и геополитики. Анализ геополитических разногласий Индии и Китая, описанных в статье, позволяют сформировать гипотетическую версию дальнейшего развития отношений двух стран, а оценка конкурентных преимуществ исследуемых стран для Южно-Азиатского региона спрогнозировать распределение их политического и экономического влияния. Запад региона останется за Китаем, тогда как Юго-Восточная часть будет находиться под влиянием Индии.

Ключевые слова: Китай; Индия; Южная Азия; дипломатия; региональная безопасность; внешняя политика; политико-экономические приоритеты; национальные интересы.

THE INTERSECTION OF CHINA AND INDIA'S INTERESTS IN SOUTH ASIA

Zhang Yulin

Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus

The article deals with issues related to changes in the strategy of China and India in relation to the South Asian region. The purpose of the article is to analyze the scientific and expert approaches to the study of the political and economic priorities of India and China in South Asia, to assess the state and prospects for the implementation of China's foreign policy towards India, based on the specified aspects of Chinese foreign policy. The article describes the common natural goals in the foreign policy strategies of China and India in relation to the countries of South Asia. Their key differences, determined by national interests in the field of security and geopolitics, are outlined. The geopolitical differences of India and China described in the article allow you to create a hypothetical version of the further development of relations between the two countries, and assessment of competitive advantages of the investigated countries for the South Asian region to predict the distribution of political and economic influence. The west of the region will remain with China, while the South-Eastern part will be under the influence of India.

Keywords: China; India; South Asia; diplomacy; regional security; foreign policy; political and economic priorities; national interests.

Динамическое развитие процессов глобализации, а также изменения в системе международных отношений, которые происходят в последнее время, сказываются на экономической и политической активно-

сти ведущих акторов мировой политики – Китая и Индии. Они, в частности, все больше внимания уделяют странам Южной Азии.

Индия пользуется значительным региональным влиянием в Южной Азии благодаря своим размерам, сравнительной экономической мощи и историческому и культурному значению для региона. История участия Китая в Южной Азии по сравнению с этим ограничена, хотя его давние связи с Пакистаном являются заметным исключением. За последнее десятилетие Китай стал важным экономическим партнером для стран всего региона, установив особенно прочные связи с соседними государствами посредством торговли, дипломатии, помощи и инвестиций.

Региональная политика Индии и Китая предполагает, что в их внешнеполитических стратегиях можно заметить, как общие цели, так и геополитические разногласия. Оба соседа имеют общий интерес в [6]:

1) управлении нетрадиционными угрозами, такими как терроризм, экстремизм, сепаратизм и миграция, которые влияют на стабильность режимов государств Южно-Азиатского региона;

2) поощрении светскоориентированных и стабильных режимов;

3) содействии открытию морских путей и обеспечение безопасности их морских торговых путей;

4) геоэкономическом соединении Южной Азии с Восточной Азией.

В то же время существуют некоторые ключевые различия в подходах Индии и Китая к стремлению усиления своего влияния в исследуемом субрегионе.

Во-первых, Китай больше заинтересован в межрегиональной взаимозависимости и связанности, в то время как Индия в основном заинтересована в субрегиональной интеграции. Иными словами, Китай стремится соединить Южную Азию с Китаем; в то время как Индия стремится сблизить Южную Азию изнутри, а также более тесно связать ее с Евразией и Юго-Восточной Азией.

Во-вторых, существует большая неопределенность в отношении геополитических последствий Инициативы «Один пояс – один путь» (ОПОП) в Южной Азии. Главная задача китайского руководства заключается в том, чтобы переориентировать внешнюю политику стран Южной Азии таким образом, чтобы в конечном итоге подорвать интересы Индии и оспорить ее претензии на региональное влияние. В более широком смысле активная внешнеполитическая деятельность Китая в Южной Азии может также негативно повлиять на внутреннюю политику на субконтиненте и усилить антииндийские политические силы.

В-третьих, одной из главных проблем станет милитаризация региональных проектов Китая. Такой гипотетический сценарий поставил бы военные вызовы безопасности Индии, а также усилил бы позицию

Китая в качестве прямого субъекта безопасности на субконтиненте – результат, который будет иметь глубокие последствия для геополитики в регионе.

Растущее участие Китая в жизни стран Южной Азии бросает вызов Индии как региональному экономическому и дипломатическому субъекту. Однако это не простая история регионального перемещения. Несмотря на недавние конфликты Индии и Китая, несколько существенных потоков экономического взаимодействия продолжают довольно глубоко связывать эти страны [1, с. 43]. Китай не затмил Индию во всей Южной Азии, но он догоняет ее в объемах торговли и инвестиций, и в некоторых случаях его экономическая дипломатия сопровождалась расширением стратегического сотрудничества с соседями Индии. По мере того как Китай наращивает свое взаимодействие с регионом и продвигает свои связи, в основном через ОПОП, он может направить в субрегион значительные ресурсы Азиатского банка инфраструктурных инвестиций (АБИИ), которые, с большой долей вероятности, опередят другие финансовые источники.

Принимая во внимание проблему неразрешенной границы и спорную историю двухсторонних отношений, Индия часто настороженно относится к деятельности Китая в Южно-Азиатском регионе. Однако интересы Китая и Индии в Южной Азии могут пересекаться, например, в развитии экономического коридора Бангладеш – Китай – Индия – Мьянма, который открывает новые возможности для конструктивного сотрудничества. Индийская политика «Act East» направлена на содействие торговле, культуре и связям по всей Юго-Восточной Азии – области, которая также захватывает внимание Китая [4, с. 218]. Усилия двух стран, вероятно, будут дополнять друг друга, поскольку потребности региона в инфраструктуре требуют существенных инвестиций. Расширение связей позволит как Китаю, так и Индии выйти на южноазиатские рынки посредством наращивания объемов торговли и инвестиций.

В западной части региона конкурентное преимущество, скорее всего, достанется Китаю. С сокращением численности международного воинского контингента в Афганистане, Южная Азия столкнется с серьезными проблемами безопасности, которые потребуют координации между Индией, Китаем и другими региональными лидерами. Планы Китая по усилению своего всестороннего влияния могут помочь стабилизировать и укрепить не только Афганистан, но и всю Южную Азию, открыв торговые пути и создав новые экономические возможности и связи. Если Китайско-пакистанский экономический коридор, призванный связать Западный Китай автомобильным и железнодорожным транспортом до глубоководного порта Гвадар, активно заработает в ближайшем

будущем, Индия может оказаться вне новой трансформированной цепочки поставок товаров и технологий в центре региона. Кроме того, вливание Пекином ресурсов для создания своего экономического пояса Шелкового пути будет позиционировать Китай как благодетеля. Проекты в рамках осуществления ОПОП являются основным донором АБИИ (капитал в 100 млрд долл. США) и резервного фонда Нового банка развития (Банк БРИКС), а также собственного Фонда Шелкового пути с капиталом в 40 млрд долл. США. Индия может выиграть от расширения связей и развития торговых связей по всей Азии, но Нью-Дели также должен будет активизировать свою экономическую дипломатию, если он планирует стать активным участником рынка [5].

Подъем Китая, усиленный очень трудным десятилетием для Соединенных Штатов, очевиден для всех. Пекин благоразумно разыграл свои карты, выделяя для себя большую роль в управлении мировой экономикой. Его военные инвестиции могут и дальше расти, но, судя по всему, направлены в основном на общее сдерживание и сдерживание Тайваня. Его проекты в Индийском океане, хотя и подпитывают индийские тревоги, пока не кажутся центральными для более широких целей Пекина [3, с.18].

Собственные достижения Индии (экономические и другие) все же не могут сравниться с китайскими. Премьер-министр Сингх никогда не упускает из виду то, что важнейшей задачей Индии остается борьба с бедностью. Однако потенциал индийского государства оказался крайне недостаточным для решения этой задачи. При этом инновационные подходы, внедренные в последние годы для повышения доходов сельских жителей и сокращения возможностей для коррупции, дают основания надеяться на разрешение этой проблемы [5].

Тем не менее Китай и Индия помогают формировать новое распределение глобального влияния в Южной Азии, о чем свидетельствует не только их растущая значимость внутри механизма многосторонней экономической дипломатии и дипломатии безопасности (оба государства, например, являются членами «Большой двадцатки»), но и тем качеством, что другие международные акторы активно участвуют в этом процессе. Создается впечатление, что формируется новый мировой порядок, в котором Китай, Соединенные Штаты, Россия и Индия, не отстающая от Бразилии, активно представляют свои национальные интересы на международном уровне, в то время как члены ЕС изо всех сил стремятся поддерживать политику «баланса интересов».

Помимо признания своего статуса значимой мировой державы, Индия, похоже, еще не имеет большого проекта для своего глобального охвата, в то время как Китай, который вполне мог бы иметь его, прояв-

ляет большую осторожность в публичном его изложении. В многополярном мире, где главные державы постоянно взаимодействуют друг с другом по широкому кругу вопросов на самых разных форумах, Индия и Китай должны быть в состоянии управлять своими «параллельными подъемами» экономик, чтобы не стать источником потрясений на собственном континенте. Более систематический диалог, выходящий далеко за визиты на высоком уровне и признание различий внешнеполитических целей и стратегий, может заложить фундамент для лучшего понимания внешней политики двух стран.

Отношения Китая и Индии, несомненно, будут развиваться и в будущем. Китай и Индия являются стратегическими партнерами и продолжают свои отношения в рамках интенсивного акцента на сотрудничество в глобальном и стратегическом направлениях. Этот союз против гегемонии однополярного мира позволит создать новый мир, а все позитивные усилия по решению азиатских проблем будут рассматриваться как хорошие добрососедские отношения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Волхонский, Б.М. Индийский океан как арена геополитического соперничества Китая и Индии // Проблемы национальной стратегии. 2014. № 1. С. 31-45.
2. Грачиков, Е. Китайская стратегия сотрудничества // Мировая экономика и международные отношения. 2019. № 3. С. 83-93.
3. Зеленева, И.В. «Малаккская дилемма» и региональная безопасность в ЮгоВосточной Азии // Азия и Африка сегодня. 2017. № 1 (714). С. 16-20.
4. Саджанхар, А. Политика Индии «Act East»-проблемы и возможности. Современные глобальные вызовы и национальные интересы: XVI Международные Лихачевские научные чтения, 19-21 мая 2016 г. СПб.: СПбГУП, 2016. С. 217-220.
5. David M. Malone and Rohan Mukherjee India and China: Conflict and Cooperation [Electronic resource]. Access mode: https://lkyspp.nus.edu.sg/docs/default-source/faculty-publications/india_and_china_conflict_and_cooperation.pdf?sfvrsn=14c2930b_0. Date of access: 08.01.2021.
6. Managing India-China Relations in a Changing Neighbourhood [Electronic resource]. Access mode: https://cprindia.org/sites/default/files/Managing%20India-China%20Relations%20in%20a%20Changing%20Neighbourhood_Zorawar%20Daulet%20Singh.pdf. Date of access: 10.01.2021.

КУЛЬТУРНАЯ ДИПЛОМАТИЯ КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ

Чжан Хунчао

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, 1519341399@qq.com*

В данной статье автор рассматривает понятие культурной дипломатии и механизмы её реализации на примере Китайской Народной Республики. Культурная дипломатия, которая сегодня пользуется большой популярностью, интересует многих учёных. Культура является важным инструментом внешней политики страны. Особая роль в реализации культурной дипломатии КНР отводится созданию Институтов Конфуция за рубежом – платформы обмена и распространения китайского языка и культуры. Это оказывает большое влияние на усиление «мягкой силы» КНР, защиту культурного национального суверенитета и формулирование положительного образа страны.

Ключевые слова: культурная дипломатия; мягкая сила; КНР; Институт Конфуция.

CULTURAL DIPLOMACY OF THE PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA

Zhang Hongchao

Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus

In this article, the author examines the concept of cultural diplomacy and the mechanisms of its implementation on the example of the People's Republic of China. Cultural diplomacy, which is popular today, is of interest to many scientists. Culture is an important instrument of a country's foreign policy. A special role in the implementation of the PRC's cultural diplomacy is assigned to the creation of Confucius Institutes abroad - a platform for the exchange and dissemination of the Chinese language and culture. This has a great impact on strengthening the "soft power" of the PRC, protecting cultural national sovereignty and formulating a positive image of the country.

Key words: cultural diplomacy; soft power; PRC; Confucius Institute.

Культурная дипломатия имеет давнюю историю, является важным средством реализации внешнеполитического курса государства. Особое внимание странами уделяется развитию международного культурного сотрудничества.

В «Венской конвенции о дипломатических сношениях» 1961 г. указано, что одной из обязанностей посольств и консульств страны является «поощрение дружественных отношений между аккредитуемым государством и государством пребывания и развитие их взаимоотноше-

ний в области экономики, культуры и науки» [1]. Соответственно, культурный обмен является неотъемлемой частью дипломатической работы государств и в то же время признается в международном праве. Наряду с темпами экономической глобализации и политической многополярности роль культурной дипломатии возрастает.

Культурная дипломатия, как видно из названия, подразумевает дипломатическую деятельность в сфере культуры. Согласно толкованию современного китайского словаря «культура» – это сумма материальных и духовных богатств, созданных человечеством в процессе социального и исторического развития, особенно духовных богатств, таких как литература, искусство, образование, наука и т. д. Способность использовать слова и общие знания: обучение культуре, повышение культурно-образовательного уровня [2, с. 1371–1372]. Конечно, существуют различные взгляды на культурную дипломатию. Например, британский эксперт Д. М. Митчелл указал, что международные культурные отношения, осуществляемые странами, – это и есть культурная дипломатия [3, с. 3]; американский эксперт Ф. Нинкович заявил, что культурная дипломатия – это особый политический инструмент для оказания культурного воздействия в международной политике [4, с. 182]. Китайские исследователи, такие как Ли Чжи, Чжан Цзинминь, определили культурную дипломатию как дипломатическую деятельность, осуществляемую суверенным государством посредством применения культурных ресурсов при проведении внешней культурной политики для защиты культурных интересов страны и достижения внешнеполитических целей [5, с. 25].

В Китае одновременно широкое распространение получила концепция «мягкой силы» (soft power), выдвинутая американским политологом Дж. Наем. По его словам, «мягкая сила» опирается на три основных ресурса: культуру (в местах, где она привлекательна для других), политические ценности (когда они жизнеспособны как внутри страны, так и за рубежом) и внешнюю политику (когда она законна, имеет моральный авторитет) [6, с. 11]. Дж. Най утверждал, что «мягкая сила» – это «таинственная химия притяжения, привлекательности» [6, с. 5]. Иными словами, культура – это ядро «мягкой силы». В то же время «мягкая сила» – это способность реализовать интересы посредством собственной привлекательности. Мощная «мягкая сила» способствует плавному проведению культурной дипломатии, а успешное осуществление культурной дипломатии стимулирует совершенствование «мягкой силы», словом, они взаимодействуют и влияют друг на друга.

Однако речь идёт о модели «мягкой силы» Китая, которая отличается от классической американской модели, поскольку она носит свои национальные особенности. Хотя китайские ученые сами отрицают уни-

версальный характер «мягкой силы» какой бы то ни было страны, но в то же время подчеркивают приверженность принципу многообразия при формировании ее национальной модели [7, с. 108].

Культура – это душа нации, питающая её жизнеспособность, способствующая сплочённости и развитию творческого потенциала. Развитие культуры ведёт к процветанию страны, а сильная культура – к сильной нации. Китай – страна с древнейшей цивилизацией, обширной и традиционной культурой и богатым культурным наследием. Гармония (Хэ) – это основная нить, проходящая через традиционную китайскую культуру, а ядром является принцип Конфуция о «гармонии многообразного и несходного», который заключается в межкультурном взаимобучении и взаимном процветании, и представляет собой важный источник культурной дипломатии КНР.

В разные исторические периоды несколько поколений китайских лидеров представили свои взгляды на осуществление культурной дипломатии, что отражает долгосрочное видение и историческую ответственность китайского правительства перед будущим и народами.

Первое поколение центральных руководящих групп, центральной фигурой которых был Мао Цзэдун, полагало, что культурная дипломатия, необходимая для классовой борьбы и создания международного единого фронта, играет роль пионера официальной дипломатии, и поэтому следует активно проводить различные формы внешнего культурного обмена. К примеру, в 1951 г. китайская культурная делегация посетила Индию и Бирму, Мао Цзэдун сформулировал принципы «обучения ученых, установления дружественных отношений и осуществления политики взаимобмена с культурными сообществами соседних азиатских стран»; он также придал большое значение приехавшей с визитом культурной делегации правительства Бирмы, что сделало дипломатическую работу гладкой.

Второе поколение центральных руководящих групп, ядром которых был Дэн Сяопин, считало, что культурная дипломатия, не только служит внешнеполитическим интересам Китая в целом, но и обеспечивает поддержку внутренних культурных изменений, является важным инструментом китайской стратегии открытости. 21 января 1978 г., перед тем как принять участие в церемонии подписания научно-технического соглашения между правительствами Китая и Франции, Дэн Сяопин обратился к премьер-министру Франции Р. Барру, посетившему с официальным визитом Китай, с предложением создать условия для активного развития китайско-французских отношений в экономической сфере, науке, технике и культуре [8, с. 256]. 28 августа 1979 г. Дэн Сяопин и вице-президент США У. Ф. Мондейл подписали план осуществления

культурных обменов между Китаем и Соединенными Штатами Америки на 1980 и 1981 гг., отметив, что сотрудничество и обмены между двумя странами в области культуры, науки и техники будут способствовать дальнейшему укреплению дружбы между двумя народами [8, с. 547-548]. Это свидетельствует о том, что под руководством Дэн Сяопина Китай активно развивал культурные обмены с западными развитыми странами и усиливал сотрудничество с ними посредством культурной дипломатии. Третье поколение центральных руководящих групп во главе с Цзян Цзэмином активно способствовало международному культурному обмену и сделало его важной опорой стратегии «мягкой силы» Китая. Соответственно, культурная дипломатия стала одним из трёх столпов китайской внешнеполитической деятельности. Председатель Цзян Цзэминь выступал за построение передовой культуры на основе достижений человеческой цивилизации, и в то же время демонстрацию китайской культуры всему миру. Выступая с речью на 15-м Всекитайском съезде Коммунистической партии в 1997 г., он заявил, что: «развитие китайской культуры не может оторваться от общих достижений человеческой цивилизации. Мы должны придерживаться принципа "я-главный" и "для меня", осуществлять различные формы зарубежных культурных обменов, изучать культурные сильные стороны различных стран, показывать миру достижения китайского культурного строительства» [9, с. 37]. С 1990-х гг. китайская культурная дипломатия развивалась как никогда раньше. При генеральном секретаре ЦК КПК Ху Цзиньтао культурная дипломатия стала важной стратегической опорой для построения гармоничного мира. Более того, было открыто новое широкое пространство для культурной дипломатии с китайской спецификой. В докладе 17-го Всекитайского съезда Коммунистической партии Китая 2007 г. он подчеркнул, что мы будем укреплять культурные обмены с зарубежными странами, впитывать достижения выдающихся мировых цивилизаций и усиливать международное влияние китайской культуры [10]. После 18-го съезда КПК Центральный комитет партии во главе с Си Цзиньпином в качестве генерального секретаря стал уделять еще больше внимания культурной дипломатии. Си Цзиньпин отметил, что Китаю нужно лучше понимать мир, и миру тоже нужно лучше понимать Китай, и выдвинул более высокие требования к культурной дипломатии [11]. На 12-й коллективной учебе с участием членов Политбюро ЦК КПК 18-го созыва в декабре 2014 г. председатель КНР подчеркнул, что необходимо систематически изучать традиционные культурные ресурсы, повышать уровень культурного обмена, совершенствовать механизм гуманитарного обмена, всестороннее использовать средства массовой коммуникации, группового общения, межличностного

общения и другие способы для демонстрирования глубины и привлекательности китайской культуры, стиля и силы культурной власти [12].

Сегодня Государственный совет КНР формирует стратегию развития «мягкой силы», высшие партийные круги КПК и ключевые органы государственной власти выстраивают генеральную линию как внутри страны, так и за ее пределами, и за непосредственное воплощение отдельных ее направлений отвечает ряд профильных министерств. Процесс целеполагания в реализации политики «мягкой силы» осуществляется в Центральной партийной школе ЦК КПК, Департаменте публичности КПК, а также в Отделе международных связей ЦК КПК. Кроме того, значимый вклад в успешное продвижение «мягкой силы» Китая вносят специализированные структуры: Государственная канцелярия по распространению китайского языка за рубежом (Ханьбань) [7, с. 109], которая управляет Институтом Конфуция за рубежом, и, соответственно, обозначается как штаб-квартира Института Конфуция.

В этом столетии главным символом проведения Китаем внешней культурной политики является Институт Конфуция (ИК), который берет на себя задачу обучения китайскому языку и осуществления культурного обмена, становится мостом для Китая в мир. В последние годы ИК создаётся за границей с поразительной скоростью. С момента открытия первого ИК в Южной Корее в 2004 г. на сегодняшний день число Институтов Конфуция и Классов Конфуция достигло 541 и 1170 соответственно, охватывая 162 страны (региона). В 39 странах (регионах) Азии существует 135 ИК и 115 классов Конфуция; в 46 странах (регионах) Африки – 61 и 48; в 43 странах (регионах) Европы – 187 и 346; в 27 странах Америки – 138 и 560; в 7 странах Океании – 20 и 101 [13]. Институт Конфуция не только удовлетворяет быстро растущий спрос на изучение китайского языка в мире, но и демонстрирует миру элементы китайской культуры, такие как традиционная китайская медицина, боевые искусства, опера, ханьфу и т.д. В то же время, как платформа культурного обмена между Китаем и зарубежными странами ИК заложил языковую и культурную основу для беспрепятственного продвижения инициативы «Один пояс, один путь». Речь идет о выполнении пяти задач, а именно: сопряжение политических установок, соединение транспортных магистралей, расширение торговли и инвестиций, и сближение народов. Успешная реализация инициативы «Один пояс, один путь» подтвердила достижения ИК и укрепила уверенность ИК в необходимости продолжать развитие. В рамках инициативы «Один пояс, один путь» ИК максимально расширяет пространство деятельности от университетского городка до обширного социального пространства. Содержание учебного процесса включает в себя преподавание языковых знаний и практик, что

является проявлением дальнейшего развития культурной дипломатии Китая и дальнейшего усиления национальной мягкой силы.

Кроме того, китайское правительство активно проводит ряд культурных мероприятий, например: год культуры, год национального языка, год дружбы, художественные выставки и т.д., устанавливает долгосрочные отношения с элитами других стран посредством программ обмена в сфере образования. Эти действия укрепляют культурный обмен между Китаем и зарубежными странами, усиливают значение «мягкой силы» и защищают культурный суверенитет страны. В то же время они формируют имидж Китая как ответственной великой державы, способствуют миру и развитию во всем мире, создают мирную и стабильную внутреннюю и международную среду для процветания китайской культуры, придают новый импульс укреплению всеобъемлющей национальной мощи Китая.

Как важному элементу многостороннего сотрудничества, культурной дипломатии уделяется все больше и больше внимания в КНР. Культурная дипломатия позволяет повысить доверие и понимание между людьми и укреплять дружественные связи. Гуманитарные обмены способствуют сотрудничеству в политической, экономической и других областях, совместному развитию и процветанию всех стран мира, что в конечном итоге, позволит вывести международное сообщество на новый уровень развития.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. «Венская конвенция о дипломатических сношениях», Вена. 18-го апреля 1961 [Электронный ресурс]. URL : https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/dip_rel.shtml (дата обращения 15.01.2021).
2. 现代汉语词典(современный китайский словарь). 商务印书馆(Изв. Коммерческая пресса). 2016. 第七版(№7). 1800页. (1800 с.).
3. Mitcheii. J.M. International Cultural Relations. London: Allen and Unwin Ltd, 1986. 253 p.
4. Ninkovich. F.A. The Diplomacy of Ideas: U.S.Foreign Policy and Cultural Relation,1938-1950.Cambridge: Cambridge University Press, 1981. 182 p.
5. 李智(Ли Чжи). 文化外交: 一种传播学的解读(Культурная дипломатия: интерпретация коммуникативных исследований). 北京(Пекин). 北京大学出版社(Изв. Пекинский университет), 2005. -25页(25 с.).
6. Nye J.S.,Jr.: Soft Power: The Means to Success in World Politics. N.Y.: Public Affairs, 2004. 191 p.
7. А. О. Наумов. Р. С. Положевич. «Мягкая сила» и публичная дипломатия Китайской Народной Республики на современном этапе//Новая и новейшая история. Москва. Наука. 2018. № 5. С. 105–118.
8. 邓小平年谱 (1975-1997) (Хроника Дэн Сяопина(1975-1997)). 北京(Пекин). 中央文献出版社(Изв. Центральное литературное издательство). 2004. -256页(256 с.).

9. 十五大以来重要文献选编（上）（Подборка важных документов после 15-го Национального Конгресса Коммунистической партии Китая (Часть 1)). 北京(Пекин). 人民出版社(Изд. Народное издательство). 2003. -37页(37 с.).

10. 高举中国特色社会主义伟大旗帜 为夺取全面建设小康社会新胜利而奋斗——在中国共产党第十七次全国代表大会上的报告（Держите великое знамя социализма с китайской спецификой и стремитесь к новым победам во всестороннем построении благополучного общества-Отчет на 17-м Национальном Конгрессе Коммунистической партии Китая）[Электронный ресурс]. 北京(Пекин): URL : <http://www.lswz.gov.cn/html/zhuanti/17da/200710261-1.html> (дата обращения 17.01.2021).

11. 赵可金(Чжао Кэцзинь) 陈碧林(Чен Билинь).中国共产党对文化外交的理论探索(Теоретическое исследование культурной дипломатии Коммунистической партией Китая).当代世界与社会主义 (Изд. Современный мир и социализм). 2016. №1. -7 页(7 с.).

12. 习近平谈文物保护工作(Выступление Си Цзиньпина о защите культурных ценностей) [Электронный ресурс]. 北京(Пекин) URL : https://www.sohu.com/a/395667382_120277890 (дата обращения: 19.01.2021).

13. 孔子学院总部\国家汉办(Государственная канцелярия по распространению китайского языка за рубежом (Ханьбань)). [Электронный ресурс]. URL : http://www.hanban.org/confuciousinstitutes/node_10961.htm (дата обращения: 15.01.2021).

ОЦЕНКА БЕЛОРУССКОЙ СОВЕТСКОЙ ЭЛИТЫ В МОНОГРАФИИ АМЕРИКАНСКОГО ИССЛЕДОВАТЕЛЯ МАЙКЛА УРБАНА

В. В. Шадурский

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, vshadur@list.by*

В работе описывается монография американского профессора Майкла Урбана, посвящённая изучению процессов, происходивших в элите Белорусской Советской Социалистической Республики в 1966–1986 гг. В ходе исследования Урбан с помощью ряда статистических и математических методов провёл анализ и стратификацию схему партийной и государственной властной вертикали Советской Беларуси. На основе полученных количественных данных, автор выдвинул тезис, что в исследуемый период центральное руководство в Москве оказывало лишь косвенное влияние на основную массу кадровых перестановок в белорусском истеблишменте. Основная политическая конкуренция в белорусских руководящих кругах происходила между условными внутрипартийными фракциями «Партизан» и «Минской индустриальной группой». К середине 1980-х гг. последние одержали вверх как в силу социально-экономических изменений общества Беларуси, так и из-за смены системы клиентелистских отношений.

Ключевые слова: цепи вакансий; клиентские отношения; истеблишмент; стратификация.

ASSESSMENT OF THE BELARUSIAN SOVIET ELITE IN THE MONOGRAPH OF AMERICAN RESEARCHER MICHAEL URBAN

V. V. Shadurski

Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus

The article describes a monograph by the American professor Michael Urban, dedicated to the study of the processes that took place in the elite of the Belarusian Soviet Socialist Republic in 1966 - 86. In the course of the research, the author used a number of statistical and mathematical methods. With them he analyzed and stratified the scheme of the vertical of authority in Soviet Belarus. On the basis of the obtained data, the author puts forward the thesis that during the researched period the central leadership in Moscow exerted only an indirect influence on the elite circulation in the Belarusian establishment. The main political competition in the Belarusian ruling circles took place between the inner-party factions "Partizans" and "Minsk Industrial Group". By the mid-1980s the «Industrials» were victorious because of the socio-economic evolution in the society of Belarus and also because of the changes in the system of late Soviet client relations.

Key words: vacancy chains; client relationship; establishment; stratification.

Книга «Белорусская советская элита (1966–1986 гг.): алгебра власти» профессора М. Урбана из Калифорнийского университета в Санта Крузе увидела свет в 1989 г. в академическом издательстве «Cambridge University Press», принадлежащем Кембриджскому университету в Великобритании. В 2010 г. книга была переведена на белорусский язык А. Казакевичем и Т. Чулицкой, под научной редакцией самого А. Казакевича и Н. Леонова. Объём белорусскоязычной версии монографии составил 196 страниц, издана она была в Европейском гуманитарном университете в Вильнюсе. В 2019 г. на сайте международного научного центра имени Вудро Вильсона была опубликована англоязычная статья российского философа М. Горюнова с изложением основных положений исследования профессора Урбана и обоснованием её актуальности для современной Беларуси [3].

Выход научной монографии в 1989 г. совпал по времени с глубоким реформированием и перестройкой находящейся в глубоком кризисе советской политической системы. С позиции ретроспективы мы знаем, что СССР к тому времени оставалось существовать менее двух лет, однако на момент публикации книги подобный исход вовсе не был очевиден. Сам факт выхода данной монографии, а также серии подобных книг, посвящённых исследованию истеблишмента различных союзных республик, можно расценить как свидетельство стремления американ-

ских академических кругов лучше понять Советский Союз и процессы, происходящие в этой огромной стране, разработать методику изучения его внутренней политики, тем самым сделав её более предсказуемой для США. Об этом своём желании автор говорит сразу же в предисловии.

Книга увидела свет в период, когда вопрос о будущем СССР был актуален как никогда. В этом свете анализ функционирования белорусской партократии был важен сразу по нескольким причинам. Первой из них являлась предполагаемая возможность усовершенствовать методологию исследования кадровой политики всесоюзной бюрократической вертикали. Стратифицировать систему партийных и государственных должностей и описать общую систему циркуляции вакансий в системе советской бюрократии было можно используя в качестве объекта изучения систему властной вертикали в довольно компактной БССР. Во-вторых, согласно Урбану, белорусская система испытывала относительно небольшое влияние местного национализма, и автор полагал, что методика исследования, применявшаяся по отношению к исследованию элиты БССР, может быть применена как по отношению к РСФСР, так и к любому другому региону СССР, в котором национальный фактор не играл важной роли. В-третьих, важный вопрос заключался в том, насколько советская властная вертикаль централизована и насколько региональные власти самостоятельны в принятии кадровых решений? При этом и после исчезновения СССР исследование не утратило своей актуальности. Сейчас данная монография служит как в качестве добротного исторического источника, свидетельствующего об определенном западном интересе к Беларуси того периода, так и в качестве подспорья для понимания некоторых аспектов современной белорусской истории, которые в силу идеологических ограничений не исследовались в самой БССР.

Большой интерес для исследователя представляет созданная автором классификация списка партийных и государственных должностей по десяти стратам. При этом Урбан отмечает, что определение конкретной страты для определённых государственных постов являлось иногда довольно нетривиальной задачей. Так автор обращает внимание на пример редактора белорусской газеты «Звезда» Михаила Дельца, должность которого позволяла занимать место в Центральном комитете КПБ. Однако после формального повышения до главы Государственного комитета БССР по делам печати, он был понижен до кандидата в члены ЦК КПБ [2, с.48]. С помощью этого и ещё некоторого количества аналогичных примеров, автор обосновывает своё решение стратифицировать должности истеблишмента БССР не только на основе их формального положения во властной вертикали, но и на том, насколько часто та или иная вакансия становилась «ступенькой» на пути к вышестоящим постам.

В целом же, советскую, в том числе и белорусскую, модель бюрократии, автор характеризует как «слабую структуру», в которой большую роль играет не столько официальный пост человека, как его персональное влияние или связи [2, с.18]. Анализ подобной структуры с сильно персонифицированными отношениями внутри вертикали власти Урбан решает проводить не через призму рассмотрения отдельных политических фигур белорусского политического «Олимпа», а через статистический анализ «цепей вакансий», позволяющих отследить последовательность, с которой только освободившаяся вакансия переходит от одного политического актора к другому. Подобная схема позволяет отслеживать общие тенденции циркуляции кадров внутри истеблишмента, при этом личные характеристики (пол, возраст, регион где они занимали должность до этого и др.) рассматриваются лишь в совокупности. На основе полученных данных формируется общий рисунок состава элиты. А уже потом основываясь на нём проводится анализ направлений политики и факторов, ведущих к изменению системы.

Для работы с подобными массивами данных автору необходимо было получить сведения о биографиях, назначениях и отставках сотен и тысяч советских чиновников. Источниковой базой для М. Урбана послужила советская периодическая печать (газеты «Советская Белоруссия», «Звезда», «Известия», журнал Коммунист Беларуси, выпуски «Ведомостей Верховного Совета СССР»), мемуары К.Т. Мазурова и С.О. Притыцкого, а также сборник биографических данных советских деятелей, собранных ЦРУ [2, с. 37].

Книга содержит и семистраничную справку из истории Беларуси, опирающуюся по большей части на англоязычных исследованиях профессоров-эмигрантов Н. Вакара и Я. Запрудника. Однако по ряду принципиальных позиций М. Урбан высказывает своё мнение, не вполне совпадающее с историками эмиграции. Так если Н. Вакар был склонен рассуждать о Беларуси времён немецкой оккупации и партизанской борьбе в стилистике «Между советской наковальней и немецким молотом» [4, с.199], то Урбан рассуждает о феномене белорусского партизанского движения вполне положительно или нейтрально. Рассматривая ситуацию с ракурса послевоенных политических реалий, автор констатирует, что жертвенность партизан «для народа» и борьба «вместе с народом» способствовали выдвижению ряда партизанских командиров на самую верхушку белорусской правящей элиты [2, с.30]. Кроме того, сложившаяся политическая фракция «партизан» во главе с П.М. Машеровым и К. Т. Мазуровым способствовало конструированию нового национального мифа, в котором героическое сопротивление белорусского народа активно переплеталась с общей идеей героической борьбы

всех советских национальностей. Перефразируя автора можно сказать, что теория эта в послевоенное время сыграла роль приемлемой модели белорусского национализма, вокруг которой генерировались многие идейные смыслы белорусского общества тех лет. Политическая фракция «партизан» будет руководить Беларусью большую часть обозначенного периода исследования, пока не будет смещена другой политической группировкой. Подробно об этом будет рассказано ниже.

Важная часть книги М. Урбан посвящена централизации власти в рамках СССР и тому, насколько влияние Москвы было определяющим в распределении высших номенклатурных постов БССР. Не вдаваясь в приводимую автором методику сложных вычислений с дробями, инверсиями и дискретными величинами, отметим то, что по итоговым данным за исследуемый двадцатилетний период в Беларуси было открыто 1368 вакансий в трёх верхних «стратах» (высшие партийные должности БССР, министры и руководители Государственных комитетов Беларуси, директора крупнейших предприятий и др.). По данным Урбана, лишь девять человек были назначены на эти должности, не имея за плечами опыта работы в Беларуси, при этом двое из них заняли посты председателей местного КГБ, а ещё один стал прокурором БССР [2, с.72]. Из последнего автор делает вывод, что желание Москвы иметь контроль над республикой хоть и проявлялось через назначение сторонних чиновников на высшие посты в правоохранительных органах, но вряд ли могло быть эффективным исходя из малого количества подобных назначений и налаживания прибывшими тесных связей с местной номенклатурой. Ещё одной выделяемой автором тенденцией стало то, что белорусские чиновники, назначенные на посты в Москву, зачастую не продвигались по карьерной лестнице в столице, а наоборот со временем в основном возвращались на высшие должности в БССР.

Таким образом, проанализировав массив назначений, автор приходит к выводу, что централизация в «Брежневскую эпоху» хоть и имела влияние на кадровые расстановки в Белорусской ССР, но это влияние являлось скорее косвенным. Влияние номинальной централизации на циркуляцию элит в БССР автор и вовсе называет «маргинальным» [2, с.74]. Это мнение имеет важность в свете существующей дискуссии о том насколько самостоятельным было руководство социалистической Беларуси, как сильно оно было зависимо от Кремля при принятии решений, а соответственно: какую ответственность оно несёт как за успехи, так и за неудачи тех лет? Так политолог С. Богдан в своей статье, посвящённой достижениям П. М. Машерова, отстаивает самостоятельный вклад белорусского руководства в развитие страны, ссылаясь на данный

труд М. Урбана, который, по мнению автора, делает вывод о специфическом, но реальном советском федерализме [1].

Отдельная глава монографии «Региональная структура циркуляции элиты» повествует о влиянии регионализма на властную вертикаль Беларуси в период 1966–1988 гг. Методологическая основа основывается на всё том же анализе «цепей вакансий», а также сведениях о назначении белорусских чиновников в другой регион или достижения ими места в республиканской и общесоюзной элите. На основе полученных результатов, автор приходит к выводу, что непропорционально большая «вероятность» попасть на должности союзного значения была у чиновников Минска и Минской области. Действительно, в столице было сосредоточено большинство промышленных мощностей республики и численность его партийной организации была соответственно самой большой, однако, как отмечал Урбан, вторая по численности Гомельская область не могла похвастаться ни одним чиновником, выдвинутым на руководящие общесоюзные посты.

Особенный интерес представляют данные о регионах происхождения высшей элиты БССР 1966–1986 гг., которую составляли чиновники уже обозначенных трёх высших страт, выделенных автором. Термин «происхождение» в данном контексте Урбан трактует, как регион, где личность занимала пост перед тем, как пойти на повышение и непосредственно войти в республиканское руководство Беларуси. При этом временной отрезок делится на две части: с 1966–1975 гг. и с 1975–1986 гг. В первый из обозначенных периодов на руководящие должности было выдвинуто 10 человек, занимавших до этого должности в Минской области, вдобавок 8 из них имели за плечами партизанское прошлое. При чём за эти десять лет в руководство БССР не вошло ни одного человека непосредственно из столицы республики. Однако в 1975–1986 гг., на высшие должности уже были назначены 7 человек из Минска, в том числе ни одного из Минской области и только один «партизан» [2, с.88]. Подобный статистический разрыв, невозможно объяснить одним лишь только совпадением. Урбан же объясняет подобное обострением существовавшей и до этого борьбой фракций, когда на смену «партизанам» под руководством К. Т. Мазурова и П. М. Машерова пришли представители «Минской городской индустриальной» фракции, центральными фигурами которой были Н. Н. Слюньков и А. А. Реут. Сам факт наличия борьбы «партизан» за влияние в Беларуси был известен на Западе ещё до Урбана, что признаёт и сам автор. При этом профессор Урбан предлагает взглянуть на вопрос конкуренции сторон с новой точки зрения, в которой важные роли играют не только смена кремлёвской элиты, закат карьеры К. Мазурова и московские связи Н. Слюнькова, но и смена общего социально-

экономического контекста Беларуси в послевоенные годы характеризующаяся стремительной урбанизацией и индустриализацией.

Так М. Урбан выделяет четыре характеристики «минской индустриальной» фракции, каждая из которых стала одним из факторов успеха: 1) региональную, минскую сплочённость 2) многочисленные контакты руководства группы с людьми из общесоюзного руководства, 3) широкий кадровый резерв для рекрутирования чиновников со столичных заводов и предприятий, 4) отсутствие единого лидера или патрона. Таким образом, в системе политического патронажа БССР тех лет на смену вертикальным пришли горизонтальные связи, когда уже не отдельный индивид, а целые группы политиков, действующие совместно для достижения тех или иных целей. Согласно Урбана, это стало возможным благодаря урбанистически-индустриальному развитию Беларуси в несколько последних десятилетий [2, с.96]. При этом влияние событий, происходящих в Кремле, на пертурбацию белорусских элит вовсе не отрицается профессором Урбаном. Так смерть Л. И. Брежнева и восхождение на пост Генерального секретаря Ю. В. Андропова описывается, как один из основных факторов окончательного упадка «партизан» и победы «индустриалов».

Подводя итог стоит отметить, что данная монография в значительной степени позволяет отнестись с сомнением к довольно распространённой сегодня точке зрения о том, что структура циркуляций внутри властной вертикали БССР была практически полностью зависима от московского центра. Урбан не опровергает данный тезис, подтверждая значение Москвы в деле назначения высших партийных чиновников республики. Но анализируя влияние Кремля на кадровые перестановки основной массы чиновников непосредственно в Беларуси, автор делает вывод, что: «...процесс циркуляции элиты в Беларуси имеет свою собственную структуру и движется в значительной степени в соответствии с собственными ритмами» [2, с.13]. Этот вывод может оспариваться, но подобный альтернативный взгляд со стороны американского ученого, основанный на серьёзном статистическом и математическом анализе, во всяком случае должен быть принят во внимание.

За 196 страницами монографии М. Урбана кроется огромная работа с источниками, цифрами и массивами данных. Призвав на помощь статистику и математику профессор Урбан представил альтернативный взгляд на один из важных периодов новейшей истории Беларуси. Англоязычное издание книги содержало в себе некоторые небольшие фактические ошибки, касающиеся белорусской действительности (так Могилёвская область была названа самой маленькой в стране) [2, с.83], но подобные огрехи не портят общее впечатление от книги. Удаленность ав-

тора от политических реалий БССР позволяет ему взглянуть на события и персонажей белорусской истории с альтернативной точки зрения и тем самым увидеть некоторые процессы, часто скрытые от глаз отечественных исследователей. В конце своей книги, автор делает вывод, что по состоянию на 1989 г. результатом социальных преобразований должно стать изменение клиентелизма новой категорией – категорией гражданина. Этот прогноз М. Урбана можно считать сбывшимся.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Богдан, С. Мнение. Машеров, который строил Беларусь в тени Москвы [Электронный ресурс] // TUT.BY: Белорусский портал URL: <https://news.tut.by/politics/441840.html> (дата обращения: 30.01.2021).
2. Урбан М. Беларуская савецкая эліта (1966-1986): алгебра ўлады / пер. з англ. мовы. Вільня: ЕГУ, 2010. 196 с.
3. Goruynov, M. Belarus: Often Overlooked, It Will Reward Historians and Social Scientists [Electronic source] // Wilson Center. 2019. Mode of access: <https://www.wilsoncenter.org/blog-post/belarus-often-overlooked-it-will-reward-historians-and-social-scientists>. Date of access: 30.01.2021.
4. Vakar, N. Belorussia. The Making of a Nation . Harvard University Press, 1956. – 297 p.

КИТАЙСКИЙ НОВЫЙ ГОД КАК ЭФФЕКТИВНЫЙ ЭЛЕМЕНТ «МЯГКОЙ СИЛЫ» В РЕАЛИЗАЦИИ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ КНР

Ши Дандань

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, dandanshi@yandex.by*

В статье впервые в белорусской историографии рассматриваются усилия государственных учреждений КНР по организации празднования китайского Нового Года («Веселого Праздника Весны») в мире. Определены акторы и платформа этой деятельности, прослежена динамика интернационализации Праздника, охарактеризованы основные стратегии его проведения и их реализация, а также значимость как направления в реализации концепции «мягкой силы» во внешней политике Китая на современном этапе.

Ключевые слова: история повседневности; КНР; внешняя политика; культурная дипломатия; «мягкая сила»; Китайский Новый год «Веселый Праздник Весны»; экспорт китайской культуры; площадка распространения культуры.

CHINESE NEW YEAR AS AN EFFECTIVE ELEMENT OF "SOFT POWER" IN THE IMPLEMENTATION OF THE PRC'S FOREIGN POLICY

Shi Dandan

Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus

For the first time in Belarusian historiography, the article examines the efforts of state institutions of the PRC to organize the celebration of the Chinese New Year ("Happy Spring Festival") in the world. The actors and the platform of this activity are determined, the dynamics of the internationalization of the Holiday is traced, the main strategies of its holding and their implementation are characterized, as well as the significance as directions in the implementation of the concept of "soft power" in China's foreign policy at the present stage.

Key words: history of everyday life; PRC; foreign policy of the PRC; cultural diplomacy; "Soft power"; Chinese New Year; Happy Spring Festival; export of Chinese culture; site for the dissemination of culture.

Праздник Весны (так называется Новый год по китайскому календарю) – это самый главный, особо торжественный и продолжительный государственный праздник в Китае, а также один из старейших народных праздников, он отмечается уже более 400 лет [1]. Крупномасштабное мероприятие в честь «Веселого Праздника Весны», спонсируемое Министерством культуры и туризма КНР, стало флагманским проектом программы межкультурных обменов с самым большим числом участников и самым сильным влиянием на зарубежную аудиторию. По оценке Лю Яньдуна, вице-премьера Госсовета КНР, китайский Новый год – это «международная платформа для содействия обмену различными культурами» [2].

По данным Бюро международного обмена и сотрудничества Министерства культуры и туризма КНР, в начале 2010 г. Министерство культуры, Министерство иностранных дел, Министерство образования, Канцелярия по делам проживающих за границей китайских граждан при Госсовете КНР, культурные учреждения различных провинций Китая, отделы культуры при посольствах КНР объединили усилия по организации этого крупномасштабного мероприятия за рубежом с целью распространения китайской традиционной культуры и построения «гармоничного мира» [3].

Жуань Цзин, профессор Центрального университета национальностей, считает, что правительство страны выбрало «Праздник Весны» в качестве платформы для продвижения китайской культуры во всем мире по следующим причинам: 1) Уникальное очарование традиционной китайской культуры, представленное Праздником Весны; 2) Стремительное

развитие экономики Китая заложило материальную основу для проведения масштабных культурных мероприятий; 3) Растущая численность китайской диаспоры; 4) Углубление культурных обменов во всем мире [4].

Первое масштабное проведение «Веселого праздника Весны» состоялось в том же 2010 г., о динамике интернационализации китайского Нового года можно судить по данным Министерства культуры и туризма КНР, систематизированным автором (см. таблицу). Праздник превратился в масштабное мероприятие с целью глобального продвижения китайской культуры [5].

Таблица

Динамика интернационализации Китайского Нового года (2010-2019 гг.)

Год	Количество охваченных стран и регионов	Количество мероприятий
2010	42	65
2011	63	65
2012	82	323
2013	99	385
2014	112	Более 570
2015	119	Более 900
2016	140	Более 2100
2017	140	Более 2000
2018	130	Более 2000
2019	133	Более 1500

Таблица составлена автором на основе «Культурного ежегодника» Министерства культуры и туризма [5].

6 февраля 2015 г. первое масштабное культурное мероприятие «Веселого Праздника Весны» прошло в Минске; всего в Беларуси было проведено 6 мероприятий, посвященных празднованию китайского Нового года. По словам Цуй Цимина, бывшего посла Китая в Беларуси, мероприятие «Веселого Праздника Весны» стало для белорусов, особенно молодежи, важной платформой для знакомства с традиционной китайской культурой [6].

В 2014 г. Министерство культуры предложило три стратегии развития масштабных мероприятий в рамках «Веселого Праздника Весны»: «брендизация», «адаптация к местным условиям» и «маркетингизация» [2].

Яркий и стабильный логотип бренда имеет большое значение для узнаваемости «Веселого Праздника Весны». После долгих обсуждений и отбора вариантное изображение, основанное на иероглифе «Весна» в костяных надписях Оракула, установлено в качестве основного графического изображения данного мероприятия. Сформировано 11 суббрендов, ориентированных на людей из разных регионов, классов и культурных традиций, проживающих за рубежом. Эти суббренды охватывают исполнительское и изобразительное искусство, креативный дизайн, китайскую

кухню и другие области [7].

Любую культуру можно по-настоящему понять, только участвуя в образе жизни целевой аудитории. Быстрое развитие экономики КНР и рост влияния китайской диаспоры принесли существенные преимущества китайской культуре в адаптации к местным условиям. Более 300 зарубежных партнеров, включая правительства, культурные учреждения, предприятия и частных лиц, участвуют в мероприятиях по случаю празднования китайского Нового года по всему миру [8]. Среди них один из самых известных культурных центров США – Центр исполнительских искусств Линкольна, организовавший в 2015 г. первую художественную выставку «Happy Chinese New Year - Fantastic art china» с экспозицией картин шести всемирно известных китайских современных художников: Сюй Бин, Хуан Цзяньчэн, Чен Вэньлин, Люй Шэнчжун, Сюй Цзян и Чжань Ван [9].

В марте 2014 г. вице-премьер Госсовета КНР Лю Яньдун отметила необходимость мобилизации широких слоев населения для участия в юбилейной выставке «Веселый Праздник Весны», проводимой Национальным музеем Китая, призвав выходить на мировой рынок именно через эту платформу [2]. В декабре 2017 г. председатель Китайского комитета содействия развитию международной торговли (ККСРМТ) Цзян Цзэнвэй встретился с министром культуры Ло Шуган, в результате чего обе стороны подписали совместный Меморандум об углублении сотрудничества в области внешней культурной торговли, в частности, в создании бренда «Веселый Праздник Весны» и продвижении сопутствующих празднику товаров за рубежом [10]. Примером маркетинга праздника может служить Культурная ярмарка, ежегодно проводимая в Таиланде. В феврале 2015 г. её организовали на площадях Всемирного торгового центра в столице этой страны, представив материальное и нематериальное наследие Китая. За 7 дней ярмарка привлекла почти 200 тыс. тайцев, а объем продаж составил почти 7 млн бат [11].

Таким образом, празднование Нового года по китайскому календарю рассматривается Пекином как платформа для продвижения китайской традиционной культуры и средство создания положительного образа Китая в мире. С 2010 г. началась координация усилий Государственного совета (Канцелярия по делам проживающих за границей), Министерства культуры (Бюро международного обмена и сотрудничества), Министерства иностранных дел (посольства КНР), Министерства образования, а также культурных учреждений провинций по организации ширококомасштабного «Веселого Праздника весны»; результатом стала впечатляющая положительная динамика его интернационализации. В 2014 г. были сформулированы три стратегии проведения китайского Нового года, осуществляемые в тесной связи с Комитетом содействия развитию международной торговли при Министерстве экономики КНР, что иллю-

стрирует и подтверждает тесную связь культурной и экономической дипломатии. По оценке автора, эффективность деятельности китайских государственных учреждений в рассматриваемом направлении можно поставить на второе место после институтов Конфуция.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Очаровательная китайская весна гостит в столице [Электронный ресурс] // Минск-Новости. 01.01.2018. URL: <https://yandex.by/turbo/minsknews.b/s/ocharovatel'naya-kitayskaya-vesna-gostit-v-stolitse/> (дата обращения: 20.01.2021).
2. Вице-премьер Госсовета КНР Лю Яньдун принимала участие в юбилейной выставке «Веселый Праздник Весны» [Электронный ресурс] // Портал Хуаньцю. 04.03.2014. URL: <https://china.huanqiu.com/article/9CaKrnJEso> (дата обращения: 20.01.2021 (на кит.яз.)).
3. Веселый праздник весны и веселый мир [Электронный ресурс] // Сети китайской культуры. 11.07.2016. URL: <http://cn.cccweb.org/pubinfo/2020/04/28/200001005050/79335a96808149759431dd0b584be064.html>–(дата обращения: 20.01.2021 (на кит.яз.)).
4. Жуань Цзинь. Анализ влияния и стратегии распространения китайского Нового года за рубежом // Вестник Юго-центрального национального университета. 2014. №6 С. 47–51. (на кит.яз.).
5. Ежегодник по культуре и туризму КНР 2018 Второй том / Министерство культуры и туризма КНР ; сост. Ло Шуган. Пекин: Издательство «Путешествие и туризм в Китае», 2019. 408 с.
6. Мероприятие Веселого Праздника Весны 2018 г. состоялось в Минске [Электронный ресурс] // Сети китайской культуры. 16.12.2015. URL: <http://cn.china-culture.org/portal/pubinfo/2020/04/28/200001003002001/bcefe848002a44578c079fed058f83ea.html> (дата обращения: 20.01.2021 (на кит.яз.)).
7. Янь Сяодань. Роль и методы мероприятий Веселого Праздника Весны в подъема культурной «мягкой силы» Китая: дис. ... маг.искусствоведение: 17.00.01. Пекин, 2015. 80 л. (на кит.яз.).
8. Цзы Су. Веселый Праздник Весны написал новую главу о культурном обмене между Китаем и зарубежными странами // Журнал межкультурного обмена. 2016. №3 С. 42–47. (на кит.яз.).
9. Сотрудничество с «Китайским Новым годом • китайском искусством» – Центр исполнительских искусств Линкольна [Электронный ресурс] // Искусство Китая. 16.12.2015. URL: <http://fantastic.art.china.cn/2015-12/16/content8454749.htm> (дата обращения: 20.01.2021 (на кит.яз.)).
10. Китайский комитет содействия развитию международной торговли и Министерство культуры подписали меморандум о сотрудничестве [Электронный ресурс] // Новости торговли Китая. 19.12.2017. URL: <http://www.chintradenews.com.cn/maocu/201712/19/c8148.html>–(дада обращения: 20.01.2021 (на кит.яз.)).
11. Культурная ярмарка впервые заходит в Таиланд [Электронный ресурс] // Сети китайской культуры. 20.02.2015. URL: <http://cn.cccweb.org/pubinfo/2020/04/28/200001003002/8af60043b8524e28b595e7ec2bca59b3.html> (дата обращения: 20.01.2021 (на кит.яз.)).

ИССЛЕДОВАНИЕ ПЕРЕМЕН В ФОРМИРОВАНИИ ПУБЛИЧНОЙ ПОЛИТИКИ КИТАЯ

Ян Кэ

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, yangke151617@gmail.com*

На основе динамического механизма формирования публичной политики, ее субъектов, процессов и целей рассматриваются некоторые важные изменения в фазе формирования публичной политики Китая за 40 лет реформ и открытости. Целью исследования является получение сущностных знаний и представлений о формировании китайской публичной политики, а также понимание тенденций ее развития в течении времени. Задача работы состоит в определении изменений и содержания в формировании публичной политики в теории и практике Китая. Практическая важность обозначена установлением более наукоемкой публичной политики, обогащением теоретической системы публичной политики Китая.

Ключевые слова: Китай; публичная политика; изменения; открытость; услуги.

RESEARCH CHANGE IN PUBLIC POLICY FORMATION IN CHINA

Yang Ke

*Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus
Corresponding author: Yang Ke (yangke151617@gmail.com)*

On the basis of the dynamic mechanism of the formation of public policy, its subjects, processes and goals, some important changes in the phase of the formation of China's public policy over 40 years of reforms and opening are considered. The aim of the study is to obtain essential knowledge and ideas about the formation of Chinese public policy, as well as to understand the trends of its development over time. The task of the work is to determine the changes and content in the formation of public policy in the theory and practice of China. The practical importance is indicated by the establishment of a more knowledge-based public policy, the enrichment of the theoretical system of China's public policy.

Key words: China; public policy; changes; openness; services.

Все время китайская публичная политика находилась под сильным влиянием Запада, особенно американских смежных дисциплин. Однако в связи с постоянными изменениями в китайском обществе, после реформ и открытости Китая наука о публичной политике в стране быстро развивалась. Китайское правительство формирует и реализует публичную политику на основе внутренней реальности и публичная политика становится более научной и стандартизированной. С точки зрения динамического механизма китайской публичной политики реализуется измену от негативного ответа в формировании публичной политики к актив-

ному; с точки зрения ее субъектов реализуется измена от единичного субъекта к Разнообразных субъектов; в процессе формирования реализовано преобразование от закрытого к открытому; со стороны ее цели – преобразование от управления к службе.

Динамический механизм формирования публичной политики Китая долгое время был негативным. Разумеется, исходная политика сама по себе неразумна и не может координировать отношения социальных интересов, что приводит к накоплению все большего количества социальных противоречий. Они выражаются как крупное общественное событие. Общественное внимание оказало огромное давление на правительство, вынудив его столкнуться с проблемами, существующими в нынешней публичной политике, и сформировать новую политику для разрешения социальных проблем. Типичный пример – «событие Сунь Чжигана», произошедшее в Гуанчжоу в марте 2003 г. [1]. Однажды ночью по пути в интернет-кафе полицейские посчитали его «sanwu renpuan» из за того что он не носил свой паспорт, и отправили его в приют, там избили его до смерти. Это событие вызвало широкую бурную дискуссию в обществе. После двух месяцев три доктора – Ю Цзянь, Тэн Бяо и Сюй Чжиюн из Пекинского университета, представили Постоянному комитету Всекитайского собрания народных представителей «Рекомендации по пересмотру мер по приему и репатриации бродяг и нищих в городских районах». После исследования 20 июня того же года Государственный совет обнародовал «Административные меры по оказанию помощи бродягам и попрошайкам в городе», и в то же время были отменены действующие в течение 21 года «Меры по предоставлению убежища и репатриации бродяг и нищих в городских районах». Тогдашнее правительство находилось в пассивном состоянии и не могло эффективно координировать и разрешать социальные конфликты. Поэтому в последние годы правительство постепенно взяло на себя инициативу по формированию политики, чтобы улавливать тенденции социального развития и возможные социальные риски, а также удовлетворять потребности населения. Например, в ответ на то, что Китай вступил в стареющее общество, число пожилых людей увеличивается, а демографические дивиденды постепенно сокращаются, государство сформировало публичную политику – рожать по два ребенка в семье. Динамический механизм формирования публичной политики сместился с негативной реакцией на активное, что свидетельствует о том, что китайское правительство эффективно предотвращает социальные противоречия и постоянно повышает уровень государственного управления социальной деятельностью.

В развитии публичной политики её субъект претерпел трансформацию из единого субъекта ко множественному. В прошлом в Китае при формировании публичной политики государственная власть монополизировала право формирования политики. Из-за единого источника информации и неправильного анализа социальной ситуации и социальных проблем политиками, предыдущая публичная политика Китая оторвалась от реальности социального развития и не могла эффективно координировать отношения социальных интересов. В то же время политики имели тенденцию быть эгоистичными и секторальными протекционистами. Установленные ими политики, отвечающие только секторальным интересам, а не интересам граждан, в конечном счете обостряли социальные противоречия. В последние годы сознание народа о правах и желание участия в государственных делах постепенно возрастают, различные социальные группы, предприятия и отдельные лица обратятся с просьбой об участии в формировании публичной политики, надеясь, что политика может отражать их интересы. Правительство осознавало важность многопартийного участия в разработке публичной политики. И правительственные власти открыли Weibo и WeChat, на которых население, специалисты и другие общаются, выражают своё мнение, предоставляют большой объем информации для принятия решений правительством. Ещё накануне каждого Всекитайского собрания народных представителей Государственный совет проводит симпозиум, выслушивает мнения и предложения экспертов, ученых и низовых работников по докладу о работе правительства. Таким образом данный доклад более точно отражает потребности социального развития. Это изменение отражает научный и демократичный характер формирования публичной политики, имеет положительное значение для повышения уровня публичной политики Китая.

Формирование политики – это не статичное понятие, а динамический процесс. В формирование публичной политики включают три аспекта: определение публичных проблемы, постановку задач и формирование публичной политики. В закрытом процессе публичная политика формируется только правительством, отсутствует социальное участие, присутствует непонимание того, что является общественной проблемой, какие проблемы должны решать правительство. Так возникает ненужная публичная политика, серьезно влияющая на социальную стабильность [2, с.32]. Развитие информационного общества позволило правительству открыть процесс разработки публичной политики. На этапе обсуждения вопросов политики правительство созывает консультационные семинары и слушания с целью изложить процесс определения вопросов политики, и прислушивается к мнениям всех сторон общества о возможности

включить вопрос политики в повестку дня, добавляет новое содержание, чтобы вопрос был более целенаправленным. В последнем звене формирования публичной политики правительство также более открыто, социальные группы, предприятия и отдельные граждане могут участвовать в разработке публичной политики различными способами. Это изменение способствует повышению сознания о гражданских правах и развитию гражданского общества, а также способствует созданию благоприятных и интерактивных отношений между правительством и гражданами.

Наконец, сущность публичной политики заключается в ее общепольности и служении обществу. Французский политический мыслитель Руссо считает: «Общая воля – это общая воля всех людей, и общая воля сосредоточена только на общественных интересах» [3, с.19]. Это требует формирования публичной политики для решения фундаментальных задач в обществе. Долгое время китайское правительство полагалось на всемогущую систему, в сочетании с большим населением Китая и сложными социальными делами. Это привело к тому, что правительство сделало управление своей политической целью. Например, правила временного проживания, введенные властями до 2016 г. Большая часть его содержания направлена на ограничение различного поведения временных жителей, а не на их права. Правительственные учреждения ограничивают поведение временных жителей только для достижения цели социальной стабильности в городах. Очевидно, данная публичная политика была сформирована с целью управления. В настоящее время, в связи с высокой социальной мобильностью, концепция государственного управления претерпела значительные изменения. Особенно после 18-го Национального Конгресса Коммунистической партии Китая, различные публичные политики, введенные правительством, явно ориентированы на оказание услуг. Например, Государственный совет обнародовал «Временное положение о видах на жительство» в ноябре 2016 года. Положение наделяет городское временное население основными правами на общественные услуги, включая работу, медицинское обслуживание, социальное обеспечение и образование, помогают защитить основные права городского временного населения [4]. Это показывает, что публичная политика Китая и уровни государственных услуг вступили в новый этап.

В общем, Китайские теории публичной политики претерпели огромные изменения в контексте введения зарубежных теории публичной политики и быстрых перемен в китайском обществе, особенно в формировании публичной политики. В то же время в этом сегменте существует много проблем, которые необходимо решить. Следовательно, китайская публичная политика должна основываться на обобщении

предыдущего опыта, изучать внутренние политические практики, чтобы способствовать новому развитию.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Изучение события Сунь Чжигана // Китайский правительственный сайт [электронный ресурс]. URL: [www.nmgce.gov.cn/CourseInfo.aspx?id= 5D6DED24-5276-4E3F-9220-33B87BC9D1AE](http://www.nmgce.gov.cn/CourseInfo.aspx?id=5D6DED24-5276-4E3F-9220-33B87BC9D1AE) (дата обращения: 17.01.2021).
2. Чэнь, Цинъюнь. Анализ публичной политики . Пекин : Издательский дом экономики Китая, 1996. 32 с.
3. Rousseau. Social contract theory . Beijing: commercial press, 1980. 19 p.
4. Постановление Государственного совета Китайской Народной Республики (№663) «Временное положение о видах на жительство» // Китайский правительственный сайт [Электронный ресурс]. URL: [www.gov.cn/gongbao/content/ 2016/content_2979706.htm](http://www.gov.cn/gongbao/content/2016/content_2979706.htm) (дата обращения: 16.01.2021).

ПОЛИТИКА США В ОТНОШЕНИИ ЮЖНО-КИТАЙСКОГО МОРЯ В ПЕРИОД АДМИНИСТРАЦИИ Б. ОБАМЫ (2009-2017 гг.)

Янь Бинлян

*Белорусский государственный университет,
пр.Независимости,4, 220030, г. Минск, Беларусь, 1063553562@qq.com*

В данной статье исследуется политика США в отношении проблемы Южно-Китайского моря в период правления Президента США Барака Обамы с 2008 по 2017 год, а также подробно рассматривается серия дипломатических и военных действий США в соответствии со стратегией «Перебалансировки сил в Азиатско-Тихоокеанском регионе». В статье анализируются причины, по которым Кабинет Барака Обамы и Правительство США перешли от своей изначальной нейтральной позиции к активному вмешательству в вопрос Южно-Китайского моря, а также резюмируется политическое влияние США на ситуацию в данном регионе, которое привело к усилению милитаризации региона и усугубило уже имеющиеся проблемы.

Ключевые слова: политика Южно-Китайского моря; китайско-американские отношения; причины и влияние.

U.S. POLICY ON THE SOUTH CHINA SEA DURING THE OBAMA ADMINISTRATION (2009-2017)

Yan Bing Liang

Belarusian State University, Leningradskaya Street, 20, 220030, Minsk, Belarus

This article studies the US policy on the South China Sea during the Obama administration from 2008 to 2017.under the environment of the “Asia-Pacific strategy

rebalancing”, this article analyzes the US government’s transition from an initial neutral position to active intervention in South China Sea. And the cause of the South China Sea issue, Summarize the impact of the US intervention in the South China Sea which has led to an arms race in the South China Sea region and undermined regional peace and stability.

Keywords: South China Sea policy; Sino-US relations; causes and effects.

С тех пор, как к власти в США пришёл Барак Обама, вектор политики Правительства США в отношении проблемы Южно-Китайского моря сместился с «нейтрального» на «позицию активного вмешательства» и «принуждения к выбору единственной стороны конфликта», добавив новые переменные в китайско-американские отношения и тем самым усугубив проблему вокруг Южно-Китайского моря. Кабинет Барака Обамы не только поставил под сомнение заявление Китая о «прерывистых линиях демаркации», но и обвинил Китай в препятствовании свободе судоходства в Южно-Китайском море, потребовав от Китая прекратить «захват» земель в регионе, побудив Филиппины передать материалы о споре Южно-Китайского моря в международный арбитраж, а также проводил искусственное наращивания градуса отношений по вопросу Южно-Китайского моря, Правительство США активно оказывало дипломатическую помощь и военную поддержку Вьетнаму, Филиппинам и другим странам, вплоть до прямой интервенции – отправления военных самолётов и кораблей в спорные регионы Южно-Китайского моря. Все более активная интервенционная позиция и действия администрации Обамы по проблеме Южно-Китайского моря не только отражают растущую озабоченность Соединенных Штатов по поводу стратегических намерений и морских амбиций КНР, но также отражают стратегическую решимость Соединенных Штатов сохранить лидерство в Азиатско-Тихоокеанском регионе, «задобрить» своих азиатско-тихоокеанских союзников и сохранить свою морскую гегемонию. Политика Кабинета Обамы и Правительства США в целом в отношении проблемы Южно-Китайского моря всегда была актуальной темой для изучения в академических кругах Китая и США.

Причины политики, проводимой США в отношении проблемы района Южно-Китайского моря:

- 1) Защита экономических интересов США в районе Южно-Китайского моря и получения господства на море.

Еще в 2003 году Соединенные Штаты провели серию разведывательных работ по возможной добыче нефти и газа с большинством стран региона Южно-Китайского моря, включая Китай. По состоянию на 2012 год общая сумма различных контрактов с участием американского капитала в нефтегазовых разработках региона Южно-Китайского моря превысила 150 миллиардов долларов США. Поэтому очевидно, что задачей

правительства США является защита коммерческих интересов отечественных предприятий в Южно-Китайском море. Для этого, США должны поддерживать коммерческое процветание и развитие рынков стран АСЕАН и непосредственно КНР, но с другой стороны США также активно захватывают нефтегазовые ресурсы Южно-Китайского моря, отмечает исследователь Чжоу Ци [5, с., 32]. Регион Южно-Китайского моря имеет для обеих стран особое геополитическое значение. Как подчеркнул американский ученый Робби Д. Каплан, «Южно-Китайское море соединяет страны Юго-Восточной Азии с западной частью Тихого океана и является важной морской транспортной артерией с огромным стратегическим значением. Южно-Китайское море – это "морской спасательный круг стран Восточной Азии"». Стоит отметить, что морские пути через Южно-Китайское море являются не только одними из важнейших торговых и экономических путей, но также являются «лакомым куском» для Соединенных Штатов, по которому они направляют свои вооружённые силы на Ближний Восток. Контроль над Южно-Китайским морем означает контроль над всем Азиатско-Тихоокеанским регионом, его экономикой и ресурсами. Контроль над морскими путями в Южно-Китайском море равносителен контролю над торговым направлением всего региона Азия-Европа [7].

2) Ограничение и замедление роста влияния КНР в регионе и попытка овладеть господством в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

В последние годы, с ускорением экономического и политического развития КНР, Соединенные Штаты рассматривали Китай как глобального стратегического противника и предложили стратегию «Перебалансировки сил в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Цель данной стратегии состоит в том, чтобы противодействовать влиянию Китая и ограничить его развитие путем активного вмешательства в дела Азиатско-Тихоокеанского региона. Таким образом, ограничение влияния Китая в регионе и предотвращение установления доминирующего положения КНР в регионе стало важной стратегической целью правительства США и Кабинета Обамы по корректировке своей региональной политики в Юго-Восточной Азии, особенно после начала реализации китайской инициативы «Один пояс, один путь» и создания Азиатского банка инфраструктурных инвестиций в конце марта 2015 года, что привело к ускоренному росту влияния КНР в азиатском регионе. США очень обеспокоены тем, как быстро растёт экономическая мощь и влияние Китая в Азиатско-Тихоокеанском регионе, а также модернизацией и обновлением военно-морского флота КНР – Китай наращивает свою военную мощь и увеличивает число военных кораблей, а также регулярно проводит патрулирование Южно-Китайского моря, осваивает земли на рифах

и намывает острова в регионе, спустил на воду свой первый авианосец «Ляонин». ВМС Китая часто проходят через границу цепи островов и входят в Западную часть Тихого океана для учений, что представляет собой вызов лидерству США в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Согласно анализу Исследовательского бюро Конгресса США, Соединенные Штаты особенно обеспокоены тем, что растущая военная мощь Китая и его требования в отношении спорных морских территорий ограничат свободу судоходства и способность США размещать войска в этом районе. [8].

Влияние политики, проводимой США в отношении проблемы района Южно-Китайского моря

1) Политика, проводимая США в отношении проблемы района Южно-Китайского моря имеет прямое влияние на КНР: Корабли США вторгаются в китайские территориальные воды, действия правительства США ставят под угрозу безопасность и стратегические цели КНР, а также наблюдается обострение военных конфликтов в Южно-Китайском море между двумя государствами. Южно-Китайское море с древних времен является частью территории Китая. Китай обладает суверенитетом на основе международного права над островами Южно-Китайского моря, включая острова Донгша, Сиша, Чжунша и Наньша. В то же время Южно-Китайское море обеспечивает Китаю естественный «защитный барьер» от 500 до 600 морских миль. Более 40% внешнеторговых грузов Китая и более 80% импортируемой сырой нефти должны проходить через Южно-Китайское море, и Китай больше озабочен свободой судоходства в Южно-Китайском море, чем Соединенные Штаты. В случае проигрыша национальная стратегия Китая станет пассивной и станет угрозой для энергетической безопасности Китая [8]. После прихода к власти Обамы, военные корабли ВМС США продолжали вторгаться в территориальные воды Китая, прикрываясь «свободой судоходства», открыто нарушая международное право с целью сдержать экономический рост КНР. В целях защиты национального суверенитета, Китай усилил свою защиту в Южно-Китайском море. Китайское правительство неоднократно заявляло, что Китай всегда уважал и поддерживал свободу судоходства и воздухоплавания, которой пользуются все страны Южно-Китайского региона и всего мира в соответствии с международным правом, но оно никогда не позволит ни одной стране прикрываясь правилами «свободной навигации» нарушать границы и входить в территориальные воды и воздушное пространство Китая в районе островов Наньша [3]. ВМС Китая также стали организовывать регулярные военные учения в Южно-Китайском море. Из-за присутствия военных кораблей двух стран

и общей стратегической напряжённости, вероятность военных конфликтов между Китаем и США возросла, что неоднократно приводило к эскалации напряжения в и без этого напряжённом регионе. Например, в 2009 году Министерство обороны США обвинило Китай в слежении и опасном сближении с кораблями ВМС США. 5 декабря 2013 года ракетный крейсер типа «Тикондерога» ВМС США USS «Cowpens» осуществлял наблюдение за авианосцем ВМС Китая «Ляонин» в Южно-Китайском море вместе с китайским военным кораблем-амфибией. В ходе ухода от лобового столкновения корабли ВМС США предприняли экстренные маневры, чтобы избежать столкновения с китайскими кораблями. Данный инцидент официальные лица США назвали «опасным маневром» [6].

2) Обострение гонки вооружений в районе Южно-Китайского моря и угроза безопасной среде региона.

После того, как Кабинет Обамы и Правительство США взяли курс на «активное вмешательство» в вопросе Южно-Китайского моря, они сфабриковали теорию «Китайской Угрозы». Затем, США оказали странам АСЕАН значительную военную помощь под предлогом «защиты от Китая». США предоставили странам Юго-Восточной Азии в 2015 и 2016 годах 2.59 миллиарда долларов США в виде военной помощи. Среди них 119 миллионов долларов США были инвестированы в морскую инфраструктуру стран региона в 2015 году, чтобы помочь странам Юго-Восточной Азии в развитии морского потенциала, а в 2016 году США предоставило странам-партнёрам, а именно Индонезии, Малайзии, Вьетнаму и Филиппинам 140 миллионов долларов США в качестве помощи для поддержки судоходства в регионе [2,с,29]. США пообещали своим союзникам в регионе, что в случае военной агрессии КНР в Южно-Китайском море, США вместе со странами-партнёрами будет противостоять КНР в виде «единого фронта». Чтобы противостоять могущественному Китаю, страны АСЕАН продолжают увеличивать свои военные расходы, ускорять обновление вооружения и техники, увеличивать количество вооружённых сил в приграничных регионах и усиливать присутствие вооружённых сил на островах и рифах Южно-Китайского моря. Согласно отчету Стокгольмского международного института исследования проблем мира (SIPRI) в Швеции, средние военные расходы Вьетнама увеличились на 59,1% с 2010 по 2014 год, а объём импорта оружия подскочил с 43-го места в мире в 2011 году на 8-е место в 2015 году. Вьетнам заказал 6 подводных лодок российского производства, 36 истребителей Су-30МКК, 6 малозаметных фрегатов, 6 быстроходных ударных кораблей, а также современные системы ПВО и т. д. Оборонный бюджет Филиппин в 2016 г. достиг 552 миллионов долларов США,

что на 11,5% больше, чем в 2015 году. Расходы на оборону в основном были направлены на приобретение 2 фрегатов и 2 патрульных самолетов дальнего действия для усиления возможностей военной разведки в Южно-Китайском море [4,с,107]. Поддерживаемые Соединёнными Штатами страны региона стали ставить под сомнение мирные планы КНР насчёт всего региона и стали высказывать всё более радикальные заявления по поводу инцидентов, в которых брала участие КНР: инцидент на острове Хуаньянь, инцидент на китайско-вьетнамской буровой платформе, арбитражные слушания по вопросу Южно-Китайского моря и прочие инциденты. Чтобы защитить свой суверенитет от посягательств других стран, Китай должен действовать быстро и решительно, а также принять жёсткие меры по недопущению угрозы возле своих границ .

Дипломатические, политические и военные меры политики Правительства США и Кабинета Обамы в отношении региона Южно-Китайского моря произошли в контексте реализации ее стратегии «Перебалансировки сил в Азиатско-Тихоокеанском регионе» и постоянно растущей конкуренции между Китаем и Соединёнными Штатами. КНР призывает международное сообщество опираться на уже существующие законы и подходить к разрешению конфликта с точки зрения мирового права. Вмешательство США нарушило стратегический баланс сил в регионе Южно-Китайского моря, в связи с чем все государства региона начали гонку вооружений, которая угрожала безопасности КНР. При защите суверенитета КНР в территориальных водах, а также морских прав и интересов, КНР и США необходимо работать сообща чтобы разрешить конфликт мирным путём и не допустить, чтобы споры вокруг Южно-Китайского моря превратились в «плавающий предохранитель» противоречий между Китаем и соседними странами. Проблема данного региона является стратегическим вопросом, который необходимо серьезно рассмотреть для продолжения политики «мирного подъема» Китая. В то же время, проблема Южно-Китайского моря также оказывает негативное влияние на китайско-американские отношения. Ожидается, что спор между двумя странами вокруг вопроса Южно-Китайского моря станет ещё более ожесточённым.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Сиду ган. ятайцзай пин хэн чжань люе ши ши и лай мэйго цзай наньхай чжоу бяньцзюнь ши буцзюй цзици дуйнаньхай вэньти дэинсян =С момента реализации стратегии «Азиатско-Тихоокеанского перебаланса», военное расположение США в Южно-Китайском море и его влияние на проблему Южно-Китайского моря/ Сидуган люцзяньчжун чжоуцяо // ятайань цюаньюйхай янь цзю = Безопасность в Азиатско-Тихоокеанском регионе и исследования океана 2017. №6. С.56—69 (на кит. яз.)

2. Сяли Пин, Нечжэн Нань. 21ши цзи мэй го наньхай чжэн цэюй чжунмэй наньхайбо = 21 Полити-ка Соединенных Штатов в Южно-Китайском море в I веке и игра между Китаем и Америкой в Южно-Китайском море // шэ хуэй кэ сюе= социальная наука. 2016. №10. С.28—40 (на кит. яз.)
3. Цзефанцзюнь цянин бяотай : мэй цзюнь цзянь гань лай наньхай тяоси Чжун го цзю чжуан та= Народно-освободительная армия сделала жесткое заявление: военные корабли США осмелились зайти в Южно-Китайское море, чтобы спровоцировать Китай и ударить его по Китаю. [Электронный ресурс] // силуван=Западная армейская сеть. URL: <http://junshi-2020.xilu.com/20151010/1000010000886177.html> (дата обращения 16.06.2020 (на кит. яз.).
4. Цюпу Янь. Аобамаши ци мэй го дэ наньхай чжэн цэ дэ бяньхуа= Изменения и последствия политики США в отношении Южно-Китайского моря Администрация Обамы// сюй чан сюе бао=Журнал Университета Сючан. 2015. №4. С.107—111 (на кит. яз.).
5. Чжоуци лэнчжань хоу мэй го наньхай чжэн цзянь бяньцзи ци гэнь юань = Эволюция и корни политики США в отношении Южно-Китайского моря после холодной войны // ши цзецзин цзи юй чжэн чжи =Мировая экономика и политика. 2014. №6. С.32—36 (на кит. яз.).
6. Чжунмэйцзюнь цзянь цзай наньхай сянь сян чжуан= Китайские и американские военные корабли чуть не столкнулись в Южно-Китайском море. [Электронный ресурс]// ню юе ши баочжун вэнь вэй=Нью Йорк Таймс Китайский сайт. URL: <https://cn.nytimes.com/asiapacific/20131216/c16collision/> (дата обращения: 16.08.2020 (на кит. яз.).
7. Robert D kaplan. The South China Sea is the Future of Conflict/Robert D kaplan // ForeignPolicy [Electronic resource]. 1508.2011. Mode of access: <https://foreignpolicy.com/2011/08/15/the-south-china-sea-is-the-future-of-conflict/>. Date of access: 25.07.2020.
8. Mark E Manyin. "Pivot to the Pacific? The Obama Administration's Rebalancing Toward Asia "[Electronic resource] // Congressional Research Service. 28.03.2012. Mode of access: <https://www.google.com.hk/url?sa=t&source=web&rct=j&url=https://fas.org/sgp/crs/natsec/R42448.pdf&ved=2ahUKEwigsL2jtt7rAhWLjKQKHVSgAaAQFjAAegQIBhAB&usg=AOvVaw0SMmcajuTjn1D6fUwHULI>>. Date of access: 27.07.2020.

ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ЮЖНО-ТИХООКЕАНСКОГО РЕГИОНА (ЮТР) В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ COVID-19

К. И. Яρμοшук

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, karinayarmoshuk@gmail.com*

Данная статья посвящена рассмотрению проблемы влияния пандемии COVID-19 на островные страны ЮТР в плане здравоохранения и экономики, а также - на геополитическое положение ЮТР. Также выделены авторские стратегии КНР,

направленные на укрепление своего лидерства в субрегионе и отражены инструменты противодействия Австралии конкуренции КНР. Объект – международные политические отношения в сфере безопасности. Предмет – геополитическое положение ЮТР в условиях пандемии COVID-19. Цель статьи – определить изменения геополитического положения субрегиона ЮТР в условиях пандемии COVID-19 и охарактеризовать его современное состояние. Новизна заключается в том, что это первое актуальное и релевантное современным событиям комплексное исследование по данной теме, которое является результатом междисциплинарного анализа факторов, выделяемых как русскоязычными, так и западными исследователями, преимущественно австралийскими. Результаты работы могут быть использованы для дальнейшей разработки данной темы и в более комплексных исследованиях в сфере международной безопасности.

Ключевые слова: ЮТР; COVID-19; геополитическое положение; борьба за лидерство; мягкая сила.

THE GEOPOLITICAL POSITION OF THE SOUTH PACIFIC REGION IN COVID-19 PANDEMIC

K. I. Yarmoshuk

Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus

This article examines the problem of the impact of the COVID-19 pandemic on the South Pacific countries in terms of health and economy, as well as the geopolitical position of the South Pacific. In addition, the PRC strategies for strengthening its leadership in the sub-region are highlighted and the tools of Australia's countering the competition of the PRC are reflected. The object of this study is international political relations in the field of security. The subject is the geopolitical position of the South Pacific in COVID-19 pandemic. The purpose of the study is to determine how the geopolitical position of the sub-region has changed in COVID-19 pandemic and to characterize its current state. The novelty of this work lies in the fact that this is the first comprehensive and relevant to modern events study on this topic, which is the result of an interdisciplinary analysis of the factors identified by both Russian-speaking and Western researchers, mainly Australian. The results of the work can be used for further development of this topic and in more comprehensive studies in the field of international security.

Key words: South Pacific; COVID-19; geopolitical position; struggle for leadership; soft power.

Пандемия COVID-19 является поистине глобальной и оказала влияние на жизнедеятельность, развитие и процессы, происходящие во всех регионах мира и Южно-Тихоокеанский регион не исключение.

COVID-19 вызвал **две проблемы** для малых и микрогосударств Южно-Тихоокеанского региона: хотя **угроза здоровью** жителей тихоокеанских островов является главной опасностью, но более серьезную угрозу представляет **экономическая катастрофа**.

Шесть государств ЮТР (Содружество Северных Марианских островов, Папуа-Новая Гвинея, Фиджи, Французская Полинезия, Гуам и Новая Каледония) сообщили о 249 случаях заболевания и 7 случаях смерти [4]. Такой относительно низкий уровень инфицирования можно объяснить географической отдаленностью от основных очагов пандемии, тем, что эти страны непопулярны для туризма и тем, что государства региона быстро закрыли границы и приняли меры для эффективного социального дистанцирования [4].

Говоря об **угрозе здоровью**, COVID-19 для островных государств может быть особенно разрушительным (особенно в населенных пунктах с высокой плотностью населения), т.к. наблюдается неравномерное распределение и зачастую неадекватное качество медицинских услуг и учреждений по всему региону. Более того, исследователи из Новой Зеландии также предупреждают, что жители тихоокеанских островов могут быть более восприимчивы к пандемии, чем европейцы. Например, во время пандемии гриппа (H1N1) в Новой Зеландии в 2009 г. уровень госпитализации был в семь раз выше для жителей Тихоокеанских островов, чем для других жителей Новой Зеландии [4].

Однако более серьезная проблема – это **экономическая**. Из-за зависимости островных стран от грантов, туризма и импорта более прямое воздействие пандемия оказывает на экономики этих стран. Даже если экономики стран, основанных на туризме, не закрыли свои границы, поток туристов в регион был все равно пресечён: авиакомпании не летают, а круизные лайнеры не ходят. Да и в целом экономический спад, вызванный пандемией, повлиял на спрос на экспортную продукцию региона. Снижение объемов торговли угрожает продовольственной безопасности, поскольку многие острова зависят от импорта продуктов питания. Даже те страны, где не было подтвержденных случаев заражения вирусом (Соломоновы Острова, Тонга и Самоа), вынуждены сейчас справляться с экономическими издержками сокращения торговли, потерей доходов от туризма и затратами на принятие профилактических мер в области здравоохранения. По оценкам процент потерь рабочих мест катастрофический для Вануату (40%) и Фиджи (25%) [4]. Как следствие, пандемия создала новые возможности для преступников: в ЮТР резко увеличилось количество лодок, перевозящих кокаин и метамфетамин из Латинской Америки, предназначенных для Австралии. Наблюдается также незаконный ввоз людей: лодки часто совершают незаконные заходы на отдаленные острова и участвуют в контрабанде наркотиков, алкоголя и сигарет. Торговля людьми в настоящее время вызывает особое беспокойство в ЮТР [2].

Если поставить вопрос, изменилось ли как-то **геополитическое положение** в ЮТР из-за COVID-19, автор приходит к выводу, что не изменилось: все также наблюдается конкуренция двух лидеров субрегиона – Австралии и Китая за единоличное лидерство, пандемия просто открыла еще одно направление для конкуренции.

Ниже автор рассматривает **стратегии в условиях пандемии**, которые КНР применяет для того, чтобы утвердить свое лидерство в ЮТР и то, какими способами и инструментами Австралия реагирует на эти стратегии:

1. Стратегия 1: кредитно-финансовая. А именно риторика о возможном списании или реструктуризации долга некоторых островных государств Китаем. Всемирный банк (ВБ), Азиатский банк развития (АБР) и Китай являются крупнейшими кредиторами ЮТР. Если ВБ и АБР продемонстрируют свое намерение пойти на эти уступки островным государствам, вероятно, что Китай последует их примеру [4]. Второе преломление данной стратегии Китая заключается в том, что он активно стремится развить сеть экономических партнерств с разными странами, особенно через инструмент «Один пояс, один путь» (ОПОП). Таким образом Китай работает над «деглобализацией» мира, создавая региональную китайско-ориентированную инфраструктуру и институты, которые будут способствовать торговле, инвестициям и другим выгодным для КНР экономическим отношениям с разными странами [7]. К примеру, В 2016 г. Китай подписал соглашение в рамках инициативы ОПОП с Папуа-Новой Гвинеей (ПНГ) – территорией, которая еще с середины XIX в. утвердилась в сознании австралийцев как щит, защищающий страну с Северо-востока [1].

В противовес Австралия создала Австралийский фонд финансирования инфраструктуры для Тихого океана (Australian Infrastructure Financing Facility for the Pacific) на сумму 2 миллиарда австралийских долларов для обеспечения телекоммуникаций, энергии, транспорта и водоснабжения [3]. Однако объективно Австралия проигрывает в экономической мощи: хотя Канберра включилась в «островную инфраструктурную игру» Китая, еще есть много места для финансового маневра Китая, т.к. по оценкам регион нуждается в инвестициях в инфраструктуру в размере более 3 миллиардов долларов США в год вплоть до 2030 г. [3].

Однако здесь стоит отметить, что хотя Китай располагает огромными экономическими возможностями по сравнению с Австралией, он обладает **маленькой мягкой силой** в сравнении с Австралией. Австралия успешно пользуется силой глубоких, исторически выстроенных связей с островными государствами ЮТР. К примеру, народ ПНГ очень уважает Австралию и австралийцев. Они следят за ее Лигой регби, Куб-

ком Мельбурна (конные забеги), многие из жителей ПНГ имеют тесные связи с Австралией по линии высшего образования и религии. Жители ПНГ, особенно сельское большинство, не питают к КНР таких теплых чувств. Поэтому, чтобы эффективно противодействовать растущему и агрессивному присутствию КНР, Австралия сосредотачивает внимание на том, как она может помочь людям, особенно 85% населения, которое живет в сельских и прибрежных сообществах. К примеру, в настоящее время австралийская программа помощи ПНГ, действующая с 1975 г., распространяется на десятки, если не сотни проектов в различных секторах от управления государственным сектором до поддержки бизнеса, улучшения положения женщин и молодежи, вопросов прав и правосудия, транспорта и образования. В 2020 г. общая сумма программы составила 1 миллиард долларов, включая льготный госзаем в размере 440 миллионов долларов [6].

Более того, риторика Китая совершенно отличается от австралийской: акцент Канберры ставится на хорошее управление, экономические реформы, развитие и антикоррупционную политику. То есть Австралия в своей риторике артикулирует ценности, которые находят отклик у населения (не элиты, а у простого населения: сельчане, прибрежное население) [3].

2. Стратегия 2: геополитическое укрепление. В 2018 г. КНР подписала Меморандум о взаимопонимании с министром рыболовства ПНГ и губернатором Западной провинции о строительстве на острове Дару «комплексного многофункционального рыбохозяйственного промышленного парка» стоимостью 200 миллионов долларов. Позже Китай подписал соглашение с ПНГ на прямой экспорт значительных объемов морепродуктов из ПНГ в Китай [2]. Здесь важно отметить, что остров Дару – это ближайший к Австралии остров ПНГ, который находится всего в 200 километрах от материковой части Австралии. Это очень близко к островам Торресевого пролива, который из-за проблем безопасности является слабым местом северной морской границы Австралии. Хотя факт китайского рыболовства сам по себе не несет каких-либо проблем, однако если проект выйдет за рамки Меморандума и в итоге превратится в китайский порт, географически очень близкий к Австралии, то это начнет представлять угрозу и к тому же не в австралийских стратегических интересах иметь крупный китайский государственный проект по разведке ресурсов прямо у ее северного порога [2].

В результате с 2018 г. Австралия работает над реконструкцией папуа-новогвинейской военно-морской базы (причала) Ломбрум на острове Манус (расположенном к северу от ПНГ) при поддержке США. Остров имеет ряд преимуществ, включая стратегически выгодное положение

ние, близость к Южно-Китайскому морю, там располагается аэропорт Момоте, который может быть дополнен авиацией [1].

Более того, реакцией на возможные угрозы безопасности Австралии стало то, что правительство Австралии планирует увеличить оборонный бюджет до 2% ВВП. На 2020–2021 гг. Канберра уже выделила \$30 млрд. на оборону. В рамках обновленной оборонной стратегии Австралия намерена приобрести или модернизировать до 23 кораблей ВМФ и потратить на это 127 млрд. американских долларов. Помня, что Австралия является гарантом безопасности в ЮТР, на сегодняшний день в Австралии производятся морские патрульные суда класса «Арафура» и класса «Гардиан», которые поставляются странам Океании. Повышенное внимание уделяется и подводному флоту, т.к. Австралия располагает 6 подводными лодками класса «Коллинз», когда как Китай – более чем 70-тью подлодками. На сегодняшний день австралийский бюджет на создание одной подводной лодки ударного класса составляет около 35 млрд. американских долларов. В течение последующих 10 лет на военно-воздушные силы Канберра потратит около US\$45 млрд. Говоря о районах применения ВВС Австралии, очевидно возможное использование истребителя F-35 (Австралия заказала 72 единиц F-35 до 2024 г.) в Океании, ведь тактические истребители применяются на ограниченном радиусе действия [1].

3. Стратегия 3. Подключение к гуманитарной помощи и помощи в целях развития. За 2010–2020 годы Китай стал третьим по величине донором помощи в Океании, выделив свыше 1,7 млрд. долларов на реализацию 287 проектов [1]. Первым же донором по величине является Австралия. Хотя из-за COVID-19 в Австралии также обозначился экономический спад и, соответственно, многие программы помощи в целях развития ЮВА, Африке и другим регионам будут претерпевать финансовые сокращения, было заявлено, что ЮТР эти сокращения не коснутся [6]. 29 мая 2020 г. австралийскими властями была представлена новая стратегия «Partnerships for Recovery: Australia's COVID-19 Development Response», которая сфокусирована на программе помощи странам ЮТР, Тимору-Лешти и странам ЮВА в области здравоохранения и экономики. Планируется, что в рамках программы австралийской помощи будет выделено 304,7 млн. долларов странам Океании и Тимору-Лешти [1].

На некоторых островах, таких как ПНГ, наблюдалось паническое скупание и, по крайней мере, в двух островных странах реакция на заболевших COVID-19 была негативная, что повлияло на то, что другие люди не хотели проходить тестирование. В этой связи важно отметить, что Австралия помогает правительствам МОРГ (малых островных развивающихся государств) в проведении кампаний общественной информации

о COVID-19. Также созданный Австралией еще в 2017 г. Индо-Тихоокеанский центр по безопасности здоровья (The Indo-Pacific Centre for Health Security) при Министерстве иностранных дел и торговли Австралии работает с несколькими островными государствами, чтобы обеспечить возможность быстрого реагирования в случае вспышки болезни [4].

Более того, в условиях пандемии можно говорить об **«вакцинной дипломатии»** Австралии: кроме тестов на COVID-19 и карантинных сооружений, представленных Канберрой островным государствам, Австралия решила обеспечить вакциной «AstraZeneca» как своих граждан, так и жителей стран ЮТР и ЮВА. На вакцинацию Австралия планирует потратить около 500 млн. долларов США [1]. Таким образом, в краткосрочной перспективе борьба с пандемией и её последствиями станет важным аспектом внешней политики Австралии, а выделение средств для оказания официальной помощи в целях развития – мощным инструментом укрепления и расширения влияния Австралии в ЮТР в борьбе за лидерство с КНР.

Таким образом, пандемия COVID-19 является поистине глобальной и оказала влияние на жизнедеятельность, развитие и процессы, происходящие во всех регионах мира, включая ЮТР. Однако геополитическое положение ЮТР в условиях пандемии существенно не изменилось: все также наблюдается конкуренция двух лидеров субрегиона – Австралии и Китая за единоличное лидерство, пандемия просто открыла еще одно направление для конкуренции. Хотя Австралия, будучи средней державой, не может экономически конкурировать с КНР, особенно по размерам финансовых вливаний в инфраструктурные проекты и силе военной мощи, исторически установленные тесные связи с государствами ЮТР, артикулируемые общие ценности, широкоформатная помощь в целях развития, «вакцинная дипломатия» и тот факт, что Австралия в условиях экономического спада из-за пандемии расширяет оборонный бюджет, в том числе, чтобы продолжать поддерживать свой статус гаранта безопасности ЮТР, являются факторами эффективного поддержания лидерства в ЮТР в условиях конкуренции с КНР.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Гарин, А. Внешняя политика Австралии в 2020 г.: помощь в целях развития, оборона и торговая война с Китаем [Электронный ресурс] // Журн. Международная жизнь. 2020. № 1. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/28515> (дата обращения: 16.02.2021).
2. Bergin, A. Blue crimes on the rise in Pacific [Electronic resource] // Australian Security Policy Institute. Mode of access: <https://www.aspi.org.au/opinion/blue-crimes-rise-pacific>. Date of access: 18.01.2021.

3. Dobell, G. Australia and the region South Pacific perils and positives [Electronic resource] // After Covid-19: Australia, the region and multilateralism (Volume 2). Mode of access: <https://s3-ap-southeast-2.amazonaws.com/ad-aspi/2020-10/After%20Covid-19%20Volume%202.pdf?oE8oA0fwayBGmtDMQ7itfwkG86SHY9WV>. Date of access: 10.01.2021.

4. Herr, R., Bergin, A. The Pacific islands: the impact of Covid-19 [Electronic resource] // After Covid-19: Australia and the world rebuild (Volume 1). Mode of access: https://s3-ap-southeast-2.amazonaws.com/ad-aspi/2020-05/After%20Covid-19%20Australia%20and%20the%20world%20rebuild%20%28Volume%201%29_1.pdf?118YBWW7I1CYhxOvZatd5fSjbKn1tbrO. Date of access: 07.01.2021.

5. Khalil, P. The future of Australian foreign policy: beyond the major powers, towards a 'fulcrum' of middle powers [Electronic resource] / After Covid-19: Voices from federal parliament (Volume 3). Mode of access: https://s3-ap-southeast-2.amazonaws.com/ad-aspi/2020-12/After%20Covid-19%20Volume%203_1.pdf?YAvLkXatwCsGNLpd82TXp.B9SGqkci3n. Date of access: 15.01.2021.

6. Wall, J. Australia and Papua New Guinea [Electronic resource] // After Covid-19: Australia, the region and multilateralism (Volume 2). Mode of access: <https://s3-ap-southeast-2.amazonaws.com/ad-aspi/2020-10/After%20Covid-19%20Volume%202.pdf?oE8oA0fwayBGmtDMQ7itfwkG86SHY9WV>. Date of access: 10.01.2021.

7. Wilson, T. Rebalance, don't decouple the relationship with China [Electronic resource] / T. Wilson // After Covid-19: Voices from federal parliament (Volume 3). Mode of access: https://s3-ap-southeast-2.amazonaws.com/ad-aspi/2020-12/After%20Covid-19%20Volume%203_1.pdf?YAvLkXatwCsGNLpd82TXp.B9SGqkci3n. Date of access: 15.01.2021.

СЕКЦИЯ 2

МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО

ПРОБЛЕМА ПРИВЕДЕНИЯ В ИСПОЛНЕНИЕ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ МЕЖДУНАРОДНЫХ МИРОВЫХ СОГЛАШЕНИЙ, ЗАКЛЮЧЕННЫХ В МЕДИАЦИИ И СОГЛАСИТЕЛЬНОМ УРЕГУЛИРОВАНИИ

Д. А. Залесский

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, zaless333@gmail.com*

Настоящая работа ставит целью обозначить наличие проблем реализации международного права на внутригосударственном уровне. В качестве примера автором приводится проблема приведения в исполнение международных мировых соглашений, заключенных в медиации и согласительном урегулировании в Республике Беларусь. Автором обосновывается невозможность приведения в исполнение в Республике Беларусь международного мирового соглашения по причине существующего национального регулирования, ограничивающего приведение в исполнение мировых соглашений только соглашениями, заключенными в соответствии с требованиями, предъявляемыми к ним законодательством Республики Беларусь.

Ключевые слова: приведение в исполнение; признание; мировое соглашение; медиация; согласительное урегулирование; медиативное соглашение; разрешение споров.

THE PROBLEM OF ENFORCEMENT IN THE REPUBLIC OF BELARUS OF INTERNATIONAL CONCILIATION AGREEMENTS, CONCLUDED IN MEDIATION AND CONCILIATION

D. A. Zalesskiy

Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus

This work aims to identify the presence of problems in the implementation of international law at the domestic level. As an example, the author cites the problem of enforcing international settlement agreements concluded in mediation and conciliation in the Republic of Belarus. The author states the impossibility of enforcing international conciliation agreements in the Republic of Belarus due to the existing of national regulation, which limits the enforcement of conciliation agreements only by agreements, concluded in accordance with the requirements imposed on them by the legislation of the Republic of Belarus.

Key words: enforcement; recognition; conciliation agreement; mediation; conciliation procedure; mediation agreement; dispute resolution.

Законодательство Республики Беларусь динамично развивается в соответствии с потребностями современного сообщества. Исключением

в данном случае не является и сфера внесудебного разрешения споров, где Республика Беларусь следует современным направлениям популяризации таких внесудебных способов разрешения споров как медиация и согласительное урегулирование.

В то же время, поскольку медиация и согласительное урегулирование в условиях глобализации современного мира не ограничиваются национальным правом, а являются инструментами международного урегулирования споров, постольку при реализации международных норм, регулирующих вышеуказанные способы разрешения споров на национальном уровне, могут возникать проблемы.

При этом важно отметить, что в сфере медиации и согласительного урегулирования для Республики Беларусь, в частности, проблемой является не сама международная медиативная процедура и порядок ее проведения, а механизм приведения в исполнение международных мировых соглашений, заключенных в медиации и согласительном урегулировании.

Республика Беларусь является подписантом Конвенции Организации Объединенных Наций о международных мировых соглашениях, достигнутых в результате медиации, принятой на 73-ей сессии Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций в г. Нью-Йорке 20.12.2018 г. [3] (далее – Сингапурская конвенция о медиации), которая вступила в силу для Республики Беларусь с 15.01.2021 г. [4].

Сингапурская конвенция о медиации не предъявляет особых требований к медиативному соглашению, кроме соблюдения его письменной формы и предоставления доказательств того, что оно было достигнуто в результате медиации, как описано в статье 4 Сингапурской конвенции о медиации. При этом Сингапурская конвенция о медиации не требует, чтобы мировое соглашение было подписано медиатором, принимавшим участие в процедуре урегулирования спора между сторонами, а позволяет доказывать проведение медиации между сторонами иными приемлемыми способами. В то же время статья 4 Сингапурской конвенции о медиации оставляет компетентным органам государств-участников возможность в случае сомнений запрашивать любой необходимый документ с целью проверки выполнения требований Сингапурской конвенции о медиации, что может существенным образом затруднить процедуру признания и приведения в исполнение мировых (медиативных) соглашений, заключенных иным способом, нежели собственноручное подписание сторонами и медиатором.

Что примечательно, прямой механизм признания и приведения в исполнение мировых соглашений Сингапурской конвенцией о медиации не предусмотрен, а пунктом 1 статьи 3 Сингапурской конвенции о меди-

ации предусмотрено, что каждый ее участник приводит мировое соглашение в исполнение в соответствии со своими правилами процедуры и на условиях, изложенных в Сингапурской конвенции о медиации. Таким образом, процедура признания и приведения в исполнение оставлена на разрешение национальным правом государства, где испрашивается признание и приведение в исполнение. При этом противоречие такой процедуры условиям Сингапурской конвенции о медиации недопустимо. Указанное, с одной стороны, свидетельствует о рамочном характере самой конвенции, а, с другой стороны, предоставляет ее участникам автономии в области определения четкого порядка проведения процедуры признания и приведения в исполнение мировых соглашений. В свою очередь отсутствие в определенном государстве установленной национальным правом процедуры признания и приведения в исполнение мирового соглашения исключает значимость самой конвенции при последующем приведении в исполнение мирового соглашения.

В Республике Беларусь в настоящее время порядок признания и приведения в исполнение мировых соглашений регулируется Хозяйственным процессуальным кодексом Республики Беларусь от 15.12.1998 г. № 219-З (далее – ХПК), Гражданским процессуальным кодексом Республики Беларусь от 11.01.1999 г. № 238-З (далее – ГПК) и Законом Республики Беларусь от 12.07.2013 № 58-З «О медиации». Важно отметить, что правовое регулирование указанного вопроса в Республике Беларусь охватывает как судебные, так и внесудебные мировые соглашения.

Что касается судебных мировых соглашений, то в соответствии со статьей 123 ХПК заявление об утверждении мирового соглашения, заключенного сторонами, рассматривается судом, рассматривающим экономические дела, в производстве которого находится дело. Одновременно в статье 123 ХПК также указано, что, если производство по делу находится в стадии исполнения решения, мировое соглашение представляется на утверждение суду, рассматривающему экономические дела, первой инстанции, принявшему судебное постановление, или по месту исполнения решения. Таким образом, возможность заключения судебного мирового соглашения предусмотрена как на стадии рассмотрения дела по существу, так и после вынесения судом соответствующего решения.

Что касается ГПК, то в соответствии с его статьей 164, суд прекращает производство по делу, если стороны заключили мировое соглашение, а такое соглашение впоследствии утверждено судом. Одновременно в статье 285¹ ГПК указано, что в случае заключения сторонами медиативного соглашения и поступления в связи с этим в суд заявления об утверждении мирового соглашения, отказе истца от иска, о признании иска ответчиком суд возобновляет приостановленное производство

по делу и рассматривает поступившее заявление об утверждении мирового соглашения, отказе истца от иска, о признании иска ответчиком. Таким образом, ГПК проводит различие между мировым соглашением, заключенным в медиации и без нее.

Порядок исполнения мировых соглашений также регулируется ГПК. Согласно абзацу 1 статьи 460 ГПК исполнительный лист выдается на основании решений, приговоров, определений и постановлений судов (судей), мировых соглашений, соглашений о детях, утвержденных судом. При этом выдача исполнительного листа возможна только в отношении мировых соглашений, утвержденных судом, то есть в случае, если медиация была проведена уже после возбуждения производства по делу. Указанное подтверждается тем, что в соответствии с абзацем 2 статьи 460 ГПК исполнительный лист на основании судебных постановлений выдается взыскателю судом первой инстанции после вступления решения, приговора, определения, постановления в законную силу, кроме случаев немедленного исполнения, когда исполнительный лист выдается немедленно по вынесении судебного постановления. Таким образом, вступившее в законную силу постановление суда – обязательный элемент для выдачи исполнительного документа.

Пунктом 2 статьи 2 Закона Республики Беларусь «О медиации» предусмотрено, что медиация может быть проведена как до обращения сторон в суд в порядке гражданского или хозяйственного судопроизводства, так и после возбуждения производства по делу в суде. Особенности проведения медиации после возбуждения производства по делу в суде определяются процессуальным законодательством. Таким образом, Закон Республики Беларусь «О медиации» прямо разделяет судебную и внесудебную медиацию. В пункте 1 статьи 14 Закона Республики Беларусь «О медиации» указано, что, среди прочего, медиация прекращается в связи с заключением сторонами медиативного соглашения. Что касается принудительного исполнения заключенного сторонами медиативного соглашения, то в пункте 4 статьи 15 Закона Республики Беларусь «О медиации» предусмотрено, что принудительное исполнение медиативного соглашения осуществляется в порядке, предусмотренном процессуальным законодательством. Указанное положение Закона Республики Беларусь «О медиации» отсылает лицо, нуждающееся в приведении в исполнение медиативного соглашения к процессуальным нормам, то есть к ХПК и ГПК. В частности, статьи, к которым может быть применена такая отсылка – статьи 262¹ – 262³ ХПК. В статье 262¹ ХПК указано, что заявление о выдаче исполнительного документа на принудительное исполнение медиативного соглашения, отвечающего требованиям ХПК о мировом соглашении, в случае неисполнения добровольно

медиативного соглашения подается заинтересованной стороной медиативного соглашения в суд, рассматривающий экономические дела, по месту нахождения или месту жительства (месту пребывания) должника либо по месту нахождения имущества должника, если место нахождения или место жительства (место пребывания) его неизвестны. Появление статьей 262¹ – 262³ ХПК в 2013 году, по сути, объявило о возможности примирения сторон как на всех стадиях хозяйственного процесса при содействии не только судьи, судебного посредника (примирителя), так и вне суда, при содействии внесудебного медиатора, что расширило инструменты правовой помощи сторонам, а для судей – высвободило время для разрешения наиболее сложных споров [2].

В то же время при наличии механизма приведения в исполнение национальных мировых соглашений, в части приведения в исполнение международных мировых соглашений, заключенных в медиации и согласительном урегулировании, в настоящее время существует проблема.

Термин международные мировые соглашения, равно как и международные медиативные соглашения не знаком законодательству Республики Беларусь. В части судебных мировых соглашений (заключенных в рамках производства по делу в судах Республики Беларусь), вне зависимости от того, можно ли считать мировое соглашение международным, если одна из его сторон – иностранный гражданин или иностранное юридическое лицо, процедура их приведения в исполнение урегулирована и неизменна. Такие мировые соглашения приводятся в соответствии с нормами процессуального законодательства для мировых соглашений, утвержденных судом.

Понятие международного мирового соглашения имеет значение в ситуации, когда сторонами было заключено, так называемое, внесудебное медиативное соглашение. Субъектный состав его сторон, равно как и место заключения такого соглашения, по-прежнему, не играют никакой роли. Единственное, чему законодательство Республики Беларусь придает значение – лицо, избранное сторонами в качестве медиатора.

В статье 1 Закона Республики Беларусь «О медиации» указано, что медиатор – физическое лицо, отвечающее требованиям Закона Республики Беларусь «О медиации». Требования, предъявляемые к медиатору, определены статьей 4 Закона Республики Беларусь «О медиации», в пункте 1 которой указано, что медиатором может быть физическое лицо, имеющее высшее юридическое или иное высшее образование, прошедшее подготовку в сфере медиации в порядке, устанавливаемом Министерством юстиции Республики Беларусь, либо имеющее опыт работы в качестве примирителя в соответствии с процессуальным законодательством, получившее свидетельство медиатора, выдаваемое Министер-

ством юстиции Республики Беларусь на основании решения Квалификационной комиссии по вопросам медиации. Приведенное требование сильно ограничивает круг лиц, попадающих под определение медиатора, поскольку не просто устанавливает необходимость прохождения такими лицами специальной подготовки, но привязывает ее к свидетельству, выдаваемому Министерством юстиции Республики Беларусь.

В пункте 1 статьи 15 Закона Республики Беларусь «О медиации» содержатся требования, предъявляемые к медиативному соглашению. В частности, медиативное соглашение заключается сторонами в письменной форме и должно содержать сведения о сторонах, медиаторе, предмете спора, а также о принятых сторонами обязательствах, направленных на урегулирование спора, и сроках их выполнения. Медиативное соглашение подписывается сторонами и медиатором. Под медиатором в данном случае подразумевается именно медиатор, отвечающий требованиям Закона Республики Беларусь «О медиации», то есть получивший свидетельство, выдаваемое Министерством юстиции Республики Беларусь.

Таким образом, если сторонами в качестве медиатора было избрано лицо, являющееся медиатором в соответствии с требованиями, предъявляемыми к медиатору в государстве, ином чем Республика Беларусь, то есть лицо, не получившее свидетельство медиатора, выдаваемое Министерством юстиции Республики Беларусь, а впоследствии возникла необходимость приведения в исполнение такого медиативного соглашения в Республике Беларусь, экономическим судом в выдаче исполнительного документа будет отказано ввиду того, что такое соглашение сторон не является медиативным соглашением по смыслу Закона Республики Беларусь «О медиации».

В настоящее время указанная проблема не разрешена и может стать, ввиду скорого вступления в силу для Республики Беларусь Сингапурской конвенции о медиации, серьезным препятствием на пути к приведению в исполнение международных мировых соглашений, заключенных в медиации и согласительном урегулировании.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Анищенко А. И., Гошко К. С. Сингапурская конвенция о медиации: дубликат Нью-Йоркской конвенции или что-то особенное? // Sorainen Юридическая фирма: сайт. Минск, 2021. URL: <https://www.sorainen.com/ru/publikatsii/zhurnal-yurist-singapurskaya-konventsiiya-o-mediatsii-dublikat-nyu-jorkskoj-konventsii-ili-chto-to-osobennoe/> (дата обращения: 27.01.2021).

2. Бельская И. А. Этапы формирования хозяйственного процессуального законодательства // Промышленно-торговое право. 2016. № 2. С. 23–27.

3. Конвенция Организации Объединенных Наций о международных мировых соглашениях, достигнутых в результате медиации (Нью-Йорк, 2018 год) // Организа-

ция объединенных наций, Гаага, 2018. URL: https://uncitral.un.org/ru/texts/mediation/conventions/international_settlement_agreements (дата обращения: 27.01.2021).

4. Статус текстов: Конвенция Организации Объединенных Наций о международных мировых соглашениях, достигнутых в результате медиации // Комиссия Организации Объединенных Наций по праву международной торговли, Гаага, 2021. URL: https://uncitral.un.org/ru/texts/mediation/conventions/international_settlement_agreements/status (дата обращения: 27.01.2021).

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ: ВЫЗОВЫ ДЛЯ ПРАВА ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

Ю. О. Коряченкова

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, yuliyakaraliova@gmail.com*

В статье рассматриваются вопросы, возникающие в праве интеллектуальной собственности в связи с развитием технологий искусственного интеллекта. Проводится анализ доктринальных подходов, положений иностранного законодательства, предложений на уровне международных интеграционных объединений в части концептуальных вопросов о правосубъектности искусственного интеллекта, правовом режиме результатов деятельности искусственного интеллекта, а также возможности использования объектов интеллектуальной собственности для целей обучения систем искусственного интеллекта. В статье делается акцент на необходимость выработки единого понимания правовой природы и принадлежности прав на результаты деятельности искусственного интеллекта для дальнейшего эффективного взаимодействия в рамках интеграционных объединений и на международном уровне в целом. Проведенное исследование позволило выявить потенциальные пути решения рассматриваемых вопросов, которые могут послужить основой для формирования соответствующего правового регулирования, а также указать на необходимость его последующего закрепления на международном уровне.

Ключевые слова: авторство; информационные технологии; искусственный интеллект; квалификация юридических понятий; право интеллектуальной собственности; творчество.

ARTIFICIAL INTELLIGENCE: CHALLENGES FOR INTELLECTUAL PROPERTY LAW

Y. O. Koryachenkova

Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus

The article is devoted to the issues arising in the intellectual property law with regard to the development of artificial intelligence technologies. Doctrinal approaches, provisions

of foreign legislation, proposals at the level of international integrations are analysed with regard to the conceptual issues of the legal personality of artificial intelligence, the legal regime of the products of artificial intelligence, as well as the possibility of use of intellectual property objects for the purposes of training artificial intelligence systems. The article focuses on the need to develop a common understanding of the legal nature and ownership of rights to the products of artificial intelligence for further effective interaction within the framework of international integration and at the international level in general. The study identified potential means to address the issues under consideration, which can serve as a basis for drafting appropriate legal regulation, as well as revealed the need for its subsequent consolidation at the international level.

Keywords: authorship; informational technologies; artificial intelligence; legal qualification; intellectual property law; creativity.

Появление, быстрое развитие и внедрение информационных технологий в повседневную жизнь создает возможности для физических лиц, бизнеса, некоммерческих организаций, органов государственного аппарата. Вместе с тем значительный уровень прогресса порождает новые трудности. Один из наиболее распространенных движущих факторов прогресса – искусственный интеллект (далее – ИИ). Крайне широкий спектр его применения требует принятия своевременных и эффективных мер по совершенствованию правового регулирования по обширному кругу вопросов. Наиболее актуальные темы включают вопросы безопасности, ответственности, использования и защиты данных, интеллектуальной собственности.

Е. Б. Леанович справедливо отмечает, что, в силу коммерческой ценности результатов деятельности ИИ, важно определить их место в системе объектов гражданских прав [2, с. 98]. Учитывая степень интернационализации рынка, высока вероятность возникновения отношений с иностранным элементом и, соответственно, последующей необходимости квалификации юридических понятий для дальнейшего определения применимого права (в частности, как это предусмотрено ст. 1094 ГК Республики Беларусь). В связи с этим вполне целесообразно прийти к единому пониманию относительно правовой природы и принадлежности прав на такие объекты. Единый подход важен для избежания возможной фрагментации единого рынка в рамках интеграционных объединений вследствие различий в положениях национальных законодательств.

Концептуально важную роль в данной ситуации играет статус ИИ. В результате бурного технологического развития появились системы ИИ, функционирующие с определенной степенью автономности и независимости. Как итог, уже сегодня результаты деятельности ИИ выставляются на аукционах как художественные произведения: созданная нейросетью картина «Портрет Эдмона Белами» была продана за 432500

долларов на торгах аукционного дома Christie's [10]. Стоит отметить, что на данный момент существует только слабый ИИ, т. е. разработанный с целью выполнения не абсолютно любых, а строго определенных типов задач. Так, проект AIVA (Artificial Intelligence Virtual Artist) [5] позиционируется как сервис для создания музыки. К слову, это первый виртуальный проект, признанный Французским обществом музыкальных авторов, композиторов и издателей SACEM в качестве полноценного композитора [4]. Однако отмечается, что проявление творческого потенциала ИИ не обеспечивает его включение как субъекта в рамки права интеллектуальной собственности, основополагающие концепции которого в качестве автора, способного к творческой деятельности, рассматривают исключительно физическое лицо. Кроме того, неоднозначной является квалификация самого процесса создания ИИ каких-либо объектов в качестве творческого [2, с. 101].

Более того, вопрос о целесообразности наделения ИИ какой-либо совокупностью прав затронут не только в научной литературе [3, с. 50]. Идея наделения электронной правосубъектностью предлагалась Европейским парламентом в Резолюции от 16 февраля 2017 г. для Европейской комиссии относительно норм гражданского права о робототехнике [6, пп. f) п. 59]. Однако на сегодняшнем этапе на уровне Европейского союза от данной идеи отказались: Резолюция Европейского парламента от 20 октября 2020 г. с рекомендациями Комиссии о режиме гражданской ответственности за искусственный интеллект предлагает более традиционный режим – ответственность операторов систем ИИ [7, п. 10].

Что касается вопроса о правовом режиме результатов деятельности ИИ, то Резюме работы второй и третьей сессий Всемирной организации интеллектуальной собственности (далее – ВОИС) в рамках Дискуссии на тему «Интеллектуальная собственность (ИС) и искусственный интеллект (ИИ)» указывает на отсутствие единогласного мнения на этот счет [13, с. 6 – 7]. Возможны диаметрально противоположные подходы, которые находят отражение не только в научных источниках, но и в национальном законодательстве государств. Так, Закон Великобритании «Об авторском праве, промышленных образцах и патентах» от 1988 г. в ч. 3 ст. 9 указывает, что в отношении генерируемого компьютером произведения автором признается лицо, которым осуществляются необходимые для создания произведения мероприятия. При этом под «генерируемым компьютером», согласно ст. 178, понимается произведение, которое генерируется компьютером в обстоятельствах отсутствия человека-автора произведения [8]. Следовательно, в качестве авторов могут рассматриваться, в зависимости от конкретного случая, разработчик системы ИИ, ее пользователь или иные лица.

В противоположность этому подходу приведем положения Гражданского кодекса Российской Федерации. Из п. 1 ст. 1228 следует, что «граждане, не внесшие личного творческого вклада в создание результата интеллектуальной деятельности, в том числе оказавшие автору только техническое, консультационное, организационное или материальное содействие или помощь либо только способствовавшие оформлению прав на такой результат или его использованию, а также граждане, осуществлявшие контроль за выполнением соответствующих работ» [1], не признаются авторами соответствующих результатов интеллектуальной деятельности. А поскольку в качестве автора в этой же статье рассматривается гражданин, творческим трудом которого создан результат интеллектуальной деятельности [1], предоставление правовой охраны созданным ИИ объектам невозможно.

Вопросы режимов *sui generis* включают многообразие вариантов. Так, А. Рамальо предложена концепция, сочетающая в себе статус общественного достояния и установление «права распространителя» в качестве инструмента обеспечения того, чтобы результаты деятельности систем ИИ достигали общественности [12, с. 17 – 19].

Вполне обоснованным считаем предложение о дифференциации правовых режимов в зависимости от участия человека и использования ИИ в процессе создания объекта. Так, в Резолюции Европейского парламента от 20 октября 2020 г. о правах интеллектуальной собственности на разработку технологий искусственного интеллекта предложено выделять два вида таких объектов: (1) объекты, в процессе создания которых человек использует ИИ в качестве инструмента, и (2) объекты, созданные непосредственно ИИ. В случае прямого человеческого участия в Резолюции называются применимыми нормы права интеллектуальной собственности, тогда как при автономном функционировании ИИ их потенциальное применение, о котором идет речь в Резолюции, сопровождается рядом вопросов [9, п. 14 – 15]. В части правового режима таких последних объектов необходимо отметить, что для защиты положения заинтересованных лиц и обеспечения дальнейшего развития технологий ИИ целесообразно предоставление правовой охраны *sui generis*: данный режим не может быть калькирован по сравнению с «традиционными» объектами интеллектуальной собственности, поскольку не связан с творческим трудом личности, который поощряется режимом права интеллектуальной собственности [2, с. 103].

Наконец, важно отметить аспект применения алгоритмов для обучения ИИ. Он предполагает использование данных, в числе которых могут оказаться объекты интеллектуальной собственности. Этот вопрос также отнесен ВОИС к перечню дискуссионных. В целом признается

необходимость достижения баланса между возможностью использования объектов интеллектуальной собственности для целей обучения ИИ и правами правообладателей 13[13, с. 10]. Что касается существующего за границей правового регулирования, то необходимо обратиться к Директиве (ЕС) № 2019/790 об авторском праве и смежных правах на едином цифровом рынке. В ст. 4 разрешаются воспроизведение и выборка законно доступных произведений и иных объектов для интеллектуального анализа текстов и данных, в т. ч. для коммерческих целей. Более того, это возможно только при условии, если правообладатели не оставили прямым текстом и надлежащим образом за собой права на использование произведений и иных объектов для целей интеллектуального анализа текстов и данных 11[11]. Несмотря на критику, на наш взгляд, данный механизм вполне эффективен в части установления сбалансированного положения и может быть заимствован.

Подводя итог вышесказанному, в качестве наиболее оптимальных потенциальных путей решения новых вызовов для права интеллектуальной собственности отмечены следующие:

1. Отказ от рассмотрения ИИ в качестве самостоятельного субъекта права интеллектуальной собственности.

2. Проведение разграничения результатов деятельности ИИ по критерию степени участия человека и использования ИИ, а также установление различных правовых режимов для случаев, где ИИ играет инструментальную роль, и случаев, где ИИ выступает с определенной степенью автономности. Так, для первой категории применимо право интеллектуальной собственности, а оптимальным вариантом для второй называется разработка отдельного правового режима *sui generis*.

3. Включение в национальное законодательство нормы о возможности использования законно доступных объектов интеллектуальной собственности для целей обучения систем ИИ, если правообладателем не выражено явное возражение против этого в надлежащей форме.

Отдельно следует отметить рациональность закрепления в будущем разработанного правового режима на международном уровне, в первую очередь в рамках региональных интеграционных объединений, в частности Евразийского экономического союза, для закрепления единого подхода и недопущения фрагментации единого рынка.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвёртая) [Электронный ресурс] : федер. закон от 18.12.2006 г. № 230-ФЗ : принят Гос. Думой 24 нояб. 2006 г. : одобр. Советом Федерации 8 дек. 2006 г. : в ред. Федер. закона от 30.12.2020 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. Леанович Е. Б. К вопросу о регулировании результатов деятельности искусственного интеллекта в праве интеллектуальной собственности // Інтелектуальна власність та кібербезпека: погляд з XXI століття: Зб. наук. праць за матеріалами Міжнародної науково-практичної Інтернет-конференції (15 травня 2020 р.) / За заг. ред. О. В. Черевка, О. П. Орлюк. Черкаси: видавець О. М. Третяков, 2020. С. 96-109.
3. Ястребов О. А. Правосубъектность электронного лица: теоретико-методологические подходы // Труды Института государства и права РАН. 2018. №2. С. 36 – 55.
4. AI composers create music for video games // European Commission Community Research and Development Information Service. URL: <https://cordis.europa.eu/article/id/421438-ai-composers-create-music-for-video-games> (дата обращения: 20.01.2021).
5. AIVA. URL: <https://www.aiva.ai/> (дата обращения: 20.01.2021).
6. Civil Law Rules on Robotics : European Parliament resolution with recommendations to the Commission on Civil Law Rules on Robotics, 16 February 2017, No. 2015/2103(INL) // Official Journal of the European Union. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:52017IP0051&from=EN> (дата обращения: 15.01.2021).
7. Civil Liability Regime for Artificial Intelligence : European Parliament resolution with recommendations to the Commission on a civil liability regime for artificial intelligence, 20 October 2020, No. 2020/2014(INL) // European Parliament. URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/A-9-2020-0178_EN.pdf (дата обращения: 15.01.2021).
8. Copyright, Designs and Patents Act 1988 // Legislation.gov.uk. URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1988/48/contents> (дата обращения: 15.01.2021).
9. Intellectual Property Rights for the Development of Artificial Intelligence Technologies : European Parliament resolution on intellectual property rights for the development of artificial intelligence technologies, 20 October 2020, No. 2020/2015(INI). URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-9-2020-0277_EN.pdf (дата обращения: 15.01.2021).
10. Is artificial intelligence set to become art's next medium? // Christie's. URL: <https://www.christies.com/features/A-collaboration-between-two-artists-one-human-one-a-machine-9332-1.aspx> (дата обращения: 16.01.2021).
11. On copyright and related rights in the Digital Single Market and amending Directives 96/9/EC and 2001/29/EC : Directive (EU) of the European Parliament and of the Council, 17 April 2019, No. 2019/790. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:32019L0790&from=EN> (дата обращения: 23.01.2021).
12. Ramalho A. Will Robots Rule the (Artistic) World? A Proposed Model for the Legal Status of Creations by Artificial Intelligence Systems. URL: <https://ssrn.com/abstract=2987757> (дата обращения: 21.01.2021).
13. WIPO Conversation on Intellectual Property (IP) and Artificial Intelligence (AI) // World Intellectual Property Organization. URL: https://www.wipo.int/edocs/mdocs/mdocs/en/wipo_ip_ai_3_ge_20/wipo_ip_ai_3_ge_20_inf_5.pdf (дата обращения: 22.01.2021).

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ПРАВОВОГО СТАТУСА НАДНАЦИОНАЛЬНЫХ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ

Д. С. Пономарева

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, dasha_ponomaryova@mail.ru*

Целью настоящей статьи является выявление проблемных аспектов правового статуса наднациональных юридических лиц, некоторые из которых не обладают признаками юридического лица, основными из которых являются организационное единство, имущественная обособленность, самостоятельная имущественная ответственность по своим обязательствам, выступление в гражданском обороте и при разрешении споров в судах от своего собственного имени, а также государственная регистрация. Сделан вывод, что на пути к гармонизации и унификации корпоративного законодательства государств-членов Евразийского экономического союза возможно принятие актов, подобных регламентам и директивам Европейского союза, при этом стоит учитывать проблемные аспекты правового статуса наднациональных юридических лиц, основным из которых является неурегулированность отдельных вопросов их правового статуса на наднациональном уровне.

Ключевые слова: наднациональные юридические лица; правовой статус; международное частное право.

PROBLEMATIC ASPECTS OF THE LEGAL STATUS OF SUPRANATIONAL LEGAL ENTITIES

D. S. Ponomareva

Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus

The purpose of this article is to identify problematic aspects of the legal status of supranational legal entities, some of which do not have features of legal entities, the main of which are organizational unity, property isolation, independent property liability for their obligations, participation in civil turnover and in the disputes resolution in courts on their own behalf, as well as state registration. The conclusion is that on the way to harmonization and unification of corporate legislation of the Member-States of the Eurasian Economic Union it is possible to adopt acts similar to regulations and directives of the European Union, but the problematic aspects of the legal status of supranational legal entities, the main of which are the unresolved individual issues of their legal status at the supranational level, should be taken into account.

Key words: supranational legal entities; legal status; private international law.

Одними из основных участников частноправовых отношений с иностранным элементом выступают юридические лица, которые в международном частном праве условно можно разделить на две категории

по критерию правовой основы их учреждения: на созданные по национальному праву и на учрежденные в соответствии с международным правом (например, на основании регламента такой международной организации региональной экономической интеграции, как Европейский союз). Правовой статус первых определен в соответствии с положениями национального законодательства, которое в большинстве случаев имеет серьезные различия, порождающие, по мнению С. Ю. Кашкина [1, с. 119], такие проблемы, как отсутствие взаимного признания юридических лиц, различия в объеме их правоспособности, предъявляемых к ним требований, а также разнообразие коллизионных привязок, определяющих национальность юридических лиц. В отношении второго типа можно говорить о смешанном правовом регулировании: в этом случае национальное право применяется субсидиарно, если на это есть прямое указание в учреждающем их регламенте. Особенно актуальной представляется тема исследования ввиду того, что, как отметил Председатель Коллегии Евразийской экономической комиссии Т. Саркисян, для повышения свободы передвижения не только товаров и услуг, но и компаний, устранения (минимизации) административных барьеров и, соответственно, облегчения условий ведения бизнеса, требуется разработка правовых инструментов для создания и деятельности такого рода юридических лиц в Евразийском экономическом союзе и системы евразийского корпоративного права в целом, опираясь на успешный опыт функционирования таких лиц за рубежом, учитывая также теоретические и практические проблемы в этой сфере [2].

Целью настоящей статьи является выявление проблемных аспектов правового статуса наднациональных юридических лиц.

Под национальными юридическими лицами понимаются субъекты международного частного права с особым правовым статусом, подчиненные единым правилам регулирования и созданные в настоящее время по праву Европейского союза с целью беспрепятственного распространения своей деятельности на всей территории государств-членов Европейского союза. В настоящей статье формально мы относим их к категории юридических лиц, однако некоторые из организационно-правовых форм осуществления деятельности не являются таковыми в силу отсутствия всех признаков юридических лиц, основными из которых являются организационное единство, имущественная обособленность, самостоятельная имущественная ответственность по своим обязательствам, выступление в гражданском обороте и при разрешении споров в судах от своего собственного имени, а также государственная регистрация. Многими исследователями выделяются также иные признаки, например, наличие собственного имени (фирменного наименования), наличие са-

мостоятельных интересов и воли, не совпадающих с интересами и волей участников организации, а также самостоятельное участие в правоотношениях, но столь детализированное выделение признаков юридического лица, по мнению автора, не имеет смысла, поскольку является очевидным фактом, что для выступления в гражданском обороте от своего имени необходимо наличие собственного имени (фирменного наименования), самостоятельное участие в правоотношениях – следствие выступления в гражданском обороте от своего имени, а наличие собственных воли и интересов – это собственно цель создания юридического лица, его главная функция – оформление коллективных интересов.

У такого рода организационно-правовых форм осуществления деятельности есть свои преимущества:

Во-первых, они в полной мере могут воспользоваться первичной и вторичной свободой учреждения. Их правовой статус будет регулироваться не по национальному законодательству того государства, на территории которого они учреждены или имеют свой административный центр, а по праву Европейского союза. И только в случае отсутствия норм, регулирующих некоторые вопросы их создания и деятельности в праве Европейского союза, может применяться национальное законодательство того государства, на территории которого они учреждены или имеют свой административный центр.

Во-вторых, право Европейского союза распространяет свое действие на все государства-члены Европейского союза и его нормы носят обязательный характер. При разрешении спора относительно создания и деятельности наднациональных юридических лиц стороны будут руководствоваться нормами европейского права.

В-третьих, независимость наднациональных юридических лиц от национального правопорядка повышает мобильность такого рода компаний на рынке Европейского союза.

Создание наднациональных юридических лиц позволяет обойти такие болезненные вопросы, как уставной капитал, ответственность руководителей за действия организации, перенос административного центра, участие работников в управлении организацией и др. У не наднациональных юридических лиц зачастую возникают споры в связи с осуществлением их деятельности. Например, в деле № C-167-01 *Kamer van Koophandel en Fabrieken voor Amsterdam v Inspire Art Ltd.* от 30.09.2003 г. [3] предметом спора явилось установление более жестких требований по законодательству Нидерландов в отношении уставного капитала и ответственности уполномоченного должностного лица за действия организации. В деле № C-210/06 *Cartesio Oktató és Szolgáltató bt* от 16.12.2008 г. [4] иск венгерской компании Cartesio о регистрации пере-

носа своего местонахождения в Италию был отклонен на том основании, что действующее венгерское законодательство не позволяет компании, зарегистрированной в Венгрии, перенести свое место нахождения за границу, продолжая при этом подчиняться венгерскому законодательству как своему личному закону.

Как следует из вышесказанного, хотя формально национальные юридические лица в праве Европейского союза пользуются первичной и вторичной свободой учреждения, ее реализация на практике затруднительна или невозможна, что, очевидно, не способствует достижению основных целей организаций региональной экономической интеграции. Указанные нами обстоятельства послужили толчком для создания принципиально нового явления – наднационального юридического лица.

Первый вид наднационального юридического лица – европейского объединения с общей экономической целью – был учрежден на основании Регламента Совета (ЕС) № 2137/85 от 25.07.1985 г. «О европейском объединении с общей экономической целью». Данные организации имеют свои особенности:

- они создаются не для коммерческих целей, а в целях содействия развитию экономической деятельности его участников и увеличению или росту результатов этой деятельности;
- количество работников не должно превышать пятьсот человек;
- объединение не может контролировать деятельность участников в сфере финансов, инвестиций и трудоустройства;
- не может держать акции любого вида в предприятиях, входящих в его состав, за исключением случаев, когда это способствует достижению целей, для которых создано это объединение, если это сделано от имени его членов;
- объединение не может выдавать займы директору или иным лицам, связанным с ним, а также передавать имущество директору или иным связанным с ним лицам, если это запрещено или ограничено законодательством того государства-члена Европейского союза, согласно которому действует компания;
- не может входить в состав другого европейского объединения с общей экономической целью;
- уставного капитала у данного объединения нет;
- участники данного объединения несут неограниченную совместную и субсидиарную ответственность;
- исключение из состава участников может производиться при нарушении условий, предусмотренном учредительным договором;
- если условия выхода не определены учредительным договором, то выход производится с согласия всех членов объединения.

Примером такой организационно-правовой формы осуществления деятельности может служить Европейский телевизионный культурный канал «ARTE», созданный путем подписания 02.10.1990 г. международного договора, а затем зарегистрированный 30.04.1991 г. в Страсбурге в качестве европейского объединения с общей экономической целью. На пространстве Содружества Независимых Государств схожей организацией является Межгосударственная телерадиокомпания «МИР», созданная в соответствии с Соглашением о создании Межгосударственной телерадиокомпании (МТРК) от 09.10.1992 г. и Уставом Межгосударственной телерадиокомпании от 22.01.1993 г., однако по правовому статусу последняя является международной организацией, обладающей дипломатическими привилегиями и иммунитетами согласно Соглашению о международно-правовых гарантиях беспрепятственного и независимого осуществления деятельности Межгосударственной телерадиокомпании «МИР» от 24.12.1993 г. В настоящее время, по нашему мнению, отсутствует правовая основа для создания европейского объединения с общей экономической целью.

Второй формой наднационального юридического лица является европейская компания, утвержденная Регламентом Совета (ЕС) № 2157/2001 от 08.10.2001 г. «Об уставе европейской компании» и Директивой Совета № 2001/86/ЕС от 08.10.2001 г. «О дополнении устава европейской компании в отношении привлечения сотрудников». К особенностям данного наднационального юридического лица относятся:

- наличие уставного капитала в размере не менее ста двадцати тысяч евро, который формируется членами данной организации, в пределах которого они отвечают по своим обязательствам;
- данные организации образуются путем слияния двух и более компаний, образованных по законодательству как минимум двух государств-членов Европейского союза, или компании имеют представительства или дочерние компании, действующие как минимум два года в другом государстве-члене Европейского союза или по законодательству другого члена Европейского союза;
- европейская компания может учреждать другие европейские компании;
- зарегистрированное местонахождение европейской компании может быть перенесено в пределах территории Европейского союза, только если это не приведет к реорганизации или созданию нового юридического лица.

Одними из первых форму европейской компании приняли такие крупные компании, как Allianz SE (Германия) и Elcoteq SE (Люксембург), Airbus Group SE (Нидерланды), Christian Dior SE (Франция), E.ON SE (Германия), Porsche Automobil Holding SE (Германия), Wiener Privatbank SE (Австрия), Würth SE (Германия) и многие другие [5]. Как

отмечают Т. Н. Малая, Л. П. Волков, «аналогов подобных юридических лиц в ЕАЭС пока нет». Присоединяемся к их мнению, что акты, подобные регламентам и директивам Европейского союза, принятые на надгосударственном уровне, помогли бы сблизить национальное корпоративное законодательство государств-членов Евразийского экономического союза, а также что опыт ЕС в части развития корпоративного наднационального права необходимо использовать для становления и развития корпоративного права ЕАЭС, в частности, для разработки основ правового регулирования евразийских юридических лиц и евразийских транснациональных корпораций [6, с. 219].

Еще одним видом наднационального юридического лица в праве Европейского союза является европейское кооперативное общество, утвержденное Регламентом Совета (ЕС) № 1435/2003 от 22.07.2003 г «Об уставе европейского кооперативного общества». Особенности данных организаций являются:

- возможность учреждения как пятью и более физическими лицами, так и юридическими лицами, учрежденными по законодательству двух и более государств-членов Европейского союза, путем слияния или преобразования;
- уставной капитал составляет минимум тридцать тысяч евро и формируется участниками;
- зарегистрированное местонахождение может быть перенесено в рамках Европейского союза, однако зарегистрированное и основное местонахождение не должны отличаться;
- количество участников не должно превышать пятидесяти членов, или более пятидесяти членов в одной компании, учрежденной в рамках государств-членов Европейского союза;
- порядок участия работников в управлении организацией урегулирован Директивой Совета № 2003/72/ЕС от 22.07.2003 г. «О дополнении устава европейского кооперативного общества правилами, регулирующими привлечение работников к управлению».

В результате исследования сделан вывод, что на пути к гармонизации и унификации корпоративного законодательства государств-членов Евразийского экономического союза возможно принятие актов, подобных регламентам и директивам Европейского союза, при этом стоит учитывать проблемные аспекты правового статуса наднациональных юридических лиц, основным из которых является неурегулированность отдельных вопросов их правового статуса на наднациональном уровне.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Право Европейского союза. Особенная часть.: учебник для бакалавров / под ред. С. Ю. Кашкина. В 2 т. Т. 2. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2015. Серия: Бакалавр. Углубленный курс. 1023 с.

2. Нам хотелось бы, чтобы наднациональные предприятия появились в ЕАЭС как можно быстрее: интервью Председателя Коллегии ЕЭК Тиграна Саркисяна ИА Интерфакс // Евразийская экономическая комиссия: сайт. 21.03.2019. URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/21-03-2019-5V.aspx> (дата обращения: 20.01.2021).

3. Case C-167-01 Kamer van Koophandel en Fabrieken voor Amsterdam v Inspire Art Ltd: Judgement of 30.09.2003 // EUR-Lex: сайт. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A62001CJ0167> (дата обращения: 20.01.2021).

4. Case C-210/06 Cartesio Oktató és Szolgáltató bt : Judgement of 16.12.2008 // EUR-Lex: сайт. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A62006CJ0210> (дата обращения: 20.01.2021).

5. Рейнгольд В., Долотов В. Европейская компания: новые возможности наднационального юридического лица [Электронный ресурс] // Юридическая наука. 2017. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/evropeyskaya-kompaniya-novye-vozmozhnosti-nadnatsionalnogo-yuridicheskogo-litsa> (дата обращения: 20.01.2021).

6. Волков Л. П., Малая Т. Н. К вопросу об использовании опыта ЕС при гармонизации корпоративного законодательства стран ЕАЭС [Электронный ресурс] // Проблемы экономики и юридической практики. 2018. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-ob-ispolzovanii-opyta-es-pri-garmonizatsii-korporativnogo-zakonodatelstva-stran-eaes> (дата обращения: 20.01.2021).

ИСТОЧНИКИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРИЗНАНИЯ И ПРИВЕДЕНИЯ В ИСПОЛНЕНИЕ ИНОСТРАННЫХ СУДЕБНЫХ АКТОВ ПО ДЕЛАМ О ТРАНСГРАНИЧНОЙ НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ

А. А. Селюн

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, aleks.seliun@gmail.com*

Проанализированы национальные, международные и региональные источники регулирования признания и приведения в исполнение иностранных судебных актов по делам о трансграничной несостоятельности. Выявлена проблема регулирования признания и приведения в исполнение иностранных судебных актов по делам о трансграничной несостоятельности, обусловленная отсутствием в национальных законодательствах специального регулирования признания и приведения в исполнение судебных актов по делам о трансграничной несостоятельности. Определено, что международно-правовое регулирование вопросов признания и приведения в исполнение иностранных судебных актов по делам о трансграничной несостоятельности в основном носит рекомендательный характер. Изучены особенности регулирования признания и приведения в исполнение иностранных судебных актов по делам о трансграничной несостоятельности в праве Европейского союза.

Ключевые слова: признание; приведение в исполнение; трансграничная несостоятельность.

SOURCES OF REGULATION OF RECOGNITION AND ENFORCEMENT OF FOREIGN JUDICIAL ACTS IN CROSS-BORDER INSOLVENCY CASES

A. A. Sialiu

Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus

National, international and regional sources of regulation of recognition and enforcement of foreign judicial acts in cases of cross-border insolvency are analyzed. The problem of national regulation of recognition and enforcement of foreign judicial acts in cases of cross-border insolvency is established, due to the lack of special regulation of the recognition and enforcement process in national legislation. It is determined that the international legal regulation of the issues of recognition and enforcement of foreign judicial acts in cases of cross-border insolvency is mainly advisory in nature. The features of the regulation of recognition and enforcement of foreign judicial acts in cases of cross-border insolvency in the territory of the European Union have been studied.

Key words: recognition; enforcement; cross-border insolvency.

В ситуациях трансграничной несостоятельности для применения возникших на территории одного государства правовых последствий возбуждения, ведения и окончания производства по делу о банкротстве (в том числе полномочий иностранного управляющего в деле о банкротстве) на территории другого государства, в котором находятся активы и (или) кредиторы несостоятельного должника, требуется признание актов иностранного суда, на основании которых эти последствия возникли [1, с. 134].

Классически процесс признания и приведения в исполнение актов иностранных судов по делам о трансграничной несостоятельности производится как на основании национального законодательства государства, в котором испрашивается признание и приведение в исполнение, так и международных договоров, участником которых является соответствующее государство.

В то же время, и национальное законодательство, и международно-правовые документы на данный момент не предоставляют необходимого уровня регулирования вопросов признания и приведения в исполнение иностранных судебных актов по делам о трансграничной несостоятельности.

Национально-правовое регулирование в отношении несостоятельности, как правило, основано на принципе суверенитета, носит строго императивный характер и относится к публичному порядку [2].

Как отмечает ЮНСИТРАЛ (Комиссия ООН по праву международной торговли), лишь в очень немногих государствах действуют режимы признания и приведения в исполнение, которые конкретно применяются к судебным решениям, принятым в связи с производством по делам о несостоятельности. Даже в тех государствах, где подобный режим существует, он может не охватывать все постановления, которые в широком смысле могут считаться связанными с производством по делам о несостоятельности [3].

Анализируя национальное законодательство Российской Федерации и Республики Беларусь, можно прийти к выводу, что такое регулирование либо предусмотрено на самом общем уровне, как для признания и приведения в исполнение иностранных судебных решений. Так, например, п. 6 ст. 1 Федерального закона Российской Федерации от 26.10.2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» устанавливает, что решения судов иностранных государств по делам о несостоятельности (банкротстве) признаются на территории Российской Федерации в соответствии с международными договорами Российской Федерации, либо, в их отсутствие, на началах взаимности [4].

Либо такое регулирование может вовсе отсутствовать в национальном законодательстве. В частности, Закон Республики Беларусь от 13.07.2012 г. № 415-З «Об экономической несостоятельности (банкротстве)» не только не предусматривает особого режима для признания и приведения в исполнение иностранных судебных актов по делам о трансграничной несостоятельности, но и вообще не содержит такого понятия как «трансграничная несостоятельность» [5]. В результате, как кредиторы, так и должники вынуждены руководствоваться общим режимом признания и приведения в исполнение иностранных судебных решений, предусмотренным Хозяйственным процессуальным кодексом Республики Беларусь.

Актуальной тенденцией и наиболее конструктивным механизмом регулирования трансграничного банкротства является региональная экономическая интеграция.

Наиболее известным и прогрессивным примером такого акта является Регламент ЕС 2015/848 Европейского парламента и Совета от 20.05.2015 г. «О процедурах несостоятельности» (далее – **Регламент**) [11].

Статья 19 Регламента устанавливает общий принцип, согласно которому любое вынесенное решение суда Государства-члена, наделенного юрисдикцией по инициированию процедуры несостоятельности, должно признаваться во всех иных Государствах-членах с момента вступления в силу такого решения в Государстве инициирования проце-

дуры. Статья 32 Регламента, в свою очередь, определяет, что Решения, вынесенные судом, решение которого об открытии процедуры несостоятельности признано в соответствии со Статьей 19 и которое касается хода и закрытия процедуры несостоятельности, и составы, утвержденные судом, также должны быть признаны без соблюдения каких-либо дополнительных процедур. Это также касается решений, вытекающих непосредственно из процедуры несостоятельности и которые тесно связаны с ними, даже если они были вынесены другим судом.

Процедура признания и приведения в исполнение иностранных судебных актов по делам о трансграничной несостоятельности, предусмотренная Регламентом, по нашему мнению, позволяет обеспечить правовую определенность и не допустить ситуации, в которых производство по делу о трансграничной несостоятельности может быть признано в одном государстве и не признано в другом.

Организацией по гармонизации коммерческого права Африки (далее – **ОХАДА**) также был принят Унифицированный акт «Об организации коллективных процедур ликвидации» от 10.09.2015 [12]. Акт содержит общие положения, регулирующие процедуры трансграничной несостоятельности в государствах-участниках ОХАДА, однако не содержит дополнительного регулирования вопросов признания и приведения в исполнение иностранных судебных актов по делам о трансграничной несостоятельности.

В то же время, в праве ЕАЭС отсутствуют специальные международные соглашения, посвященные регулированию трансграничных банкротств, равно как и в государствах-членах специальное системное правовое регулирование: нет ни специальных законодательных актов, ни специальных институтов в национальном законодательстве о банкротстве. В ЕАЭС не разработаны международно-правовые нормы рекомендательного характера по вопросам трансграничных банкротств (специального регионального характера). Как следствие, к правоотношениям трансграничной несостоятельности в государствах-членах ЕАЭС могут быть применены международные договоры общего характера (о правовой помощи и правовых отношениях), а также национально-правовые нормы общего характера из сферы международного частного права и международного гражданского процесса [6].

Полагаем, что отсутствие специального правового регулирования по данному вопросу ограничивает права кредиторов и должников по делам о трансграничной несостоятельности. Учитывая, что международные договоры, регулирующие процедуры трансграничной несостоятельности, отсутствуют, кредитору или должнику остается надеяться исключительно на принцип взаимности как основание признания и приведения

в исполнение иностранного судебного акта по делу о трансграничной несостоятельности.

Отсутствие реализации принципа правовой определенности является негативным фактором, требующим разработки на национальных уровнях отдельных законодательных актов, детально регулирующих вопрос признания и приведения в исполнение иностранных судебных актов по делам о трансграничной несостоятельности.

Спецификой международных источников регулирования признания и приведения в исполнение иностранных судебных актов по делам о трансграничной несостоятельности, является рекомендательный характер, направленный на гармонизацию законодательства государств по вопросам трансграничной несостоятельности.

В качестве наиболее успешных примеров можно привести Типовой закон ЮНСИТРАЛ о трансграничной несостоятельности от 30.05.1997 г., Типовой закон ЮНСИТРАЛ о признании и приведении в исполнение судебных решений, принятых в связи с производством по делам о несостоятельности от 02.07.2018 г. [7].

Типовой закон ЮНСИТРАЛ о трансграничной несостоятельности регулирует вопросы признания непосредственно самих иностранных производств по делам о трансграничной несостоятельности, разделяя их на основные и неосновные иностранные производства. В свою очередь, Типовой закон ЮНСИТРАЛ о признании и приведении в исполнение судебных решений, принятых в связи с производством по делам о несостоятельности, регулирует вопросы признания и приведения в исполнение судебных решений, принятых в связи с производством по делу о несостоятельности в государстве, ином, чем государство, в котором испрашиваются признание и приведение в исполнение.

Так, статья 11 Типового закона ЮНСИТРАЛ о признании и приведении в исполнение судебных решений, принятых в связи с производством по делам о несостоятельности, устанавливает требования, которым должно соответствовать ходатайство о признании и приведении в исполнение иностранного судебного решения. Статья 13 определяет условия, при которых иностранное судебное решение подлежит признанию, а статья 14 содержит исчерпывающий перечень оснований для отказа в признании и приведении в исполнение иностранного судебного решения.

Таким образом, Типовой закон ЮНСИТРАЛ о признании и приведении в исполнение судебных решений формирует специальный режим для признания и приведения в исполнение иностранных судебных решений по делам о трансграничной несостоятельности.

Помимо ЮНСИТРАЛ разработкой международных актов рекомендательного характера в сфере трансграничной несостоятельности также занимаются международные неправительственные организации. Так, например, Международным институтом по несостоятельности совместно с Американским институтом права были разработаны Принципы, применимые к сношениям между судами по трансграничным судебным делам, Универсальные принципы сотрудничества по делам о трансграничной несостоятельности, Европейские принципы сотрудничества судов при трансграничной несостоятельности [8; 9; 10].

На основании вышеизложенного, можно прийти к следующим выводам:

1) На данный момент национальное регулирование процедуры признания и приведения в исполнение иностранных судебных актов по делам о трансграничной несостоятельности, за исключением ряда государств, является недостаточно развитым и требует либо принятия отдельных законодательных актов, подробно регламентирующих процедуру признания и приведения в исполнение иностранных судебных актов по делам о трансграничной несостоятельности, либо внесения изменений в уже существующие законодательные акты с учетом особенностей процедуры трансграничной несостоятельности;

2) Наиболее успешна на сегодняшний день региональная унификация, в частности, Регламент ЕС 2015/848 Европейского парламента и Совета от 20.05.2015 г. «О процедурах несостоятельности», благодаря принципу автоматического признания решения суда об инициировании процедуры несостоятельности на территории всех государств-членов ЕС, позволяет кредиторам, должникам и конкурсным управляющим максимально полно добиться реализации своих прав в процедуре трансграничной несостоятельности.

3) В рамках ЕАЭС как на региональном, так и на национальном уровне отсутствует детальное регулирование вопросов признания и приведения в исполнение иностранных судебных актов по делам о трансграничной несостоятельности. В то же время, Типовые законы, регулирующие трансграничную несостоятельность, а также принимаемые на региональном уровне, могут быть использованы в качестве основы для разработки правового регулирования признания и приведения в исполнение иностранных судебных актов по делам о трансграничной несостоятельности на территории ЕАЭС.

4) Международные источники, регулирующие вопросы признания и приведения в исполнение иностранных судебных актов по делам о трансграничной несостоятельности, в основном носят рекомендательный характер и направлены на гармонизацию законодательств в указан-

ной сфере. Типовой Закон ЮНСИТРАЛ о трансграничной несостоятельности и Типовой закон ЮНСИТРАЛ о признании и приведении в исполнение судебных решений, принятых в связи с производством по делам о несостоятельности являются наиболее успешными примерами неофициальной гармонизации, детально регламентирующими процедуру признания и приведения в исполнение иностранных судебных актов по делам о трансграничной несостоятельности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Собина Л. И. Признание нефинальных судебных актов, вынесенных иностранным судом в деле о банкротстве // Журнал «Закон». 2010. URL: https://zakon.ru/LibraryHome/DownloadPub?_id=221 (дата обращения: 23.01.2021);
2. Леанович Е.Б. Развитие международно-правового регулирования трансграничных банкротств / Белорусский журнал международного права и международных отношений. 2004. URL: <http://evolutio.info/ru/journal-menu/2004-4/2004-4-leanovich> (дата обращения: 23.01.2021);
3. Типовой закон ЮНСИТРАЛ о признании и приведении в исполнение судебных решений, принятых в связи с производством по делам о несостоятельности, и Руководство по принятию / Комиссия ООН по праву международной торговли. 2018. URL: https://uncitral.un.org/sites/uncitral.un.org/files/media-documents/uncitral/ru/ml_recognition_gte_r.pdf (дата обращения: 23.01.2021);
4. Федеральный закон Российской Федерации «О несостоятельности (банкротстве)» / КонсультантПлюс. 2002. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39331/520e2daf7461a8cc0ce10a69441ee01a5763555f/ (дата обращения: 23.01.2021);
5. Закон Республики Беларусь «Об экономической несостоятельности (банкротстве)» / Нац. правовой интернет-портал Респ. Беларусь. 2012. URL: <https://www.pravo.by/document/?guid=3871&p0=H11200415> (дата обращения: 23.01.2021);
6. Перспективы регулирования трансграничной несостоятельности в странах Евразийского экономического союза (ЕАЭС): условия и предпосылки, правовые риски, поиск оптимальной модели / Центр международных и сравнительно-правовых исследований. Москва, 2017. URL: <https://clck.ru/TM79m> (дата обращения: 23.01.2021);
7. Типовой закон ЮНСИТРАЛ о трансграничной несостоятельности с Руководством по принятию и толкованию / Комиссия ООН по праву международной торговли. 2014. URL: <https://uncitral.un.org/sites/uncitral.un.org/files/media-documents/uncitral/ru/1997-model-law-insol-2013-guide-enactment-r.pdf> (дата обращения: 23.01.2021);
8. Guidelines applicable to court-to-court communications in cross-border cases / American Law Institute; International Insolvency Institute. 2001. URL: <https://web.archive.org/web/20101015020949/http://ali.org/doc/Guidelines.pdf> (date of access: 23.01.2021);
9. Transnational insolvency: Global principles for cooperation in international insolvency cases / American Law Institute; International Insolvency Institute. 2012. URL: https://www.iiiglobal.org/sites/default/files/alireportmarch_0.pdf (date of access: 23.01.2021);

10. EU cross-border insolvency court-to-court cooperation principles / International Insolvency Institute; University of Leiden. 2014. URL: <https://clck.ru/TM7DK> (date of access: 23.01.2021);
11. Regulation (EU) 2015/848 of the European Parliament and of the Council / Official Journal of the European Union. 2015. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:32015R0848&from=GA> (date of access: 23.01.2021);
12. Uniform act organizing collective proceedings for clearing of debts / Compilation of treaties and uniform acts. 2015. URL: <https://www.droit-afrique.com/uploads/OHADA-Uniform-Act-1998-collective-proceedings-clearing-debts.pdf> (date of access: 23.01.2021).

СЕКЦИЯ 3

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

THE CONNOTATION AND CHANGES OF THE CHINESE INNOVATION CONCEPT

Yuhu Ye

*Belarusian State University,
Leningradskaya Street, 20, 220030, Minsk, Belarus, 1730002891@qq.com*

China's innovation path should be understood as the timely adjustment of national management policies and economic policies according to China's national conditions and the characteristics of the times, concentrate superior resources to areas where the national government has control capabilities. Transferring the business space of non-core areas to the private economy, using market mechanisms to stimulate the enthusiasm of private enterprises to participate in innovation.

Keywords: China's innovation; Innovation Driven; Innovative development.

СОЗДАНИЕ И ИЗМЕНЕНИЕ КИТАЙСКОЙ ИННОВАЦИОННОЙ КОНЦЕПЦИИ

Е Юйху

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь*

Инновационный путь Китая следует понимать как своевременную корректировку национальной политики управления и экономической политики в соответствии с национальными условиями Китая и особенностями времени, концентрацию превосходящих ресурсов в областях, где национальное правительство имеет возможности контроля. Передача бизнес-пространства непрофильных сфер в частную экономику с использованием рыночных механизмов для стимулирования энтузиазма частных предприятий к участию в инновациях.

Ключевые слова: Китай; инновации; инновационное развитие.

With the changes in the global economic environment and China's domestic economic development environment, the management system of Chinese state-owned enterprises has gradually appeared inconsistent with the development of the times. These problems have hindered China's economic de-

velopment and restricted state-owned enterprises from improving their production efficiency. Therefore, it is necessary to carry out institutional innovation in economic policy and management policy, to reduce the burden of the development of state-owned enterprises, to give state-owned enterprises the necessary market competition pressure to stimulate the power of enterprise innovation. To this day, in order to change the innovation dilemma, the government of China has successively introduced the "Innovation Driven Development Strategy" and the "Made in China 2025" in 2012 and 2015. When the US imposed a technical blockade on China during the Sino-US trade war, China formulated "Made in China 2025" in order to break the predicament and enhance its core creativity. The government of China hopes to use this strategy to solve the problems such as lack of innovative talents, insufficient innovation resources and low efficiency existing in China's manufacturing industry under the traditional mode, the existence of these problems mentioned above will make China's manufacturing industry gradually fall into a disadvantageous situation in the international market competition.

While institutional innovation continues to deepen, the understanding of the concept of technological innovation is also constantly developing and deepening in China. At the National Science Conference of the People's Republic of China in 1978, the then leader of China proposed that science and technology are the dominant factors in economic development, and science and technology are the primary productive forces. In the early stage of China's reform and development, the understanding of the concept of innovation was to learn and absorb foreign advanced technology and combine China's advantages in labor costs to create a brand-new production model that suits its own development. Even in the concept of independent innovation, some scholars define it as: in the process of introducing, digesting and improving foreign technology, through their own efforts to overcome technical difficulties to form valuable research and development results, and realize the commercialization of technological achievements and finally get commercial profits [1]. Until the end of the last century, this definition has been affirmed by scholars, but they have also developed innovative concepts in the past, they combined with the actual situation in China at that time, they proposed that the development basis of independent innovation includes the basis of independent research and development and the basis of imported technology [2]. In their view, the position of independent research and development in the innovation process is as important as mastering imported technology. At the beginning of this century, the introduction and absorption of technology in the concept of innovation was only defined as a factor of independent innovation: Although independent innovation emphasizes the originality of innovative technology, independent innovation does not mean banning the introduction

of technology. It is necessary to strengthen the digestion and absorption of advanced technologies on the basis of the introduction of existing technologies and re-innovate [3]. The concept of re-innovation is derived from the re-design and definition of the concept of independent innovation according to the characteristics of the new era. It should be noted that during this period, more and more scholars believe that independent innovation is to increase the supply of new products and enhance the market competitiveness of new products through independent research and development of new product technology and process technology. Enhancing independent innovation capabilities is no longer about innovation in the process of imitation. The enhancement of independent innovation capabilities will help enhance the ability to transform knowledge into new products, new processes and new services, and enhance regional technological innovation capabilities and regional technological competitiveness [4].

With the development of China's economy, it is difficult for traditional innovation concepts to be as effective as in the past. The reason is that on the one hand, the advantages of cheap labor resources that support traditional innovation methods are weakening, on the other hand, China is constantly improving scientific and technological research and development. In many fields of scientific research, China has caught up with or even surpassed the technological level of some developed countries, which makes traditional innovation methods lose room for development. In some key core areas, although there is still a large gap between China and developed countries, it is almost impossible to achieve an innovative way of simply digesting and assimilating through the introduction of technology due to the technological blockade. Changes in the world economy and market environment have also forced China to change its innovative ideas, the main body of innovation has become led by the state-owned economy under the guidance of national policies, and multiple ownership economies jointly innovate. In the field of science and technology, the superior resources arranged by the state as a whole are allocated to state-owned enterprises for innovation, can concentrate more power to solve core scientific and technological problems with higher efficiency. Relatively speaking, China's private enterprises are still not strong enough to become the backbone of China's innovation in the new era. There are not many private enterprises in China with strong independent innovation capabilities. China should continue to deepen institutional innovation to provide more space and power for the development of the private economy, only in this way can China create more large private multinational companies like Huawei and Xiaomi. This also reflects the forerunner and importance of institutional innova-

tion in China's concept of innovation. This is also one of the differences between in China's innovation and innovation in other countries.

REFEFENCES

1. Dong Chen, Learning mode from technology introduction to independent innovation[J]. Scientific research management, 1994, 2 :31-34.
2. Delin Yang & Chunbao Chen, Imitation innovation and independent innovation how to affect the growth of high-tech enterprises[J]. China Soft Science, 1997, 2 : 107-112.
3. Qian Du & Qiquan Yang, Thoughts on the main contradictions in the current development of science and technology in my country[J]. China Science and Technology Forum, 2001, 2: 22-26.
4. Jiang Yu & Xin Fang, Analysis of the status of the value chain affecting industrial technology[J]. Science Research, 2002, 5 :497-499.

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ МИРОВОГО РЫНКА ЭНЕРГЕТИКИ

Д.М. Баровик¹⁾, А.В. Петрашевская²⁾

¹⁾Белорусский государственный университет,
ул. Ленинградская 20, 220030, г. Минск, Беларусь, borovikD@gmail.com

²⁾Белорусский государственный университет,
ул. Ленинградская 20, 220030, г. Минск, Беларусь, petrashevala@gmail.com

В статье анализируются запасы, производство и потребление топливно-энергетических ресурсов (нефть, уголь, газ). Выявлена динамика и региональная структура добычи, потребления и производства топливно-энергетических ресурсов в мире, показано процентное распределение мировых энергетических потребностей. Определяется роль природных топливно-энергетических ресурсов в мире. Исследуется современное состояние мирового рынка традиционных энергетических ресурсов (рынок нефти, газа и угля). Рассмотрены основные факторы влияющие на динамику развития мирового рынка энергетики.

Ключевые слова: мировой рынок; энергетические ресурсы; топливно-энергетические ресурсы; топливно-энергетический баланс; мировые запасы; возобновляемая энергетика.

MAIN TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF THE WORLD ENERGY MARKET

D.M. Barovik^a, A.V. Petrashevskaya^b

^aBelarusian State University, Leningradskaya Street, 20, 220030, Minsk, Belarus

^bBelarusian State University, Leningradskaya Street, 20, 220030, Minsk, Belarus

Corresponding author: A.V. Petrashevskaya (petrashevala@gmail.com)

The article analyzes the reserves, production and consumption of fuel and energy resources (oil, coal, gas). The dynamics and regional structure of extraction, consumption

and production of fuel and energy resources in the world are revealed, the percentage distribution of world energy needs is shown, the role of natural fuel and energy resources in the world is determined. The current state of the world market for traditional energy resources (oil, gas and coal market) is investigated. The main factors influencing the dynamics of the development of the world energy market are considered.

Keywords: world market; energy resources; fuel and energy resources; fuel and energy balance; world reserves; renewable energy.

Получение энергетических ресурсов является одной из главных проблем человечества. Именно поэтому, за последнее столетие наблюдался повышенный интерес со стороны государств на энергетические ресурсы, а их значение остается высоким в мировой экономике. Причиной данного процесса является всевозрастающая роль энергоресурсов в топливно-энергетическом балансе любой страны. А их эффективное использование оказывает существенное влияние на экономическое развитие стран.

Ограниченность запасов природных энергетических ресурсов обусловила возрастание научного интереса к поиску новых источников энергии как неотъемлемой части энергетической системы страны. Поэтому профицит или дефицит запасов энергетических ресурсов в стране оказывает влияние не только на экономическое развитие стран, но и на уровень жизни в стране и ее благосостояния.

По причине того, что страны различаются по обеспеченности собственными топливно-энергетическими ресурсами, каждая страна планирует и осуществляет свои комплексы специальных мер по поиску, добыче и рациональному использованию топливно-энергетических ресурсов. В зависимости от обеспеченности природными энергоресурсами, каждая страна самостоятельно создает свою энергетическую систему (энергетику), целью которой является получение, преобразование, распределение и использование всех видов энергетических ресурсов.

Так, возрастающее внимание по отношению к природным энергоресурсам тесно взаимосвязано с их ограниченным запасом. С каждым годом потребление энергоресурсов возрастает, что коррелируется с ростом населения планеты. За последние 30 лет потребление энергоресурсов увеличилось в 1,6 раз. Причиной такого тренда является процесс глобализации. За последние 30 лет XX века около 340.124 млн тонн условного топлива было потреблено, что является самым большим значением за весь период потребления энергоресурсов. Мировое энергопотребление имеет тенденцию роста, с 1990 по 2019 годы значение энергопотребления выросло на 64%. [1] Корреляция потребления энергоресурсов с населением прослеживается при анализе потребления в географическом разрезе. Основными странами-потребителями энергоресурсов

по объему потребления являются Китай, США, Индия, Россия, Япония, Германия, Бразилия, Канада [1].

Среднее значение процента мирового роста потребления в период с 2000-2018 составлял 2%. Однако, согласно данным ОЭСР, рост мирового потребления энергоресурсов в 2019 году составил 0,6%. При этом, в 2019 году, наблюдался рост потребления в Китае (+3,2%), России (+1,8%), Индии (+0,8%).

По имеющимся расчетам, быстрый рост населения развивающихся стран Азии и мировой экономики, увеличат спрос на энергоресурсы на 30% к 2030 году. В то время как к 2050 году спрос на энергоресурсы увеличится на 40%. Основным потребителем энергоресурсов останется промышленность, транспорт, жилая и коммерческая недвижимость [2, с. 8-10].

За последние 30 лет произошли существенные изменения в потреблении, спросе и объеме запасов энергоресурсов. По основным топливно-энергетическим ресурсам (нефть, газ, уголь) складывается следующая ситуация.

Нефть является основным источником энергии и занимает наибольшую долю в энергетическом балансе стран. Ресурсная база нефти вызывает заинтересованность специалистов не только по причине ее ограниченных запасов и их медленного роста, но также по причине большой подверженностью экономико-политической монополизации в мировой экономике. Только 3/4 мировых запасов нефти приходится на страны ОПЕК.

По причине растущего спроса на нефть и сокращения ее запасов, ведутся исследования по поиску новых месторождений. Из-за истощения месторождений, в которых в настоящий момент добывается нефть, специалисты проводят поиск энергоресурса в новых регионах, где не только может быть экономико-политические риски, но также регионы с достаточно высоким уровнем издержек. Из-за истощения месторождений, также за последнее время активизировались разведки по добыче сланцевой нефти. Для анализа и прогнозирования запасов нефти и их влияния на мировую экономику, изучение тенденции изменения запасов важно, по причине того, что они являются важным индикатором цен рынка нефти и как следствие влияют на экономику.

Согласно данным British Petroleum, мировые запасы нефти составили 1734 млрд баррелей в 2019 году, что на 2 млрд меньше, чем в 2018 году. Основными регионами, которые владеют наибольшими запасами нефти являются Южная Америка, Ближний Восток, Африка [3]. При этом запасов стран ОПЕК, при сохранении темпа потребления нефти, хватит этим странам на 93,3 года.

За период 2000-2019 годы среднегодовой процент роста производства нефти составляет 1,1%. Однако в 2019 году мировое производство нефти упало на 0,3% по сравнению с 2018 годом. Причиной сокращения производства нефти является общий спад производства на Ближнем Востоке (-6,1%), который произошел из-за роста региональной напряженности, результатом которой стала атака беспилотников в Саудовской Аравии, и из-за санкций против Ирана, где добыча нефти упала на 34%. Второй причиной мирового спада производства нефти стало сокращение добычи в Латинской Америке (-5,2%) из-за политических проблем, включая санкции США в Венесуэле и непрерывное снижение добычи нефти в Мексике [3].

Основными крупнейшими производителями нефти в 2019 году являются США (745 млн т), Россия (560 млн т), Саудовская Аравия (545 млн т), Канада (268 млн т), Ирак (232 млн т), Китай (195 млн т), ОАЭ (183 млн т), Бразилия (146 млн т), Кувейт (144 млн т) [4].

При этом, средний рост потребления в период с 2009-2019 был 1,4%. В 2019 году потребление нефти увеличилось на 0,9%. Основной рост потребления нефти был в Китае и других развивающихся странах. Крупнейшие регионы по уровню потребления в 2019 году стали страны Азии, Европы и Северной Америки.

Объем добычи, потребления и запасов подвержены различным факторам. Так, факторы различной природы мгновенно могут повлиять на рынок нефти. Одним из примеров является логистический кризис в 2000 гг., что обусловило рост цен на нефть. Недостаток танкеров для перевозки нефти оказали влияние на падение объема спроса и потребления. Также, к примеру, природный катаклизм в 2005 году разрушил бурение скважин в Мексике, что обусловило рост цен на нефть и снижение объема его потребления.

Экологически чистым энергетическим ресурсом является газ, который находится на втором месте в мире по использованию. Ожидается, что в будущем газ станет первым энергоносителем вследствие значительных разведанных месторождений, дешевизны добычи и транспортировки и низкого содержания углерода в составе. Так, в конце 20 века акцент на нефть стал смещаться в сторону природного газа по причине повышения цен на нефть и его негативного воздействия на окружающую среду.

Согласно данным British Petroleum, общие мировые запасы газа составляют 198,8 триллионов м³ в 2019 году, которого по данным BP, хватит на 49,8 лет при сохранении темпов его использования. При этом, более 56% запасов приходится на Россия, Катар, Иран и Туркменистан.

На 2019 год объем производства газа составил 4085 млрд м³. За период 2000-2019 годы среднегодовой процент роста производства нефти составляет 2,6 %. На США, крупнейшего производителя газа, пришлось более половины мирового прироста в 2019 году, за которой следует Россия, Австралия, Китай и Иран. Внутренняя добыча газа в США выросла более чем на 10% в результате новых разработок в сланцевых пластах в Техасе и Пенсильвании. Добыча газа также продолжала стабильно расти в России (+3,4%) и в Австралии (+ 18%). Однако добыча газа в Европе продолжает снижаться (-5,7%), в то время как в Латинской Америке остается достаточно стабильной, несмотря на рост производства газа в Аргентине (+5%).

Объем мирового потребления природного газа в 2019 году составил 4018 млрд м³. Мировое потребление газа в 2019 году продолжало расти (+ 2,6%), но более медленными темпами, чем в 2018 году (+ 5,1%). При этом средний процент роста потребления в период с 1990-2019 составил в среднем 2,5%.

Крупнейшим потребителем природного газа в 2019 году стала США, что произошло в результате снижения цен на газ и появлению новых газовых мощностей в секторе энергетики. Китай показал второй по величине рост спроса (+ 8,6%), что составляет 24% от мирового роста. Потребление газа также выросло в ЕС (+ 3,1%), поскольку спрос восстановился в Испании, Германии и Италии, а также в странах-производителях, таких как Россия, Австралия, Иран, Алжир и Египет. В Азии потребление газа продолжает снижаться, а именно в Японии и Южной Корее, из-за более низкого спроса со стороны сектора энергетики (снижение потребления электроэнергии и усиление конкуренции со стороны ядерных реакторов и возобновляемых источников энергии).

Рынок природного газа также подвергается различным факторам, что оказывает влияние на мировую экономику в целом. Так политические факторы, обострение международной обстановки, факторы техногенного характера, научные прорывы оказывают влияние на объем потребления и производства. Примером является сланцевый прорыв 2014 года, осуществленный США, вследствие которого увеличился спрос на ресурс и снизился объем производства газа в следующем году.

Третьим по объему использования энергетическим ресурсом является уголь. Несмотря на то, что уголь как природный энергоноситель играет большую роль в энергетическом балансе любой страны, в последнее время происходит тенденция снижения использования угля и переход на более чистые энергетические ресурсы.

Согласно данным British Petroleum, общие мировые запасы угля на конец 2019 года составляют 1069 млрд тонн, что при нынешнем темпе

потребления, хватит на 132 года. [3] Более 80% доказанного объема запасов угля приходится на США (23,3%), Россию (15,2%), Австралию (13,9%), Китай (13,2%), Индию (9,9%), Индонезию (3,7%) и Германию (3,4%) [3].

Мировой объем производства угля в 2019 году составил 7911 млн тонн. Мировая добыча угля в 2019 году оставалась стабильной (+0%), несмотря на рост добычи угля в Китае на 4%.

В Китае, крупнейшем производителе угля (47% мирового производства), производство выросло на 4%. Добыча угля также немного увеличилась в Австралии и ускорила в Южной Африке, несмотря на снижение мировых цен [5].

В других крупных странах-производителях угля производство имело тенденцию к снижению: сокращение на 3,3% в Индии, где продолжительный сезон дождей сорвал поставленную правительством цель по увеличению внутреннего производства, в Индонезии и Колумбии. Рост добычи угля в России замедлился (только + 1%), а в Турции остался стабильным. В ЕС климатическая политика, прекращение субсидий на добычу угля в 2018 году, высокие цены на углерод и усиление конкуренции со стороны возобновляемых источников энергии и газа в энергетическом секторе способствовали падению добычи угля на 15%, особенно в Германии и Польше [5].

Мировой объем потребления угля в 2019 году составил 7595 млн тонн, что является новым снижением мирового потребления (-2,6%), несмотря на рост потребления в Китае (+ 1%). После двух лет восстановления, мировое потребление угля в 2019 году снизилось по причине государственной и частной политики в области климата в сочетании с конкуренцией со стороны более дешевой газовой и возобновляемой энергетики, что ускорило закрытие многих угольных электростанций и привели к резкому сокращению потребления угля в ЕС (-18%). В США, где в 2019 году было выведено из эксплуатации почти 14 ГВт угольных мощностей, потребление угля также сократилось на 12%.

В Китае, на потребление которого приходится половина мирового спроса на уголь, потребление выросло на 1%. В Индии, второй по величине потребитель угля в мире, потребление угля снизилось на 3,4% из-за увеличения объемов гидроэнергетики и возобновляемых источников энергии, которые сократили потребности в угле в энергетическом секторе. Потребление также замедлилось в крупных угледобывающих странах, таких как Россия (произошел переход с угля на газ в энергетическом секторе), Южная Африка (сокращение операций на угольных электростанциях из-за технических проблем), а также в Австралии и Турции.

Основным фактором, влияющим на рынок угля, является развитие альтернативной энергетики. Так, примером является увеличение потреб-

ления энергии возобновляемых источников на 13,7% в год с 2008 по 2019 годы, как результат проведения замещения угля в своем энергопотреблении европейскими странами.

Таким образом, энергетика является неотъемлемой частью экономического развития страны и его благосостояния, а сами виды топлива по-прежнему играют важную роль в энергобалансе стран мира. Данный рынок является сложной уязвимой системой, ситуация которой непредсказуемо меняется с появлением экономических, политических и социальных факторов, которые наглядно оказывают влияние на объем производства, потребления и уровня запасов. Три основные составляющие мирового энергетического рынка являются рынок нефти, рынок природного газа и рынок угля. Каждый вид сырьевого рынка имеет свои особенности, однако единственной их общей чертой является ее уязвимость перед факторами различной природы.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Enerdata [Электронный ресурс]. URL: <https://yearbook.enerdata.net/total-energy/world-consumption-statistics.html> (дата обращения: 08.12.2020).
2. Будущее белорусской энергетики на фоне глобальных трендов: моногр. / М. М. Ковалев, А. С. Кузнецов. Минск: Изд. центр БГУ, 2018. 223, [4] с.
3. British Petroleum [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bp.com/content/dam/bp/businesssites/en/global/corporate/pdfs/energy-economics/statistical-review/bp-stats-review-2020-full-report.pdf>. (дата обращения: 15.11.2020).
4. Enerdata [Электронный ресурс]. URL: <https://yearbook.enerdata.net/crude-oil/world-production-statistics.html>. (дата обращения: 15.11.2020).
5. Современная энергетика и энергетика будущего / А.Б. Василенко, В.В. Тетельмин. Москва: Ленанд, 2018. 238 с.
6. География мирового хозяйства: Курс лекций. В 3 ч. Ч.2 и 3: Макроэкономический анализ отраслей мирового хозяйства / А.В. Томашевич. Мн.: БГУ, 2002. 133с.
7. Мировые товарные рынки и цены: учебник / В.Г. Клинов, Л.С. Ревенко, Т.И. Ружинская; Моск. гос. Ин-т междунар. отношений (ун-т) МИД России, каф. междунар. экон. отношений и внешнеэкономич. связей; под ред. Л.С. Ревенко. М.: МГИМО-Университет, 2012. 500 с. (Учебники МГИМО/У/).

БУДУЩИЕ НАПРАВЛЕНИЯ ЦИФРОВИЗАЦИИ КИТАЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ

Ван Нана

*Хэнанский университет экономики и права,
Китайская Народная Республика, nanaprivet@126.com*

Сегодня цифровая экономика является эффективной основой для развития государственного управления, экономики, бизнеса, социальной сферы и всего общества. Формирование цифровой экономики – это также вопрос национальной без-

опасности и независимости КНР, конкуренции национальных компаний, позиции страны на мировой арене в долгосрочной перспективе. В статье рассмотрены отдельные рейтинги цифровизации экономик стран мира. Представлено авторское видение направлений цифровизации Китая.

Ключевые слова: цифровизация; рейтинги; Китай; цифровые технологии.

FUTURE DIRECTIONS OF THE CHINESE ECONOMY DIGITALIZATION

Van Nana

Henan University of Economics and Law, People's Republic of China

Today, the digital economy is an effective basis for the development of public administration, economy, business, social sphere and the whole society. The formation of the digital economy is also a matter of national security and independence of the PRC, the competition of national companies, and the country's position on the world stage in the long term. The article considers individual ratings of the digitalization of the world's economies. It presents the author's vision of the digitalization of China.

Keywords: digitalization; ratings; China; digital technology.

Сегодня цифровая экономика является эффективной основой для развития государственного управления, экономики, бизнеса, социальной сферы и всего общества. Формирование цифровой экономики – это также вопрос национальной безопасности и независимости КНР, конкуренции национальных компаний, позиции страны на мировой арене в долгосрочной перспективе.

Для успешного развития цифровой экономики Китая необходима эффективная государственная политика, направленная на преодоление цифрового разрыва и стимулирование развития цифровой экономики. Ключевой стратегией цифровизации Китая должна стать работа с внутренним рынком, а ключевыми инициативами – формирование мотиваций и потребностей в "цифровых технологиях" у потребителей (бизнеса, государства, граждан). Страна не может быть успешной в развитии цифровой экономики при отсутствии необходимой нормативно-правовой базы и стратегии развития экономики, основанной на цифровых технологиях. Но не менее важными являются формирование профессиональных навыков, базовая ИКТ-грамотность, подготовка к профессиональной карьере и содействие обучению на протяжении всей жизни.

Для анализа рынка глобальной цифровизации можно использовать:

- Индекс развития информационно-коммуникационных технологий (Индекс развития ИКТ) [1, 3];
- Индекс развития электронного правительства [2, 3];
- Глобальный индекс кибербезопасности (Глобальный индекс ки-

бербезопасности) [1, 3].

Индекс развития ИКТ является комбинированным показателем, характеризующим достижения стран мира в области развития информационно-коммуникационных технологий. Он рассчитывается в соответствии с методологией Международного союза электросвязи - специализированного подразделения ООН, определяющего мировые стандарты в области ИКТ. Индекс был разработан в 2007 году на основе 11 показателей. Индекс объединяет эти показатели в единый критерий, который предназначен для сравнения достижений стран мира в области развития ИКТ и может быть использован в качестве инструмента для проведения сравнительного анализа на глобальном, региональном и национальном уровнях. Эти показатели касаются доступа к ИКТ, использования ИКТ, а также навыков, то есть практических знаний об этих технологиях населением стран, охватываемых исследованием. Ниже приведены результаты рейтинга стран по Индексу развития ИКТ за 2017 г. (см. Таблицу 1).

Таблица 1

**Индекс развития информационно-коммуникационных технологий
в странах, 2017**

Место	Страна	Индекс
1	Исландия	8.98
2	Южная Корея	8.85
3	Швейцария	8.74
4	Дания	8.71
5	Соединенное Королевство	8.65
6	Гонконг	8.61
7	Нидерланды	8.49
8	Норвегия	8.47
9	Люксембург	8.47
10	Япония	8.43
80	Китай	5.60

Примечание - Источник: [4].

Глобальный индекс кибербезопасности включает следующие субиндексы:

- правовые аспекты кибербезопасности (юридические);
- технические аспекты кибербезопасности (технические);
- организационные аспекты кибербезопасности (организационные);
- страновые навыки по созданию системы кибербезопасности (наращивание потенциала);
- международное сотрудничество в области кибербезопасности (сотрудничество).

Статистические данные, определяющие глобальный индекс кибербезопасности по странам, представлены за 2017 год (см. Таблицу 2).

Таблица 2

Глобальный индекс кибербезопасности, 2017

Страна	Индекс	Место в мире
Соединённое Королевство	0.931	1
Соединенные Штаты Америки	0.926	2
Франция	0.918	3
Литва	0.908	4
Эстония	0.905	5
Сингапур	0.898	6
Испания	0.896	7
Малайзия	0.893	8
Канада	0.892	9
Норвегия	0.892	9
Австралия	0.890	10
Китай	0.828	27

Примечание - Источник: собственная разработка [5].

Индекс развития электронного правительства (E-Government Development Index) представляется Департаментом Организации Объединенных Наций по экономическим и социальным вопросам. Электронный индекс развития государственного управления является составным показателем, который состоит из трех индексов (индекс онлайн услуг, индекс электросвязи и индекс человеческого капитала), которые имеют одинаковый вес и охватывают широкий спектр тем, имеющих отношение к электронному правительству (см. Таблицу 3).

Таблица 3

Индекс развития электронного правительства, 2020

Страна	Место в рейтинге	Рейтинг
Дания	1	0,9758
Республика Корея	2	0,9560
Эстония	3	0,9473
Финляндия	4	0,9452
Австралия	5	0,9432
Швеция	6	0,9365
Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии	7	0,9358
Новая Зеландия	8	0,9339
Соединенные Штаты Америки	9	0,9297
Нидерланды	10	0,9228
Китай	45	0.7948

Примечание - Источник: собственная разработка [8].

Можно выделить следующие направления развития отрасли ИКТ в Китае.

- 1) В 2020 году искусственный интеллект все еще остается самой

горячей инвестиционной областью, но объемы инвестиций и финансирования, а также количество смежных подсекторов в китайской технологической промышленности снизились. Продолжает углубляться понимание рынком капитала таких областей, как искусственный интеллект, облачные вычисления, блок-цепочка и Интернет вещей. Инвестиционная философия становится все более зрелой и рациональной. Сложность финансирования стартапов в начале 2021 года будет продолжать расти.

2) 5G принесет огромную экономическую отдачу, а сфера коммерческих услуг будет расширяться. В центре внимания 5G-приложений будут мультимедийные облака, интеллектуальные медицинские, промышленные Интернет и Интернет-транспортные средства.

3) Данные IoT будут первоначально анализироваться на границе сети, и предприятия увеличат свои инвестиции в шлюзы IoT для сбора и обработки пограничных данных.

4) В 2020 году мировые гиганты чипов будут активно развивать рынок терминальных и периферийных вычислительных мощностей и использовать "облачное" решение для привлечения большего количества клиентов.

5) Китайская отрасль блок-цепочки в основном сформировалась благодаря участию предприятий на базовом уровне, техническом уровне и уровне приложений. Ускорение исследований и разработок в области технологий блок-цепочки и отраслевых приложений ускорится, а сочетание блок-цепочки и облачных вычислений позволит эффективно снизить затраты предприятий на развертывание блок-цепочки.

Такие технологии, как 5G, IoT, Edge Computing, Blockchain принесут огромные экономические результаты. 5G создаст более 12 триллионов долларов США в мире, а Китай станет ведущим рынком для 5G во всем мире. По данным IHS Markit, в 2020-2035 годах, 5G создаст более 12 триллионов долларов в глобальной экономике, а глобальные инвестиции в цепочку 5G (включая сетевые операции, OEM-терминалы, контент и разработку приложений, основные технологии и компоненты, инфраструктуру и т.д. ...) составят 3,5 триллиона долларов США, из которых Китай составляет около 30% и, как ожидается, будет лидировать на мировом рынке 5G.

Согласно дорожной карте ключевых направлений "Сделано в Китае до 2025 года", интегральные схемы и специальное оборудование, информационно-коммуникационное оборудование, операционные системы и промышленное программное обеспечение, а также интеллектуальное производственное ядро информационного оборудования в будущем станут четырьмя основными подсекторами, которые в будущем

станут ключевыми направлениями средне- и долгосрочного промышленного развития Китая. Ожидается, что наступает золотой период развития в рамках 13-й пятилетки. В соответствии с текущим уровнем развития промышленности и рыночным спросом, дорожная карта дополнительно определяет приоритеты развития вышеуказанных подразделений. Среди них интегральные микросхемы и специальное оборудование, включающие в себя четыре ключевых пункта: проектирование интегральных микросхем, производство интегральных микросхем, упаковка интегральных микросхем, упаковочное оборудование и материалы. Оборудование для передачи информации включает в себя три ключевых пункта: беспроводная мобильная связь, сеть нового поколения, высокопроизводительные компьютеры и серверы. Операционная система и промышленное программное обеспечение включает в себя промышленную операционную систему и прикладное программное обеспечение, промышленную большую платформу данных, интеллектуальное промышленное облако и основное производственное программное обеспечение, промышленное прикладное программное обеспечение в ключевых областях. Интеллектуальное производственное основное информационное оборудование включает в себя интеллектуальное производственное основное коммуникационное оборудование, новые промышленные датчики, интеллектуальную систему управления производством, производство IoT-оборудования, контрольно-измерительного и испытательного оборудования, производство оборудования для обеспечения информационной безопасности. Кроме того, дорожная карта также конкретно определяет более 50 видов технологий и материалов для соответствующего оборудования, что в будущем должно стать прорывом в четырех основных подсекторах [7].

В настоящее время количество пользователей Интернета в Китае, объем розничных интернет-транзакций и масштабы производства электронных информационных продуктов заняли первое место в мире, а ряд информационно-технологических компаний и интернет-компаний продвинулись на передовые позиции в мире, сформировав относительно полноценную отрасль информационных систем. Продолжает углубляться использование информационных технологий, появляется "Интернет+", ускоряются темпы трансформации экономических и социальных цифровых сетей, растет положительная энергетика киберпространства, все более заметной становится ведущая роль информатизации в общем построении модернизации.

В то же время развитие информатизации в Китае также имеет относительно серьезные проблемы, главным образом из-за того, что базовые технологии и оборудование ограничены людьми, развитие и исполь-

зование информационных ресурсов недостаточны, популярность информационной инфраструктуры низка, разрыв между регионами и городской и сельской местностью очевиден, а сетевая безопасность сталкивается с серьезными проблемами.

С появлением 5G, Интернета вещей и других приложений, современные вычислительные системы будут пользоваться большим спросом. Блокчейн технологии будут продвигать китайский рынок от эпохи промышленной экономики к информационной экономике, экономике знаний и умной экономике. С развитием технологии блокчейн капитал начал концентрироваться на исследованиях и разработках в области отраслевых приложений, а также внес свой вклад в "умные" контракты, цепочку поставок, Интернет вещей, лечение, аутентификацию личности, данные и хранение данных. В настоящее время в Китае в основном сформирована отрасль блокчейн, и предприятия вовлечены в развитие базового уровня, технического уровня и уровня приложений.

Новые технологии и промышленная интеграция продолжают углубляться, оптимизировать структуру промышленности и стимулировать новый импульс для промышленного роста.

С углубленным развитием Internet появляются новые продукты, новые форматы и новые модели, основанные на мобильном Интернете и Интернете вещей.

Стремительное развитие мобильного Интернета и информационных технологий способствовало развитию Интернета от потребительского к промышленному. Комплексное применение информационных технологий, таких как Интернет, мобильный Интернет, большие данные, облачные вычисления, искусственный интеллект и Интернет вещей в реальном секторе экономики будет способствовать информатизации и цифровому обновлению различных отраслей промышленности, и в то же время, применение и развитие новых технологий отраслей промышленности.

Промышленный Интернет представляет собой глубокую интеграцию и применение технологий в физической индустрии, что может повысить точность и эффективность производственной и операционной деятельности, а также способствовать повышению эффективности и преимуществ в отрасли. Благодаря стремительному развитию цифровых технологий, производственных услуг, сервиса, сельского хозяйства, животноводства и др. Все полагаются на облачные сервисы, анализ больших объемов данных и интеллектуальные технологии, которые привносят новые возможности. Углубление интеграции информационных технологий и промышленности ускоряет развитие цифровой, интеллектуальной и сетевой реальной экономики и оптимизирует разделение труда

в производственной цепочке.

5G является ключевой технологией и инфраструктурой, которая позволит реализовать большее количество сценариев. 5G обеспечит платформу для построения технологических систем, таких как "Интернет вещей" и искусственный интеллект, а также предоставит поддержку для трансграничной интеграции и разработки межотраслевых приложений. 5G использует открытую архитектуру, и в будущем 5G будет более индустриализованной, включая приложения для сцен, в том числе для Интернета транспортных средств, Интернета вещей, промышленного Интернета и т.д., и будет активно развиваться.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Jorgenson, D.W.: Information technology and the U.S. economy. Am. Econ. Rev. 91(1), 1-32 (2001)
2. The new digital economy. How it will transform business. <http://www.citibank.com/transactionsservices/home/docs/thenewdigitaleconomy.pdf> (2011).
3. Rifkin, J.: The third industrial revolution: how lateral power is transforming energy, the economy, and the world. Palgrave Macmillan, New York (2011)
4. ICT Development Index https://www.itu.int/en/ITU-D/Statistics/Documents/publications/misr2017/MISR2017_Volume1.pdf . Date of access: 17.02.2021.
5. Global Cybersecurity Index (GCI) 2018 https://www.itu.int/dms_pub/itu-d/opb/str/D-STR-GCI.01-2018-PDF-E.pdf Date of access: 17.02.2021.
6. The Internet Economy in the G-20. The \$4.2 Trillion Growth Opportunity // The Boston Consulting Group [Electronic resource]. Mode of Access: <https://www.bcg.com/documents/file100409.pdf>. Date of access: 17.02.2021..
7. The Global Information Technology Report 2016: Innovating in the Digital Economy / Silja Baller, Soumitra Dutta, Bruno Lanvin. Geneva: Cornell University, INSEAD, WEF, 2017. 463 p.
8. Index of electronic government development <https://publicadministration.un.org/egovkb/en-us/data-center>

РАСШИРЕНИЕ ЭКСПОРТА ВЫСОКОТЕХНОЛОГИЧНОЙ ПРОДУКЦИИ – ПОЛИТИКА И ПОСЛЕДСТВИЯ КИТАЯ

Вэй Вэнь

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 2200030, г. Минск, Беларусь, 787083595@qq.com*

Оборот внешней торговли Китая в последние годы продолжает расти, но прибыль от экспорта продукции остается низкой. Увеличение экспорта высокотехнологичной продукции является тенденцией развития внешней торговли Китая. Китайское правительство осуществило ряд системных корректировок и мер политической поддержки. Результаты показывают, что сравнительные преимущества Китая в обла-

сти материалов, машин, электроники и других отраслей промышленности улучшились. Однако Китай также сталкивается с трудностями в преобразовании предприятий, преследовании краткосрочных интересов предприятий, международных торговых конфликтах и других вопросах.

Ключевые слова: высокотехнологичные продукции; внешнеторговая стратегия.

EXPANDING EXPORTS OF HIGH-TECH PRODUCTS – CHINA'S POLICIES AND CONSEQUENCES

Wei Wen

Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus

China's foreign trade turnover has continued to grow in recent years, but the profit from exporting products remains low. The increase in exports of high-tech products is a trend in the development of China's foreign trade. The Chinese government has implemented a number of systemic adjustments and political support measures. The results show that the comparative advantage of China in the field of materials, machinery, electronics and other industries has improved. However, China also faces difficulties in transforming enterprises, the pursuit of short-term interests of enterprises, international trade conflicts and other issues.

Keywords: high-tech products; foreign trade strategy.

Экспортная торговля Китая быстро развивалась после вступления в ВТО, и общий объем экспорта товаров быстро вырос с 0,27 трлн долларов в 2001 году до 2,49 трлн долл. в 2019 году. Стремительное развитие экспортной торговли Китая обусловлено главным образом богатыми трудовыми ресурсами, что делает его сильной международной конкурентоспособностью в международном разделении трудоемкой продукции. Но после глобального финансового кризиса 2008 года модель экономического развития Китая, управляемую исключительно крупномасштабным экспортом трудоемкой продукции, неустойчивой. В этом контексте особенно важно реализовать трансформацию модели развития экспортной торговли в модель развития высокого качества и высоких технологий. Такой стратегический сдвиг должен зависеть от совершенствования технологий отечественного производства и трансформации структуры экспорта.

НИОКР, дизайн, продажи и т. д. - как часть с самой высокой добавленной стоимостью, а Китай не имел очевидных преимуществ (см. рисунок 1).

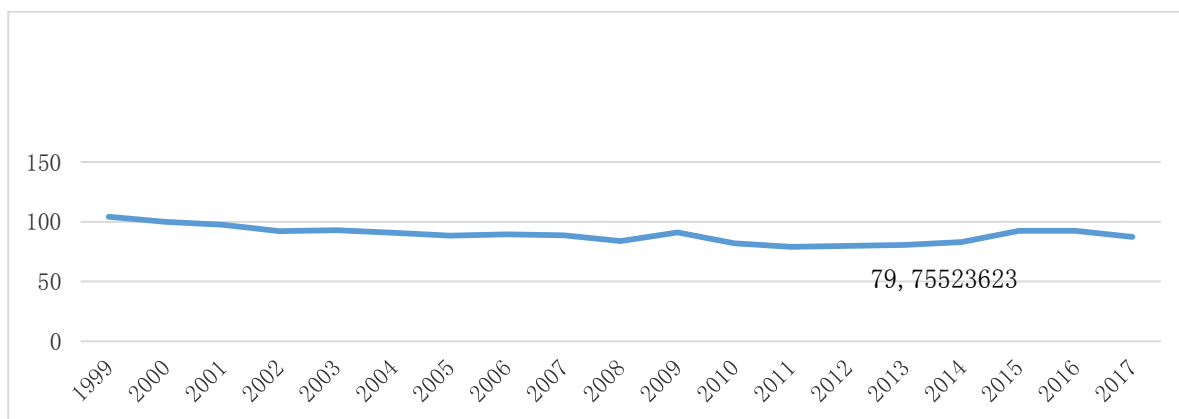

Рис. 1. – Торговое условие КНР (%)

Данные Всемирного банка (7)

Очевидным негативным эффектом является то, что компания имеет низкую прибыль и должна полагаться на низкую стоимость. В результате низких технических производительных сил это -- условия торговли в Китае снижаются до 2011 г. В 2011 г. он достиг уровня 79%.

Другой результат заключается в том, что большое количество экспорта низкоценовой продукции привело к большому количеству торговых конфликтов. В 2017 г., согласно статистике, китайские продукты столкнулись с 75 расследованиями по оказанию помощи в торговле, инициированными 21 страной и регионом. (5)

Китайские ученые провели некоторые исследования по этой проблеме, основная точка зрения которых заключается в том, что производственная экспортная технология страны в целом улучшилась, но еще не достигла уровня развитых стран; инфраструктура Китая значительно улучшила экспортный товарный технологический уровень. Увеличение доли студентов колледжей и доли расходов на НИОКР сыграло положительную роль в техническом уровне экспортных товаров.

В рамках Национальной политики в данной статье всесторонне анализируются усилия Китая по содействию совершенствованию науки и техники, улучшению структуры экспорта.

1. Инвестиции

Производство и НИОКР высокотехнологичной продукции в значительной степени зависят от капиталовложений (см. рисунок 2).

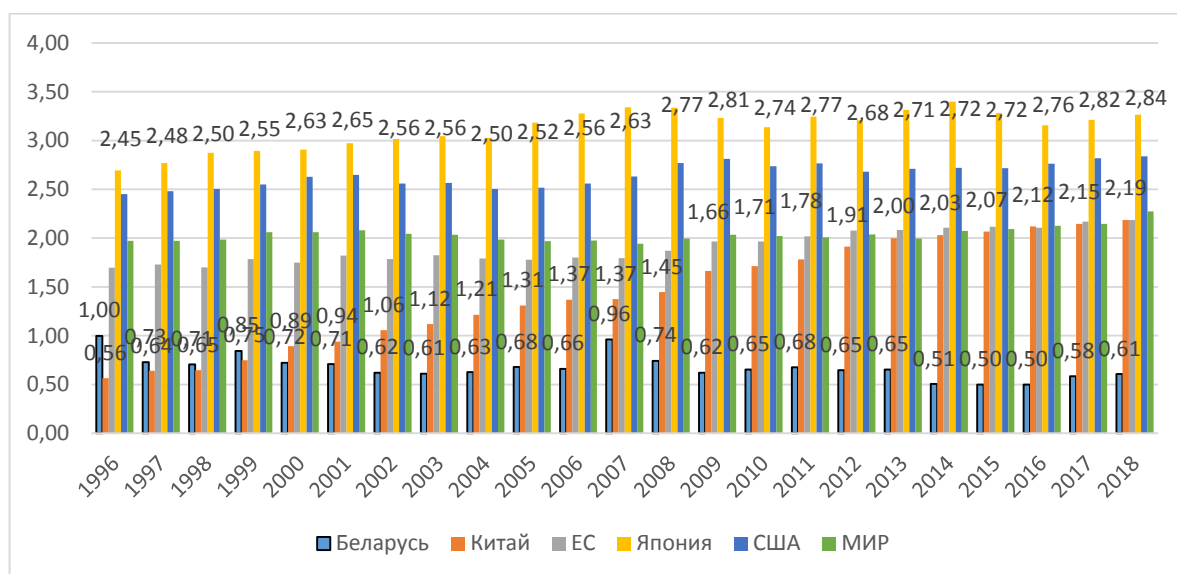

Рис. 2. – Доля Расходов на НИОКР в ППВ (%)

(Данные Всемирного банка) (7)

Инвестиции Китая в научные исследования значительно возросли с 2010 года, но все еще недостаточны по сравнению с Соединенными Штатами и Японией. Среднемировые инвестиции в 2018 году составили 2,27% по сравнению с 2,19% в Китае, что близко к среднемировому показателю. Но, учитывая разрыв в ВВП, между Китаем и Соединенными Штатами все еще существует огромный разрыв в инвестициях в исследования.

Помимо внутренних инвестиций, важным источником инвестиций являются также прямые иностранные инвестиции. В 2010 г. Китай использовал прямые иностранные инвестиции в размере 105,735 млн. долл. США, из которых 70% приходилось в Северную Америку, Европу и Азию (см. рисунок 3).

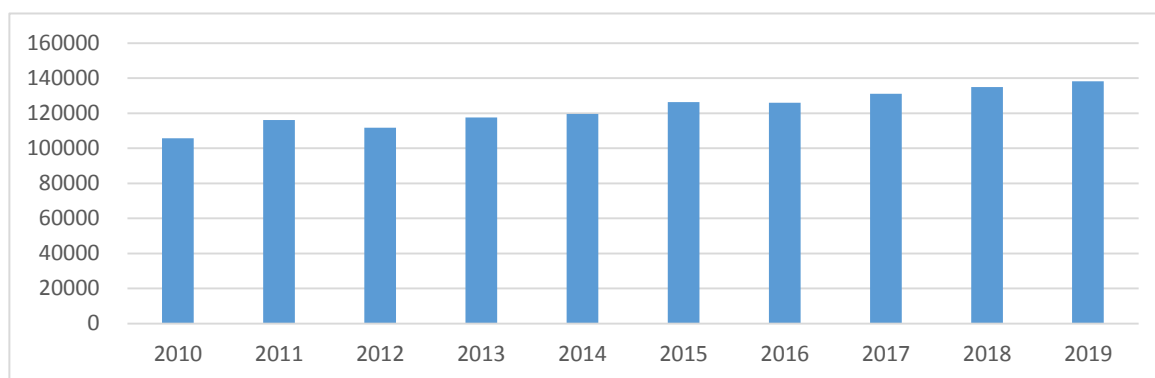

Рис. 3. – Общая Прямая инвестиция в Китай (млн.долл.США)

(Веб-сайт Дел. статистики Китая)(6)

Япония и США находятся в центре своей цепочки создания стоимости не только на мировом рынке, но и на китайском рынке.

Среди них основными источниками инвестиций Азии в материковый Китай являются Гонконг, Япония и Сингапур. Основными источниками инвестиций в Европу являются Франция, Нидерланды. Основным источником инвестиций в Северную Америку являются США. Веб-сайт Дел. статистики Китая)

2. Политики для повышения научно-технических

Чтобы решить вышеуказанную дилемму, Китай внес ряд институциональных коррективов и оказал политическую поддержку (см. Таблицу 1).

Таблица 1

Институциональные документы Китая

Основной период планирования (основной документ плана научного развития)	Ключевые планы реализации
План национального плана развития науки и техники 1978 - 1985 г.	Установить точку зрения Дэн Сяопина «Наука и техника-первая производительность». Создание 8 ключевых областей развития
План научного развития на 1986 - 2000 г.	Наука и техника должны быть ориентированы на экономическое строительство. Начало реализации плана 863 (высокотехнологичное направление), стратегии по омоложению страны с помощью науки и образования, плана «Искра» (сельскохозяйственное направление), плана скалолазания (направление фундаментальных исследований)
«Десятилетний план развития науки и техники на 1991 - 2000 г.» и «План восьмой пятилетки» и «Девятый пятилетний план национального развития науки и техники» и наброски целей видения к 2010 г.	Программа 973 (направление фундаментальных исследований), программа факела (Ориентированный на рынок и способствующий коммерциализации высокотехнологичных достижений)
План национального среднесрочного и долгосрочного плана научно-технического развития (2006 - 2020 г.)	Поддержка независимых инноваций и развития в ряде ключевых областей. (Биотехнология, информационные технологии, новые технологии материалов и т. д.). К 2020 г. доля инвестиций в исследования и разработки всего общества в ВВП увеличится до более чем 2,5%

Китай выпустил серию национальных планов развития науки и техники в 2006 г. Общей чертой серии планов было то, что погоняющими, т.е. отслеживали достижения международного научно-технического развития, и в основном сосредоточились на промышленности, особенно оборонной промышленности и аэрокосмической промышленности.

Создание ключевых областей промышленного развития Китая стало наклоняться к гражданским областям, которые могут быстро способствовать экономическому росту.

Ключевые отрасли, созданные в двенадцатой пятилетней и тринадцатой программах (см. Таблицу 2) .

Таблица 2

Двенадцатый и тринадцатый пятилетние периоды планирования Китая

Двенадцатый пятилетний период планирования	Тринадцатый пятилетний период планирования
Индустрия энергосбережения и защиты окружающей среды	Индустрия энергосбережения и защиты окружающей среды
Индустрия информационных технологий нового поколения	Индустрия информационных технологий нового поколения
Биологическая промышленность	Биологическая промышленность
Производство высококачественного оборудования	Производство высококачественного оборудования
Новая энергетическая промышленность	Новая энергетическая промышленность
Индустрия новых материалов	Индустрия новых материалов
Новая энергетическая Автомобильная промышленность	Новая энергетическая Автомобильная промышленность
	Цифровая креативная индустрия

(8)

Автомобильная промышленность по-прежнему является ключевой отраслью в Китае. На основе продолжения сосредоточения внимания на оборонных технологиях в прошлом промышленное развитие Китая стало сильно наклоняться к гражданскому. Например, добавлены Энергосбережение и защита окружающей среды, а также информационные технологии. Особенно в течение тринадцатого пятилетнего периода были добавлены культурные направления-цифровые креативные отрасли. Это показывает, что Китай начал подчеркивать развитие индустрии культуры и демонстрирует более позитивное отношение к внешней торговле.

2. Эффекты планов и поддержки.

Правительство Китая оказало значительную финансовую поддержку в поддержке развития науки и техники и достигло значительных результатов (см. рисунки 4-6).

Рис. 4. – Расходы на исследования и эксперименты, Китай

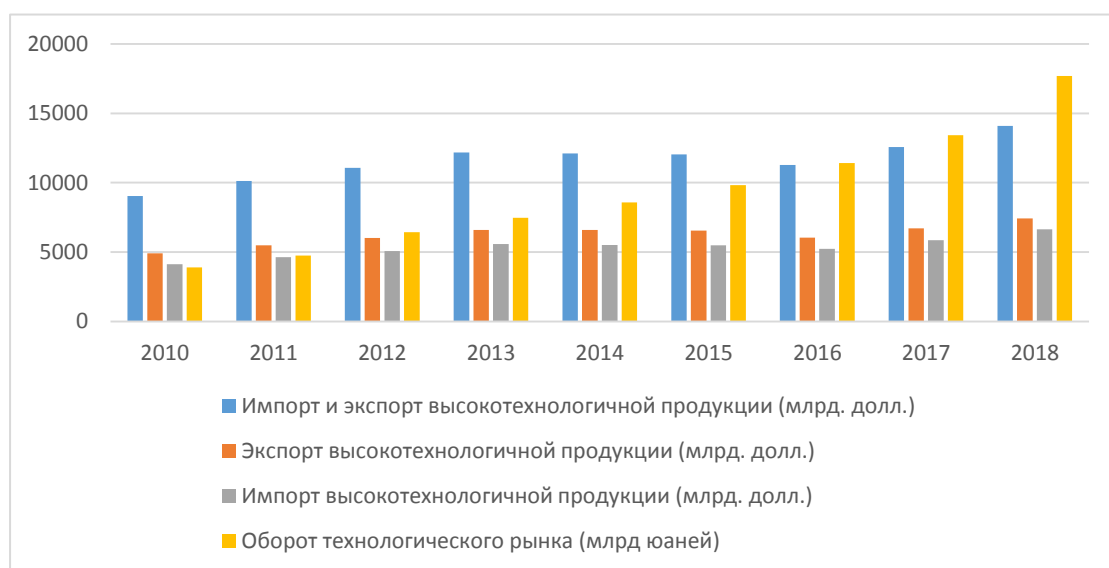

Рис. 5. – Технологическая торговля Китая

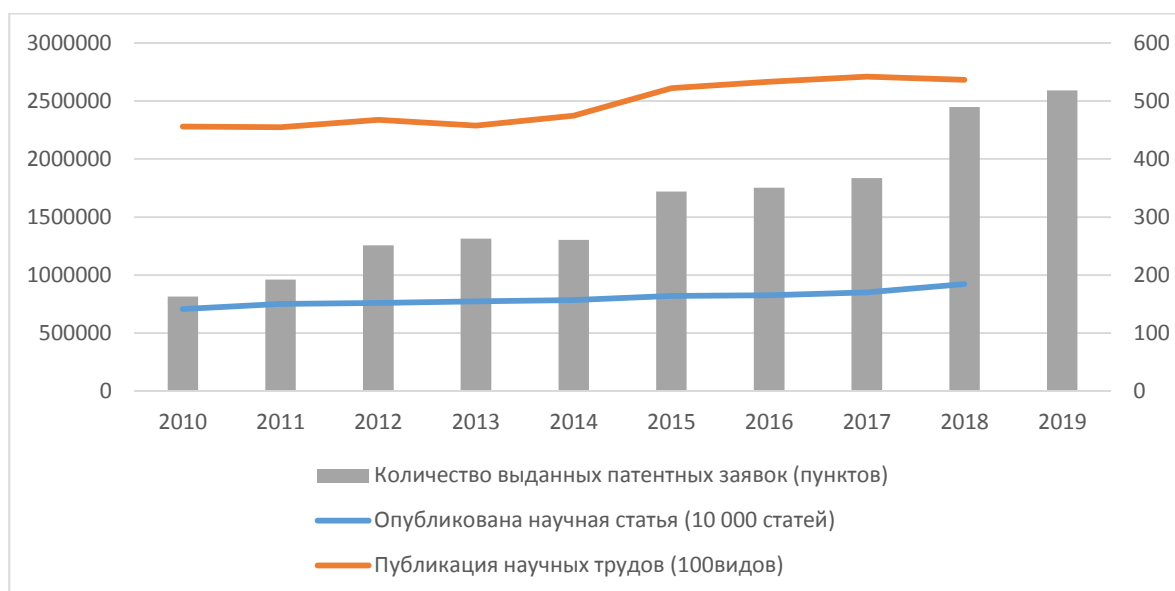

Рис. 6. – Научные результаты Китая

Политическая поддержка, большой объем капиталовложений и увеличение результатов научных исследований привели к увеличению экспорта высокотехнологичной продукции и улучшению сравнительных преимуществ (см. Рисунок 7).

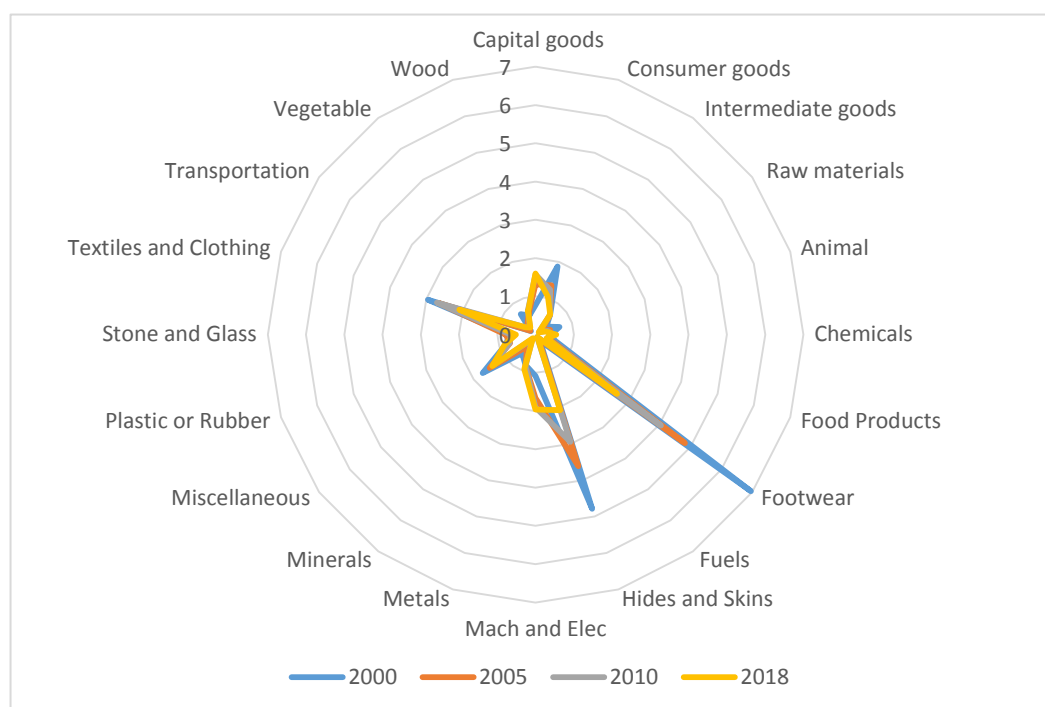

Рис. 7. – Моделирование торговой политики WITS, Китай

Вывод. Улучшение науки и техники означает значительные изменения в производственной структуре Китая и структуре внешней торговли.

1. Существует сильная корреляция между инвестициями Китая в НИОКР и экспортом высокотехнологичной продукции. Непосредственный коэффициент корреляции составляет 0,881, и инвестиции Китая в НИОКР играют огромную роль в продвижении технологий производства и экспорта Китая. Если вычислить зависимость между инвестициями в НИОКР и экспортом на следующем этапе, то коэффициент корреляции снизится до 0,768. Такие изменения говорят о том, что Китай теперь стремится вкладывать значительные средства в практические исследования, которые могут быстро принести результат.

2. Китай сформировал зависимость от прошлого путь развития. Новый этап трансформации поставил перед китайскими предприятиями и правительствами проблемы. Предприятиям необходимо перейти от имитационных инноваций к полностью независимым инновациям.

3. Развитие науки и техники и структурные преобразования означают положительный конфликт с США в центре цепочки создания стоимости. Конкуренция, особенно в области высокотехнологичных стандартов, связана с ядром следующего этапа развития. Конкуренция в Китае и США будет становиться все более жесткой. В настоящее время Соединенные Штаты ввели санкции против Huawei в Китае вокруг технологии 5g. Китай также начал контратаку против США.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Dani Rodrik. What's So Special about China's Exports[J]. China and World

Economy, 2006, (14) : 1-19.

2. 黄永明, 张文洁 . 中国出口复杂度的测度与影响因素分析 [J]. 世界经济研究, 2011, (2) : 59

3. 戴 翔. 中国服务贸易出口技术复杂度变迁及国际比较[J]. 中国软科学, 2012, (2) : 52-59.

4. Kaplinsky R. (2013) Global Value Chains: Where They Came From, Where They Are Going and Why This Is Important. IDK Working Paper No 68. Milton Keynes, UK: The Open University

5. [Электронный ресурс] 商务部 : 2018年中国面临贸易摩擦总体形势或依然严峻 <http://finance.people.com.cn/n1/2018/0125/c1004-29787283.html>– Дата доступа: 10.01.2020

6. Дел статистики Китая [Электронный ресурс]: <http://www.stats.gov.cn/> (дата обращения: 10.01.2020)

7. Данные Всемирного банка [Электронный ресурс] : <https://data.worldbank.org.cn/> (дата обращения: 10.01.2020).

8. [Электронный ресурс]//国务院关于印发“十二五”国家战略性新兴产业发展规划的通知-- Режим доступа: [/http://www.gov.cn/zwggk/2012-07/20/content_2187770.htm](http://www.gov.cn/zwggk/2012-07/20/content_2187770.htm) (дада обращения: 10.01.2020).

9. WITS Веб-сайт [Электронный ресурс]: <https://wits.worldbank.org/> (дата обращения: 10.01.2020).

МАЛЫЙ И СРЕДНИЙ БИЗНЕС В КНР В КОНТЕКСТЕ РЕАЛИЗАЦИИ ИНИЦИАТИВЫ «ОДИН ПОЯС, ОДИН ПУТЬ»

Вэй Цзэчжень

*Белорусский государственный университет
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, weizezhen@mail.ru*

В статье рассматриваются подходы к определению предприятий малого и среднего бизнеса в Китае, современные тенденции и приоритеты Китая в развитии малого и среднего бизнеса, раскрываются сильные и слабые стороны трансграничной электронной коммерции с участием предприятий малого и среднего бизнеса. На этой основе выдвигаются предложения по развитию внешнеэкономического сотрудничества КНР и Республики Беларусь на уровне малого и среднего бизнеса.

Ключевые слова: малый и средний бизнес; Китай; инициатива «Один пояс, Один путь»; внешняя торговля; цифровизация; электронная коммерция; экономическое сотрудничество; Республика Беларусь.

SMALL AND MIDSIZE BUSINESSES IN PRC IN THE CONTEXT OF IMPLEMENTATION OF THE "ONE BELT, ONE WAY" INITIATIVE

Wei Zezhen

Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus

The article discusses approaches to the definition of small and medium-sized businesses in China, current trends and priorities of China in the development of small and medium-sized businesses, reveals the strengths and weaknesses of cross-border e-commerce with the participation of small and medium-sized businesses. On this basis, proposals are put forward for the development of foreign economic cooperation between the PRC and the Republic of Belarus at the level of small and medium-sized businesses.

Keywords: small and midsize business; China, Belt and Road Initiative; foreign trade; digitalization; e-commerce; economic cooperation; the Republic of Belarus.

Малый и средний бизнес обеспечивает КНР не только рабочие места, но и прорыв в инновационной сфере, позволяющий интегрироваться стране в глобальную мировую экономику, иметь лидирующие позиции на международном рынке, расширять экспорт своих товаров и увеличивать богатство государства. Поэтому правительство Китая уделяет серьезное внимание развитию инновационного предпринимательства. Причем развивать свой бизнес в стране и достаточно хорошо зарабатывать могут не только местные, но и зарубежные предприниматели.

Следует отметить, что китайское правительство уделяет серьезное внимание развитию малого и среднего предпринимательства в стране, поскольку данный сектор играет заметную роль в экономике КНР, создает значительное количество рабочих мест, а также активно вовлечен в процесс освоения инновационных технологий и производства высокотехнологичной продукции.

На сегодняшний день 70% среди малых и средних предприятий составляют микропредприятия, 25 % – малые предприятия и только 5% – средние компании. Роль этих компаний в экономике современного Китая иллюстрируют данные таблицы.

Таблица

Показатели развития малого и среднего бизнеса КНР в 2019 г. (в процентах)

Показатель	Значение
Доля малого и среднего бизнеса в общем объеме хозяйствующих субъектов	99,2
Доля малого и среднего бизнеса в ВВП	60,0
Доля малого и среднего бизнеса в высокотехнологичном производстве	82,6
Доля малых и средних предприятий в общем числе зарегистрированных патентов	70,0
Доля малого и среднего бизнеса в общем объеме экспорта страны	67,5
Удельный вес в занятом населении в городах	79,8
Доля в налоговых поступлениях в центральный бюджет	50,2
Доля в обороте потребительского рынка	60,1
Индекс деловой активности малых предприятий	44,9
Индекс деловой активности средних предприятий	49,6

Примечание – Источник: [3, с. 75]

Госсовет КНР утвердил ряд мер, нацеленных на улучшение регулирования региональных фондовых рынков для содействия финансированию малых и средних предприятий. На данный момент в Китае имеется свыше 30 региональных фондовых рынков, размещенных по всей стране. Рост площадок для получения финансирования имеет огромное значение для развития многоуровневого рынка капитала и обслуживания реальной экономики за счет содействия стартапам и стимулирования инноваций [2, с. 164].

Малый и средний бизнес Китае широко представлен в сфере электронного бизнеса. Количество и частота деловых операций растут из года в год, и государство начинает принимать активные меры по регулированию и поддержанию этой перспективной сферы.

21 ноября 2018 г. премьер Государственного совета КНР Ли Кэцян анонсировал ряд изменений, которые способствуют расширению границ трансграничной электронной торговли в Китае. Одним из самых важных изменений стало увеличение порога ограничения на покупки: согласно новым условиям, этот порог возрос до 5000 юаней за операцию и до 26 000 юаней за год на одного человека. Ранее этот порог составлял 2000 юаней за сделку и 20 000 юаней за год [10].

Начиная с 1 января 2019 г., в Китае действует закон о регулировании электронной торговли, который требует от индивидуальных предпринимателей наличия разрешений на ведение деловой деятельности, а также подачу налоговых деклараций.

Если провести анализ нововведений правительства Китая в сфере электронной торговли, то можно сделать следующий вывод: правительство продолжит занижать тарифы и снимать ограничения для компаний, вовлеченных в трансграничную электронную торговлю с Китаем.

Актуальной проблемой для малого и среднего бизнеса в сфере электронной торговли остается разработка стратегий маркетинга, поэтому в ближайшем будущем в данном секторе возможно появление новых и эффективных решений для данного бизнеса. Очевидно, что компании должны продумывать свою стратегию продвижения товара для выделения себя на фоне конкурентов. Чтобы продукция удачно заняла свои позиции на высококонкурентном рынке, компаниям придется креативно подходить к ведению бизнеса для создания прочных связей с клиентами и построения у них верности [6].

Новый действующий закон Китая в сфере электронной коммерции от 1 января 2019 г. заставляет индивидуальных предпринимателей на площадках WeChat и Taobao получать разрешение на торговлю и заполнять налоговые декларации.

Исследуя организацию электронной коммерции Китая, важно понимать влияние электронных платформ на участников торговли. Огромные платформы электронной торговли, такие как Tmall Global, JD Worldwide и Netease Kaola, приобретают собственный перечень товаров напрямую от торговых марок и хранят их в приписных таможенных складах близ Китая. Это значит, что Tmall Global может предоставить заниженные цены, быструю доставку и качественное обслуживание клиентов. Однако розничный малый и средний бизнес, продающий эти же бренды на этих платформах, будут испытывать трудности, соперничая с ценами, качеством доставки и прочими предоставляемыми услугами крупных компаний, в том числе и самих электронных платформ. Данная ситуация может задать новый тренд для более мелких игроков: вместо крупнейших электронных платформ они могут выбрать запуск своих собственных независимых сайтов.

Среда электронной торговли становится более конкурентной, так как Alibaba и JD могут предоставить более низкие цены, более широкий ассортимент продукции и её быструю доставку относительно более слабых конкурентов. Маленькие игроки заключают партнёрство с Alibaba и JD, потому что у них выше оперативный потенциал (логистика). Alibaba и JD в свою очередь соглашаются на партнерство с малыми платформами, поскольку они узкоспециализированы и эффективнее осуществляют маркетинговую стратегию для привлечения определенной аудитории. Так Little Red Book участвует в доставке продуктов Taobao, а Farfetch сотрудничает с JD.com [5]. Ожидается, что Alibaba и JD.com привлекут

больше инвестиций в пространство электронной торговли, так как ее рост замедлился, и компании ищут пути его ускорения. В ближайшем будущем маркетинговые платформы, такие, как Tmall Global, JD Worldwide и Netease Kaola, откроют больше физических магазинов трансграничной электронной торговли.

Для малоизвестных брендов магазины приложения WeChat являются эффективным путем продвижения присутствия Китая в электронной торговле без значительных переделов на торговых площадках или создания официального вебсайта на китайском языке. Магазины подобного типа могут быть использованы крупными брендами для различных целей, таких как: запуск ограниченных коллекций, прямая трансляция по обучению нанесению макияжа, либо проектирования креативных игр [7].

Малые бренды за границей смогут войти на рынок электронной коммерции Китая через мини-программы WeChat, а крупные игроки могут проектировать сложные маркетинговые кампании, чтобы выделяться среди конкурентов. Таким образом, каждый участник вне зависимости от размаха бизнеса сможет использовать инструменты электронной торговли для улучшения своих позиций на рынке.

В период до 2025 г. национальная программа экономического развития малого и среднего бизнеса будет сосредоточена на 11 отраслях, среди которых ключевыми являются телекоммуникации и информационные технологии. Современная индустриализация китайской промышленности должна перейти от ресурсоемкой экономики к наукоемкой и высокотехнологичной продукции, основанной на экологически чистых технологиях. Китайские экономисты выдвинули задачи, согласно которым к 2050 г. современное общество должно стоять на одном уровне с развитыми странами на научно-техническом, интеллектуальном и информационном сферах. Важная роль в решении этой задачи принадлежит малым и средним предприятиям.

Перспективные формы сотрудничества компаний малого и среднего бизнеса КНР и Беларуси связаны с цифровизацией. Цифровая трансформация субъектов малого и среднего бизнеса Китая и Беларуси может начинаться с модернизации ИТ-инфраструктуры, повышения информационной мобильности, использования технологий для аналитики в реальном времени и работы с большими данными. Другим способом цифровизации малого и среднего бизнеса Китая и Беларуси и вовлечения его в цифровую экономику является производство цифровых продуктов и их реализация на рынке. Малый и средний бизнес Китая и Беларуси может активно участвовать в совместном производстве следующих инновационно-цифровых технологий:

- технологии беспроводной связи: разработка устройств и приложений «Интернета вещей», разработка различных приложений для смартфонов и других устройств;
- технологии виртуальной и дополненной реальности: разработка программного обеспечения для виртуальной и дополненной реальности, разработка и производство устройств для взаимодействия с виртуальной и дополненной реальностью (очки, шлемы и др.);
- разработка и производство чипов, датчиков, процессоров, необходимых для развития цифровых технологий;
- разработка новых робототехнических и сенсорных систем для промышленного применения;
- дизайн и проектирование изделий для цифрового пространства;
- разработка новых направлений для применения искусственного интеллекта;
- разработка программного обеспечения для квантовых систем;
- цифровой дизайн и конструирование и др. [1, с. 526]

Одним из вариантов сотрудничества малого и среднего бизнеса Китая и Беларуси в сфере выпуска цифровых технологий являются так называемые производственные лаборатории (Fab Lab). Оборудование цифровых производственных лабораторий преимущественно состоит из фрезерного станка для раскроя листового материала и различных 3D-принтеров, использующих в качестве сырья пластик или металл. Результатом производственного процесса такой лаборатории является создание чертежа будущего изделия в виде стандартного файла. Стандартизация проектов обеспечивает совместимость и возможность широкого распространения даже за пределы страны, а использование современного оборудования позволяет повысить точность и качество готовых изделий.

Появление и распространение цифровых производственных лабораторий способствует развитию новой сферы деятельности малого и среднего бизнеса – торговле цифровыми моделями вещей, пригодными для воспроизведения на типовом наборе цифровых станков. Каждая цифровая производственная лаборатория создает вокруг себя дополнительные возможности для развития малого бизнеса в области дизайна и конструирования, а рынок цифровых моделей носит транснациональный характер, что обеспечивает большую емкость и возможности для развития малого и среднего бизнеса Китая и Беларуси.

Таким образом, цифровизация экономики открывает перед малым и средним бизнесом новые возможности и перспективы. Использование цифровых технологий позволяет субъектам малого и среднего бизнеса снизить издержки, повысить эффективность и конкурентоспособность предприятия, осуществлять выпуск новых видов продуктов, занимая определенные ниши на рынке цифровых товаров и услуг. Наряду с воз-

никающими перспективами появляются и новые проблемы, связанные не только с поиском инвестиций, но и формированием новых компетенций субъектов малого бизнеса, позволяющих успешно ориентироваться в условиях цифровой трансформации. Кроме того, использование цифровых технологий приводит к усилению конкуренции не только со стороны отечественных, но и зарубежных участников рынка.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Новосельцева Г.Б. Перспективы малого бизнеса в цифровой экономике // Вопросы инновационной экономики. 2020. № 1. С. 521-532.
2. Мурыгина Л.С. Государственное регулирование малого бизнеса в Китае // ADVANCED SCIENCE: статья в сбор. М., 2020. С. 163-166.
3. Обзор экономики Китая [Электронный ресурс]. URL: http://www.ved.gov.ru/exportcountries/cn/about_cn/eco_cn/ (дата обращения: 15.01.2021).
4. Юрова, Н.В. Развитие торгово-экономического сотрудничества Китая и Беларуси в рамках инициативы «Один пояс, Один путь» [коллективная монография] // Шухун Го, Г.В. Турбан, Н.В. Юрова. Пекин: Social sciences academic press (China), 2020. 239 с.
5. Юрова Н.В., Цзяхуэй Я. Перспективы сотрудничества КНР и ЕАЭС в области цифровой экономики. Цифровая трансформация. 2019;(3):5-16. <https://doi.org/10.38086/2522-9613-2019-3-5-16>
6. Pan, Yiling. WeChat Uses Mini-Programs to Enter Livestream Shopping Arena. 20 May 2018. Jing Daily. 11 Dec 2018 [Электронный ресурс]. URL: : <https://jingdaily.com/wechat-livestreaming-mini-program/> (дата обращения: 15.01.2021).
7. Pan, Yiling. In an Industry First, Dior Beauty Debuts Livestreaming Sales on WeChat. 16 2018 Jing Daily 2018 [Электронный ресурс]. URL: : <https://jingdaily.com/diorlivestreaming-wechat/> (дата обращения: 15.01.2021).
8. 跨境进口政策来了 · 重大利好！ 年度2.6万，单笔5000元，37个城市. 2018. 跨境进口 老歪. 2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://mp.weixin.qq.com/s/0XmkmY6cT0lznU8Dox-9Rw> (дата обращения: 15.01.2021).
9. 京东物流首家跨境体验中心落户重庆 现场体验可扫码下单. 2018. 华龙网 2018 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cq.chinanews.com/zone/2018/1130/2534.html> (дата обращения: 15.01.2021).

ЭВОЛЮЦИЯ ПОНЯТИЯ «ИМИДЖ» И ЕГО ВСТРАИВАНИЕ В МАРКЕТИНГОВУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КОМПАНИЙ

Д. И. Гальцова¹⁾, И. А. Добромудрова²⁾

¹⁾Институт Бизнеса БГУ, ул. Московская 5, 220007, г. Минск, Беларусь,
darya.galtsova.00@mail.ru.

²⁾Институт Бизнеса БГУ, ул. Московская 5, 220007, г. Минск, Беларусь,
ism.54.72.04@gmail.com.

В научной работе представлен анализ понятия «имидж», изучаемого и разрабатываемого исследователями из стран дальнего зарубежья и постсоветского про-

странства, дана оценка сущности и полноты определений авторов, отражена взаимосвязь имиджа и маркетинговой деятельности компании. На основании проведенного анализа авторами предпринята попытка определить необходимость и актуальность использования имиджа в работе компаний, и в частности, в маркетинговой деятельности.

Ключевые слова: имидж; образ; репутация; имиджелогия; маркетинг компании.

EVOLUTION OF THE CONCEPT "IMAGE" AND ITS INTEGRATION INTO MARKETING ACTIVITIES OF COMPANIES

D. I. Galtsova^a, I. A. Dobromudrova^b

^aInstitute of Business BSU, st. Moskovskaya 5, 220007, Minsk, Belarus,

*^bInstitute of Business BSU, st. Moskovskaya 5, 220007, Minsk, Belarus,
Corresponding author: D.I. Galtsova (darya.galtsova.00@mail.ru)*

The scientific work presents an analysis of the concept of "image" of domestic and foreign authors and gives an assessment of the completeness and correctness of their definitions, as well as the relationship between the image and marketing activities of the company. On the basis of the analysis carried out, the authors made an attempt to formulate their own definition of the concept of "image", to the greatest extent reflecting its features and key characteristics in relation to marketing activities.

Keywords: image; image; reputation; imageology; marketing of the companie.

В сегодняшнем мире преобладания массового предложения и изменчивых моделей потребления, компании привлекают к себе внимание различными способами: «идут в ногу» с новыми трендами, внедряют актуальные модные технологии для привлечения внимания покупателей, максимально используют выгоды цифровизации. Но, не смотря на все усилия производителей и продавцов, проблема формирования устойчивого потребительского сегмента и его лояльности остается такой же насущной, как и прежде. Непросто найти новых клиентов, но удержать уже существующих - еще сложнее.

В последнее время вопросу формирования имиджа, как самостоятельной, самодостаточной «единицы» влияния на потребительскую аудиторию, профессиональное бизнес-сообщество уделяет все больше внимания. К использованию имиджа, как инструмента воздействия, прибегают во многих сферах деятельности, что объясняет наличие самых разных трактовок понятия «имидж». В данной статье будет сделана попытка интерпретировать основные и наиболее часто используемые определения и понятия имиджа, и в частности, рассмотреть понятие имиджа, формируемого для реализации и достижения маркетинговых целей компании.

Подходы к восприятию и применению категории «имидж» формировались на протяжении столетий.

Первоначально, имидж рассматривался как образ по отношению к определенной личности, с помощью которого можно было влиять на поведение окружающих эту личность людей. Аристотель - мыслитель Античности, считал, что убедить в чем-то общество можно тогда, когда добьешься его симпатии и благосклонности. Цицерон - оратор Древнего Рима, полагал изучение психологии интересов и вкусов аудитории важной деятельностью. Задача оратора, по его мнению, заключалась в том, чтобы развлечь публику, повлиять на волю и поведение людей.

История свидетельствует, что инструменты влияния на общество широко использовались при подготовке к войнам, лоббировании интересов политических и экономических кругов, торговле, сборе средств, популяризации событий и людей. Имидж всегда выступал одним из этих инструментов, но первоначально носителем имиджа выступала отдельно взятая личность.

Исследователи теории и практики имиджмейкинга и имиджелогии склоняются ко мнению, что определение «имидж» появилось в начале XX в. в США, когда возникла потребность в имиджировании. Для Соединенных Штатов Америки это было время экономического кризиса, который отразился на репутации страны, что требовало вмешательства и корректировки.

Как утверждают многие теоретики и практики имиджелогии понятие «имидж» наиболее часто употребляется для определения образа, создаваемого с целью изменения сознания и поведения людей, оказания на них определенного социально-психологического воздействия. В этой связи имидж, как инструмент влияния, часто используется политиками, публичными людьми. Имидж постепенно становится элементом теории и практики PR и прочно входит в политическую и социальную сферу.

И здесь хотелось бы привести определения категории «имидж», данные ведущими американскими специалистами в области управления, маркетинга и рекламы:

- «Имидж – это полная картинка вас, которую вы представляете другим» (Г. П. Берд) [1, с.1050],

- «Имидж – это совокупность представлений, идей и впечатлений человека об объекте, в значительной степени определяющих установки потребителя и его действия по отношению к объекту» (Ф. Котлер, К. Л. Келлер) [2, с.278].

Среди зарубежных авторов, изучавших проблематику теории и практики формирования и применения имиджа в политике, шоу-бизнесе и новом социальном пространстве, так же выделяют: Дж. Честера, А.

Мехрабиана, П. Берда, Т. Д. Свана, Ф. Дэйвиса, К. Спенсера, П. Вейла, М. Спиллейна, Э. Сэмпсона, Р. Хоффа, Дж. Шпингеля, Л. Брауна.

Работа по созданию «теории имиджа» и выработке практических подходов к ее применению параллельно с США и западными странами также велась и в России, начиная со второй половины XX века. Российские авторы интерпретируют «имидж», как образ, формирующийся искусственно и оказывающий определенное воздействие на целевую аудиторию.

Среди определений этой группы авторов, трактующих имидж в качестве образа, применительно, в первую очередь, к физическому субъекту можно выделить следующие:

- «Имидж – это мнение об объекте, возникшее в психике – сфере сознания и/или подсознания определенной группы людей на основе образа, сформированного целенаправленно или непроизвольно в психике в результате либо прямого восприятия ими тех или иных характеристик данного объекта, либо косвенного с целью возникновения аттракции» (А. Ю. Панасюк) [3, с. 259],

- «Имидж – это образ, оказывающий воздействие на кого-либо» (С. Ракитина),

- «Имидж – это символический образ субъекта, создаваемый в процессе субъект-субъектного взаимодействия» (Е. Б. Перельгина) [4, с.319],

- «Имидж - это всегда мнение об объекте, явлении, сложившееся на основе образа» (В. М. Шепель) [5, с. 70].

- «Имидж – это устойчивый образ в общественном сознании и имеющий характер стереотипа» А. В. Ульяновский [1, с. 1049].

Таким образом, можно сделать вывод, что большинство ученых и исследователей опираются на слово «образ», т.к. термин «имидж» (от англ. Image) в переводе на русский язык означает образ, облик.

Но сама сущность понятия «образ», а также практическое функционирование механизма воздействия образа на кого-либо с его помощью, не раскрывает всю сущность понятия «имидж».

Один из ведущих современных исследователей проблем имиджа и имиджелогии на пост-советском пространстве Г. Г. Почепцов, дал определение имиджу как «знаковому заменителю, отражающему основные черты человека», заменив, таким образом, в определении слово образ. В его интерпретации, при отсутствии у потребителя имиджа необходимой информации о ее носителе, потребитель заменит ее определенными знаками, тем самым создавая определенный образ.

А. А. Бодалев и Л. Г. Лаптев, развивая тему связи имиджа с образом, считают, что категория «имидж» отличается от традиционной

трактовки «образа» и относится к области социального познания. С другой стороны, те же авторы отмечают, что имидж функционирует как образ-представление, в котором соединяются внешние и внутренние характеристики объекта.

Иногда имидж рассматривают в общем контексте с репутацией, в силу того, что по определению - репутация и есть образ, который выстраивает аудитория о субъекте. Г. Г. Почепцов, например, в ряде ситуаций, где мы реагируем именно на имидж, а не на реальность, выделяет имидж-репутацию, на который мы опираемся при обращении к сферам, в которых не обладаем полнотой информации о компании или не понимаем ее значение. Например, молодые родители не в состоянии определить, какие товары для детей более качественные, натуральные, не навредят ребенку, так как не знакомы с универсальным составом компонентов или механизмов, подходящих для каждого, поэтому они формируют самостоятельный образ «более качественного/лучшего бренда» под воздействием СМИ.

Репутация включает в себя оценку объекта, аудитория выстраивает свое мнение и определяет, является ли репутация хорошей или плохой. На репутацию больше всего влияет правда о действиях субъекта, в то время как имидж больше зависит от восприятия и оценки людьми информации, которую предоставляет субъект, что и является основным отличием имиджа от репутации, по мнению А. В. Ульяновского.

Понятие «имидж» является более широким понятием, чем репутация. Но, имидж часто определяют и сравнивают с понятием стереотип или стереотипный образ, что больше по определению подходит к репутации. Например, если рассмотреть компанию в отдельной стране, очень важна репутация, тот самый стереотипный образ, который существует у потребителей. Когда же компания выходит на международный рынок, она не может подкрепить свои действия репутацией сразу, с первого момента присутствия на новом рынке, и необходимость использования имиджа приобретает особую актуальность.

В XX веке международное бизнес-сообщество пришло к осознанию того, что компании также нуждаются в хорошо разработанном имидже, который бы помогал укреплять конкурентные позиции на рынках сбыта. Это понимание стало отправной точкой формирования маркетингового подхода к разработке и использованию имиджа.

Новый эволюционный виток развития имиджологии, как науки об имидже, связан с использованием имиджа в коммерческой и некоммерческой сфере организаций. Управляя имиджем, необходимо оказывать влияние на чувства, мнения, мысли и образные представления потребителей и общественных и социальных групп.

Наиболее удачно изложил данный подход Эрвин Гоффман, определив имидж как «искусство управлять впечатлением». Российский исследователь П. А. Дубов детализирует, что: «...Формирование положительного имиджа организации является одним из важнейших условий обеспечения лояльности потребителей, а, следовательно, повышения конкурентоспособности и стабильности...» [6, с.236].

Таким образом, авторы стали все больше уделять внимания имиджу, связанному непосредственно с компанией или товаром, и сформировали базу для взаимодействия теории и практики формирования и использования имиджа с теорией и практикой маркетинговой деятельности.

В силу относительной молодости этого направления исследований, пока нет четкого определения понятия «имидж», применительно к экономической, маркетинговой сфере деятельности, пока нет обстоятельных научных разработок маркетинговых моделей управления имиджем и репутацией фирмы, с учетом новых тенденций, таких как ценностные ориентации потребителей и особенности управления имиджем на основе моделей социально-этического маркетинга.

Но сегодня бизнесом объективно ощущается потребность в проведении таких исследований. В современном мире от компаний требуют многого, и использование обычных маркетинговых инструментов уже не работает, а социально-этичный маркетинг, взаимодействуя с имиджем и репутацией, продолжает развиваться. Для обеспечения конкурентоспособности на рынке фирме необходимо использовать социально-этичный маркетинг: меняя образ мыслей потребителей, инвестируя в общественные ценности, тем самым создавая положительный имидж компании и высокую репутацию.

Рассмотрев определения имиджа, можно утверждать, что все они имеют право на существование и применение в различных сферах деятельности, а само данное понятие весьма многогранно.

Сегодня понятие «имидж» снова эволюционирует, и практика применения, использования имиджа затрагивает все больше сфер жизни общества: шоу-бизнес, предпринимательство, межличностные коммуникации и т.д.

Таким образом, все перечисленные варианты, определения понятия «имидж» дополняя друг друга, создают целостное определение имиджа: «двустороннюю систему представлений, на одном краю которой находится впечатление от компании у клиентов, а на другой – тот образ, который она хочет создать у потенциального клиента или партнера и у общественности в целом».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Шикалова К.А. Генезис и подходы к определению имиджа // Журнал: Экономика и социум №6 (25), 2016 г., С.1046-1051.

2. Котлер Ф., Маркетинг менеджмент. 15-е изд. / Филип Котлер, Келлер К.Л. СПб: Питер, 2018г. С. 848.

3. Ветрова Е.А., Основы государственного правления: учебно-методическое пособие / Е.А. Ветрова, Е.Е. Кабанова. Изд. 2-е, стер. М.; Берлин: Директ-медиа, 2018. 367 с.

4. Ковалева Е.Н., Имидж организации: концептуализация подходов // Научный журнал НИУ ИТМО. Серия «Экономика и экологический менеджмент». №3. 2015 г. С. 316-330.

5. Сергеева З.Н., Технология социального манипулирования: монография. Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2017. 270 с.

1. Юшаева Р.С., Хажмурадова А.М. Особенности формирования корпоративного имиджа // Журнал: Известия Чеченского государственного педагогического университета. 2018. С. 235 – 238.

ВЛИЯНИЕ ПАНДЕМИИ COVID-19 НА ГЛОБАЛЬНЫЕ ЦЕПОЧКИ ДОБАВЛЕННОЙ СТОИМОСТИ

И.А. Дубовец

*Белорусский государственный университет,
ул. Ленинградская, 20, 220006, г. Минск, Беларусь, irena10121997@gmail.com*

Статья рассматривает глобальные цепочки добавленной стоимости (далее, ГЦДС) в их зависимости от эффектов производственного и распределительного характера, вызванных пандемией COVID-19. Были изучены последствия сокращения экспорта китайских промежуточных товаров в ходе развития пандемии COVID-19, а также последствия данного сокращения для иных стран, вовлеченных в ГЦДС. Так как прямые иностранные инвестиции тесно связаны с темой ЦДС, были рассмотрены основные тенденции в инвестициях и торговле, оценены эффекты, оказываемые пандемией COVID-19 на глобальную торговлю в целом.

Ключевые слова: цепочки добавленной стоимости; фрагментация цепочек поставок; реструктуризация; COVID-19; прямые иностранные инвестиции.

HOW COVID-19 HAS AFFECTED GLOBAL VALUE CHAINS

I.A. Dubovets

Belarusian State University, Leningradskaya str., 20, 220006, Minsk, Belarus

The article examines global value chains (GVC), in particular, the effects caused by the COVID-19 pandemic on GVC. The impact of the decline in exports of Chinese intermediate goods during the development of the COVID-19 pandemic was studied, as well as the impact of this reduction on other countries involved in the GVC. Since foreign direct investment is closely related to the topic of the GVC, the main trends in investment and

trade were considered, and the effects of the COVID-19 pandemic on global trade in general were evaluated.

Keywords: value chains; supply chain fragmentation; restructuring; COVID-19; foreign direct investment.

Природные катаклизмы и пандемии наиболее масштабно влияют на жизнеспособность глобальных цепочек добавленной стоимости, опережая по силе влияния геополитические и экономические факторы, — это еще в 2012 году показал опрос специалистов по цепочкам поставок, организованный Всемирным экономическим форумом [1]. Эксперты Всемирного банка отмечают, что в последние годы в мировой экономике происходят изменения, которые напрямую отражаются на развитии и состоянии цепочек добавленной стоимости (ЦДС) [2]. Речь идет о:

- замедлении развития ЦДС, которое началось после мирового финансового кризиса 2008–2009 гг.;
- росте протекционизма, что создает неблагоприятные условия для функционирования ЦДС;
- росте неопределенности в мировой экономике.

Глобальные цепочки создания добавленной стоимости представляют собой устойчивый механизм начисления стоимости в процессе создания конечного продукта, включающий в себя различные технологические стадии производства, а также сферы дизайна и сбыта продукции [3].

По данным Главного таможенного управления Китая, сокращение импорта и экспорта Китая в январе — феврале 2020 года по сравнению с аналогичным периодом прошлого года составило 4% и 17% соответственно. Так, беспрецедентное падение объемов производства в Китае вызвало также значительное сокращение потоков международной торговли.

Падение производственной активности Китая и сокращение объемов его экспорта неизбежно сказываются на других странах, являющихся потребителями китайской продукции и выступающих следующими звеньями в глобальных цепочках создания стоимости. Наибольшее падение экспорта Китая в январе — феврале 2020 года по сравнению с аналогичным периодом прошлого года приходится прежде всего на такие страны, как США (—27%), Германия (—24%), Италия (—18%), Испания (—15%) и Франция (—15%) [4].

По оценкам Конференции ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД), Беларусь вошла в список стран, для которых замедления темпов роста Китая через ГЦДС имеет наиболее ощутимые негативные эффекты от сокращения экспорта промежуточной продукции.

Существенные потери фиксируются в области текстильной и мебельной промышленности, а также комплектующих для электроники. Данные представлены на таблице.

Таблица

Глобальные последствия замедления темпов роста Китая через глобальные цепочки создания стоимости (млн.долларов США из-за 2% сокращения китайского экспорта промежуточных ресурсов)

Country	Automotive	Communication	Electrical Machinery	Leather products	Machinery Various	Metals	Office machinery	Paper products	Chemicals	Precision Instruments	Rubber and Plastic	Textiles	Wood Products	Total
Australia	9	1	1	0	12	9	1	2	9	12	1	1	2	61
Belarus	0	1	0	0	3	0	0	0	0	1	1	3	2	12
Brazil	42	0	2	0	7	12	0	6	6	3	2	2	1	84
Canada	176	25	22	1	138	48	8	3	86	86	20	11	36	660
India	34	0	12	13	24	27	1	1	129	13	13	64	15	348
Japan	974	395	558	1	1477	343	234	48	352	367	161	34	244	5.187
Russian Federation	8	1	2	0	5	21	0	1	97	9	2	1	3	149
Singapore	96	1027	367	4	206	30	157	16	77	160	21	1	3	2.165

Примечание – Источник: [5].

Однако стоит отметить, что расчеты проводились в начале марта 2020 г., еще до глобального распространения коронавирусной инфекции. Сейчас можно предполагать, что влияние пандемии на белорусские отрасли и ЦДС окажется еще более значительным.

Отчет ЮНКТАД (World Investment Report) [6] не только подытоживает влияние COVID-19 на прямые иностранные инвестиции (ПИИ), но и рассматривает будущее с точки зрения потенциальной эволюции международной производственной системы в течение десятилетия 2021-2030. Авторы отчета пытаются предложить комплексные аналитические рамки для обозначения возможных путей развития и решений в области экономической политики.

Стоит отметить, что ЮНКТАД уже на протяжении 30 лет анализирует прямые иностранные инвестиции и деятельность транснациональных корпораций. За это время международное производство пережило двадцать лет динамичного роста, а потом десять лет стагнации. Трансграничные потоки инвестиций в материальные производственные активы перестали расти во втором десятилетии XXI века, динамика торговли ослабла, а обмен в рамках глобальных цепочек добавленной стоимости (ГЦДС) даже снизился [7].

Тенденции в торговле и инвестициях имеют три основных аспекта: степень фрагментации и длину цепочки поставок (от короткой до длинной), географическое распределение добавленной стоимости (концен-

трированное или рассредоточенное) и решения транснациональных корпораций в сфере контроля, которые определяют ведение торговли с независимыми контрагентами или же реализацию прямых инвестиций [7].

Можно выделить семь архетипических отраслевых конфигураций, которые в совокупности генерируют существенную долю мировой торговли и инвестиций. К ним относятся капиталоемкие и трудоемкие отрасли первичного сектора; высокотехнологичные и низкотехнологичные отрасли с большой долей ГЦДС; географически рассредоточенные перерабатывающие отрасли и отрасли, работающие по принципу «спицы на втулке» (hub-and-spoke); сферы услуг с высокой или более низкой добавленной стоимостью [7].

В зависимости от исходной точки каждой отрасли – ее архетипической конфигурации международного производства – она будет приближаться к одной из четырех траекторий:

1. **Возвращение производства (reshoring)** приведет к более короткой, менее фрагментированной цепочке стоимости и более высокой географической концентрации добавленной стоимости. Этот путь, в первую очередь, будет касаться высокотехнологичных отраслей с большой долей ГЦДС и связан он, в частности, с распродажей производственного имущества (дезинвестиции) в более крупном масштабе и с уменьшением иностранных инвестиций, реализуемых для повышения эффективности.

2. **Диверсификация** приведет к большему разбросу экономической активности. Прежде всего, она будет касаться сферы услуг и производства с высокой долей производства в ГЦДС. Этот сценарий шире откроет дверь в ГЦДС новым участникам рынка (странам или компаниям), а его предполагаемая зависимость от дигитализации цепочки поставок сделает управление этими цепочками менее ригористическим и будет осуществляться при помощи платформ, а не активов.

3. **Регионализация** ограничит физическую длину, но не фрагментацию цепочек поставок. Также увеличится географический разброс добавленной стоимости. По этой траектории будут следовать региональные перерабатывающие отрасли, некоторые отрасли с высокой долей ГЦДС и даже первый сектор.

4. **Эффектом репликации** будет сокращение цепочки стоимости и изменение конфигурации этапов производства. Это приведет к увеличению географического разброса видов деятельности, но и к большей концентрации добавленной стоимости. Репликация, в частности, будет касаться региональных перерабатывающих предприятий с моделью «спицы на втулке».

Таким образом, разнообразие траекторий показывает, что ожидаемые изменения в транснациональном производстве не являются односторонними. Однако наиболее вероятны следующие эффекты:

- сокращение цепочек стоимости и уменьшение их фрагментации;
- более высокая концентрация добавленной стоимости;
- отказ от глобальных в пользу региональных – и даже функционирующих на более низком уровне – цепочек поставок;
- давление для уменьшения глобальных иностранных инвестиций, ориентированных на улучшение эффективности, в пользу региональных инвестиций, ориентированных на рынок;
- в некоторых отраслях – отказ от масштабных инвестиций в пользу распределенного производства в меньших масштабах;
- дальнейшее развитие и фрагментация цепочек стоимости в сфере услуг;
- переход от инвестиций в ГЦДС к трансграничным инвестициям в инфраструктуру, национальные услуги, а также «зеленую» и «голубую» экономику (экологическую, в том числе касательно морей), обусловлен необходимостью сбалансированного развития.

Потенциальная польза, вытекающая из трансформации, включает возможность привлекать инвесторов, заинтересованных в диверсификации источников снабжения, а также необходимость создания резервного потенциала и экономической устойчивости. Также увеличится объем региональных инвестиций, ориентированных на рынок, а сокращение цепочек стоимости приведет к увеличению инвестиций в рассредоточенное производство и производство конечных товаров, что будет сопровождаться наращиванием промышленного потенциала в широком географическом масштабе и созданием кластеров.

Таким образом, следует отметить, что существует необходимость изменения траектории развития инвестиций. Если ранее целесообразно было ориентироваться на экспорт и улучшение эффективности инвестиций в узкоспециализированные участки ГЦДС, то на сегодняшний день наиболее перспективным может быть смена направления инвестирования на более широкую стратегию, которая охватит региональные рынки и региональные промышленные кластеры.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. «Кто пересоберет цепочки» [Электронный ресурс]. URL: <https://expert.ru/expert/2020/40/kto-peresoberet-tsepochki/> (дата обращения: 18.01.2021).
2. World Development Report 2020 [Электронный ресурс]. <https://www.worldbank.org/en/publication/wdr2020> (дата обращения: 15.01.2021).
3. Шакирзянова Е.И., Кузубов А.А. — Анализ конкурентоспособности зарубежных стран в глобальных цепочках создания добавленной стоимости // Теоретическая и прикладная экономика. — 2019. — № 3. — С. 27 - 34.
4. Воздействие COVID-19: как пандемия разрушает глобальные цепочки стоимости [Электронный ресурс]. URL: <https://roscongress.org/materials/vozddeystvie-covid-19-kak-pandemiya-razrushaet-globalnye-tsepochki-stoimosti> (дата обращения: 20.01.2021).

5. Global trade impact of the Coronavirus (COVID-19) Epidemic 2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://unctad.org/system/files/official-document/ditcinf2020d1.pdf> (дата обращения: 19.01.2021).

6. World Investment Report [Электронный ресурс]. URL: <https://worldinvestmentreport.unctad.org/> (дата обращения: 19.01.2021).

7. Глобальные цепочки добавленной стоимости меняются на региональные [Электронный ресурс]. URL: <https://trans.info/ru/globalnyie-tsepochniki-do-bavlennoy-stoimosti-menyayutsya-na-regionalnyie-202549> (дата обращения: 21.01.2021).

К ВОПРОСУ ОБ ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗАЦИИ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ НА ПРИМЕРЕ БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

А. В. Жук

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Республика Беларусь, zhuk@bsu.by*

В работе рассмотрены вопросы интернационализации образовательной деятельности высших учебных заведений. Приведены примеры интернационализации и развития экспорта образовательных услуг БГУ. Показано межвузовское сотрудничество БГУ участие университета в международных программах академической мобильности, а также в проектах международной технической помощи.

Ключевые слова: интернационализация; межвузовское сотрудничество; академическая мобильность; международные проекты.

ON THE ISSUE OF INTERNATIONALIZATION OF HIGHER EDUCATION: THE CASE OF THE BELARUSIAN STATE UNIVERSITY

A. V. Zhuk

Belarusian State University, 4 Nezavisimosti ave., 220030, Minsk, Republic of Belarus

The paper deals with the issues of internationalization of educational activities of higher educational institutions. It provides examples of internationalization and export promotion of educational services of the Belarusian State University. It demonstrates inter-university cooperation of the Belarusian State University as well as its participation in international academic mobility programs and international technical assistance projects.

Keywords: internationalization; interuniversity cooperation; academic mobility; international projects.

Глобализация и экономическая интеграция во всем мире создали большие возможности для человеческого капитала. Студенты, обучавшиеся в зарубежных высших учебных заведениях, часто считаются бо-

лее способными справляться с производственными проблемами в глобальной экономической системе, быть более разносторонними в языковом и культурном отношении. В условиях стремительной интернационализации экономики учеба за границей становится необходимой для знакомства с передовой практикой и технологиями зарубежных стран. Благодаря «обучению у иностранцев» будущая рабочая сила будет обладать «культурным» и «социальным капиталом», знанием иностранных языков, организации промышленного производства, навыками и компетенциями для успешной работы в глобальной экономике. Степень, в которой страна ориентирована на мировой рынок, связана с ее внешнеторговой и инвестиционной деятельностью. Соответственно, более высокая интенсивность экспорта, импорта и инвестиционной деятельности предполагает более высокий уровень глобальной ориентации и открытости национальной экономики.

Интернационализация образовательных услуг и научных исследований – важнейшие стратегические цели для большинства высших учебных заведений. Интернационализации вузов способствует повышению стандартов качества образования в глобальной конкурентоспособности, привлечению одаренных студентов и сотрудников, получение дополнительных доходов от образовательной и научной деятельности, приобретению новых компетенций и знаний посредством научных исследований. Быстрый рост числа отечественных и иностранных обучающихся в высших учебных заведениях и активизация мобильности студентов во всем мире подталкивают правительства рассматривать образовательные услуги как национальные приоритеты и одной из средств содействия экономическому росту.

Исследование интернационализации высшего образования включает различные вопросы, среди которых различные типы мобильности и обмена, взаимное влияние систем высшего образования, содержания преподавания и обучения, а также экономические и финансовые аспекты, включая наднациональную, национальную макро-, мезо- и микро-экономическую политику и стратегии интернационализации как выхода конкретных вузов в различных формах на зарубежные рынки и т. д.

За последние годы появились работы белорусских авторов по проблемам экономической сущности, формам и перспективам интернационализации образовательных услуг [1, 2], а также ряд публикаций в области политики интернационализации высшего образования. Их можно разделить на три группы: исследования политики интернационализации на европейском уровне, включая исследования по выполнению Болонской декларации; исследования политики интернационализации на

национальном макро- и отраслевом мезоэкономическом уровне, а также на институциональном микроэкономическом уровне.

Белорусским государственным университетом уделяется значительное внимание вопросам интернационализации и развития экспорта образовательных услуг, которые определены стратегическими целями университета, а отчет о международной деятельности ежегодно рассматривается на Совете университета.

В целях повышения конкурентоспособности образовательных услуг БГУ на мировом рынке в университете разработан и утвержден Комплекс мер по развитию международного сотрудничества и достижению показателей прогноза экспорта услуг, который нацелен на решение ряда задач:

- повышение привлекательности и конкурентоспособности БГУ в международном образовательном рынке;
- повышение уровня интегрированности образовательных услуг в международные образовательные и исследовательские объединения;
- диверсификация экспорта образовательных услуг.

Университет расширяет формат прямого межвузовского сотрудничества (география охватывает 60 стран). Между БГУ и зарубежными образовательными и научными учреждениями, международными компаниями и организациями подписано 570 документов о сотрудничестве. Наибольшее количество соглашений о сотрудничестве подписано со следующими странами: Россия (24,8 % от общего количества документов о сотрудничестве), Китай (13,4 %), Польша (6 %), Украина (6 %), Германия (5,3 %), Казахстан (4,8 %).

За 2019–2020 гг. было подписано 132 соглашения с партнерами из 34 стран мира, включая договоры академической мобильности «Эразмус+», из них 116 новых документа, 8 обновлено и/или продлено на новый срок, 8 дополнительных соглашений. Сохраняется позитивная динамика академических обменов обучающихся БГУ, в том числе и в рамках программы академической мобильности «Эразмус+».

БГУ, вместе с более чем 89 университетами в регионе Балтийского моря, является активным участником Международной университетской программы «Балтийский университет» (BUP) при координации Уппсальского университета (Швеция). Деятельность программы направлена на развитие образования для целей устойчивого развития. BUP позволяет белорусским студентам ощущать идентичность с академическим сообществом Балтики. Например, одним из знаковых мероприятий программы является конференция «SAIL», которая проходит на борту парусного судна «Фредерик Шопен». Благодаря ей студенты и молодые преподаватели БГУ принимают участие в летней школе, где проводится

серия семинаров по вопросам экологии и устойчивого развития. Не менее важна и научная составляющая BUP, которая поддерживает проекты научного сотрудничества между университетами региона, что связано с практическим внедрением методов и технологий устойчивого развития. Так, в данный момент на факультете географии и геоинформатики БГУ выполняется международный проект «Baltic Sea Region Climate Change Curriculum», направленный на мониторинг и прогнозирование климатических процессов в нашем регионе. Выполняются совместные научные проекты экологической и химической направленности.

БГУ с 2013 г. является членом Университетской сети региона Балтийского моря (BSRUN), которая объединяет 26 университетов из стран балтийского региона: Финляндии, России, Польши, Латвии, Эстонии, Германии и Беларуси. Участие в BSRUN позволяет БГУ активизировать партнерские отношения с вузами-членами ассоциации, устанавливать необходимые контакты, а также реализовывать совместные проекты актуальной направленности.

Помимо сотрудничества в рамках BUP и BSRUN, БГУ активно взаимодействует с учреждениями высшего образования стран-членов региона Балтийского моря в рамках более чем 230 прямых межвузовских договоров. Благодаря им успешно ведется межвузовское сотрудничество по различным направлениям: реализация совместных образовательных программ, академической мобильности, совместное участие в международных образовательных и научных проектах, проведение совместных научных исследований, издание совместных публикаций, участие в международных образовательных, научных, культурных и других мероприятиях. В рамках этого сотрудничества, а также при поддержке инструмента «Создание потенциала в сфере высшего образования» программы Европейского союза «Эразмус+», в 2019 г. 465 студентов БГУ посетили страны Балтийского региона с образовательными и научными целями, также более 570 преподавателей БГУ были командированы в страны Балтийского региона для участия в международных конференциях, семинарах, проведения совместных исследований, чтения лекций, обмена опытом, стажировок.

Эффективной формой международного сотрудничества БГУ является реализация совместных проектов, полностью либо частично финансируемых фондами иностранных государств и международных организаций. Участвующие в проектах учреждения не несут существенных материальных и финансовых затрат, но при этом получают возможность привлечения передового опыта, технологий, ноу-хау из-за рубежа. Кроме того, сама по себе проектная форма организации деятельности позволяет дополнительно мобилизовать имеющийся кадровый и структурный

потенциал и использовать его вкупе с привлеченными зарубежными ресурсами для развития БГУ.

Наряду с возможностями привлечения и мобилизации интеллектуальных и кадровых ресурсов, участие в международных проектах открывает для БГУ возможности получения дополнительного финансирования, позволяющего существенно сэкономить собственные средства и тем самым удешевить затраты на достижение целей университета. Так, по данным Европейской ассоциации университетов, доля финансирования, получаемого вузами ЕС на реализацию проектов из средств иностранных фондов, составляет в среднем около 3 % от годового бюджета УВО. При этом следует отметить, что для университетов из стран, присоединившихся к ЕС в 2004-2008 гг., этот показатель существенно выше и может достигать 20 %.

Интернационализация БГУ реализуется в форме международного проектного менеджмента. Так, за последние 5 лет количество международных проектов в БГУ удвоилось. В течение года университетом реализуется более 50 международных образовательных и научных проектов в рамках 30 международных программ на трех разных уровнях: а) программы Европейского союза («Темпус», «Эразмус+», «Жан Моне», «Горизонт 2020» и др.); б) международных организаций (ЮНЕСКО, ЮНФПА, Центрально-Европейская инициатива, Вишеградская группа, Совет Европы и др.); в) страновые программы из национальных фондов Германии, Норвегии, Китая, Кореи, Омана, Швеции, Финляндии и др.

Другой формой интернационализации являются совместные образовательные программы между БГУ и университетами-партнерами из стран Европейского союза и Балтийского региона: Высшей школой Миттвайда, Университетским колледжем Молде, Магдебургским университетом им. Отто-фон-Герике, Лундским университетом, Вильнюсским университетом, Московским государственным университетом имени М. В. Ломоносова и многими другими.

Многообразие активных образовательных и научных контактов со странами Балтийского региона позволяет БГУ позиционировать себя как координирующий национальный центр по интернационализации сотрудничества с образовательными и научными центрами Балтики. Для исполнения этой миссии БГУ регулярно организует образовательные семинары для университетов Беларуси, оказывает им методическую и научную поддержку для вовлечения в балтийский диалог более широкого круга академического сообщества Беларуси.

Таким образом, в БГУ создана эффективная система управления интернационализацией в рамках международной проектной и совместной образовательной деятельности. Более того, с 2009 г. функциониру-

ет специализированное структурное подразделение – отдел международных программ и проектов, отвечающий за реализацию стратегии участия БГУ в международных программах, приняты соответствующие локальные нормативные правовые акты. За это время сформировался широкий пул зарубежных партнеров БГУ, освоены ключевые программы и инструменты финансирования международных проектов, создан банк перспективных проектных идей БГУ, который охватывает широкий круг тем и соответствует мировым трендам развития образования и науки. Это позволяет сделать вывод, что БГУ успешно реализует активную стратегию интернационализации в различных формах.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Павлова Н.С., Данильченко А. В. Формы и перспективы интернационализации услуг в сфере высшего образования // Проблемы прогнозирования и государственного регулирования социально-экономического развития: материалы XVII Междунар. науч. конф., Минск, 22–23 окт. 2020 г.: в 3 т. / НИЭИ М-ва экономики Респ. Беларусь : редкол. Ю.А. Медведева [и др.]. Минск, 2020. Т. 2. С. 135-136.
2. Павлова Н.С., Данильченко А. В. Сущность интернационализации услуг в области высшего образования // Научные труды Республиканского института высшей школы / РИВШ; ред. кол. В.А. Гайсенок (пред.) [и др.]. Минск, 2020. С. 401-411.

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ «ЗЕЛЁНОЙ» ЭКОНОМИКИ В ЕВРАЗИЙСКОМ ЭКОНОМИЧЕСКОМ СОЮЗЕ

К.С. Журавская

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, kseniazhuravskaya@gmail.com*

В статье рассмотрены особенности развития «зелёной» экономики в рамках Евразийского экономического союза и представлен краткий обзор проводимой политики в этой сфере. Выявлено, что основной проблемой является отсутствие единого наднационального органа, осуществляющего скоординированный переход к «зелёной» экономике всех стран-участниц объединения. Более того, из данной проблемы следуют сложности с унификацией статистической информации, проведением эколого-экономических мероприятий, сближением законодательств стран-членов ЕАЭС. Вместе с тем, в ЕАЭС есть большой потенциал для сотрудничества в данной сфере, в особенности в транспортной и электроэнергетической отрасли.

Ключевые слова: «зелёная» экономика; Евразийский экономический союз; экологизация, возобновляемые источники энергии.

PARTICULARITIES OF THE GREEN ECONOMY DEVELOPMENT IN THE EURASIAN ECONOMIC UNION

K.S. Zhurauskaya

Belarusian State University, Independence Ave., 4, 220030, Minsk, Belarus

The article examines the features of the development of the green economy within the Eurasian Economic Union and provides a brief overview of the current policy in this area. It was revealed that the main problem is the lack of a single supranational body that carries out a coordinated transition to a green economy of all member countries of the association. Moreover, this problem leads to difficulties with the unification of statistical information, the implementation of environmental and economic measures, the convergence of the laws of the EAEU member states. At the same time, the EAEU has great potential for cooperation in this area, especially in the transport and electric power industry.

Keywords: green economy; Eurasian Economic Union; ecologization, renewable energy sources.

На сегодняшний день сотрудничество в рамках достижения целей устойчивого развития является одной из актуальных задач, стоящих перед Евразийским экономическим союзом (ЕАЭС). Наряду с такими целями, как ликвидация голода и увеличение доступа к чистой воде, цель по сохранению экосистемы и борьбе с изменением климата планируется достичь посредством унификации технического регулирования и осуществления скоординированной политики.

В Договоре о Евразийском экономическом союзе рассматриваются вопросы обеспечения экологической безопасности, однако только лишь в сферах транспорта (статья 86 Договора), регулирования деятельности естественных монополий (Приложение №20 Договора), функционирования общего рынка нефти и нефтепродуктов (Приложение №23) и газа (Приложение №22) [1]. Это во многом объясняется ресурсоориентированностью экономик государств-членов союза. Страны ЕАЭС относительно мирового масштаба осуществляют 14.6% добычи нефти и 15% её экспорта, располагают 20% общемировых запасов газа и угля и являются одними из крупнейших экспортёров на мировом рынке, в особенности это можно сказать о России и Казахстане. Поэтому вполне логично предположить, что в Договоре именно в этих статьях упоминается необходимость соответствия принципу экологичности. Но это в то же время является и основной проблемой для стран-членов ЕАЭС, поскольку для успешного перехода к «зелёной» экономике необходимо проводить крупномасштабные реформы в промышленной, инновационной и инвестиционной политике государств.

Основная координация экологической деятельности на сегодняшний день происходит на Евразийских технологических платформах

(ЕТП), таких как «Технологии экологического развития», «Евразия-БИО», «Технологии пищевой и перерабатывающей промышленности» и прочих. К основным направлениям работы платформы «Технологии экологического развития» можно отнести создание экологически чистых технологий производства, развитие рынка экологических услуг, создание технологии экологически безопасного обращения с отходами, однако численность участников платформы составляет всего три организации – из Республики Беларусь, России и Казахстана. Для сравнения, на биомедицинской технологической платформе зарегистрировано 447 участников, а на платформе лёгкой промышленности – 496.

Таким образом, одной из самых основных проблем ЕАЭС является отсутствие наднационального органа, который бы регулировал и осуществлял единовременный переход государств-членов к «зелёной» экономике. Кроме того, отсутствует какой-либо унифицированный подход к сбору статистических данных: это объясняется и разницей в законодательстве стран-членов, и отсутствием какого-нибудь координирующего наднационального органа. Отслеживать прогресс в развитии «зелёной» экономики представляется возможным только по отдельным показателям, которые с стабильной периодичностью публикуют национальные статистические органы или по международным рейтингам.

Так, если смотреть, например, на Environmental Performance Index – индекс экологической эффективности – Беларусь занимает сейчас самую высокую позицию среди стран-участниц ЕАЭС, однако самый большой прогресс демонстрирует Казахстан, поднявшись со значения 35.7 до 44.7 (см. рисунок 1.1).

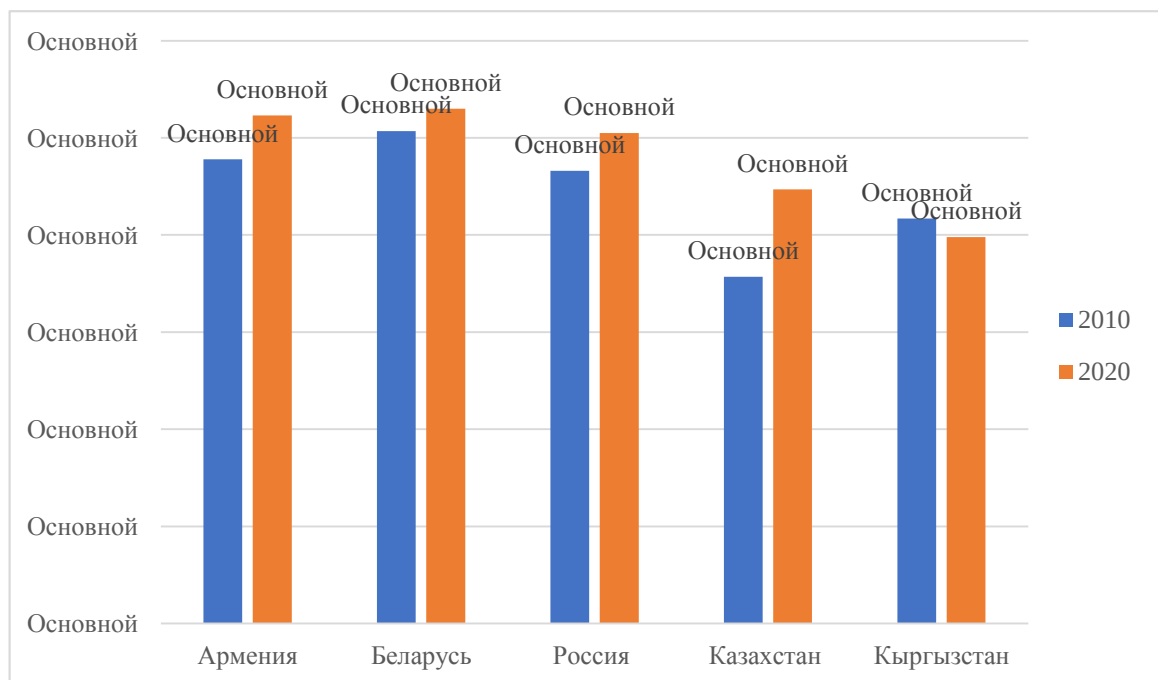

Рис. 1.1. – Динамика индекса экологической эффективности стран-членов ЕАЭС, 2010 и 2020 г. [2]

Здесь необходимо отметить, что анализировать нужно не только итоговый рейтинг страны, но также и динамику по составляющим его показателям. Однако из-за отсутствия унифицированной и скоординированной статистики, представляется практически невозможным отслеживать эффективность проводимых мероприятий, что осложняет выработку оптимальной политики в сфере экологической безопасности и устойчивого «зелёного» роста

Понимая данную проблему, в Евразийской экономической комиссии сейчас активно обсуждается возможность реформирования сферы сбора и обработки статистики, что отражается в Проекте Программы развития интеграции (ПРИ) на 2021-2025 гг. Всего в данной программе запланировано три основных пункта:

1. Изучение опыта государств-членов и международного опыта в сфере статистики «зелёной» экономики и охраны окружающей среды (2021–2022 годы).
2. Проведение консультаций по формированию статистических показателей «зелёной» экономики (2021–2022 годы).
3. Формирование и распространение статистики «зелёной» экономики и охраны окружающей среды (2022–2025 годы) [3].

На данный момент Проект не содержит более конкретной Дорожной карты относительно унификации статистической информации, однако сам факт существования подобных наработок в рамках ПРИ доказывает, что в ЕАЭС осознают важность экологической повестки и соотнесения конкретных экологических показателей с экономическими для выработки максимально эффективной стратегии.

Ещё одним потенциальным направлением сотрудничества в ЕАЭС может стать использование возобновляемых источников энергии (ВИЭ), особенно в связи с новой моделью общего рынка электроэнергии, переход к которой должен осуществиться в 2025 г. Сегодня степень интеграции в ЕАЭС можно сравнить со степенью интеграции в МЕРКОСУР: есть рамочное соглашение о региональном энергетическом взаимодействии, однако наднациональные правила торговли отсутствуют. В идеале модель ЕАЭС должна совпадать с моделью SIERAC – объединением энергосистем шести стран Центральной Америки, – и представлять собой региональный рынок с развитой энергетической инфраструктурой и наднациональными органами-регуляторами. У стран ЕАЭС есть и потенциал, и заинтересованность в развитии этого направления: в Беларуси к 2021 г. планируется увеличение электрической мощности установок ВИЭ с 403 МВт до 635 МВт, в Казахстане этот показатель уже составляет 633 МВт (и к 2021 г. планируется увеличить долю ВИЭ до 3%), а в Кыргызстане потенциал энергоэффективности оценивается в 40% от общего объёма энергопотребления [4]. Кроме того, вопросы использова-

ния ВИЭ уже активно обсуждаются на уровне Евразийской экономической комиссии, к примеру в ноябре 2019 г. прошло заседание круглого стола «Создание общих энергетических рынков и роль возобновляемых источников энергии в повышении энергетической безопасности». Однако необходимо обратиться к двум важным проблемам, которые до сих пор не решены: во-первых, у стран-членов ЕАЭС разная конструкция рынков, а во-вторых, разное законодательство в этой области, в связи с чем особенно актуально наличие наднациональных регуляторов и операторов, а также нормативно-правовых документов, которые гармонизировали бы торговлю и определяли конкретный субъектный состав рынка (который к 2025 г. планируется расширить).

Постоянно совершенствуется законодательство в области транспорта, к примеру с 2018 г. все виды автомобилей, которые производятся или импортируются в страны ЕАЭС, должны соответствовать пятому экологическому классу («Евро-5») – экологическому стандарту, который регулирует содержание вредных веществ в выхлопных газах.

И несмотря на то, что это в целом положительная тенденция, в Европе подобный стандарт применялся с 2008 г., а сейчас там действует Евро-6, который предъявляет повышенные требования к содержанию вредных веществ в выхлопных газах дизельных автомобилей. То есть наблюдается определённое запаздывание между принятием стандартов в ЕАЭС и ЕС, что сказывается на конкурентоспособности товаров Союза.

Учитывая, что сегодня мировая экономика находится в условиях глобализации и регионализации, особый интерес представляет именно формирование «зелёной» экономики в рамках международного сотрудничества. В ЕАЭС развитие «зелёной» экономики сопряжено с несколькими проблемами, такими как отсутствие наднационального регулятора, отсутствие унифицированной статистики по основным показателям экологизации объединения и каждой из стран-участниц в частности, отставание от европейских стран в части экологических стандартов. Решение этих проблем позволит максимизировать выгоду от перехода к экологически ориентированному развитию в долгосрочной перспективе.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Договор о Евразийском экономическом союзе // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.pravo.by/document/?guid=3871&p0=f01400176> (дата обращения: 23.01.2021).
2. Environmental Perfomance Index 2020 // Yale Center for Environmental Law & Policy. [Electronic resource]. Mode of access: <https://epi.yale.edu/downloads/epi2020report20200911.pdf>. Date of access: 17.01.2021
3. Программа развития интеграции в сфере статистики на 2021-2025 гг. // Евразийская экономическая комиссия. [Электронный ресурс]. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/integration_development_programs/Pages/programme_2021-2025.aspx. (дата обращения: 20.01.2021).

4. ЕЭК, ИЭС СНГ и ЭСКАТО выработают рекомендации по развитию электроэнергетической отрасли // ЕЭК ЕАЭС. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/05-11-2019-2.aspx> (дата обращения: 23.01.2021).

КОММЕРЦИАЛИЗАЦИЯ НАУЧНЫХ ПУБЛИКАЦИЙ

Зайцева В. Д.¹, Тарарышкина Л. И.²

¹ *Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, victoriazaitseva1909@gmail.com*

² *Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, tararyshkina@rambler.ru*

В последние десятилетия производство научных текстов превратилось в выгодную коммерческую деятельность. Увеличение количества университетов и исследовательских институтов и общемировое стремление к научности, где печатный текст является основным критерием успеха, способствуют формированию крупного и прибыльного рынка и массовому увеличению коммерческих издательств на рынке научных публикаций. При этом авторское право и право на интеллектуальную собственность являются краеугольным камнем публикационных текстов и требуют особого регулирования в современной науке. Целью данной статьи является выявление рисков в сфере коммерциализации научных публикаций для авторов и научного сообщества, а также возможностей их предотвращения и сведения ущерба к минимуму.

Ключевые слова: Интеллектуальная собственность; коммерциализация; научные публикации; авторские права.

COMMERCIALIZATION OF SCIENTIFIC PUBLICATIONS

Zaitseva V. D.^a, Tararyshkina L. I.^b

^a*Belarusian State University, Independence Ave., 4, 220030, Minsk, Belarus*

^b*Belarusian State University, Independence Ave., 4, 220030, Minsk, Belarus*

Corresponding author: Tararyshkina L. I. (tararyshkina@rambler.ru)

In the past few decades, the production of scientific articles has become a profitable commercial activity. The increase in the number of universities and research institutes and the worldwide desire for science, where the printed text is the main criteria for success, are contributing to the formation of a large and profitable market and a massive increase in commercial publishing in the market of scientific publications. At the same time, copyright and intellectual property rights are the key moments in publication of texts and require special regulation in modern science. The purpose of this article is to identify risks in the field of commercialization of scientific publications for authors and the scientific community, as well as opportunities to prevent them and minimize damage.

Keywords: Intellectual property; commercialization; scientific publications; copyrights.

Инновационная деятельность в современных условиях развития экономики играет ключевую роль. При грамотной кооперации теорети-

ческих знаний ученых и исследователей, а также практических навыков инициаторов проектов и стартапов, можно существенно повысить инвестиционную привлекательность государства на мировой арене.

Конкурентное преимущество на рынке товаров и услуг получают проекты, постоянно создающие и увеличивающие количество объектов интеллектуальной собственности (далее – ОИС). При этом важно грамотно подходить к вопросам правовой охраны ОИС, оформления исключительных прав на результаты научных исследований и разработок.

Увеличение объемов капитала, конкуренция на мировом рынке обостряют проблему коммерциализации инновационной деятельности. Аналогичная ситуация наблюдается на рынке научных и научно-популярных изданий. К таким относятся монографии, тексты докладов научной конференции, материалы конференции, сборники научных трудов, авторефераты диссертаций, препринты и т.д. [1].

Для подтверждения вышесказанного проведем анализ объемов публикационных материалов в Республике Беларусь (см. таблицу 1).

Таблица 1

Объемы выпуска книг и брошюр в Беларуси

	2017 г.	2018 г.	2019 г.
Количество книг и брошюр	9 590	9 665	9 619
Тираж книг и брошюр (округленно)	23 103 600	25 581 900	26 034 300

Примечание – Источник: [2].

По данным Национальной книжной палаты Беларуси в стране больше издают производственной и научно-популярной литературы. Это подтверждают следующие показатели, где по целевому назначению в этом объеме лидирует учебная литература - 31,1% от общего тиража. На научные и научно-популярные издания пришлось 19,5%, учебно-методические пособия, учебные программы - 18,4% [2].

Ежегодно в Белорусском государственном университете (БГУ) публикуется буклет «БГУ в цифрах». Согласно которому за период 2020 года экспорт наукоемкой продукции БГУ превысил 2 млн долл. США за год. Также за 2020 г. было выпущено более 1 000 научных изданий, опубликовано более 5 000 научных статей [3]. Такая тенденция наблюдается каждый год.

Таким образом, прослеживается ежегодное увеличение публикаций научных материалов в Беларуси. Часто авторы публикуют материалы не только в отечественных, но и в зарубежных изданиях. Что является достаточно престижным в научной сфере.

Примером такого издательства является Lambert Academic Publishing (далее – LAP). Суть его работы заключается в том, что авто-

рам научных работ и тезисов статей рассылается предложение о публикации научной работы в формате книги. Автор загружает оригинальный текст на сайт LAP, оформляет обложку книги, после этого права на печать переходят издательству. Через две недели издательство продает оформленную работу на разных книжных сайтах. Автор получает процент от продаж, но не ранее, чем через год.

При этом, печатный вариант книги издательство изготавливает только после того, как ее уже купили на сайте. Объем работы составляет порядка 50 страниц. Цена книги от 30 до 70 евро, что означает отсутствие ее активной продажи.

Особый интерес составляет тот факт, что издательство LAP не является научным. Именно поэтому их деятельность можно отнести к малоэффективной с точки зрения науки. Они заявляют права на интеллектуальную собственность автора и публикуют ее без надлежащей экспертной оценки или академического редакционного процесса. Что в глобальном плане просто обесценивает текст, который в ином случае автор мог бы пересмотреть, улучшить и опубликовать в более подходящем научном издании.

На первый взгляд, привлекательные стороны работы с издательствами, подобными LAP – это простота, скорость и отсутствие необходимости собственных финансовых вложений. Но при этом, ведь научная диссертация – краеугольный камень для следующих нескольких лет академической карьеры автора [4].

Исходя из опыта зарубежного научного сообщества борьба с подобными издательствами ведется в рамках деятельности специализированных списков недобросовестных издателей.

К таким относятся, список Джеффри Билла – список, составленный американским библиотекарем и библиотековедом, в котором представлены недобросовестные издатели, выпускающие хищнические издания и журналы, находящиеся в открытом доступе. Общий список подразделяется на два блока: список недобросовестных издателей и список отдельных недобросовестных журналов.

Эти списки рассматриваются крупнейшими мировыми реферативными научными базами данных Scopus и Web of Science в качестве основы при принятии ими решения об удалении того или иного псевдонаучного журнала из своей базы (см. таблицу 2).

Таблица 2

Список количества недобросовестных журналов в мире

	2011 г.	2015 г.	2017 г.
Количество журналов	18	693	1294 (1155 издателей)

Примечание – Источник: [5].

По данным Джеффри Билла, приведенным в таблице 2, подобные LAP недобросовестные издания наращивают свою активность и публикуют около 5-10 % всех статей, представленных для открытого доступа, и что по меньшей мере 25 % журналов открытого доступа являются «хищническими».

Таким образом, деятельность псевдонаучных издательств наносит серьезный урон научному сообществу. Авторы, публикующие разработки, теряют свой интеллектуальный продукт. Так как отсутствие «лишних» копий работ приводит к тому, что опубликованные в таких издательствах работы исключены из международной циркуляции знания. И говорить о репутации на международном уровне для авторов в таком случае не приходится. Тексты хорошего уровня просто теряются среди общей массы, что существенно ударяет по состоянию отечественной науки.

Таким образом, вопросы обеспечения и защиты авторских прав в системе «печати по требованию» являются крайне актуальными и требуют повышенного внимания при их коммерциализации.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ:

1. Сабитов Р.А. Основы научных исследований: учебное пособие [Электронный ресурс]. URL: http://window.edu.ru/catalog/pdf2txt/772/73772/52810?p_page=7 (дата обращения: 18.01.2021).
2. Официальный сайт Национальной книжной палаты Беларуси [Электронный ресурс]. URL: <https://natbook.org.by/index.php?id=281> (дата обращения: 12.01.2021).
3. БГУ в цифрах 2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://bsu.by/bgu-segodnya/bgu-v-tsifrakh-2019.php>. (дата обращения: 15.01.2021).
4. Голубев А. В. Две стороны LAP Lambert Academic Publishing: несколько слов о соблазнах и последствиях легкой научной публикации // Историческая экспертиза. 2014. № 1. С. 112-114.
5. Церковский Д.А. Хищнические (мусорные) журналы – как новое проявление мошенничества в науке «predatory journals»: список Джеффри Билла [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vsmu.by/images/files/confs/2018.pdf>. (дата обращения: 18.01.2021).

РОЛЬ ТОРГОВОЙ ПОЛИТИКИ В ОБЕСПЕЧЕНИИ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ: СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ

М.А.Зеленовский

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, m.zelenovsky@gmail.com*

В эпоху глобальной пандемии коронавируса перед правительствами всех стран мира особенно остро встал вопрос сохранения конкурентоспособности нацио-

нальной экономики. На волне закрытия границ и роста протекционизма актуализируются вопросы роли государства в международной торговле и цели, которые должна преследовать внешнеторговая политика. В данной статье анализируются актуальные подходы к роли государства и его внешнеторговой политики в формировании национальной конкурентоспособности, а также представляется авторская матрица современных школ, изучающих данное направление в экономике.

Ключевые слова: национальная конкурентоспособность; внешнеторговая политика; роль государства в экономике.

THE ROLE OF TRADE POLICY IN ENSURING THE COMPETITIVENESS OF THE NATIONAL ECONOMY: MODERN APPROACHES

M. Zelianouski

Belarusian State University, Independence Ave., 4, 220030, Minsk, Belarus

In the era of the global coronavirus pandemic, governments of all countries face the issue of maintaining the competitiveness of the national economy. On the rebound of the closure of borders and the growth of protectionism, the issues of the state's role in international trade and the goals that state foreign trade policy should pursue are becoming crucial. This article analyses current approaches to the role of the state and its foreign trade policy in the building of national competitiveness, and also presents the author's matrix of modern schools studying this research direction.

Keywords: national competitiveness; foreign trade policy; role of the state in the economy.

На смену классическим теориям конкурентоспособности в современной экономической науке начали появляться новые исследования данного феномена. К ученым, активно работающим в данной области, можно отнести Майкла Портера, Пола Кругмана, Хорста Зиберта, Эрика Райнерта и др.

Одним из ведущих современных экономистов в области исследования конкурентоспособности является американский ученый Майкл Портер. Именно он предложил одну из самых полных концепций конкурентоспособности фирмы и предложил стратегии ее повышения, а также разработал концепцию кластеров, применяемую для анализа позиций национальной экономики на международных рынках.

В своей дальнейшей работе М. Портер обратил особое внимание на государственное регулирование и другие условия внутри страны, оказывающие влияние на предприятия любой отрасли, и пришел к однозначному выводу, что уровень развития страны оказывает существенное влияние на успех компаний на международном рынке. Его исследования были призваны дать понимание роли государства на конкурентном поле

мирового рынка и показать, как формируется и поддерживается конкурентоспособность [1].

М. Портер говорит о том, что конкурентоспособность – это свойство, характерное для конкретных отраслей национальной экономики, а не для страны в целом. Государство же влияет на возможности фирмы преуспеть на том или ином международном рынке. В то же время оно не имеет своих интересов непосредственно на рынке и должно заниматься исключительно проблемами устойчивого экономического развития [1].

В понимании Портера концепция конкурентоспособности на уровне страны – это концепция повышения продуктивности использования ресурсов. Рост уровня благосостояния населения напрямую зависит от отдачи на единицу затрачиваемых национальными компаниями ресурсов. Потребность же в постоянном росте продуктивности возникает в результате международной конкуренции, или конкуренции «продуктивности» между странами.

В целом Портер выступал за минимальное вмешательство государства в работу рынка или международную торговлю и призывал его работать исключительно на создание условий высокой продуктивности экономики (через организацию системы образования, создание инфраструктуры, стимулирование инноваций, регулирование правоотношений рыночных субъектов, обеспечение распределения и соблюдения прав собственности пр.)

Благодаря международной торговле и конкуренции, компании могут распределять ресурсы в наиболее эффективные ниши, сокращая издержки на поддержку менее эффективных производств. Однако возникает проблема абсолютного стандарта продуктивности, при котором эффективность одной отрасли внутри страны относительно других не гарантирует конкурентоспособность страны на международном рынке. Для достижения эффективности на мировом рынке фирмы изначально должны обладать сравнительным преимуществом в какой-либо области (а исходя из теории Рикардо относительным преимуществом обладают практически все страны), а затем использовать его для развития других перспективных направлений и достигнуть максимальной продуктивности за счет все более узкой специализации, в чем и призвана помочь государственная политика [1].

Идею о конкурентоспособности как о повышении продуктивности использования ресурсов выдвигает и американский экономист Пол Кругман. Он резко критикует классические идеи о том, что государства должны соревноваться в создании экономических условий для привлечения иностранного бизнеса и роста положительного сальдо внешней торговли. Он приводит примеры, согласно которым рост экспорта или

иностранных инвестиций в экономику далеко не всегда приводит к росту благосостояния жителей страны, хотя способствует увеличению прибылей. П. Кругман также утверждает, что успех государства зависит только от усилий его властей и граждан, но не от внешних факторов или от того, насколько успешными становятся другие страны [2].

В противовес П. Кругману немецкий экономист Хорст Зиберт выступает за идею конкуренции локаций за мобильные факторы производства: высокообразованную рабочую силу, капитал и технологии. Задача правительств, соответственно, заключается в создании институциональных условий привлечения и удержания таких факторов производства для повышения национального благосостояния, а также в поиске баланса регулирования их экспорта для получения выгод от такого перемещения и одновременного недопущения деградации национальной экономики. Х. Зиберт выступает за либеральную торговлю и видит роль государства как гаранта обеспечения низких транзакционных издержек перемещения факторов производства. Международное сотрудничество также необходимо для предотвращения агрессивного или оппортунистического поведения со стороны отдельных государств, которое может привести к искажению конкуренции. Однако влияние международного законодательства и норм должно быть настолько малым, насколько это необходимо для поддержания упомянутой выше системы [3].

В противовес либеральным взглядам на международную торговлю свою теорию конкурентоспособности стран и стратегии достижения национального благополучия выдвигает норвежский экономист Эрик Райнерт. Он выступает против глобальной свободной международной торговли и конкуренции в классическом понимании, тем не менее придерживаясь схожих с М. Портером и П. Кругманом идей о необходимости стимулировать именно рост продуктивности национальных экономик. Основой теории Э. Райнерта становится современная интерпретация инструмента эмуляции – стратегии копирования экономической модели или технологии с намерением превзойти оригинал, применяемой предшественниками Рикардо, в том числе меркантилистами (которые, однако, не ставили своей задачей рост благосостояния). Норвежский ученый не оперирует понятием конкурентоспособности, но делает акцент на достижении благосостояния странами, в первую очередь развивающимися. Залогом роста благосостояния Э. Райнерт видит развитие обрабатывающих производств с возрастающей отдачей от масштаба даже за счет кажущейся первоначальной неэффективности их создания на территории той или иной страны, а также последующего достижения баланса различных секторов национальной экономики [4].

Роль государства должна заключаться в создании таких условий торговли, которые бы стимулировали развитие повышающих благосостояние секторов экономики, а не только в поддержке усиления специализации тех отраслей, в которых у страны есть относительное преимущество. При этом государства могут получать преимущества при развитии своих торговых партнеров, в том числе за счет перенимания опыта (эмуляции) [4]. Этот подход отличается от идеи Портера о минимальном вмешательстве государства в работу рынка и в международную торговлю, хотя и поддерживает идею о главной цели государственной политики – повышении благосостояния граждан.

Таким образом, можно выделить 3 современных направления теории конкурентоспособности стран в зависимости от отношения к свободной торговле и к роли государства: англо-саксонское (М. Портер, П. Кругман), германское (Х. Зиберт) и скандинавское (Э. Райнерт) (см. таблицу).

Таблица

Классификация подходов к конкурентоспособности стран

		Роль государства в международной торговле	
		Минимальная	Активная
Цель политики государства	Рост продуктивности и благосостояния	Англо-саксонская школа	Скандинавская школа
	Привлечение и удержание факторов производства	Германская школа	<i>Меркантилизм</i>

Источник: составлено автором.

Представленная выше таблица является отражением существующих теоретических концепций конкурентоспособности в современном мире. Сегодня понятие конкурентоспособности в целом подвергается критике, а цели государства и его роль в международной торговле воспринимаются неоднозначно.

Англо-саксонская школа в лице М. Портера, П. Кругмана и др. выступает за максимально либеральную международную торговлю без вмешательства государства и видит цель регулирования в стимулировании роста продуктивности национальных факторов производства и благосостояния граждан.

Германская школа в лице Х. Зиберта и др., придерживаясь либеральных взглядов на международную торговлю, видит государство активным участником конкурентной борьбы локаций для размещения мобильных факторов производства. С точки зрения данной школы, государственная политика должна стимулировать привлечение и удержание таких факторов для сохранения устойчивых высоких темпов экономического роста.

Скандинавская школа в лице Э. Райнерта и др. в противовес западным экономистам ставит под сомнение возможность всеобщего благосостояния всех стран в условиях свободной торговли и изначальной неравномерности развития. В рамках данной школы предполагается, что государство должно предпринимать любые шаги для развития секторов, обеспечивающих максимальный вклад в благосостояние населения, даже если эти шаги противоречат идеям свободной торговли.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Портер, М. Международная конкуренция: конкурентные преимущества стран / пер. с англ. И.В. Квасюка [и др.]. М.: Альпина Паблишер, 2017. 952 с.
2. Krugman, P. Competitiveness: a dangerous obsession [Электронный ресурс]. URL: [http://www.walker.d.people.cofc.edu/Readings/Trade/Krugman Dangerous.pdf](http://www.walker.d.people.cofc.edu/Readings/Trade/Krugman%20Dangerous.pdf) (дата обращения: 12.03.2021).
3. Siebert, H. Locational competition: A neglected paradigm in the international division of labour [Электронный ресурс]. URL: <https://pdfs.semanticscholar.org/d7ae/d9a4c78792da59153ee53ebf1abd7ab11cf0.pdf> (дата обращения: 12.03.2021).
4. Райнерт, Э.С. Как богатые страны стали богатыми, и почему бедные страны остаются бедными / пер. с англ. Н. Автономовой. М.: Издательский дом ВШЭ, 2017. 384 с.

ГЛОБАЛЬНЫЙ ИННОВАЦИОННЫЙ ИНДЕКС – 2020: ПОЗИЦИИ БЕЛАРУСИ

А.И. Киселевич

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, ai.kiselevich@gmail.com*

2020 год стал переломным годом для экономик всех стран мира. Распространение пандемии COVID-19 значительно изменило вектор развития стран, в том числе в области инновационного развития. В таких условиях важно, чтобы поддержка инноваций стала более масштабной. В настоящее время она, главным образом, распространяется на сферу здравоохранения. Однако, важным видится, чтобы такая поддержка вышла за пределы сектора здравоохранения, и чтобы государственные расходы на инновационную деятельность компенсировали сокращение соответствующих инвестиций частного сектора. Необходимо также постоянно отслеживать влияние пандемии на научные и инновационные системы. Проанализировав динамику инновационного развития Беларуси в 2020 году, отмечается, что отдельные положительные аспекты наблюдаются уже сейчас, в частности беспрецедентный уровень международного научного сотрудничества. Однако другие явления вызывают опасения, например остановка крупнейших исследовательских проектов и возможное (и неравномерное) сокращение объема расходов на НИОКР в отдельных областях.

Ключевые слова: глобальный инновационный индекс; инновационное развитие; COVID-19; Беларусь; страны с уровнем дохода выше среднего.

GLOBAL INNOVATION INDEX 2020: POSITION OF BELARUS

A.I. Kiselevich

Belarusian State University, Independence Ave., 4, 220030, Minsk, Belarus

2020 was a watershed year for the economies of all countries of the world. The spread of the COVID-19 pandemic has significantly changed the vector of countries' development, including in the field of innovative development. In such an environment, it is important that support for innovation becomes more widespread. At present, it mainly extends to the health sector. However, it is seen as important that such support expands beyond the health sector and that government spending on innovation should offset the decline in corresponding private sector investment. It is also necessary to constantly monitor the impact of the pandemic on scientific and innovation systems. After analyzing the dynamics of the innovative development of Belarus in 2020, it is noted that certain positive aspects are already observed now, in particular, the unprecedented level of international scientific cooperation. However, other developments raise concerns, such as the halt of major research projects and possible (and uneven) cuts in R&D spending in selected areas.

Keywords: global innovation index; innovative development; COVID-19; Belarus; upper middle income countries.

Глобальный инновационный индекс – это одна из главных публикаций, дающая оценку инновационной деятельности стран [1].

В 2020 году Глобальный инновационный индекс был выпущен в 13-й раз. Стоит отметить, что за время своего существования доклад закрепил за собой репутацию ценного инструмента сравнительного анализа, стимулирующего диалог между государственным и частным секторами и позволяющего представителям директивных органов, руководителям делового сообщества и другим заинтересованным сторонам ежегодно оценивать прогресс в деле развития инноваций [1].

Глобальный инновационный индекс ранжирует мировые экономики в соответствии с их инновационными возможностями. Он состоит из примерно 80 показателей, сгруппированных по «входам» и «выходам» инноваций, и направлен на то, чтобы охватить многомерные аспекты инноваций.

В Таблице представлены рейтинги Беларуси за последние три года (2018-2020 гг.). Стоит отметить, что за анализируемый период позиции Беларуси в рейтинге значительно улучшились: с 86 на 64 позицию (см. таблицу).

Рейтинг Беларуси в Глобальном инновационном индексе (2018-2020 гг.)

	Глобальный инновационный индекс
2020	64
2019	72
2018	86

Источник: [1].

Также Беларусь занимает 18-е место среди 37 стран с уровнем дохода выше среднего и 37-е место среди 39 экономик Европы.

В Публикации Глобального инновационного индекса 2020 было проведено сравнение Республики Беларусь с другими экономиками Европы, а также с группой стран с доходом выше среднего. На Рисунке 1 представлены баллы Беларуси по семи столпам Глобального инновационного индекса.

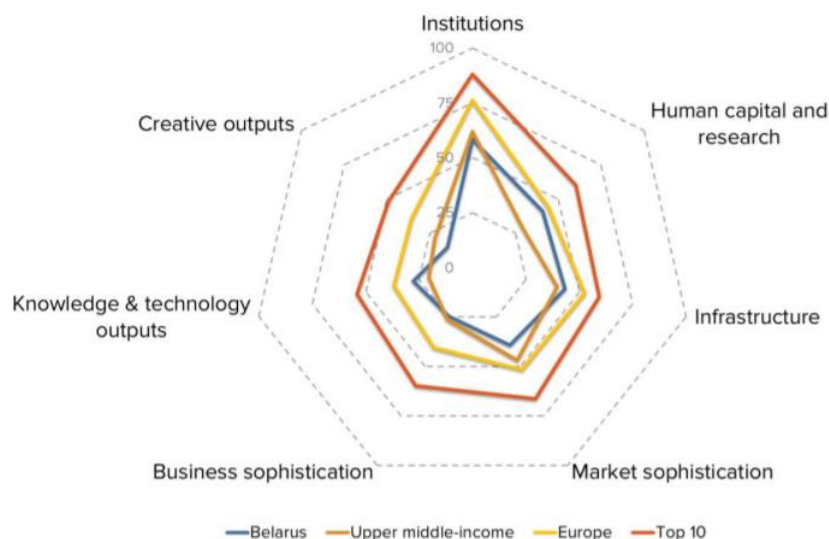

Рис. 1. – Баллы Беларуси по семи столпам ГИ

Источник: [1].

При сравнении Беларуси со странами с уровнем дохода выше среднего, можно отметить, что Беларусь имеет высокие баллы по трем из семи компонентов Глобального инновационного индекса. Наиболее высокие позиции Беларусь имеет по показателям: человеческий капитал и исследования, инфраструктура и знания и технологии, которые выше среднего для группы с доходом выше среднего.

Однако, по таким параметрам, как институты, развитость рынка, развитость бизнеса и творческие результаты, Беларусь имеет рейтинг ниже среднего для своей группы доходов.

По сравнению с другими странами Европы, Беларусь имеет показатели ниже среднего по всем семи компонентам Глобального инновационного индекса.

Беларусь показывает лучшие результаты в области человеческого капитала и исследований. Слабые позиции Беларусь имеет в области развитости рынка.

На Рисунке 2 представлены позиции Беларуси по всем компонентам Глобального инновационного индекса 2020. Стоит также отметить, что слабые позиции Беларусь имеет и в области развития институтов, бизнеса и креативности.

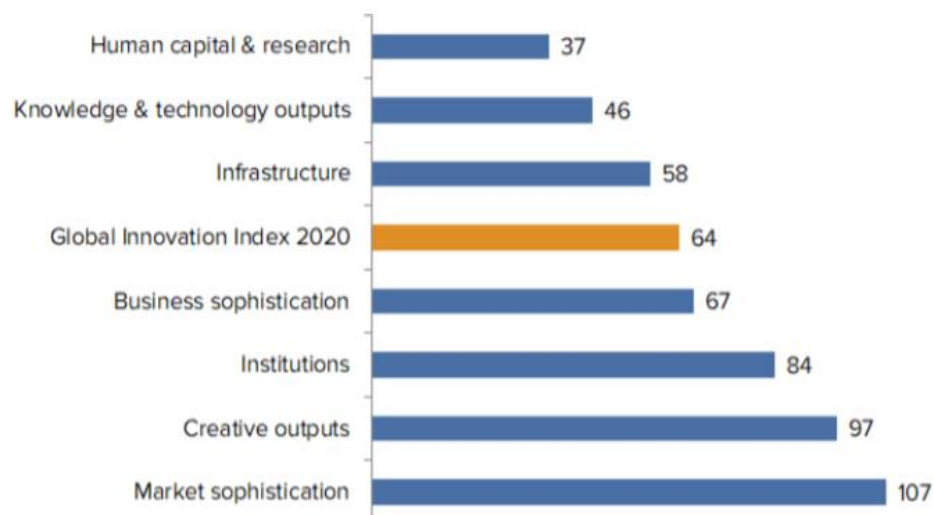

Рис. 2. – Позиции Беларуси по всем компонентам Глобального инновационного индекса 2020

Источник: [1].

На сегодняшний день можно отметить ряд сильных сторон Беларуси в области инновационного развития. Сильные стороны заключаются в шести из семи компонентов Глобального инновационного индекса.

1. Человеческий капитал и наука (37-е место в рейтинге): показывает сильные стороны в подкомпонентах «Образование» (16-е место) и «Высшее образование» (10-е место), а также в подкомпоненте соотношения численности учеников и учителей в среднем образовании (16-е место);

2. Инфраструктура (58-е место): индикатор доступа к ИКТ (19-е место) демонстрирует сильные стороны;

3. Уровень развития рынка (107-е место);

4. Уровень развития бизнеса (67-е место): показатель «женщины, работающие с учеными степенями» (2-е место), являются сильной стороной;

5. Результаты в области развития знаний и технологий (46-е место): Беларусь демонстрирует сильные стороны по показателям сертификатов качества ISO 9001 (5-е место) и экспорта услуг ИКТ (15-е место);

6. Результаты креативной деятельности (97-е место): показатель «Создание мобильного приложения» (1-е место) показывает сильные стороны в области развития данного показателя.

Слабые стороны Глобального инновационного индекса 2020 для Беларуси можно отметить в шести из семи компонентов Индекса:

1. Институты (84-е место): отмечены слабые места в показателях Качество регулирования (111-е место) и Верховенство права (116-е место);

2. Человеческий капитал и наука (37-е место): показывает слабость индикатора «Глобальные научно-исследовательские компании» (42-е место);

3. Инфраструктура (58-е место): показывает слабость показателя ВВП на единицу использования энергии (99-е место);

4. Уровень развития рынка (107-е место): показывает слабые места в разделе «Кредит» (119-е место) и в индикаторах Микрофинансовые займы брутто (82-е место) и сделки с венчурным капиталом (76-е место);

5. Результаты в области развития знаний и технологий (46-е место): показатель «Расходы на компьютерное программное обеспечение» (104-е место) является слабым местом;

6. Результаты креативной деятельности (97-е место): Беларусь показывает слабые места в подкомпоненте «Нематериальные активы» (130-е место) и в показателях «Стоимость глобального бренда» (80-е место), национальных художественных фильмов (107-е место) и «Печать и другие средства массовой информации» (91-е место).

Таким образом, в условиях кризиса, вызванного пандемией COVID-19, ожидаются сокращения источников финансирования. В сложившихся условиях важно отметить, что дальнейшая государственная поддержка исследований и разработок, инновационной деятельности (особенно в секторе малых предприятий и стартапов) должна стать приоритетом для Республики Беларусь.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. The Global Innovation Index 2020: Who Will Finance Innovation? [Электронный ресурс]: WIPO. URL: https://www.wipo.int/edocs/pubdocs/en/wipo_pub_gii_2020.pdf. (дата обращения: 23.01.2021).

ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОГО ЭТАПА ВНЕШНЕТОРГОВОГО СОТРУДНИЧЕСТВА США И КИТАЯ

Коу Синьсянь

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, 1973173632@qq.com*

В рамках исследования рассмотрены основы внешнеторгового сотрудничества США и Китая на современном этапе и обозначены основные тенденции. В результате анализа установлено ухудшение двусторонних торговых отношений, со-

кращение экспортно-импортных потоков и переход от взаимовыгодного сотрудничества стран к открытому соперничеству.

Ключевые слова: Китайско-американские отношения; международная торговля; торговая война; торговый дефицит; таможенная пошлина.

FEATURES OF THE MODERN STAGE OF FOREIGN TRADE CO-OPERATION BETWEEN THE UNITED STATES AND CHINA

Kou Xinxian

Belarusian State University, 4, pr. Nezavisimosti, Minsk 220030, Belarus

The study examined the foundations of U.S.-China foreign trade cooperation at the current stage and outlined the main trends. The analysis found a deterioration in bilateral trade relations, a reduction in export-import flows and a shift from mutually beneficial co-operation between countries to open competition.

Keywords: China-U.S. relations; International trade; A trade war; Trade deficit; Customs duty.

Сотрудничество США и Китая во все времена характеризовалось сложным сочетанием двух подходов – «вовлечения» и «сдерживания», а двустороннее торговое взаимодействие выстраивалось на основе ряда противоречий, обусловленных принципиальными различиями их идеологий, систем ценностей и политико-экономических моделей. Стабильное развитие Китая и его превращение в основного игрока мирового рынка привело к возникновению дополнительных разногласий, основанных на соперничестве за лидерство в различных сферах и регионах [1, с. 85].

В целом современный этап двустороннего сотрудничества Китая и США характеризуется значительным ухудшением отношений между странами. Негативное отношение к Китаю со стороны американского правительства в контексте торговой политики объясняется стабильным ростом торгового дефицита, ухудшающим экономическое положение США: дефицит торгового баланса США с Китаем за десять лет – с 2009 г. по 2018 г. – увеличился с 221,9 млрд долл. США до 443,1 млрд долл. США [5].

Начало периода очередного охлаждения торговых взаимоотношений отсчитывается от момента избрания Президентом США в 2016 г. Д. Трампа [2, с. 177]. Одновременно активная борьба в области торговли началась с объявления 22 марта 2018 г. администрацией Дональда Трампа сообщения о повышении тарифов на импорт из Китая на сумму не менее 50 млрд долл. США. В ответ на это, в начале апреля Китай ввел

аналогичные меры в отношении ряда американских товаров, что фактически и обусловило начало торговой войны между крупнейшими экономиками мира. В дальнейшем 6 июля 2018 г. администрация Трампа установила новые пошлины на китайские товары на общую сумму 34 млрд. долл. США (более 800 китайских промышленных товаров, а также телевизоры и медицинские приборы, стали облагаться 25-процентным налогом на импорт), что вновь вызвало ответные меры и введение Китаем собственных тарифов на более чем 500 американских товаров (на общую сумму 34 млрд. долл. США).

Усиление торговой войны произошло уже в 2019 г. 10 мая 2019 г. администрация Дональда Трампа вновь использовала инструменты тарифного регулирования и подняла тарифы с 10 до 25 процентов на ряд китайских товаров на сумму 200 млрд. долл. США. Китай в ответ объявил о планах повышения тарифов на американские товары на сумму 60 млрд. долл. США. Спустя несколько месяцев администрация Трампа объявила об очередном повышении тарифов на товары на сумму 300 млрд. долл. США и после того, как центральный банк Китая позволил юаню значительно ослабнуть, назвала Китай «валютным манипулятором».

В результате отмеченного (повышение тарифов и дестабилизация бизнес-среды), за последние два года произошло резкое сокращение торговых операций США и Китая. Если до февраля 2019 г. Китай был крупнейшим торговым партнером Соединенных Штатов, то в настоящее время он находится на третьем месте после Канады и Мексики. При этом второй год подряд сокращается экспорт товаров из США в Китай, а экспорт услуг растет минимальными темпами [4]. В целом в 2019 г. объем экспорт из США в Китай сократился на 11,3 % до 106,6 млрд. долл. США после сокращения на 7,5 процентов годом ранее. Импорт из Китая в США в 2019 г. сократился впервые с 2009 г. – на 16,1 % [5].

Сложившиеся тенденции, негативно влияющие на экономику обеих стран, привели к попытке правительств урегулировать имеющиеся разногласия. Так, 15 января 2020 г. президент Трамп и вице-премьер Китая Лю Хэ подписали «первую фазу» торгового соглашения, ставшую прорывом в почти двухлетней торговой войне между двумя крупнейшими экономиками мира. Данное соглашение привело к сокращению некоторых американских тарифов на импорт из Китая и обязало Китай в течение двух лет дополнительно импортировать американские товары на сумму 200 млрд. долл. США, включая сельскохозяйственную продукцию и автомобили, а также наращивать объемы поставок вплоть до 2025 г. На Китай также была возложена обязанность по обеспечению защиты интеллектуальной собственности.

Установленные договоренности могли бы стать основой для восстановления плодотворных и тесных торгово-экономических отношений, однако напряженность между странами вновь выросла в конце января 2020 г. ввиду распространения коронавирусной инфекции. 31 января 2020 г. администрация Трампа запретила всем неамериканским гражданам, недавно посетившим материковый Китай, въезжать в Соединенные Штаты. К марту Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) объявила вспышку нового коронавируса пандемией, после чего официальные лица Китая и США начали обвинять друг друга в происхождении вируса, что заложило основу продолжающимся взаимным негативным действиям. Данные действия проявились в высылке китайским правительством по меньшей мере тринадцати журналистов из трех американских газет, подписании 14 июля 2020 г. Президентом США указа, отменяющего преференциальный торговый статус Гонконга и закона о наказании должностных лиц и предприятий, которые подрывают свободу и автономию города, а также закрытии китайского консульства в Хьюстоне и консульства США в Чэнду. В дополнение к данным действиям 23 июля 2020 г. госсекретарь США Майк Помпео, выступил с речью, в рамках которой заявил об окончании эпохи взаимодействия с Коммунистической партией Китая.

Сложившиеся обстоятельства при значительных масштабах торговли между странами и их влиянии на мировой рынок с позиции двух крупнейших экономик, ознаменовали не просто развязывание китайско-американской торговой войны, а начало процесса трансформации привычной системы международных торговых отношений. Значительное повышение барьеров в торговле между странами привело к возникновению общих негативных последствий для мировой торговли: обложение США в конце 2019 г. пошлинами 375 млрд долл. китайского импорта и ответное обложение Китаем 110 млрд долл. американских поставок привело к сокращению глобального ВВП к 2020 г. на 0,8% [3].

Таким образом, наблюдаемые в последние годы тенденции внешнеторгового сотрудничества между странами свидетельствуют о коренной трансформации политики США в отношении Китая. В данном контексте можно говорить о переходе от сбалансированного подхода к установлению двухсторонних отношений, характеризующегося тем, что даже в условиях достаточно широкого спектра противоречий страны продолжали сотрудничество по глобальной и региональной повесткам, к несбалансированному подходу, предполагающему значительное сокращение взаимодействия на всех уровнях.

При дальнейшем развитии торговой войны ее негативные последствия окажут влияние не только на экономики США и Китая, но и экономические системы других стран. Значимая роль стабилизации отношений Китая и США в обеспечении устойчивости мировых рынков

предопределяет необходимость поиска специфического механизма регулирования, позволяющего разрешить сложившиеся разногласия и конфликты и одновременно не противоречащего национальным интересам обеих стран.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Лексютина, Я. Американо-китайские отношения в 2018-2019 гг.: торговая война и процесс декаплинга // *Мировая экономика и международные отношения*. 2020. № 6. С. 85–93.
2. Тимофеев, О. А. Китайско-американский торговый конфликт 2019 года и его перспективы: между пессимизмом и неизвестностью // *Китай в мировой и региональной политике. История и современность*. 2019. № 1. С. 173–186.
3. Fitzgerald, M. Trade war hit to global economy could be as big as the entire economy of Switzerland, new IMF director says [Electronic resource] // CNBC. Mode of access: <https://www.cnbc.com/2019/10/17/imf-trade-war-hit-to-global-economy-could-be-as-big-as-switzerland.html>. Date of access: 07.01.2021.
4. State Export Report (2020) [Electronic resource] // THE US-China business council. Mode of access: <https://www.uschina.org/reports/2020-state-export-report>. Date of access: 07.01.2021.
5. Trade in value by partner countries [Electronic resource] // Organisation for economic co-operation and development. Mode of access: <https://stats.oecd.org/Index.aspx?DataSetCode=PARTNER#>. Date of access: 07.01.2021.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЫНОК МЕДИЦИНСКИХ УСЛУГ КАК ЛОКОМОТИВ НАЦИОНАЛЬНЫХ ЭКОНОМИК В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ

А.П. Кулик¹⁾, Н.В. Юрова²⁾

¹⁾ *Белорусский государственный университет
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, hanna_kulik@mail.ru*

²⁾ *Белорусский государственный университет
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, yurova@bsu.by*

В статье представлены различные научные подходы к определению рынка медицинских услуг. Проанализированы последствия пандемии Covid-19 для стран мирового сообщества. Выявлены основные проблемы и тенденции восстановления национальных экономик развитых и развивающихся стран в зависимости от формирования их конкурентных преимуществ в сфере медицины и здравоохранения на международном рынке медицинских услуг.

Ключевые слова: международный рынок медицинских услуг, пандемия, Covid-19, цифровизация, инновации.

THE INTERNATIONAL MARKET OF MEDICAL SERVICES AS AN ENGINE OF NATIONAL ECONOMIES IN A PANDEMIC

H.P. Kulik^a, N.V.Yurova^b

^a *Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus*

^b *Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus*

Corresponding author: N.V.Yurova (yurova@bsu.by)

The article provides various scientific approaches to the definition of health services market. The consequences of the Covid-19 pandemic for the world community are being analyzed. The main problems and trends of the recovery of national economies of developed and developing countries depending on the formation of their competitive advantages in the field of medicine and health care in the international market of medical services are identified.

Keywords: international market of medical services, pandemic, Covid-19, digitalization, innovation.

Еще в начале двадцатого века сфера медицины и здравоохранения, в частности оказание медицинских услуг, стала весьма привлекательной для инвесторов в связи с выявлением новых заболеваний, патентованием новых лекарственных препаратов и методик лечения и др. Перспективы развития рынка медицинских услуг всегда неразрывно связаны с повышением роли здоровья человека как основного элемента человеческого потенциала.

Последние несколько лет показали, что рынок медицинских услуг – это индикатор социально-экономического развития государств, от уровня которого зависят многие макроэкономические показатели. Существуют различные подходы и трактовки понятия «рынка медицинских услуг». Значительный вклад в раскрытие понятий «медицинская услуга» и «рынок медицинских услуг» внесли Н.Г. Шамшурина, И.М. Шейман, П.А. Плесовский, Р. Масгрейв, А. Пикок, Ф.Н. Кадыров, Р.А. Галкин, С.И. Двойников, В.В. Павлов, С.А. Столяров и тд [1].

«Рынок медицинских услуг» может быть определен, с одной стороны, как совокупность всех медицинских технологий, изделий медицинской техники, методов организации медицинской деятельности, фармакологических средств, реализуемых в условиях конкурентной экономики, с другой стороны, как совокупность существующих и потенциальных производителей и потребителей медицинских услуг, писал Р.А. Галкин[2].

«Международный рынок медицинских услуг» – это рынок, который состоит из продажи медицинских услуг и сопутствующих товаров субъектам (организациям, индивидуальным предпринимателям и товариществам), оказывающим медицинские услуги населению всего земно-

го шара. Основными игроками на мировом рынке медицинских услуг являются National Health Service, Fresenius Medical Care AG & Co. KGaA, Community Health Systems, DaVita, Universal Health Services[3].

Исходя из вышесказанного, рынок медицинских услуг имеет ряд своих особенностей. С позиции классического рыночного ценообразования стоимость медицинской услуги должна формироваться под воздействием законов спроса и предложения. Однако рынок медицинских услуг во многих странах подвергается государственному регулированию. Это связано с тем, что цена на медицинскую услугу имеет не только экономическое значение, но и социальное. Часто странами применяется дифференцированный подход, при котором есть обязательные медицинские услуги (первая медицинская помощь, операции по спасению жизни человека и др.) с жестким регулированием ценообразования на них и добровольные медицинские услуги, которые могут быть оказаны только по желанию пациента (процедуры оздоровления, коррекция внешности, смена пола, ЭКО и др.)

Согласно статистическим данным, на апрель 2020 года, потери мировой экономики после пандемии составят не менее пяти триллионов долларов. Уровень мирового ВВП уже упал на 4%, а уровень ВВП таких развитых стран мира, как США, Великобритания, снизились на 14% и 10% соответственно.

Прогнозы на будущее давать преждевременно, но уже сейчас можно отметить значительные последствия для мировой экономики от пандемии Covid-19. Сфера здравоохранения, несомненно, станет приоритетом как в развитых, так и развивающихся странах. Инвестиции и инновации станут основными катализаторами развития международного рынка медицинских услуг. А от того, насколько страны смогут формировать свои конкурентные преимущества в сфере медицины и здравоохранения, они получат дополнительный импульс к устойчивому развитию национальных экономик.

Так, например, цифровизация, как современная тенденция развития экономики, охватывает все больше сфер жизнедеятельности человека, включая медицину и здравоохранение. Именно 2020 год стал толчком для внедрения безбумажного документооборота и внедрения цифровых технологий, а сфера медицинских услуг, включая производство медицинских технологий и препаратов, стала самой привлекательной для основных венчурных фондов и инвесторов.

Опасения, что на венчурные инвестиции повлияют задержки в клинических испытаниях и возможное снижение доходов, вызванное COVID-19, не оправдались. Финансирование здравоохранения во всех трех основных регионах – Северной Америке, Азии и Европе – выросло

по сравнению с предыдущим кварталом в 1,5 раза. Финансирование цифрового здравоохранения в Азии увеличилось почти в 3 раза.

Анализ основных игроков в сфере предоставления медицинских услуг и внедрения новых технологий, показывает, что акции компаний подорожали за первые десять месяцев 2020 года на 14% согласно анализу рейтинга, который составляет Investor's Business Daily Кроме того, для ряда акций медицинских компаний опубликованы оптимистичные сводные рейтинги, которые свидетельствуют об их надежности.

Отдельного внимания заслуживает занятость на рынке медицинских услуг, для обеспечения которой необходимы высококвалифицированные специалисты и младший медицинский персонал. Рынок труда во время пандемии полностью изменился. Резко сократились актуальные вакансии, многим компаниям пришлось сократить рабочий коллектив из-за отсутствия возможности оплаты и наличия работ, а спрос на медицинских работников разной категории рос и продолжает расти с каждым днем.

Долгое время наблюдалась тенденция низкой оплаты труда таких профессий как медицинский работник, в частности в государственных структурах, а также будущие учителя и преподаватели. Данный процесс привел к большому сокращению медицинского персонала в странах, где труд не оценивался по достоинству. Молодые специалисты продолжают обучаться медицине не выезжая за рубеж, но как только становится вопрос трудоустройства, процент оттока высококвалифицированного персонала растет.

К слову, по статистическим данным, разница между заработком врача, получившего высшее образование и медсестры достигает не более 5 базовых величин. Врач – это не про деньги. Это про призвание и уважение. На примере России, государством были приняты серьезные меры по обеспечению и оплате медицинского персонала, работающего в зонах повышенной опасности для здоровья. Был создан финансовый фонд стимулирования медицинского персонала.

Другим последствием пандемии стала либерализация внешней торговли некоторых стран и в целом международного рынка медицинских услуг. Высокий спрос на лекарственные препараты запустил процесс отмены пошлин при импорте и экспорте товаров для оперативного лечения пациентов. Так, Франция, ВВП которой упал на 13%, и Италия, ВВП которой упал на 19%, смогли на взаимовыгодных условиях договориться о сотрудничестве друг с другом, что привело к более благоприятным последствиям, чем было бы без него.

Рынки медицинских услуг ряда стран подтвердили, что отрасль здравоохранения является локомотивом развития их национальных экономик, который также сильно влияет на национальную безопасность. В

среднем, траты на медицинские услуги в Швейцарии и Швеции достигают 11% от ВВП. Во время пандемии уровень заболеваемости в этих странах был ниже среднего, при этом спрос и предложение на медицинские услуги и препараты стабильно росли. Однако для других стран характерны иные тенденции. Наблюдая за статистикой заболеваемости Covid-19 в США, мы не видим снижения, при том, что государство выделяет свыше 15% ВВП на развитие рынка медицинских услуг и около 10% на развитие и внедрение как цифровой медицины, так и инновационных технологий, и препаратов.

Несомненно, США и Китай являются странами-локомотивами мировой экономики, что позволяет им любую гуманитарную катастрофу превратить в свой экономический рост. Существует прогноз, что инвестиции, вложенные в американский рынок медицинских услуг, дадут большие дивиденды, и статья здравоохранения будет равна трети ВВП США к концу пандемии. Однако, скорость выхода США из экономического кризиса в производственном секторе будет более низкая, чем у Китая. Рынок медицинских услуг Китая — это круглосуточная работа над внедрением цифровизации и борьба с пандемией. Китай быстро смог внедрить цифровой медицинский контроль и успешно смог предложить данную услугу на внешние рынки. А это, в свою очередь, позволило минимизировать падение темпов в производственном секторе и все равно выйти на положительный экономический рост. Скорость выхода Китая из экономического кризиса, спровоцированного пандемией Covid-19, станет весомой для восстановлений всех экономик мира.

Таким образом, страны столкнувшись с неожиданным вызовом — Covid-19, получили импульс к развитию национальных рынков медицинских услуг. От того, как будут формироваться конкурентные преимущества стран в сфере медицины и здравоохранения, будет развиваться международный рынок медицинских услуг, а значит, и будет зависеть устойчивый рост национальных экономик.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Рынок Медицинских Услуг - По Типу (Больницы И Клиники, Врачи, Сестринское Дело, Стоматологические Услуги, Лабораторные Услуги, Скорая Помощь И Другие), По Полу Конечного Пользователя И По Региону, Возможностям И Стратегиям - Глобальный Прогноз До 2022 Года [Электронный ресурс]: Электрон. текстовые дан. 2019. URL: <https://narfu.ru/agtu/www.agtu.ru/fad08f5ab5ca9486942a52596ba6582elit.html> (дата обращения: 03.01.2021).
2. Титова, А. Рынок медицинских услуг как социально-экономическая система // Вестник Саратовского государственного технического университета. 2009. № 3 (69). Вып. 4
3. Титова, А.О. Организационно-экономический механизм регулирования рынка медицинских услуг как социально-экономической системы: автореф. дис. на

ПЕРСПЕКТИВЫ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ МЕЖДУНАРОДНОГО БИЗНЕСА В 2021 ГОДУ

В. В. Лабурдова¹⁾, Е. С. Ботеновская²⁾

¹⁾Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, lera.laburdova@list.ru

²⁾Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, batsianouskaya@bsu.by

В статье рассматриваются перспективы цифровой трансформации в 2021 году, приводящие к изменениям в развитии международного бизнеса и деятельности компаний. В ходе работы было установлено, что пандемия COVID-19 ускорила быстрое внедрение цифровых технологий за счет миграции через облако, экстремальной автоматизации и мобильности, что привело к увеличению объема бесконтактных и всегда доступных услуг. Обоснована необходимость перепрофилирования для обеспечения готовности к новым технологиям, и поддержки непрерывности бизнеса.

Ключевые слова: цифровизация; международный бизнес; цифровая трансформация; информационные технологии; облачная миграция.

THE PROSPECTS FOR DIGITAL TRANSFORMATION OF INTERNATIONAL BUSINESS IN 2021

V. V. Laburdova^a, E. S. Botenovskaya^b

^aBelarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus

^bBelarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus
Corresponding author: E. S. Botenovskaya (batsianouskaya@bsu.by)

The article examines the outlook for digital transformation in 2021, leading to changes in international business development and company operations. The paper identifies that the COVID-19 pandemic has accelerated rapid digital adoption through migration via the cloud, extreme automation, and mobility, leading to an increase in contactless and always-on services. The need for reprofiling to ensure readiness for new technologies, and to support business continuity, has been justified.

Keywords: digitalization; international business; digital transformation; information technology; cloud migration.

Глобальная пандемия 2020 г. привела к значительным изменениям во всех сферах международного бизнеса. Организации стали активнее использовать технологии для реагирования на сбои и решения неотлож-

ных проблем, а также для создания более устойчивой и ориентированной на человека экономики. В ответ на это была отмечена волна цифровых преобразований во всех секторах, что открыло новые возможности для некоторых из них.

Переход к цифровой бизнес-модели создал растущее давление на предприятия, вынуждающее их перенимать более новые технологии и идти по пути цифровизации, чтобы оставаться конкурентоспособными и создавать связанный с ними потребительский опыт для выживания. Согласно докладу Национальной ассоциации компаний-разработчиков программного обеспечения и сервисных компаний NASSCOM, в результате сделок по преобразованию цифровых технологий произошел 30%-ный скачок, 80%-ный рост расходов в облаке и 15%-ный рост потребительского опыта после пандемии [1]. В 2021 г. прогнозируется волна гиперцифровизации, в большей степени в мире фигитальной, т.е. физической и цифровой одновременно. Это приведет к обновлению существующих бизнес-моделей, которые помогут предприятиям расти, преодолевая границы, предлагая взаимосвязанный пользовательский опыт, автоматизируя продажи или фронт-функции, устраняя сбои в цепочках поставок и т.п. Иными словами, в 2021 г. предприятия будут внедрять новые технологии и новый способ ведения бизнеса.

Согласно отчету консалтинговой компании Gartner, 89% директоров по информационным технологиям ожидают, что использование цифровых каналов связи для охвата клиентов будет увеличиваться, что сделает цифровые преобразования необходимыми для восстановления экономики в 2021 г. [2]. ИТ-отрасль была названа основным поставщиком услуг во время всемирного карантина, поскольку она обеспечивала поддержку многих отраслей. В то время как многие предприятия уже находились на пути преобразований, пандемия послужила катализатором перехода на цифровые технологии.

Организации испытывают все большее давление в связи с необходимостью быстрой реализации услуг в цифровом формате для удовлетворения растущих потребностей клиентов и создания новых каналов получения дохода. Потребители хотят постоянного взаимодействия с брендами по предпочитаемым ими цифровым каналам.

По данным компании Deloitte, 75% потребителей ожидают последовательного взаимодействия во всех отделах компании [3]. При этом 86% потребителей говорят о том, что они хотят иметь возможность перемещаться между каналами при общении с брендом. 92% потребителей удовлетворены общением в чате в режиме реального времени, что делает его каналом поддержки, обеспечивающим наивысшую степень удовлетворенности клиентов. А 78 % потребителей используют мобильные

устройства для связи с брендами в целях обслуживания клиентов – это число возрастает до 90 % от общего числа опрошенных миллениалов (см. рисунок).

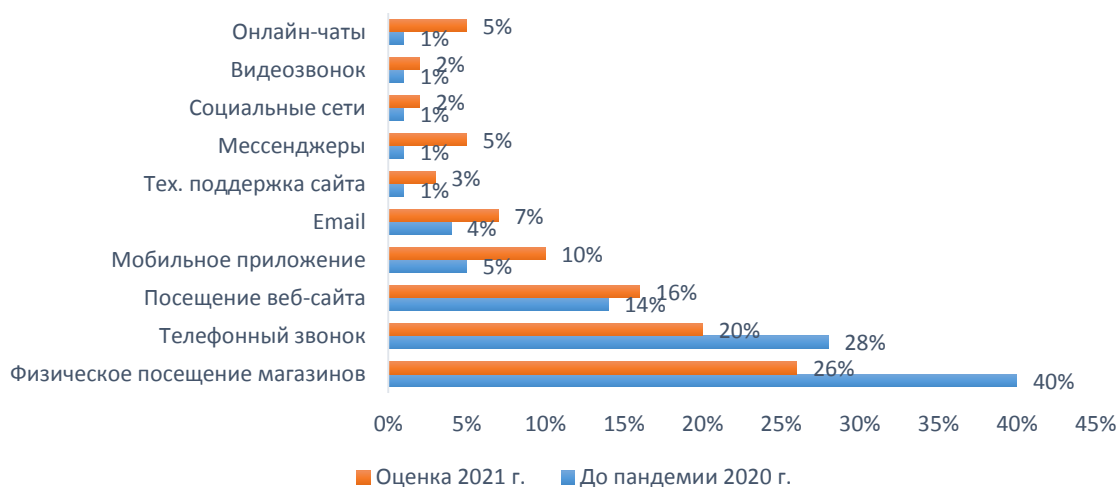

Рис. – Характер взаимодействия компаний с клиентами, 2020-2021 гг.

Примечание – источник [3]

Пандемия COVID-19 ускорила быстрое внедрение цифровых технологий за счет миграции через облако, экстремальной автоматизации и мобильности, что привело к увеличению объема бесконтактных и всегда доступных услуг. В 2021 г. предприятия будут адаптироваться к новым технологиям, которые помогут им снизить эксплуатационные расходы, снизить риски и обеспечить добавленную стоимость бизнеса, что поможет им связать свой бизнес и производственно-сбытовую цепочку с внешним миром.

Руководители ИТ-отделов должны сконцентрировать свое внимание на предоставлении услуг, не зависящих от местоположения, при этом работая в рамках устойчивой модели предоставления услуг с учетом проблем кибербезопасности. Общий регламент по защите данных продолжит доминировать в области конфиденциальности данных и в 2021 г. Недавний опрос, проведенный PwC, показал, что 44% опрошенных руководителей компаний относят конфиденциальность данных к трем ведущим сферам политики, оказывающим наибольшее влияние на их бизнес. При этом 69% респондентов "очень активно" стремятся к формированию политики конфиденциальности данных [4].

Более 40% крупных британских компаний ожидают, что к 2021 г. они будут только облачными: больше данных и приложений переходят в «облако». Объем мирового рынка облачных вычислений оценивается в 266 млрд долларов США в 2019 г. и, как ожидается, будет расти при совокупном годовом темпе роста в 14,9% в период с 2020 по 2027 г., по данным Grand View Research [4]. В этом контексте Analytics Insight пе-

речисляет следующие тенденции в области облачных вычислений: Бессерверные облачные вычисления реализуют функции в облаке по мере необходимости, снижая нагрузку от эксплуатации и управления серверами для предприятий, концентрирующихся на работе над своим основным продуктом. 2) Аналитические фирмы прогнозируют дальнейший значительный рост гибридных облачных решений – смешанных вычислений, систем хранения данных и среды обслуживания, состоящих из местной инфраструктуры, частных облачных служб и/или публичного облака [4].

Американский финансово-экономический журнал Forbes представил следующую статистику по промышленности [5]. Средние расходы предприятий на облака выросли на 59% с 2018 г. до 73,8 млн долл. в 2020 г. Облачные технологии в настоящее время встроены в бизнес-стратегии предприятий, так как 92% утверждают, что их ИТ-среда (инфраструктура, приложения, аналитика данных и т.д.) полагается на облако, которое, по прогнозам, вырастет до 95% за следующие 18 месяцев. При этом 54% корпоративных приложений уже перешли из локальной среды в «облако», а 46% были специально созданы для «облака».

ИТ-индустрия всегда была свидетелем появления новых технологий, что повышает необходимость перепрофилирования для высвобождения потенциала технологий. В настоящее время из-за пандемии внедрение новых технологий происходит гораздо быстрее, чем раньше. Перепрофилирование всегда было главным приоритетом для ИТ-отрасли, чтобы обеспечить готовность рабочей силы к новым технологиям, сбоям и поддержку непрерывности бизнеса. В нынешней ситуации, несмотря на то, что организации в полном объеме занимаются повышением квалификации и переподготовкой сотрудников, все больше и больше становится личной ответственностью каждого человека.

В 2021 г. цифровые навыки будут пользоваться наибольшим спросом в связи с большим количеством доступных возможностей. Цифровые технологии, такие как искусственный интеллект, аналитика больших данных, облачные вычисления, кибербезопасность, роботизированная автоматизация процессов, блокчейн, дополненная и виртуальная реальность будут пользоваться большим спросом. Согласно отчету NASSCOM, спрос Индии на рабочие места в сфере цифровых талантов примерно в 8 раз превышает размер резерва квалифицированных специалистов. Ожидается, что к 2024 г. этот спрос увеличится в 20 раз по сравнению с имеющимся кадровым резервом [1].

Так, одной из пяти сфер цифровой трансформации Германии является цифровая компетенция, которая подразумевает изменение форм обучения и образования в новом цифровом мире [6]. Федеральное пра-

вительство и правительства земель будут способствовать развитию навыков работы с цифровыми технологиями примерно в 43000 школ страны. В будущем все школы должны иметь быстрое подключение к сети интернет и мощную цифровую инфраструктуру. Правительства земель должны обеспечить также разработку педагогических концепций и высокую квалификацию преподавателей. Поддержка будет осуществляться также в университетах, иных учебных заведениях и предприятиях. Цифровой грамотности планируется обучать также вне учебных заведений не только детей и подростков, но и пожилых людей, чтобы помочь им идти в ногу с развитием цифровых технологий. Планируется поддержка волонтерских и общественных организаций, которые способствуют распространению цифровых знаний [7].

Увеличение инвестиций ТНК усилит растущий спрос на талантливых специалистов и увеличит разрыв между спросом и предложением, однако компании проводят масштабную работу по перепрофилированию для устранения разрыва между спросом и предложением. Стандартизация рабочих ролей и задач еще больше ускорит переквалификацию для экосистемы. Предприятия должны переориентировать свои цели обучения и применять гибкие подходы к обучению, чтобы ликвидировать разрыв в навыках, который будет препятствовать решению стратегических приоритетных задач на период после завершения COVID-19 и поможет в достижении бизнес-целей.

К другим тенденциям цифрового преобразования, которые окажут влияние на бизнес в 2021 г. и в последующий период, относятся [4]:

1) *Искусственный интеллект (ИИ)*. ИИ постепенно встраивается в существующие устройства и сделает определенную функциональность быстрее и точнее в стандартной комплектации. Теперь сенсоры могут обнаружить любое из пяти чувств (включая обоняние), и ИИ будет все больше применяться ко всем этим чувствам. Примером может служить возможность обнаружения вибраций или необычных шумов на заводе-изготовителе, что гарантирует проведение техобслуживания оборудования до его выхода из строя.

2) *5G*. 5G уже вышло на первый план, и в 2021 г. и в последующий период мы станем свидетелями более активного внедрения сверхбыстрой инфраструктуры, которая окажет влияние на искусственный интеллект и машинное обучение, а также на безопасность, телекоммуникации и финансовые услуги.

3) *ERP* (Enterprise Resource Planning, планирование ресурсов предприятия). Поскольку традиционное программное обеспечение заменяется роботизированной автоматизацией процессов, появляются новые технологии, а экономика становится менее стабильной, продавцы и покупа-

тели ERP должны соответствующим образом корректировать свои стратегии.

Таким образом, в 2021 г. организации должны рассмотреть три ключевые стратегические возможности как для выхода из кризиса, так и для смелого позиционирования себя и для процветания в будущем:

1) переосмысление того, где и как происходит взаимодействие с клиентом/покупателем, с акцентом на повышение цифрового контакта и его прозрачности, гибкости и устойчивости;

2) удвоение усилий по преобразованию цифровых технологий с упором на совершенствование облачной инфраструктуры, возможностей для обработки данных и анализа, кибербезопасности и трансформации бизнес-моделей;

3) переориентация и переподготовка рабочей силы для оптимизации возможностей удаленной работы и использования всех преимуществ передовых технологий, таких как искусственный интеллект, 5G, ERP.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. 2021 will bring the next wave of Hyper-Digitalisation [Electronic resource] // ETCIO Mode of access: <https://cio.economictimes.indiatimes.com/news/strategy-and-management/2021-will-bring-the-next-wave-of-hyper-digitalisation/80225137>. Date of access: 20.01.2021.

2. Top strategic technology trends for 2021 [Electronic resource] // Gartner. Mode of access: <https://www.gartner.com/smarterwithgartner/gartner-top-strategic-technology-trends-for-2021/>. Date of access: 20.01.2021.

3. Top 8 trends shaping digital transformation in 2021 [Electronic resource] // Zdnet. Mode of access: <https://www.zdnet.com/article/top-8-trends-shaping-digital-transformation-in-2021/>. Date of access: 20.01.2021.

4. Digital transformation trends 2021 [Electronic resource] // Enonic. Mode of access: <https://enonic.com/blog/digital-transformation-trends>. Date of access: 21.01.2021.

5. 32 of IT budgets will be dedicated to the cloud by 2021 [Electronic resource] // Forbes. Mode of access: <https://www.forbes.com/sites/louiscolumbus/2020/08/02/32-of-it-budgets-will-be-dedicated-to-the-cloud-by-2021/?sh=d23ccca5fe3c>. Date of access: 21.01.2021.

6. Ботеновская Е.С., Наумова Д.С. Дигитализация экономики Германии // Журнал международного права и международных отношений. 2020. № 1-2 (92-93). С. 97—105.

7. Digitalisierung gestalten: Umsetzungsstrategie der Bundesregierung / Die Bundesregierung. Berlin, 2019. 170 S.

ЭКСПОРТООРИЕНТИРОВАННОСТЬ КАК КЛЮЧЕВОЕ НАПРАВЛЕНИЕ РАЗВИТИЯ ВНЕШНЕТОРГОВОЙ ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВА

Ю.А. Лагун

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, JA_Lagun@gmail.com*

Данная статья посвящена вопросам экспорта во внешнеторговой политике государства. Рассматриваются теоретические аспекты экспортоориентированности как ключевого направления развития внешнеторговой политики и особенности экспортоориентированного производства. Затронуты вопросы стимулирования товарного экспорта.

Ключевые слова: внешнеторговая политика; экспорт; экспортный потенциал; экспортоориентированность; стимулирование экспорта.

EXPORT ORIENTATION AS A KEY DIRECTION IN THE DEVELOPMENT OF THE STATE FOREIGN TRADE POLICY

Julia Lagun

Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus

This article is devoted to export issues in the foreign trade policy of the state. The theoretical aspects of export orientation as a key direction of the development of foreign trade policy and the features of export-oriented production are considered. The issues of stimulating commodity export are examined.

Keywords: foreign trade policy; export; export potential; export orientation; export stimulation.

Внешнеторговая политика в условиях глобализации мирового хозяйства представляет собой комплекс организационных, экономических и политических мер, направленных на развитие внешнеторговых связей страны с учетом сравнительных преимуществ и инновационного пути развития национальной экономики с целью максимального использования выгод от участия в системе международного разделения труда. Реализация товаров на мировом рынке, соответственно, опосредует этот процесс. Главными задачами государственной политики в области развития внешней торговли должны стать углубление степени участия страны в системе международного разделения труда и повышение эффективности внешнеторговой деятельности путем оптимизации товарной структуры импорта и экспорт более доходной на мировом рынке

наукоемкой и капиталоемкой продукцией с высокой добавленной стоимостью [1].

Современный мировой опыт свидетельствует о многих выгодах и преимуществах участия хозяйства в международном разделении труда, связанных с использованием экспортного потенциала.

Приоритетная роль экспорта определяется следующими аспектами:

1) участие страны в международном разделении труда и системе мирохозяйственных связей определяется не импортом продукции из других стран, не ее ролью потребителя, а производством и поставками продукции на мировой рынок;

2) масштабы экспорта определяют возможности получения страной иностранной валюты, необходимой для модернизации и структурной перестройки экономики на базе новейших технологий и видов техники, оплаты импорта тех товаров, для производства которых данная страна не имеет достаточных ресурсов и благоприятных условий;

3) на основе активного внешнеторгового баланса может быть получена валюта для обслуживания и погашения внешнего долга страны;

4) развитие экспорта создает условия для обеспечения экономической, технологической, продовольственной и финансовой безопасности страны [2, с.8].

Из вышеупомянутых факторов можно сделать вывод, что экспорт товаров и услуг является необходимым внешнеэкономическим процессом. Для того, чтобы страна получила возможность иметь экономические выгоды от участия в международном разделении труда, она должна обладать необходимыми экспортными ресурсами и быть способной реализовать их на внешнем рынке с целью получения иностранной валюты. Благодаря валютной экспортной выручке становится возможным погашение внешнего государственного долга, импорт высокотехнологичного оборудования, необходимых для модернизации предприятий, решение первоочередных экономических и социальных задач и проблем, развитие инфраструктуры, что, в свою очередь, дает возможность осуществлять структурные преобразования хозяйственного комплекса страны с возможностью последующей равноправной интеграции в систему мирохозяйственных связей. Таким образом, очевидным становится тот факт, что экспорт выступает определяющим фактором не только поддержания национального производства, но и повышения конкурентоспособности страны.

В литературе содержится достаточно большое количество определений экспорта. Но все они по своей сути сводятся к единому понятию и характеризуют экспорт как форму международной коммерческой деятельности или торговли, которая связана с продажей и вывозом за гра-

ницу товаров для передачи их в собственность иностранному контрагенту. Основными признаками экспортных операций являются заключение контракта с иностранным контрагентом и пересечение товаром границы страны экспортера.

Экспортная ориентация была почти повсеместно принята в качестве направления индустриального развития с начала 70-х годов.

В настоящее время наблюдается прямая пропорциональная зависимость между степенью развитости экспортного потенциала и эффективным функционированием всего хозяйственного комплекса. Уровень развития внутренней экономики, как правило, тем выше, чем более мощным экспортным потенциалом обладает государство. Одним из приоритетов эффективной структурной перестройки экономики является активное наращивание экспорта. Именно такой путь избрали Япония, новые индустриальные страны Азии (Южная Корея, Сингапур, Тайвань), а также ряд стран, использующих потенциал своих территорий (Германия, США, Швейцария, Канада) [3, с. 40].

Экспортоориентированность представляет собой довольно сложный процесс. Экспортоориентированность страны показывает характер экономических связей страны с другими странами и направлена на завоевание места на мировых рынках продукции и производств. Целью экпортоориентированной политики является достижение относительно высоких темпов экономического роста и эффективности производства путем выпуска такого ассортимента продукции, который пользуется растущим спросом или имеет потенциальный спрос на мировом рынке. Этого можно добиться, прежде всего, в том случае, когда, с одной стороны, правильно учтены факторы и источники роста эффективности производства, а с другой – верно определены национальные сравнительные преимущества в конкурентной борьбе на мировом рынке [4, с.19].

Размышляя над понятием экспортоориентированного производства, можно рассмотреть текущую ситуацию в мировой экономике. Пандемия COVID-19 установила новые правила функционирования многих привычных сфер жизни человека, а также изменила потребности в товарах и услугах. Так, к примеру, в несколько раз выросли продажи медицинских масок, санитайзеров, противовирусных препаратов, а также возникла необходимость в производстве экспресс-тестов на определение вируса. В теории экспортоориентированное производство подразумевает, что промышленные предприятия должны воспользоваться ситуацией на рынке и среагировать на данные изменения путем наращивания мощностей выпуска такой актуальной продукции, оценив перспективы получения выгоды от экспорта данной продукции, изменить и усовершен-

ствовать (переквалифицировать) имеющиеся смежные отрасли для производства необходимых товаров.

Таким образом, экспортоориентированная экономика подразумевает использование экспортного потенциала и конкурентных преимуществ производства с учетом общемировых тенденций и конъюнктуры международной экономики.

Говоря об экспортоориентированности, стоит отметить, что она неразрывно связана с понятием стимулирования товарного экспорта. Финансово-кредитное стимулирование товарного экспорта является элементом внешнеэкономической политики страны. Международные организации допускают участие государства в финансовом стимулировании экспортеров, и это находит широкое применение в международной практике. К таким методам относят прямое кредитование, страхование, гарантирование экспортеров. К мерам нефинансового стимулирования экспорта можно отнести предоставление информационно-консультационных услуг, поддержку в торгово-выставочных мероприятиях. Особо важна деятельность по созданию положительного имиджа на международных рынках, а также повышению репутации за рубежом отечественной продукции, грамотная маркетинговая политика [5, с.1].

К примеру, в Беларуси создан портал Export.by при поддержке РУП «Национальный центр маркетинга и конъюнктуры цен» для оказания информационной поддержки белорусским экспортерам в продвижении их продукции на внешние рынки, а также для рекламы экспортного потенциала Беларуси.

Портал Export.by призван способствовать повышению конкурентоспособности отечественных товаров, работ и услуг, расширению экспортной составляющей, привлечению в республику иностранных инвестиций, установлению торговых контактов и партнерских отношений между белорусскими и иностранными предприятиями, а также более глубокой интеграции экономики Республики Беларусь в мировую экономику.

Основная функция портала заключается в предоставлении информации об отечественных и зарубежных производителях и выпускаемой ими продукции.

Здесь же представлена аналитическая информация о структуре белорусского экспорта, зарубежных рынках и законодательстве различных стран мира по регулированию внешнеэкономической деятельности.

Таким образом, экспортоориентированность занимает важное место в процессе развития внешнеторговой политики государства. Развитие экспортного потенциала оказывает непосредственное влияние на платежный баланс страны, на ее экономическую безопасность и на раз-

витие хозяйственного комплекса в целом. Существует ряд мнений касательно определения понятия экспортоориентированности, однако на наш взгляд наиболее важно, что экспортоориентированная политика сконцентрирована на достижении относительно высоких темпов экономического роста и эффективности производства путем выпуска такого ассортимента продукции, который пользуется растущим либо потенциальным спросом.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Давыдько Е. Внешнеторговая политика Республики Беларусь в условиях глобализации и европейской интеграции [Электронный ресурс] URL: https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/5220/1/davydenko_2010_trudy.pdf (дата обращения: 26.01.2020).
2. Стратегия развития инновационного экспортного производства (на примере компании «HUAWEI TECHNOLOGIES CO LTD.»): Магистерская диссертация / Яньцзэ Чжу; Экономический факультет; Кафедра инновационного менеджмента; науч. рук. А. В. Королев.
3. Карпов, М. Динамика ВВП, индустриализация и рыночная экономика в Китае // Китай. 2017. № 10. С. 20-22.
4. Родионова И.А. Тенденции в развитии обрабатывающей промышленности мира и экспорте промышленных изделий // Вестник АРГО. 2014. № 1. С. 210-225.
5. Артемьев П.П. Финансово-кредитное стимулирование товарного экспорта как элемент внешнеэкономической политики страны [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nbrb.by/bv/articles/10419.pdf> (дата обращения: 26.01.2020).
6. Артемьев П.П. Финансово-кредитное стимулирование товарного экспорта как элемент внешнеэкономической политики страны // Банковский вестник. 2017. № 8 (649). С. 33–42.
7. Портал информационной поддержки экспорта [Электронный ресурс] – URL: <https://export.by/> (дата обращения: 26.01.2020).

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ РАЗВИТИЯ МИРОВОЙ ФАРМАКОЛОГИИ

М. В. Лесниченко-Роговская¹⁾, М. А. Петрова²⁾

¹⁾ГУО «Институт бизнеса БГУ»,
ул. Московская, 5, 220030, г. Минск, Беларусь, mari_lesnichenko@mail.ru

²⁾Представительство ОАО «Гедеон Рихтер» (Венгрия) в РБ,
пр. Победителей, 5, 220004, Минск, Беларусь, mary.ptrv@gmail.com

В современных условиях на мировом фармацевтическом рынке огромное значение приобретает усиление взаимодействия между производственным, оптовым и розничным звеньями. Их нынешние взаимоотношения характеризуются постоянным поиском новых форм сотрудничества, что в сложившихся условиях вполне закономерно, так как оно должно быть взаимовыгодным и высокоэффективным, принося-

щим максимальную прибыль всем участникам товаропроводящей сети, с одной стороны, и максимально обеспечивать все потребности населения, с другой стороны. По результатам анализа статистических данных определено, что максимальный ежегодный прирост объемов фармацевтического рынка (108,0 %) достигнут в 2018 году, но в последние годы наблюдается его замедление. Изменение объемов рынка в среднем составляет 5-6 %. Анализ динамики мирового экспорта и импорта лекарственных средств характеризует динамичность фармацевтического рынка. Наблюдается мировая тенденция к увеличению объемов производства фармацевтической продукции, расходов на научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы, рыночной стоимости лекарственных средств по розничным ценам и их оплаты по государственному медицинскому страхованию. Мировой тенденцией здравоохранения является увеличение расходов на дженерические лекарственные средства. Темпы прироста объемов продаж лекарственных средств в стоимостном выражении в целом на мировом фармацевтическом рынке по терапевтическим группам не равномерны. К проблемам мировой фармации отнесено недостаточное количество научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ, появление новых юридических и регуляторных ограничений, политическая напряженность и экономический кризис в мире. По результатам исследования установлены основные тенденции развития и недостатки мирового фармацевтического рынка. На основании анализа сформулированы ключевые задачи его развития.

Ключевые слова: мировой фармацевтический рынок; экономическая безопасность; лекарственные средства; фармацевтический рынок; экспорт; импорт; объем продаж.

INTERNATIONAL EXPERIENCE IN THE DEVELOPMENT OF WORLD PHARMACOLOGY.

M. V. Lesnichenko-Rogovskaya^a, M. A. Petrova^b

^aState Educational Institution of Business BSU, Moskovskaya, 5, Minsk, Belarus

^bRepresentative office of OJSC "Gedeon Richter" (Hungary) in RB,

Pobediteley Avenue, 5, 220004, Minsk, Belarus

Corresponding author: M. V. Lesnichenko-Rogovskaya (mari_lesnichenko@mail.ru)

In modern conditions in the global pharmaceutical market, it is of great importance to strengthen interaction between production, wholesale and retail links. Their current relationship is characterized by a constant search for new forms of cooperation, which in the current conditions is quite natural, since it should be mutually beneficial and highly effective, bringing maximum profit to all participants in the distribution network, on the one hand, and maximally meet all the needs of the population, on the other hand. Based on the results of the analysis of statistical data, it was determined that the maximum annual growth in the volume of the pharmaceutical market (108.0%) was achieved in 2018, but its slowdown has been observed in recent years. The change in market volumes is on average 5-6%. Analysis of the dynamics of world exports and imports of medicines characterizes the dynamics of the pharmaceutical market. There is a global trend towards an increase in the production of pharmaceutical products, the cost of research and development work, the market value of medicines at retail prices and their payment under state health insurance. The global health trend is an increase in spending on generic drugs. The growth rates of

sales of pharmaceuticals in value terms as a whole in the global pharmaceutical market across therapeutic groups are not uniform. The problems of global pharmacy include an insufficient amount of research and development work, the emergence of new legal and regulatory restrictions, political tensions and the economic crisis in the world. Based on the results of the study, the main development trends and shortcomings of the global pharmaceutical market have been established. Based on the analysis, the key tasks of its development were formulated.

Keywords: world pharmaceutical market; economic security; medicines; pharmaceutical market; export; import; volume of sales.

В современных условиях главная задача любого государства – обеспечение национальной безопасности страны. Под национальной безопасностью страны понимается безопасность её многонационального народа. Основным условием обеспечения безопасности народа является сохранение его здоровья. Одним из главных направлений обеспечения национальной безопасности в среднесрочной перспективе определяется гарантированное снабжение населения высококачественными и доступными лекарственными препаратами. Принимая во внимание важность обеспечения экономической безопасности в современном мире, рассмотрим международный опыт совершенствования устойчивого развития фармацевтической отрасли в интересах обеспечения экономической безопасности страны. Возникновение мирового фармацевтического рынка относится ко второй половине XIX в. и связано с произошедшим в этот период в большинстве стран промышленным переворотом. При этом выделяют три этапа развития фармацевтического рынка [1].

Первый этап в развитии мирового фармацевтического рынка, который начался со второй половины XIX в., характеризовался товарным наполнением рынка. Он открыл эпоху массового потребления лекарственных средств в мире. В центре внимания фармацевтических компаний в этот период были преимущественно наращивание выпуска и повышение качества выпускаемых лекарственных препаратов. Продвижению фармацевтической продукции к потребителю не уделялось должного внимания, поскольку спрос на лекарственные средства в этот период еще превышал предложение.

Второй этап в развитии мирового фармацевтического рынка ограничен периодом с 1920-х по 1950-е гг. Созданное в этот период в фармацевтической промышленности конвейерное производство и продолжившееся совершенствование технологии лекарственных форм привели к значительному росту товарного выпуска фармацевтической продукции. Объемы предложения медикаментов в этот период приблизились, а затем и превысили объем спроса. Возникли проблемы с перепроизводством.

Начало третьего этапа в развитии современного фармацевтического рынка относится к 1960-м гг. Рынок лекарственных средств вошел в фазу зрелости, происходит его фрагментация. Сместившийся в этот период баланс сил на рынке в пользу потребителей еще более обостряет конкуренцию среди производителей фармацевтических препаратов. Интернационализация фармацевтического рынка и образование транснациональных корпораций в сфере фармацевтики делают рыночную ситуацию крайне сложной. Несмотря на общий спад в мировой экономике последних лет, фармацевтическая промышленность продолжает динамично развиваться, т.к. не прекращается рост населения Земли, заболеваемость человечества усиливается за счет техногенного фактора и плохой экологической обстановки, стареет население Земли в экономически развитых странах.

В качестве примера для рассмотрения совершенствования устойчивого развития фармацевтической отрасли в интересах обеспечения экономической безопасности был выбран анализ тенденций и перспектив мирового фармацевтического рынка.

Целью исследования является анализ тенденций развития мирового фармацевтического рынка и перспектив его развития. По прогнозам компании «Deloitte» [2] к 2021 г. затраты на охрану здоровья вырастут на 4,3 %, соответственно, будет наблюдаться и тенденция к увеличению общих расходов на лекарственные средства (на 30 % по сравнению с 2013 г.) [3]. О чем свидетельствует и ежегодный прирост объемов фармацевтического рынка, максимум которого был достигнут в 2018 г. (108,0 % по сравнению с 2004 г.) [4]. Несмотря на это в последние годы наблюдается его замедление, а изменение объемов рынка в среднем составляет 5-6 %. Динамичность фармацевтического рынка также характеризует и динамика мирового экспорта (темп прироста – 7,7 % по сравнению с 1990 г.) и импорта (на 10,1 %) лекарственных средств. Как показывает статистика, наблюдается отрицательное сальдо торгового баланса (импорт фармацевтической продукции на мировом рынке превышает ее экспорт на 7,69 %) [5, 6, 7], что свидетельствует о наводнении рынков импортной фармацевтической продукцией и об ущемлении интересов производителей страны, в которую поставляется продукция. С другой стороны, положительная динамика импорта фармацевтической продукции напрямую зависит от увеличения объемов ее производства (на 29 % по сравнению с 2004 г.), расходов на научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы (на 58 %), рыночной стоимости лекарственных средств по розничным ценам (на 24,1 %) и оплаты ЛС по государственному медицинскому страхованию – на 298,48% [8, 9, 10].

Мировой тенденцией, характеризующей фармацевтический рынок, является увеличение расходов на дженерические лекарственные средства (с 27 % до 36 % от общего объема фармацевтического рынка в 2017 г.) при сокращении расходов на оригинальные препараты на 113 млрд долларов США, вызванное окончанием сроков патентной защиты, потерей исключительности и ограничением физической и ценовой доступности [7]. Относительно распределения расходов на лекарственные средства по сегментам мирового рынка можно сформулировать следующую динамику увеличения расходов: на оригинальные лекарственные средства – на 30 % на развитых рынках и на развивающихся рынках на 87 %; на дженерические препараты – на 5 % на развитых рынках и на развивающихся рынках на 69 %. Анализ статистических данных свидетельствует о том, что дженерические лекарственные средства занимают большую долю рынка как в натуральном, так и в стоимостном выражении, а по прогнозам в 2021 г. их доля в общем объеме рынка составит около 63 %, в то время как доля оригинальных препаратов сократилась до 26 % [8]. Темпы прироста объемов продаж лекарственных средств в стоимостном выражении в целом на мировом фармацевтическом рынке по терапевтическим группам также не равномерны, среднегодовой рост противоопухолевых препаратов к 2021 г. составит 12,5 %, дерматологических – на 10,4 %, лекарственных средств для лечения заболеваний органов чувств – 7,7 %, противодиабетических – 6,8 % вакцин – 5,1 %, остальные группы лекарственных средств имеют незначительную динамику (бронхорасширяющие – 2 %, для лечения рассеянного склероза – 2 %, противоревматические – 1,6 %, антигипертензивные – 0,4 %) [6]. Выявленная ситуация объясняется расширением границ мирового фармацевтического рынка в основном за счет развивающихся стран, увеличением объемов дженерических лекарственных средств, ростом определенных заболеваний или появлением новых, созданием современных методов и подходов к лечению и т. д.

Обобщая все современные характеристики мирового фармацевтического рынка, можно отметить такие его особенности, как: высокую насыщенность рынка; усиление роли государственного регулирования системы здравоохранения (в т. ч. и фармацевтического сектора); увеличение расходов фармкомпаний на научно-исследовательские работы и продвижение лекарственных средств как на традиционных, так и на новых рынках; укрупнение фармацевтических компаний; снижение давления, связанного с потерей патентной защиты на оригинальные препараты на развитых рынках, и др.

К проблемам мировой фармации, выявленным на основании проведенного анализа, можно отнести следующие:

- недостаточное количество научно-исследовательской работы;
- ухудшение репутации отрасли;
- появление новых юридических и регуляторных ограничений;
- политическую напряженность и экономический кризис в мире.

Из проблемных моментов и современных тенденций фармации вытекают и ключевые задачи ее развития, а именно:

- интенсификация научно-исследовательская работа;
- усовершенствование подходов, методов и моделей инновационного развития фармации;
- привлечение дополнительных финансовых ресурсов на развитие отрасли;
- внедрение современных технологий продаж и маркетинга;
- сотрудничество с регуляторными органами с целью создания унифицированного и упрощенного нормативно-правового обеспечения функционирования отрасли;
- разработка новых методов диагностики заболеваний и лекарственных средств с целевым механизмом действия;
- постоянное усовершенствование многоканальных форм сбыта фармацевтической продукции и появление новых субъектов фармацевтического рынка;
- рост объемов производства и реализации дженерических препаратов;
- повышение репутации отрасли, появление новых подходов к обучению персонала, задействованного на всех этапах жизненного цикла лекарственного препарата, а также разработка стандартов и сертификация деятельности всех субъектов фармацевтического рынка.

Выводы и перспективы дальнейших исследований в данной области.

1. На основании проведенного анализа, сформулированы основные тенденции, присущие мировому фармацевтическому рынку, а именно: колебания объемов рынка, увеличение экспорта и импорта лекарственных средств, рост объемов производства фармацевтической продукции и ее рыночной стоимости.

2. К проблемам мировой фармации, выявленным на основании проведенного анализа, относятся недостаточное количество научно-исследовательской работы, ухудшение репутации отрасли, появление новых юридических и регуляторных ограничений, политическая напряженность и экономический кризис в мире.

3. Сформулированы особенности мирового фармацевтического рынка: высокая насыщенность рынка; усиление роли государственного регулирования системы здравоохранения (в т. ч. и фармацевтического сектора); увеличение расходов фармкомпаний на продвижение лекар-

ственных средств, укрупнение фармацевтических компаний; снижение давления, связанного с потерей патентной защиты на оригинальные препараты на развитых рынках.

4. Определены перспективные направления развития фармации (безопасные стандартизированные процессы, позволяющие оказывать своевременную качественную медицинскую помощь; компетентные и квалифицированные сотрудники, эффективное применение новых технологий, постоянное усовершенствование многоканальных форм сбыта фармацевтической продукции и появление новых субъектов фармацевтического рынка; рост объемов производства и реализации дженерических препаратов). Таким образом, для перспективы дальнейшего развития допустимо применения маркетинга в экономическом управлении отраслью.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Трофимова, Е. О. Вопросы стратегического маркетинга в фармацевтике. М.: Ремедиум, 2006. 246 с.
2. World Industry Outlook, Healthcare and Pharmaceuticals, The Economic Intelligence Unit. [Электронный ресурс]. URL: <https://store.eiu.com/product/healthcare-world-outlook/> (дата обращения : 15.01.2021).
3. Global Outlook for Medicines Through 2018 : доклад компании «IMS Institute for Health care Informatics». [Электронный ресурс]. URL: http://static.correofarmaceutico.com/docs/2014/12/01/informe_ims.pdf (дата обращения : 15.01.2021).
4. Evaluate Pharma, 2015, World Preview 2015 outlook to 2020. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.evaluategroup.com/public/reports/evaluatepharma-world-preview-2015.aspx> (дата обращения : 15.01.2021).
5. United Nations Commodity Trade Statistics Database. [Электронный ресурс]. URL: <http://comtrade.un.org/db/ce/ceSnap-shot.aspx?cc=54&px=S3&y=2012&p=0&rg=1,2&so=9999> (дата обращения : 15.01.2021).
6. Мировой фармацевтический рынок : состояние и тенденции. [Электронный ресурс]. URL: http://www.newchemistry.ru/letter.php?n_id=7812&cat_id=10&page_id=2 (дата обращения : 15.01.2021).
7. The Global Use of Medicines: Outlook through 2017. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.quotidianosanita.it/allegati/allegato1501906.pdf> (дата обращения: 15.01.2021).
8. Сапир Е. В., Карачев И. А. Особенности мирового фармацевтического рынка и проблемы его освоения российскими компаниями // Росс. внешнеэкономический вестник. 2016. № 8. С. 97–111.
9. World's Richest Countries. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.worldsrichestcountries.com/top-pharmaceuticals-importers.html> (дата обращения: 15.01.2021).
10. Major global pharmaceutical companies based on pharma. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.statista.com/statistics/281306/major-global-pharmaceutical-companies-based-on-pharma-revenue-2014> (дата обращения : 15.01.2021).

ВЕНЧУРНЫЕ ИНВЕСТИЦИИ В МИРОВОЙ ЭКОНОМИКЕ

А.В. Лешкевич¹⁾, О.Ф. Малашенкова²⁾

¹⁾Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, alyalesh@mail.ru

²⁾Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, malashenkova@bsu.by

Изобретения и инновации управляют современной мировой экономикой. Однако, традиционные источники средств имеют достаточно ограниченные возможности обеспечения высокотехнологичных бизнес-проектов финансированием. Поэтому основатели инновационных проектов ищут финансирование у относительно нового типа инвесторов – венчурных инвесторов. В статье исследована теоретическая база функционирования венчурных инвестиций. Выявлены функции венчурных инвестиций. Выделены три основные группы субъектов венчурного инвестирования, рассмотрены их роли в процессе инвестирования и преимущества, которые они получают от своего взаимодействия. Отмечены наиболее активные в сфере венчурных инвестиций страны. Проанализированы тенденции развития венчурных инвестиций за 10 лет и современные тенденции, наблюдающиеся в сфере венчурных инвестиций, в условиях развития пандемии коронавируса.

Ключевые слова: венчурные инвестиции; венчурный инвестор; венчурный фонд, стартап; ограниченные партнеры; генеральные партнеры.

VENTURE CAPITAL INVESTMENTS IN WORLD ECONOMY

A.V. Leshkevich^a, O.F. Malashenkova^b

^aBelarusian State University, Nezalieznasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus

^bBelarusian State University, Nezalieznasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus,
Corresponding author: O.F. Malashenkova (malashenkova@bsu.by)

Inventions and innovations impel a modern world economy. However, traditional sources of capital have quite limited opportunity to provide high-tech business projects with financing. Therefore, the founders of innovative projects are looking for funding from a relatively new type of investor – venture investors. In the article theoretical basis of the functioning of venture capital investments have been investigated. Has been identified functions of venture capital investments. Have been identified three main groups of venture capital investment entities, have been considered their roles in the investment process and the benefits they receive from their interaction. Have been announced the most active countries in the field of venture capital investments. The article also analyzes the trends in the development of venture investments over 10 years and touches current trends in the field of venture investments in the context of the dispersion of the coronavirus pandemic.

Keywords: venture capital investments; venture capital investor; venture capital fund; startup; limited partners; general partners.

Стимулирование инноваций и внедрение новых технологий для поддержки предприятий всегда были в основе экономического прогресса. На протяжении веков эта работа выполнялась богатыми семьями,

монархами и правительствами. Но, начиная с середины двадцатого века в Соединенных Штатах Америки появились венчурные фирмы (или венчурные управляющие компании), представляющие собой полностью новый тип предприятий по управлению инвестициями. Они искали и использовали капитал различных инвесторов: от национальных владельцев компаний и зарубежных инвесторов, – для финансирования и развития новых предприятий.

Венчурные инвестиции - это вложение денег в перспективный инновационный бизнес, который еще не имеет доступа на фондовый рынок. Другими словами, венчурными инвестициями являются инвестиции, как правило, в виде акционерного капитала, в быстрорастущие высокотехнологичные предприятия. Венчурное инвестирование характерно, в основном, для коммерциализации результатов научных исследований в областях, которые являются наукоемкими и высокотехнологическими, так как чаще всего перспективы высокотехнологичного предприятия не гарантированы и имеется значительный уровень риска для инвестора [8, 10].

Функциями венчурного инвестирования являются:

- поощрение инновационной деятельности за счет стимулирования конкуренции;
- выделение перспективных технологических отраслей;
- перевод капитала в самые перспективные отрасли экономики, т.к. венчурный капитал служит своего рода «маячком» возможности получения высокой доходности от вложений для крупных корпораций, государственных предприятий, банковских заведений и иных инвесторов;
- содействие акселерации процесса трансферта технологий;
- формирование инициативности и самомотивации предпринимателей;
- развитие гибкого механизма инвестирования, адаптированного к инновационному развитию экономики. [10]

Основным субъектом венчурных инвестиций являются венчурные инвесторы. Венчурными инвесторами могут быть любые физические или юридические лица. Их роль состоит в том, чтобы вложить собственные либо заемные средства в венчурный фонд, и в дальнейшем осуществлять стратегический менеджмент их использования. Инвесторами, как правило, являются очень крупные учреждения, такие как пенсионные фонды, финансовые фирмы, фонды национального благосостояния (государственные инвестиционные фонды), пенсионные фонды, целевые фонды, страховые компании и университетские фонды – все они вкладывают не большой процент своих общих средств в высокорисковые инвестиции. Они рассчитывают на доходность от 25% до 35% в год в течение всего срока инвестирования. Поскольку эти инвестиции составляют столь незначительную часть их портфелей, институциональные инвесторы имеют

большую свободу действий. Однако, физические лица, или так называемые, бизнес-ангелы, также могут выступать в роли венчурных инвесторов. В основном, это люди с капиталом более 1 миллиона долларов в ликвидных активах и с предпринимательским опытом [1, 8,10].

Таким образом, стороны отдают свои деньги опытным управляющим венчурными фондами, которые отвечают за инвестирование этого капитала в перспективные стартапы и получение отдачи от инвестиций. Венчурные фонды – это пулы денег, собранные от различных инвесторов, которые управляющий фондом инвестирует в инновационные проекты. В основном, такими проектами являются стартапы. Таким образом, логично определять венчурный фонд как финансовый инструмент, который создается для осуществления венчурной инвестиционной деятельности с созданием юридического лица или без его образования. В то же время, венчурный фонд выражает интересы всех его участников [6, 10].

Венчурный фонд может представляться в форме партнерства, товарищества, союза либо объединения. Однако, согласно мировой практике, наиболее распространены – частные ограниченные партнерства. Они состоят из генеральных и ограниченных партнеров [10].

Генеральные партнеры (чаще всего выступает в форме опытной команды инвесторов, называемой также венчурная управляющая компания или венчурный капиталист) отвечают за принятие инвестиционных решений и максимизацию прибыли для ограниченных партнеров, которые инвестируют в фонды. Генеральные партнеры вносят не более 1% средств в фонд [10].

Обязанности генеральных партнеров включают в себя:

- привлечение средств ограниченных партнеров;
- поиск и отбор лучших стартапов;
- проведение due diligence (юридическая оценка инвестиционных рисков, объекта инвестирования);
- инвестирование капитала фонда в перспективные стартапы;
- обеспечение доходности ограниченными инвесторам в фонде;
- предоставление добавленной стоимости портфельным компаниям фонда помимо простого капитала, включая консультации, введение последующих инвесторов и т. д. [5].

Ограниченные партнеры - это состоятельные частные лица, институциональные инвесторы и др. Таким образом, ограниченные партнеры – это и есть венчурные инвесторы, которые были рассмотрены выше, – основные субъекты венчурных инвестиций. Они вносят 99 % средств в фонд без права распоряжаться самим фондом.

Венчурные фонды обычно взимают 2-4% от общего размера фонда в год как плату за управление-операционные и юридические расходы, необходимые для функционирования фонда, – и 20% от прибыли, полу-

чаемой фондом. Ограниченные партнеры получают остальные 80% прибыли [10].

Сегодняшний венчурный фонд (как правило в форме ограниченного партнерства, или *limited partnership*) структурно похож на своих предшественников конца 1970-х и начала 1980-х годов: партнерство включает в себя как ограниченных, так и генеральных партнеров, а срок службы фонда составляет от семи до десяти лет. Обычно фонд делает инвестиции только в течение первых двух-трех лет, а любые инвестиции активны до пяти лет. Фонд собирает доходность за последние два - три года своего существования. Однако, как размер типичного фонда, так и количество денег, управляемых на одного партнера, резко изменились. В 1980 году средний фонд составлял около 20 миллионов долларов, и два или три его генеральных партнера управляли тремя - пятью инвестициями. Сегодня средний фонд в десять раз больше, около 200 миллионов долларов и каждый партнер управляет в два-пять раз большим количеством инвестиций [1].

Венчурные фонды обычно делают инвестиции в соответствии с определенной спецификой – например, поддерживают стартапы на определенном этапе, в определенной отрасли или определенном географическом регионе.

Тем не менее, фонды стремятся диверсифицировать направления инвестиций и инвестируют в несколько стартапов в разных отраслях, чтобы максимизировать свои шансы попасть в стартап, приносящий доход, который с лихвой компенсирует все неудачные инвестиции [1,6].

Согласно Wealthfront, из 1000 фондов, 20 лучших – это 2% фондов, – принесли 95% прибыли от всех фондов [2].

Венчурные предприятия являются получателями венчурных инвестиций с целью создания конкурентных преимуществ при реализации высокорисковых проектов и, в связи с этим, повышения стоимости собственного капитала. Чаще всего венчурным предприятием является стартап, которому без венчурных инвестиций потребовалось огромное количество времени, чтобы превратиться в прибыльную компанию. Примерами могут служить всем известные Google, Amazon, Apple, Facebook, Uber, Zoom, Airbnb и др.

У стартапов обычно не хватает денег для залога, чтобы получить кредит. Следовательно, нет уверенности в том, что, в случае провала заемная сумма вернется кредитору. Однако возвращать венчурный капитал в случае провала не нужно. При венчурных инвестициях учредители стартапа предоставляют инвесторам права на получение определенного процента от прибыли компании на неограниченный срок, что может составить огромные суммы денег в случае их успеха [5].

Тем не менее, при венчурном инвестировании также есть свои правила. Например, венчурный фонд принимает решение об осуществ-

лении инвестиций только после досконального изучения всей доступной информации и формулировании выводов о целесообразности данного инвестирования.

В настоящее время рынок венчурных инвестиций продолжает развиваться. С 2010 по 2019 год среднегодовой темп прироста (CAGR) составил 19,97%. И за 2019 год общий объем венчурных инвестиций составил 294 миллиарда долларов (см. рисунок 1).

Рис. 1. – Динамика мирового объема венчурных инвестиций в денежном выражении (млрд. долл. США)

Источник: собственная разработка на основе [5].

При анализе динамики объема венчурных инвестиций с 2010 по 2019 гг. в числовом выражении можно отметить устойчивый рост. Среднегодовой темп прироста составляет 14,8% (что на 5,17% меньше аналогичного экономического показателя при анализе денежного объема сделок). Таким образом можно сделать вывод, что увеличивается также средняя сумма инвестирования на один проект (см. рисунок 2).

Рис. 2. – Динамика мирового объема венчурных инвестиций в количественном выражении (тыс. сделок)

Источник: собственная разработка на основе [5].

Также, согласно глобальному инновационному индексу, до кризиса, связанного пандемией, венчурный капитал находился на рекордно высоком уровне. Активность венчурных сделок в Северной Америке, Азии и Европе была «здоровым» уровне, а совокупная стоимость сделок росла. Однако на конец первого квартала 2020 года, количество сделок резко сократилось и упало до наименьшей отметки за последние 2-5 лет. Так как вместо того чтобы финансировать новые стартапы, венчурные инвесторы начали сосредотачиваться на поддержке избранного числа крупных фирм. Эти инвестиции и погоня за так называемыми “единорогами” оказались не столь позитивными, как ожидалось [3].

Хотя некоторые страны уже начали открывать свою экономику в условиях пандемии, вполне вероятно, что в ближайшем будущем еще будут возникать проблемы. Кризис и неопределенность приводят и к тому, что многие венчурные инвесторы теперь больше сосредотачиваются на своих местных рынках. Это может негативно сказаться на растущих компаниях на менее зрелых рынках, зависящих от международных инвестиций. На данный момент инвестиции в венчурный капитал сосредоточены в нескольких точках, и только некоторые из них находятся в развивающихся экономиках – особенно в Китае и Индии (в Китае индустрия венчурного инвестирования уже начала восстанавливаться). Остальные страны с наиболее развитой индустрией венчурного инвестирования – это Сингапур, Израиль, Люксембург, Соединенные Штаты Америки и Соединенное Королевство [3].

Что касается направлений венчурного инвестирования, на данный момент они направлены в основном на проекты, развивающиеся в сфере здравоохранения, онлайн-образования, Big Data, электронную коммерции и робототехники [3].

Таким образом, можно сделать вывод, что венчурные инвестиции являются типом вложения в высокорисковые активы, которыми выступают высокотехнологичные и инновационные проекты. В процессе венчурного инвестирования участвуют четыре группы участников – венчурные инвесторы (физические либо юридические лица, предоставляющие собственные или заемные средства), венчурные фонды (собирающие деньги венчурных инвесторов и вкладывающие их в наиболее перспективные, по их оценке, проекты), венчурные управляющие компании (опытные команды профессиональных инвесторов, или венчурные капиталисты) и венчурные предприятия (реципиенты венчурных инвестиций).

Что касается современных тенденций, до 2018 года в сфере венчурных инвестиций наблюдался стабильный рост. Но, уже в первом квартале 2020 года по причине пандемии коронавируса, было заметно сокращение венчурных инвестиционных сделок. Кроме того, был отме-

чен фокус венчурных инвесторов на более крупных компаниях и местных проектах. Среди направлений инвестирования фокус особое внимание сейчас уделяется сферам здравоохранения, онлайн-образования, технологиям обработки больших данных, электронной торговле и робототехнике.

Также, принимая во внимание Глобальный инновационный индекс 2020, основными странами, наиболее активными в сфере венчурных инвестиций стали Сингапур, Израиль, Люксембург, США, Великобритания, Индия и Китай.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Bob Zider, How Venture Capital Works [Electronic resource] / Harvard Business Review. Mode of access: <https://hbr.org/1998/11/how-venture-capital-works#:~:text=How%20the%20Venture%20Capital%20Industry,market%20for%20the%20other%20three>. Date of access: 15.01.2021.
2. Demystifying Venture Capital Economics, Part 1 [Economic resource] / Industry insights. Mode of access: <https://blog.wealthfront.com/venture-capital-economics/>. Date of access: 18.01.2021.
3. GLOBAL INNOVATION INDEX 2020. Who Will Finance Innovation? [Electronic resource] / WIPO. Mode of access: https://www.wipo.int/global_innovation_index/en/2020/. Date of access: 20.01.2021.
4. State of the Venture Capital Industry in 2019 (with Infographic) [Electronic resource] / Finance. Mode of access: <https://www.toptal.com/finance/venture-capital-consultants/state-of-venture-capital-industry-2019>. Date of access: 19.01.2021.
5. The Q4/EOY 2019 Global VC Report: A Strong End To A Good, But Not Fantastic, Year [Electronic resource] / Crunchbase News. Mode of access: <https://news.crunchbase.com/news/the-q4-eoy-2019-global-vc-report-a-strong-end-to-a-good-but-not-fantastic-year/>. Date of access: 19.01.2021.
6. Understanding Venture Capital [Electronic resource] / FundersClub. Mode of access: <https://fundersclub.com/learn/guides/vc-101/understanding-venture-capital/#:~:text=A%20typical%20VC%20firm%20manages,spread%20between%20hundreds%20of%20startups>. Date of access: 14.01.2021.
7. Аммосов, Ю. П. Венчурный капитализм: от истоков до современности / Рос. ассоц. прямого и венчурного инвестирования. СПб.: Феникс, 2005. 372 с.
8. Венчурные инвестиции [Электронный ресурс] / Академик. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/624904> (дата обращения: 14.01.2021).
9. Лапицкая Л.М. Венчурное финансирование. Минск: БГУ, 2019. С. 17-23.
10. Малашенкова, О.Ф. Теоретические основы международного венчурного инвестирования // Беларусь и мировые экономические процессы: сб. науч. ст. Вып.8 / редкол. А. В. Данильченко (пред.) [и др.]. Минск: БГУ, 2011. С. 63–80.

КИТАЙСКО-БЕЛОРУССКОЕ ИНВЕСТИЦИОННОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Ли Тунмань

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, litongman2017@gmail.com*

Определена сущность и экономические эффекты иностранного инвестирования, проанализировано текущее состояние китайско-белорусского инвестиционного сотрудничества, выявлены инструменты привлечения иностранного капитала, определены тенденции и перспективы совершенствования китайско-белорусской инвестиционной политики.

Ключевые слова: прямые иностранные инвестиции; экономический рост; инвестиционная политика; индустриальный парк; Китай.

CHINESE-BELARUSIAN INVESTMENT COOPERATION: THEORETICAL ASPECT AND DEVELOPMENT PROSPECTS

Li Tongman

Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus

The essence and economic effects of foreign investment have been determined, the current state of the Chinese-Belarusian investment cooperation has been analyzed, instruments for attracting foreign capital have been identified, trends and prospects for improving the Chinese-Belarusian investment policy have been identified.

Keywords: direct foreign investment; economic growth; investment policy; industrial park; China.

Прямые иностранные инвестиции являются одной из движущих сил процесса глобализации и определяющим элементом современной мировой экономики. На данный момент в мировой экономике государства практически соревнуются за привлечение иностранных инвестиций в свою страну. Одними из таких государств являются Республика Беларусь и Китайская Народная Республика, которые сотрудничают в инвестиционной политике уже более пяти лет.

Иностранные инвестиции – это все виды собственности и интеллектуальных ценностей, вложенные в экономику другой страны в объекты предпринимательской и иной деятельности, результатом которых является получение прибыли или социальный эффект. Иностранные инвестиции являются одним из важнейших стимулов экономического роста и развития страны, предоставляя не только финансирование для развития, но и новые технологии, более

совершенные методы управления и доступ к международным рынкам. Иностранные инвестиции являются основным каналом доступа к передовым технологиям, следовательно, играют центральную роль в технологическом прогрессе обеих стран [1, с. 115]. Кроме того, иностранное инвестирование напрямую влияет на экономический рост и социально-экономическое развитие страны. Факторы инвестиционной привлекательности национальной экономики представлены на рисунке 1.

Рис. 1. – Факторы, влияющие на привлечение китайских ПИИ в Беларусь [3]

Китайско-белорусское экономическое сотрудничество в основном строится на трех основных направлениях: двусторонняя торговля, китайские инвестиционные проекты и китайско-белорусский индустриальный парк «Великий камень». Несмотря на давнюю цель Беларуси по более сбалансированной торговле с Китаем, торговый дефицит увеличился только в последние несколько лет и превысил 3 миллиарда долларов в 2019 году (см. рисунок 2). Экспортное разнообразие Беларуси ограничено, тогда как импорт из Китая включает широкий спектр промышленных товаров и технологий.

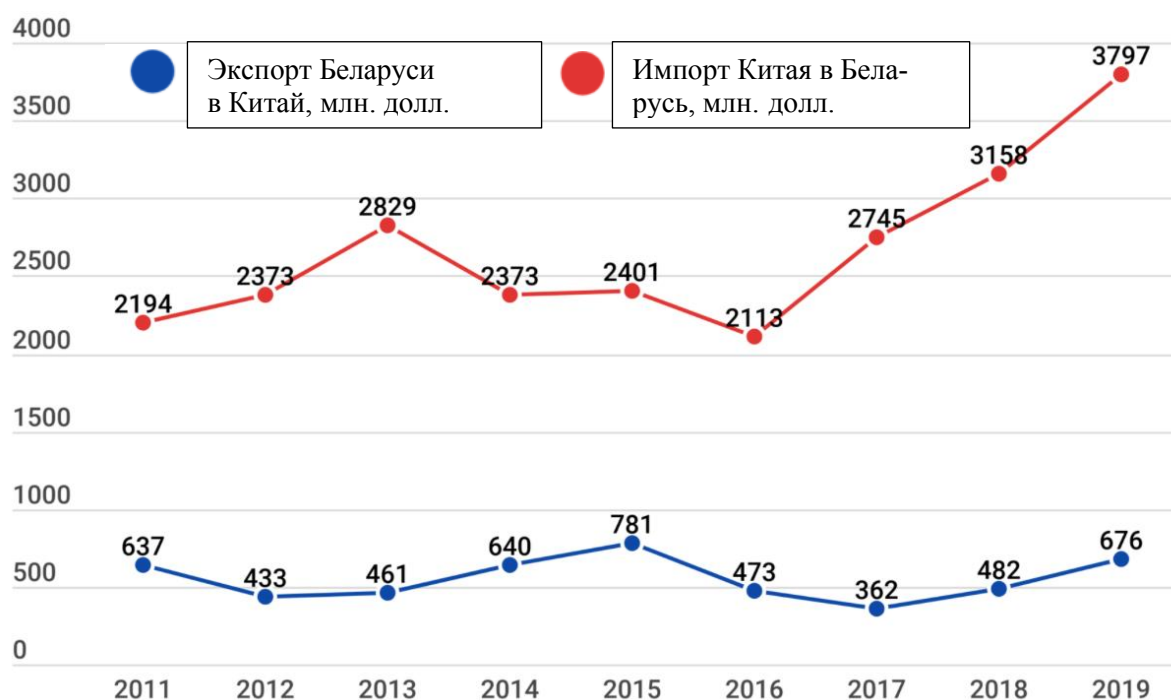

Рис. 2. – Экспорт и импорт между Беларусью и Китаем, 2011–2019 гг. [2]

На сырье, такое как калий и древесина, приходится около двух третей экспорта Беларуси в Китай (более 430 миллионов долларов в 2019 году). Нефтехимические товары, такие как пластик, – еще одна важная экспортная категория. С другой стороны, доля автомобилей, промышленных товаров и электроники в белорусском экспорте в Китай незначительна.

Единственная обнадеживающая тенденция в торговле Беларусью с Китаем – это увеличение экспорта сельскохозяйственной продукции. В прошлом году объем экспорта Беларуси мяса, молочных продуктов и других сельскохозяйственных товаров превысил 120 миллионов долларов. До 2018 года экспорт сельскохозяйственной продукции из Беларуси в Китай практически отсутствовал.

Калий по-прежнему является основным товаром двусторонней торговли. В апреле 2020 года Беларусь подписала сделку по калийным удобрениям с консорциумом китайских компаний по цене 220 долларов за тонну, что на 70 долларов ниже цены, согласованной в предыдущих контрактах.

Как один из крупнейших потребителей калия в мире, Китай уже давно рассматривает возможность инвестиций в калийный сектор Беларуси. В 2015 году Банк развития Китая, Беларусбанк и компания «Славкалий» подписали меморандум о строительстве нового калийного завода в Беларуси с использованием китайского кредита в размере 1,4 миллиарда долларов.

Следующее направление развития – инвестиционные проекты, на данный момент характеризуются проблематично ввиду непогашенных долгов. В период с 2010 по 2018 год Беларусь получила незначительные прямые китайские инвестиции в экономику Беларуси на общую сумму 368 миллионов долларов. Тем не менее Пекин предоставляет Минску «связанные ссуды»: на белорусские проекты пока выделено около 8 миллиардов долларов из 15 миллиардов долларов, обещанных Китаем в 2009 году.

Китайские компании CAMC Engineering, CITIC Group, Huawei и ZTE – одни из самых активных на белорусском рынке. Соглашения между Беларусью и Китаем, предусматривающие получение связанных кредитов со стороны Китая, обычно обязывают белорусские компании покупать 50-75 процентов проектного оборудования в Китае.

В целом белорусско-китайское инвестиционное сотрудничество характеризуется:

1. Незначительными прямыми китайскими инвестициями.
2. «Связанными займами», предоставленными на непрозрачных и закрытых для общественности условиях.
3. Высокой номинальной стоимостью строительных работ при их низкой фактической стоимости.
4. Позитивной политической риторикой и амбициозными планами, конкурирующими с вескими экономическими аргументами.

На заседании правительства в декабре 2019 года было признано, что многие из наиболее проблемных крупных инвестиционных проектов в Беларуси финансировались за счет китайских займов. Эти проблемные инвестиции включают Светлогорский целлюлозно-бумажный комбинат и Добрушский бумажный комбинат. Визиты президента Беларуси Александра Лукашенко на эти две фабрики были одной из самых важных тем на государственных телеканалах Беларуси в феврале 2020 года.

В случае с Светлогорским целлюлозно-бумажным комбинатом стоимость проекта составила 850 миллионов долларов, из которых 654 миллиона долларов были предоставлены китайскими банками. Изначально планировалось запустить завод в 2015 году, но сроки неоднократно переносились. В августе 2019 года белорусская сторона объявила, что завершит строительство завода самостоятельно. Производство целлюлозы в Светлогорске было официально запущено только в феврале 2020 года во время визита Лукашенко.

В случае с Добрушским бумажным заводом был предоставлен китайский заем в размере 350 миллионов долларов, и корпорации Xuan Yuan было поручено провести модернизацию завода. Проект стартовал в 2012 году, его завершение запланировано на 2015 год. Белорусская

сторона расторгла контракт с Xuan Yuan в 2018 году, заявив, что компания не смогла завершить проект из-за отсутствия соответствующего опыта. По состоянию на сегодняшний день, Беларуси необходимо инвестировать дополнительно 83 миллиона долларов для завершения модернизации завода в Добруше, на этот раз с помощью австрийской компании.

Анализируя основное направление инвестиционного сотрудничества между Китаем и Беларусью, можно отметить, что на индустриальный парк «Великий камень», который официально открылся в 2012 году, возлагают большие надежды обе стороны. «Великий камень» должен стать автономным производственным, городским и высокотехнологичным центром с инфраструктурой, позволяющей разместить в городе 50 000 жителей. Эксимбанк Китая и Банк развития Китая предоставили займы на сумму 3 миллиарда долларов на развитие парка.

Индустриальный парк «Великий камень» создан по образцу Китайско-сингапурского индустриального парка Сучжоу, созданного еще в 1994 году. Индустриальный парк Сучжоу шесть лет был убыточным и был почти закрыт к 2000 году. История китайско-сингапурского индустриального парка доказывает, насколько сложно управлять такого рода гигантскими проектами и насколько важны последовательные усилия с обеих сторон для повышения эффективности проекта.

В 2015 году белорусские власти объявили о планах к 2019 году разместить 100 компаний-резидентов в «Великом камне». Тем не менее, по состоянию на середину 2020 года только 60 компаний проживают в Китайско-белорусском индустриальном парке и пользуются льготами по налогу на имущество, землю и налогу на прибыль. Тем не менее, плановые ориентиры по объему инвестиций и количеству резидентов не выполнены. До тех пор, пока Китай не придаст большее значение белорусской составляющей в инициативе «Один пояс – один путь», что является объединением проектов «Экономического пояса Шёлкового пути» и «Морского Шёлкового пути XXI века», чего не ожидается в ближайшем будущем из-за последствий пандемии коронавируса, в развитии «Великого камня» вряд ли произойдет прорыв.

Подводя итоги, обзор инвестиционного сотрудничества Беларуси и Китая показывает, что амбициозные планы Беларуси получить выгоду от китайских инвестиций и участия в возглавляемой Китаем инициативе «Один пояс – один путь», по-прежнему сталкиваются с противодействующими реалиями. Беларуси необходимо предотвратить все более невыгодные экономические отношения с Китаем, для чего

стоит изменить подход. В данном случае, изменение подхода будет зависеть от развития двустороннего сотрудничества в других областях и отношений стран с другими контрагентами.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Borensztein E. How does foreign direct investment affect economic growth? // Journal of International Economics. 1998. № 45. P. 115.
2. Национальный статистический комитет Республики Беларусь [Электронный ресурс]. URL: <http://belstat.gov.by> (дата обращения: 06.01.2020).
3. Pettinger T. Factors that affect foreign direct investment // Economics Help [Electronic recourse]. Mode of access: <https://www.economicshelp.org/blog/15736/economics/factors-that-affect-foreign-direct-investment-fdi/>. Date of access: 07.01.2021.

ФОРМИРОВАНИЕ ЕДИНОЙ ИННОВАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВ-ЧЛЕНОВ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ГРУППИРОВОК: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД

О.Ф. Малашенкова

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, malashenkova@bsu.by*

В статье обоснован методологический подход к формированию единой инновационной политики в рамках интеграционных группировок – системный подход на основе регионального измерения. Учитывая «парадокс региональный инноваций», а также ряд других особенностей развития региональных инноваций предложен авторский алгоритм разработки региональной инновационной стратегии. Затронут фактор доверия и, соответственно, явление коррупции в интеграционных группировках.

Ключевые слова: единая инновационная политика; интеграционная группировка; интернационализация венчурных структур; региональная инновационная стратегия.

SINGLE INNOVATION POLICY FORMATION OF AN INTEGRATION GROUPINGS MEMBER STATES: A METHODOLOGICAL APPROACH

O.F. Malashenkova

Belarusian State University, Independence Ave., 4, 220030, Minsk, Belarus

The article substantiates the methodological approach to the formation of a single innovation policy within the framework of integration groupings - a systematic approach based on the regional dimension. Given the "paradox of regional innovation", as well as a number of other features of the development of regional innovation, the author's algorithm

is proposed for the development of regional innovation strategy. The confidence factor and consequently the phenomenon of corruption are affected in the integration groupings.

Keywords: single innovation policy, integration grouping, internationalization of venture structures, regional innovation strategy.

Вопрос интернационализации инноваций и, соответственно, потоков венчурных проектов и венчурных инвестиций заслуживает отдельного внимания в интеграционных объединениях. Формирование единой инновационной политики с точки зрения теории базируется на системном подходе, который включает концепцию систем различных уровней: глобальный, региональный и секторальный. Все подходы важны и применимы, однако для интеграционных объединений по мнению автора региональное измерение является центральным. Растущая международная конкуренция и интеграция усиливают важность регионального измерения, потому что существует четко определенный набор экономик, тесно взаимодействующих на этом уровне. С теоретической точки зрения обоснование сосредоточения внимания на региональных инновационных системах заключается в том факте, что факторы, которые теория национальных инновационных систем определяет как важные, такие как институциональная структура, характер межфирменных отношений, способность к обучению, интенсивность НИОКР. Уровень активности и инновационная активность в разных регионах существенно различаются. С эмпирической точки зрения, сосредоточение внимания на региональных системах было бы серьезным оправданием, если бы между регионами было больше различий с точки зрения интенсивности НИОКР и инновационной активности, чем между национальными государствами. Напротив, если бы различия в инновационной активности и интенсивности НИОКР были бы больше по странам, чем по регионам, было бы меньше убедительных эмпирических причин для сосредоточения внимания на региональных системах.

Исследования интеграционных объединений, которые уже проходили пусть формирования единой инновационной политики, подтверждают три важных вывода. Во-первых, между национальными государствами как правило наблюдаются значительные различия в средних уровнях инновационной активности по всем показателям, в т.ч. государственным расходам на НИОКР в процентах от ВВП. Следовательно, у разных национальных государств очень разные темпы инноваций. Поэтому необходимо проводить исследования национальных инновационных систем, чтобы понять, почему возникают эти различия. Второй момент заключается в том, что по показателям инновационной активности различия по регионам как правило значительно больше, чем даже по

национальным государствам. Наконец, с точки зрения колебаний уровня жизни (ВВП на душу населения) можно увидеть, что колебания объясняются различиями не только между странами, но и между регионами внутри стран. Можно сделать вывод, что существует набор региональных факторов, которые определяют различия в интенсивности НИОКР, инновационной активности и конкурентоспособности.

Центральная идея системного подхода, используемого при разработке единой инновационной политики в интеграционном объединении, говорит, что инновационная активность определяет относительный экономический успех, или определяет однонаправленную взаимосвязь между региональными уровнями доходов и показателями инновационной активности. Исследования в Европейском союзе подтверждают положительную взаимосвязь между интенсивностью НИОКР, инновационной активностью и экономическим процветанием. Существует также так называемый «парадокс региональных инноваций» [1]: регионы, которые отстают с точки зрения ВВП на душу населения, требуют относительно меньшего увеличения интенсивности НИОКР, чтобы наверстать разрыв с ведущими регионами, фактически выделять меньше ресурсов даже в процентах от ВВП. Так, было выявлено, что правительства по всей Европе тратят больше на НИОКР в ведущих регионах и меньше в отстающих как в абсолютном выражении, так и в процентах от ВВП.

Учитывая низкий уровень инвестиций в инновационные ресурсы и взаимодополняемость между частными и государственными расходами на инновационную деятельность, такую как НИОКР, освоение государственных средств, предназначенных для НИОКР и инновационной деятельности, также будет низким. В результате регионы часто попадают в порочный круг низкого спроса со стороны частного сектора и нехватки государственного финансирования.

Поэтому основным выводом для принятия решений при формировании единой инновационной политики является необходимость институциональных изменений. К таким изменениям относятся:

1. координация спроса и предложения внутри инновационной системы (т.е. взаимодополняемость НИОКР, финансируемых бизнесом и правительством)
2. интеграция технологической политики и промышленной политики (промышленная политика как правило фокусируется на технологиях и инновационных услугах, а технологическая политика должна работать вместе с промышленной политикой, а не противостоять ей. Более тесной интеграции этих двух направлений политики можно добиться путем институциональных изменений, которые стимулируют процесс обучения и передачи знаний между различными участниками системы)

Правительство региона может сыграть роль катализатора в укреплении связей между государством, промышленностью и университетами. Формулирование способов установления связей между региональными участниками (компаниями, технологическими центрами, университетами, поставщиками бизнес-услуг и др.), также, как и согласование инновационных потребностей предприятий с поставками знаний в поисках синергии и взаимодополняемости между различными участниками, политиками и подсистемами включает три шага:

1. содействие сотрудничеству и согласованности между различными агентами и политиками (технологическая политика, промышленная политика, региональная политика, политика в области образования и профессиональной подготовки), которые являются неотъемлемыми частями региональной инновационной системы.

2. выявление спроса и оказание помощи в демонстрации инновационных потребностей со стороны региональных организаций, в первую очередь бизнеса, особенно малых и средних предприятий.

3. координация спроса предприятий на инновационные ресурсы (их желание и способность использовать знания) и регионального предложения (наличие НИОКР, центров знаний, технологических знаний, инвестиционных фондов).

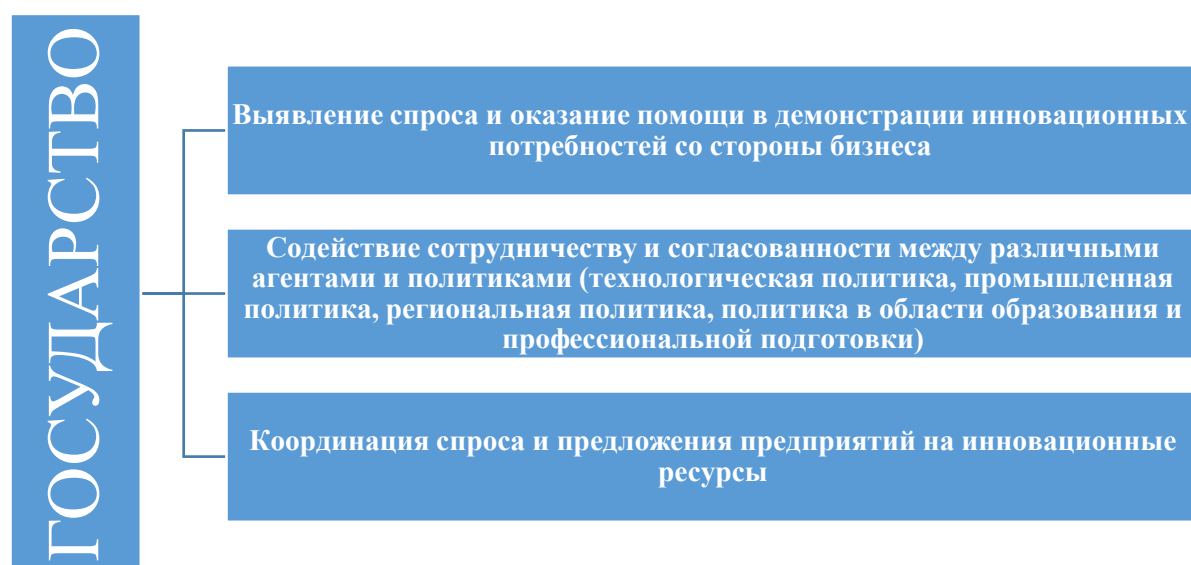

Рис. 1. – Правительство как катализатор в укреплении связей между государством, промышленностью и университетами

Примечание – Источник: разработка автора.

Для успешного формирования единой инновационной политики в рамках интеграционного объединения уместно разработать так называемые

мую региональную инновационную стратегию. Алгоритм разработки стратегии можно изложить в следующих шагах (см. рисунок 2):

1. Запуск институционального процесса через создание Руководящей группы, например, на первые два года для формулирования стратегии и обеспечения ее реализации.

2. Проведение исследований, которые анализируют и оценивают инновационные системы стран-участниц в регионе с акцентом на спрос и предложение инновационных услуг / ресурсов.

3. Разработка основанной на консенсусе стратегии, направленной на стимулирование спроса на инновационные услуги со стороны бизнеса.

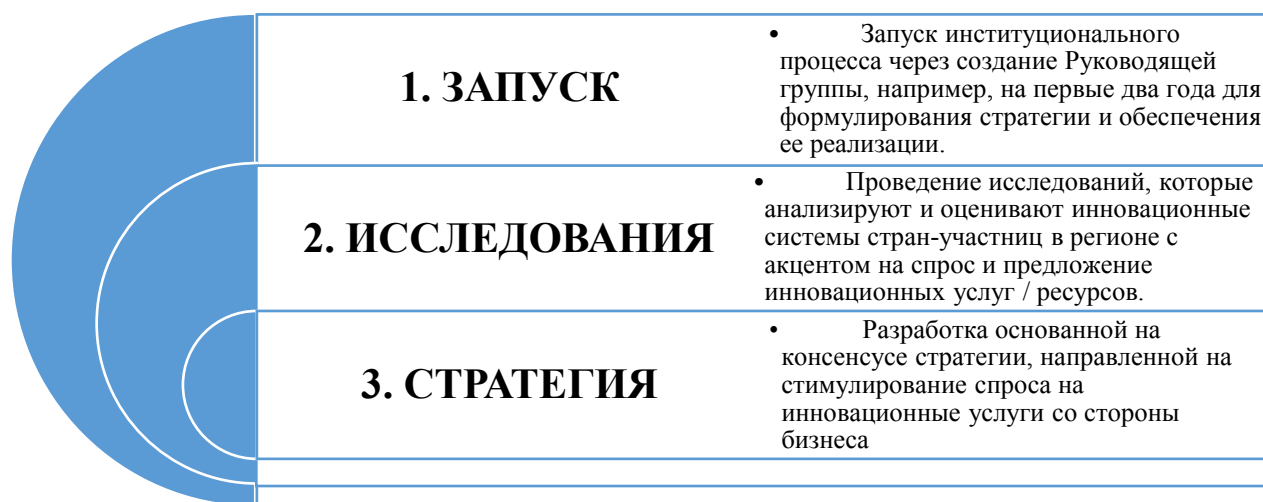

Рис. 2. – Алгоритм разработки региональной инновационной стратегии

Примечание – Источник: разработка автора.

Стратегия должна включать подробный план действий и создание системы мониторинга и оценки. План действий может включать пилотные мероприятия и технико-экономические обоснования, а также конкретные проекты, которые могут финансироваться программами инновационных или иных фондов. По сути, региональная инновационная стратегия будет нацелена на установление социально-экономической динамики, основанной на открытом обсуждении запросов «снизу». Что еще важно, стратегия направлена на установление связей и сетей сотрудничества между различными элементами и участниками региональной инновационной системы.

Центральное место в этой задаче занимает объединение ключевых игроков из связующего звена между государством, промышленностью и университетами в Руководящую группу. Опыт показывает, что успешные региональные инновационные стратегии основаны на партнерстве местных политических, экономических и академических субъектов, которые активно участвуют в Руководящей группе.

Региональные инновационные стратегии преследуют четыре основные цели:

- сделать продвижение инноваций ключевым приоритетом в повестке дня промышленной политики стран, как и развитие инновационной культуры в регионах;
- увеличить количество инновационных проектов в компаниях и уровень инвестиций в инновации (например, расходы компаний на НИОКР и инновационные услуги);
- способствовать государственному / частному и межфирменному сотрудничеству, а также созданию цепочки правительство – бизнес - университеты;
- увеличить объем и качество государственных расходов на инновации посредством инновационных проектов либо через инновационные фонды, стимулируя таким образом инвестиции государственного и частного секторов в НИОКР и инновационную деятельность.

Проще говоря, основная цель стратегии – заложить основу для эффективной инновационной системы региона, в нашем случае – интеграционного объединения путем поощрения межорганизационного обучения, улучшения существующего регионального инновационного потенциала и использования возможностей для инвестиции в инновационную деятельность.

Координация спроса и предложения инноваций в странах-членах интеграционной группировки позволит принимать управленческие решения как для национальных и наднациональных органов власти, так и для бизнес-структур, включая инвестиционные и иные фонды, корпоративных инвесторов и т.п. Взаимодополняемость между частным и государственным сектором инвестиций в НИОКР и инновационную деятельность требует политического подхода, объединяющего ключевых игроков и влияющего как на спрос, так и на предложение.

Вышеобозначенные шаги формирования единой инновационной политики в интеграционных объединениях будут создавать новые политические инициативы, в которых упор делается на коллективное обучение и институциональные инновации, а не на обеспечение базовой инфраструктуры. По мнению автора, данный методологический подход предлагает новую и более инновационную форму экономического управления. При этом само управление касается не масштабов государственного вмешательства, а его характера, не разделения государственных и рыночных подходов, а построения эффективного взаимодействия.

В концепции региональной инновационной стратегии управление основано на государственно-частном партнерстве и консенсусе, при этом государственный сектор играет главным образом роль катализатора создания сетей между всеми соответствующими региональными агентами. Таким образом, поддерживается продвижение инвестиций как государственного, так и частного секторов в инновационную деятельность в

целях повышения конкурентоспособности и уровня жизни. Также можно утверждать, что разработка региональной инновационной стратегии может подготовить почву для того, чтобы лица, ответственные за продвижение инноваций на региональном уровне, могли лучше реагировать на необходимость увеличения регионального инновационного потенциала. Этого можно добиться с помощью стратегического подхода с участием ключевых региональных игроков, результатом которого станут новые инновационные проекты, соответствующие целям региональной инновационной политики. Решающее значение для этого процесса играют социальный капитал, обучение (внутрифирменное, межорганизационное и межрегиональное) и создание сетей для содействия коллективной внешней экономии от масштаба.

При формировании единой инновационной политики интеграционных группировок следует помнить также о некоторых особенных факторах, влияющих на данный процесс. Здесь мы имеем ввиду один из важнейших – это фактор доверия. Существует институциональная гипотеза о том, что экономическая интеграция является более привлекательной для стран с внутренними проблемами и маловерием к своему национальному правительству, чем для хорошо функционирующих стран [2]. Эти страны более охотно идут на передачу суверенитет наднациональной организации, поскольку их национальные учреждения не очень надежны. Для измерения данного показателя можно использовать индекс восприятия коррупции. Так, при формировании Европейского союза и его единых политик в регионе наблюдалась отрицательная линейная зависимость между желаемым ритмом интеграции и индексом коррупции. Более высокий уровень индекса восприятия коррупции подразумевает меньшее количество коррупции, что согласуется с институциональной гипотезой.

В целом, категорию коррупции в исследованиях часто используют для представления внутренних проблем страны, поскольку данная категория сильно коррелирует с другими «нехорошими» переменными страны: минимальная подотчетность политических партий, плохо функционирующая юридическая система и т.д. Европейские эмпирические исследования подтвердили отрицательное влияние коррупции на количество частных инвестиций, качество государственных инвестиций и инвестиции в человеческий капитал. Измерение коррупции в интеграционной группировке также будет содействовать определению уровня готовности государств-членов к разработке региональной инновационной стратегии. Однако данная тема требует дополнительных исследований и не является объектом интереса в данной теме.

Таким образом, региональная инновационная стратегия является по мнению автора методологически обоснованным подходом при формировании единой инновационной политики интеграционного объеди-

нения. В рамках развития данной теории обоснованно выделить также критерии изменения успешности реализации стратегии или эффективности единой инновационной политики, что может стать темой научных исследований в будущем.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Oughton Christine, Landabaso Mikel, Morgan Kevin The Regional Innovation Paradox: Innovation Policy and Industrial Policy // Journal of Technology Transfer. №27. 2002. P. 97–110. Kluwer Academic Publishers.

2. Ganuza Juan-Jose, Hauk Esther Economic integration and corruption // International Journal of Industrial Organization. 22 (2004). P. 1463– 1484.

ОСНОВОПОЛАГАЮЩИЕ ИНДИКАТОРЫ МИРОВОГО РЫНКА КРЕАТИВНЫХ УСЛУГ

Ю. В. Петрашевская

*Белорусский государственный университет,
ул. Ленинградская 20, 220030, г. Минск, Беларусь, yulya_petrashevskaya@tut.by*

Статья посвящена теоретическому подходу к оценке результативности развития креативной деятельности, в частности креативных услуг на региональном уровне. Выделяются основные индексы, которые применяются в развитых странах для оценки достижения целей креативного развития экономики. В работе проводится сравнительный анализ качественных и количественных индикаторов, входящих в состав страновых и региональных индексов оценки развития рынка креативных услуг, исследуются сильные и слабые стороны индикаторов. Также в статье представлена группа однородных индикаторов, которые необходимы для использования на национальном уровне в целях проведения мониторинга креативного развития данной территории (региона) и реализации стратегий развития креативного сектора услуг. Рассмотрены факторы, влияющие на формирование и развитие рынка креативных услуг.

Ключевые слова: креативные услуги; индексы креативности; модели; интеллектуальный потенциал; инновации; человеческий ресурс; креативный класс; творчество.

FUNDAMENTAL INDICATORS OF THE WORLD MARKET OF CREATIVE SERVICES

Y. V. Petrashevskaya

Belarusian State University, Leningradskaya Street, 20, 220030, Minsk, Belarus

The article is devoted to a theoretical approach to assessing the effectiveness of the development of creative activity, in particular, creative services at the regional level. The main indices are highlighted, which are used in developed countries to assess the achievement of the goals of creative economic development. The paper provides a comparative analysis of the qualitative and quantitative indicators included in the country and regional

indices for assessing the development of the creative services market, examines the strengths and weaknesses of the indicators. The article also presents a group of homogeneous indicators that are necessary for use at the national level in order to monitor the creative development of a given territory (region) and implement strategies for the development of the creative services sector. The factors influencing the formation and development of the market for creative services are considered.

Keywords: creative services; creativity indices; models; intellectual potential; innovation; human resource; creative class; creation.

Изменение научно-технологической и социально-экономической парадигмы развития вызвала качественные трансформации во всех сферах деятельности людей, корпораций, стран и регионов мира. Беспрецедентная доступность информации, динамизация международного факторного обмена, структурные сдвиги в потреблении товаров и услуг привели к усилению конкуренции, модификации ее форм и методов. Такие кардинальные изменения вызывают необходимость пересмотра, как фундаментальных основ экономического развития, так и составляющих, определяющих конкурентные преимущества. Интеллектуализация глобальной экономики, генезис ее креативного сектора сформировали новый специфический тип ресурсов развития – интеллектуально-креативные. Источниками конкурентоспособного развития страны на современном этапе является сочетание интеллектуального потенциала общества и мировых инновационных достижений с эффективной имплементацией в стратегии национального развития креативного подхода.

В настоящий период развитие мирового рынка креативных услуг происходит в условиях очень сильной конкуренции и под воздействием большого количества неценовых факторов. Филиация креативной услуги как дополнительной составляющей широкого ряда услуг зависит, прежде всего, от того, насколько они соответствуют качественным характеристикам и отвечают инновационным, неординарным критериям, при этом определяющими факторами при принятии положительного решения потребителями являются творческий опыт производителя и его репутация (имидж). Объем сектора креативных услуг сегодня показывает степень развитости экономики той или иной страны.

Масштаб решаемых задач данной сферы весьма разнообразен: поиск конкретных стратегических моделей предприятия на рынке, рыночной ниши, маркетинговой политики брендов, «оригинальные» услуги финансовой и банковской системы, эвристические методы в науке и образовании, рекрутинг персонала и т.д.

Выделяя понятие креативной услуги, следует отметить, что в основе ее лежит человеческий ресурс и творчество. Термин креативная услуга можно трактовать как особый, нетрадиционный вид деятельности

человека или группы людей, в основе которой лежит творческий процесс (неповторимость, оригинальность, уникальность мышления человека) с многообразной степенью использования средств производства и субсидиарных услуг.

Исследуя креативные услуги, следует выделить основные качественные и количественные показатели. Для успешного развития креативных услуг необходимо прежде всего учитывать уровень как материального, так и духовного развития общества. Поэтому, прежде всего, для развития креативных услуг необходимо создать общество, в котором будет преобладать население со средним и выше среднего уровнем доходов. Только при удовлетворении первичных потребностей и наличии свободных денежных средств население сможет активно потреблять креативные услуги. Целесообразно отметить и тот факт, что для развития креативных услуг необходимо, чтобы в обществе сформировался и сгенерировался креативный класс, обладающий художественным, эстетическим, эксклюзивным мировосприятием.

Переход от производства креативных товаров к предоставлению креативных услуг отражает на современном этапе основную тенденцию развития рынка. Так, например, в настоящий период газеты, журналы, многие опубликованные продукты, которые изначально были креативными товарами, превратились в креативные услуги с расширением онлайн-медиа, вызванным цифровыми подписками и онлайн-рекламой, музеи проводят оцифровку своих исторических экспонатов, трансформируя их в креативно-туристическую услугу, музыкальная индустрия, которая на протяжении десятилетий сосредоточивалась на оборудовании, кассетах и компакт-дисках, перешла на цифровые загрузки и потоковую передачу в Интернете.

В настоящий период можно выделить пять ключевых факторов, влияющих на предоставление креативных услуг: 1) повсеместное подключение; 2) мобильный потребитель; 3) потребность в новых источниках дохода; 4) переход к платформам; 5) персонализация. И необходимо отметить тот факт, что главным фактором остается – креативный класс.

Многомерность и межотраслевой характер креативных услуг требует и неординарной оценки данного сектора. В ряде стран для оценки развития рынка креативных услуг используют следующие показатели: Глобальный индекс креативности, Индекс творческого сообщества, Гонконгский индекс креативности, Европейский индекс креативности, Балтиморский индекс креативности, Индекс творческого города.

Глобальный индекс креативности оценивает страны по трем ключевым показателям экономического развития, иначе говоря модель 3Т — технологии, таланты и толерантность. Технология – это первая Т.

Она уже давно признана ключевым двигателем богатства и прогресса. Технологии повышают производительность, создают богатство и позволяют странам развиваться заново. Оценить развитие технологий можно двумя основными способами: доля расходов на научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы в ВВП, количество исследователей (в эквиваленте полной занятости) на миллион жителей.

Талант – вторая Т. Талант, или человеческий капитал, стоит рядом с технологиями в качестве основного драйвера экономического роста. Талант включает в себя две составляющие: образование и профессионализм. Оценить талант можно по доле творческого класса (работники науки, искусства, культуры, сектора развлечений и т.д.) и доле населения с высшим образованием.

Толерантность – это третья Т. Толерантность влияет на экономическое развитие, помогая установить широкий контекст, как для технологических инноваций, так и для привлечения талантов. Новые места, новые специалисты, новые открытия объединяются в единое целое, формируя дополнительный источник экономического преимущества, который основывается и работает на либерализме в синтезе с технологиями и талантом. Индекс креативности включает две меры толерантности – религиозная и этническая открытость и открытость по отношению к сексуальным меньшинствам [1].

«Индекс творческого сообщества» (SV-CCI) является результатом совместного проекта между Фондом Найта «Американцы за искусство» и творческими инициативами Кремниевой долины. В Индексе творческого сообщества индикаторы разделены на четыре категории: результаты – желаемые результаты здоровой культурной жизни, широкого творчества, социальные связи между разными людьми и вклад в качество жизни в Силиконовую Долину; участие – участие жителей в художественных и культурных мероприятиях, включая степень, в которой различные люди участвуют вместе; активы – сочетание культурных ценностей, присутствующих в сообществе, включая таланты творческого сектора (государственного и частного), места и объекты, а также эстетику окружающей среды; рычаги – условия, в которых создаются творческие ценности и поощряются взаимодействия людей посредством оценки образования, лидерства, инициативы [3].

Гонконгский индекс креативности (HKCI) был разработан Центром исследований культурной политики Университета Гонконга. Структура индекса основана на пяти составляющих, которые включают в себя 88 индикаторов: результаты творчества; структурный / институциональный капитал; человеческий капитал; социальный капитал; куль-

турная столица. Данный индекс связан со сложностью сбора и анализа данных, но, с другой стороны, приводит к более полной и эффективной оценке креативного развития региона [3].

Европейский индекс креативности (ECI) был разработан КЕА European Affairs в рамках исследования, проведенного для Европейской комиссии. Основная цель этого исследования заключалась в расширении показателей существующих индексов до измерения конкретно относящиеся к творчеству и культуре. В индекс входят шесть основных составляющих, которые включают тридцать два показателя: «человеческий капитал»; «открытость и разнообразие»; «культурная среда»; «технологии»; «институциональная среда»; «творческий потенциал».

Балтиморский индекс креативности (BCI) по сути идентичен Глобальному индексу креативности, однако в индекс включен четвертый параметр – «территория». В основе четвертого параметра исследуются такие индикаторы как «Индекс неравенства заработной платы» и «Индекс доступности жилья». Особую важность составляет коэффициент географическая близость данной территории к творчески-креативным центрам.

Индекс творческого города (CCI-CCI) был разработан для исследования креативной экономики в Пекине. Данный индекс включает семьдесят два показателя, сгруппированных по восьми измерениям (масштабы творческой индустрии; микропродуктивность; эмоциональный капитал и эмоциональное управление бизнесом; издержки на инновационные решения; общественная поддержка; человеческий капитал; глобальная интеграция, открытость, терпимость и разнообразие) [3].

Анализ данных индикаторов важен при оценке креативной деятельности на макроуровне. Активная политика в данном направлении во многих странах мира только начинает развиваться. Поэтому одним из важных направлений развития сектора креативных услуг в настоящий период является улучшение статистических данных, а также эффективной системы индикаторов.

В таблице ниже представлен контрольный перечень показателей, которые в настоящий период считаются ключевыми для оценки развития креативных услуг в регионе. Выявление сильных и слабых сторон индикаторов, дает возможность выбрать наиболее эффективные индикаторы, чтобы сформировать их в отдельную систему инструментов для оценки развития на определенной территории (регионе) рынка креативных услуг.

Сравнительная характеристика индикаторов.

Индексы	Сильные стороны	Слабые стороны
1. Индекс творческого сообщества	Подчеркивает важность культуры для творчества, технического прогресса и социальная связанность.	Индекс строится на основе личных интервью и опросов на микроуровне. Наполненность этих элементов имеет специфичный характер, что ведет к невозможности его использования как стандартного инструмента как на микро-, так и на макроуровнях.
Европейский индекс креативности	Первый рейтинг европейских стран.	Всего проанализировано 14 европейских стран.
Гонконгский индекс креативности	Включает 88 показателей, которые позволяют делать данный индекс более полным и эффективным.	Большое количество показателей также увеличивает сложность сбора данных и их анализа
Балтиморский индекс креативности	Пространственное измерение добавлено в анализ через территориальную инфраструктуру и локализацию к творческим центрам	Только анализируется в Балтиморе.
Индекс творческого города	Собирает лучшее из всех предыдущих индексов показатели.	Игнорирует важный аспект-предпринимательство.
Глобальный индекс креативности	Охватывает 82 страны; данный показатель включает толерантность как регулятивный компонент оценки креативности.	Ограниченное количество индикаторов.

Источник: [2].

Анализируя рассмотренные показатели можно выделить следующие основные индикаторы, которые включены в каждый из рассматриваемых индексов, для оценки креативных услуг: «человеческий капитал, креативный класс и образование»; «открытость, разнообразие и толерантность»; «технологии и инновации».

Таким образом, можно сделать вывод, что индексы креативности – хороший инструмент директивных органов для постановки целей и отслеживания результатов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Флорида Р. Креативный класс: люди, которые меняют будущее. Москва: Классика-XXI, 2005. 430 с.

2. Measuring Creativity in the EU Member States n./ Carlos Miguel Correia, Joséda Silva Costa. [Electronic resource]. Mode of access: <https://old.aecr.org/imag-es/ImatgesArticles/2014/12/01Correia.pdf>. Date of access: 13.01.2021.

3. Open for Business: The economic and business case for global LGB&T inclusion/ Jon Miller and Lucy Parker. [Electronic resource]. Mode of access: https://www.wko.at/site/Charta-der Vielfalt/Service/studien/Brunswick_Open_for_Busi-ness.pdf. Date of access: 13.01.2021.

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ГЛОБАЛЬНЫХ ЦЕПОЧЕК СОЗДАНИЯ ДОБАВЛЕННОЙ СТОИМОСТИ

Т. А. Прокапович

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, prokapovicht@gmail.com*

Статья посвящена анализу современных тенденций в развитии глобальных цепочек добавленной стоимости (ГЦС), отражены последствия пандемии COVID-19 и последующего кризиса для экономики построения цепочек. В частности охарактеризованы ключевые современные тенденции развития ГЦС, отражены исторические моменты развития понятия ГЦС, выделены факторы успешности стран в ГЦС, соответствующие риски и выгоды. Предложены меры, призванные способствовать более эффективному участию в ГЦС. Проанализирован механизм полной кумуляции, соответствующий особенностям географической фрагментации производственного процесса. Полагаем, данный механизм будет содействовать упрощению в перемещении товаров в рамках многочисленных преференциальных торговых соглашений и «тянушимися» через них ГЦС.

Ключевые слова: глобальные цепочки добавленной стоимости; кумуляция; преференциальные торговые соглашения; транснациональные корпорации; фрагментация производства.

CURRENT TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF THE GLOBAL VALUE ADDED CHAINS

T. A. Prakapovich

Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus

The article is devoted to the analysis of the current trends in the development of the global value added chains (GVCs), reflects the consequences of the pandemic COVID-19 and the subsequent crisis for the economy of the GVCs building. Specifically, the key modern trends in the development of GVCs are characterized, the historical moments of the development of the concept of GVCs are reflected, the factors of success of countries in the GVCs, the corresponding risks and benefits are highlighted. There are several measures are proposed to facilitate more effective participation in GVCs. The mechanism of complete cumulation, which corresponds to the peculiarities of the geographical fragmentation of the production process, is analyzed. Probably, this mechanism will facilitate

the simplification of the movement of goods within the framework of numerous preferential trade agreements and the GVCs that run through them.

Keywords: global value added chains; cumulation; preferential trade agreements; transnational corporations; production fragmentation.

Одним из ключевых элементов мировой экономики являются *глобальные цепочки добавленной стоимости* (далее – ГЦС). Они наиболее наглядно отражают проявление тенденций глобализации и транснационализации.

В данной статье предпринята попытка охарактеризовать *ключевые современные тенденции развития ГЦС*, выделив факторы успешности в них стран и соответствующие риски и выгоды, а также предложить ряд мер, призванных способствовать более эффективному участию в ГЦС.

Теоретическая и практическая значимость исследований влияния ГЦС на мировые экономические процессы и экономику отдельных стран повышает *актуальность этой тематики* в международной повестке дня, способствует выработке новых международных подходов к оценке участия стран в ГЦС.

Международные организации, включая ОЭСР, ЮНКТАД и ВТО, активно используют тематику ГЦС для продвижения идей в сфере содействия международному развитию, утверждая, что ГЦС предоставляют развивающимся странам уникальные возможности продвижения вверх «по лестнице» добавленной стоимости за счет создания выгодных условий для развития внутри этих стран международного бизнеса и привлечения иностранных инвестиций [1].

В силу растущей политической и экономической значимости глобальных цепочек стоимости данный феномен сегодня оказался в центре внимания многих исследователей, хотя сама концепция цепочки начисления стоимости возникла в 1960–1970-е гг. В 1990-е гг. эту концепцию последовательно развивал профессор Гарвардской бизнес-школы Майкл Портер в рамках теории конкурентных преимуществ стран. Сам термин «цепочки создания стоимости» (value chains) был введен Портером в оборот в 1985г. в книге «Конкурентное преимущество» [3].

Центральным местом исследований по тематике ГЦС, как правило, выступает вопрос управления и то, как разные формы управления и контроля над ГЦС способствуют или препятствуют улучшению положения компаний в ГЦС, включая продуктовую, функциональную или процессную модернизацию.

Внутри конкретной глобальной цепочки стоимости принято выделять *восходящие связи* (forward linkages in GVCs), отражающие экспорт сырьевых товаров и услуг, которые затем импортируются обратно в виде

готовых продуктов, и *нисходящие связи* (backward linkages in GVCs), отражающие производство и экспорт конечных товаров и услуг, базирующиеся на импорте сырьевых товаров и услуг [4].

На текущий момент можно выделить две большие теоретические школы исследователей тематики ГЦС: *интернационализм и индустриализм*.

Первая школа представлена североамериканскими исследователями ГЦС, прежде всего профессором социологии, директором Центра глобализации, управления и конкурентоспособности Университета Дюка Гарри Джереффи, а также несколькими европейскими исследователями, включая ведущего специалиста Института исследований развития университета Эссекса Рафаэля Каплински, исследователя Датского института международных исследований Питера Гиббона [4].

Школа индустриалистов, с другой стороны, представлена такими исследователями Института исследований развития Университета Сассекса, как Джон Хамфри и Хуберт Шмитц. В то время как интернационалистов отличает преимущественное использование макроперспективы как в контексте единиц анализа, так и в масштабе предлагаемых рекомендаций, индустриалисты предпочитают проводить анализ на микроуровне, рассматривая локальный опыт отраслей и кластеров [4].

Вместе с тем данное деление является весьма условным, поскольку данные подходы дополняют друг друга, к тому же есть ряд совместных публикаций представителей данных школ.

Следует отметить, что участие в ГЦС принимают как развитые, так и развивающиеся страны вне зависимости от уровня своего технологического развития и доходов на душу населения, однако *степень их включенности, позиции в звеньях ГЦС, а значит, и возможности получения наибольшей выгоды остаются разными*.

Исследователи отмечают, что, несмотря на достаточную разработанность тематики производственной фрагментации в рамках ГЦС, *международный аспект* данного процесса является относительно новым. При этом все больше наблюдается процесс интеграции торговли при одновременной дезинтеграции производства.

На сегодняшний день важно отметить, что ГЦС сильно пострадали в результате кризиса COVID-19. Но COVID-19 — это не единственный фактор таких изменений. Кризис, вызванный пандемией, накладывается на предыдущие серьезные вызовы, с которыми столкнулась транснациональная производственная система в связи с *новой промышленной революцией, расширяющимся экономическим национализмом и необходимостью сбалансирования развития* [1].

ЮНКТАД уже на протяжении 30 лет анализирует прямые иностранные инвестиции и деятельность транснациональных корпораций. За это время международное производство пережило двадцать лет динамичного роста, а потом десять лет стагнации. Трансграничные потоки инвестиций в материальные производственные активы перестали расти во втором десятилетии XXI века, динамика торговли ослабла, а обмен в рамках ГЦС даже снизился.

Общий ход текущих изменений подсказывает следующие возможные эффекты в отношении ГЦС:

- сокращение цепочек стоимости и уменьшение их фрагментации;
- более высокая концентрация добавленной стоимости;
- управление цепочкой поставок, основанное больше на платформах, при небольших активах;
- отказ от глобальных в пользу региональных – и даже функционирующих на более низком уровне – цепочек поставок;
- давление для уменьшения глобальных иностранных инвестиций, ориентированных на улучшение эффективности, в пользу региональных инвестиций, ориентированных на рынок;
- давление для уменьшения глобальной торговли промежуточными товарами; меньшее в случае торговли конечной продукцией;
- в некоторых отраслях – отказ от масштабных инвестиций в пользу распределенного производства в меньших масштабах;
- дальнейшее развитие и фрагментация цепочек стоимости в сфере услуг;
- увеличение роли экономической устойчивости и национальной безопасности в диверсификации ГЦС;
- переход от инвестиций в ГЦС к трансграничным инвестициям в инфраструктуру, национальные услуги, а также «зеленую» и «голубую» экономику (экологическую, в том числе касательно морей), обусловлен необходимостью сбалансированного развития [1].

Исследователями отмечается, что эволюция преференциальных торговых соглашений (далее – ПТС) обуславливается потребностями торговли промежуточными товарами и услугами в рамках глобальных производственных систем (далее – ГПС) в отсутствии прогресса на многосторонних переговорах в ВТО. Под ГПС понимается фрагментация производственного процесса и разброс по странам предприятий.

ПТС позволяют активизировать участие в глобальных цепочках добавленной стоимости, подразумевая под собой «протягивание» таких цепочек путем подписания новых соглашений. Однако, до сих пор существует целый ряд проблем, с которыми сталкивается большинство

производителей, заинтересованных в выходе на внешние рынки и участии в цепочках создания стоимости при условии наличия большого числа ПТС. Полагаем, это можно объяснить тем, что ПТС не покрывают участия в создании ГПС всех заинтересованных участников, а также тем, что ранее и вновь подписанные ПТС не всегда приводят к протягиванию таких цепочек.

Торговля промежуточными товарами является самым динамичным сектором международной торговли, охватывающим более 60% мировой торговли продукцией несырьевого характера. ГПС, как правило, координируются транснациональными корпорациями (далее – ТНК). По оценке ЮНКТАД, около 80% глобальной торговли (по валовому экспорту) связаны с международными производственными системами ТНК либо через внутрифирменную торговлю, либо через контрактные, лицензионные и франчайзинговые отношения, либо через прямые сделки, одной из сторон которых является ТНК. Исследование специфики функционирования ГПС позволяет обосновать вывод о качественном изменении характера мировой торговли, обусловленном потребностями внутрифирменной торговли полуфабрикатами и услугами вдоль всей цепочки стоимости, от звена к звену.

В последнее десятилетие доля промежуточных товаров во внешней торговле Беларуси достигала 70% внешнеторгового оборота, что косвенно характеризует участие страны в глобальных цепочках добавленной стоимости (Филипцов, Горбатенко 2017). Расширение участия страны в создании глобальных цепочек, выражающееся в более интенсивном использовании импортируемых промежуточных товаров и услуг для производства и экспорта продукции, способствует росту ВВП, экспорта и притоку ПИИ (Белоусов, 2016).

Фрагментация производства, достигшая уровня страновой специализации на производстве отдельных деталей, которые должны будут многократно пересекать национальные таможенные границы прежде, чем превратиться в готовый продукт, требует минимизации издержек на всем пути трансграничного следования всех факторов производства.

Следует отметить, что конкурентоспособность звена в цепочке определяется скоростью прохождения таможенной процедуры для импортных компонентов и экспортных товаров, а также уровнем импортных тарифов и эффективностью экспортных процедур. Именно многонациональные универсальные стандарты и нормы создадут реальные предпосылки для цепочек стоимости стать по-настоящему глобальными, а не оставаться преимущественно региональными.

Следовательно, наиболее удобным и содействующим упрощению и ускорению трансграничного прохождения товаров и услуг можно при-

знать механизм полной кумуляции. Именно этот механизм максимально соответствует особенностям географической фрагментации производственного процесса, и отвечает потребностям достижения максимальной эффективности внутри ПТС нового типа — глубоких и институциональных.

Полная кумуляция позволяет любую деятельность по переработке в стране – члене региональной группировки квалифицировать как достаточную вне зависимости от происхождения материалов для производства финальной продукции. Полная кумуляция является следующим шагом в развитии экономической интеграции, позволяя увеличить фрагментацию производства в большей степени, чем чаще используемые двусторонняя и диагональная кумуляции и, следовательно, является менее ограничительной кумуляцией [6].

Преимущества от введения полной и расширенной кумуляции заключаются в расширении рынков сбыта товаров. Это обусловлено тем, что кумулятивный принцип допускает при производстве товаров использование материалов, происходящих из стран, которые имеют соответствующее соглашение, при этом такие материалы не учитываются при расчете адвалорной доли материалов иностранного происхождения.

На примере ЕАЭС принцип кумуляции приведет к тому, что товары или материалы ЕАЭС будут импортироваться в иные страны для производства других товаров. С учетом этого произойдет повышение спроса на товары ЕАЭС. При этом будут получены дополнительные преимущества в виде тарифных преференций, что в конечном итоге повысит конкурентоспособность товаров ЕАЭС на международном рынке. Расширение принципа кумуляции также позволит получать товары, в которых нуждается экономика государств – членов ЕАЭС, по сниженным ценам благодаря предоставлению тарифных преференций на эти товары, что в результате приведет к увеличению экономического роста государств – членов ЕАЭС.

Так, можно выделить некоторые *выгоды* участия стран в ГЦС.

Расширение рынка сбыта за счет получения доступа к глобальным рынкам. Стоит отметить, что во многих случаях ГЦС — единственный способ получить такой доступ, но им надо уметь воспользоваться в своих интересах.

Также к преимуществам можно отнести повышение качества производимой продукции за счет специализации, основанной на сравнительных преимуществах и использовании высококачественных компонентов на всех стадиях производственного процесса (из-за высокого уровня конкуренции между поставщиками ресурсов и конечных товаров).

Не стоит забывать и о возможной модернизация технологий и улучшении человеческого капитала за счет освоения новых компетенций, обеспечивающих возможности перехода к участию в ГЦС на более высоких позициях с большей добавленной стоимостью. Более того возможно улучшение условий конкуренции и делового климата, которое особенно заметно в условиях присутствия в стране родственных и поддерживающих отраслей.

Помимо вышеперечисленного, можно отметить и стимулирование привлечения прямых иностранных инвестиций в страну, которые к тому же могут являться важным источником технологий и знаний. Также стоит отметить, что продвижение по ГЦС само по себе является важным стимулом для развития инфраструктуры в стране, повышения качества образования, инвестирования в научные исследования и разработки, создания благоприятных условий для ведения бизнеса [4].

Говоря о возможных *рисках* участия в ГЦС, необходимо заметить, что развитие ГЦС зачастую требует от страны последовательного сокращения национальной доли в ее экспорте, что негативно сказывается на внешнеторговом балансе, а компании, использующие зарубежный аутсорсинг, становятся менее зависимыми от национального рынка труда, что способствует безработице [4].

Частично эта тенденция может быть компенсирована повышением эффективности в оставшихся отраслях, приводящим к увеличению спроса на рынке труда. К *другим рискам* относится возможность попадания в ловушку одного поставщика в рамках зависимости от конкретных рынков и продукции, а также давление со стороны координаторов ГЦС, например, в лице транснациональных корпораций, способное привести к обострению экологических, конъюнктурных, экономических и социальных рисков. В связи с этим правительствам необходимо тщательно взвешивать все возможные последствия от включения их стран в ГЦС или изменения стратегии поведения внутри глобальных цепочек.

Таким образом, ГЦС представляют собой реально происходящие процессы в мировой экономике, формирующие и определяющие конкурентоспособность стран, уровень их развития, место в производственном цикле. Западные экономисты предложили теории международной торговли, а также разработали стратегические методы, с помощью которых можно оценить ГЦС. Несмотря на достаточную разработанность тематики производственной фрагментации в рамках ГЦС, международный аспект данного процесса является относительно новым. Одним из наиболее удобных и содействующих упрощению и ускорению трансграничного прохождения товаров и услуг можно признать механизм полной кумуляции. Именно этот механизм максимально соответствует

особенностям географической фрагментации производственного процесса. Исследование данной проблемы особенно актуально для Республики Беларусь, являющейся малой экспортоориентированной экономикой, развитие которой во многом зависит от внешней торговли.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Глобальные цепочки добавленной стоимости меняются на региональные [Электронный ресурс] URL: <https://trans.info/ru/globalnyie-tsepochki-dobavlennoy-stoimosti-menyayutsya-na-regionalnyie-202549> (дата обращения: 08.01.2021).
2. Вязовская В.В., Фальченко О.Д. К вопросу об оценке эффектов евразийской экономической интеграции// Экономические отношения. том 9. номер 3. июль–сентябрь 2019.
3. Давыденко Е., Гричик М. Глобальные цепочки создания стоимости: теоретические и практические аспекты// Банковский вестник. апрель 2014. С. 23-27.
4. Мешкова Т. А., Моисеичев Е. Я. Мировые тенденции развития глобальных цепочек создания добавленной стоимости и участие в них России// Вестник финансового университета. 2015. С. 83-96.
5. Об итогах внешней и взаимной торговли товарами Евразийского экономического союза / Статистика внешней и взаимной торговли товарами // Евразийская экономическая комиссия [Электронный ресурс]. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/tradestat/analytics/Pages/default.aspx (дата обращения: 13.11.2020).
6. Прогунова Л.В., Богатырева С.В. Кумуляция как инструмент интеграции в экономике глобальных цепочек и растущего протекционизма // Международная торговля и торговая политика. 2018. том 3. С. 61-78.
7. Пташкина М.Г. Правила происхождения товаров в переговорах о Трансатлантическом торговом и инвестиционном партнёрстве // Российский внешнеэкономический вестник. Вып. 6. 2015. С. 72-83.
8. Самосенок Л. Н. О региональных интеграционных соглашениях... типология эффектов региональной экономической интеграции// Российское предпринимательство. № 2 (224). январь 2013.

ОСОБЕННОСТИ ИННОВАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

В.Б. Проскурина¹⁾, О.Ф. Малашенкова²⁾

*¹⁾Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, proskurina.vb@gmail.com*

*²⁾Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, malashenkova@bsu.by*

В работе проведен анализ показателей, характеризующих проводимую инновационную политику в Республике Беларусь, а также дана оценка ее эффективности, посредством проведенного анализа показателей, характеризующих некоторые направления развития, предлагаемые органами государственного управления. Для

проведения исследования использовались следующие методы анализа: горизонтальный (трендовый), метод сравнения, графический. Автором были изучены официальные источники органов государственного управления, а также статистика по теме исследования. На основании полученных данных были выявлены некоторые недостатки современной инновационной системы Беларуси, а также даны рекомендации по их устранению.

Ключевые слова: инновационная политика; инновации; инновационная деятельность; национальная инновационная система.

SPECIFIC CHARACTERISTICS OF INNOVATION POLICY OF THE REPUBLIC OF BELARUS

V.B.Proskurina^a, O.F. Malashenkova^b

^a*Belarusian State University, Nezalieznasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus*

^b*Belarusian State University, Nezalieznasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus*

Corresponding author: V.B.Proskurina (proskurina.vb@gmail.com)

In this research the author analyzed the indicators characterizing some directions of innovation policy in the Republic of Belarus, and assessed the effectiveness of the current policy in this direction through the analysis of indicators characterizing some directions of development proposed by the state administration bodies. The following methods of analysis were used for the study: horizontal (trend), comparative and graphical methods. The author studied the official sources of public administration bodies, as well as statistics on the topic of the study. Based on the data obtained, some shortcomings of the modern innovation system in Belarus have been identified, and recommendations for their elimination have been given.

Keywords: innovation policies; innovations; innovative activity; national innovation system.

Инновации сегодня являются главной движущей силой и перспективным подспорьем для развития экономического потенциала компаний, а также стран как агрегаторов более мелких субъектов хозяйствования.

На развитие инноваций в стране влияет множество факторов. Инновационная политика государства – один из значимых, от которого зависит, насколько данная сфера будет развиваться, придут ли в страну иностранные инвесторы и захочет ли в целом бизнес воплощать именно в нашей стране свои идеи. Для поддержки инновационной активности властям требуется осуществлять ряд мер, которые будут ее стимулировать. Например, предоставление налоговых льгот компаниям, осуществляющим инновационную деятельность, упрощение законодательства, создание соответствующей инфраструктуры. Важным является смещение акцента с общестрановой повестки инновационного развития на региональную и даже отраслевую.

Для того, чтобы понять, какая именно повестка дня должна стоять перед государственными органами, в юрисдикции которых находится составление очередного плана по развитию инноваций в Республике Беларусь, автор считает необходимым ввести понятие инновационной деятельности. Исходя из информации, представленной на сайте Государственного комитета по науке и технологиям Республики Беларусь, «Инновационная деятельность — комплекс научных, технологических, организационных, финансовых и коммерческих мероприятий, направленный на коммерциализацию накопленных знаний, технологий и оборудования. Результатом инновационной деятельности являются новые или дополнительные товары/услуги или товары/услуги с новыми качествами». Исходя из этого, можно сделать вывод о том, что коммерциализация, а значит, получение прибыли от инновационной деятельности, является приоритетной задачей разрабатываемой повестки. Рассмотрим несколько фактов, которые помогут понять, насколько эффективной была Государственная программа инновационного развития на 2016-2020 годы, утвержденная в 2017 году.

В данной программе выделены 10 направлений в качестве основных. Рассмотрим динамику показателей по годам, соответствующих данным направлениям (некоторые из них будут совмещены по усмотрению автора).

Организация разработки и реализации инновационных проектов, имеющих государственное значение, а также развития информационного предпринимательства; развитие международного научно-технического и инновационного сотрудничества.

По этому направлению рассмотрим динамику нескольких показателей.

1. Расходы на научные исследования и опытно-конструкторские разработки в отношении к ВВП (см. таблицу 1).

Таблица 1

Расходы на НИОКР

Расходы на научные исследования и опытно-конструкторские разработки в отношении к ВВП, процентов	2015	2016	2017	2018	2019
	0,50	0,50	0,58	0,60	0,59

Примечание: разработка автора на основе источника [1].

В 2019 году ВВП Республики Беларусь, согласно данным Всемирного банка [2], составил 63,08 млрд долл США. А это значит, что 0,59% от этого числа составляют 0,37 млрд долл США или 370 миллионов. Для сравнения [3] – расходы Австрии по этой же статье составляют 3,2% или 14 млрд долл США [4]. Даже с учетом того, что ВВП Австрии в разы

больше ВВП Беларуси, вывод о недостаточности вложений в НИОКР в нашей стране можно сделать исходя из процентного соотношения затрат. Австрия была взята для сравнения, поскольку она также является страной с малой экономикой, ее территория меньше более чем в 2 раза, при этом количество населения практически одинаково в двух странах.

2. Удельный вес инновационно активных организаций в общем числе обследованных организаций (см. рисунок 1).

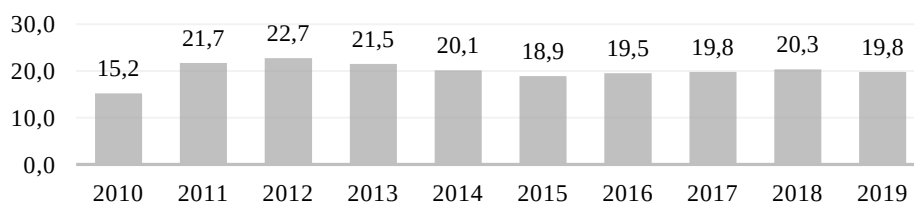

Рис. 1. – Удельный вес инновационно активных организаций, %
Примечание – Источник: [5].

Можно отметить общий тренд к росту количества инновационно активных организаций, хотя значения в последние годы остаются практически неизменными.

3. Доля МСП, внедряющих продуктовые или процессные инновации, в общем числе МСП, а также участвующих в совместных инновационных проектах, в общем числе обследованных организаций (см. рисунок 2).

Рис. 2. – Инновационно направленные МСП, %
Примечание – Источник: [5].

4. Коэффициент изобретательской активности (число отечественных патентных заявок на изобретения, поданных в Беларуси, в расчете на 10 000 человек населения, см. таблицу 2).

Таблица 2

Коэффициент изобретательской активности

Коэффициент изобретательской активности	2015	2016	2017	2018	2019
	0,6	0,5	0,5	0,5	0,4

Примечание: разработка автора на основе источника [5].

5. Количество исследователей на миллион жителей (см. рисунок 3).

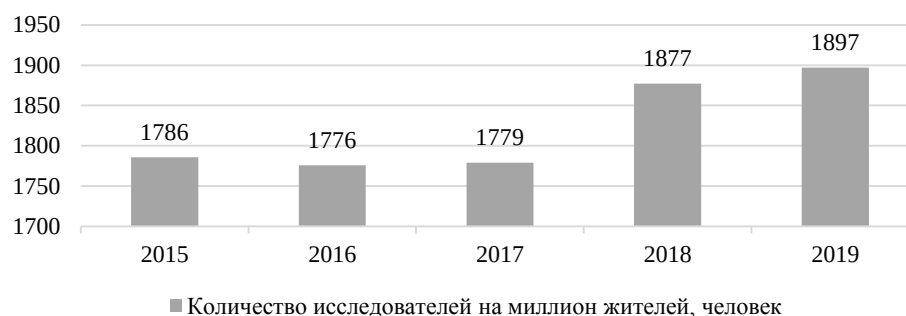

Рис. 3. – Количество исследователей в Республики Беларусь на млн жителей
Примечание – Источник: [6].

Таким образом, проведенный анализ показал, что в части описанных выше показателей наблюдается, в целом, положительная тенденция, что говорит о повышении эффективности проводимой инновационной политики.

Повышение эффективности управления национальной инновационной системой.

По мнению автора, показателем повышения эффективности любым процессом является сокращение структур и персонала, ответственного за результаты и, как следствие, реструктуризация управленческих структур за счет внедрения новых, инновационных, технологий.

Можно сделать вывод о том, что данная задача не была выполнена, поскольку, исходя из текста программы развития на 2011-2015 и 2016-2020 [7], за 5 лет количество ответственных управленческих структур не сократилось и ими являются: Президент Республики Беларусь, Совет Министров Республики Беларусь, республиканские органы государственного управления, НАН Беларуси, иные государственные организации, органы местного управления и самоуправления в пределах и в соответствии с их полномочиями.

Обосновано предположить, что должна существовать одна структура, которая будет нести ответственность за инновационное развитие всех субъектов хозяйствования на всех уровнях. При той системе, что существует на сегодняшний день, руководство превращается в «сломанный телефон», такая структура не мобильна и решения не могут соответствовать современной повестке дня.

Повышение эффективности коммерциализации результатов научно-технической деятельности и формирование рынка научно-

технической продукции, развитие экспорта наукоемкой продукции и технологий.

Рис. 4. – Статистические показатели эффективности коммерциализации результатов инновационной деятельности
Примечание – Источник: [6].

Из рисунка 4 четко прослеживается положительная динамика в экспорте как высокотехнологичных товаров, так и услуг. Причем рост наблюдается в большей степени в области услуг. В то время, как доля экспорта высокотехнологичных товаров растет более низкими темпами, что значит, что производство недостаточно хорошо налажен и республике требуется развивать новые, более инновационные отрасли промышленности. Интересно то, что приоритетными направлениями развития являются строительство, нефтехимия, медицина и формация и другие и все эти направления можно отнести к промышленности.

Исходя из этого можно сделать вывод о действительном повышении эффективности коммерциализации инноваций в Беларуси. Однако, можно заметить, что темпы не очень высокие. Также можно сделать вывод о том, внедрение инноваций осуществляется не в полной мере и соответствии с составленным планом.

Кадровое обеспечение инновационного развития национальной экономики. Политика в области образования в нашей стране является достаточно отлаженной. На сегодняшний день университеты по всей стране выпускают достаточное количество студентов, чтобы обеспечить требующийся кадровый потенциал. Количественные показатели действительно не дают поводов сомневаться в том, что все высокотехнологичные компании будут в достаточной степени оснащены кадрами. Однако качественные показатели образовательного процесса обсуждаются не первый год, идет различного рода полемика о практикоориентированности получаемого студентами образования. По мнению автора, студена 4 курса, а также на основе мнений других студентов очевидно, что знания, получаемые 4 года, зачастую не совсем соответствуют требова-

ниям работодателей и очень немногие учебные курсы направлены на стимулирование инновационной активности. Однако, можно также упомянуть, что Беларусь занимает достаточно высокую строчку в рейтинге стран по ИЧР, при расчете которого учитывается также уровень образованности населения. А это значит, что в области кадрового обеспечения в стране имеется достаточно высокий потенциал.

Исходя из проведенного анализа, можно резюмировать:

1. инновационная политика Беларуси охватывает различные направления развития в данной сфере.

2. существует ряд показателей, которые свидетельствуют о том, что мероприятия, проводимые в стране, действительно приносят положительный результат.

3. однако, существует ряд недостатков проводимой политики, которые, на мой взгляд, мешают развиваться инновациям в нашей стране более высокими темпами. К ним можно отнести:

- отсутствие гибкости в системе формирования инновационной повестки и мониторинга результатов проводимой работы;

- показатели изобретательской активности падают, что свидетельствует о том, что проводимая политика не работает, поскольку количество научных разработок – один из важнейших показателей инновационной деятельности в стране;

- удельный вес инновационно-активных предприятий растет, а показатели изобретательской активности падают (как уже говорилось выше), соответственно, коэффициент полезного действия уменьшается.

- очевидно увеличение доли экспорта высокотехнологичной продукции в общем объеме, однако темпы являются недостаточными.

- человеческий, а как следствие, и кадровый потенциал, несомненно, является значимым фактором, определяющим активность и качество инновационной деятельности в стране.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Расходы на научные исследования и опытно-конструкторские разработки в отношении к ВВП [Электронный ресурс]. Официальная статистика. URL: <https://www.belstat.gov.by/upload/iblock/286/28661e488bc09e69ea4febfdb353c7c.pdf> (дата обращения: 21.01.2021).

2. Внутренний валовый продукт РБ [Электронный ресурс]. Всемирный банк. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.CD?locations=BY> (дата обращения: 21.01.2021).

3. Расходы на НИОКР в Австрии [Электронный ресурс]. URL: <https://knoema.ru/search?query=%D0%B7%D0%B0%D1%82%D1%80%D0%B0%D1%82%D1%8B+%D0%BD%D0%B0+%D0%BD%D0%B8%D0%BE%D0%BA%D1%80&pageIndex=&scope=&term=&correct=&source=Header> (дата обращения: 21.01.2021).

4. Внутренний валовый продукт Австрии [Электронный ресурс]. Всемирный банк. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.CD?locations=AT> (дата обращения: 21.01.2021).

5. Наука и инновации [Электронный ресурс]. Официальная статистика. URL: <https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/realny-sector-ekonomiki/nauka-i-innovatsii/> (дата обращения: 21.01.2021).

6. Наука и инновационная деятельность в Республике Беларусь [Электронный ресурс]. Статистический сборник. URL: <https://www.belstat.gov.by/upload/iblock/286/28661e488bc09e69ea4febfdb353c7c.pdf> (дата обращения: 21.01.2021).

7. Инновационная политика [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gknt.gov.by/deyatelnost/innovatsionnaya-politika/> (дата обращения: 21.01.2021).

ЭНЕРГОЭКОНОМИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ МИРОВОГО РЫНКА ВОЗОБНОВЛЯЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ ЭНЕРГИИ

А. В. Петрашевская¹⁾, В. С. Симончик²⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, ул. Ленинградская 20,
220030, г. Минск, Республика Беларусь, petrashevala@gmail.com

²⁾Белорусский государственный университет, ул. Ленинградская 20,
220030, г. Минск, Республика Беларусь, vladislavsimonchik19@gmail.com

В статье изложены основные принципы и характеристики энергоэкономических моделей. Рассмотрена структура национальной энергетической системы. Исследованы особенности классической энергоэкономической модели и выделены основные индикаторы. Более детально рассмотрены интегрированные имитационные модели: модели общего равновесия, модель линейного программирования, модель динамической оптимизации. Данные интегрированные модели, основанные на экономических принципах и методах, долгое время использовались для оценки национальных топливно-энергетических систем, однако в настоящий период являются мощными инструментами для понимания и анализа проблем в области энергетики, окружающей среды и изменения климата, а также для разработки политики для их решения.

Ключевые слова: энергетическая система; энергоэкономическая модель; интегрированная имитационная модель; модель общего равновесия; модель линейного программирования; модель динамической оптимизации.

ENERGY-ECONOMIC MODELS OF THE GLOBAL RENEWABLE ENERGY MARKET

A. V. Petrashevskaya^a, V.S. Simonchik^b

^aBelarusian State University, Leningradskaya Street, 20, 220030, Minsk, Belarus

^bBelarusian State University, Leningradskaya Street, 20, 220030, Minsk, Belarus

Corresponding author: V.S. Simonchik (vladislavsimonchik19@gmail.com)

The article outlines the basic principles and characteristics of energy economic models. The structure of the national energy system is considered. The features of the classical energy-economic model are investigated and the main indicators are highlighted. Integrated simulation models are considered in more detail: general equilibrium models, lin-

ear programming model, dynamic optimization model. These integrated models, based on economic principles and methods, have long been used to assess national fuel and energy systems, but are now powerful tools for understanding and analyzing energy, environment and climate change issues, as well as for developing policies for their solutions.

Keywords: energy system; energy economic model; integrated simulation model; general equilibrium model; linear programming model; dynamic optimization model.

Нынешний век является эпохой экологической осведомленности. Она требует инновационных решений для удовлетворения будущих потребностей мировой цивилизации в энергии и срочных действий по сокращению загрязнений окружающей среды, изменению климата.

В Пятом оценочном докладе Межправительственной группы экспертов по изменению климата указано, что для достижения этой амбициозной цели необходимо к концу века осуществить переход к обществу с нулевым чистым углеродом, что потребует крупномасштабные изменения в глобальных, а также региональных и местных энергетических системах. В настоящий период необходимы дополнительные меры политики для стимулирования необходимых уровней инвестиций в низкоуглеродные технологии и изменение поведения, а также для стимулирования технологических, социальных инноваций. При разработке этой политики климатическое и энергетико-экономическое моделирование имеет решающее значение для поддержки принятия решений.

Традиционный подход к моделированию имеет тенденцию экстраполировать изменения в энергопотреблении из исторических тенденций; однако технологические инновации иногда приводят к радикальным реформам в энергетических системах в промышленном, коммерческом, жилом и транспортном секторах. Экономические аспекты – это еще один ключевой вопрос, который необходимо учитывать, чтобы понять будущие изменения в энергетических системах. Количество поставляемой энергии устанавливается в соответствии с ценой спроса на энергию конечных пользователей. Это происходит при условии, что цена поставки энергии приравнивается к цене со стороны спроса в рамках рыночного механизма.

Энергия необходима для экономики и современного общества в целом. Как главный ресурс и неотъемлемая часть почти каждого производственного процесса, энергия важна для использования других ресурсов в бизнес-цикле, создания новых ценностей и удовлетворения потребностей. Таким образом, энергетика или энергетический сектор выполняет двойную функцию в экономике: производство энергии (выпуск) является важным сектором экономики, а его участие в экономических процессах влияет на экономическую активность (то есть поддерживает другие части экономики). Эффективный и развитый энергетический сек-

тор с надежным энергоснабжением и стабильными и разумными ценами на энергоресурсы способствует развитию экономики и реализации многих других экономических эффектов, таких как экономическая конкурентоспособность.

В производстве энергии, особенно электроэнергии, наряду с проблемами доступности ископаемого топлива и резкого роста спроса на энергию за последние несколько десятилетий, возобновляемые ресурсы стали важным дополнительным источником энергии и еще больше улучшают функционирование электроэнергетика) сектор энергетики.

В современной деловой среде энергетическая система не существует «сама по себе»; скорее, его следует рассматривать в контексте всей экономической системы, чтобы поддерживать экономику в производстве продуктов и предоставлении услуг, но также как движущую силу более широких экономических процессов. Учитывая проблемы, с которыми сталкивается современный мир, взаимодействие энергетики и экономики может быть улучшено, а затем, например, модели энергии-экономики-окружающей среды или модели энергии-экономики-климата. В этом исследовании модель энергетики и экономики выбрана в качестве основы и теоретической отправной точки для понимания взаимодействия, и реализации синергизма между энергетической деятельностью и экономикой.

Моделирование является инструментом национального энергетического планирования с середины 1970-х годов. В то время модели использовались для понимания последствий и средств преодоления первого нефтяного эмбарго. Некоторые из наиболее известных сценариев – это сценарии Shell, изложенные после нефтяного кризиса 1970-х годов. В последнее время глобальное потепление стало одной из самых важных тем для лиц, принимающих решения. Экологическая безопасность стала серьезной проблемой, так же, как и обеспечение энергоснабжения. Точно так же, как физические модели могут предсказывать воздействие увеличения выбросов CO₂ на климат, энергоэкономические модели могут показывать экономические и отличные от моделируемые (с разбивкой или нет) технические воздействия альтернативных экономических стратегий минимизации выбросов.

Предлагаемая модель энергосбережения включает в себя всю национальную экономику, ее предложение и спрос как с точки зрения энергетики, так и с точки зрения экономики; как таковой, она указывает на возможные модели экономического роста. Также предполагается, что модель энергосбережения является динамическим оператором системы в том смысле, что она связывает настоящее с будущими состояниями системы. В создании макроэкономического роста модель энергетики-

экономики направлена на то, чтобы указать на роль спроса и предложения ресурсов (особенно энергетических технологий) на стороне ввода и энергетических продуктов, услуг на стороне выпуска. Модель одновременно учитывает потребности потребителей и производителей как основных инициаторов роста в энергетике и смежных отраслях.

Модель энергосбережения состоит из следующих основных элементов: модели макроэкономического роста, моделей затрат-выпуска (или предложения) и моделей энергоснабжения со стороны производителей, а также моделей потребления и моделей спроса на энергию со стороны потребителей. Следует отметить, что модель макроэкономического роста - это интегрирующий механизм, который объединяет все другие модели через классическое понятие экономического равновесия (предложение = спрос).

Модели затрат-выпуска представляют собой межотраслевые потоки и модели поведения производителей. В моделях энергоснабжения анализируется влияние новых энергетических технологий и оптимальная структура энергосистемы, что делает их наиболее важной отправной точкой в обеспечении экономического роста за счет энергии (в соответствии с предметом данной статьи). Хотя необходимо принимать во внимание общую модель энергоэкономики как основу макроэкономического роста, многие зарубежные авторы, отдельно выделяют модели энергоснабжения, которые вносят значительный вклад в экономическую деятельность и ускоряют экономику за счет новых энергетических технологий, особенно технологий возобновляемых источников энергии [2].

Рассматривая модель потребления, следует отметить, что она анализирует поведение потребителей, (т. е. распределяет совокупный спрос на энергетические продукты и услуги). Наконец, в моделях спроса на энергию анализируются многочисленные исследовательские вопросы (например, энергосбережение, ценовые эффекты, налоговые и тарифные эффекты, энергоэффективность и т. д.).

Предложенная модель энергоэкономики в качестве теоретической модели считается подходящей основой для сопровождения исследования, в частности, из-за общего равновесия производителей и потребителей в удовлетворении потребностей в энергии, экономических ресурсах, продуктах, услугах, как способ открыть реальную возможность для экономического роста. На таких основах равновесия между производителями и потребителями при полной загрузке мощностей или использовании ресурсов и активов можно проанализировать влияние технологий использования возобновляемых источников энергии на экономический рост и развитие.

При работе с энергоэкономической моделью для энергетической политики и вопросов глобального потепления multidisciplinary области - энергетика, экономика и окружающая среда должны быть выражены в виде компонентов модели. Технологические инновации и повышение эффективности – это факторы, которые также должны быть включены в эту модель.

В настоящий момент многие исследователи в области анализа и прогнозирования развития *мировой энергетики* в области анализа и прогнозирования развития *мировой энергетики* для оценки национальных и региональных энергетических рынков предлагают интегрированные имитационные модели энергосистем, основанные на классической энергоэкономической модели.

Интегрированные имитационные модели энергосистем позволяют смоделировать и детализировать производство энергии в определенном регионе, основываясь на таких индикаторах как технологии управления спросом и предложением, включая конечное использование, конверсионные и производственные технологии. Спрос и развитие технологий происходит по экзогенному сценарию и очень часто, особенно в развивающихся странах, связаны с устаревшими моделями технологий и нерациональными ожиданиями. Удельный вес объемов спроса обычно разбит по промышленным подсекторам и процессам, жилым и служебным категориям, видам транспорта и др., что позволяет прогнозировать тенденции развития через сценарии развития технологий.

Каждая из интегрированных моделей смоделирована аналогичным образом, хотя и с другим базовым набором индикаторов. К основным интегрированным имитационным моделям относятся: модель общего равновесия, модель линейного программирования, модель динамической оптимизации.

В Модели общего равновесия основными индикаторами являются показатель ВВП и численность населения. Модель базируется на переменных фактора производства – труд, капитал и отраслевых фиксированных факторах. Данная модель уравнивает уровни производства и потребления для различных видов топлива, учитывая загрязнение окружающей среды.

Модель линейного программирования (инженерная модель, основанная на технологии снизу-вверх) разработана Международным энергетическим агентством (МЭА). Она была изначально предназначена для оценки возможного воздействия новых энергетических технологий на национальные или региональные системы.

Модель динамической оптимизации была создана для эффективного распределения ресурсов в США и обычно используется в долгосрочной перспективе. Данная модель является технологически ориентированной моделью. В качестве основных (объективных) индикаторов

выделяют технологии распределения и конечного использования энергии, в качестве субъективных индикаторов выступают *топливные поставки*, экологические ограничения, уровень проникновения технологий, энергетические стандарты и т.д. [1]

Рассмотренные модели весьма целостно показывают какие ресурсы и технологии влияют наиболее эффективно на национальные и региональные энергетические системы. В настоящий период энергоэкономическое моделирование, в частности интегрированные модели, позволяют создать достаточно точные сценарии развития энергетических технологий, сократить загрязнения окружающей среды и спроектировать возможные варианты будущего развития мировой энергетики.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Beer JM. Combustion technology developments in power generation in response to environmental challenges. *Prog Energy Combust Sci* 2000;26:301–27.
2. Boyle G. Renewable energy: power for a sustainable future. Oxford: Oxford University Press; 2010.

НАУЧНАЯ ДИПЛОМАТИЯ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Е.Н.Скуратович

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, katherine.skuratovich@gmail.com*

Концепция «научной дипломатии» в современном мире рассматривается в качестве инструмента «мягкой силы» внешней политики. Научная дипломатия была важна на протяжении многих веков, она становится все более актуальной в мире, сталкиваемом с наднациональными проблемами, которые не были актуальны в глобальном масштабе в предыдущие века.

Ключевые слова: наука; международное сотрудничество; научная дипломатия.

SCIENCE DIPLOMACY IN TODAY'S WORLD

K. Skuratovich

Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus

Nowadays the "Science diplomacy" concept could be considered as a "soft power" tool. Science diplomacy agenda has been important for many centuries, it is becoming more and more relevant in a world faced with supranational problems that were not applicable on a global scene in the previous time.

Keywords: science; international cooperation, science diplomacy.

Современный мир находится в состоянии технологических трансформаций, а научно-техническое и инновационное развитие набирает

все большие обороты в глобализационных процессах, тем самым оказывая влияние на социально-экономическое развитие не только отдельных стран, но и регионов [1], что обуславливает интернационализацию различных сфер деятельности. В данном контексте нельзя преуменьшать роль международного сотрудничества. Так, международное научно-техническое сотрудничество (МНТС) можно определить, как научную, творческую деятельность, направленную на получение новых знаний о природе, человеке, обществе, искусственно созданных объектах и на использование научных знаний для разработки новых способов их применения, которая осуществляется национальными субъектами совместно с зарубежными партнерами [2]. А вот термин и концепция научной дипломатии только недавно начали приобретать популярность в научных и дипломатических кругах. На сегодняшний день ей было дано множество определений, но их всех объединяет ориентация на применение научных знаний в реализации совместных международных усилий [3]. Специалистами приводятся различные определения [4]:

1. «Научная дипломатия – это использование научного сотрудничества между странами для решения общих проблем, стоящих перед человечеством XXI века, и для построения конструктивного международного партнерства».

2. «Термин «научная дипломатия» может использоваться для ряда аспектов внешней политики, которые связаны с наукой и смежными дисциплинами, но чьи цели, мотивация и практика совершенно разные».

3. «Научная дипломатия определяется как использование и применение научного сотрудничества для наведения мостов и улучшения отношений между странами».

Довольно обобщенное, и по мнению автора наиболее подходящее, понятие используется Центрально-европейской инициативой [5]: «Научная дипломатия – это процесс, с помощью которого государства представляют себя и свои интересы на международной арене, когда дело касается областей знаний – их приобретения, использования и передачи, полученных научным методом. Это важное, хотя и недостаточно используемое, направление в дипломатической работе, которое может использоваться для решения глобальных проблем, расширения сотрудничества между странами и усиления влияния одной страны на другую» [6].

Необходимо подчеркнуть, что научная дипломатия – это термин, появившийся в конкретном историческом контексте как часть стратегической внешнеполитической инициативы. Ключевым моментом в определении научной дипломатии, является возрастающая роль и актуальность науки в мировой политике. Фактически, научная дипломатия это

шире, чем просто международное научно-техническое сотрудничество. Она подразумевает участие политических объектов и субъектов, тогда как международное научное сотрудничество не обязательно вовлекает их вообще [7].

В последнее время научная дипломатия становится инструментом «мягкой силы» внешней политики для государств, а международное научно-техническое сотрудничество – неотъемлемая часть международных экономических отношений и его главное отличие от научной дипломатии заключается в том, что последняя всегда отражает интересы конкретного государства [1]. Можно предположить, что понятие «МНТС» и «Научная дипломатия» связаны между собой, таким образом, что стратегия МНТС определенной страны – это процесс, который ведется в рамках научной дипломатии этой же страны с учетом национальным интересов.

Как отмечалось, на текущий момент не существует единого определения «научной дипломатии», также, как и его единого понимания. Концепция научной дипломатии трактуется по-разному, поскольку она представляет собой многомерную, многоуровневую и достаточно сложную систему. Но тем не менее, концепция понятия научной дипломатии получает все большее распространение в развитых странах мира. Ее можно представить в роли науки, технологий и инноваций в трех связанных областях:

- информирование о внешнеполитических целях с помощью научных рекомендаций (наука в дипломатии);
- содействие международному научному сотрудничеству (дипломатия для науки);
- использование научного сотрудничества для улучшения международных отношений между странами (наука для дипломатии) [4].

Наука в дипломатии (наука поддерживает дипломатические компетенции) – наука может определять дипломатические. Например, научное исследование может содержать соответствующие доказательства, которые помогут разрешить разногласия между двумя странами, или может предоставить контрольные точки, по которым регулируются международные договоры;

Дипломатия для науки проявляется, например, в поддержке деятельности исследовательских и технологических обществ и в целом взаимодействия ученых по линии подписанных межгосударственных соглашений. Налаживание и поддержка международных отношений дву- и многосторонних способствует проведению совместных научных исследований и реализации международных проектов.

Наконец, наука для дипломатии: результаты научных исследований помогают формировать более обоснованные и эффективные меры внешней политики, готовить базу для проведения межгосударственных переговоров, помогают восстанавливать, улучшать и поддерживать отношения между странами через инструменты научной кооперации, и таким образом, это приводит к улучшению политических, социальных и экономических связей [1].

Таким образом, термин научная дипломатия охватывает широкий спектр формальных и неформальных взаимодействий, сферу образования, политики и информационно-пропагандистских мероприятий, что создает риск чрезмерного расширения ее концепции.

Надо отметить, что сама по себе идея **научной дипломатии не нова**. Международное сотрудничество, которое можно охарактеризовать как «научную дипломатию», имеет место с самого начала человеческой цивилизации: от обмена знаниями и научными символами в Древнем Египте, Месопотамии и Греции в западном мире до Великого шелкового пути. Международные договоры о ядерном разоружении и научном сотрудничестве между США и СССР во время холодной войны также могут подпадать под эту широкую категорию. Помимо этого, другие международные договоры об управлении и научном сотрудничестве в неуправляемых пространствах, таких как Антарктида, океаны или даже космос, могут также рассматриваться как научная дипломатия. Еще одним примером научной дипломатии является создание крупных научно-исследовательских инфраструктур, требующие научного сотрудничества ряда стран, как например, ЦЕРН в Швейцарии или лаборатория SESA-ME (синхротронный свет для экспериментальной науки и приложений на Ближнем Востоке Синхротронный свет для экспериментальной науки и приложений на Ближнем Востоке) на Ближнем Востоке.

Научная дипломатия сочетает научно-технический контент со стратегией, инструментами и тактиками публичной дипломатии. В результате она может стать очень гибким, универсальным и адаптируемым инструментом в управлении международными отношениями.

На протяжении всей истории международного научно-технического сотрудничества наука делает вклад в развитие дипломатических отношений. Научно-технический потенциал дипломатических и многосторонних институтов должен создаваться там, где его еще не существует и расширяться, там, где он уже имеется. Меры, направленные на повышение эффективности научной дипломатии и международного научно-технического сотрудничества должны подвергаться тщательно-

му анализу, мониторингу и оценке. Контроль достигнутых результатов, обзор существующих практик – это и есть залог успешной научной дипломатии [8].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Ruffini, Pierre-Bruno “Science and Diplomacy – A New Dimension of International Relations” Pierre-Bruno Ruffini. Springer: 2017. 132 p.
2. Марков, А.В.. Инновационный менеджмент: теория и практика. // А.В. Марков [и др.]: под науч. ред. А.В. Маркова. Минск: Колорград, 2015. 513 с.
3. Science Diplomacy: Collaboration in a rapidly changing world // Harvard University [Electronic resource]. Mode of access: <http://sitn.hms.harvard.edu/flash/2018/science-diplomacy-collaboration-rapidly-changing-world/>. Date of access: 15.12.2020.
4. Lorenzo Melchor, Izaskun Lacunza, and Ana Elorza. 2020. What Is Science Diplomacy?. In: S4D4C European Science Diplomacy Online Course, Module 2, Vienna: S4D4C.
5. Central European Initiative: Science Diplomacy in CEI Member States [Electronic resource]. Mode of access: <https://www.cei.int/sites/default/files/publications/downloads/Science%2520Diplomacy%2520in%2520CEI%2520Member%2520States.pdf> . Date of access: 15.12.2020.
6. Turekian, Vaughan C. et al. “The Emergence of Science Diplomacy.” In Science Diplomacy: New Day or False Dawn?, Lloyd S. Davis and Robert G. Patman, eds. World Scientific Publishing Company, 2015.
7. New frontiers in science diplomacy // Royal Society [Electronic resource]. Mode of access: https://royalsociety.org/~media/Royal_Society_Content/policy/publications/2010/4294969468.pdf. Date of access: 15.08.2020.
8. Copeland, Daryl (2015): Bridging the Chasm: Why Science and Technology Must Become Priorities for Diplomacy and International Policy. In: Science & Diplomacy, Vol. 4, No. 3 (September 2015).

РАЗВИТИЕ ИКТ-СЕКТОРА КНР И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА НАЦИОНАЛЬНУЮ ЭКОНОМИКУ

Су Цян

*Белорусский государственный университет,
ул. Ленинградская, 20, 220030, г. Минск, Беларусь, johnsy95@163.com*

Развитие информационно-коммуникационных технологий в мировой практике становится все более значимым фактором обеспечения устойчивого социально-экономического развития. ИКТ-сектор генерирует новые рабочие места с высоким уровнем оплаты труда, значительный объем добавленной стоимости, увеличивая вклад в ВВП, активизирует внедрение цифровых технологий в другие отрасли и сферы деятельности, а также влияет на динамику экспорта товаров и услуг. Китайская Народная Республика рассматривает ИКТ-сектор как важный фактор экономического роста, значимость которого подчеркнута в ряде программных документов и стратегических инициатив страны. Возникает необходимость исследования практи-

ки развития ИКТ-сектора в КНР и оценки его влияния на национальную экономику Китая, что позволит впоследствии на основе китайского опыта выработать рекомендации по развитию ИКТ-сектора в Республике Беларусь.

Ключевые слова: информационно-коммуникационные технологии; ИКТ-товары; ИКТ-услуги; цифровизация; цифровая экономика; ИКТ-сектор; Китай.

DEVELOPMENT OF THE CHINESE ICT SECTOR AND ITS IMPACT ON THE NATIONAL ECONOMY

Su Qiang

Belarusian State University, Leningradskaya Street, 20, 220030, Minsk, Belarus

The development of information and communication technologies in world practice is becoming an increasingly important factor in ensuring sustainable socio-economic development. The ICT sector generates new jobs with high wages, significant value added, increasing the contribution to GDP, increasing the introduction of digital technologies in other industries and activities, and influencing the dynamics of exports of goods and services. The People's Republic of China sees the ICT sector as an important factor in economic growth, the importance of which is emphasized in a number of policy documents and strategic initiatives of the country. There is a need to study the practice of developing the ICT sector in China and assess its impact on the national economy of China, which will subsequently allow, based on Chinese experience, to develop recommendations for the development of the ICT sector in the Republic of Belarus.

Keywords: information and communication technologies; ICT products; ICT services; digitalization; digital economy; ICT sector; China.

В настоящее время ИКТ-сектор играет важнейшую роль в обеспечении устойчивого экономического развития страны. Под информационно-коммуникационными технологиями (ИКТ) предлагается понимать совокупность собственно информационных технологий и технических и технологических решений, делающих возможным обмен информацией и, соответственно, использование ИКТ в различных отраслях и сферах деятельности [1]. Возможны следующие подходы к пониманию сущности ИКТ: ИКТ как предпосылка возникновения ИКТ-сектора, ИКТ как фактор производства, ИКТ как конкурентное преимущество на различных уровнях, ИКТ как источник добавленной стоимости, ИКТ как продукт. Развитие национальной экономики за счет ИКТ позволяет обеспечить решение следующих задач: накопление, обработка и хранение информации; обработка больших данных и извлечение из них максимума полезной информации; построение адекватных моделей развития национальной экономики; разработка и внедрение инструментов оптимизации бизнес-процессов на макроуровне [2].

В мире имеет место быстрое распространение ИКТ. Число абонентов мобильной связи в мире превысило численность населения, 83 % населения используют мобильный интернет, возрастает значимость ИКТ и для деятельности субъектов хозяйствования [10]. Соответственно, национальные правительства стремятся использовать возможности ИКТ для решения задач социально-экономического развития. Например, руководство КНР рассматривает ИКТ как основу для построения принципиально новой цифровой экономики, при этом в качестве приоритетных направлений НИОКР рассматриваются технологии больших данных, искусственный интеллект, биомедицина, автомобили на новых источниках энергии, а также создание информационных технологий нового поколения [4]. ИКТ-товары, по нашему мнению, это товары, важнейшим фактором производства при создании которых являются ИКТ, при этом товары имеют преимущественно материальное выражение, а также используются для обработки и передачи информации. В мировой практике используются следующие основные классификации ИКТ-товаров: классификация ISIC, классификация Международной патентной ассоциации, Центральная классификация продуктов ООН и другие. Наиболее полной, на наш взгляд, является классификация по системе HS [2].

Следует сказать, что мировое производство ИКТ-товаров развивается достаточно медленно. Общий объем экспорта рассматриваемых товаров в 2019 г. достиг 2,2 трлн. долл. США, при этом почти 75 % экспорта формируют страны Азии. Следует отметить, что доля ИКТ-товаров в общем объеме мирового товарного экспорта находится на уровне 12 %, что недостаточно и не в полной мере соответствует потенциалу ИКТ [10]. В товарной структуре экспорта ИКТ-товаров преобладают электронные компоненты, а также коммуникационное оборудование. Среди новейших разработок в сфере производства ИКТ-товаров следует выделить микро-ПК, протезы с искусственным интеллектом, ноутбуки-планшеты со сгибаемым экраном и другие виды товаров. Однако функционирование ИКТ-сектора в национальной экономике не ограничивается производством ИКТ-товаров, важнейшую роль играют также ИКТ-услуги: виды услуг, которые обеспечивают возможность обработки и передачи информации при помощи электронных средств и носителей. Наиболее актуальной классификацией ИКТ услуг, по нашему мнению, является классификация ISIC. В мировой экономике наблюдается быстрый рост экспорта ИКТ услуг: до 635,7 млрд. долл. США в 2019 г. (см. рисунок 1), при этом по итогам 2019 г. экспорт ИКТ услуг превысил 10 % мирового экспорта услуг [10].

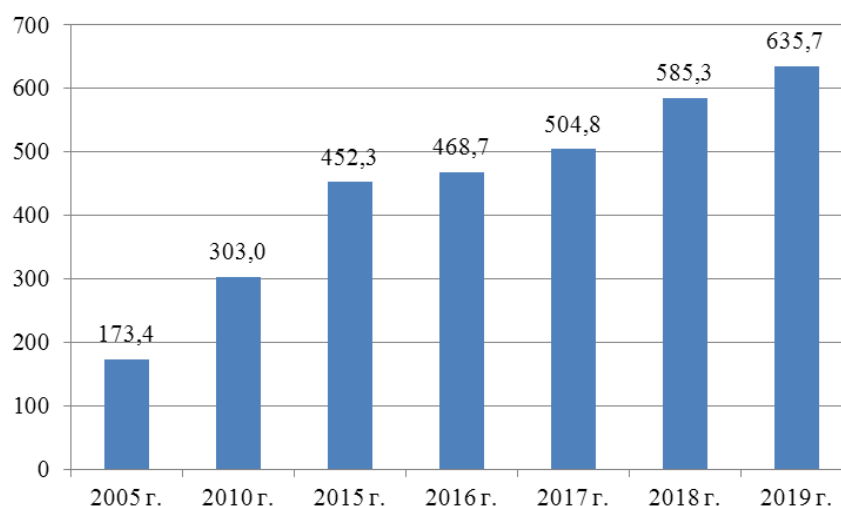

Рис. 1. – Динамика экспорта ИКТ-услуг в мировой экономике, млрд долл. США
Примечание: собственная разработка на основе [10].

В качестве приоритетных направлений развития ИКТ услуг в мире следует выделить: услуги по разработке программного обеспечения, услуги на основе технологии «блокчейн», услуги 3D-печати, услуги на основе технологии 5G, услуги «облачных вычислений», а также услуги на основе технологии «Интернет вещей» [9].

Китай характеризуется развитым рынком товаров ИКТ. Участниками рынка товаров ИКТ в Китае являются: производители товаров ИКТ, сохраняющие традиционный подход к ведению бизнес-процессов; производители товаров, деятельность которых основана на инновационном подходе; китайские и зарубежные потребители ИКТ-товаров, государственные органы власти. Информационные технологии рассматриваются как одна из десяти важнейших производственных сфер КНР до 2025 г. В течение последнего десятилетия производство мобильных телефонов в Китае выросло на 70,4 %, интегральных микросхем – более чем в три раза, микрокомпьютеров – на 39 %, что видно из таблицы 1.

Таблица 1

Динамика выпуска важнейших видов товаров ИКТ в КНР за 2010-2019 гг.

Вид продукции	2010 г.	2015 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.	Темп роста за период, %
Мобильные телефоны, млн. ед.	998,3	1812,6	1889,8	1798,5	1701,0	170,4
Интегральные микросхемы, млрд. штук	65,3	108,7	156,5	173,9	201,8	309,0
Микрокомпьютеры, млн. единиц	245,8	314,2	306,8	307,0	341,6	139,0

Примечание: собственная разработка на основе [8], [11].

При этом Китай экспортирует интегральные микросхемы собственного производства, но объем их импорта более чем вдвое превышает объем экспорта. Китай является доминирующим на мировом рынке экспортером ИКТ-товаров, однако существенного улучшения конкурентных позиций КНР в течение 2010-2018 гг. не произошло (доля Китая на мировом рынке выросла на 3,7 п.п. до 30,3 %). Также следует признать, что в течение 2010-2019 гг. допущено снижение доли ИКТ-товаров в товарном экспорте КНР. При этом объемы импорта Китаем ИКТ-товаров увеличиваются значительно быстрее: если в 2010 г. в Китай поставлялось 15 % мирового импорта ИКТ-товаров, то в 2019 г. – уже 19,5 % [11]. Преимущественно Китай импортирует электронные компоненты для производства сложных электронных устройств, что позволяет максимизировать величину создаваемой добавленной стоимости. Китай выступает экспортером компьютеров и периферийных устройств, а также коммуникационного оборудования и потребительской электроники, что видно из таблицы 2.

Таблица 2

Динамика структуры экспорта товаров ИКТ Китаем за 2010-2018 гг.

Товарные группы	2010 г.		2015 г.		2018 г.	
	млрд. долл. США	уд. вес, %	млрд. долл. США	уд. вес, %	млрд. долл. США	уд. вес, %
Компьютеры и периферия	196,9	42,9	183,9	30,5	220,7	32,4
Коммуникационное оборудование	106,6	23,2	213,8	35,4	241,5	35,5
Потребительская электроника	64,7	14,1	74,1	12,3	72,4	10,6
Электронные компоненты	74,1	16,1	116,9	19,4	130,5	19,2
Разное	17,2	3,7	15,2	2,5	16,0	2,3
Итого	459,5	100,0	603,9	100,0	681,1	100,0

Примечание: собственная разработка на основе [8].

К основным факторам, влияющим на развитие рынка ИКТ-товаров в Китае, следует отнести: государственную политику КНР, прогресс в области ИТ, рост платежеспособного спроса на внутреннем рынке, общую цифровизацию китайской экономики.

Важен для национальной экономики КНР также рынок услуг ИКТ. По данным на 2019 г. сфера услуг формировала 53,9 % ВВП страны. При этом опережающими темпами развивается цифровая инфраструктура: численность пользователей мобильной связи превышает 1,5 млрд. чел., 4G-связи – 1,1 млрд. чел., что создает огромный внутренний рынок сбыта ИКТ-услуг. В Китае действует более 5,2 млн. сайтов, более 400 млн. чел. являются пользователями широкополосного доступа. Однако существенное влияние на развитие рынка ИКТ-услуг в Китае оказал проект «Золотой щит», призванный обеспечить внутреннее регулирование сети

Интернет. Китайские пользователи не имеют свободного доступа к зарубежным источникам информации, в т.ч. порталам Google, Twitter и т.д. В то же время быстро развивались китайские компании, оказывающие ИКТ-услуги, среди которых Tencent, Baidu, Alibaba. Пример компании Alibaba свидетельствует о возможности диверсификации бизнеса в сфере электронной торговли: компания в настоящее время оказывает услуги в сфере облачных технологий, разработки программного обеспечения, сбора и использования медицинских данных, финтех-операций [6]. В течение 2010-2019 гг. экспорт ИКТ-услуг Китаем возрос в пять раз до 53,8 млрд. долл. США, при этом доля ИКТ-услуг в общем объеме экспорта услуг Китаем достигла 19 % [10]. На функционирование рынка услуг ИКТ в Китае влияют следующие важнейшие факторы: возрастание значимости цифровой инфраструктуры, распространение цифровой грамотности в Китае, ускорение развития цифровой экономики.

Влияние ИКТ-сектора на экономику КНР прослеживается по следующим основным направлениям. ИКТ-сектор стимулирует экономический рост в стране: доля цифровой экономики в ВВП превышает 30 %, к 2050 г. ожидается рост ее вклада до 50 % [3]. Однако сектор ИКТ в узком понимании демонстрирует достаточно скромный вклад в общий объем ВВП: 2,2 % ВВП в 2010 г. и 3,2 % ВВП в 2017 г. (см. таблицу 3).

Таблица 3

Динамика создания добавленной стоимости в ИКТ-секторе экономики КНР

Показатели	2010 г.	2015 г.	2017 г.
Объем добавленной стоимости, созданной в ИКТ-секторе, млрд. юаней	888,2	1854,6	2640,1
Общий объем добавленной стоимости, созданной в экономике КНР, млрд. юаней	40151,3	68599,3	82075,4
Вклад ИКТ-сектора в формирование добавленной стоимости, процентов	2,2	2,7	3,2

Примечание: собственная разработка на основе [8].

В то же время для деятельности ИКТ-сектора в экономике КНР характерна существенно более высокая доля добавленной стоимости в общем выпуске: более 46 % против 36 % по экономике в целом. Имеет место также ускоряющаяся интеграция традиционной и цифровой экономики в стране, распространяется концепция совместного использования товаров. Развитие ИКТ-сектора сопровождается увеличением экспорта ИКТ-услуг и ростом положительного сальдо торговли ИКТ-услугами. По данным за 2019 г. экспорт ИКТ-услуг превысил 53 млрд. долл. США, а сальдо торговли – 26,9 млрд. долл. США [11]. В течение рассматриваемого периода коэффициент адаптации экспорта ИКТ-услуг превышал единицу, за исключением 2013 г. и 2017 г., однако отставание от среднемировых темпов роста экспорта ИКТ-услуг оставалось не-

большим. Также ИКТ-сектор способствует созданию высокопроизводительных рабочих мест с высокой оплатой труда: по данным за 2018 г. уровень оплаты труда в ИКТ-секторе на 54 % превышает среднее значение по стране [8]. В целом следует признать, что ИКТ-сектор оказывает значимое положительное влияние на национальную экономику КНР, стимулируя развитие внутреннего производства высокотехнологичной продукции и рост экспорта товаров с высокой добавленной стоимостью. Трансформируется и структура национальной экономики КНР, что делает ее более гибкой, устойчивой к негативному воздействию внешних шоков.

В целом проведенный анализ позволяет сделать вывод, что развитие ИКТ-сектора в значительной степени способствует развитию национальной экономики КНР. Продолжается формирование рынков ИКТ-товаров и ИКТ-услуг, расширяется применение информационных технологий во всех сферах китайской экономики. При этом китайский рынок обладает значительным потенциалом роста, что делает развитие белорусско-китайского сотрудничества в сфере ИКТ актуальным.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Григянец Р.Б. Становление и развитие цифровой трансформации и информационного общества в Республике Беларусь: монография / Р.Б. Григянец [и др.]. Минск: Беларуская навука, 2019. 226 с.
2. Давыденко Е. Л. Страны с малой экономикой в условиях интеллектуализации, дигитализации и экологизации: монография / Е. Л. Давыденко. Минск: ИВЦ Минфина, 2019. 345 с.
3. Ковалев М.М., Головенчик Г.Г. Цифровая экономика: монография / М.М. Ковалев, Г.Г. Головенчик. Минск: БГУ, 2019. 395 с.
4. Ковалев М.М., Хэ Яньхай. Китайский опыт развития цифровой экономики // Цифровая трансформация. 2020. № 2. С. 16–25.
5. Лучшие изобретения 2019 года [Электронный ресурс] // Портал NASH. URL: <https://nash.live/rus/news/science/luchshie-izobretenija-2019-hoda.html>. (дата обращения: 14.01.2021).
6. Онлайн-продажи и облака. Как акции Alibaba подорожали на 360 % [Электронный ресурс] // Портал РБК. М., 2020. URL: <https://quote.rbc.ru/news/article/5f52356f9a794789f73fc902>. (дата обращения: 12.01.2021).
7. Цифровая трансформация: основные понятия и терминология. Минск: Беларуская навука, 2020. 266 с.
8. Annual Data [Electronic resource] // National Bureau of Statistics of China. — Mode of access: <http://www.stats.gov.cn/english/Statisticaldata/AnnualData/>. Access date: 13.01.2021.
9. Digital economy report 2019: value creation and capture. Geneva: UN, 2019. 194 p.
10. Information Economy [Electronic resource] / UNCTADStat. Mode of access: <https://unctadstat.unctad.org/wds/ReportFolders/reportFolders.aspx>. Access date: 13.01.2021.

11. Statistical Communiqué of the People's Republic of China on the 2019 National Economic and Social Development [Electronic resource] // National Bureau of Statistics of China. Mode of access: http://www.stats.gov.cn/english/PressRelease/202002/t20200228_1728917.html. Access date: 10.01.2021.

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ВЕНЧУРНОГО ИНВЕСТИРОВАНИЯ В МИРЕ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Ю.Ю. Троян¹⁾, О.Ф. Малашенкова²⁾

¹⁾ *Белорусский государственный университет, Пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, tryulya27@gmail.com*

²⁾ *Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, malashenkova@bsu.by*

В работе проведен анализ показателей, определяющих тенденции развития венчурного инвестирования в мире на современном этапе, а также определены направления развития индустрии, посредством проведенного анализа экзогенных показателей, которые влияют на тренды в венчурном инвестировании. Для проведения исследования использовались следующие методы анализа: горизонтальный (трендовый), метод сравнения, графический. Автором была изучена официальная статистика по теме исследования. На основании полученных данных были выявлены тренды развития венчурного инвестирования в мире, а также сформулированы тенденции, которые продолжают оказывать влияние на венчурный рынок в 2021 году.

Ключевые слова: венчурное инвестирование, венчур, стартапы, тенденции, финансирование, единороги, ангельские инвестиции.

TENDENCIES OF VENTURE CAPITAL INVESTMENT DEVELOPMENT IN THE WORLD AT THE PRESENT STAGE

Y.Y. Troyan^a, O.F. Malashenkova^b

^a*Belarusian State University, Nezalieznasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus,*

^b*Belarusian State University, Nezalieznasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus*
Corresponding author: Y.Y. Troyan (tryulya27@gmail.com)

The paper analyzes the indicators that determine the trends in the development of venture investment in the world at the present stage, as well as identifies the directions of the industry development, through the analysis of exogenous indicators that affect the trends in venture capital investment. For the study, the following analysis methods were used: horizontal (trend), comparison method, graphical. The author studied the official statistics on the research topic. Based on the data obtained, trends in the development of ven-

ture investment in the world were identified, and trends that will continue to influence the venture capital market in 2021 were formulated.

Keywords: venture investing, venture capital, startups, trends, financing, unicorns, angel investments.

Изменение климата, социально-экономическое неравенство, старение населения являются общепризнанными проблемами, с которыми сталкивается человечество. Что поможет быстро внедрять масштабные инновации, которые смогут выводить экономику из кризиса после пандемии COVID-19?

Правительства и многосторонние учреждения страдают из-за отсутствия доверия и укоренившихся проблем, усугубляемых финансовыми последствиями пандемии. Крупным организациям частного сектора требуется много времени, чтобы внедрять инновации и менять курс развития. Именно поэтому сейчас как никогда можно говорить о том, что стартапы и венчурные инвесторы станут тем звеном, которое поможет странам по всему миру как можно быстрее выводить экономику из рецессии.

Согласно Национальной ассоциации венчурного инвестирования США, венчурное инвестирование – сегмент инвестирования, нацеленный на новые компании с высоким потенциалом роста в условиях высокого уровня риска.

Родиной венчурного финансирования в современном понимании принято считать Соединенные Штаты Америки, где высоко рискованные инвестиции в молодые компании начали развиваться еще в 50-х годах прошлого века. Более чем за 70 лет существования венчурная индустрия превратилась в инструмент, благодаря которому около 5 000 молодых компаний получают более 70 млрд. долларов финансирования ежеквартально.

Несмотря на неопределенность, связанную с глобальной пандемией, президентскими выборами в США в ноябре 2020, Brexit и продолжающейся торговой напряженностью между Китаем и США, инвестиции венчурного капитала оставались очень высокими на протяжении всего 2020 года [1]. В целом, венчурное инвестирование остается тем сегментом, который быстро реагирует на изменение экзогенных факторов, поэтому тенденции определяются общими направлениями развития мировой экономики. Именно благодаря своей адаптивности венчурная индустрия смогла показать выдающиеся экономические результаты на фоне спада в других отраслях.

Основная тенденция, наблюдаемая на глобальном рынке венчурных инвестиций с 2011 года – это постоянный рост, как самих объемов

инвестиций, так и количества проводимых венчурных сделок. Так, за этот период объем рынка вырос больше чем в 3 раза. Рекордным объемом мирового венчурного рынка за этот период стал в 2018 году. Тогда, при сравнительно небольшом количестве сделок, он составил более 300 млрд долларов. Объем сделок значительно вырос за десятилетие: с чуть более 10 000 от начальных до поздних мега-раундов в 2011 году до почти 30 000 раундов с 2017 года. Под раундами в данной статье понимаются ранние и поздние этапы привлечения средств для развития бизнеса предпринимателями. В свою очередь, среди ранних этапов финансирования можно выделить предпосевную и посевную стадию, а также, стадию ангельского финансирования.

Несмотря на колоссальный рост количества сделок за последнее десятилетие, наблюдается тренд к их сокращению в более коротком периоде времени. Так, объем посевных сделок падает – с почти 3000 в 2015 году до всего 1000 в 2019 году. Согласно данным Crunchbase [3], пик создания стартапов пришелся на 2015 год, и с тех пор их количество сократилось более чем вдвое. Кроме того, стандарты инвестирования, в которые как правило включают требования, предъявляемые стартапам, повысились и стали более концентрированными. Более крупные фонды, как правило, ориентируются на зрелые инвестиции, которые являются менее рискованными, но, вместе с тем, и менее прибыльными.

Следующая глобальная тенденция в мировой венчурной индустрии – распространение так называемых компаний-единорогов. Под единорогами в индустрии венчурного капитала понимаются частные стартап-компании стоимостью более 1 миллиарда долларов. Если в 2015 году единороги были выходцами всего из 9 стран, то в 2019 году количество стран, в которых появляются такие компании стало уже 26. География успешных стартапов продолжает расширяться. Только в Европе 20 стран стали домом для единорогов, поддерживаемых венчурным капиталом.

Еще одна устойчивая тенденция на рынке венчурных инвестиций – это средние размеры сделок, проявившаяся как на формальном, так и на неформальном рынке венчурного капитала. В связи с неравномерным сокращением количества сделок и размера рынка венчурного финансирования, медианный размер сделки оказался рекордным за последние 7 лет. На последних стадиях венчурного финансирования компании получали около 10 млн долларов в 2020 году, в то время как в 2013 году – около 5 млн долларов. Средний размер ангельских инвестиций в компании составил около 1,2 млн долларов за одну сделку. В свою очередь ранние венчурные инвестиции выросли с 2,2 млн долларов за сделку до 4,5 млн долларов.

Также следует отметить тенденцию к сохранению одних и тех же отраслей, привлекающих венчурные инвестиции, даже с учетом, казалось бы, интенсификации венчурных проектов в сфере медицины. Процентное соотношение венчурных инвестиций по секторам не претерпело колоссальных изменений за последние годы. Самыми популярными для инвестирования на ранних стадиях остаются ИТ, коммерческие сервисы, биотех и другие [1].

То, что для одних игроков на рынке является проблемой, становится возможностью для других. В течение 2020 года COVID-19 создал множество проблем для правительств, бизнеса и потребителей. Это стало стимулом для появления значительных возможностей, особенно для технологических компаний с решениями, способными помочь предприятиям быстро реагировать на меняющиеся потребности их сотрудников и клиентов. В 2020 году венчурные инвесторы из разных юрисдикций начали уделять все больше внимания компаниям с сильными ценностными предложениями в условиях продолжающейся пандемии, включая компании в сфере логистики и доставки, здравоохранения и биотехнологий, финансовых технологий и повышения производительности бизнеса.

В 2020 году здравоохранение и биотехнологии стали одной из самых популярных областей для венчурных инвестиций во всех регионах мира, при этом ряд компаний привлекли раунды финансирования на сумму более 100 млн долларов. Среди них: Resilience (725 млн долларов) и Tempus Labs (450 млн долларов) в США, LumiraDX (389 млн долларов) в Великобритании, LianBio (310 миллионов долларов) и RecBio (224 миллиона долларов) в Китае и ATAI Life Sciences (125 миллионов долларов). В конце 2020 года китайская компания JD Health также провела крупнейшее в Азии IPO в сфере здравоохранения, собрав 3,5 миллиарда долларов на HKSE5 [1].

В то время как одобрение ряда вакцин против COVID-19 в течение 4 кв. 2020 года предполагает, что мир сможет выйти за рамки пандемии в 2021 году, ожидается, что инвестиции венчурного капитала в здравоохранение и биотехнологии останутся высокими во всех юрисдикциях в обозримом будущем, учитывая растущую осведомленность о необходимости модернизации многих аспектов системы здравоохранения и потенциальной применимости таких технологий, как искусственный интеллект, для улучшения процессов создания лекарств.

В Европе на каждую женщину-руководителя приходится 12 мужчин-руководителей. Мотивация уменьшить гендерный дисбаланс в сфере венчурного финансирования побуждает все больше женщин присоединяться к крупным венчурным фондам. Это способствует росту процента женщин на руководящих должностях. Несмотря на то, что более $\frac{3}{4}$

старших партнеров в компаниях являются мужчинами, число венчурных капиталистов-женщин за последние три года увеличивалось.

Еще одной тенденцией в развитии мирового рынка венчурных инвестиций является изменение предпочтений венчурных инвесторов к выбору бизнес-модели венчурных проектов. Так, в США широкий круг компаний с цифровыми бизнес-моделями привлекал крупные раунды финансирования, в том числе SpaceX (1,9 млрд долларов), Richtech Robinhood (600 млн долларов), предложение на онлайн-рынке (452 млн долларов), игровая компания Vindex (300 млн долларов) и онлайн-торговля. компании Thrasio (260 млн долларов).

За 2020 год у потребителей во всем мире не было иного выбора, кроме как использовать цифровые технологии во многих аспектах своей жизни. До пандемии люди отдавали предпочтение личным каналам обслуживания, сейчас технологии используются для целого ряда действий, от ведения повседневных банковских операций до заказа продуктов и других предметов домашнего обихода для доставки. Ожидается, что удобство многих из подобных услуг переживет пандемию, что приведет к постоянному изменению поведения потребителей, их восприятия и интереса к цифровизации жизни.

Изменения в поведении потребителей и продолжающееся ускорение цифровых тенденций, в свою очередь, продолжают стимулировать инвестиции венчурных капиталистов, особенно со стороны корпораций, стремящихся реагировать на меняющиеся потребности своих клиентов. В то же время ожидается, что растущее внимание к цифровым каналам приведет к увеличению инвестиций в дополнительные виды деятельности, включая кибербезопасность и аутентификацию клиентов.

Тенденции на рынке венчурного инвестирования всегда тесно переплетены со слияниями и поглощениями. В 2020 году во всем мире была приобретена 41 компания с венчурным капиталом на сумму более 1 миллиарда долларов, при этом вместе эти компании были проданы за 104 млрд долларов. Это был самый высокий показатель суммы выходов за более чем миллиард долларов за последнее десятилетие: в 2018 году был достигнут второй по величине рекорд - 31 компания, приобретенные на общую сумму 95 млрд долларов. В общей сложности в 2020 году более 1500 компаний были приобретены за 149 миллиардов долларов более чем 1300 покупателями.

По данным Crunchbase, наиболее активными покупателями в 2020 году были Apple, Microsoft и Cisco. Самым крупным приобретением года стал поставщик программного обеспечения для бизнес-облачных вычислений Infor, который был приобретен Koch Industries за 13 миллиардов долларов.

Подводя итог, можно сказать, что при увеличении объемов собранных средств венчурная индустрия сегодня характеризуется меньшим количеством сделок и большими размерами фондов. Гендерный разрыв постепенно сокращается, а географические границы продолжают расширяться. Более того, по мере того как мировое сообщество осознает наличие общих угроз, увеличивается количество компаний, поддерживаемых венчурным капиталом, которые преследуют устойчивые цели ООН.

Ожидается, что в 2021 году с массовой вакцинацией населения жизнь постепенно начнет возвращаться в привычное русло. Хотя многие онлайн-сервисы обеспокоены тем, что внедрение их разработок замедлится, когда люди вернутся в физические школы и офисы, очевидно, что инвестиции, сделанные бизнесом в цифровую трансформацию, и повышение эффективности, приносящее пользу потребителям, продолжат создавать стоимость.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Глобальный анализ венчурного финансирования [Электронный ресурс]. – URL: <https://assets.kpmg/content/dam/kpmg/xx/pdf/2021/01/venture-pulse-q4-2020-report-global.pdf> (дата обращения: 21.01.2021).
2. Тренды развития индустрии венчурного инвестирования [Электронный ресурс]. URL: https://medium.com/@ideallogic_company/venture-capital-industry-trends-bed7a46898dd (дата обращения: 21.01.2021).
3. Глобальный статистический отчет по рынку венчурного капитала [Электронный ресурс]. URL: <https://news.crunchbase.com/news/global-2020-funding-and-exit/> (дата обращения: 21.01.2021).
4. Тенденции, меняющие принципы венчурного финансирования [Электронный ресурс]. URL: <https://betterproduct.community/resource/5-trends-transforming-the-world-of-venture-capital/> (дата обращения: 21.01.2021).

УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ ГОСУДАРСТВ-ЧЛЕНОВ ЕС: МЕТОДИКА ОЦЕНКИ И МЕХАНИЗМ РЕАЛИЗАЦИИ

Д. А. Хритonenкова

*Белорусский государственный университет,
ул. Ленинградская, 20, 220030, г. Минск, Беларусь, khritonenkova07@gmail.com*

Переход к устойчивому экономическому росту, основанному на принципах экологической целостности, социальной защищенности и экономической эффективности является современной тенденцией мировой экономики. Однако в настоящее время вопросы создания механизмов достижения устойчивого развития с теоретической и методологической точки зрения остаются дискуссионными. Кроме того, особенно часто подчеркивается сложность практического применения концепции устойчивого развития. В данной связи целью работы является изучение теоретиче-

ских основ концепции устойчивого развития, а также анализ оценки показателей устойчивого развития и реализации целевых показателей устойчивого развития Европейского союза. Практическая реализация положений концепции устойчивого развития проходит в государствах-членах Европейского союза в неравномерном темпе. Учитывая это, актуальным является исследование европейского опыта, в основу стратегии устойчивого развития которого положено создание экономики, основанной на знаниях, инновациях, целесообразном использовании ресурсов, экологии, и достижение социального согласия.

Ключевые слова: устойчивое развитие; концепция устойчивого развития; экономический рост; ЕС; стратегия устойчивого развития Европейского союза.

SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF THE EU MEMBER STATES: ASSESSMENT METHODOLOGY AND IMPLEMENTATION MECHANISM

D. A. Khritonenkova

Belarusian State University, Leningradskaya Street, 20, 220030, Minsk, Belarus

The transition to sustainable economic growth based on the principles of environmental integrity, social security and economic efficiency is a modern trend of the world economy. However, at present, the issues of creating mechanisms for achieving sustainable development from a theoretical and methodological point of view remain controversial. Moreover, the complexity of the practical application of the concept of sustainable development is often highlighted. In this regard, the aim of the work is to study the theoretical foundations of the concept of sustainable development, as well as to analyze the assessment of sustainable development indicators and the implementation of the European Union's sustainable development targets. The practical implementation of the provisions of the concept of sustainable development is taking place in the member States of the European Union at an uneven pace. Taking this into account, it is relevant to study the European experience, which is based on a sustainable development strategy based on the creation of an economy based on knowledge, innovation, appropriate use of resources, ecology, and the achievement of social harmony.

Keywords: sustainable development; concept of sustainable development; economic growth; European Union; sustainable development strategy of the European Union.

В настоящее время переход к устойчивому развитию является неотъемлемой составляющей частью развития не только отдельных стран и регионов, но и всего человечества в целом. Идея о переходе на новый вектор развития общества появилась еще в начале XIX в. в связи с экономическими, экологическими кризисами того времени. Как результат, в 1987 году комиссией Брундтланд было введено понятие «устойчивое развитие». Оно определялось как развитие, которое удовлетворяет потребности настоящего времени, не подрывая способности будущих поколений удовлетворять свои собственные потребности.

Все авторы сходятся во мнении, что понятие «устойчивого развития» должно включать в себя три обязательных элемента: сохранение

экологической целостности, обеспечение экономической эффективности, равенство в отношении интересов нынешнего и будущего поколений. Однако невозможно представить кардинальные изменения в экономической, социальной или экологической системах страны без прямого вмешательства государства [5]. Несоблюдение государством международных норм, может привести к серьезным последствиям и санкциям со стороны международных организаций и других стран. Поэтому будет правильнее считать, что «устойчивое развитие» включает в себя четыре составляющих компонента: политический, экономический, социальный и экологический (см. таблицу 1).

Таблица 1

Основные элементы концепции устойчивого развития

Устойчивое развитие	
<i>Политическая составляющая</i>	Инструмент реализации программы обеспечения достойного проживания настоящего и будущего поколений
<i>Экономическая составляющая</i>	Процесс стабильного роста основных экономических показателей предприятий, регионов и страны в целом
<i>Социальная составляющая</i>	Концепция, направленная на удовлетворение потребности граждан, улучшение их качества жизни, в том числе будущего поколения
<i>Экологическая составляющая</i>	Рациональное использование природных ресурсов и восстановление естественных экосистем до уровня, гарантирующего стабильность окружающей среды

Примечание: собственная разработка на основе [5].

Европейская политика устойчивого развития сформировалась под влиянием глобальной концепции устойчивого развития. Стратегия развития государств-членов Европейского союза (ЕС) в основном базируется на Докладе комиссии Брундтланда (1987 г.) и выводах Конференции по окружающей среде и развитию в Рио-де-Жанейро (1992 г.). Также теме устойчивого развития отводится одно из главных мест в Договоре о Европейском союзе от 13 декабря 2007 г. [1, с.62].

В 2010 г. лидеры государств-членов Европейского союза приняли стратегию «Европа 2020», целью которой было достижение высоких показателей развития. Выделялись три основных фактора укрепления экономики:

- Разумный рост: развитие экономики, основанное на знаниях и инновациях;
- Устойчивый рост: создание экономики, основанной на целесобразном использовании ресурсов, экологии и конкуренции;
- Всеобъемлющий рост: способствование повышению уровня занятости населения, достижение социального и территориального согласия.

В табл. 2 представлены показатели оценки достижения целей устойчивого развития Европейского союза в период с 2008 по 2018 гг., а также планируемый уровень значений представленных показателей, которые необходимо достичь к концу 2020 года, согласно концепции «Европа 2020».

Таблица 2

Показатели целей устойчивого развития Европейского союза за 2008-2018 гг.

Показатель	Индикатор	Прошлая ситуация			Текущая ситуация		Планируемые значения
		2008	2013	2015	2017	2018	2020
Занятость	Уровень занятости, (% населения в возрасте 20-64 лет)	70,3	68,4	70,1	72,0	73,2	75
Научные исследования и разработки	Внутренние затраты на научные исследования и разработки (% от ВВП)	1,84	2,03	2,03	2,07	2,18	3,0
Изменение климата и энергетики	Выбросы парниковых газов (индекс 1999г.=100)	90,3 1	80,26	80,2	81,0	79,3	80,0
	Доля возобновляемых источников энергии в валовом конечном потреблении энергии (%)	11,0	15,2	16,7	18,5	18,9	20
Образование	Доля учеников, не завершивших полное базовое образование (% населения в возрасте 18-24 лет)	14,7	11,9	11,0	10,7	10,2 (2019)	10.0
	Уровень высшего образования (% населения в возрасте 30-34 лет)	31,1	37,1	38,7	44,4 (2016)	Нет данных	40.0

Примечание: собственная разработка на основе [3, с.302,7,8,9,10,11,12,13].

Исходя из таблицы 2 видно, что наибольших успехов Европейский союз достиг в сфере образования: в 2016 году 44,4% населения в возрасте 30-34 лет имели высшее образование при целевом показателе в 40% к 2020 году. По показателям занятости населения, развития европейских стран в области научных исследований и разработок, климата и энергии прослеживается положительная динамика.

Ежегодные доклады Всемирного банка «Индикаторы мирового развития» («The World Development Indicators») основаны на формировании системы индикаторов устойчивого развития [2]. Рассмотрим данную методологию в качестве примера использования системы показателей устойчивого развития. Всего для оценки устойчивого развития стран используется более 550 показателей. В таблице 3 представлены некоторые социально-экономические и экологические индикаторы развития государств-членов Европейского союза по данным справочника Всемирного банка «The Little Green Data» за 2005 и 2019 гг.

Таблица 3

**Индикаторы устойчивого развития Европейского союза согласно данным
Всемирного банка за 2005, 2017-2019 гг.**

Название страны	ВВП на душу населения (долл. США)		Выбросы CO2 (млн тонн)		Голодающее население (в % к численности населения)		Государственные затраты на образование (в% от ВВП)		Затраты на НИОКР (в% от ВВП)	
	2005	2019	2005	2018	2005	2019	2005	2017	2005	2018
Австрия	38 451	50 023	81,0	71,4	2,5	2,5	5,25	5,36	2,4	3,2
Бельгия	37 118	45 176	118,7	105,8	2,5	2,5	5,80	6,41	1,8	2,8
Болгария	3 839	9 518	52,0	44,6	5,0	3,0	4,11	4,09	0,4	0,8
Венгрия	11 194	17 463	60,0	52,1	2,5	2,5	5,33	4,67	0,9	1,6
Германия	35 020	46 564	837,3	752,7	2,5	2,5	4,29	4,91	2,4	3,1
Греция	22 624	19 974	104,8	72,4	2,5	2,5	3,96	-	0,6	1,2
Дания	48 872	59 795	51,5	33,1	2,5	2,5	8,09	7,82	2,4	3,1
Ирландия	50 442	77 771	47,3	37,2	2,5	2,5	4,52	3,51	1,2	1,1
Испания	26 530	29 961	377,1	293,6	2,5	2,5	4,14	4,21	1,1	1,2
Италия	31 936	32 947	466,4	332,1	2,5	2,5	4,24	4,04	1,0	1,4
Кипр	25 527	27 720	7,9	7,5	7,0	6,8	6,29	5,78	0,4	0,6
Латвия	7 534	18 172	8,2	7,8	2,5	2,5	4,71	4,40	0,5	0,6
Литва	7 869	19 267	14,1	14,4	2,5	2,5	4,87	3,81	0,7	0,9
Люксембург	81 048	113 196	12,2	10,0	2,5	2,5	3,56 (2001г)	3,57	1,6	1,2
Мальта	15 899	30 650	2,8	1,5	2,5	2,5	4,47	4,82	0,5	0,6
Нидерланды	42 055	52 368	181,4	162,3	2,5	2,5	5,11	5,18	1,8	2,2
Польша	8 020	14 902	316,6	333,9	2,5	2,5	5,43	4,56	0,6	1,2
Португалия	18 791	23 031	68,1	52,6	2,5	2,5	5,07	5,02	0,8	1,4
Румыния	4 604	12 483	104,5	80,2	2,5	2,5	3,50	3,10	0,4	0,5
Словакия	9 129	19 548	42,2	38,1	5,9	6,1	3,76	3,94	0,5	0,8
Словения	18 152	26 170	18,3	15,6	2,5	2,5	5,60	4,78	1,4	1,9
Финляндия	39 076	48 869	58,4	48,8	2,5	2,5	6,03	6,38	3,3	2,8
Франция	36 057	41 761	389,8	307,2	2,5	2,5	5,52	5,45	2,1	2,2
Хорватия	11 348	14 950	23,6	19,4	2,5	2,5	3,82 (2004г.)	3,92	0,9	1,0
Чехия	13 362	23 214	127,1	110,9	2,5	2,5	3,89	3,85	1,2	1,9
Швеция	43 077	51 242	55,9	44,6	2,5	2,5	6,51	7,57	3,4	3,3
Эстония	10 420	23 524	19,6	24,3	2,5	2,5	4,81	4,97	0,9	1,4
ЕС	25 852	30 143	140	117	3,0	3,0	5,0	5,0	1,0	2,1

Примечание: собственная разработка на основе [4, 14].

Как видно из таблицы 3, во всех странах Европейского союза валовой внутренний продукт (ВВП) на душу населения увеличился в 2019 году по сравнению с 2005 годом. Самые высокие показатели ВВП на душу населения отмечают у Люксембурга (113 196\$), Ирландии (77 771\$) и Дании (59 795\$) за 2019 год. Выбросы CO2 в 2019 году по сравнению с 2005 годом сократились во всех странах, кроме Эстонии и

Польши. Самые высокие показатели расходов на образование зафиксированы в таких странах, как Дания (7,82%), Швеция (7,57%) и Бельгия (6,41%), а самые низкий в Румынии (3,51%). Также следует отметить, что по расходам на научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы (НИОКР) во всех странах, кроме Ирландии, Финляндии и Швеции, прослеживается положительная динамика. Самый высокий показатель расходов на НИОКР среди стран ЕС у Австрии, Дании и Швеции (3,2%, 3,1% и 3,3% соответственно), а самый низкий у Румынии (0,5%).

Страны-члены ЕС в период с 2008-2018 года наибольших успехов достигли в сфере образования, занятости населения, и выбросов парниковых газов. Реализация целей устойчивого развития в странах ЕС проходит в неравномерном темпе. Например, в Дании, Бельгии больше внимания уделяется сфере образования, во то время как в Австрии, Швеции – инновационной деятельности. Что ждет ЕС в плане устойчивого развития? По прогнозам Римского клуба ЕС достигнет всех целей экологической устойчивости к 2050 г.: сократит выбросы парниковых газов, уменьшит потребление энергоносителей, снизит ресурсоемкость экономики и потребление населением товаров и услуг [6, с.64]. При этом нельзя ограничивать представление об устойчивом развитии рамками экологически-ориентированной экономики. Для гармоничного мирового развития необходимо комплексное динамическое взаимодействие во всех направлениях- экономическом, социальном, экологическом, институциональном.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Ковалев, Ю. Концепция устойчивого развития и ее реализация в Европейском союзе // Конференция «Европа в меняющемся мире». URL: <https://elar.ufrfu.ru/bitstream/10995/28100/1/iuro-2014-134-08.pdf> (дата обращения: 12.09.2020).
2. Корчагина, Е. Методы оценки устойчивого развития региональных социально-экономических систем // Проблемы современной экономики. №1 (41). 2012. URL: <http://www.m-economy.ru/art.php?nArtId=3910> (дата обращения: 22.09.2020).
3. Материкина А. Е. Результативность европейской стратегии социально-экономического развития на основе принципов устойчивости // Вестник АГУ. сер. «Экономика». Выпуск 3 (225). 2018.
4. Мировой атлас данных [Электронный ресурс]. URL: <https://knoema.ru/atlas> (дата обращения: 22.09.2020).
5. Ниязян, В. Теоретические подходы к определению устойчивого развития // Научная электронная библиотека Киберленинка. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoreticheskie-podhody-k-opredeleniyu-ustoychivogo-razvitiya-1/viewer> (дата обращения: 12.10.2020).
6. Понятие и определения устойчивого развития // База знаний. URL: <http://www.cawater-info.net/bk/14-1.htm> (дата обращения: 12.10.2020).

7. Adult learning statistics [Electronic resource] // Eurostat. Mode of access: https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php?title=Adult_learning_statistics. Date of access: 09.10.2020.
8. Early leavers from education and training [Electronic resource] // Eurostat. Mode of access: https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php?title=Early_leavers_from_education_and_training. Date of access: 17.10.2020.
9. Europe 2020 indicators – Employment [Electronic resource] // Statistics Explained. Mode of access: <https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/pdfscache/29302.pdf>. Date of access: 23.10.2020.
10. Greenhouse gas emission statistics [Electronic resource] // Eurostat. Mode of access: https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php?title=Greenhouse_gas_emission_statistics. Date of access: 02.11.2020.
11. R&D Expenditure (new edition) [Electronic resource] // Eurostat. Mode of access: https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php/R_%26_D_expenditure. Date of access: 02.11.2020.
12. R&D Expenditure in the EU [Electronic resource] // Eurostat. Mode of access: <https://ec.europa.eu/eurostat/documents/2995521/9483597/9-10012019-AP-EN.pdf/856ce1d3-b8a8-4fa6-bf00-a8ded6dd1cc1>. Date of access: 02.11.2020.
13. Renewable energy statistics [Electronic resource] // Eurostat. Mode of access: https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php?title=Renewable_energy_statistics. Date of access: 02.11.2020.
14. The Little Green Data Book [Electronic resource] // The official site of World Bank group. Mode of access: <https://openknowledge.worldbank.org/bit-stream/handle/10986/27466/9781464810343.pdf?sequence=2&isAllowed=y>. Date of access: 02.11.2020.

ТРУДОВАЯ МИГРАЦИЯ ИЗ КИТАЯ В КАЗАХСТАН

Чжуаньсунь Цяочу

*Белорусский государственный университет,
ул. Ленинградская, 20, 220030, г. Минск, Беларусь, 353652898@qq.com*

В статье рассматриваются особенности современной китайской трудовой миграции в Казахстан. Показана роль миграционных процессов в двусторонних отношениях. Выявлены особенности и наиболее важные закономерности развития трудовой миграции из Китая в Казахстан на современном этапе. Определены позитивные и негативные последствия расширения китайского присутствия в Казахстане.

Ключевые слова: миграция, трудовые ресурсы, Казахстан, Китай, рабочая сила.

LABOR MIGRATION FROM CHINA TO KAZAKHSTAN

Zhuansun Qiaochu

*Belarusian State University, Leningradskaya str. 20, 220030,
г. Minsk, Belarus, 353652898@qq.com*

The article deals with the peculiarities of modern Chinese labor migration to Kazakhstan. The role of migration processes in bilateral relations is shown. The features and

the most important regularities of development of labor migration from China to Kazakhstan at the present stage are revealed. The positive and negative consequences of the expansion of the Chinese presence in Kazakhstan are determined.

Keywords: migration, labor resources, Kazakhstan, China, labor force.

Миграция населения играет важную роль в современном мире и охватывает почти все страны мира. Перемещение рабочей силы через границы стран является частью социального процесса миграции населения – очень сложный по природе, разнообразного по формам проявления и последствиями. На этот процесс влияют различные демографические, политические, социально-экономические и другие факторы, в то же время следует заметить, что международная миграция, в свою очередь, влияет на развитие социально-экономических систем национального, регионально-наднационального и глобального уровней. Как справедливо заметил Л. Галька, «не существует государства, которая на разных этапах своего развития той или иной мере не была задействована в мировых миграционных процессах» [1, с. 125]. Более того, в современных условиях международная миграция рабочей силы становится важным фактором конфигурации мировой экономической системы, поэтому ряд проблем, порождаемых этим явлением, требует решения на наднациональном уровне, на что справедливо указывают исследователи [2, с. 1].

Сегодня Китай стал одним из крупнейших финансовых доноров и инвесторов в развитие транспортной, коммуникационной, энергетической (нефтегазовой, урановой, угольной, редкоземельной) инфраструктуры в странах Центральной Азии. Китай – это важный торгово-экономический партнер и поставщик почти всей номенклатуры товаров повседневного спроса. Торговля на протяжении 25 лет была источником двустороннего малого и индивидуального торгового бизнеса, и миграций в приграничных с КНР странах. Китай также стал источником квалифицированной рабочей силы, которой не хватает в регионе. К настоящему времени эта миграция стала довольно устойчивой тенденцией, которая постоянно укрепляется в контексте активно развивающегося торгового и экономического сотрудничества двух стран. Кроме того, три республики Центральной Азии, наряду с Россией, имеют протяженные совместные границы с Китаем: Казахстан (1782 км), Киргизия (858 км) и Таджикистан (414 км), и в условиях географической близости и политической открытости это способствует движению капитала, товаров и людей.

Сегодня в Казахстане наблюдается устойчивое присутствие китайской рабочей силы и бизнеса. Китайские менеджеры, инженерно-технические работники и другие профессионалы, а также рабочие, заняты в приоритетных секторах сотрудничества Китая в каждой из стран.

Они работают в основном на крупных китайских и совместных предприятиях, компаниях, подрядных организациях в энергетике, строительстве, сфере услуг.

Торговая миграция появилась еще в конце 1980-х – начале 1990-х гг., сначала из Китая в Казахстан, а потом – двусторонняя: для казахстанцев это был способ экономической мобилизации и выживания в период кризиса [3, с. 27].

В период экономического роста, с середины 2000-х гг. резко возросло привлечение китайской рабочей силы для реализации китайских и совместных проектов в Казахстане. Еще одной причиной рекрутирования китайских работников стал дефицит высококвалифицированных кадров и недостатки в системе высшего и среднего профессионального образования Казахстана, которое не обеспечивает рынок труда квалифицированными инженерными и рабочими кадрами.

По состоянию на 1 сентября 2020 года в Казахстане действуют 16 тыс. 378 разрешений на привлечение иностранной рабочей силы (далее – ИРС). Основными странами исхода трудовых мигрантов являются Китай – 3579 человек, Узбекистан – 1774, Турция – 1 661, Индия – 1266, Великобритания – 1081 [4]. С 2010 г. Китай стал крупнейшим источником иностранной рабочей силы в Казахстане, в основном благодаря строительству инфраструктуры, такой как автомагистраль "Западная Европа-Западный Китай", прямым китайским инвестициям в Казахстан и быстрому росту торгово-экономического оборота между Китаем и Хакистаном [5, с. 178].

Казахстан имеет длительный опыт привлечения китайской рабочей силы в контексте интенсивного сотрудничества с КНР.

По данным Министерства труда Казахстана, в период 2010-2020 годов гражданам этой страны было выдано суммарно 98 846 разрешений, или 32% от всего объема выдаваемых квот на привлечение иностранной рабочей силы в истекающем в этом году десятилетии [4].

Граждане КНР заняты в строительстве, горнодобывающей и обрабатывающей промышленности, в секторе услуг почти во всех областях Казахстана, в первую очередь в нефтегазовом секторе западных областей: Атырауской, Актюбинской, Мангистауской; в Восточно-Казахстанской и Кызыл-ординской, а также в городах Астана и Алма-Ата [6, с. 202].

По информации Министерства национальной экономики РК, по состоянию на 1 января 2020 г. в Казахстане зарегистрировано более трех тысяч малых и средних предприятия с совместной и китайской формой собственности [7], работает несколько десятков крупных компаний и предприятий. Среди крупных компаний: совместное предприятие Акционерное общество (АО) «CNPC-Актобемунайгаз», компания «ПетроКа-

захстан», АО «Тургай Петролеум», Атырауский нефтеперерабатывающий завод (АПНЗ), Шым-кентский НПЗ и др.

Экономический вклад крупных китайских и совместных компаний дополняется программами корпоративной социальной ответственности бизнеса (далее – КСО). Например – АПНЗ, построенный в Атырау на кредиты Эксимбанка Китая в 1,130 млрд. долл. США. В периоды повышенной нагрузки на АПНЗ трудится 700 иностранных, в том числе китайских, специалистов и четыре тысячи местных жителей. 115 местных молодых людей получили высшее образование в китайских вузах и работают в Атырау специалистами-инженерами или переводчиками [8]. На некоторых предприятиях среднего бизнеса, например, в совместной компании по производству томатной продукции Цинказ, также реализуется политика КСО.

Китайские компании, китайский бизнес и рабочая сила вносят существенный вклад в строительство промышленных и логистических объектов, решение экологических проблем (особенно в крупных компаниях), рост производительности труда, реализуют политику КСО. В целом, вклад китайских и совместных компаний в развитие отдельных секторов экономики значителен; несколько компаний входят в список 50-ти крупнейших налогоплательщиков в казахстанский госбюджет [9].

Влияет ли трудовая и бизнес миграция из Китая на местный бизнес и локальные рынки труда? Рабочая сила из Китая занята, как правило, на китайских или совместных предприятиях, или работает вахтовым методом на отдаленных участках при строительстве газо- и нефтепроводов, либо занята в специфическом национальном бизнесе – китайских ресторанах и медицинских центрах, где нередко обслуживаются сами граждане из КНР. Доля китайской рабочей силы среди общего числа занятых в Казахстане невелика: в 2020 г. она равнялась 0,1% и не оказывала существенного влияния на рынок труда Казахстана [7]. Вместе с тем, для Казахстана характерны значительные региональные и отраслевые диспропорции развития, дисбалансы на национальном и локальных рынках труда, низкая мобильность рабочей силы, поэтому востребованы прикладные региональные и локальные исследования влияния занятости иностранной рабочей силы, включая китайскую, на местные рынки труда.

Велика роль китайского бизнеса в Казахстане как поставщика почти всех видов повседневных товаров. Бум торгового бизнеса в 1990-е гг. повлек за собой изменение структуры занятости и перетекание рабочей силы из производственного в торговый сектор, в частности торговлю китайскими товарами. Многие китайские малые и средние предприятия производят востребованные на рынке Казахстана строительные материалы, мебель, товары повседневного спроса. Однако, в некоторых секторах, в результате сложной совокупности внешних и внутренних факторов местные предприятия проигрывают в конкуренции с китай-

скими предприятиями. Наиболее заметным, хотя и опосредованным, негативным последствием китайской деловой активности является упадок обувной, швейной и текстильной промышленности в Казахстане и сокращение занятости в этих секторах [6, с. 205].

Китайские предприятия порой работают недостаточно эффективно, но это в значительной мере – ответственность казахстанской бюрократии. Например, в г. Кокшетау в Северном Казахстане на маслоперерабатывающее предприятие «Тайынша Май» планировалось привлечь 11 высококвалифицированных кадров из КНР: гендиректора, управляющий персонал и инженеров и трудоустроить 60 граждан Казахстана в качестве рабочих [8]. Однако граждане Китая не могли въехать в Казахстан, потому что им отказывали в предоставлении долгосрочных трудовых виз. Никто из казахстанских рабочих не смог работать на китайском оборудовании, т.к. китайские инженеры не переобучили местный персонал; не были решены многие другие технические вопросы, поэтому завод многие месяцы простаивал. Эта проблема не единична; как отметил Генеральный секретарь Союза китайских предпринимателей в Казахстане Ху Хай-синь, «Ваши чиновники хотят, чтобы к ним приходили деньги иностранных инвесторов, но не хотят, чтобы вслед за этими деньгами приходили сами инвесторы» [8].

К другим негативным сторонам трудовой миграции из Китая относятся проблемы в процессе привлечения и занятости. Как и другие иностранцы, китайские работники порой нарушают правила трудоустройства, работая не в тех областях или предприятиях, которые установлены уполномоченным органом; отмечены нарушения в правилах регистрации в органах МВД и визового режима, когда они остаются в РК свыше срока визы [6, с. 205].

Незаконная миграция из Китая в республику незначительна, так как правительство КНР ориентирует китайских предпринимателей на строгое соблюдение законов в странах приема. Имеются единичные случаи незаконного пересечения границ, но чаще происходят нарушения национального миграционного и трудового законодательства во время пребывания трудовых мигрантов в странах Центральной Азии [10].

Таким образом, китайские совместные компании, китайский бизнес и рабочая сила вносят существенный вклад в развитие отдельных отраслей экономики Казахстана. Они повышают квалификацию кадров, обеспечивают их социальную защиту, что повышает конкурентоспособность работников, предприятий и компаний. Вместе с тем, имеются и негативные последствия китайской трудовой миграции и бизнеса.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Галька Л., Таран П. Глобализация и трудовая миграция : необходимость политики, основанной на правах человека // Век глобализации. 2017. № 1. С. 66-88.

2. Трудовая миграция, денежные переводы и человеческое развитие в странах Центральной Азии. М. : Евразийский банк развития, 2015. 80 с.
3. Садовская Е. Ю. Китайская миграция в Центральной Азии в начале XXI века. М.: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2012. 184 с.
4. Китай в лидерах по предоставлению иностранной рабочей силы в РК [Электронный ресурс]. URL: <https://uchet.kz/news/kitay-v-liderakh-po-predostavleniyu-inostrannoy-rabochey-sily-v-rk/> (дата обращения: 10.01.2021).
5. Чжан Хунли. 哈萨克斯坦外来劳务移民及治理措施 = Иностранная трудовая миграция и меры управления в Казахстане // 俄罗斯研究. 2020. № 3. С. 174-196.
6. Садовская Е.Ю. Инициатива Китая «Пояс и путь» и ее влияние на трудовую миграцию в Казахстане // Миграция как ресурс социально-экономического и демографического развития: сб. ст. Сер. "Демография. Социология. Экономика"/ под ред.: Рязанцева С.В., Храмовой М.Н., А.С. Максимовой. М., 2019. С. 201-207.
7. Доклад о миграции в мире 2020 [Электронный ресурс]. Международная организация по миграции. URL: https://publications.iom.int/system/files/pdf/final-wmr_2020-ru.pdf. (дата обращения: 10.01.2021).
8. Сурганов В. Дракон оскалился. Что раздражает крупный китайский бизнес в Казахстане [Электронный ресурс]. URL: <http://better.kz/20171218/dragon-oskalilsya-cto-razdrzhaet-krupnyj-kitajskij-biznes-v-kazaxstane/> (дата обращения: 10.01.2021).
9. Есеналина А. Кто кормит Казахстан. 50 крупнейших налогоплательщиков страны [Электронный ресурс]. URL: <https://lsm.kz/kto-kormit-kazahstan-50-krupnej-shih-nalogoplatel-shikov-strany> (дата обращения: 10.01.2021).
10. Садовская Е.Ю. Аналитический доклад Инициатива Китая “Пояс и Путь” и ее влияние на миграционные потоки и политику в Центральной Азии [Электронный ресурс]. URL: https://www.pragueprocess.eu/documents/repo/151/CA_China_Analytical_Report_Sadovskaya_RU.pdf (дата обращения: 10.01.2021).

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПРОГРАММЫ ПОВЫШЕНИЯ ЛОЯЛЬНОСТИ КЛИЕНТОВ НА РЫНКЕ ИНТЕРНЕТ-УСЛУГ

Я.А. Чугай

Институт бизнеса БГУ, г.Минск, ул. Московская, 5, chugaayana@gmail.com

В статье рассмотрены инструменты совершенствования программ лояльности на рынке интернет-услуг. Автор рассмотрел результаты работы контекстной рекламы клиента на конкретном примере. Приводится математический аппарат измерения уровня лояльности потребителей.

Ключевые слова: программа лояльности; рынок интернет-услуг; маркетинг.

IMPROVEMENT OF CUSTOMER LOYALTY PROGRAM IN THE MARKET OF INTERNET SERVICES

Ya.A. Chugay

Institute of Business BSU, Minsk, 5 Moskovskaya str.

The article deals with the tools to improve customer loyalty programs at the market of online services. The author considered the results of contextual advertising of a customer on a concrete example. Mathematical device is given for measuring customer loyalty level.

Keywords: loyalty program; market of Internet services; marketing.

Понятие лояльности является центральной частью концепции маркетинга взаимоотношений. Согласно утверждению Ф. Котлера, маркетинг взаимоотношений представляет собой практику построения долгосрочных взаимовыгодных отношений с ключевыми партнерами, взаимодействующими на рынке: потребителями, поставщиками, дистрибьюторами в целях установления длительных привилегированных отношений [1].

Существует множество подходов к описанию лояльности в маркетинге, изложенных как западными, так и отечественными учеными. Аакер Д. трактует лояльность как взаимодействие, долгосрочные отношения потребителя и компании, которые ассоциируются с совершением повторной покупки, решением о потреблении того или иного бренда [2]. По мнению Чесната Р., лояльность представляет устойчивый поведенческий отклик, продолжающийся определенное время, сделанный человеком, принимающим самостоятельное решение о покупке одного товара из ряда аналогичных, и являющийся следствием психологических процессов [3].

Оливер Р. рассматривает лояльность как глубокую приверженность потребителя в дальнейшем приобретать выбранный им продукт или услугу, не обращая внимания на продукты других производителей [4]. Такая трактовка во многом схожа в точкой зрения Гриффина Д., уверенного, что лояльный потребитель совершает повторные покупки бренда и демонстрирует иммунитет ко всем остальным конкурентам [5].

Для измерения уровня лояльности потребителей часто применяется метод NPS.

Индекс NPS (англ. Net Promoter Score) – это индекс определения приверженности потребителей товару или компании (иными словами, индекс готовности рекомендовать), который используется для оценки готовности к повторным покупкам [6]. Метод был предложен Фредом Райхельдом, исследовавшим лояльность потребителей по отношению к крупным компаниям на рынке США.

На первом этапе анализа потребителям предлагается опрос, в ходе которого они должны оценить вероятность того, что порекомендуют услуги компании своей референтной группе. Далее все респонденты делятся на три группы в зависимости от выставленных оценок:

- 1-6 – детракторы (также их часто называют критиками бренда);
- 7-8 – нейтралы, мнение которых может измениться как в положительную, так и в отрицательную сторону;
- 9-10 – промоутеры, приверженцы бренда, давние клиенты, которые активно продвигают продукты компании и генерируют положительные отзывы.

В завершение для определения индекса NPS применяется формула:

$$NPS = (\text{число промоутеров} - \text{число критиков}) / (\text{общее число респондентов}) \times 100\%.$$

Индекс NPS может варьироваться от -100 до +100. При значении NPS ниже 0 этот индекс считается низким и сигнализирует о низком уровне потребительской лояльности, однако среднее значение коэффициента варьируется в зависимости от рынка, для которого проводится анализ.

Для оценки повышения уровня лояльности в данной работе будет рассматриваться ООО «Вебком Групп» – компания, действующая на рынке интернет-маркетинга. «Вебком Групп» оказывает услуги поискового продвижения, контекстной рекламы, таргетированной рекламы, копирайтинга и т.д.

Для проведения NPS-анализа для ООО «Вебком Групп» было осуществлено анкетирование 186 клиентов. Каждому из них было предложено оценить вероятность того, что он порекомендует услуги компании, по десятибалльной шкале. По результатам проведенного опроса 96 клиентов выставили оценки 9-10. В данном случае они являются «промоутерами» бренда. 48 клиентов выставили оценки 7-8 и 42 – оценки 1-6 (данная группа относится к «детракторам»). Тогда индекс NPS для ООО «Вебком Групп»:

$$NPS = (96 - 42) / 186 \times 100\% = 29,03\%.$$

При исследовании лояльности потребителей американскими специалистами по маркетингу было выявлено, что этот уровень значительно отличается в зависимости от отрасли, для которой проводится исследование. Средний уровень NPS для рынка интернет-услуг является одним из самых высоких и составляет 48%. В ходе расчета показателя для

ООО «Вебком Групп» был получен результат значительно ниже среднего по отрасли (29,03 %).

В рамках анкетирования клиентам также была предоставлена возможность ответить на открытый вопрос для выяснения причин, по которым они готовы или не готовы порекомендовать услуги компании. Таким образом было выяснено, что поставившие высокую оценку клиенты чаще всего отмечали компетентность сотрудников и позитивный опыт взаимодействия с ними. В то же время поставившие низкую оценку клиенты отмечали свое недовольство сотрудниками компании, непонимание ими специфики бизнеса клиента или недостаточно частое и продуктивное общение для обсуждения результатов и дальнейших планов развития проектов. Также одним из факторов недовольства клиентов были довольно высокие цены на услуги.

На этом основании для повышения лояльности потребителей услуг ООО «Вебком Групп» предлагается применить такой инструмент интернет-маркетинга, как e-mail рассылка. Этот инструмент поможет повысить лояльность клиентов благодаря своевременному получению ими подробной отчетности по достигаемым показателям их проектов и работам, проводимым по ним.

E-mail рассылка как маркетинговый инструмент относится к такому типу маркетинговых коммуникаций, как прямой маркетинг. Преимущество электронного прямого маркетинга над традиционным заключается в возможности значительного снижения затрат, получении адресатом информации в краткие сроки и возможность обратной связи с ним.

E-mail рассылка для ООО «Вебком Групп» предложена с целью информирования лояльных клиентов о скидках, акциях и специальных предложениях, доступных им. Также в рамках рассылки клиенты будут получать краткие ежемесячные отчеты о достигнутых результатах и динамике показателей по сравнению с предыдущими месяцами и работами, которые были проведены для этого.

Ниже приводится пример персонализированного письма с кратким обзором результатов работы контекстной рекламы клиента за прошедший месяц и рекомендациями на их основе.

«Добрый день, Александр!

Рады поделиться с Вами результатами работы рекламных кампаний в Google Ads и Яндекс.Директ для site.by за прошедший месяц.

Этот месяц был насыщенным для Вашего проекта: наши специалисты непрерывно работали над повышением показателя качества рекламных аккаунтов и количества конверсий, привлекаемых по рекламе. Ниже приведен краткий обзор наших достижений за месяц.

- Благодаря тестированию автоматической стратегии «Целевой процент полученных показов» на поиске Google удалось значительно увеличить объем привлекаемого трафика и снизить процент потерянных показов с 38,65% в прошлом месяце до 2,01%;
- Средний CTR на поиске Яндекс увеличился с 28,33% в прошлом месяце до 34,3% в этом месяце благодаря мониторингу минус-слов и типов соответствия;
- Наши специалисты подготовили скрипт мониторинга площадок для размещения, благодаря чему удалось снизить среднюю стоимость клика в кампаниях в контекстно-медийной сети Google до 0,03\$;
- В прошедшем периоде список РК был расширен торговыми кампаниями Google, благодаря чему конверсионность рекламного аккаунта удалось увеличить в 2,2 раза. В связи с этим рекомендуем тестирование такого рекламного инструмента, как смарт-баннеры Яндекс.

Большое спасибо Вам за то, что выбираете именно наших специалистов для продвижения своей продукции. Мы желаем Вашему проекту непрерывного роста и с нетерпением ждем дальнейших достижений!»

Пример внешнего вида e-mail рассылки ООО «Вебком Групп», созданной с помощью сервиса SendPulse, приведен на рисунке 1.

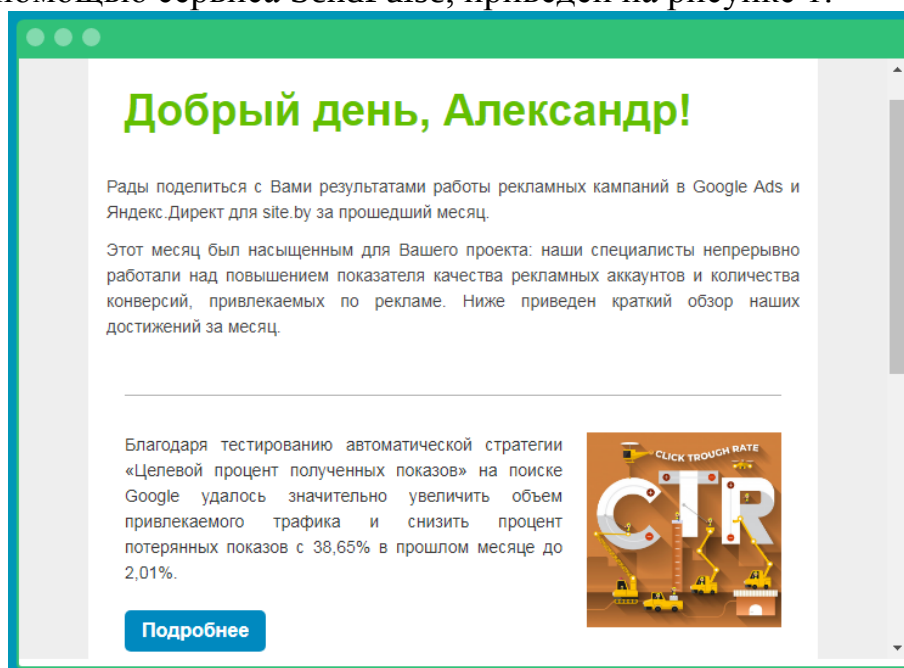

Рис. 1. – Пример персонализированной e-mail рассылки для лояльных клиентов ООО «Вебком Групп»

Также для повышения удовлетворенности клиентов уровнем цен предлагается система скидок, сформированная на основе пакетов услуг.

Пакет №1: «SEO + Контекстная реклама + Таргетированная реклама»

В данном случае клиентам, которые приобретают услуги поискового продвижения сайта и контекстной рекламы, предлагаются услуги таргетированной рекламы со скидкой 15%. В таком случае клиент сможет получить приток трафика на свой веб-сайт не только из поисковых систем, но и из социальных сетей, что особенно актуально в связи со стремительным ростом рынка SMM-продвижения в последнее время.

На данный момент 952 клиента ООО «Вебком Групп» приобретают услуги поискового продвижения и контекстной рекламы одновременно. Для этих клиентов был проведен опрос с помощью сервиса Google Forms, в рамках которого им было предложено ответить на вопрос: «Приобрели ли бы Вы услугу таргетированной рекламы со скидкой в размере 15% в рамках пакета услуг?» По результатам опроса, 178 из них готовы согласиться на предложение воспользоваться данной услугой. Стоимость услуги таргетированной рекламы зависит от количества рекламных сообщений и от количества продвигаемых запросов, т.е. является для каждого клиента индивидуальной. После их анализа и оценки было рассчитано, что прирост выручки с учетом оказания услуги по таргетированной рекламе составил бы 169100 р., с учетом скидки – 143735 р.

Пакет №2: «Комплексное продвижение + Копирайтинг».

Очевидно, что качественное продвижение веб-сайта в поисковой системе немыслимо без уникальных и полезных для пользователя текстов, соответствующих всем стандартам SEO-оптимизации. Поэтому клиентам, приобретающим услугу комплексного продвижения, предлагается скидка на услуги копирайтинга в размере 15%.

На данный момент 358 клиентов ООО «Вебком Групп» приобретают услуги комплексного продвижения. Для этих клиентов был проведен опрос с помощью сервиса Google Forms, в рамках которого им было предложено ответить на вопрос: «Приобрели ли бы Вы услугу копирайтинга со скидкой в размере 15% в рамках пакета услуг?» По результатам опроса, 143 из них готовы согласиться на предложение воспользоваться данной услугой. Стоимость услуг копирайтинга значительно варьируется в зависимости от объема текстов, так как расчет производится исходя из количества символов. К примеру, текст для карточки сайта может включать 1000-1500 символов, а статья – от 12000 символов и более. Исходя из этого было выяснено, что прирост выручки при предложении

такого пакета без скидки составит 78650 белорусских рублей, со скидкой – 66852,5 белорусских рублей.

Пакет №3: «Контекстная реклама + Медийная реклама»

Услуги контекстной рекламы пользуются стабильной популярностью у клиентов, так как они способны помочь ему получить трафик и конверсии в краткие сроки. Однако в случае, если одной из задач клиента является повышение узнаваемости бренда его компании, ему может быть предложена услуга медийной рекламы со скидкой 15%. Такой тип рекламы позволит ему размещать свои баннеры в рекламной сети Яндекс и контекстно-медийной сети Google, а также аудио- и видеоролики на Яндекс.Музыке, в видеосети Яндекс и на YouTube.

На данный момент 801 клиент ООО «Вебком Групп» приобретает услуги контекстной рекламы. Для этих клиентов был проведен опрос с помощью сервиса Google Forms, в рамках которого им было предложено ответить на вопрос: «Приобрели ли бы Вы услугу медийной рекламы со скидкой в размере 15% в рамках пакета услуг?» По результатам опроса, 248 из них готовы согласиться на предложение воспользоваться данной услугой. Стоимость услуг медийной рекламы варьируется в зависимости от количества продвигаемых направлений, методов таргетинга и способов создания рекламных материалов. Исходя из этого было выяснено, что прирост выручки при предложении такого пакета без скидки составит 173600 белорусских рублей, со скидкой – 147560 белорусских рублей.

Данное мероприятие способно повлиять как на рациональную, так и на эмоциональную составляющую лояльности потребителей услуг компании. Внедрение системы скидок сделает цены компании на услуги более приемлемыми для потребителей. Также данная система подтолкнет потребителя к работе со специалистами компании по различным направлениям продвижения в интернете. Таким образом, клиент сможет не просто пользоваться услугами одного технического специалиста по продвижению, но и работать с полноценной проектной командой, ответственной за различные векторы развития его проекта. Комплексный подход согласованной и продуктивной команды специалистов повысит уровень удовлетворенности клиентов услугами компании. Также стоит отметить, что заинтересованность в специальных пакетах услуг привлечет в том числе и новых клиентов.

Согласно исследованиям портала marketing.by, описанные выше мероприятия способны суммарно повысить лояльность клиентов компании на 26%. Тогда индекс NPS:

$$PS = 29,03\% \times \left(1 + \frac{26\%}{100\%}\right) = 36,58\%.$$

Прогнозируемое повышение индекса NPS обусловлено тем, что программа лояльности на основе скидок способна мотивировать клиентов расширять спектр приобретаемых ими направлений, что положительно отразится на их опыте взаимодействия с компанией. Что касается e-mail рассылки, она влияет главным образом на эмоциональную составляющую лояльности. В связи с регулярным поддержанием контакта со специалистами компании и своевременным получением актуальной отчетности опыт взаимодействия клиентов с компанией станет более положительным, благодаря чему повысится уровень конкурентоспособности компании на рынке интернет-услуг.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Котлер Ф. Основы маркетинга. Краткий курс. М.Издательский дом «Вильямс», 2007. 356 с.
2. Аакер Д. Создание сильных брендов М. Издательский Дом Гребенникова, 2012. 43 с.
3. Чеснат Р. Эмоциональный брендинг. М. Издательский дом «Вильямс», 2011. 58 с.
4. Оливер Р. В поисках лояльности потребителей. Альпина Бизнес Букс, 2014. 21 с.
5. Гриффин Д. Правильную ли систему лояльности мы строим? Издательство «Питер», 2011. 104 с.
6. Оуэн Р., Брукс Л. Сервис, который приносит прибыль. Практическое руководство по созданию системы NPS. ООО «Манн, Иванов и Фербер», 2016. 17 с.

КЛАССИФИКАЦИИ И КРИТЕРИИ ВЫДЕЛЕНИЯ ОТДЕЛЬНЫХ ГРУПП ТОРГОВЫХ ВОЙН

Ши Чжичао

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, shizhichao130@gmail.com*

В статье обосновываются критерии классификации отдельных групп торговых войн, основанные на факторах, определяющих отдельные грани характера международных торговых конфликтов. Эти критерии включают в себя: цели, которые преследует страна при внедрении дискриминационных мер, причины его поведения; субъекты и объекты торговых отношений, вовлеченные в конфликт; товары и услуги, на рынках которых возник конфликт; инструменты торговой политики, используемых странами, вовлеченными в конфликт; масштабы конфликта; степень остроты; продолжительность; методы урегулирования, последствия. Автор проанализировал научную литературу и практические примеры ведения торговых войн в прошлом, предложил следующую классификацию торговых войн с учётом их масштаба и состава субъектов: глобальная торговая война, интеграционные торговые войны, оппонентно-интеграционные торговые войны и торговые войны с участием ТНК.

Ключевые слова: международные отношения; международная торговля; торговая война; торговый конфликт; торговый дефицит; протекционизм; тариф; экономический либерализм.

CLASSIFICATIONS AND CRITERIA FOR IDENTIFYING INDIVIDUAL GROUPS OF TRADE WARS

Shi Zhichao

Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus

The article substantiates the criteria for classifying individual groups of trade wars based on factors that determine individual facets of the nature of international trade conflicts. These criteria include: the goals that a country pursues when implementing discriminatory measures, the reasons for its behavior; the subjects and objects of trade relations involved in the conflict; goods and services in the markets of which the conflict arose; trade policy instruments used by countries involved in the conflict; the scale of the conflict; the degree of severity; duration; methods of settlement, consequences. Analysis of scientific literature and practical examples of conducting trade wars in the past, the author proposes the following classification of trade wars taking into account their scale and composition of subjects: global trade war, integration trade wars, option-integration trade wars and trade wars involving TNCs.

Keywords: international relations; international trade; trade war; trade conflict; trade deficit; protectionism; tariff; economic liberalism.

Торговые войны являются важными проявлениями международных конфликтов в сфере, характеризующейся выгодами обмена. Причины их возникновения и способы их разрешения ставят важные задачи перед теорией международных отношений и международной политической экономией.

Торговые войны являются побочным эффектом протекционизма, который представляет собой действия и политику правительства, ограничивающие международную торговлю. Страна, как правило, принимает протекционистские действия с целью защиты национальных компаний и рабочих мест от иностранной конкуренции. Протекционизм также является методом, используемым для сбалансирования торгового дефицита. Дефицит торгового баланса возникает, когда объем импорта страны превышает объем ее экспорта. В условиях глобальной экономики торговая война может нанести серьезный ущерб потребителям и предприятиям обеих стран, и это негативное влияние может распространиться на многие аспекты обеих экономик.

Парадоксально, что экономический либерализм привел к новому протекционизму, поскольку либералы не смогли осознать ответственность государства за поддержание своей национальной экономической

безопасности. Например, снижение тарифов в рамках Генерального соглашения по торговле и тарифам (ГАТТ) привело к появлению сложных форм защиты. По мнению Э. Делла, постепенное снижение тарифов могло бы быть более разумным, что позволило бы избежать более изощренных форм протекционизма. Экономическая мощь государства становится все более важной для влияния на переговоры между государствами. Э. Делл указывал, что и Германия, и Япония выиграли больше от экономической эффективности, чем от войны: *«в мире создается новая структура власти, основанная не на военной мощи, а на экономической мощи и технологической эффективности»* [5, с. 9]. Старая международная система, основанная на военной мощи, продолжает существовать наряду с новой системой власти, основанной на экономических ресурсах. Хотя Германия и Япония не бросили вызов военной мощи Соединенных Штатов, их внутренний рынок был захвачен. Инстинкт национальной экономической безопасности побуждает государства сохранять контроль над своей экономикой и независимость в формулировании политики даже в эпоху растущей взаимозависимости. *«Взаимозависимость превращает экономическую безопасность в явный принцип политики»* [5, с. 18].

Научная литература, посвященная этим вопросам, не многочисленна, а ключевые исследования основаны на западной практике. Отчасти это объясняется сложностью моделирования и анализа торговых войн. Каждая страна хочет максимизировать свое благосостояние. С этой целью национальным производителям предоставляется защита в виде тарифов или квот. Но это также опасное явление, поскольку усложняет торговлю между странами-партнерами. Страна, которая ввела тариф, возможно, почувствует себя в выгодном положении в самом начале, но в долгосрочной перспективе наступают негативные последствия в виде роста расходов домохозяйств на импортируемые продукты или увеличения себестоимости промышленного производства.

Большое разнообразие торговых конфликтов побуждает к выявлению факторов (детерминант), определяющих отдельные грани характера международных торговых конфликтов, которые впоследствии могут использоваться в качестве критериев классификации.

Главными детерминантами международной торговой конфликтной ситуации между странами-торговыми партнерами являются: цели, которые преследует страна при внедрении дискриминационных мер, причины его поведения; субъекты и объекты торговых отношений, вовлеченные в конфликт; товары и услуги, на рынках которых возник конфликт; инструменты торговой политики, используемых странами, вовлеченными в конфликт; масштабы конфликта; степень остроты; продолжительность; методы урегулирования, последствия [4].

Изучая торговые войны, следует отметить недостаточность разработанности их классификации и критериев выделения отдельных групп. Ученые выделяют два класса войн по виду действий [3, с. 24]: наступательные и оборонительные. Наступательные, как правило, имеют целью захват зарубежных рынков. Оборонительные же, в противовес, предотвращают «оккупацию» национальных рынков.

Вопросами классификации также занимается И. Ю. Капелинский, он предлагает классифицировать данный феномен, прежде всего, исходя из причин, которые их создали [1, с. 8]. Им выделены две группы:

1) те, что возникают через политические мотивы: с целью поддержки национальных товаропроизводителей и защиты национальных интересов возникает недопущения товаров данной страны на внутренний рынок, необоснованное повышение экспортных таможенных ставок, создание экспортных квот, демпинг или эмбарго;

2) выделяются торговые войны, вызванные техническими факторами. К ним можно отнести международные конфликты, вызванные серьезными противоречиями экологических норм стран.

Подробно рассмотрев торговые войны мира, Д. Корстьенс, М. Кортьенс предлагают свою классификацию, по причинам возникновения торговых войн [2, с. 57-69]:

Первая группа – экономические конфликты, в их основе лежит финансово-экономический фактор (получение прибыли, как конечная задача). К этой группе можно отнести «тресковую войну» между Исландией и Великобританией. Также к этому виду торговых войн можно отнести «банановую» и «стальную» войны, спровоцированные США.

Вторая группа – торговые войны, возникающие по политическим причинам. К ним относятся конфликты, созданные для удовлетворения политических амбиций: торговые войны между странами со спорными территориями, разными политическими режимами, религиозными разногласиями, а также те, что призваны заставить определенную страну соглашаться с решением международных организаций или мирового сообщества. К этой группе можно отнести так называемую «Шоколадную войну» между Украиной и Россией, так как в ее основе по мнению экспертов, лежит нежелания Украины присоединиться к Таможенному союзу. К вышеупомянутой группе также целесообразно отнести торговые ограничения между Израилем и арабскими странами Юго-Западной Азии, а также конфликт между Польшей и Российской федерацией по поводу запрета на ввоз говядины на территорию последней, как ответ на укрепление польской экономики как члена ЕС.

Третья группа – экологические торговые войны. Причины их возникновения несоответствие экологических норм стран. Как пример можно привести «Мясную войну» между США и ЕС, так как она вызвана нарушением экологических норм Европейского Союза, также к этой

группе можно отнести литовско-латвийский конфликт между компаниями «Амасо» и ПАХАЛ, по разведке нефтяного месторождения в Балтийском море, а также украино-российский осетровый конфликт.

В научной литературе приведены и другие виды классификаций, на основе их обобщения можем предложить авторскую классификацию торговых войн, учитывающую количество и специфику их участников. Предлагаем выделять следующие группы:

1) *глобальная торговая война* – борьба ключевых государств мира за влияние в формирующейся новой глобальной экономической и политической архитектуре. Пример: КНР – США; ЕС – Россия.

2) *региональные торговые войны* – происходят в пределах одного региона, в конфликт втянуты, как правило, две страны. Пример: украинско-российские, российско-польские, китайско-индийские торговые конфликты;

3) *интеграционные торговые войны* – участвуют не отдельные страны, а их объединение. Пример: ЕС–ОПЕК, СССР – Западная Европа, НАТО;

4) *оппонентно-интеграционные торговые войны* – противостояние происходит между отдельной страной и политическим или экономическим объединением. Пример: «мясная», «стальная», «углеводородная» войны.

5) *торговые войны с участием ТНК* – происходят между ТНК и слаборазвитыми странами.

Торговая война происходит, когда все страны выбирают уровни защиты, которые максимизируют их собственное благосостояние, учитывая торговые барьеры других стран. По отношению к свободной торговле страны могут выиграть от введения оптимальных ненулевых тарифов даже перед лицом ответных мер со стороны своих торговых партнеров. Страна выигрывает торговую войну, если ее благосостояние в мире оптимальной защиты выше, чем при глобальной свободной торговле. Таким образом, концепция торговой войны дает чисто экономическое обоснование наблюдаемому присутствию посредников в свободной торговле. Если страна выиграет торговую войну, то она, скорее всего, выступит против введения свободной торговли и вряд ли согласится на отмену торговых барьеров без компенсационных трансфертных платежей.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Капелинский И.Ю. Причины возникновения конфликтов в процессе развития мировой торговли и формирование многосторонних механизмов их урегулирования: автореф. дис. канд. экон. наук: спец. М. 2004. 20 с.
2. Корстьенс Д., Кортьенс М. Торговые войны. М.: Вильям, 2005. 464 с.
3. Кочергина Т.Е. Торговые войны как форма международных конфликтов: причины, методы, последствия // Академический вестник Ростовского филиала Российской таможенной академии. 2018. № 3 (32). С. 22-27.

4. Маевский В. Торговые войны: причины и жертвы [Электронный ресурс] // Голос России. URL: <http://rus.ruvr.ru/2009/07/23/991554.html> (дата обращения: 08.08.2020).

5. The Politics of Economic Interdependence. By Edmund Dell. New York: St. Martin's, 1987. 268p.

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ТОРГОВЛИ КИТАЯ СО СТРАНАМИ БРИКС

Ян Чжэну

*Белорусский государственный университет
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, 1278964481@qq.com*

В статье рассматриваются торговое сотрудничество Китая и стран БРИКС, современные тенденции и приоритеты Китая в международной группировке, раскрываются сильные и слабые стороны участия Китая в БРИКС. На этой основе выдвигаются предложения по углублению торгового сотрудничества между Китаем и другими странами БРИКС для укрепления партнерства в рамках БРИКС.

Ключевые слова: страны БРИКС; Китай; внешняя торговля; торговое сотрудничество; экономическое сотрудничество, международные экономические отношения.

CURRENT STATE AND PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT OF CHINA'S TRADE WITH THE BRICS COUNTRIES

Yang Zheng wu

Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus

The article examines trade cooperation between China and the BRICS countries, current trends and priorities of China in the international grouping, reveals the strengths and weaknesses of China's participation in the BRICS. On this basis, proposals are being put forward to deepen trade cooperation between China and other BRICS countries in order to strengthen partnership within the BRICS.

Keywords: BRICS countries; China; foreign trade; trade cooperation, economic cooperation, international economic relations.

Торгово-экономическое сотрудничество государств-членов межгосударственного объединения БРИКС (от англ. BRICS – Brazil, Russia, India, China, South Africa), представляющего собой, по сути, платформу практической реализации сотрудничества между Бразилией, Россией, Индией, Китаем и ЮАР согласно одобренной ими Стратегии экономического партнерства до 2025 г., предусматривает диверсификацию инвестиционного сотрудничества, расширение доступа на фондовые рынки стран – членов БРИКС, содействие торговому сотрудничеству [1, с. 110].

Возникновение БРИКС было связано исключительно с появлением

новых быстрорастущих рынков, а создание политического формата БРИКС произошло значительно позже. Его главная объединяющая идея была не в экономике и экономической интеграции, а в создании внешнеполитического инструмента для защиты интересов этих стран в соответствии с их увеличивающимся весом в отдельных регионах и мире в целом.

Для Китая БРИКС – важнейшая торговая платформа. На Восемнадцатом съезде Китайской Коммунистической Партии, БРИКС определили, как одну из четырех платформ для «активного участия Китая в многосторонних отношениях». На первом Саммите БРИКС тогдашний президент Китая.

Ху Цзиньтао высказал желание о том, чтобы БРИКС стал глобальной моделью, характеризующейся взаимным уважением и равноправным диалогом [2].

На протяжении последних одиннадцати лет страны БРИКС всегда придерживались духа «открытости, терпимости и взаимовыгодного сотрудничества» и вместе вывели сотрудничество БРИКС на новый исторический этап развития. Торговля, как основное направление сотрудничества БРИКС всегда ценилось всеми сторонами.

Сегодня БРИКС – это более 20% мирового ВВП по текущему валютному курсу и почти треть по паритету покупательной способности [1, с. 110].

Далее представлены статистические данные торговых отношений стран БРИКС за 2019 год (см. таблицу).

Таблица

Матрица внешней торговли между странами БРИКС, млн долларов, 2019 год

Экспорт							
Страна БРИКС	Мир	Бразилия	Россия	Индия	Китай	ЮАР	Внутри БРИКС, %
Бразилия	224,0	-	1,6	2,8	62,9	1,1	41
Россия	422,8	2,5	-	7,3	56,8	0,3	17
Индия	322,8	4,1	2,8	-	17,0	3,9	9
Китай	2498,6	35,5	49,5	74,9	-	16,6	12
ЮАР	90,4	0,4	0,4	4,1	9,7	-	34
Импорт							
Страна БРИКС	Мир	Бразилия	Россия	Индия	Китай	ЮАР	Внутри БРИКС, %
Бразилия	177,3	-	3,7	4,3	35,3	0,8	24
Россия	243,8	2,1	-	3,9	54,1	0,8	22
Индия	480,0	3,0	6,1	-	68,2	6,9	19
Китай	2069,0	79,2	60,3	18,0	-	25,9	7
ЮАР	88,2	1,2	0,5	4,3	16,3	-	25

Примечание. – Источник: [3, с. 10]

Согласно статистическим данным, экспорт в страны БРИКС составляет 41% всего экспорта Бразилии, 17% общего экспорта России, 9% экспорта Индии, 12% экспорта Китая и 34% общего объема экспорта ЮАР. Импорт в страны БРИКС в 2019 году составил 24% всего импорта Бразилии, 22% импорта России, 19% импорта Индии, 7% общего импорта Китая и 25% общего импорта ЮАР [3, с. 9].

Китай является крупнейшим экспортером и вторым импортером в мире. В 2019 году объем импорта Китая составил 2 трлн долл. США. 35% всего экспорта Бразилии приходится на Китай. В течение 2015-2019 годов импорт Китая из Бразилии вырос на 80% и в 2019 году составил 79 млрд долл. США. Кроме того, за рассматриваемый период общий импорт Китая из Индии вырос на 30%, наибольший рост продемонстрировали товарные категории «органические химикаты» (рост за 2015-2019 годы составил 163%) и «руды, шлаки и зола» (+254%). Импорт из России также вырос в два раза: за 5 лет Китай увеличил поставки по таким товарным категориям, как «минеральное топливо» (рост за 2015-2019 годы составил 106%), «древесина и изделия из нее» (рост за 2015-2019 годы составил 37%) и «руды, шлаки и зола» (рост за 2015-2019 годы составил 150%). Объем импорта из ЮАР за 5 лет снизился на 15%. Структура импорта Китая из стран БРИКС за рассматриваемый период не изменилась.

Экспорт в страны БРИКС составляет 12% общего экспорта Китая. За 2015-2019 годы экспорт из Китая в Индию вырос на 30%: наибольшее увеличение продемонстрировала товарная категория «электрическое оборудование» (+ 54%). Объем экспорта в Россию вырос по всем товарным категориям на 45%: наибольший рост продемонстрировали товарные категории «электрическое оборудование» и «машины и оборудование» (рост в двух категориях составил 80%). Взаимная торговля с ЮАР не продемонстрировала роста за 5 лет [3, с. 10].

В объединении Бразилия доминирует в экспорте минерального топлива и масличных семян, Россия – в экспорте удобрений, чугуна, стали и минерального топлива, Индия – в экспорте драгоценных камней, фармацевтической продукции, текстиля и программного обеспечения, Китай – в экспорте промышленных товаров, электротехнического оборудования, мебельной продукции и текстиля, а ЮАР – в экспорте природных ресурсов, топлива и драгоценных камней. Преимущество экономического сотрудничества между странами – членами БРИКС основано на несхожей структуре экспорта, которая придает им взаимодополняемость, тем самым формируя основу взаимовыгодной двусторонней торговли [3, с. 9].

В настоящее время текущие классификации товаров международной торговли в основном включают: стандарт СНГ, сформулированный ВТО; стандартную классификацию товаров международной торговли,

сформулированную Советом по торговле и развитию ООН; систему гармонизированных кодов (код HS), разработанную Международным таможенным советом. Поскольку Гармонизированная система кодирования на сегодняшний день является наиболее полной, систематической и научной системой международной торговой классификации, при анализе структуры торговли между Китаем и другими странами БРИКС в процессе исследования данной статьи будет использоваться «Стандартная классификация товаров международной торговли» (Кодекс SITC) [4, с. 212].

В 2019 году тройка основных товаров, экспортируемых Китаем в другие страны БРИКС по стоимости, состояла из категории 7 (машины и транспортное оборудование), категории 8 (разные продукты) и категории 6 (промышленные товары, классифицированные по материалам). Прочие трудоемкие и капиталоемкие товары в структуре экспорта Китая в другие страны БРИКС занимают незначительную долю. Экспорт вышеуказанных трех типов товаров составляет слишком большую долю, более 80%. Доля основного экспорта в Южную Африку и Россию составляет даже более 88% [5, с. 77].

В 2019 году основными товарами, импортируемыми Китаем из других стран БРИКС, были товары категории 2 (сырье, кроме топлива) и категории 3 (ископаемое топливо и сопутствующие материалы). На другие категории товаров приходилась относительно небольшая доля, и они импортировались из Индии. Шестая категория (промышленная продукция, классифицируемая по материалам) составляла большую долю товаров, что отражает сближение товарной структуры Китая и Индии и конкурентоспособность трудоемких товаров двух стран на международном рынке [3, с. 11].

Как видим, Китай является одним из основных торговых партнеров других стран БРИКС, а объем торговли между остальными четырьмя странами невелик. Более того, между странами не подписаны торговые соглашения, что осложняет взаимную торговлю. Двустороннее сотрудничество между странами БРИКС осуществляется в основном в рамках многосторонних соглашений: Бразилия и Индия установили тесное партнерство через глобальную систему торговых преференций между развивающимися странами и торговым союзом стран Южной Америки; Россия взаимодействует с Китаем через Шанхайскую организацию сотрудничества. Однако отсутствие двусторонних региональных торговых соглашений остается главным слабым местом, тормозящим дальнейшее развитие экономического сотрудничества стран БРИКС.

Китай – крупнейший торговый партнер не только для стран БРИКС. Развитие торгово-экономических связей с ним для России связано в первую очередь не с БРИКС, а с географическим положением, потребностями двух стран, международной конъюнктурой. Китай в целом помогает Российской Федерации компенсировать потери от западных

санкций, но главные результаты от усиления экономического сотрудничества в ответ на санкции могут появиться в более отдаленной перспективе, в том числе в рамках совместных зон торгово-экономического сотрудничества [6,7].

Очень важно, чтобы разрыв в совокупной государственной мощи и экономическом потенциале между Китаем и остальными странами БРИКС увеличивался не слишком сильно. В противном случае «локомотив» может оторваться и продолжить движение, решая свои проблемы самостоятельно или с другими партнерами. Ослабление глобального управления и усиление глобального соперничества, борьбы за мировое лидерство навязывают странам, которые уже являются или могут стать мишенями агрессивной американской политики, необходимость внешнеэкономической и внешнеполитической координации. Это прежде всего относится к России и Китаю, но потенциально может быть распространено на Индию, Бразилию и ЮАР: США доходчиво продемонстрировали, что способны использовать санкции и в отношении союзников.

В настоящее время на фоне всемирной пандемии COVID-2019 мировая экономическая структура переживает трудный период корректировки. Сохраняются различные торговые трения и локальные конфликты. Восстановление мировой экономики является слабым, инвестиции вялыми, заметен дисбаланс в развитии стран, входящих в группировку.

Торговля между странами БРИКС имеет широкий спектр источников интереса. Осознание совместного роста внешней торговли между Китаем и другими странами БРИКС является важным способом содействия интеграции стран БРИКС. Для реализации роста совместной торговли между странами БРИКС необходимо не только сформировать модель торговли, основанную на взаимодополняемости, между странами БРИКС, но и избегать конкурентных торговых отношений на внешних рынках стран БРИКС.

Для реализации совместного роста внешней торговли между Китаем с другими странами БРИКС необходимо не только улучшить структуру двусторонней торговли за счет совершенствования механизмов сотрудничества, но и обойти внешние рынки Китая и других стран БРИКС за счет диверсификации экспортных рынков. Наиболее важные стратегические меры должны включать следующие аспекты:

- 1) Осуществить переход Китая от экспорта к инвестициям, избегать торговой конкуренции с другими странами БРИКС, преодолевать торговые барьеры и существенно повысить экспортный потенциал и эффективность экспорта из Китая.

- 2) Основываясь на соответствующих ресурсных и структурных преимуществах стран БРИКС, сформировать схему промышленной структуры в разделении труда внутри отраслей, избегая единой торговой

структуры и неравных торговых интересов. Конкуренция между Китаем и другими странами БРИКС с точки зрения промышленной структуры и структуры экспорта принесет обоюдную выгоду и беспроигрышные результаты на уровне «двусторонней» торговли между Китаем и другими странами БРИКС.

3) За счет создания множества моделей научно-технического сотрудничества, способствовать корректировке и обновлению экономической и торговой структуры и реализовывать общие торговые выгоды на многостороннем уровне стран БРИКС.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Ярыгина И. З., Жигляева А.В. Торгово-экономическое сотрудничество БРИКС: проблемы и перспективы // Экономика. Налоги. Право. 2020. Т. 13. № 4. С. 110-120.
2. Ху Цинтао. Доклад на 18-м съезде КП КНР [Электронный ресурс]. URL: <http://russian.people.com.cn/31521/8023881.html> (дата обращения: 12.01.2021).
3. Взаимная торговля стран БРИКС // Бюллетень о текущих тенденциях мировой экономики. 2020. № 55. 16 с.
4. Чжай Л. Эмпирическое исследование торговых отношений между Китаем и странами БРИКС // Modern Economy Success. 2020. № 4. Р. 211-218.
5. 李洋 金砖国家的服务贸易竞争力和合作研究/杨丽//亚太地区经济。 -2020年-1号-第75-79页。 [Ли Ян. Конкурентоспособность торговли услугами в странах БРИКС и исследования сотрудничества // Экономика Азиатско-Тихоокеанского региона. 2020. № 1. С. 75–79.]
6. 赖平遥 金砖国家贸易与经济合作的机遇与问题/赖平耀，吴静云//统计研究。 -2018年-第9号-第21-27页。 [Лай Пинъяо, У Цзинъюнь. Возможности и проблемы торгово-экономического сотрудничества стран БРИКС // Статистические исследования. 2018. № 9. С. 21 – 27.]
7. Го Шухун, Юрова Н.В., Яо Цзяхуэй. Зарубежные зоны торгово-экономического сотрудничества КНР в рамках реализации инициативы «Один пояс, Один путь» // Журнал международного права и международных отношений. №1-2. 2018. 74-82.

ТОРГОВЫЕ БАРЬЕРЫ В СФЕРЕ ТРАНСПОРТНЫХ УСЛУГ

Т. А. Ястреб

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, yastreb@bsu.by*

В статье рассматривается проблематика регулирования международной торговли транспортными услугами. На основе анализа индекса ограничений в торговле услугами Организации экономического сотрудничества и развития обозначаются

основные барьеры, препятствующие доступу транспортных услуг и их поставщиков на рынки иностранных государств. Отмечается необходимость их устранения для стимулирования торговли транспортными услугами и создания возможностей для использования незадействованного экономического потенциала.

Ключевые слова: транспортные услуги; торговые барьеры; ограничения; транспорт.

TRADE BARRIERS IN TRANSPORT SERVICES

T. A. Yastreb

Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus

The article deals with the problems of regulation of transport services international trade. Based on the analysis of the Index of Restrictions on Trade in Services of the Organization for Economic Co-operation and Development, the main barriers that prevent the access of transport services and their suppliers to the markets of foreign countries are identified. The need to eliminate them in order to stimulate trade in transport services and create opportunities for using untapped economic potential is noted.

Keywords: transport services; trade barriers; restrictions; transport.

Современная ситуация в мировой торговле характеризуется замедлением темпов роста материального производства и объемов товарных потоков при одновременном стабильном развитии сектора услуг и увеличении международной торговли услугами. Согласно Докладу о мировой торговле Всемирной торговой организации (далее – ВТО) за 2019 г., в 2005 – 2017 гг. средний ежегодный прирост объема торговли услугами составлял 5,4% в год, аналогичный показатель торговли товарами – 4,6% [1, с. 4]. Значение услуг в международной торговле возрастает, расширяется их видовое разнообразие во внешнеторговом обороте, торговля услугами становится наиболее динамично развивающимся ее сегментом, достаточно устойчивым к глобальным шокам [2].

Несмотря на предпринимаемые меры по либерализации рынков услуг, в первую очередь под эгидой ВТО, во многих странах барьеры сохраняются. Как правило, торговля услугами ограничивается посредством барьеров по доступу на рынок (меры, влияющие на доступ на рынок) либо посредством предоставления иностранным поставщикам менее благоприятного режима по сравнению с национальными поставщиками (меры, влияющие на национальный режим). Недостаточная либерализация в определенной степени связана и с необходимостью развития правовой базы, регулирующей международную торговлю услугами. В настоящее время правовую основу в данной сфере составляет Генеральное соглашение по торговле

услугами, формирующее систему правил и обязательств для членов ВТО. Однако, как отмечают российские исследователи О. Бирюкова и А. Бежанишвили, его положения значительно отстают от практики применения мер, оказывающих реальное воздействие на международную торговлю услугами. [3, с.129].

Важной составляющей международной торговли товарами и услугами являются транспортные услуги. В условиях развивающихся процессов глобализации, значительных объемов мировой торговли и миграции населения увеличивается значимость торговли данными услугами, а также возрастает роль транспорта. Транспортный сектор является стратегически важным для страны, так как от его эффективного функционирования зависит уровень и скорость развития иных отраслей экономики, осуществление внешнеэкономической деятельности и международное разделение труда. По мнению американских экономистов У. Андерсона и Ж. Родрига, транспортные услуги наряду с транспортной инфраструктурой и транзакционной средой являются доминирующим компонентом, без которого международный транспорт не может оказывать содействие развитию мировой торговле [4]. При этом рынки транспортных услуг многих стран остаются достаточно закрытыми. Немногим более половины стран-членов ВТО обеспечивают какой-либо уровень доступа иностранных транспортных услуг и поставщиков услуг на свой рынок [5].

Необходимо отметить, что либерализация доступа на рынки транспортных услуг происходит неравномерно. С учетом этого, приобретает важность оценка применяемых мер в отношении торговли транспортными услугами на предмет их ограничительности. Для оценки барьеров по доступу на рынок целесообразно использовать индекс ограничений в торговле услугами – Services Trade Restrictiveness Index (далее – STRI). STRI отражает действующие в стране ограничительные меры в отношении торговли услугами, что позволяет оценить открытость международной торговли услугами, осуществить сравнение условий доступа на рынки различных стран в разрезе секторов услуг. Индекс STRI принимает значения от 0 до 1, где 0 – это полностью открытый рынок услуг, а 1 – полностью закрытый рынок. STRI включает в себя данные по 22 секторам услуг в 44 странах-членах Организации экономического сотрудничества и развития (далее – ОЭСР) и странах-партнерах ОЭСР (Бразилия, Китай, Коста Рика, Индия, Индонезия, Малайзия, Россия, ЮАР, Таиланд), на которые приходится более 80% объема мировой торговли товарами и основная часть внешней торговли услугами Беларуси [6]. Для оценки уровня ограничений при расчете STRI анализируются ограничения по доступу на рынок; ограничения

для движения физических лиц; барьеры для конкуренции; регуляторная транспарентность; иные дискриминационные меры.

В части доступа на рынок транспортных услуг можно отметить высокий уровень ограничений в области воздушного и железнодорожного транспорта. Индексы по услугам грузового автомобильного транспорта, а также услугам по обработке, складированию и экспедированию грузов имеют сравнительно меньшие значения. Значения STRI в разрезе видов транспортных услуг с указанием стран, ограничивающих доступ на рынки в минимальной и максимальной степени, представлены в таблице.

Таблица

Значение индекса ограничений в торговле транспортными услугами по видам транспортных услуг

Вид транспортной услуги	Среднее значение	Минимальное значение	Максимальное значение
Услуги воздушного транспорта (грузовые перевозки)	0,42	0,17 (Чили)	0,54 – 0,6 (Норвегия, Россия, Индия, Турция, Таиланд)
Услуги железнодорожного транспорта (грузовые перевозки)	0,32	0,13 (Нидерланды)	0,994 – 1 (Россия, Индия, Израиль, Корея, Таиланд)
Услуги автомобильного транспорта (грузовые перевозки)	0,25	0,12 (Япония)	0,62 (Мексика)
Услуги морского транспорта (грузовые перевозки)	0,27	0,15 (Нидерланды)	0,56 (Индия)
Погрузочно-разгрузочные услуги	0,27	0,12 (Литва, Португалия)	1 (Россия)
Складские услуги	0,25	0,1 (Корея)	1 (Россия)
Экспедиционные услуги	0,22	0,12 (Франция, Нидерланды, Португалия, Чехия, Дания)	0,40 (Таиланд)

Примечание – Источник: составлено по [7] – [11]

Ниже будут подробно рассмотрены ограничения, применяемые в отношении услуг по перевозкам грузов воздушным, железнодорожным и автомобильным транспортом с учетом их приоритетности для белорусских поставщиков транспортных услуг.

Услуги грузового воздушного транспорта

Ограничения по доступу рынок. Наиболее распространенным барьером является ограничение доли иностранного участия – не более 50% (в большинстве случаев применимо к компаниям, осуществляющим как международные, так и внутренние перевозки). Как, правило, это ограничение сопровождается требованиями к гражданству членов совета ди-

ректоров и руководства авиаперевозчиков. В большинстве стран аренда иностранных воздушных судов с экипажем фактически запрещена, в некоторых необходимо получение предварительного одобрения. Для аренды иностранных воздушных судов без экипажа требуется предварительное разрешение почти во всех странах. Также распространенным препятствием является установление более строгих условий передачи личных данных по сравнению с рекомендованными ОЭСР.

Барьеры для конкуренции также вносят весомый вклад в формирование индекса. В некоторых странах разрешается деятельность только государственных перевозчиков, обычно ограничивается иностранное участие в их деятельности. Широко распространено дискриминационное распределение слотов: большинство стран выделяют места в аэропортах с высоким спросом на основе исторических прав, как правило, запрещая коммерческий обмен слотами.

Ограничения на передвижение физических лиц. Они касаются трех категорий физлиц, оказывающих услуги на временной основе в качестве внутрикорпоративных поставщиков, поставщиков услуг по контрактам или независимых поставщиков: применяются квоты, тесты на экономическую целесообразность нахождения на период более чем 3-6 месяцев, ограничение на пребывание – не более 3 лет.

Иные дискриминационные меры включают в себя неприменение национального режима в части налогов и субсидий, предоставление преференций отечественным поставщикам или недискриминационного доступа к государственным закупкам странам, с которыми установлен режим свободной торговли либо участникам Соглашения ВТО по госзакупкам.

Регуляторная транспарентность. Применяются завышенные требования к получению деловой визы, сложные процедурные требования в части регистрации компании (по времени, стоимости и количеству процедур), длительные, дорогостоящие и сложные процедуры, связанные с получением деловой визы [7].

Услуги грузового железнодорожного транспорта

Барьеры в части доступа на рынок услуг грузовых железнодорожных перевозок в основном связаны с требованиями к членам совета директоров, к трансграничной передаче данных, требованиями местного присутствия, ограничениями на приобретение и использование земли нерезидентами, и, в некоторых случаях, ограничениями прав доступа на внутренний рынок. Рынки отдельных стран полностью закрыты для иностранного присутствия или установлены лимиты на иностранное участие в уставном капитале железнодорожных компаний (не более 49%) либо проводится инвестиционный отбор (иностранное инвестиции

в сектор одобряются, если они принесут стране чистую экономическую выгоду).

Барьеры для конкуренции в сфере железнодорожного транспорта широко распространены. Во многих странах функционируют преимущественно государственные железнодорожные компании. В ряде стран, в которых один из основных железнодорожных перевозчиков находится в государственной собственности, правительство может отменять решения железнодорожного регулятора. Отмечаются также ограничения доступа к инфраструктуре, в т.ч. прямой запрет на передачу и (или) торговлю мощностями инфраструктуры. Кроме этого, в нескольких странах рассматриваемая сфера является естественной монополией [8].

Услуги грузового автомобильного транспорта

Барьеры в отношении услуг автомобильного транспорта сравнительно невелики: большинство стран имеют индекс ниже среднего значения. Однако необходимо отметить, что при расчете индекса не учитывались ограничения в рамках трансграничной торговли данными услугами, которая регулируется системой двусторонних и многосторонних соглашений, предусматривающих разрешения, квоты и другие требования.

Ограничения по доступу на рынок значительно влияют на формирование индекса. Применяются ограничения на иностранный капитал, на открытие зарубежных филиалов, требования к резидентству членов совета директоров и управленческого персонала. Во многих странах для целей оказания услуг необходимо наличие лицензии, выдача которой в отдельных случаях осуществляется по экономическим основаниям. Также отметим тест на экономическую целесообразность для прямых инвестиций в сектор, ограничения на трансграничные слияния и поглощения, контроль за иностранными финансовыми и инвестиционными потоками, строгие условия передачи персональных данных.

Ограничения на передвижение физических лиц применяются всеми странами в отношении вышеперечисленных выше трех категорий физических лиц. В некоторых странах установлены процедуры и критерии признания иностранных квалификационных требований на основе режима наибольшего благоприятствования.

Иные дискриминационные меры применяются по аналогии с воздушным транспортом.

Барьеры для конкуренции в сфере автомобильного транспорта могут быть значительными. Отмечается неприменение в отношении грузовых автоперевозчиков законодательства о конкуренции или руководящих принципов ценообразования либо введение регулирования цен. В отдельных странах распространены государственные предприятия.

Регуляторная транспарентность. Применяются сложные процедурные требования в части регистрации компании. Во многих странах отмечаются длительные, дорогостоящие и сложные процедуры, связанные с получением деловой визы либо отсутствует возможность получения визы для водителей грузовых автотранспортных средств при их прибытии в страну.

По оценкам ОЭСР, снижение барьеров в области автомобильного транспорта всеми странами может вызвать увеличение торговли промышленными товарами (автотранспортные средства, электрооборудование и химическая продукция) в среднем на 12-20% [9].

С точки зрения условий доступа транспортных услуг на рынки третьих стран кроме применяемых мер торгового режима важное значение имеет сопряженная транспортная инфраструктура: ее отсутствие не позволяет развивать внешнеторговые связи между странами ни на двусторонней основе, ни в многостороннем формате.

Таким образом, в отношении международной торговли транспортными услугами применяется достаточное количество ограничений, среди которых можно выделить ограничения для иностранных инвестиций, инвестиционный отбор, требования к национальности или квалификации физических лиц (членов совета директоров, управляющего персонала, поставщиков услуг), квоты и тесты на рынке труда, монопольное положение или государственная форма собственности национальных перевозчиков, непредоставление национального режима по налогам и субсидиям, барьеры по доступу к госзакупкам, сложные процедуры регистрации компании и получения деловых виз. Максимальные барьеры по доступу транспортных услуг установлены в России, Индии и Таиланде. Помимо необходимости преодоления перечисленных ограничительных мер для обеспечения торговли транспортными услугами критически важно наличие сопряженной между странами транспортной инфраструктуры. Считаем, что устранение барьеров стимулирует торговлю транспортными услугами, т. к. создает возможности для использования незадействованного экономического потенциала. Для белорусских поставщиков транспортных услуг чрезвычайно важным является обеспечение наиболее привлекательных условий доступа на рынки третьих стран, в т.ч. упрощение условий доступа на рынки государств-членов ЕАЭС.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. World Trade Report 2019. The Future of Services Trade [Electronic resource] // World Trade Organization. URL: https://www.wto.org/english/res_e/booksp_e/00_wtr19_e.pdf (дата обращения: 25.09.2020).

2. Ястреб Т.А. Международная торговля транспортными услугами // Беларусь в современном мире: материалы XIX Междунар. науч. конф., посвящ. 99-летию образования Белорус. гос. ун-та, Минск, 29 окт. 2020 г. / Белорус. гос. ун-т ; редкол.: В. Г. Шадурский (гл. ред.) [и др.]. Минск, 2020. С. 675 – 682.
3. Бирюкова О., Бежанишвили А. Современные методы оценки международной торговли услугами // Международные процессы. 2017. Том 15. № 1. С. 126-142.
4. Lakshmanan T.R., Anderson W.P. 2002. Transportation Infrastructure, Freight Services Sector and Economic Growth [Electronic Resource] // Boston University. URL: https://www.researchgate.net/profile/T_Lakshmanan/publication/239790133_Transportation_Infrastructure_Freight_Services_Sector_and_Economic_Growth/links/02e7e53518b3c063c9000000/TransportationInfrastructure-Freight-Services-Sector-and-Economic-Growth.pdf (date of access: 22.01.2021).
5. Кушнеренко Е. Регулирование отношений в области осуществления международных перевозок до и после присоединения к ВТО [Электронный ресурс] // Международный центр торговли и устойчивого развития. URL: <https://www.ictsd.org/bridges-news/мосты/news/регулирование-отношений-в-области-осуществления-международных-перевозок-до-и> (дата обращения 19.02.2019).
6. Якубук Ю.П. Ограничения в международной торговле услугами и их влияние на экспорт услуг Беларуси / Труды БГТУ. 2018. серия 5. № 2. С. 78–84.
7. STRI Sector Brief: Air transport services [Electronic Resource] // Organisation for Economic Co-operation and Development. URL: <http://www.oecd.org/trade/topics/services-trade/documents/oecd-stri-sector-note-air-transport.pdf> (date of access: 22.01.2021).
8. STRI Sector Brief: Rail freight transport services [Electronic Resource] // Organisation for Economic Co-operation and Development. URL: <http://www.oecd.org/trade/topics/services-trade/documents/oecd-stri-sector-note-rail-freight-transport.pdf> (date of access: 22.01.2021).
9. STRI Sector Brief: Road freight transport services [Electronic Resource] // Organisation for Economic Co-operation and Development. <http://www.oecd.org/trade/topics/services-trade/documents/oecd-stri-sector-note-road-freight-transport.pdf> URL: <http://www.oecd.org/trade/topics/services-trade/documents/oecd-stri-sector-note-air-transport.pdf> (date of access: 22.01.2021).
10. STRI Sector Brief: Maritime freight transport services [Electronic source] // Organisation for Economic Co-operation and Development. URL: <http://www.oecd.org/trade/topics/services-trade/documents/oecd-stri-sector-note-maritime-freight-transport.pdf> (date of access: 22.01.2021).
11. STRI Sector Brief: Logistics services [Electronic Resource] // Organisation for Economic Co-operation and Development. URL: <http://www.oecd.org/trade/topics/services-trade/documents/oecd-stri-sector-note-logistics.pdf> (date of access: 22.01.2021).

СЕКЦИЯ 4

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ТАМОЖЕННОГО ДЕЛА

АНАЛИЗ СОЗДАНИЯ И РАЗВИТИЯ МЕХАНИЗМА «ЕДИНОГО ОКНА» В ГОСУДАРСТВАХ-ЧЛЕНАХ ЕАЭС

П. И. Болточко¹⁾, Д. А. Раткевич²⁾

¹⁾ *Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, boltochko@gmail.com*

²⁾ *Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, ratkevich.diana@yandex.ru*

В статье рассматриваются концептуальные основы и правовое обеспечение создания и внедрения механизма «единого окна» в государствах-членах Евразийского экономического союза. Проводится анализ достигнутых результатов, выделяются общие проблемы развития механизма «единого окна» в странах-участницах ЕАЭС.

Ключевые слова: Евразийский экономический союз; таможенное администрирование; механизм «единого окна»; национальные «единые окна»; межведомственное взаимодействие; эталонная модель.

ANALYSIS OF THE CREATION AND DEVELOPMENT OF THE «SINGLE WINDOW» MECHANISM IN THE EAEU MEMBER STATES

P. I. Boltochko^a, D. A. Ratkevich^b

^a*Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus*

^b*Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus*

Corresponding author: P. I. Boltochko (boltochko@gmail.com)

The article discusses the conceptual foundations and legal support for the creation and implementation of the «single window» mechanism in the member states of the Eurasian Economic Union. The analysis of the achieved results is carried out, general problems of the development of the «single window» mechanism in the EAEU member states are highlighted.

Key words: the Eurasian Economic Union; customs administration; «Single window» mechanism; national «Single windows»; interdepartmental interaction; reference model.

«Единое окно» – это механизм, позволяющий сторонам, участвующим в международных торговых и транспортных операциях, подавать всю стандартизованную документацию с использованием единого про-

пускового канала в целях выполнения всех регулирующих требований, касающихся импорта, экспорта и транзита. Если информация предоставляется в электронной форме, то индивидуальные элементы данных следует предоставлять лишь один раз [1].

Механизм «единого окна» был создан на базе международных стандартов обмена торговой информацией и имеющегося опыта таких стран как Швеция, Сингапур и США, где данная концепция успешно функционирует и на сегодняшний день. Ее основным преимуществом является то, что она существенно сокращает временные и материальные ресурсы, ускоряет движение экспортных и импортных потоков, создает условия для совершения транспарентных сделок.

Положительные итоги использования механизма «единого окна» в развитых странах вызвали интерес и у других государств. Так, например, в странах-участницах Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС) 29 мая 2014 года Высшим Евразийским экономическим советом было принято Решение № 68 «Об Основных направлениях развития механизма «единого окна» в системе регулирования внешнеэкономической деятельности» [2]. Принятие данного Решения стало свидетельством того, что правительства участвующих сторон изъявили свою политическую волю к созданию механизма «единого окна» на пространстве интеграционного объединения.

Основные направления развития механизма «единого окна» учитывают международные рекомендации Европейской экономической комиссии Организации Объединенных Наций, Всемирной таможенной организации, Всемирной торговой организации и лучший международный опыт реализации подобных проектов. Основное новшество заключается в том, что в каждой стране-участнице ЕАЭС есть свои программы развития либо создания механизма «единого окна», равно как и хорошие достижения в этом направлении, но в информационно-техническом и нормативном правовом смысле необходима универсальная среда или платформа, в рамках которой эти национальные «единые окна» будут взаимодействовать.

Одним из основных направлений является сближение подходов по развитию национальных механизмов «единого окна». В рамках работы по данному направлению в странах-участницах ЕАЭС требуется унифицировать государственные процедуры, связанные с внешнеэкономической деятельностью (далее – ВЭД), а также стандартизировать документы, необходимые для их осуществления.

Также в целях развития национальных механизмов «единого окна» необходимо обеспечить консолидацию усилий и согласованность действий государственных органов и участников ВЭД.

В следующем направлении отмечается, что страны-участницы ЕАЭС должны обеспечить взаимное признание электронных документов, необходимых для осуществления ВЭД. Для этого им необходимо провести унификацию состава сведений, включаемых в них, а также сформировать нормативные правовые и организационно-технические основы для использования и взаимного признания этих документов.

Помимо вышеперечисленного, информационное взаимодействие участников ВЭД и государственных органов должно обеспечиваться за счет соответствующей информационно-технической основы. Для этого необходимо обеспечить такое взаимодействие с помощью применения технической инфраструктуры интегрированной информационной системы внешней и взаимной торговли, в рамках работы над которой уже был принят ряд основополагающих нормативных документов.

Следует отметить, что для реализации основных направлений развития механизма «единого окна» в системе регулирования ВЭД необходима координация действий государственных органов стран-участниц ЕАЭС. Ответственным на межгосударственном уровне за реализацию основных направлений органом является Евразийская экономическая комиссия (далее – ЕЭК), в полномочия которой входит разработка совместно с правительствами стран-участниц ЕАЭС Плана мероприятий, а также осуществление мониторинга и координации работ, проводимых на национальном уровне.

План мероприятий по реализации Основных направлений развития механизма «единого окна» в системе регулирования ВЭД (далее – План) был утвержден 8 мая 2015 года Решением № 19 Высшего Евразийского экономического совета [3]. Этот План является продолжением проводимой в государствах-членах ЕАЭС политики по совершенствованию системы регулирования ВЭД, внедрению современных информационных технологий для упрощения процедур международной торговли.

Цель и задачи реализации Плана определяются также в Решении №19: на выходе должна быть сформирована организационно-правовая и техническая основа для создания условий развития и сближения национальных механизмов «единого окна», а также организации их взаимодействия на наднациональном уровне.

Стержнем Плана является эталонная модель национального механизма «единого окна». Данная модель призвана обеспечить переход национальных механизмов «единого окна» на новую траекторию развития, а также реализацию эффективного управления данными, процессами и информационным взаимодействием, в том числе хозяйствующих субъектов с государственными органами государств-членов ЕАЭС

(B2G/G2B), государственных органов государств-членов ЕАЭС между собой (G2G) и хозяйствующих субъектов между собой (B2B).

Следует подчеркнуть, что государства-члены ЕАЭС впервые сформулировали единое видение и договорились о том, к чему необходимо стремиться при реализации национальных механизмов «единого окна». На наш взгляд, это и является одним из основных шагов на пути к унификации и гармонизации.

В Решении № 19 также приводится сетевой график реализации Плана. Анализ данного графика показывает, что в 2015 году должна быть проделана в основном подготовительная работа, а в 2016 году – большая работа по разработке и утверждению детального описания функций и архитектуры эталонной модели национального механизма «единого окна», а в дальнейшем его внедрение и оптимизация. В 2017-2018 годах планируется переход к электронному документообороту, унификации взаимодействия заинтересованных лиц и государственных органов в рамках национальных механизмов «единого окна», улучшению процедур межведомственного взаимодействия, а также оптимизации и реализации общих процессов в рамках ЕАЭС. В 2019-2020 годах планируется усовершенствовать достигнутые результаты, подготовить итоговый отчет по проделанной работе, а также активно популяризировать механизм «единого окна» посредством работы со средствами массовой информации, а также организацией открытых дискуссий, семинаров и конференций.

На данный момент итоги по выполнению сетевого графика позволяют сделать вывод о том, что работа по реализации механизма «единого окна» осуществляется с опозданием от установленных дат. Страны-участницы ЕАЭС находятся на втором этапе внедрения информационных систем, при этом третий и четвертый этап находится на стадии разработки.

Необходимо также отметить, что в 2017 году ЕЭК исследовала состояние механизма «единого окна» в странах-членах ЕАЭС. Оценивались такие факторы, как наличие единого информационного портала, реализация принципа «одна остановка», применение электронного таможенного декларирования, подача в электронном виде документов, выдача электронных разрешительных документов, оплата таможенных платежей и сборов за оказание услуг в электронном виде, межведомственное информационное взаимодействие, межведомственные системы управления рисками, интегрированный контроль на границе и комплексное управление границей.

Экспертный анализ показал, что средний уровень реализации механизма «единого окна» в государствах-членах ЕАЭС составляет 54,7%.

Препятствий для внедрения механизма много и эти проблемы являются общими для всех стран-участниц ЕАЭС [4].

Первая проблема заключается в отсутствии единого видения сферы охвата механизма «единого окна», понимания целей и задач проекта всеми странами-участницами ЕАЭС. «Происходит смещение акцента на развитие локальных проектов для отдельных государственных органов, а не на создание комплексного национального механизма «единого окна», – указывается в презентации итогов исследования [4].

Далее ЕЭК отмечает пассивность некоторых государственных органов и уполномоченных организаций, занимающихся разработкой механизма «единого окна». До сих пор сохраняется приоритет использования бумажных документов в процессе совершения таможенных операций, а законодательством стран-участниц ЕАЭС не предусмотрено использование исключительно электронных документов, что тормозит развитие механизма.

Негативное влияние оказывает и отсутствие комплексных подходов по проведению бизнес-процессов в государственных органах с учетом реализации механизма «единого окна» и различный уровень автоматизации деятельности государственных органов и готовности к переходу на безбумажный документооборот. В некоторых случаях просто нет необходимых информационных систем.

ЕЭК обратила внимание и на то, что у государств-членов ЕАЭС отсутствует полнофункциональный информационный портал национального механизма «единого окна» и межведомственное взаимодействие, а разработанные электронные сервисы не связаны между собой. Финансирование проекта также не осуществляется на должном уровне.

Принимая во внимание большое количество препятствий для реализации механизма, 26-го мая 2017 года в пресс-службе ЕЭК сообщили об активизации работы по внедрению «единого окна» в странах-участницах ЕАЭС.

Так, 30 апреля 2019 г. Евразийский межправительственный совет утвердил Описание эталонной модели национального механизма «единого окна» в системе регулирования ВЭД. Данное описание содержит базовые принципы создания и функционирования национального механизма «единого окна», описание функций, архитектуры эталонной модели, перечня государственных услуг и процедур, охватываемых этой моделью, с учетом наднационального сегмента, в целях их применения при разработке или доработке концепций развития национальных механизмов «единого окна» и реализации этих механизмов в странах-участницах ЕАЭС [5].

Важно подчеркнуть, что ежегодно принимаются детализированные планы с учетом результатов выполнения предыдущих планов и с детальным пояснением по реализации определенных этапов на нынешний год.

Решением Совета Евразийской экономической комиссии от 16 марта 2020 г. № 24 был принят детализированный план на 2020 год по выполнению плана мероприятий по реализации основных направлений развития механизма «единого окна» в системе регулирования ВЭД [6].

Детализированный план на 2020 год предусматривает:

- 1) доработку концепций развития национальных механизмов «единого окна»;
- 2) анализ оборота данных и формирование матрицы данных о ВЭД с целью реализации эталонной модели национального механизма «единого окна»;
- 3) совершенствование и исполнение подходов по оптимизации бизнес-процессов;
- 4) подготовку концепции формирования цифровой таможни;
- 5) оптимизацию и реализацию общих процессов, задействованных в обеспечении функционирования национальных механизмов «единого окна»;
- 6) иные мероприятия.

Итоговой целью реализации плана является формирование технических и организационно-правовых основ для сближения и развития национальных механизмов «единого окна», а также обеспечение их взаимодействия и совместимости.

Из вышесказанного можно сделать вывод о том, что говорить о создании «единого окна» в рамках ЕАЭС пока еще преждевременно. На наш взгляд, в первую очередь необходимо добиться создания механизма «единого окна» на высоком уровне во всех государствах-членах ЕАЭС, а также обеспечить обмен информацией между «едиными окнами» всех государств-членов ЕАЭС, то есть добиться функционирования в полном объеме пяти «единых окон». Только после этого можно говорить о создании единой платформы для функционирования «единого окна» в ЕАЭС.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Международная Рекомендация № 33 ЕЭК ООН: «Рекомендация и руководящие принципы по созданию механизма «единого окна» для улучшения эффективного обмена информацией между торговыми организациями и государственными органами» [Электронный ресурс]. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/dmi/inftech/docs_pr/conf/Documents/Rec33_2005%20.pdf (дата обращения: 08.01.2021).

2. Решение Высшего Евразийского экономического совета от 29 мая 2014 года № 68 «Об Основных направлениях развития механизма «единого окна» [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163746/ (дата обращения: 10.01.2021).
3. Решение Высшего Евразийского экономического совета от 8 мая 2015 года № 19 «О плане мероприятий по реализации Основных направлений развития механизма «единого окна» в системе регулирования внешнеэкономической деятельности» [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37712/ (дата обращения: 11.01.2021).
4. Результаты проведенного Евразийской экономической комиссией тематического исследования «О реализации механизма «единого окна» в системе регулирования внешнеэкономической деятельности» // Сайт Евразийской экономической комиссии [Электронный ресурс]. URL: www.eurasiancommission.org/ru/act/tam_sotr/SiteAssets/16_10_2014_results.pdf (дата обращения: 14.01.2021).
5. Решение Евразийского межправительственного совета от 30 апреля 2019 года № 6 «Об Описании эталонной модели национального механизма «единого окна» в системе регулирования внешнеэкономической деятельности» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.alta.ru/tamdoc/19ms0006/> (дата обращения: 15.01.2021).
6. Решение Совета Евразийской экономической комиссии от 16 марта 2020 года № 24 «О детализированном плане на 2020 год по выполнению плана мероприятий по реализации Основных направлений развития механизма «единого окна» в системе регулирования внешнеэкономической деятельности» [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_349845/92d3e3d03094ed76da5c15fa72b687f1cebd5931/ (дата обращения: 17.01.2021).

МИРОВОЙ ОПЫТ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ТРАНСПОРТНО-ЛОГИСТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ

М. И. Матейко

*Белорусский государственный университет,
ул. Ленинградская, 20, 220030, г. Минск, Беларусь, margarita_pm@mail.ru*

Анализ основных тенденций в сфере транспорта и логистики приводит к выявлению и осознанию признаков уже наступившего нового этапа технологических изменений. Происходящие в настоящее время глобальные процессы ставят перед мировой общественностью новые задачи определения сущности цифровой трансформации, ее значения для повышения эффективности международных цепей поставок. Вместе с тем, необходимость выработки приоритетов и целевых ориентиров в развитии транспортно-логистической системы не только Республики Беларусь, но и Евразийского экономического пространства в целом, требует оперативного изучения и анализа существующего мирового опыта внедрения цифровых средств. В данной статье определен понятийный аппарат цифровой трансформации логистической отрасли, проведен сравнительный анализ уровня развития цифровой экономики в клю-

чевых регионах мира, более подробно рассмотрен опыт цифровых преобразований Европейского союза как эталонного примера регионального интеграционного объединения.

Ключевые слова: цифровая трансформация; Международный индекс цифровой экономики и общества; нормативно-правовая база; цифровые инициативы; межгосударственное сотрудничество.

В XXI в. цифровизация является глобальным трендом, затрагивающим все сферы деятельности человека. Новые технологии, которые активно появляются в мировом масштабе, способствуют развитию международной логистики и повышению конкурентоспособности каждого государства. Вместе с тем, в условиях интеграции интеллектуальных, информационно-коммуникационных и других технологических средств с реальными процессами движения товарных и иных потоков, теоретическое осмысление сущности цифровой трансформации транспортно-логистических процессов по-прежнему остается относительно новой и комплексной научной проблемой.

Основная задача логистики заключается в планировании, организации и последующей координации движения материальных потоков и вспомогательных действий, связанных с таким перемещением. Нужный товар надлежащего качества и количества доставляется потребителю в желаемое время и место с минимальными затратами. С течением времени из-за растущей конкуренции содержание логистических услуг перешло от довольно упрощенных и фрагментарных операций, связанных с транспортировкой, хранением товаров и оформлением документов, к необходимости полной интеграции цепи поставок в глобальной сети. Это стало стимулом к переходу на новый этап структурных изменений, характеризующийся интеграцией в единое информационное пространство всех ее элементов. Таким образом, цифровая трансформация логистики представляет собой оптимизацию управления материальными, финансовыми, информационными потоками на основе применения современных информационных технологий.

В условиях глобализации экономических процессов, заслуживают внимания подходы развитых стран к осуществлению цифровой трансформации. По результатам научного исследования Европейской комиссии, опубликованного в 2018 г., был разработан Международный индекс цифровой экономики и общества (The International Digital Economy and Society Index, I-DESI), который оценивает уровень развития цифровых технологий в 45 ведущих странах. На рисунке 1 представлены показатели Индекса в ключевых регионах мира [1]. В глобальном рейтинге лидируют страны Европейского союза (отмечены диагональным штрихом), отдельные восточноазиатские страны (Южная Корея, Япония), Норвегия

и США. Их высокие показатели являются результатом политического стимулирования внедрения новых технологий, международного сотрудничества, повышения степени цифрового доверия общества, а также сокращения разрыва в уровне доступа к широкополосной сети. В то же время, с целью поиска возможных стратегических решений для формирования концепции цифровой транспортно-логистической системы не только Республики Беларусь, но и Евразийского экономического пространства в целом, считаем целесообразным более подробно рассмотреть эталонный уровень развития цифровой экосистемы Европейского союза (далее – ЕС).

Европейские страны занимают лидирующие позиции в осуществлении цифровой трансформации транспорта и логистики за счет достижения высоких результатов по следующим направлениям: определение нормативно-правовой базы для осуществления цифровой трансформации; практические действия по разработке и применению технологий; создание дискуссионного пространства для обмена опытом и мнениями и реализация международных инициатив (см. рисунок 1).

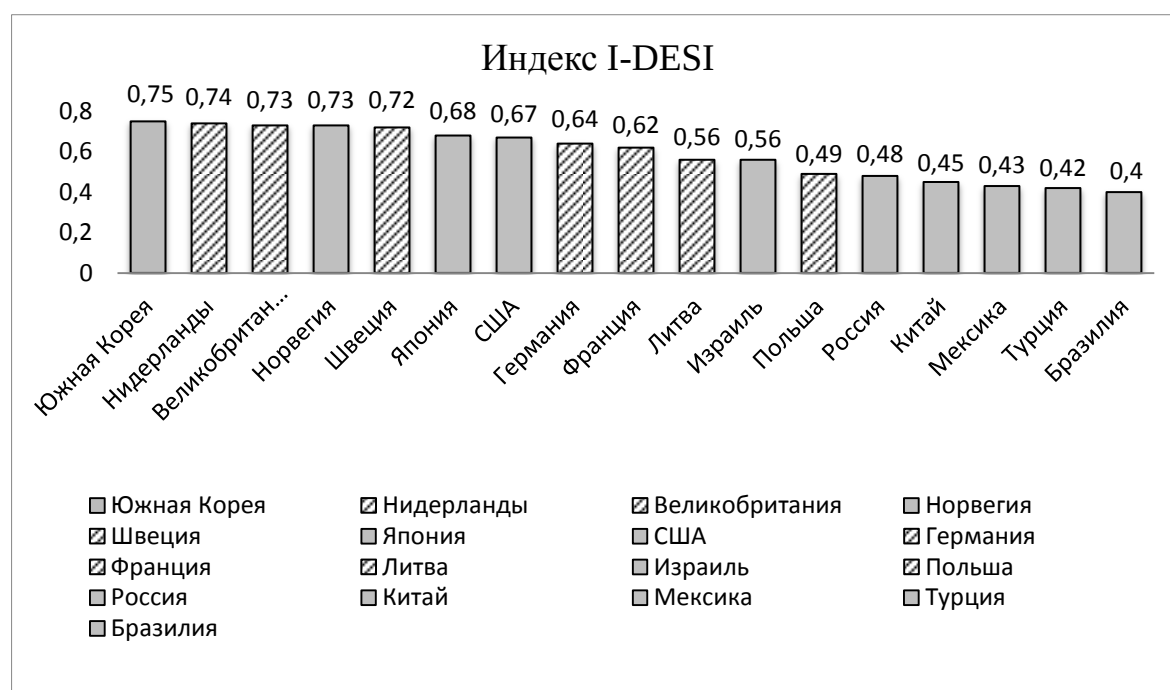

Рис. 1. – Показатели Международного индекса цифровой экономики и общества в ключевых странах регионов мира, (баллов)

Примечание – Источник: разработка Матейко М.И. на основании [1]

Для формирования институциональной среды, способствующей масштабному внедрению инноваций, Европейским союзом был принят ряд нормативных правовых документов, регламентирующих развитие цифровой экосистемы транспорта и логистики (см. таблицу 1) [2].

**Основные нормативные правовые акты, регламентирующие развитие
цифровой экосистемы транспорта и логистики ЕС**

Нормативно-правовая база

• Решение Парламента и Совета ЕС № 70/2008 (Порядок создания электронных таможенных систем) • Решение № 952/2013 (Общий принцип безбумажного осуществления таможенных операций) • Регламент № 910/2014 (Порядок взаимного признания всеми странами Союза инструментов идентификации) • Регламент № 1294/2013 (План мероприятий для таможенных органов на период 2014–2020 гг.) • Директива № 31/2000 (Принцип равной действительности электронного контракта и контракта в бумажном виде) • Директива № 55/2014 (Утверждение единого стандарта электронных счетов-фактур eInvoicing)

Примечание – Источник: систематизация на основании источника [2]

Таким образом, можно утверждать о понимании европейским сообществом необходимости внедрения технологических средств в торговые и логистические процессы. Следует признать, что все акты законодательства, принятые на уровне Союза, были внедрены в национальные правовые системы каждого государства-члена, более того, с целью имплементации документов, были своевременно разработаны соответствующие цифровые инициативы, которые на сегодняшний день активно реализуются государственным и частным сектором (см. таблицу 2) [3].

Основные цифровых инициативы, реализуемые в странах Европейского союза**Цифровые информационные платформы**

- Европейская информационная система таможенных органов (CIS)
- Система обработки разрешительных документов (TRACES)
- Новая компьютеризированная транзитная система (NCTS)
- База данных уполномоченных экономических операторов (EORI)
- База данных иностранных импортеров (REX)
- Система выдачи и обработки электронных сертификатов происхождения (eCO)
- Системы лицензирования экспорта (SPIRE)
- Система лицензирования импорта (SIGL)

Цифровая транспортная инфраструктура

- Модуль дистанционного управления подвижным составом (ERTMS)
- Проект развития автомагистральных поездов (SARTRE)
- Европейская служба электронной оплаты дорог (EETS)
- Электронная система грузовых железнодорожных перевозок (TAF)
- Проект единого воздушного пространства (SESAR)

Примечание – Источник: систематизация на основании источника [3]

В рамках цифровой трансформации транспортно-логистической отрасли одним из ключевых направлений является создание единой независимой площадки для обмена опытом и обсуждения текущих вопросов. 9 апреля 2015 г. Комиссия ЕС приняла Решение № 2259 о создании Форума цифрового транспорта и логистики [4], который объединил государственные органы и заинтересованные организации, компетентные в вопросах развития данной отрасли. Можно предположить, что работа дискуссионной площадки такого формата внесет значительный вклад в совершенствование политики стран Европейского союза в области технологических изменений.

Одним из основных направлений деятельности Форума цифрового транспорта и логистики является разработка концепции Международного цифрового транспортного коридора [5]. Ее главными преимуществами являются предоставление всем заинтересованным лицам данных о статусе и местонахождении грузов без территориальных или правовых ограничений, а также возможность формирования электронных транспортных документов при мультимодальных перевозках, что, вероятно, в перспективе будет способствовать развитию международного транс-

портного сотрудничества, ускорению движения грузов и упрощению обработки документов.

Таким образом, на основании проведенного исследования следует отметить, что сущность цифровых преобразований заключается в оптимизации управления материальными, финансовыми и информационными потоками путем внедрения современных технологий. Мировая практика использования новых технологий – это, с одной стороны, глобальный вызов для развивающихся экономик, с другой стороны, экономический стимул для внедрения инноваций.

Анализ опыта стран Европейского союза в части внедрения технологических средств позволил сделать следующий вывод. Высокий уровень цифровой трансформации транспортно-логистической сферы доказывает эффективность существующих в рамках объединения институтов сотрудничества. Нормативные правовые акты, принятые на наднациональном уровне, имеют обязательный характер и регулируют весь базовый инструментарий для использования технологий. Большое количество реализованных проектов свидетельствует о том, что идеи цифровой трансформации широко поддерживаются не только парламентариями и политическими партиями, но и общественными организациями, субъектами внешнеэкономической деятельности.

Опыт стран ЕС также доказывает, что региональная интеграция может способствовать достижению и поддержанию высокого уровня технологического развития транспортно-логистической системы. Неизбежные противоречия между отдельными странами или сообществами преодолеваются благодаря активному диалогу и нацеленности на достижение компромисса. В то же время отставание от Соединенных Штатов Америки и Японии по уровню развития информационно-коммуникационных технологий может быть оправдано с точки зрения различного исторического прошлого и менталитета наций, относительно недостаточного финансирования, ограниченного участия бизнеса в исследованиях и разработках, небольшого количества компетентных специалистов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Foley P., Sutton D., Wiseman I. International Digital Economy and Society Index // European Union. 2018. 78 p.
2. Official Journal of the European Union [Electronic resource] / EUR-Lex. Mode of access: <https://eur-lex.europa.eu>. Date of access: 16.03.2020.
3. European Commission Website [Electronic resource] / European Commission. Mode of access: <https://ec.europa.eu>. Date of access: 17.03.2020.
4. Digital Transport and Logistics Forum Website [Electronic resource] / Digital Transport and Logistics Forum. Mode of access: <https://www.dtlf.eu>. Date of access: 18.03.2020.

5. Digitalisation of Transport and Logistics and the Digital Transport and Logistics Forum [Electronic resource] / European Commission. Mode of access: https://ec.europa.eu/transport/themes/logistics-and-multimodal-transport/digitalisation-transport-and-logistics-and-digital-transport-and_en. Date of access: 18.03.2020.

АСПЕКТЫ ФОРМИРОВАНИЯ ОБЩЕГО ФИНАНСОВОГО РЫНКА ЕАЭС

Д. А. Нестерчук, Л. И. Тарарышкина

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, dasha.nesterchuk.99@gmail.com*

Развитие общего финансового рынка - одно из важнейших направлений интеграционного взаимодействия государств-членов ЕАЭС. Оно позволяет повысить эффективность распределения капитала, минимизировать риски, устранить барьеры для взаимного допуска и повысить конкуренцию на финансовом рынке. Основными целями и задачами является гармонизация национального законодательства на пути к единому рынку финансовых услуг. Создание общей финансовой системы может стать мощным толчком для экономического развития стран-участниц. Финансовые и экономические интересы государств-членов ЕАЭС не всегда совпадают по ряду причин. Например, отсутствие финансовых институтов, необходимых для обеспечения интеграции национальных экономик и финансовых систем. Этот вопрос требует нестандартных решений, новейших подходов к развитию финансовой системы Единого экономического пространства ЕАЭС.

Ключевые слова: Евразийский экономический союз; капитал; финансовый рынок.

ASPECTS OF THE FORMATION OF THE COMMON FINANCIAL MARKET OF THE EAEU

D.A Nesterchuk ¹⁾, L.I. Tararyshkina ²⁾

¹⁾ *Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus,*

²⁾ *Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus,
tararyshkina@rambler.ru*

The development of a common financial market is one of the most important types of integration interaction between the EAEU member states. It makes it possible to increase the efficiency of capital allocation, minimize risks, remove barriers to mutual admission, and increase competition in the financial market. The main goals and objectives are the harmonization of national legislation on the way to the single market of financial services. The creation of a common financial system can become a powerful impetus for the economic development of the participating countries. The financial and economic interests of the EAEU member states do not always coincide for a number of reasons. For example, the

lack of financial institutions required to integrate national economies and financial systems. This issue requires non-standard solutions, the latest approaches to the development of the financial system of the EAEU Common Economic Space.

Key words: Eurasian Economic Union; capital; financial market.

Одной из важных составляющих экономической интеграции в рамках Евразийского экономического союза (далее-ЕАЭС, Союз) является финансовая интеграция. Традиционно финансовая интеграция рассматривается как одна из завершающих стадий интеграционного процесса.

Базовые положения о создании общего финансового рынка заложены в Договоре о Евразийском экономическом союзе. Содержащийся в документе Протокол по финансовым услугам определяет направления, порядок, меры и сроки гармонизации национальных законодательств государств-членов ЕАЭС в секторах банковского и страхового рынков, а также секторе ценных бумаг (фондовом) на период до 1 января 2025 г. [1].

Важным аспектом интеграции государств-членов ЕАЭС является единый финансовый рынок, основными целями и задачами которого является гармонизация национального законодательства на пути к единому рынку финансовых услуг. Немаловажным фактором является создание нормативной базы, а также взаимное признание лицензий. Координация курсовой политики играет важную роль в обеспечении конкурентоспособности товаров, работ, услуг на общем рынке. После завершения гармонизации законодательства регулируемого банковского рынка, а также рынка ценных бумаг начнется формирование единого финансового рынка. Планируется:

- гармонизация нормативных и надзорных требований на финансовых рынках государств-членов;
- взаимное признание лицензий в сфере банковских услуг, страхования и услуг по ценным бумагам, выданных государством-членом в других странах Союза [2, с.83].

Особое внимание следует обратить на существенные различия в уровне развития экономик и финансовых рынков разных стран, включая их разные сегменты (банковский сектор, страховой рынок и рынок ценных бумаг).

Важно отметить, что основными критериями эффективности усиления банковского и страхового сегментов рынка, рынка ценных бумаг является степень направленности налогово-бюджетной политики на стимулирование экономического роста. Ввиду постановки этой цели в сторону доминирующего развития рынка банковских услуг в странах ЕАЭС, прежде всего, необходимо консолидировать банковский сектор,

повысить финансовую устойчивость и его роль в экономике за счет увеличения активов, а во-вторых, активизировать меры по плавному развитию всех сегментов финансового рынка за счет повышения роли рынков ценных бумаг и страхования в реальном секторе экономики и их доли на рынке. При этом следует иметь в виду, что основной предпосылкой создания финансового рынка стран ЕАЭС является развитие экономического потенциала в государствах-членах Союза [3].

Следующие направления должны стать важными для финансового сотрудничества:

- В целях устранения негативного влияния девальвации валют государств-членов ЕАЭС на интеграционное сотрудничество необходимо установить среди стран-участниц ЕАЭС коллективные механизмы для сглаживания чрезмерных колебаний обменного курса национальных валют. Необходимость гармонизации подходов к координации валютной политики очевидна с точки зрения интеграционного сотрудничества ЕАЭС.
- Необходимо ускорить устранение административных и иных препятствий для трансграничного перемещения товаров, услуг и других факторов производства в рамках таможенного союза.
- Повышение ликвидности и активизация функционирования интегрированного валютного рынка национальных валют стран - членов ЕАЭС.
- Создание централизованной платежно-расчетной системы в национальных валютах государств-членов ЕАЭС, возможно, на базе Межгосударственного банка СНГ, используя расчетный механизм сбора и перераспределения импортных пошлин между бюджетами государств-членов ЕАЭС [2, с. 93-95].

В области государственных финансов следует установить общий бюджет ЕАЭС (по аналогии с Европейским союзом) для модернизации определенных секторов экономики и устранения региональных и структурных дисбалансов. Для этих целей может быть использован общий финансовый механизм накопления и перераспределения импортных пошлин, действующий в таможенном союзе с сентября 2010 года. В целом представляется разумным углубление и переход на качественно новый уровень с целью активизации мер по устранению оставшихся административных и других препятствий на пути трансграничного перемещения факторов производства. Необходимо создать условия для свободного доступа друг к другу на валютные и финансовые рынки и обеспечить последовательную реализацию положений Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г. (далее-Договор о ЕАЭС), направ-

ленных на координацию и гармонизацию денежно-кредитной и финансовой политики государств-членов Союза [4].

Для формирования общего финансового рынка необходимо гармонизировать национальные законодательства в сфере финансов, а также создать единые процедуры надзора за деятельностью участников финансового рынка для обеспечения конкурентоспособности товаров, работ и услуг.

Ожидаемые результаты формирования единого финансового рынка:

- создание предсказуемых благоприятных условий для деятельности на финансовых рынках государств-членов ЕАЭС и защита прав потребителей финансовых услуг;
- снижение административных барьеров и затрат;
- стимулирование развития конкуренции;
- повышение доступности услуг для населения;
- повышение инвестиционной привлекательности государств - членов ЕАЭС с последующим увеличением доходов бизнеса и отчислениями в соответствии с бюджетом;
- взаимное признание разрешений на деятельность в определенных секторах финансового рынка;
- свободное движение капитала внутри ЕАЭС на основе снятия барьеров;
- устранение к 2025 году ограничений доступа на рынок, установленных в специальном национальном перечне финансовых услуг, прилагаемом к Договору о ЕАЭС, в том числе осуществление деятельности без учреждения на территории государства – участника ЕАЭС в форме юридического лица (поставка услуг через филиал, представительство, трансграничная поставка услуг) [2, с. 93-95].
- создание в 2025 году наднационального органа по регулированию финансового рынка с учетом завершения сторонами процесса его гармонизации.

В настоящее время интеграционное взаимодействие происходит при непосредственном участии Евразийской экономической комиссии. В рамках Евразийской экономической комиссии созданы специальные рабочие группы (по валютному регулированию и контролю, гармонизации законодательства) [5].

На наднациональные органы возложены следующие основные функции:

- Регулирование и анализ финансовых рынков.
- Обеспечение финансовой стабильности.
- Предотвращение недобросовестной конкуренции на финансовых рынках.

- Представление интересов государств-членов ЕАЭС на международной арене.
- Ведение единого информационного реестра субъектов общего финансового рынка.
- Лицензирование наднациональных инфраструктурных и иных финансовых институтов и др. [6].

Именно проведение работы по унификации национального законодательства и сопоставимости макроэкономических индикаторов необходимо для стабильности и устойчивости функционирования ЕАЭС.

Таким образом, результатом создания общего финансового рынка в ЕАЭС является повышение доступности, качества и выбора финансовых услуг для компаний и граждан, повышение эффективности финансового сектора в странах и развитие рынка. В настоящее время формирование единого финансового рынка ЕАЭС ограничивается следующими факторами:

- 1) относительно низкий экономический потенциал государств-членов ЕАЭС из-за недостаточного уровня развития и конкурентоспособности их экономик;
- 2) отсутствие развития единого экономического пространства, наличие факторов, препятствующих свободному перемещению факторов производства, в том числе валютные ограничения;
- 3) существенная дифференциация уровней развития экономик стран и финансовых рынков ЕАЭС, их структурная неоднородность, различия, практика регулирования и надзора в правовом регулировании экономической деятельности [7].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Концепция формирования общего финансового рынка утверждена в ЕАЭС [Электронный ресурс]. URL: <https://mail.kz/ru/news/economic/koncepciya-formirovaniya-obshchego-finansovogo-rynka-utverzhdена-v-eaes> (дата обращения: 20.01.2021).
2. Тенденции и перспективы развития Евразийского экономического союза в контексте опыта европейской интеграции [Электронный ресурс]. URL: http://elib.fa.ru/fbook/krasavina_1746.pdf/download/krasavina_1746.pdf (дата обращения: 20.01.2021).
3. Общий финансовый рынок [Электронный ресурс]. URL: https://cbr.ru/Content/Document/File/72918/q_1.pdf (дата обращения: 20.01.2021).
4. Наднациональный орган по регулированию финансового рынка: оценка будущей роли и функций [Электронный ресурс]. URL: <https://economics.studio/finansistam/nadnatsionalnyi-organ-regulirovaniyu-90065.html> (дата обращения: 20.01.2021).

5. Общий финансовый рынок в ЕАЭС: шаги к цели [Электронный ресурс]. URL: <https://www.finversia.ru/publication/ocenka/obshchii-finansovyi-rynok-v-eaes-shagi-k-tseli-16798> (дата доступа: 20.01.2021).

6. Тенденции и перспективы развития Евразийского экономического союза в контексте опыта европейской интеграции [Электронный ресурс]. URL: http://elib.fu.ru/fbook/krasavina_1746.pdf/download/krasavina_1746.pdf (дата обращения: 20.01.2021).

7. Тенденции и перспективы формирования общего финансового рынка ЕАЭС [Электронный ресурс]. URL: https://ecsn.ru/files/pdf/201901/201901_109.pdf (дата доступа: 20.01.2021).

ПРОБЛЕМА ОЦЕНКИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ЭФФЕКТА ПРИ ФОРМИРОВАНИИ ЦИФРОВОГО ПРОСТРАНСТВА ЕАЭС

А.В.Шиманская

*Минская региональная таможня,
ул.Могилёвская 43, 220007, г. Минск, Беларусь, e-mail: a.v.shimanskaya@gmail.com*

Исследуется проблема оценки экономического эффекта при формировании цифрового пространства ЕАЭС. Отмечены различия в подходе к оценке развития цифровых экономик в странах-участницах ЕАЭС, необходимость унификации статистических показателей в этой области. Выделены некоторые показатели, имеющие значение для оценки экономического эффекта от развития цифровой экономики. Подчёркнута необходимость ставить конкретные целевые показатели при реализации цифровых проектов в ЕАЭС. Предложено оценивать достижения стран-участниц ЕАЭС в развитии цифровых экономик через мировые рейтинги, используя различные индексы, отражающие цифровую трансформацию экономики.

Ключевые слова: экономический эффект; цифровая экономика; ЕАЭС; статистические показатели; цифровые проекты; цифровое пространство.

THE PROBLEM OF ASSESSING THE ECONOMIC EFFECT OF THE FORMATION OF THE EAEU DIGITAL SPACE

A.V.Shimanskaya

Minsk regional Customs, Mogilyovskaya St. 43, 220007, Minsk, Belarus

The problem of assessing the economic effect in the formation of the digital space of EAEU is researched. Differences in the approach to the assessment of the development of digital economies in the EAEU member states and the need to unify statistical indicators in this area are noted. Some indicators that are important for assessing the economic effect of the development of the digital economy are highlighted. The need to set specific targets for the implementation of digital projects in EAEU is emphasized. It is proposed to evaluate

the achievements of the EAEU member states in the development of digital economies through world rankings, using various indices reflecting the digital transformation of the economy.

Key words: economic effect; digital economy; EAEU; statistical indicators; digital projects; digital space.

Странами-участницами ЕАЭС поставлена задача по созданию цифрового пространства. И здесь особую актуальность представляет определение экономического эффекта от цифровых преобразований в странах-участницах интеграционного сообщества. На сегодняшний день эта задача до конца не решена, поэтому хотелось бы обратить внимание на несколько ключевых моментов данной проблемы.

Первый аспект, на котором следует остановиться, это то, что на данном этапе мы находимся в фазе разработки системы статистических показателей цифровой экономики государств-членов Евразийского экономического союза. При этом если обратиться к статистическим данным стран-участниц ЕАЭС в области развития цифровой экономики, то можно отметить несколько моментов:

- различие в наборе показателей,
- у некоторых стран очень мало данных по развитию цифровой экономики,
- показатели развития цифровой экономики не гармонизированы.

Что касается последнего пункта, то для целей создания общей картины формирования цифрового пространства необходима не просто гармонизация, но унификация тех ключевых позиций, которые должны быть охвачены статистическим учётом в целях определения эффекта от развития цифровых экономик стран-участниц ЕАЭС и всего интеграционного объединения в целом.

В 2018-2019 гг. проведена НИР с целью разработки научно-обоснованных рекомендаций по формированию показателей цифровой экономики государств-членов ЕАЭС на основе международных стандартов для обеспечения их сопоставимости и получения интегральных показателей по Союзу. Некоторыми итогами стали:

- обобщение результатов анализа международной практики статистического измерения цифровой экономики (Великобритания, Сингапур, МСЭ, АСЕАН, ООН, ОЭСР, Евростат);
- обобщение результатов сравнительного анализа метаданных по показателям цифровой экономики государств-членов ЕАЭС.
- подготовка предложений по системе сопоставимых показателей цифровой экономики государств-членов ЕАЭС, методике их расчета и организационной схеме сбора данных;

- оценка готовности статистических систем государств – членов ЕАЭС измерять показатели, необходимые для оценки уровня достижения целей цифровой повестки ЕЭК;

- подготовка рекомендаций по унификации методологических подходов к формированию показателей развития цифровой экономики в государствах-членах ЕАЭС в соответствии с международными стандартами;

- экспериментальные расчеты по пилотным показателям цифровой экономики в государствах – членах ЕАЭС, а также по показателям интеграционной цифровой повестки;

- подготовка предложений по актуализации Перечня статистических показателей официальной статистической информации, предоставляемой ЕЭК уполномоченными органами государств-членов ЕАЭС, и Справочника по перечню статистических показателей [1].

И здесь хотелось бы перейти ко второму аспекту в проблеме оценки экономического эффекта при формировании цифрового пространства ЕАЭС. На наш взгляд, необходимо расширить привычный нам ряд статистических показателей. В эпоху развития цифровых технологий появляются новые показатели цифровой трансформации.

Первое направление для оценки процессов цифровой трансформации является исследование влияния цифровых потоков данных и информации. На сегодняшний день в исследованиях нет конкретных показателей, которые бы измеряли влияние трансграничных потоков данных на ВВП. В большинстве случаев дается оценка влияния роста распространения Интернета на ВВП. Так, в исследовании института McKinsey о цифровой глобализации приводятся данные о том, что увеличение распространения Интернета на 10 % косвенно приводит к увеличению экономического роста на 0,17 %, а десятипроцентное увеличение потоков данных относительно мирового населения увеличивает ВВП на 0,2 %. Увеличение мирового ВВП минимум на 10 % за последнее десятилетие оценивается за счёт транснациональных цифровых потоков на 10 % (в 2014 г. - 7,8 трлн долл. США). При этом за счёт потоков данных ВВП увеличился на 2,8 трлн долл. США. Только потоки данных напрямую увеличили мировой ВВП на 3 %. Кроме того, они также обеспечивают торговые потоки, прямые иностранные инвестиции и даже потоки людей. Если учесть, как прямое, так и косвенное влияние потоков данных, то можно отметить, что они оказывают еще большее влияние на мировой ВВП, чем физические торговые потоки. Трансграничные потоки данных, имеющие важное значение для международной торговли, составляют значительную часть трафика данных, составляющего около 16-25% трафика данных в США и 13-16% трафика данных в Европе. Пред-

полагается, что трансграничные потоки данных вырастут с увеличением использования облачных вычислений [2].

Ещё одно направление, которое часто рассматривается в исследованиях это экономический эффект от участия в глобальных цифровых платформах. Даже самые маленькие предприятия могут изначально стать глобальными: как показало исследование McKinsey 86% IT-стартапов, имеют внешнеэкономические связи. Возможность малого бизнеса выходить на международные рынки стимулирует экономический рост во всем мире [4]. Согласно исследованию консалтинговой компании Accenture, компании, которые разбираются в цифровой трансформации, получают на 26% больше прибыли, чем другие.

Рассматривая вопрос о развитии цифровых платформ, следует отметить, что сегодня так или иначе почти каждая торговая сделка реализуется с помощью цифровой связи и цифровых платформ, вместе с этим активно развивается и электронная торговля. Влияние рынков электронной коммерции на международную торговлю значительно и продолжает расти. В 2016 г. около 16% сделок электронной коммерции B2C являлись трансграничными, и эта доля продолжает расти. Трансграничная электронная коммерция B2B еще больше. Совокупный объем трансграничной электронной торговли в 2015 г. составил около 2,2 трлн долл. США, что эквивалентно примерно 12% от общемировой торговли товарами. В то время как рост торговли товарами в целом стабилизировался, доля электронной коммерции растет [3]. Продажи электронной торговли в 2015 г. составили 25,3 трлн долл. США, 90 % из них были в секторе B2B и 10 % - в секторе B2C. ЮНКТАД, в 2015 г. оценил трансграничную B2C торговлю в 189 млрд долл. США, это 7 % от общей электронной торговли B2C.

И здесь хотелось бы отметить, что область оценки электронной торговли сегодня вызывает особый интерес у стран ЕАЭС. В конце 2019г. был организован региональный семинар «Статистика международной торговли товарами: предваряя завтра» для государств-членов Евразийского экономического союза и других заинтересованных стран Центральной Азии и Восточной Европы. Одна из сессий была посвящена измерению трансграничной электронной торговли. Рассматривались такие вопросы как, последние разработки статистического отдела ООН в области концептуальной основы цифровой торговли, система стандартов ВТамО по измерению трансграничной электронной торговли, альтернативные источники данных о трансграничной электронной торговле (ЕЭК) и др.

Естественным образом процесс цифровой трансформации экономики связан с развитием сферы ИКТ и доступности глобальной сети Ин-

тернет. В докладе ЮНКТАД «Информационная экономика: цифровизация, торговля и развитие» 2017 г., отмечается что глобальное производство товаров и услуг в области ИКТ составляет около 6,5 % от ВВП в мире, примерно 100 миллионов человек заняты в секторе услуг ИКТ. С 2010 по 2015 гг. экспорт услуг ИКТ увеличился на 40%.

Таким образом, сектор ИКТ занимает довольно скромную долю всей экономики: около 6 % от ВВП в странах-членах ОЭСР и значительно меньше в развивающихся странах.

По состоянию на конец 2015 г. в мире около 3,2 млрд человек, что составляет 43,4 % населения земного шара, являлись пользователями Интернета. В конце 2015 г. 57 % населения мира, или 4 млрд людей, оставались в автономном режиме, и только 15 % имели доступ к широкополосной связи. Эконометрический анализ исследования McKinsey показывает, что страны с более высоким уровнем использования сети Интернет получают на 25% больше выгоды от трансграничных потоков данных, чем страны с ограниченным уровнем использования сети Интернет.

Даже при наличии широкополосного подключения в развивающихся странах, оно зачастую медленное и дорогостоящее. Тем временем установлено, что десятипроцентное увеличение использования Интернета в стране-экспортере увеличивает количество товаров, продаваемых между двумя странами, на 0,4 %.

И ещё один показатель цифровой трансформации экономики, который можно оценить – это изменения на мировом рынке труда. Цифровая экономика характеризуется созданием онлайн-платформ труда. Уже более 40 млн человек во всем мире нашли удаленную работу на Freelancer.com, Upwork и других платформах; почти 400 млн опубликовали свои резюме на LinkedIn [3].

В ЕАЭС реализуется проект по созданию унифицированной системы поиска «Работа без границ», которая позволит расширить возможность трудоустройства граждан стран-участниц ЕАЭС, окажет содействие работодателям стран-участниц в поиске персонала, ускорит процесс свободного передвижения трудовых ресурсов в рамках Союза.

Отдельно хотелось бы отметить, что реализуемые цифровые проекты ЕАЭС должны также ставить собой целью достижения определённых показателей эффективности. Например, в результате реализации проекта цифровые транспортные коридоры планируется:

- рост привлекательности международных транспортных коридоров ЕАЭС, в том числе за счет снижения сроков перевозок по международным транспортным коридорам ЕАЭС (не менее чем на 25 процентов на автотранспорте);

- обеспечение реализации транспортного транзитного потенциала государств-членов ЕАЭС, повышение доходов транспортной отрасли на 50 – 150 млрд. рос.руб. в год;
- повышение налогооблагаемой базы, рост налоговых платежей в бюджет от доходов транспортной отрасли (без учета налога на прибыль) – не менее чем на 5 млрд. рос. руб. в год;
- вхождение государств-членов ЕАЭС в ТОП-50 мировых государств по показателю Индекс эффективности логистики LPI;
- обеспечение ускорения формирования единого транспортного рынка ЕАЭС [4].

Также можно заметить, что для оценки экономического эффекта важно также обращаться к рейтингам стран-участниц ЕАЭС и самого интеграционного объединения в целом на мировой арене. Существует ряд индексов, отражающих некоторые процессы цифровой трансформации экономики, например, индекс развития информационно-коммуникационных технологий (IDI); индекс цифровой экономики и общества (DESI); индекс мировой цифровой конкурентоспособности (WDCI); индекс цифровизации экономики Boston Consulting Group (e-Intensity); индекс сетевой готовности (NRI); индекс развития электронного правительства (EGDI) и др.

Таким образом, следует подвести итог о том, что цифровые преобразования, происходящие в странах-участницах ЕАЭС, безусловно, нуждаются в оценке эффективности, поскольку сопровождаются немалыми затратами. Однако на сегодняшний день нет системы оценки развития цифровой экономики в странах-участницах ЕАЭС для того, чтобы максимально полноценно оценить ситуацию. Тем не менее, в данном направлении ведётся значительная работа на наднациональном уровне (на уровне ЕАЭС). И здесь важно максимально унифицировать подходы к оценке цифровых преобразований в странах-участницах ЕАЭС, а также использовать наиболее современные статистические показатели определения эффективности тех или иных цифровых процессов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Разработка системы статистических показателей цифровой экономики государств – членов Евразийского экономического союза [Электронный ресурс] // Евразийская экономическая комиссия. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/research/Pages/research/10.aspx (дата обращения: 19.01.2021).
2. Digital dividends [Электронный ресурс] // World Bank Group. URL: <http://documents.worldbank.org/curated/en/896971468194972881/pdf/102725-PUB-Replacement-PUBLIC.pdf> (дата обращения: 05.03.2019).
3. Digital globalization: the new era of global flows [Электронный ресурс] // McKinsey global institute URL: <https://www.mckinsey.com/~media/>

McKinsey/Business%20Functions/McKinsey%20Digital/Our%20Insights/Digital%20globalization%20The%20new%20era%20of%20global%20flows/MGI-Digital-globalization-Full-report.ashx (дата обращения: 05.03.2019).

4.Проекты [Электронный ресурс] // Цифровая повестка ЕАЭС. URL: <https://digital.eaeunion.org/extranet/digitalproject/> (дата обращения: 19.01.2021).

СЕКЦИЯ 5

МЕНЕДЖМЕНТ МАССОВЫХ СОБЫТИЙНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ

EVENT-ПЛОЩАДКА В УСЛОВИЯХ ПАНДЕМИИ: ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ (НА ПРИМЕРЕ MINSK MARRIOTT HOTEL)

Д.А. Барышникова

ООО «Фэлкон Инвестмент»,
пр-т. Победителей, 20, 220020, г. Минск, Беларусь, booffy@mail.ru

С введением режима изоляции из-за эпидемии COVID-19 организаторы мероприятий в экстренном режиме перевели свою деятельность в онлайн, чтобы остаться на плаву. Event-площадки были адаптированы под новые реалии. Появились современные интерактивные форматы проведения мероприятий. В статье проведен обзор текущего состояния бизнеса по организации и проведению мероприятий на базе одного из сетевых отелей г. Минска. Рассмотрены основные требования к ивент-площадке для эффективной организации интерактивных мероприятий.

Ключевые слова: гостиничный бизнес; организация и проведение мероприятий; онлайн мероприятия; гибридные мероприятия.

EVENT PROPERTY DURING PANDEMIC: CHALLENGES AND PERSPECTIVES (THE EXAMPLE OF MINSK MARRIOTT HOTEL)

D. Baryshnikova

Falcon Investment LTD, Pobediteley Ave, 20, 220020, Minsk, Belarus

Within the implementation of self-isolation due to the COVID-19 pandemic, event organizers have to move their activities online to stay on track. Event properties have adopted to the new realities. Modern interactive formats of online events have appeared. The article provides a brief overview of the current state of event business on the basis of one of the international chain hotels in Minsk. The main requirements for the event site for the effective organization of interactive events are considered.

Key words: hospitality industry; event organization; online events; hybrid events.

Минувший год оказал беспрецедентное воздействие на все сферы жизни общества. Коммуникации, ранее игравшие ключевую роль в построении бизнеса, уступили место социальному дистанцированию, изоляции и дигитализации процессов. Наиболее пострадали отрасли, обеспечивающие непрерывность социальных связей, а именно, встречи и живое общение между людьми. Индустрия путешествий, общественного питания и организации массовых событийных мероприятий столкнулись

с невероятной задачей – сохранить деятельность при полном отсутствия спроса.

Как известно, нельзя достичь нового результата, действуя по старому механизму. Построение рабочей системы предоставления сервиса стало возможным, только нарушив основополагающий принцип сферы услуг: неразрывность производства и потребления. В текущих условиях услуги оказываются клиенту либо частично, либо с отложенным потреблением. Так, к примеру, рестораны в большинстве европейских стран работают в режиме «на вынос», предоставляя только непосредственно готовую пищу покупателю. Однако, если рестораны производят реальный продукт, который получают клиенты на выходе, даже без предоставления обслуживания, то индустрия организации мероприятий создает саму услугу. Мероприятие, как продукт, не осязаем, не подлежит хранению и направлен на конкретного потребителя. Отсутствие аудитории лишает смысла организации самого мероприятия. Согласно выводам американского исследовательского центра выставочной индустрии (CEIR), 80% посетителей выставок и профессиональных конференций до сих пор воздерживаются от участия в очных мероприятиях, начиная с марта прошлого года [1]. Таким образом, становится очевидно, с каким поистине сложным вызовом столкнулась ивент-индустрия и как высока потребность поиска новых возможностей для проведения мероприятий.

Благодаря развитию интернет-технологий, перевод мероприятий в онлайн формат оказался настоящим спасением для всей отрасли. Ивент-организаторы отмечают наибольший спрос на виртуальные мероприятия, где акцент ставится на образовательной ценности для участника: всевозможные вебинары с привлечением большого числа спикеров различной направленности [2]. В то время, как пандемия остается важнейшим фактором, влияющим на жизнь общества в целом, онлайн мероприятия становятся ключевым способом поддержания связи с потенциальными клиентами и партнерами по бизнесу. По проведенным опросам CEIR, 88% ивент-организаторов, которые были вынуждены отменить мероприятия в 2020 г., планируют придерживаться виртуального формата и в 2021 г. Кроме того, 71% опрошенных делают высокую ставку на развитие гибридного формата мероприятий¹, предоставляя свободный выбор для участников в живом участии или он-лайн подключении к ивенту [4]. Вышеупомянутые тренды продиктованы быстроменяющейся и динамичной бизнес-средой, которая сформировалась на сегодняшний день.

¹ Гибридный формат мероприятий - комбинация очного мероприятия с реальным присутствием некоторого количества посетителей и онлайн сопровождения при заочном участии остальных посетителей посредством интернет-технологий [3].

Minsk Marriott Hotel – яркий представитель конгресс-отеля, значительную часть доходов которого приносит деятельность по организации и проведению мероприятий. В распоряжении ивент-команды находится 10 конференц-площадок различной вместимости с 20 вариантами конфигурации залов. По состоянию на конец 2020 г., 99% мероприятий, запланированных на год, было отменено либо перенесено на неопределенный срок [5]. Стоит ли говорить, насколько серьезными были масштабы недополученной прибыли по сравнению с оптимистичными прогнозами 2019 г. Встал острый вопрос о необходимости смены формата организации и проведения ивентов для поддержания жизнедеятельности предприятия. Большинство компаний, имеющих потребность в проведении мероприятий даже в условиях эпидемии, нуждалось в дополнительных технических мощностях при минимальном количестве задействованного персонала. В условиях масштабного сокращения издержек, предприятие было вынуждено выделить средства для приобретения современного оборудования для организации онлайн трансляций и телемостов. Стоит отметить, что данное решение принесло ощутимые результаты, и уже с декабря загрузка залов возросла на 20% еженедельно [5].

Среди основных требований, которыми должна обладать ивент-площадка для эффективной организации гибридных мероприятий в условиях эпидемии, можно выделить:

- Наличие залов разной вместимости. Следуя требованиям мер по предотвращению распространения COVID-19, дистанция между участниками мероприятий должна составлять не менее 1,5 – 2 м. Соответственно, чем больше участников будет очно присутствовать в зале, тем большая площадь зала необходима для проведения мероприятия. Если говорить о практическом опыте, для организации телеконференции на 70 человек был задействован самый большой зал отеля площадью около 300 м². В то время как ранее, для этих целей использовался зал среднего размера, около 100 м².

- Специальное аудио- и видеооборудование. Организация телемостов и вебинаров невозможна без современной техники, позволяющей обеспечить непрерывный аудио- и визуальный контакт участников мероприятия. Данный момент является ключевым, потому что именно он позволяет создать атмосферу реального присутствия, которая так необходима для эффективной коммуникации.

- Персональная подача блюд в кейтеринге. Кейтеринг – это комплекс услуг по организации питания во время мероприятий, независимо от места их проведения [6]. Кейтеринг гибридного мероприятия построен на индивидуальной подаче блюд каждому участнику, избегая широкого использования общей «линии» (так называемого «шведского сто-

ла») с обязательным обслуживанием официантами. Целью данного формата служит максимальное ограничение контакта с продуктами питания.

- Гибкость и индивидуальный подход. Несмотря на банальность формулировки, готовность быстро приспосабливаться к меняющимся запросам организаторов мероприятий и оперативно реагировать на поступающие изменения, зачастую является тем самым фактором, определяющим выбор в пользу той или иной площадки. В настоящее время побеждает не тот, кто детально проработал запрос заказчика, а тот, кто сделал это быстро и с учетом всех основных требований.

Подводя итог всему вышесказанному, стоит отметить, что современные форматы проведения мероприятий позволили сохранить рынок ивент-индустрии как таковой. Некоторые специалисты считают, что онлайн мероприятия – не более, чем временная замена традиционным ивентам. В то время как другие, напротив, отводят эпидемии коронавируса значительную роль в развитии онлайн ниши, которая рискует полностью вытеснить потребность в живых мероприятиях. Реальную же картину происходящего покажет только время и поведение потребителей. Однако можно смело заявить, что те условия, в которых оказался ивент-бизнес в виду пандемии, позволили выйти всей индустрии на совершенно новый уровень организации и проведения мероприятий.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. CEIR Insights on COVID-19 Impact on Exhibitions Industry. [Электронный ресурс]. URL: <https://ceirblog.wordpress.com/2020/05/03/ceir-insights-on-covid-19-impact-on-exhibitions-industry/> (дата обращения: 20.01.2021).
2. Trade Show Organizers Say the Future Is Hybrid. [Электронный ресурс]. URL: <https://ceirblog.wordpress.com/2021/01/17/trade-show-organizers-say-the-future-is-hybrid/> (дата обращения: 20.01.2021).
3. Гибридные мероприятия: 10 факторов успеха. [Электронный ресурс]. URL: <https://event.ru/trips/gibridnyie-meropriyatiya-10-faktorov-uspeha/> (дата обращения: 21.01.2021).
4. Virtual events – an essential trade show organizer tactic in a COVID-19 World. [Электронный ресурс]. URL: <https://ceirblog.wordpress.com/2021/01/31/virtual-events-an-essential-trade-show-organizer-tactic-in-a-covid-19-world/> (дата обращения: 21.01.2021).
5. Обзор результатов и бизнес-плана по итогам 2020 года Minsk Marriott Hotel// Собственные ресурсы предприятия.
6. Кейтеринг и организация выездных мероприятий. [Электронный ресурс]. URL: <https://admiral-saransk.ru/restoran/kejtering.html> (дата обращения: 21.01.2021).

АНАЛИЗ ВЕДУЩИХ КОНФЕРЕНЦ-ОТЕЛЕЙ В ЕВРОПЕЙСКОМ И АМЕРИКАНСКОМ МАКРОРЕГИОНАХ

А. С. Елисеева¹⁾, В. М. Дедок²⁾

¹⁾ *Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, nastyaeliseeva19@mail.ru*

²⁾ *Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, viktorija_dedok@yahoo.com*

Статья посвящена анализу ведущих конференц-отелей в Европейском и Американском макрорегионах, выполненному на основе группировки данных о количестве проведенных конгресс-мероприятий в мире, публикуемых в ежегодном рейтинге Международной ассоциации конференций и конгрессов (ICCA), анализе активности бронирования через сеть поставщиков Cvent, а также оценки деятельности гостиниц на основании данных из отзывов и цен платформы TripAdvisor. Представлен обзор ведущих конференц-отелей в странах Европы и Америки.

Ключевые слова: конференц-отели; индустрия встреч; индустрия гостеприимства; гостиничный сектор; деловой туризм.

ANALYSIS OF LEADING CONFERENCE HOTELS IN THE EUROPEAN AND AMERICAN MACROREGIONS

A. S. Eliseeva^a, V. M. Dedok^b

^a *Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus*

^b *Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus*

Corresponding author: A. S. Eliseeva (nastyaeliseeva19@mail.ru)

The article is devoted to the analysis of the leading conference hotels in the European and American regions, based on the grouping of data on the number of congress events held in the world published in the annual ranking of the International Conference and Congress Association (ICCA), the analysis of booking activity through the Cvent network of suppliers, and hotel ratings based on reviews and prices on platform TripAdvisor. The study presents an overview of the leading conference hotels in Europe and America.

Key words: conference hotels; meeting industry; hospitality industry; hotel sector; business tourism.

Ежегодно в мире проводится более 8 тыс. конгрессно-выставочных мероприятий; около 50 % из них организуются в Европейском макрорегионе, преимущественно в его западной части [9]. Прежде всего, это связано с тем, что Европа наиболее привлекательна по историческим, геополитическим, экономическим и иным причинам. Темпы развития выставочного бизнеса в Западной Европе и его масштабы поражают: выставки ежегодно посещают более 50 млн. человек [10]. Общее число посетителей с каждым годом увеличивается. Все это способствует развитию и появлению новых конгресс-отелей для предоставления необходимого уровня бизнес-инфраструктуры.

Одним из индикаторов, отражающих количество проведенных конгресс-мероприятий в стране, может служить показатель, публикуе-

мый в ежегодном рейтинге Международной ассоциации конференций и конгрессов (ИССА). В ежегодный рейтинг ИССА попадают лишь те мероприятия, которые удовлетворяют строгим критериям отбора ассоциации (регулярные конгресс-мероприятия, проводимые попеременно как минимум в трех разных странах, с подтвержденным количеством участников не менее 50 человек).

По сравнению с данными за 2018 г., в рейтинге стран по количеству проводимых конгресс-мероприятий, а также в структуре регионов мира по данным за 2019 г. не произошло значительных изменений. Лидирующие позиции все также занимают США, Германия, Франция и Испания, а удельный вес Европейского региона в структуре проводимых конгресс-мероприятий по-прежнему составляет 53% (см. таблицу) .

Таблица

Рейтинг стран по количеству проводимых конгресс-мероприятий за 2019 г.

Место 2019	Страна	Количество мероприятий	Ранг	Город	Количество мероприятий
Международный рейтинг стран по количеству проводимых мероприятий			Международный рейтинг городов по количеству проводимых мероприятий		
1	США	934	1	Париж	237
2	Германия	714	2	Лиссабон	190
3	Франция	595	3	Берлин	176
4	Испания	578	4	Барселона	156
5	Великобритания	567	5	Мадрид	154
6	Италия	550	6	Вена	149
7	Китай	539	7	Сингапур	148
8	Япония	527	8	Лондон	143
9	Нидерланды	356	9	Прага	138
10	Португалия	342	10	Токио	131

Источник: собственная разработка на основе [9].

Следует отметить, что Париж остается крупнейшим конференц-городом в мире и возглавляет список ИССА в 2019 г., побив свой же рекорд по количеству проведенных встреч (в 2018 г. проведено 212 встречи, в 2019 г. – 237). Эта популярность отражается в количестве новых роскошных отелей в городе. Hotel du Louvre, входящий в сеть Hyatt Collection, который открылся в 2019 г. и оформлен в классическом французском стиле, предоставляет 8 конференц-залов общей вместимостью до 150 человек, а Bulgari Hotels намерены открыть новый отель с 76 номерами и полным спектром услуг, необходимых для размещения туристов.

На сегодняшний день в Париже насчитывается более 100 различных площадок для проведения деловых мероприятий, а Парижский дворец конгрессов является ведущей международной площадкой площадью более 439 000 кв. футов, включающей 4 аудитории и 85 конференц-залов [10].

Согласно последним статистическим данным ICCA, одним из трех городов, наиболее часто используемых для проведения конгрессов ассоциаций по всему миру, является Берлин. Необычные помещения для встреч и отличное соотношение цены и качества – это два из главных преимущества этого города. Международный конгресс-центр (ICC) остается закрытым, но CityCube Berlin, открытый в мае 2014 г., легко принимает большие группы. Он состоит из трех уровней, состоящих из 50 залов и пространств, и конференц-зала без колонн на 5000 человек.

Необходимо заметить, что Мадрид также занимает лидирующие позиции в рейтинге проведения встреч с 2017 г. Город получил награду World's Best Meetings & Conference Destination Award на World Travel Awards 2019 и входит в пятерку лидеров в списке ICCA 2019 г. Эта растущая популярность города, как места для международных встреч, отражается в увеличении количества роскошных отелей в городе. Four Seasons Canalejas открылся в самом центре Мадрида в 2020 году, а отель Ritz Madrid (построенный в 1910 г.), как ожидается, снова откроется в марте 2021 года после реконструкции. На сегодняшний день г. Мадрид полностью оборудован для проведения конгрессов и выставок всех видов, является одним из самых привлекательных мест для делового туризма как в Европе, так и во всем мире. Centro de Congresos Principe Felipe предлагает зал на 2200 мест и дополнительные 59 конференц-залов рядом с международным аэропортом Мадрид-Барахас.

Еще двумя городами, которые уже на протяжении нескольких лет стабильно попадают в топ-10, являются Вена и Лондон. Вена имеет выгодное расположение в центре Европы, а хорошо обслуживаемая инфраструктура с отелями, площадками и конференц-центрами и доступность ресурсов делают город идеальным местом для международных встреч. Крупнейший конференц-центр в Вене – это Austria Center Vienna с вместимостью мероприятий до 4320 человек. В четырех залах есть дополнительная выставочная площадь, вмещающая до 10200 человек. Выставочный и конгресс-центр Messe Wien – одно из самых современных мест проведения мероприятий в Европе с четырьмя большими выставочными залами также расположен в Вене. Конференц-центр площадь для организации деловых встреч, которые можно разделить на 18 комнат. Самый большой зал вмещает до 1500 человек.

Являясь культурным центром, неудивительно, что Лондон по-прежнему занимает одно из лидирующих мест. В конце 2019 г. в Лондоне было открыто крупнейшее в городе пространство для проведения мероприятий Magazine London площадью 260 261 кв. футов с выставочной площадкой под открытым небом на 7000 человек.

В 2018-2019 гг. сегмент конгресс-отелей стремительно развивается в Европейском и Американском макрорегионах. Ожидалось, что в этом сегменте гостиничной индустрии будут наблюдаться самые быстрые

темпы роста из-за предпочтений потребителей, поскольку именно эти отели предоставляют места и удобства, которые являются уникальными и отличаются от других сегментов гостиничной индустрии. Вместе с тем ситуация с пандемией и ее влияние на сферу путешествий внесла свои коррективы.

Среди частных компаний, специализирующихся на программном обеспечении услуг по организации конференций и иных мероприятий и технологиях управления гостиничным бизнесом, выделяют Cvent.

Так, на основании результатов анализа активности бронирования через платформу Cvent был опубликован ежегодный рейтинг лучших отелей для проведения мероприятий в мире.

Согласно данным рейтинга Cvent за 2019 год, в Европе первое место уже второй год подряд получает отель Hilton Prague. Отели компании Hilton заняли 4 из 10 лучших мест в регионе: Hilton Prague (1-ое место), Hilton Barcelona (4-ое место), Hilton Diagonal Mar Barcelona (6-ое место) и Hilton London Metropole (10-ое место). Испания и Германия представляют самый большой выбор отелей в списке. Стоит отметить, что большинство ведущих конгресс-отелей расположено в городах и странах, в которых чаще всего проходят различные конгрессные мероприятия и деловые встречи: Париж (Франция), Барселона (Испания), Мадрид (Испания), Вена (Австрия), Прага (Чехия) и другие. Кроме того, все отели, которые вошли в топ-15 ведущих конгресс-отелей Европы, были построены еще в 1990-е гг. и отреставрированы в 2000-е гг.

В США первое место на протяжении двух лет по результатам исследования Cvent (в 2017 и 2018 гг.) занимал отель Gaylord Opryland Resort & Convention Center в г. Нэшвилл. Но уже по результатам в 2019 г. первое место занял Omni Nashville Hotel, сместив Gaylord Opryland Resort & Convention Center на пятое место. В 2018 г. в десятку лучших отелей вошли два новых объекта: Hilton Anatole в г. Далласе (5-ое место) и Westin Peachtree Plaza в г. Атланте (10-е место), но в 2019 г. эти отели не смогли сохранить своих позиций в рейтинге и, как результат, не вошли в топ-10 лучших конгресс-отелей США [4].

Стоит отметить, что по сравнению с Европейским регионом, отели, расположенные в Америке, обладают большими возможностями для проведения более масштабных мероприятий (наличие больших площадей конференц-залов и современных залов со всем необходимым оборудованием). Вместе с тем, в Европейском регионе было проведено большее количество конгресс-мероприятий и встреч за 2019 г., чем в Американском регионе.

Анализ топ-15 ведущих отелей в Европейском регионе показал, что значительная доля отелей принадлежит сети Hilton (около 30%). Hilton Hotels & Resorts является флагманским брендом Hilton и одной из

самых больших гостиничных сетей в мире. Компания ориентируется на деловых туристов, поэтому располагает отели в центрах крупных городов, рядом с аэропортами, конференц-центрами, а также в популярных местах для отпуска по всему миру. Hilton Hotels & Resorts участвует в Hilton Honors – гостевой программе лояльности Hilton. Члены программы, бронирующие номера непосредственно через сервисы Hilton, получают эксклюзивные скидки и преимущества, как например бесплатный Wi-Fi, цифровую регистрацию, бесключевой доступ в номер и возможность выбирать любой понравившийся номер используя мобильное приложение Hilton Honors.

В Американском регионе лидирующие позиции в топ-15 отелей занимают гостиницы сети Marriott International Hotels (около 30%). В мире данная сеть включает 6080 гостиницы с общей вместимостью 1,2 млн. номеров [4]. Однако только 22 отеля с общим номерным фондом 9900 комнат находятся в собственности компании, остальные действуют на правах франчайзинга (54 % от числа комнат) или находятся под управлением (44 %) [6]. Две трети от общего числа гостиничных мест находятся в США и Канаде, что и объясняет лидирующую позицию этой сети в списке.

На сегодняшний день многие потребители гостиничных услуг перед выбором отеля особое внимание обращают на его рейтинг и ценовую политику. С целью проведения более детального анализа были выбраны эти критерии для оценки деятельности гостиниц на основании данных, полученных из отзывов и цен на платформе TripAdvisor. Основываясь на уровне цен среднего тарифа для стандартного номера, можно заметить, что в топ-15 отелей Европейского региона средняя стоимость стандартного номера составляет 197,5 долл. США; средний рейтинг – 4,06. В Американском макрорегионе средняя стоимость стандартного номера в топ-15 ведущих конференц-отелей составила 272,5 долл. США; рейтинг – 4,2. Наиболее привлекательные цены для проведения мероприятий способствуют привлечению большего потока туристов в Европейский макрорегион. Как результат, именно поэтому Европейский макрорегион и является лидирующим по количеству проведенных конгрессно-выставочных мероприятий. Можно заметить, что средняя цена за номер в Американском регионе выше, чем в Европейском регионе, но, несмотря на это, в Америке есть и конгресс-отели, которые предлагают достаточно низкую стоимость размещения (ARIA Resort & Casino – 150 долл. США).

В странах Европейского и Американского макрорегионов происходит стремительное развитие конгресс-отелей, которое способствует генерированию туристических потоков деловых путешественников. В ответ на массовый спрос и предложения со стороны деловых туристов

отели Европейского и Американского макрорегионов продолжают расширять свои маркетинговые усилия и предложения.

В условиях COVID-19 ведущие гостиницы были вынуждены пересмотреть свою политику. Так, чтобы соответствовать новым требованиям и ожиданиям в отношении здоровья и безопасности, которые предъявляет COVID-19, а также с целью повышения уровня комфорта и безопасности гостей от момента регистрации заезда до отъезда, международная гостиничная сеть Hilton запустила программу Hilton CleanStay. Главная цель этой программы состоит в обеспечении и предоставлении гостям чувства уверенности и душевного спокойствия во время пребывания в гостинице. Программа была разработана для номеров, ресторанов, фитнес-залов и других общественных мест, которые посещает гость на протяжении своего пребывания в гостинице [1].

Проанализировав особенности и специфику функционирования конгресс-отелей в международном гостиничном секторе, стоит отметить, что использование гостиниц в качестве площадок для организации конгрессов и выставок, а также размещения делегаций и оказания им полного спектра основных и дополнительных услуг стало важнейшей тенденцией индустрии гостеприимства. Это подтверждается статистикой Международной Ассоциации Конгрессов и Конференций (ICCA), которая указывает на то, что в последние годы гостиничные предприятия стали наиболее популярными площадками для проведения международных мероприятий.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Елисеева А.С. Программа Hilton CleanStay и ее особенности в условиях COVID-19 // Сборник научных статей студентов, магистрантов, аспирантов ФМО БГУ. Вып.25 Издательство «Четыре четверти». С. 254–256.

2. Cvent Announces List of Top 100 Meeting Hotels in the United States [Электронный ресурс]. URL: <https://www.cvent.com/en/press-release/cvent-announces-list-top-100-meeting-hotels-united-states>.

3. Cvent Unveils 2018 Lists of Top Meeting Hotels in the U.S., Europe, Middle East and Africa, and Asia Pacific [Электронный ресурс]. URL: <https://www.hotelnewsresource.com/article99805.html>.

4. Cvent's Top 100 Meeting Hotels in the U.S. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.cvent.com/microsites/cvents-2019-top-meeting-hotels/cvents-top-100-meeting-hotels-in-the-us>.

5. Cvent's Top 50 Meeting Hotels in Europe [Электронный ресурс]. URL: <https://www.cvent.com/microsites/cvents-2019-top-meeting-hotels/cvents-top-50-meeting-hotels-in-europe>.

6. ICCA (2018): ICCA Statistics Report Country & City Rankings Public Abstract. June 2019. International Congress and Convention Association.

7. Korneevets V., Semenova L. Specifics of forming the competitive hotel complex// Asian Social Science. 2015.

8. Tripadvisor [Электронный ресурс]. URL: <https://www.tripadvisor.ru>

9. WEF_TTCR (2019): The Travel & Tourism Competitiveness Report. 2019. Geneva. World Economic Forum.

10. WTTC (2019): Travel & Tourism Economic Impact 2019 World. March 2019. The World Travel & Tourism Council.

ГЕЙМИФИКАЦИЯ КАК МАРКЕТИНГОВЫЙ ИНСТРУМЕНТ

А. В. Загдай

*Белорусский государственный университет,
ул. Ленинградская, 20, 220006, г. Минск, Беларусь, anastasiya.zagday@mail.ru*

В статье обоснована применимость геймификации в бизнес-процессах, связанных с вопросами менеджмента и маркетинга. Обоснована необходимость разделения геймификации на внешнюю и внутреннюю в зависимости от целевой аудитории (клиенты или сотрудники). Представлен алгоритм внедрения геймификации в практику на примере мероприятия «Wargaming Fest: День Танкиста 2019». Результаты исследования позволяют снизить уровень дискуссионности вопроса об использовании игрового метода в управлении и повысить эффективность организации коммуникативного взаимодействия как с внешними, так и с внутренними аудиториями. Геймификация при правильном и уместном использовании способна привести к росту лояльности потребителей к компании, ее продукции и бренду, повысить уровень мотивации сотрудников и улучшить корпоративную культуру.

Ключевые слова: геймификация, игровые методы, маркетинг, менеджмент, лояльность персонала, лояльность клиентов, маркетинговые коммуникации, мотивация.

GAMIFICATION AS A MARKETING TOOL

A. V. Zagdai

Belarusian State University, 20 Leningradskaya Street, Minsk 220006, Belarus

The article explains the applicability of gamification in business processes related to management and marketing issues. The necessity of dividing gamification into external and internal depending on the target audience (clients or employees) is justified. The role of gamification in the formation of customers and employees' loyalty is shown on the example of the event "Wargaming Fest: Day of the Tankman 2019". The results of the study reduce the discussion's level about the use of game method in management and increase the effectiveness of communicative interaction's organization with both external and internal audiences. When used correctly and appropriately gamification can lead to the increasing of consumers' loyalty to the company, its products and brand and increase employees' motivation and improve corporate culture.

Key words: gamification, game methods, marketing, management, staff loyalty, customers' loyalty, marketing communications, motivation.

С каждым годом геймификация приобретает всё большую популярность. Согласно аналитическому отчёту международной консалтинговой

компании Frost & Sullivan к 2025 году объем рынка геймификации составит 14,5 млрд долларов, что в 4 раза больше показателей 2016 года [1].

Существует несколько классификаций геймификации как маркетингового инструмента. Одна из наиболее известных представлена в работе «Вовлекай и властвуй. Игровое мышление на службе бизнеса», в которой Кевин Вербах и Дэн Хантер выделяют три вида геймификации: внутреннюю, внешнюю и геймификацию, изменяющую поведение. Остановимся подробнее на каждой из них[2].

Целевой аудиторией внутренней геймификации является персонал компании, и она обычно используется для повышения производительности труда и других внутренних показателей организации. Геймификация такого вида характеризуется двумя чертами. Во-первых, все участники геймифицированного проекта уже являются членами одного коллектива, а значит они знакомы между собой и имеют схожие корпоративные ценностные установки. Во-вторых, геймификация встраивается в уже существующую систему управления организации, что накладывает на неё некоторые ограничения.

Внешняя геймификация задействуется в решении маркетинговых задач организации и направлена на внешнего потребителя товаров и услуг компании. Таким образом, внешняя геймификация используется для увеличения узнаваемости, привлечения потребителей и формирования лояльности к бренду.

Третий тип геймификации по Вербаху и Хантеру – это геймификация, изменяющая поведение. Она используется для формирования новых привычек у потребителей. Например, это может быть мотивация к ведению здорового образа жизни или же изменение отношения детей к учебе в школе.

Одним из самых масштабных белорусских ивентов с элементами геймификации стал «Wargaming Fest: День Танкиста 2019».

Проект уникален тем, что гармонично совмещает в себе международное киберсобытие с городским семейным фестивалем[3].

Сложная структура фестиваля позволяет увлечь совершенно разные целевые аудитории и привлечь их внимание к знаменитым на весь мир играм компании Wargaming. Например, в фестиваль интегрирован специальный проект с информационным ресурсом Sputnik.by: в зоне «Фронтальной альбом» гости фестиваля в формате биографического интервью могут поделиться воспоминаниями о военном прошлом своих родственников. А целый остров парка отводится под иммерсивную постановку «Партизанский остров», которая погружает гостей в период Великой Отечественной войны.

Основные задачи проекта согласно брифу заказчика:

1. Аудитория 200 000 человек в течение дня.

2. Масштабирование территории застройки до 40 Га (вся территория Парка Победы).
3. Организация пресс-зоны на 500 человек.
4. Продуманное зонирование территории с возможностью интеграции всех брендов компании Wargaming, а также партнерских зон.
5. Организация зоны повышенного комфорта для высоко вовлеченных игроков – «Премиум Ангар».
6. Привлечение иностранных гостей.
7. Продуктовое информирование региона.
8. Популяризация игры WorldofTanks.

Сравнительный анализ запланированных и фактических количественных показателей эффективности (релевантные для данного проекта) позволяет сделать вывод о большом потенциале и целесообразности использования элементов геймификации (см. таблицу):

Таблица

**Запланированные и фактические показатели эффективности ивент-проекта
«Wargaming Fest: День Танкиста 2019»**

	Прогноз/Ключевые показатели эффективности (KPI)	Результат
Количество упоминаний в СМИ	200 публикаций	339 публикаций
Рентабельность маркетинговых инвестиций (ROMI)	100%	224%
Количество упоминаний в социальных сетях	2 млн	3 146 551 только в официальных сообществах
Количество знаменитостей	-	100
Рост продаж	10% прирост игроков	10% и продолжает расти
Повышение узнаваемости бренда	10%	15%
Индекс удовлетворенности клиентов (CSAT)	75%	87%

Примечание – Источник: собственная разработка на основе [4]

Рассмотрим конкретные этапы внедрения геймификации на примере мероприятия «Wargaming Fest: День Танкиста 2019»:

1. Установление миссии и SMART-целей геймификации: рост продаж, повышение узнаваемости бренда Wargaming, рост партнерских программ, повышение лояльности клиентов и сотрудников.

2. Разработка концептуальной системы геймификации на основе социально-экономического и маркетингового обоснования с определением ключевых показателей эффективности (KPI) игрового проекта [5].

3. Выбор игрового сценария с дифференцированием их для реальных и потенциальных посетителей. В сценарий включаются квесты, сражения и битвы, яркие арт-объекты, фотозоны и пр.

4. Выбор ролей, описание посетителей и их возможного поведения и интересов. Сегментация посетителей осуществляется на основе демографических, психографических и поведенческих признаков. Предусмотрены роли «исследователя», «коммуникатора», «лидера», «креативщика», «киллера», «разведчика» и т. п. То есть для каждой из этих ролей предусмотрены соответствующие зоны активности: бьюти-база, Teen-zone, Wargaming.fm, «Песочница».

5. Разработка материальных и нематериальных стимулов и наград: уровней, рейтингов, баллов, бейджей, статусов.

На самой большой площадке видеоигр под открытым небом в Беларуси были размещены более 200 компьютеров, на которых игроки сражались друг с другом в World of Tanks, зарабатывая бонус-коды. Команды разыгрывали призовой фонд в размере 40 000 \$ и подарки от партнёров.

Вводя игровые методы, компании пробуждают азарт и «инстинкт соперничества» – желание заработать побольше баллов, быстрее получить подарок и т. д. Вместе с этим наблюдается увеличение жизненной ценности клиента (это предсказание чистого дохода, связанного со всеми будущими отношениями с клиентом). Жизненная ценность лояльного клиента, как правило, на 15-40% выше среднего[6].

6. Разработка виртуального приложения на платформах Android, iOS, Windows.

7. Создание формы оперативной обратной связи, на основании которой осуществляется оценка, контроль и корректировка системы геймификации, направленной на усиление вовлеченности в бизнес-процессы компании.

Изучив данные этапы, можно сделать вывод, что геймификация может рассматриваться в качестве управленческой технологии, направленной на формирование лояльности клиентов и сотрудников на основе игрового офлайн- или онлайн-взаимодействия для решения внешних и внутренних бизнес-задач компании.

Следует помнить, что в компании геймификация должна идти рука об руку с ее ценностями и миссией, только тогда она будет положительно воспринята потребителями и иметь все шансы повысить эффективность компании в целом.

В данный момент растёт потребность современных компаний (в том числе в сфере ивент) в генерации инноваций, что позволяет им обеспечивать свою конкурентоспособность. Добавляются обязательные

онлайн-трансляции для дистанционных участников, а также записи выступлений [7]. Будут развиваться креативные онлайн-коммуникации, геймификация, виртуальная и дополненная реальность во время мероприятия, оперативно побуждающие участников к действиям (регистрации, покупкам, подпискам и т. п.).

Резюмируя, можно отметить, что интерес маркетологов и менеджеров к геймификации усиливается, и он не случаен. У игровых технологий хорошие перспективы, так как доказана универсальность их применения игровых в бизнесе и их эффективность в организации коммуникативного взаимодействия как с внешними, так и с внутренними аудиториями.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Алиев Р. Когда игры захватили маркетинг: геймификация в цифрах и кейсах [Электронный ресурс]. URL: <https://www.cossa.ru/trends/224726/> (дата обращения: 20.01.2021).
2. Вербах К., Хантер Д. Вовлекай и властвуй. Игровое мышление на службе бизнеса. М., 2015. 223 с.
3. TERRA GROUP Event Marketing Agency [Электронный ресурс]. 2021. URL: <http://www.terra-group.by/> (дата обращения: 20.01.2021).
4. Международный фестиваль событийного маркетинга и коммуникаций best experience marketing awards! [Электронный ресурс]. 2021. URL : <https://bemafestival.ru/ru/winner/458?project> (дата обращения: 20.01.2021).
5. Рувенный И. Я., Касимова Э.Р., Кузнецова Е. В. Геймификация как управленческая технология // Бизнес. Образование. Право. 2020. № 2. С. 171–175.
6. Геймификация как способ удержания клиентов [Электронный ресурс]. URL: <https://lpgenerator.ru/blog/2015/10/14/gejmifikaciya-kak-sposob-uderzhaniya-klientov/> (дата обращения: 21.01.2021).
7. Что изменится в организации ивентов после карантина? [Электронный ресурс]. URL: <http://prdrive.kz/page11430089.html> (дата обращения: 21.01.2021).

ОНЛАЙН СИСТЕМЫ БРОНИРОВАНИЯ EVENT-ПЛОЩАДОК: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

А. Ю. Коротченко¹⁾, В. М. Дедок²⁾

¹⁾Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, arina6614420@yandex.ru

²⁾Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, viktoria_dedok@yahoo.com

Рассмотрены онлайн системы бронирования event-площадок, их современное состояние и перспективы развития. Исследована актуальность использования онлайн систем бронирования в период пандемии COVID-19, определены типы онлайн си-

стем бронирования event-площадок по функциональному назначению. Описана одна из крупнейших систем онлайн бронирования event-площадок Cvent.

Ключевые слова: индустрия гостеприимства; event-индустрия; онлайн система бронирования; Cvent.

ONLINE RESERVATION SYSTEMS FOR EVENT SITES: CURRENT STATE AND DEVELOPMENT TENDENCIES

A.Y. Korotchenko^a, V. M. Dedok^b

^a*Belarusian State University, Independence ave., 4, 220030, Minsk, Belarus*

^b*Belarusian State University, Independence ave., 4, 220030, Minsk, Belarus*

Corresponding author: A.Y. Korotchenko (arina6614420@yandex.ru)

The online booking systems for event sites, their current state and development prospects were researched. The relevance of the use of online booking systems during the COVID-19 pandemic has been investigated, the types of online booking systems for event sites have been identified according to their functionality. Cvent, one of the largest online booking systems for event sites, was described.

Key words: hospitality industry; event industry; online booking system; Cvent.

Изучение онлайн систем бронирования event-площадок является очень актуальной темой, так как такие системы повышают эффективность деятельности предприятия и облегчают работу менеджерам по продаже тех или иных услуг. В период пандемии COVID-19 процесс бронирования является ключевым фактором, который определяет, воспользуются ли гости предложенной услугой. Поэтому большая часть современных предприятий, которые вовлечены в событийный бизнес, прибегает к использованию онлайн систем бронирования. Это обусловлено тем, что онлайн системы бронирования работают круглосуточно, способствуют более эффективной работе персонала, поставляются с различными аналитическими инструментами, увеличивают доходы предприятия, автоматизируют процесс бронирования, облегчают платежи и, что самое главное, минимизируют оффлайн общение, а значит являются более безопасными.

Онлайн-бронирование для мероприятий – это актуальный способ для гостя посетить веб-сайт гостиницы или выставочного центра и забронировать мероприятие онлайн.

Процесс бронирования происходит следующим образом: гость получает доступ к форме онлайнбронирования, предоставляет основную информацию о своем мероприятии (например, численность персонала, дата и время проведения мероприятия) и получает перечень возможных мест проведения мероприятия и услуг. Гости получают возможность спланировать свое мероприятие, уточнив все необходимые услуги, под-

твердить бронирование кредитной картой и забронировать нужную площадку для мероприятия на нужные дату и время. Затем место проведения мероприятия или организация, ответственная за проведение мероприятия, может подтвердить все детали заказа и обеспечить их правильное исполнение.

Изучая данную тему, необходимо отметить, что онлайн системы бронирования event-площадок могут быть разной функционального назначения:

1. Онлайн системы, на которых в формате онлайн-каталога представлен перечень event-площадок без возможности бронирования;
2. Онлайн системы, с помощью которых можно выбрать и забронировать event-площадку;
3. Онлайн системы бронирования, которые включают в себя функционал двух предыдущих видов онлайн систем и также предлагают услуги посредничества в организации самого мероприятия.

В современном мире в использовании онлайн систем бронирования event-площадок можно выделить ряд следующих преимуществ:

- *Увеличение количества бронирований.* Одним из самых больших преимуществ использования систем бронирования на мероприятиях, является возможность обеспечить бронирование из любого места. Когда мероприятие проходит успешно, одно бронирование может перейти в другое.
- *Система управления отношения с клиентами.* Вместо того, чтобы тратить время на сбор различных аспектов данных клиента, системы бронирования мероприятий дают предприятиям возможность преобразовать перспективных потенциальных клиентов в реальных, обеспечивая доступность и удобство бронирования. Системы бронирования – это также современный способ повысить интерес к мероприятию, обеспечивая при этом экономию времени как для исполнителя, так и для заказчика. С помощью системы бронирования мероприятий сбор информации можно автоматизировать. Появляется возможность анализировать данные и запросы в фоновом режиме, не тратя дополнительные ресурсы на сбор этой информации.
- *Мобильная система онлайн бронирования.* Все больше онлайн-пользователей обращаются к своим смартфонам, чтобы забронировать билеты и мероприятия. Мобильная система бронирования может быть разработана, чтобы помочь практически любому, кто хочет сделать заказ онлайн. Такая система в первую очередь настроена на удовлетворение спроса клиентов.
- *Установление личных отношений.* Повышая узнаваемость бренда и поддерживая связь с клиентами, предприятие может установить под-

линные связи и увеличить вероятность повторения заказа. В отличие от бронирования по телефону или оффлайн, онлайн -системы дают пользователю полный контроль над процессом бронирования, а это означает, что клиент не зависит от кого-либо еще, чтобы выполнить свой заказ.

- *Мгновенное удовлетворение интереса.* Для клиента мгновенное удовлетворение является одним из самых больших преимуществ любого онлайн-бронирования. Клиент может заказать услугу, которую он хочет немедленно, а предприятие, в свою очередь, немедленно получает платеж [4].

Одной из самых успешных систем онлайн бронирования event-площадок является компания Cvent.

Cvent, Inc. – это частная компания, которая в качестве услуги предлагает программное обеспечение и специализируется на технологиях управления встречами, мероприятиями и гостеприимством. Компания предлагает программное обеспечение на базе Интернета для выбора места встречи, онлайн-регистрации на мероприятия, управления событиями, электронного маркетинга и веб-опросов.

Площадка Cvent осуществляет свою деятельность в нескольких направлениях:

1. Выступает платформой для создания мероприятий (для гостей). С помощью удобного интерфейса можно легко спланировать каждую часть мероприятия – от продвижения до регистрации. Cvent предлагает следующие возможности: онлайн регистрация событий, фирменный сайт мероприятия, безопасная обработка платежей, безопасность и конфиденциальность данных, глобальный поиск и поиск площадок, доступ к созданию диаграмм.

2. Выступает платформой для организатора мероприятий (для предприятий). Cvent обеспечивает следующие возможности: отправка пользовательского контента и данных, чтобы лучше понять посетителей, проведение целевых, предоставление менеджера контактов и профилей, управление спикерами, управление блоками помещений, настройка встроенной адресной книги (пользовательские поля контактов, управление групповыми контактами, импорт и экспорт контактов, функция поиска контактов и предварительное бронирование направлений).

3. Ведение отчетности. Надежная отчетность о событиях, информационные панели в режиме реального времени, отслеживание участников, текущие голосования и опросы, портал самообслуживания, доступ к отслеживанию вовлеченности участников [1].

Cvent, Inc. – это ведущий поставщик технологий для организации конференций, мероприятий и для индустрии гостеприимства. Во всем мире компания имеет свыше 3.500 сотрудников, 25.000 клиентов и 300.000 пользователей. Cvent Event Cloud предлагает организаторам мероприятий программные решения для онлайн регистрации, выбора места

проведения, управления мероприятием, создания мобильных приложений для мероприятий, email-маркетинга и Интернет-опросов [1].

Cvent Hospitality Cloud является партнером отелей и различных площадок для проведения мероприятий, помогая им вести бизнес в сфере группового, делового и корпоративного туризма. Отели используют цифровые маркетинговые инструменты и программные решения CventHospitalityCloud для привлечения клиентуры и обслуживания своих клиентов напрямую, эффективно и с прибылью, помогая им совершенствоваться. Решения Cvent оптимизируют всю цепочку создания стоимости при проведении мероприятий и предоставляют клиентам во всем мире возможность проводить сотни тысяч конференций и мероприятий.

Таким образом, можно сделать вывод, что системы бронирования мероприятий дают предприятиям возможность преобразовать перспективных потенциальных клиентов в реальных, обеспечивая доступность и удобство бронирования. Системы бронирования – это также современный способ повысить интерес к мероприятию, обеспечивая при этом экономию времени как для исполнителя, так и для заказчика. В современном мире, в эпоху автоматизации и цифровизации, наличие такого инструмента как онлайн система бронирования является неизбежным для event-площадок.

Необходимо отметить, что у использования онлайн систем бронирования event-площадок есть ряд преимуществ, таких как увеличение количества бронирований, наличие системы управления отношений с клиентами, мобильные системы онлайн бронирования, установление личных отношений и мгновенное удовлетворение интереса клиентов. С каждым годом в сфере гостеприимства реализуется все больше стартапов, связанных с информационными технологиями, поэтому развитие и популяризация онлайн систем бронирования event-площадок неизбежны.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. About Cvent [Electronic resource]. URL : <https://www.cvent.com/en/company-overview>. Date of access: 30.01.2021.
2. Event Booking Systems: The Best Options to Choose From [Electronic resource]. URL :<https://wpamelia.com/event-booking-systems/>. Date of access: 30.01.2021.
3. Online Event Ticketing Market Size, Share & Trends Analysis Report By Platform (Desktop, Mobile), By Event Type (Sports, Music & Other Live Shows, Movies), By Region, And Segment Forecasts, 2018 - 2025 [Electronic resource]. URL: <https://www.grandviewresearch.com/industry-analysis/online-event-ticketing-market>. Date of access: 30.01.2021.
4. 5 Reasons to Use an Online Booking System at Events [Electronic resource]. URL: <https://www.bookinglive.com/blog/5-reasons-event-booking-system>. Date of access: 30.01.2021.

РОЛЬ СОБЫТИЙНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ В ПРОДВИЖЕНИИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УСЛУГ РЕСПУБЛИКАНСКОГО ИНСТИТУТА КИТАЕВЕДЕНИЯ ИМЕНИ КОНФУЦИЯ БГУ

Люй Ида

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, lv19951012@gmail.com*

Событийный маркетинг является важной составляющей межкультурных коммуникаций в учреждениях образования. Республиканский институт китаеведения имени Конфуция БГУ в своей практике организует ежегодно ряд событийных мероприятий. Однако в большинстве случаев эти мероприятия направлены на студентов или слушателей курсов китайского языка. С целью приобщения к изучению китайского языка и культуры более молодого поколения (школьников старших классов) необходимо также проводить событийные мероприятия. Автором предлагается ежегодное проведение интерактивной игры-квеста «China» для указанной целевой аудитории. Представлена разработка общей концепции и краткого плана мероприятия.

Ключевые слова: событийные мероприятия, событийный маркетинг, межкультурные коммуникации, учреждения образования, интерактивная игра-квест.

THE ROLE OF EVENT ACTIVITIES IN THE PROMOTION OF EDUCATIONAL SERVICES OF THE REPUBLICAN INSTITUTE OF CHINESE STUDIES NAMED AFTER CONFUCIUS BSU

Lu Ida

Belarusian State University, 4, Nezavisimosti Ave., 220030, Minsk, Belarus

Event marketing is an important component of cross-cultural communication in educational institutions. The Republican Institute of Chinese Studies named after Confucius of BSU organizes number of events every year. However, in most cases, these activities are aimed at students of Chinese language courses. In order to introduce the Chinese language and culture to the younger generation (high school students), it is also necessary to hold event activities. The author offers an annual interactive game-quest "China" for the specified target audience. The development of general concept and short plan of the event is presented.

Keywords: event activities, event marketing, cross-cultural communications, educational institutions, interactive game-quest.

Сфера образования является фундаментом для интеллектуального, культурного и языкового сближения между различными народами. Поэтому взаимодействие в образовательной сфере с Китайской Народной Республикой традиционно является одним из приоритетов для Республики Беларусь.

Решение подобных задач возможно посредством событийной коммуникации (событийного маркетинга) как потенциально эффективного инструмента межкультурных коммуникаций образовательных учреждений.

Актуальность темы исследования заключается в том, что событийный маркетинг в сфере образования, помогает не только продвижению образовательных услуг, но и в зависимости от формата события – происходит та или иная межкультурная коммуникация, способствующая созданию тесных отношений молодежи разных стран, передачи опыта в различных сферах, а также изучению культуры других стран. Именно поэтому образовательные учреждения уделяют самое пристальное внимание событийному маркетингу[1, с. 3].

Республиканский институт китаеведения имени Конфуция БГУ способствует развитию и поддержанию межкультурных связей двух стран путем проведения разных событийных мероприятий. К таким мероприятиям относятся[2]:

1. Всемирный день Институтов Конфуция (отмечается с 2014 года в двадцатых числах сентября) – это праздник, который посвящен учреждению Государственной канцелярией КНР по популяризации китайского языка за рубежом Институтов Конфуция как международной сети образовательных структур. В этот день Институты Конфуция по всему миру организуют торжественные мероприятия, разные мастер-классы, открытые уроки по китайскому языку и культуре и показательные выступления.

2. Торжественный концерт, посвященный Празднику фонарей – это очень яркое и красочное событие, которое посвящено окончанию Праздника Весны. В этот день каждый год проводится общий отчетный концерт с участием преподавателей и учеников кабинетов Конфуция, центров по изучению китайского языка и культуры, слушателей курсов, коллег из других Институтов Конфуция Беларуси, а также творческих поклонников китайской культуры и китайских студентов.

3. Веселая весна – это мероприятие, которое посвящено традиционному китайскому празднику Весны. В этот день проходят различные мастер-классы по китайской культуре и концерт для учеников школ и гимназий. Организатор этого мероприятия – Посольство Китайской Народной Республики в Республике Беларусь. Место проведения праздника – Минский государственный дворец детей и молодежи.

4. Институт на постоянной основе проводит разные мастер-классы по китайской культуре для слушателей курсов, учеников и студентов школ и гимназий, а также для посетителей различных мероприятий города. Это, например, такие, как:

- чайная церемония;

- фигурная вырезка из бумаги;
- плетение китайских узлов;
- китайская каллиграфия;
- китайская металлическая головоломка;
- традиционная китайская живопись го-хуа;
- интерактивная презентация «Китайская традиционная свадьба»;
- интерактивная презентация «Маски пекинской оперы»;
- интерактивная презентация о жизни и учении Конфуция и многое другое.

5. Фестиваль китайского кино проводится для любителей китайской культуры и киноискусства. На фестивале представлены картины, не только различные по жанрам и затронутым темам, но и на любой возраст. До 2020 года Республиканский институт китаеведения имени Конфуция БГУ был организатором данного мероприятия при поддержке кинотеатра Центральный и Китайского культурного центра в Минске.

6. Конкурс китайской каллиграфии твердой ручкой. Задания дифференцированы по возрастным категориям: дети до 18 лет и взрослые.

7. Конкурс детского творчества «Современный Китай глазами юных белорусов», который проводится в двух номинациях: живопись и декоративно-прикладное искусство.

Все эти мероприятия направлены на различные целевые аудитории и способствуют изучению китайской культуры белорусскими гражданами. Однако, представляется целесообразным организация мероприятий для такой категории как школьники старших классов. Для этого можно использовать различные игровые мероприятия. Например, на базе института можно ежегодно проводить интерактивную игру-квест «China».

Суть данного событийного мероприятия будет заключаться в том, чтобы узнать заинтересованность школьников старших классов в изучении китайской культуры и языка, а также повышения этого интереса в игровом формате. Интерактивная игра-квест «China» будет состоять из загадок, где командам-участникам нужно поэтапно решать определенные задачи на тему «Китайский язык и культура» и находить ключи.

Основой концепции данного мероприятия должно стать стимулирование понимания школьниками старших классов необходимости изучения китайского языка и культуры и стимулирование к соответствующим действиям по обращению именно в Республиканский институт китаеведения имени Конфуция БГУ.

Целями данного мероприятия являются:

1. Увеличение общего числа слушателей курсов китайского языка за счет привлечения старших школьников;

2. Популяризация китайского языка и культуры на территории Республики Беларусь;

3. Стимулирование нынешних учеников к продолжению обучения. Задачами данного мероприятия являются:

1. Провести презентацию перечня образовательных услуг и достижений Республиканского института китаеведения имени Конфуция БГУ.
2. Провести данное событийное мероприятие в интересной игровой форме для школьников.
3. Стимулировать интерес потенциальных клиентов к институту и его услугам.

К организационным вопросам проведения интерактивной игры-квеста относятся:

1. Разработка сценария интерактивной игры-квеста «China».
2. Отбор участников, ведущих и жюри игры.
3. Оформление сцен для проведения интерактивной игры-квеста.

План проведения мероприятия:

1. Сбор участников. Наблюдатели, жюри и приглашенные гости встречают участников и их родителей в холле актового зала Республиканского института китаеведения имени Конфуция БГУ. Вступительная речь директора института. Описание его деятельности, информация о предложениях и бонусах, представление спонсоров. Озвучивают правила и условия участия в игре.

2. Начало интерактивной игры-квеста. Команды-участники приступают к игре, а для приглашенных гостей тем временем организована выставка китайской живописи.

3. Подведение итогов. Пока наблюдатели и жюри игры подводят итоги, организовано чаепитие участников игры и их родителей совместно с преподавателями и приглашенными гостями, где родители могут задать интересующие их вопросы и записаться на обучение. В данной части мероприятия целесообразно также анкетирование гостей в целях изучения предпочтений нынешних и потенциальных потребителей услуг данного образовательного учреждения.

4. Объявление победителей и вручение подарков (1 место – команде предоставляются путевки в летний языковой лагерь в Китае, 2 место – сертификаты на год бесплатного обучения в Республиканском институте китаеведения имени Конфуция БГУ, 3 место – сертификаты на 50%-ую скидку на обучение в институте). Заключительная речь директора: благодарность гостям, преподавателям, спонсорам, участникам и их родителям.

Таким образом, данное развлекательно-мотивационное мероприятие позволит оказать комплексное влияние на школьников старших классов и мотивировать их к изучению китайского языка и культуры с помощью Республиканского института китаеведения имени Конфуция БГУ. Исходя из этого, можно сделать вывод, что событийный маркетинг – это перспективный инструмент не только для организации межкуль-

турных коммуникаций, но и для продвижения услуг образовательных учреждений. Событийный маркетинг позволяет образовательным учреждениям своевременно уделять внимание потенциальным клиентам, которые находятся на стадии принятия решений, а конкретные специальные события позволяют оказать влияние на принятие решения о выборе места обучения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Короткова А.А. Событийные мероприятия как инструмент продвижения образовательных услуг (на примере лингвистического центра «Think Clever», г. Саратов): автореф. дис. студентка 3 курса магистратуры 43.04.02. Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского». Саратов, 2018. 18 с.

2. Республиканский институт китаеведения имени Конфуция Белорусского государственного университета [Электронный ресурс]. – Минск, 2020. – Режим доступа: <https://rci.bsu.by/culture-events-ru.html>. – Дата доступа: 30.09.2020.

РОЛЬ СПОРТИВНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ В РАЗВИТИИ ПОТЕНЦИАЛА МЕСТНЫХ СООБЩЕСТВ

М.А. Серякова

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, mrserakova@gmail.com*

В статье рассматривается вопрос влияния спортивных мероприятий на местное сообщество как одну из заинтересованных сторон. Автором рассмотрены основные эффекты от проведения спортивного мероприятия, а также выявлены последствия от проведения спортивных мероприятий с учетом масштаба событий. Значимость работы заключается в том, что на современном этапе спортивные мероприятия стали важным инструментом для достижения определенных краткосрочных и/или долгосрочных результатов. Учет роли и интересов местных сообществ при их организации является одним из факторов, обеспечивающих успех мероприятия.

Ключевые слова: местное сообщество; стейкхолдер; эффект; наследие; спортивное мероприятие.

ROLE OF SPORT EVENTS IN LOCAL COMMUNITIES DEVELOPMENT

M.A. Serakova

Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus

The article examines impact of sport events on local communities as one of the key stakeholders. The author considers the main effects of a sporting event and reveals the con-

sequences of sporting events taking into account the scale of events. The importance of the article lies in the fact that at the present stage, sports events are no longer a means of promoting sports, they have become a habitual tool for achieving certain short-term and / or long-term results. Taking into account the role and interests of local communities in their organization is one of the factors that ensures the success of the event.

Key words: local community; stakeholder; impact; legacy; sport event.

Система событийного мероприятия включает ряд различных субъектов и элементов (потребители услуг или продукции, конкуренты, правительственные учреждения, поставщики, подрядчики и т.д.). Все они прямо или косвенно влияют на успех организации. В практике менеджмента таких субъектов принято называть стейкхолдерами.

Стейкхолдеры (англ. stakeholders – заинтересованные стороны) – достаточно широкий круг лиц или организаций, имеющих отношение к мероприятию. Емкое определение дал этому понятию Бредли Гугинс, директор Центра по корпоративному гражданству Бостонского колледжа: стейкхолдеры – достаточно широкий круг лиц или организаций, имеющих отношение к мероприятию [1, с. 35].

Ряд исследователей [2, 3] выделяет местные сообщества как одну из заинтересованных сторон, включая их в группу вторичных стейкхолдеров. Первичные стейкхолдеры включают волонтеров, работников, зрителей и спонсоров, а также посетителей. Группа вторичных стейкхолдеров формируется из местного населения, государственных структур, туристских организаций, представителей бизнес-сообщества. Приблизительно такую же типологию разработал Дональд Гетц, выделяя внутренние (первичные) и внешние (вторичные) заинтересованные стороны [2, с. 35 – 36].

Несмотря на выделение местного сообщества как одного из стейкхолдеров мероприятия, некоторые авторы [4, с. 64] полагают, что только удовлетворенность и участие целевых (первичных или внутренних) заинтересованных сторон важны для успеха мероприятия, тогда как удовлетворение и вовлечение вторичных стейкхолдеров, к которым относится и местное сообщество, не имеет существенного значения.

Другие авторы [5; 6] указывают на то, что значимость вторичных стейкхолдеров для организации мероприятия может быть менее очевидна организаторам события, однако результаты эмпирических исследований [6] демонстрируют, что отсутствие вторичных стейкхолдеров негативным образом сказывается на успехе события, а понимание принимающих сообществ, которые, по их мнению, являются ключевыми заинтересованными сторонами, при планировании мероприятия может снять риски проведения неправильного анализа заинтересованных сторон.

Под местным сообществом понимают социальную систему, которая обладает такими свойствами, как компактность проживания на обозначенной географическими, экономическими и иными границами территории; ресурсная обеспеченность для удовлетворения основных потребностей жизнедеятельности; способность к воспроизводству территориальной группы населения и среды жизнедеятельности; социальная самоидентификация; общие потребности в организации условий жизнедеятельности; наличие элементов самоуправления [7].

Системообразующими элементами местного сообщества являются население, территория, социальное взаимодействие, а также местное самоуправление.

На данном этапе развитие потенциала местных сообществ рассматривается как один из ключевых факторов устойчивого территориального развития, поэтому мероприятия должны быть разработаны таким образом, чтобы обеспечивать баланс между конкурирующими требованиями, ожиданиями получения определенных эффектов и целями местных сообществ. Невозможно получить максимальный совокупный эффект от проведения мероприятия, если игнорируются интересы одной из заинтересованных сторон

«Эффект» мероприятия – результат проведения любого мероприятия, выраженный в натуральной, денежной или иной формах. Эффект является результатом деятельности организаторов мероприятия, выражением поставленной цели. Он может выражаться как положительной, так и отрицательной величиной, а также быть производственным – в форме продукции, и экономическим – в области экономии ресурсов, труда, получения прибыли; социальным, отражающим улучшение имеющихся рабочих мест и создание новых; экологическим – в виде установленных современных очистных установок и др. [8, с. 16].

Желаемый эффект события является основной целью проведения мероприятия. Он должен прогнозироваться на стадии планирования события. В научной литературе эффекты от проведения спортивного мероприятия классифицируются по-разному, эксперты выделяют четыре основных направления:

- экономический эффект (рост ВВП, занятости, туризма и т.д.);
- экологический эффект (управление отходами, углеродный след);
- физический эффект (транспортная и спортивная инфраструктура, жилищное строительство и т.д.);
- социальный эффект (спортивное участие и развитие, повышение чувства национальной гордости и т.д.) [9, с. 13].

Российские исследователи Е.А. Гуреева, И.В. Солнцев разделяют комплексный эффект от проведения крупных спортивных событий на

социальный, экономический, маркетинговый и экологический [10]. Исследователи отмечают, что до недавнего времени авторы не выделяли экологический эффект как один из эффектов от проведения мероприятия, однако концепция устойчивого развития предполагает учет и экологического эффекта.

Все большее число исследователей склонны оценивать эффективность проведения спортивного мероприятия, используя понятие «наследие» в различных формах (экономическая, социальная, экологическая). Наследием называют устойчивый эффект от проведения мероприятия. Наследие – это планируемые или непланируемые, позитивные или негативные, нематериальные и материальные структуры, созданные в результате проведения спортивного мероприятия, которые остаются и после его завершения. Еще одно определение наследия дает М. Куин: наследие – это результат от проведения мероприятия, в целом положительно воспринимаемый местным населением [11, с. 101]. Цель создания наследия – улучшение принимающего города и возведение объектов на благо населения.

Наследие любого спортивного события для городов-организаторов зависит от грамотного планирования и реализации инвестиций. Оно является одним из преимуществ, которое получает принимающая страна, регион или сообщество. При его грамотном использовании после окончания мероприятия страна или регион еще долгое время сможет получать преимущества от проведения мероприятия в первую очередь для экономики.

Наследие классифицируется по такому же принципу, что и эффекты от мероприятия. Однако можно найти и другие классификации наследия, так организаторы Игр Содружества 2014 года в Глазго выделили четыре вида наследия: активное, связующее, устойчивое и процветающее. *Активное наследие* связано с вовлечением людей (дети, молодежь, взрослые) в занятия физической культурой, а также с привлечением интереса к спортивным объектам, которые останутся на долгие годы после окончания события. По мнению организаторов, это должно увеличить вероятную продолжительность жизни горожан и оздоровить их образ жизни. Целью *связующего наследия* было объединить обучение и культуру посредством Игр, привлечь население к участию в мероприятиях, представляющих разнообразие соревнующихся культур. *Устойчивое наследие* включало ряд проектов по возрождению, которые начались благодаря Играм. Эти проекты были нацелены на создание социально-экономических выгод, таких как спортивная инфраструктура и рост числа туристских прибытий. Данные проекты были призваны вдохновить население на создание связей с другими культурами.

ми и участие в спортивных мероприятиях под эгидой Игр. Например, была расширена одна из ключевых трасс Глазго, что сделало Глазго и близлежащие территории более доступными для транспорта. Предполагалось, что *процветающее наследие* затронет шотландские предприятия и ресурсы, повысит уровень развития бизнеса в стране, будет продвигать Шотландию как привлекательно-туристское направление путем повышения качества жизни в регионе. Для этого организаторы планировали привлекать к работе волонтеров, а улучшения содействовали трудоустройству молодежи в шотландских компаниях и развитию новых навыков [11, с. 109].

Все перечисленные виды наследия могут обеспечивать рост благосостояния населения принимающих городов, тем самым создавая положительное воздействие на местные сообщества. Стоит отметить, что успешное проведение мероприятия еще не означает создания полноценного наследия. Принимающей стране необходимо обеспечить поддержание и модернизацию построенных объектов. Поскольку спортивные мероприятия весьма краткосрочны, часть эффектов непостоянны. Продолжительность положительных эффектов после прекращения финансирования и окончания мероприятия зависит именно от способности местного населения использовать возможности и наследие мероприятия [12].

Эффекты от крупных спортивных мероприятий, проведение которых предполагает выполнение ряда требований и использования большого количества ресурсов для их подготовки, отличаются от воздействия не таких масштабных спортивных мероприятий, в том числе и на местные сообщества.

Организация крупномасштабных спортивных мероприятий ведет к значительному экономическому подъему и развитию региона или города. Крупные спортивные события являются катализаторами, существенно меняющими образ и восприятие городов и стран-организаторов, способствуя модернизации инфраструктуры региона, в т.ч. гостиничного хозяйства, возведению новых спортивных объектов. Принимающая страна через событие получает «бесплатное» продвижение по телевидению, в СМИ, способствуя увеличению туристского спроса, превращая регионы и города в одни из самых посещаемых мест, оживлению деловой активности и понижению безработицы. Развитие транспортной и производственной инфраструктуры, которое сопровождает подготовку к любым крупным мероприятиям, повышает открытость и доступность принимающей страны иностранному бизнесу и туристам.

Масштабные спортивные мероприятия традиционно проводятся в крупных городах и центрах и в большинстве случаев являются недоступными для небольших городов. При этом определенные типы спортивных

мероприятий могут открыть уникальные возможности для малых и средних городов. Именно небольшие спортивные мероприятия больше подходят для достижения положительных результатов для принимающих сообществ по сравнению с крупными спортивными мероприятиями.

Организация средних спортивных мероприятий может потребовать модернизации некоторых спортивных сооружений, а иногда и строительства нового, но не требуют реализации крупных проектов по преобразованию городской инфраструктуры, как в случае с крупными спортивными мероприятиями. Они с большей вероятностью приводят к более положительным (или менее отрицательным) экономическим результатам, чем крупные спортивные мероприятия. Кроме того, они дают возможность местным предприятиям участвовать в организации и проведении региональных спортивных мероприятий, что имеет решающее значение для экономического вклада в жизнь сообщества, а также для дальнейшего успеха мероприятия и удовлетворения посетителей.

В то время как организация крупных спортивных мероприятий предполагает привлечение рабочей силы, небольшие мероприятия в большей степени зависят от ресурсов местных сообществ [13, с. 214].

Что касается туризма, то влияние небольших спортивных мероприятий на его развитие довольно ограничено. Для того чтобы небольшие мероприятия стимулировали развитие туризма, организаторам необходимо планировать дополнительные мероприятия, создавать отдельные концепции, связанные с этим событием.

Крупные спортивные мероприятия обычно в большей степени мешают повседневной жизни местных жителей, что снижает ценность мероприятия для местного населения. Напротив, небольшие мероприятия не вторгаются в жизненное пространство местных жителей. Они способствуют созданию более тесных социальных связей между местными жителями и событием, а также увеличивают возможности для достижения результатов во благо местных сообществ.

Исследователь М. Такс утверждает, что при проведении небольших спортивных мероприятий налаживаются контакты между местными спортивными организациями и органами управления, что является продолжительным эффектом, который может стимулировать развитие спорта в регионе [13, с. 228].

Стоит отметить, что роль местного сообщества при организации спортивных мероприятий в последние годы возрастает. Авторы [3] указывают на то, что отсутствие взаимодействия и заинтересованности местного населения приводит к неудаче при организации спортивных мероприятий. В качестве примера они приводят городской референдум в Мюнхене 10 ноября 2014 года, в котором приняло участие около 1,3

млн. человек, по итогам которого местные жители проголосовали против подачи городом заявки на проведение зимней Олимпиады 2022 г. На первых порах такой выбор вызывал недоумение, однако в качестве доводов прозвучали стремление сохранить экологию; нежелание тратить средства налогоплательщиков; недоверие к международным олимпийским структурам.

Таким образом, можно отметить, что на современном этапе соблюдение интересов местных жителей при организации мероприятия является одной из главных задач событийного менеджмента. Успех мероприятия зависит от потребностей местных сообществ, поэтому важным моментом при организации спортивного мероприятия является разработка такой стратегии, при которой создается эффективное наследие на благо принимающего города(региона). Планирование спортивных событий предполагает способность организаторов извлечь выгоду из объектов мероприятия и создать преимущества для местного населения после окончания спортивного события.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

- 1.Алтухов С.В. Ивент-менеджмент в спорте. Управление спортивными мероприятиями: учебно-методическое пособие. М. : Советский спорт, 2013. 200 с.
- 2.The impacts of events on local communities [Electronic resource]. Mode of access: https://fir.bsu.by/images/elib/FIR_Best_2020.pdf. Date of access: 20.01.2021.
- 3.Донских С.В. Событийный туризм : учеб. - метод. пособие / С.В. Донских. Минск : РИПО, 2014. – 112 с.
- 4.Identification and analysis of cultural event stakeholders in a tourism destination[Electronic resource]. Mode of access: https://www.researchgate.net/publication/286934949_IDENTIFICATION_AND_ANALYSIS_OF_CULTURAL_EVENT_STAKEHOLDERS_IN_A_TOURISM_DESTINATION_CASE_STUDY_OF_teta_-TERAN_AND_TRUFFLE_FESTIVAL. Date of access: 20.01.2021.
5. Stakeholder Analysis in Event Management [Electronic resource]. Mode of access: <https://ivypanda.com/essays/stakeholder-analysis-in-event-management/>. Date of access: 20.01.2021.
6. Применение теории стейкхолдеров в системе управления услугами [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/primenenie-teorii-steykholderov-v-sisteme-upravleniya-uslugami-festivaley-kultury> (дата обращения: 20.01.2021).
7. Роль местных сообществ в достижении устойчивого территориального развития [Электронный ресурс]. URL: <https://eee-region.ru/article/6411/> (дата обращения: 20.01.2021).
8. Терминологические аспекты оценивания деятельности предприятия: эффект, эффективность, результативность [Электронный ресурс]. URL: http://media.miu.by/files/store/items/eiup/38/eiup_2_2014_3.pdf (дата обращения: 20.01.2021).

9. Paul Hover et al. Creating social impact with sports events [Electronic resource]. Mode of access: https://www.researchgate.net/publication/307855925_Creating_social_impact_with_sport_events. – Date of access: 21.01.2021.
10. Е.А. Гуреева, И.В. Солнцев. Оценка экономического эффекта от проведения крупных спортивных соревнований [Электронный ресурс]. URL: <https://www.litres.ru/e-a-gureeva/ocenka-ekonomicheskogo-effekta-ot-provedeniya-krupnyh-sportivnyh-sorevnovaniy/chitat-onlayn/> (дата обращения: 20.01.2021).
11. М.А. Котляров Мегаспортивные мероприятия и развитие территорий (работы зарубежных авторов) [Текст] : [науч. изд.] / сост. и пер. с англ. д-р экон. наук, проф. М. А. Котляров, д-р пед. наук, проф. Л. А. Рапопорт]. Екатеринбург, 2016. Часть вторая. 123 с.
12. М.А. Котляров Социально-экономическая эффективность проведения крупномасштабного международного спортивного мероприятия для развития региона [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialno-ekonomicheskaya-effektivnost-provedeniya-krupnomasshtabnogo-mezhdunarodnogo-sportivnogo-meropriyatiya-dlya-razvitiya> (дата доступа: 20.01.2021).
13. MarijkeTaks et al. Evaluating sport development outcomes: the case of medium-size international sport event. Mode of access: https://www.researchgate.net/publication/261832667_Evaluating_sport_development_outcomes_The_case_of_a_medium-sized_international_sport_event. Date of access: 25.11.2020.

АНАЛИЗ ЦЕЛЕВЫХ ПОТРЕБИТЕЛЬСКИХ СЕГМЕНТОВ ОТКРЫТОГО АКЦИОНЕРНОГО ОБЩЕСТВА «ГОРИЗОНТ» (НА ПРИМЕРЕ ТЕЛЕВИЗИОННОЙ ТЕХНИКИ)

Ю. В. Стрекалова¹⁾, Л. В. Фокеева²⁾

¹⁾Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, kalovaju@rambler.ru

²⁾Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, fokeeval@gmail.com

Работа посвящена определению основных внутренних факторов, которые влияют на назначение и стратегическое направление открытого акционерного общества «Горизонт», а также оказывающие воздействие на способность достигать намеченных результатов системы менеджмента качества. Анализ данных факторов влияет на достижение целей на уровне организации и на уровне выполняемых процессов. В статье приведены сведения о региональной структуре продаж открытого акционерного общества «Горизонт», уделено внимание имиджу белорусского бренда, выявлены и проанализированы целевые потребительские сегменты предприятия, изучены основные направления, на которых специализируется предприятие (более детально изучена телевизионная техника), охарактеризованы основные маркетинговые задачи открытого акционерного общества «Горизонт», разработаны рекомендации по повышению эффективности маркетинговой деятельности.

Ключевые слова: маркетинговая политика; открытое акционерное общество «Горизонт»; целевой потребительский сегмент; региональная структура продаж; научно-техническое развитие; инструменты маркетинга.

ANALYSIS OF CONSUMER'S TARGET SEGMENTS OF THE OPEN JOINT STOCK COMPANY «HORIZONT»(ON THE EXAMPLE OF TELEVISION EQUIPMENT)

Y. V. Strekalava^a, L. V. Fakeyeva^b

^aBelarusian State University, Niezalieznasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus

^bBelarusian State University, Niezalieznasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus

Corresponding author: Y. V. Strekalava (kalovaju@rambler.ru)

The work is devoted to identifying the main internal factors that affect the purpose and strategic direction of the open joint stock company «HORIZONT», as well as affecting the ability to achieve the intended results of the quality management system. The analysis of these factors affects the achievement of goals at the level of the organization and at the level of the processes being performed. The article provides information on the regional structure of sales of the open joint stock company «HORIZONT», pays attention to the image of the Belarusian brand, identifies and analyzes the target consumer segments of the enterprise, identifying the main areas in which the enterprise specializes (television equipment is studied more detailed), describes the main marketing objectives of the open joint stock company «HORIZONT», were developed recommendations to improve the efficiency of marketing activities.

Key words: marketing policy, open joint stock company «HORIZONT», target customer segment, regional sales structure, scientific and technical development, marketing tools.

Современная рыночная экономика предъявляет серьезные требования к качеству выпускаемой продукции. Открытое акционерное общество «Горизонт» разработало, документально оформило, внедрило и поддерживает в рабочем состоянии систему менеджмента качества в соответствии с требованиями СТБ ISO 9001-2015[4]. Система менеджмента качества организации применяется к проектированию, производству и обслуживанию бытовой радиоэлектронной аппаратуры.

Главным стратегическим направлением в плане роста продаж бренда HORIZONT на белорусском рынке является решение двух основных задач:

1. усиление проникновения в сетевую розницу;
2. увеличение интенсивности, насколько это возможно, продаж в традиционной рознице.

При отборе целевых сегментов на белорусском рынке используются следующие критерии:

- высокая схожесть потребностей внутри сегмента;

- наличие у предприятия способности предложить потребителям сегмента товары, более полно удовлетворяющие существующие запросы потребителей;

- емкость сегмента и возможности ее увеличения в будущем;

- прибыльность сегмента;

- уровень конкурентоспособности продукции и предприятия[2].

Целевые потребительские сегменты открытого акционерного общества «Горизонт» представлены в таблице 1.

Основным является второй сегмент, поскольку аудитория 35+ является самой многочисленной, финансово стабильной, а также является активным покупателем и потребителем (причем не только для себя, но и для всей семьи).

Для разных сегментов характерно свое предпочтение по отношению к тюнеру: для потребителей, проживающих в сельской местности, достаточно тюнера стандарта DVB-T/T2/C, городские жители выбирают тюнер стандарта DVB-T/T2/S/S2.

Таблица 1

**Целевые потребительские сегменты открытого акционерного общества
«Горизонт»**

	Целевая аудитория	Потребности, критерии выбора
1 сегмент	- Молодые семьи (25-35 лет) - Средний и ниже среднего доход - Служащие, рабочие - Жители небольших городов	- доступная цена - диагональ 32”+ - прием цифрового сигнала - просмотр контента с Flash-накопителей - надежность -желательно наличие функции SMARTTV
2 сегмент	- Покупатели в возрасте 35+ - Средний и ниже среднего доход - Более высокая техническая грамотность - Городские жители	- диагональ 32”+ - разрешение FullHD - прием цифрового сигнала - функция SMARTTV - возможность подключения различных девайсов - дизайн
3 сегмент	- 55 лет и старше - средний и ниже среднего доход - пенсионеры - городское и сельское население	- диагональ 24-32 дюйма - доступная цена - прием цифрового сигнала - простота - гарантия и сервис
4 сегмент	B2B (гостиницы, учреждения образования, медицинские учреждения и прочее)	- диагональ 43”+ - доступная цена - местный производитель

Примечание – Источник: собственная разработка на основе материалов ООО «Горизонт» [4]

Немаловажное значение играет диагональ телевизора: потребители старше 45 лет, а также сельские жители большее предпочтение отдают моделям с диагоналями до 32”.

В отдельный сегмент выделены потребители, имеющие более высокую техническую грамотность, как правило, проживающие в городе и имеющие средний доход. Поскольку именно на этот сегмент рассчитана серия телевизоров с функцией SMART TV, а также с разрешением UltraHD.

Также при выборе телевизора многие потребители обращают внимание на качество изображения, надежность и сервис (последнее особенно важно для людей пенсионного возраста).

Телевизоры HORIZONT позиционируются как продукт для массового рынка по доступной цене на уровне брендов, но с более широким набором функциональных возможностей (FullHD, DolbyDigital, встроенный DVB-T/T2/C/S/S2 тюнер, функция SMARTTV, реализованная на базе ОС Android). Это позволяет удовлетворить различные запросы требовательных покупателей, приближая бренд HORIZONT к бренду категории В.

Одной из сильных сторон предприятия является наличие развитой сети сервисного обслуживания.

Особая роль отводится имиджу белорусского бренда с большой историей, что формирует дополнительное доверие со стороны потребителей.

Деление продаж по географическому признаку (см. рисунок 1) показывает, что наиболее активным регионом является город Минск. Это вызвано более высоким уровнем дохода потребителей в столице, а также многие жители Минской области делают покупки в Минске. Наименьшую долю в структуре продаж демонстрирует Гродненская и Витебская области.

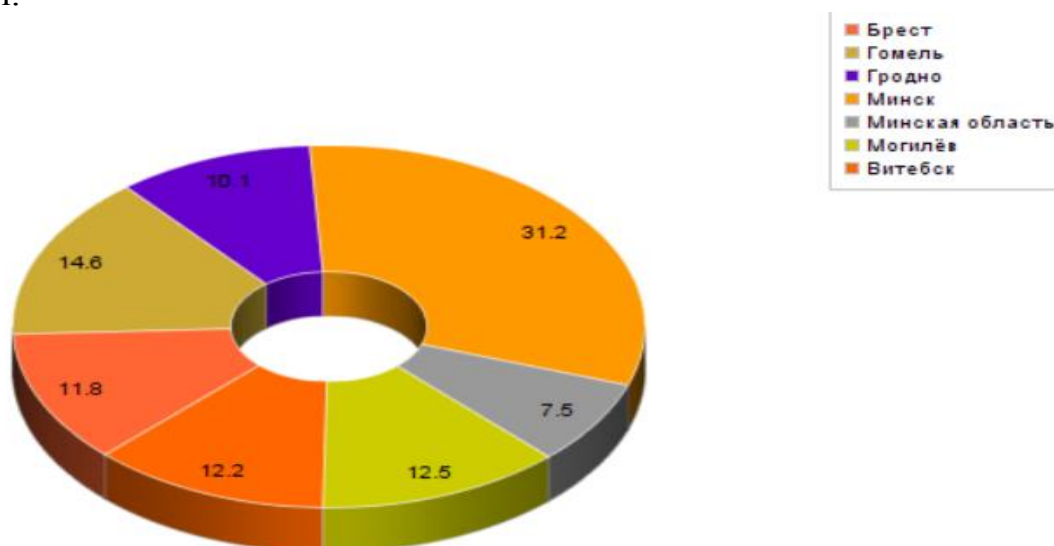

Рис. 1. – Структура продаж телевизоров HORIZONT по областям Республики Беларусь за 2019 год

Примечание – Источник: собственная разработка на основе материалов ООО «Горизонт» [4]

Наименьшую долю в структуре продаж демонстрирует Гродненская и Витебская области.

Научно-техническое развитие открытого акционерного общества «Горизонт» направлено на создание новой, конкурентоспособной, наукоемкой продукции, внедрение высоких технологий.

Общая численность инженерно-технического персонала на предприятии, который активноработает в этом направлении, составляет 24 специалиста. Для решения кадровых вопросов активно проводится работа с высшими учебными заведениями республики.

За 2019 год на открытом акционерном обществе «ГОРИЗОНТ» было освоено более 100 новых моделей телевизоров под брэндом HORIZONT, а также и другими известными производителями телевизионной техники, а именно (HORIZONT, DEXP, DaewooElectronics, HARTENS, HARPER, Panasonic, AVA, SHARP, ASANO, NESONS, OLTO, Skyworth, SchaubLorenz, Prestigio, SKYLINE). Выпущены телевизоры с размером по диагонали от 19” до 70” улучшенного дизайна, разрешением 4К, с функцией SMART TV, реализованной на базе операционной системы Android, с функцией приема цифрового кабельного телевизионного вещания по стандарту DVB-C2, с функцией приема цифровых спутниковых сигналов стандарта DVB-S2 и функцией приема цифрового наземного телевизионного вещания по стандарту DVB-T2. Также велись работы по подготовке производства и постановке на производство интерактивных сенсорных систем. Освоено производство LCD-панелей размером до 65 дюймов[4].

Активно продолжались работы по модернизации ранее освоенных в производстве моделей, направленные на улучшение потребительских свойств и надёжности изделий.

Следует отметить, что потребительский рынок заставил производителей телевизионной техники ускорять внедрение новых моделей и предприятие, с целью недопущения отставания в этом вопросе, уменьшило сроки освоение продукции. Кроме того, время производства модели не превышает 1 года.

Основными направлениями открытого акционерного общества «Горизонт» в 2020 году являлись:

- разработка телевизионной аппаратуры;
- разработка конструкторской и технологической документации для обеспечения серийного производства изделий бортовой радиоэлектронной аппаратуры;
- совершенствование радиотехнологического процесса производства бортовой радиоэлектронной аппаратуры, повышение надежности.

Кроме того, на предприятии активно ведутся работы по освоению в производстве непрофильной продукции, которая востребована на потребительском рынке:

- интерактивных панелей, которые представляют собой многофункциональные устройства с простым, интуитивно понятным интерфейсом и высоким разрешением. Современные панели работают совместно с наиболее популярными операционными системами, включая Windows и Android, упрощающие проведение семинаров, презентаций и прочих мероприятий. Эти устройства находят всё более широкое применение в различных образовательных учреждениях, в конференц-залах, шоу-румах, в офисных помещениях, на выставках, в торговых центрах.

- накладных touch-панелей, позволяющих дополнить функции LCD-телевизоров интерактивными возможностями.

Освоение производства новых современных разработок телевизионной техники, наращивание объемов и снижение издержек производства, повышение качества и конкурентоспособности выпускаемой продукции требуют постоянного технического переоснащения и модернизации существующего производства.

Исходя из вышесказанного, можно выделить основные задачи маркетинга открытого акционерного общества «Горизонт», а именно усиление проникновения в сетевую розницу и увеличение объемов продаж через традиционную розницу.

Наиболее эффективными для решения данных задач являются следующие ключевые инструменты:

1. внедрение механизма безрегрессного факторинга на продукцию отечественного производства, поставляемую торговым организациям Республики Беларусь;

2. оформление брендзон и открытие фирменных секций;

3. бонусные программы (эксклюзивный доступ к новинкам, эксклюзивное производство);

4. общий коммуникационный бюджет;

5. специальные мероприятия в местах продаж;

6. запуск интернет-магазина www.HORIZONT-shop.by[5];

7. проведение семинаров и обучения.

Стратегия же фирменного сервисного обслуживания должна включать:

- изучение и анализ причин отказов выпущенной продукции в течение всего жизненного цикла;

- поиск возможностей для расширения качества оказываемых услуг;

- изучение ценовой политики конкурентов и создание собственной гибкой и конкурентоспособной системы.

Использование данных инструментов позволит компании «Горизонт» выстроить эффективные взаимоотношения с ключевыми партнерами, наращивать рыночную долю бренда HORIZONT и повысить результаты хозяйственной деятельности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Акулич И. Л. Маркетинг: практикум: учеб. пособие / 2-е изд. Минск: Вышэйшая школа, 2005.
2. Ковалев М. Н. Управление маркетингом: учеб. пособие / М. Н. Ковалев. Гомель: ЦИИР, 2008.
3. Котлер Ф. Основы маркетинга. Краткий курс. М.: Изд-во Вильямс, 2010. 656 с.
4. Отчёты о деятельности предприятия «Горизонт».
5. Marketing Insider Group [Electronic resource]/17 Digital Marketing Trends You Need to Know for 2021 Mode of access: <https://marketinginsidergroup.com/marketing-strategy/2021-marketing-trends-you-need-to-know/>. Date of access: 21.01.2021.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ДЛЯ ОРГАНИЗАЦИИ ДЕЛОВЫХ МАССОВЫХ МЕРОПРИЯТИЙ

В. С. Тавстуха

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, victoriatavstuha@gmail.com*

Рассмотрена практика применения информационных технологий при организации деловых массовых мероприятий гибридного типа. Исследованы несколько основных способов использования данных технологий: использование устройств дополненной и виртуальной реальности, дронов и искусственного интеллекта для вовлечения посетителей на мероприятиях и демонстрации виртуальных элементов, полное перемещение посетителей в виртуальную реальность с использованием специальных устройств и возможность просмотра живых трансляций. Продемонстрированы примеры мероприятий, организованных компаниями, которые использовали эти технологии при организации выставок, презентаций и конференций.

Ключевые слова: организация массовых мероприятий; дроны; виртуальная реальность; дополненная реальность; искусственный интеллект; ИИ.

USAGE OF INFORMATION TECHNOLOGIES IN EVENT MANAGEMENT

V. S. Tavstuha

Belarusian State University, Independence ave., 4, 220030, Minsk, Belarus

An application of technologies of augmented reality and virtual reality in the tourism industry when organizing public events was researched. Several main ways of using

technologies have been investigated, starting from attracting visitors through augmented and virtual reality devices, drones and artificial intelligence to engage visitors at events and demonstrate virtual elements, complete movement of visitors into virtual reality using special devices and the ability to livestream.

Key words: events; drones; virtual reality; augmented reality; artificial intelligence; AI.

Гибридные мероприятия— это мероприятия, которые включают в себя как реальное физическое присутствие участников мероприятия, так и виртуальные элементы прямой трансляции. Их популярность в последние годы выросла, и с учетом того, что COVID-19 влияет на организацию деловых и развлекательных массовых мероприятий, ожидается, что гибридные мероприятия станут важной частью будущего [1].

Фактически, в неофициальном опросе, проведенном во время April's Global Meeting Industry Day в 2020 году, 62% организаторов мероприятий заявили, что их мероприятия будут развиваться в гибридном формате, в то время как 18% заявили, что спрос на мероприятия, проводимые только в виртуальном режиме, возрастет. Таким образом, все более важным становится изучение того, что нужно для того, чтобы принять у себя увлекательное и успешное мероприятие [2].

Поскольку гибридные мероприятия становятся нормой, это может иметь некоторые долгосрочные последствия для организаторов массовых мероприятий. Поэтому в качестве места их проведения решающее значение будет иметь поддержание высоких стандартов прозрачности и открытая коммуникация с организаторами мероприятий.

Конференция CDC² по информатике общественного здравоохранения, которая была проведена в 2011 году также считается мероприятием гибридного типа [7]. В конференции было 1875 зарегистрированных участников: 911 присутствовали лично и 964 зарегистрировались для виртуальной части, согласно профилю мероприятия на BizBash³.

Компания StrategicManagementSolutionsInc.⁴, которая помогла организовать мероприятие, описала его как «весьма успешный вариант виртуальной конференции, включающий в себя потоковую передачу основных сессий в реальном времени, сеансы по запросу для просмотра аудитории в удобное для них время, интерактивные сеансы видеочата в реальном времени между участниками и участниками дискуссии, виртуальные выставочные стенды и многое другое!» Мероприятие было названо одной из самых инновационных встреч года [7].

² Центры по контролю и профилактике заболеваний США (англ. Centers for Disease Control and Prevention, CDC, ЦКЗ США) — федеральное агентство министерства здравоохранения США.

³ Ведущее торговое СМИ для ивент-индустрии.

⁴ Фирма по управленческому и техническому консалтингу, поддерживающая государственных и коммерческих клиентов в ядерной, экологической, охранной и энергетической сферах.

По мере того, как популярность гибридных мероприятий продолжает расти, для объектов будет критически важно иметь технологические возможности и инфраструктуру для их поддержки, чтобы обеспечить качество организации и проведения мероприятия для всех его участников.

Среди основных девайсов, которые задействуются на гибридных мероприятиях, можно отметить, что качественная видеокамера и высокоскоростной Wi-Fi являются обязательными. Помещения должны быть оснащены достаточной пропускной способностью и скоростью, чтобы обслуживать большое количество посетителей и использовать передовые технологии проведения мероприятий, такие как дополненная реальность и виртуальная реальность.

При организации деловых массовых мероприятиях в гостиницах, организаторами учитывается то, что у них есть цифровая инфраструктура для поддержки этих передовых удобств, либо гостиница способна предоставить такое оборудование для временного пользования.

Цифровая инфраструктура должна быть надежной и современной, тогда она не устареет, когда технологии, например 5G, станут более распространенными [3].

Ассоциация профессионального управления конференциями составила список, в котором объясняется, как сочетать элементы оффлайн мероприятий и живых трансляций [6]. Выделяются пять шагов, которые могут быть предприняты в зависимости от имеющегося оборудования, чтобы организовать успешное гибридное мероприятие:

1. Правильные камеры.

Для того, чтобы создать впечатляющий опыт, который будет привлекать виртуальную аудиторию, камера является необходимостью. Инновационным элементом использования камер сегодня считается использование дронов для живых трансляций на мероприятиях. Дроны также могут быть частью полноценной маркетинговой стратегии для повышения качества обслуживания клиентов. Таким образом, они становятся мощным инструментом взаимодействия с посетителями мероприятий. Так как они могут снимать видео во время мероприятия, возможно использовать их, чтобы показать ход проведения мероприятия или предложить предварительный просмотр сайта в реальном времени перед открытием.

2. Высококачественные микрофоны.

Например, считается, что беспроводные петличные микрофоны – лучший вариант, так как они лучше смотрятся на камере и меньше передают окружающий шум. Существует практика найма звукооператора, который следит за динамиками и включает и выключает микрофоны.

Это позволяет избежать случайного оставления микрофонов включенным и создания плохого качества звука для гибридной аудитории. Если есть раздел вопросов и ответов, также используются беспроводные портативные микрофоны и микрофонные бегуны для аудитории.

3. Надежный интернет

Линия интернета, предназначенная исключительно для прямой трансляции, имеет важное значение. Это означает, что никто другой из места проведения мероприятия (сотрудники или посетители) не могут пользоваться этим интернетом. Партнер организатора мероприятий по потоковой передаче сможет определить необходимую пропускную способность. (Беспроводная связь здесь используется, поскольку интернет должен быть стабильно подключен к сети для поддержки такого мощного оборудования).

4. Техническая поддержка места проведения мероприятия.

Такая поддержка может осуществляться техническими специалистами, а также с помощью информационных технологий. Девайсы, оснащенные элементами искусственного интеллекта способны максимально быстро определять наличие проблем и сбоев и без вмешательства человека самостоятельно находить решение. Опять же наличие высокоскоростного интернета гарантирует стабильность и бесперебойность таких устройств и при этом может фиксировать всю необходимую информацию о повреждениях или сбоях и транслировать их в центр технической поддержки.

5. Тестирование

Последний элемент организации гибридных мероприятий – это тестирование оборудования до начала проведения мероприятия. Все информационные технологии заранее проверяются, могут проводиться тестовые элементы мероприятия. Как правило, при использовании технологии виртуальной реальности и дронов, такие тесты имеют достаточно краткосрочный характер, т.к. стоимость их использования достаточно высока.

Гибридные мероприятия также являются хорошей возможностью для организаторов мероприятий увеличить количество участников. Гибридный формат мероприятий решает проблему высокой стоимости и место проведения мероприятия и обеспечивает гораздо большую экономическую эффективность, охват и инклюзивность.

Одним из примеров гибридного мероприятия является «Специальное мероприятие» производителя продукции Apple. Оно состоялось в Театре Стива Джобса в кампусе Apple в Купертино, Калифорния, и в нем были задействованы как участники, присутствующие оффлайн, так и аудитория в режиме реального времени. На мероприятии, во время ко-

торого генеральный директор Apple Тим Кук объявил о нескольких новых устройствах и функциях, внимание аудитории онлайн-мероприятия переключалось с использованием нескольких углов камеры, что придавало прямой трансляции дополнительное ощущение взаимодействия и физического присутствия [5].

Последнее мероприятие, которое проходило в декабре 2019 года, дало участникам стимул стать виртуальными, купив Virtual Access Pass. Это была конференция по развитию маркетинга. Хотя держатели пропусков не имели доступа к контенту в режиме реального времени, они получали авторизацию после завершения мероприятия и могли просматривать контент в форме по запросу. Кроме того, владельцам паспортов был предоставлен доступ к «200+ бонусным вебинарам» и доступ к «официальному частному маркетинговому сообществу организации» [5].

Решение конференции предложить виртуальным посетителям специальный контент было отличным способом повысить качество обслуживания клиентов и поспособствовать регистрации будущих мероприятий.

Гибридные мероприятия по своей сути обеспечивают взаимодействие всех участников мероприятия, как находящихся на местах их организации, так и присутствующих виртуально. Актуальным является то, что соблюдаются правила социального дистанцирования, которые являются преградой для организации большого количества мероприятий на сегодняшний день. Начав свой путь к гибкости, мероприятия все больше интегрируют инновационные технологии для создания виртуальных и гибридных решений. Для этого активно используются уже существующие на рынке решения, такие как камеры, микрофоны, дроны, так и инновационные информационные технологии. Наиболее популярными являются устройства с использованием дополненной и виртуальной реальности и устройства с искусственным интеллектом. В ближайшее время ожидается все большее внедрение таких технологий в ивент-индустрию.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Attendees Engagement Solutions for In-Person, Hybrid & Virtual Events [Electronic resource]. URL: <https://beamian.com/solutions/attendees-engagement-hybrid-virtual-events/>. Date of access: 30.01.2021.
2. Global Meetings Industry Day Brings The World Together [Electronic resource]. URL: <https://www.smartmeetings.com/event/107517/gmid-brings-world-together>. Date of access: 30.01.2021.
3. How 5G Technology Will Impact the Future of Meetings and Events. URL: <https://www.cvent.com/en/blog/hospitality/5g-will-impact-future-meetings-events>. Date of access: 30.01.2021.
4. How coronavirus will impact the events industry [Electronic resource]. URL: <https://beamian.com/how-coronavirus-will-impact-events-industry/>. Date of access: 30.01.2021.

5. Hybrid Events for Venues: How to Prepare for the Future. [Electronic resource]. URL :<https://www.cvent.com/en/blog/hospitality/hybrid-events>. Date of access: 30.01.2021.

6. PCMA [Electronic resource]. URL :<https://www.pcma.org/>. Date of access: 30.01.2021.

7. The SBC Digital Summit [Electronic resource]. URL :<https://sbcevents.com/sbc-digital-summit/>. Date of access: 30.01.2021.

МЕТОДИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ОЦЕНКЕ ВКЛАДА КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ В ФОРМИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ БРЕНДА ТЕРРИТОРИИ

А. В. Шиманович¹⁾, А. Н. Решетникова²⁾

*¹⁾Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, anbsu@mail.ru*

*²⁾Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, shimanovich200073@gmail.com*

Предметом изучения является роль культурного наследия в формировании брендинга туристских дестинаций; проанализирован ряд методических подходов зарубежных авторов к оценке бренда территории и выявлены основные элементы культурного наследия, которые учитываются исследователями. Особая роль в процессе брендинга и формирования образа территории принадлежит таким элементам культурного наследия как архитектура (ее визуальная и познавательная аттрактивность), историческое наследие, этнографический потенциал и потенциал событийных мероприятий. Наличие объектов культурного наследия, внесенных в Список ЮНЕСКО, а также высокий уровень образовательного потенциала играют особую роль в развитии бренда территории при условии эффективного менеджмента.

Ключевые слова: культурное наследие; бренд территории; рейтинг.

METHODOLOGICAL APPROACHES TO ASSESSMENT OF THE CONTRIBUTION OF CULTURAL HERITAGE TO THE FORMATION AND DEVELOPMENT OF A TERRITORY BRAND

A. V. Shimanovich^a, A. N. Reshetnikova^b

^aBelarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus

*^bBelarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus
Corresponding author: A. N. Reshetnikova (anbsu@mail.ru)*

The subject of study is the role of cultural heritage in the formation of destination brands; a number of methodological approaches of foreign authors to assessment of the territory brand are analyzed and the main elements of cultural heritage, which are considered by researchers, are identified. A special role in the process of branding and forming the image of the territory belongs to such elements of cultural heritage as architecture (its visual

and cognitive attraction), historical heritage, ethnographic potential and the potential of events. The presence of cultural heritage sites, which are included in the UNESCO World Heritage List, as well as a high level of educational potential, play a special role in the development of the territory brand, subject to effective management.

Key words: cultural heritage; territorial brand; ranking.

Современная концепция развития туризма как индустрии впечатлений и рост конкуренции на рынке международного туризма создают основу для переосмысления и усиления позиций культурного наследия как составляющей брендинга с целью продвижения уникальных черт, национальной идентичности, аттрактивности туристского продукта стран и регионов в эпоху глобализации. Многие исследователи утверждают, что туризм строится на поиске впечатлений. В соответствии с этим идеология экономики впечатлений оптимально подходит для объектов культурного наследия, их ревитализации и создания нового бренда.

Культурное наследие, по мнению авторов, представляет собой систему ценностей, объективированных в широкий спектр проявлений материальной и нематериальной культуры, которые донесли до нашего времени ценность с антропологической, археологической, исторической, этнографической, эстетической, научной или художественной точки зрения. Особая роль в процессе брендинга и формирования образа территории принадлежит таким элементам культурного наследия как архитектура, историческое наследие, этнография. Опираясь на богатство культурно-исторического потенциала можно создать разнообразные сочетания впечатлений и сформировать уникальный стиль для каждой дестинации. На сегодняшний день активно реализуются новые подходы в формировании брендов на основе культурного наследия. В основе их концепций заложена идея использования материального культурного наследия и исторических фактов при продвижении туристских дестинаций, популяризируя и придавая особую ценность культурно-историческим объектам, событиям, личностям, традициям и мероприятиям [2, с. 56-57].

В настоящее время существует множество методов оценки бренда туристских территорий, отличие которых заключается в различии подходов при выборе системы индикаторов, их последующей группировке, оценке и обобщении результатов. В методических подходах к оценке брендов городов, представленных в ряде международных и отечественных маркетинговых исследований, учитываются такие составляющие культурного наследия дестинаций как аттрактивность городской архитектуры, культурное разнообразие, гостеприимство, количество достопримечательностей, потенциал музеев и выставок, качество событийных мероприятий и т.д. (см. таблицу 1).

Таблица 1

**Элементы культурного наследия в системе критериев оценки бренда города
в подходах различных авторов**

Подход	Оцениваемые параметры
Anholt-GfK City Brands IndexSMAАнхольт	<i>Привлекательность городской архитектуры и парков</i>
	<i>Международный статус города и его репутация, глобальный вклад в науку, культуру и управление</i>
	<i>Дружелюбность населения, гостеприимство, культурное разнообразие, чувство безопасности</i>
	Удовлетворенность базовыми качествами города и стандартами общественных благ, таких как школы, больницы, транспорт и спортивные сооружения
	Наличие занятий в свободное время
	Экономические и образовательные перспективы
ResonanceConsultancy	<i>Аттрактивность объектов архитектуры, природных парков, мероприятий на открытом воздухе (TripAdvisor.com), благоприятность климата (количество солнечных дней), уровень безопасности, с 2020 года количество случаев COVID-19 на миллион</i>
	<i>Связь с аэропортом (количество прямых направлений), количество туристических объектов и музеев, рекомендованных местными жителями и посетителями (TripAdvisor.com), количество ведущих университетов (мировые отчеты, Рейтинг лучших университетов мира), крупнейшие конференц-центры</i>
	Численность и структура населения; доля жителей, родившихся за границей; уровень образования (доля населения со степенью бакалавра и выше)
	Освещение в СМИ, сети Интернет, количество публикаций о дестинации (количество результатов поиска в Google, количество отзывов на TripAdvisor и упоминаний в Instagram и Facebook)
	Социально-экономические и макроэкономические показатели: доход граждан, уровень жизни, наличие крупных ТНК, ВВП на душу населения, экономический рост, с 2020 года уровень безработицы, вызванный в результате экономического спада по причине COVID-19
	<i>Количество объектов культурного наследия, произведений искусства, культурных особенностей, высококачественных вечерних мероприятий, высококлассных ресторанов и объектов уникального гастрономического опыта, рекомендованных местным населением и посетителями (TripAdvisor.com)</i>
Пакшус В. Ю.	Совокупный бюджет, объем привлеченных инвестиций, в том числе и в различные культурные события и мероприятия, динамика спроса на предоставляемые возможности, объем привлеченных средств за счет внутреннего и въездного туризма, объем туристического потока
	<i>Расходы на культуру и мероприятия, поддержку инновационной сферы, формирование туристической и информационной инфраструктуры</i>
	<i>Оценка уровня развития культурного наследия, ассоциируемого с местом</i>

Таблица 1 (продолжение)

Подход	Оцениваемые параметры
Визгалов Д.В.	Доля выполненных мероприятий от общего числа запланированных
	Соответствие идентичности и имиджа бренда
	Уровень текущего имиджа среди целевой аудитории (туристов) и среди самих жителей
	Соотношение величины затраченных ресурсов и результатов
	<i>Иные параметры, зависящие от задач брендинга (пример: если брендинг осуществляется через организацию культурных проектов и знаковых событий для привлечения как можно большего числа посетителей, то одним из оцениваемых параметров будет число людей, которых удалось привлечь на мероприятия)</i>

Примечание: собственная разработка на основе [4; 10; 1, с. 140-142; 3, с. 3].

Как видно из таблицы, в каждой исследуемой методике оценки бренда дестинации присутствуют различные элементы такого параметра, как культурное наследие. Наиболее часто оцениваемыми параметрами являются потенциал объектов архитектурного наследия, музеев, культурных событийных мероприятий.

Стоит отметить, что наличие объектов культурного наследия, внесенных в Список ЮНЕСКО, играет особую роль в развитии бренда при условии эффективного менеджмента, создает предпосылки для превращения дестинации в узнаваемый бренд национального или международного уровня, повышает престиж, выступает гарантом инвестиций, увеличения туристских потоков (Таблица 2). Наличие ведущих ВУЗов, как видно из таблицы, также играет важную роль в развитии бренда дестинации, т.к. говорит об уровне образованности населения и качества образования в целом, что оказывает значимое воздействие на имидж территории, обеспечивая положительный вектор развития бренда, а так же служит индикатором уровня развития образовательного туризма.

В списке стран-лидеров рейтинга национальных брендов Анхольта 6 из 10 стран входят в группу мировых лидеров по числу объектов материального наследия ЮНЕСКО (более 20 объектов в стране), и 5 из 10 входят в ТОП-10 по богатству культурного потенциала согласно рейтинговым данным авторитетного международного издания The Travel & Tourism Competitiveness Report 2019 (см. таблицу 2). Также на территории 9 из 10 лидирующих стран расположены ведущие учебные заведения, входящие в ТОП-100 рейтинга глобального исследования лучших университетов мира. И 9 из 10 стран входят в ТОП-10 лучших стран, согласно исследованиям BAV Group и Wharton School.

Таблица 2

Некоторые индикаторы культурного потенциала стран-лидеров рейтинга национальных брендов Анхольта

Позиция страны в рейтинге Анхольта	Страна	Культурный потенциал – позиция в рейтинге The Travel & Tourism Competitiveness Report 2019	Количество объектов материального наследия ЮНЕСКО, 2019г.		Количество ведущих вузов согласно QS World University Rankings 2019		Позиция в рейтинге Best Countries 2019 от BAV Group и Wharton School
			всего	в т.ч. культурных	всего	в т.ч. топ-100	
1	Германия	6	44	41	45	3	4
2	Япония	5	24	18	44	5	2
3	Великобритания	7	32	26	76	18	5
4	Франция	2	44	39	35	3	10
5	Канада	16	19	8	26	3	3
6	Италия	4	54	49	30	0	18
7	США	12	23	10	157	33	8
8	Швейцария	34	12	9	9	3	1
9	Швеция	31	15	13	8	1	6
10	Австралия	13	20	7	37	7	7

Примечание: собственная разработка на основе [5;7; 8; 9;6].

Позиции культурного наследия в системе брендинга территорий играют значимую роль и на уровне национальных брендов. Нестандартный методический подход к оценке бренда страны представлен в исследовании «BestCountries 2019». Модель, использованная для оценки и ранжирования стран, разработана BAV Group и Wharton School университета Пенсильвании в консультации с USNews&WorldReport[6]. Рейтинговые позиции стран в нем основаны на том, как мировое сообщество воспринимает страны с точки зрения ряда качественных характеристик, которые могут стимулировать развитие торговли, туризма и инвестиции и напрямую влиять на национальную экономику. В исследовании приняли участие более 20 000 респондентов из разных стран мира. Отчет, основанный на оценке 65 критериев (атрибутов), охватывает 80 стран.

Респонденты оценивали, насколько тесно они связывают определенный термин (атрибут) со страной. Затем атрибуты были сгруппированы в девять тематических субрейтингов:

- приключения (лучшие страны для путешествий);

- гражданство (прогрессивные, инклюзивные, социально ориентированные страны);
- культурное влияние (современные центры искусства, развлечений и моды);
- предпринимательство (высокотехнологичные инновации, тенденция создания стартапов);
- наследие (богатое культурно-историческое наследие);
- движущие силы (оценка развития страны на основе социально-экономических показателей);
- открытость для бизнеса (ориентация на рынок, благоприятные условия для корпораций);
- власть (страны, проецирующие свое влияние на мировую арену);
- качество жизни.

Также рассчитывался удельный вес каждого субрейтинга при оценке общего рейтингового балла и странового атрибута (см. рисунок 1). Чтобы определить долю каждого субрейтинга в общем рейтинге ведущих стран, каждый был коррелирован с показателем валового внутреннего продукта страны на душу населения (по ППС), который является индикатором общего социально-экономического развития.

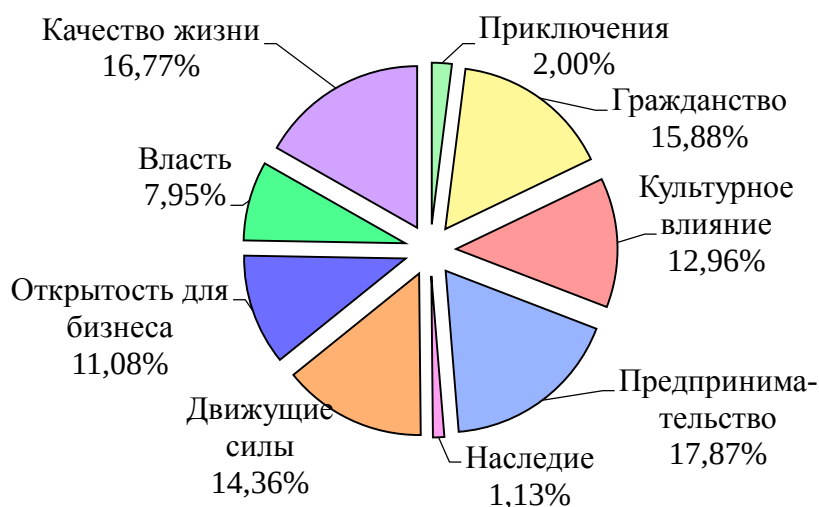

Рис. 1. – Удельный вес тематических субрейтингов при формировании мирового рейтинга BestCountries 2019

Примечание: собственная разработка на основе [6].

Как видно из рисунка 1, культурная составляющая играет значимую роль при расчете общей рейтинговой оценки. Культурное наследие как часть потенциала стран представлена в нескольких категориях: «культурное влияние», «наследие», «приключения». Суммарная доля

этих показателей в общем рейтинге «BestCountries 2019» составляет около 16 %. Это значит, что культурное наследие оказывает определенное влияние на развитие страны, ее процветание и, в итоге, на восприятие мировым сообществом, что и отражает позиции бренда.

Таким образом, анализ применяемых подходов и результаты международных маркетинговых исследований свидетельствуют о развитии тренда: роль культурного брендинга территории возрастает. Культура может стать капиталом территориального развития, наряду с финансовым, человеческим, промышленным и иным потенциалом. Страны, регионы и города, которые осознали важность и стали эффективно использовать этот ресурс, добиваются значительных успехов в развитии локальных и национальных брендов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Визгалов Д.В. Брендинг города. М.: Фонд «Институт экономики города», 2011. 160 с.
2. Власова Н.Ю. Культурное наследие и искусство как составляющие брендинга городов // Известия УрГЭУ. 6 (38). 2011. С.56-61.
3. Пакшкус В.Ю., Пашкус М.В. Оценка бренда города: методики и перспективы// Журнал Региональная экономика: теория и практика. М.: Издательский дом «Финансы и кредит». 38 (2015). С. 2-12.
4. Anholt-GfK City Brands Index [Electronic resource] // GfK. Mode of access: <http://www.gfk.com/ru/insaity/press-release/new-anholt-gfk-city-brands-ranking-places-threeus-cities-in-the-top-10/>. Date of access: 13.01.2021.
5. Anholt-GfK Nation Brands Index [Electronic resource] // GfK. Mode of access: <http://nation-brands.gfk.com/>. Date of access: 13.01.2021.
6. Best Countries 2019 [Electronic resource] // U.S. News&World Report / BAV Group, Wharton School University of Pennsylvania. Mode of access: <https://www.usnews.com/news/best-countries/overall-rankings>. Date of access: 17.01.2021.
7. Calderwood L., Soshkin M. The Travel & Tourism Competitiveness Report 2019. Travel and Tourism at a Tipping Point [Electronic resource] // World Economic Forum's Platform. Mode of access: <https://www.weforum.org/reports/the-travel-tourism-competitiveness-report-2019/>. Date of access: 15.01.2021.
8. QS World University Rankings [Electronic resource] // Top Universities. Mode of access: <https://www.topuniversities.com/university-rankings/world-university-rankings/2019>. Date of access: 15.01.2021.
9. World Heritage [Electronic resource] // United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization. Mode of access: <https://whc.unesco.org/en/list/>. Date of access: 15.01.2021.
10. World's best cities 2020 [Electronic resource] // Resonance Consultancy. Mode of access: <https://resonanceco.com/reports/2020-worlds-best-cities/>. – Date of access: 15.01.2021.

СЕКЦИЯ 6

СОВРЕМЕННЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ В ЛИНГВИСТИКЕ, ПЕРЕВОДОВЕДЕНИИ, МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ И МЕТОДИКЕ ПРЕПОДАВАНИЯ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

ПРОБЛЕМЫ ПРИ ВЫПОЛНЕНИИ СПЕЦИАЛЬНОГО ПЕРЕВОДА ЮРИДИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ С АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ

Е. Е. Карловская¹⁾, И. И. Макаревич²⁾

¹⁾Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, karlovskaya.eva@mail.ru

²⁾Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, Makarevich-II@bsu.by

Проанализированы трудности при выполнении юридического перевода с английского языка на русский. Выявлены наиболее частые проблемы, с которыми может столкнуться специалист, осуществляющий перевод. В результате были предложены пути решения снятия переводческих трудностей.

Ключевые слова: перевод; международное право; транслитерация; юридическая терминология; полисемия.

CHALLENGES IN PERFORMING SPECIAL TRANSLATION OF LEGAL TERMS FROM ENGLISH INTO RUSSIAN

Y. E. Karlovskaya^a, I. I. Makarevich^b

^aBelarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus

^bBelarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus

Corresponding author: Makarevich-II@bsu.by

The difficulties in performing legal translation from English into Russian are analyzed. The most frequent issues that an expert performing translation may encounter have been singled out. As a result, the ways of solving the above mentioned matters have been suggested.

Keywords: translation; international law; transliteration; legal terminology; polysemy.

Известно, что с развитием мирового сообщества происходили также существенные изменения во многих областях жизнедеятельности. Одним из примеров последних являются ситуации, при которых в про-

цессе взаимодействия государств в сфере международного права стали появляться новые понятия, передача которых обеспечивается языковыми средствами. Следует сказать, что данная тенденция наблюдается не только в сфере международного права, что еще больше свидетельствует об актуальности постановки вопроса. Вне зависимости от сферы научного познания это влечет необходимость включения специализированной лексики в специальные переводные словари [1,2], а также поиска адекватного и эквивалентного перевода. В связи с тем, что необходимо не только осуществлять перевод, но и разбираться в терминах специальных понятий, возрастает роль переводчика, владеющего, в частности, мета-языком международного права и обладающего компетенцией юриста-международника.

В ходе проведения работы были выявлены следующие проблемы. Во-первых, некоторые термины часто могут обладать несколькими значениями. Так, например, К. М. Левитан подчеркивает тот факт, что многозначность, либо полисемия, является предметом серьезной научной полемики в терминоведении [3]. Действительно, в юриспруденции можно столкнуться с ситуациями, когда один и тот же термин многозначен. К примеру, всем нам известный термин *authority* при переводе на русский язык имеет следующие значения: 1) орган власти; 2) полномочия; 3) источник права; 4) судебное решение [4]. То есть, специалист, который будет заниматься переводом юридического текста, должен исходить не только из понимания контекста, но также и осознавать ту либо иную глубину рассматриваемой проблемы.

На сегодняшний день, большинство словарей лишь перечисляют переводные эквиваленты различных терминов и не дают пояснений на счет их смысловых различий. В такой ситуации переводчик обладает широким правом выбора.

Во-вторых, проблема транслитерации юридических понятий. В первую очередь, стоит отметить тот факт, что в ходе осуществления юридической деятельности специалист коммуницирует не только с людьми, которые также обладают юридическим образованием, но и со специалистами из других сфер деятельности. И именно последний вид коммуникации является наиболее частым.

В ходе процесса глобализации и интеграции мирового сообщества необходимо отметить, что некоторые юридические термины были перенесены с международно-правовой в национальную плоскость, к примеру, после ратификации международного договора и приведения национального законодательства в соответствие с последним. Необходимо обратить внимание на то, что язык конвенционных органов имеют свою специфику в силу правотворческой деятельности представителей стран,

относящихся к различным системам права. Как правило, в процессе переноса данных понятий в национальное законодательство англоязычные юридические термины транслитерируются в соответствии с правилами передачи буквенно-звуковых соответствий. Как указано в примерах:

- (1) *fragmentation* – фрагментация;
- (2) *satisfaction* – сатисфакция;
- (3) *reparations* – репарации;
- (4) *denunciation* – денонсация;
- (5) *ratification* – ратификация.

На наш взгляд, только узкоспециализированный эксперт при употреблении выше перечисленных терминов сможет понять, о чем идет речь, так как определение понятий некоторых из них дано далеко не в каждом словаре. В частности, понятие термина «*фрагментация*» можно вывести, проанализировав доклады Комиссии международного права в данной области. К примеру, в докладе Комиссии международного права Генеральной Ассамблее о работе ее пятьдесят шестой сессии. В результате анализа переводчик работает со следующей дефиницией: «*фрагментация*» – это процесс, в ходе которого выделяются автономные правовые режимы, расширяющие объект международного права [5].

В-третьих, использование общеупотребительного термина в юридической лексике. В юридической терминологии очень часто встречаются термины, словосочетания и фразы, которые при этом могут использоваться в других стилистических жанрах: разговорном, художественном и других. При переводе таких терминов специалистом, который, в свою очередь, не обладает юридическим образованием, перевод может быть искажен или вовсе быть неверным, как показано в примерах:

- (6) *to act in good faith* – действовать добросовестно/ в соответствии с принятыми на себя обязательствами;
- (7) *good offices* – посредничество;
- (8) *forum shopping* – выбор суда;
- (9) *a breath-takingly wide-ranging separate opinion of a judge* – все-сторонне рассмотренное отдельное мнение судьи;
- (10) *a binding contract* – юридически обязательный договор.

Специалист-переводчик, который не обладает достаточным объемом знаний в сфере юриспруденции, по нашему мнению, не сможет осуществить качественным перевод текста, где используются данные термины. Тем более, порой необходимо наличие знаний в узкоспециализированной области права.

Таким образом, на основе выше сказанного можно сделать вывод о том, что в ходе осуществления перевода юридических терминов может

возникнуть ряд трудностей. На наш взгляд, для того чтобы устранить возникающие при переводе проблемы, необходимо создать специальные словари, где более детально будут рассмотрены англоязычные юридические термины. По нашему мнению, это облегчит работу переводчика, а также повысит качество юридического перевода.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Макаревич И. И. Разработка словаря-справочника по цифровой трансформации для обеспечения адекватности процессов обмена информацией на уровне межкультурного общения в условиях цифровой экономики / сборник НИРС 2019. Итоги XXVI Республиканского конкурса студенческих научных работ, 14 мая 2020. Минск, 2020. С. 16 – 18.

2. Макаревич И. И., Макаревич Т.И. Экономика и управление на рынке перевода: международный аспект [Электронный сборник] // Вестник университета им. С. Ю. Витте. Серия 1: Экономика и управление: электрон. науч. ж-л. Москва, 2020. С. 85 – 93.

3. Левитан К.М. Юридический перевод: основы теории и практики [Электронный ресурс]: учеб. пособие / Уральская гос. юрид. академия. М.: Проспект, 2011. 351 с. URL: https://books.google.by/books?id=PszyBQAAQBAJ&printsec=frontcover&source=gbs_ge_summary_r&cad=0#v=onepage&q&f=false (дата обращения: 25.01.2021).

4. Краткий англо-русский юридических терминов / авт.-сост.: О.И. Васючкова, А.И. Долгорукова, Т.В. Коваленок и др.; под общ. ред. О.И. Васючковой. Мн.: БГУ, 2004. 120с. URL: https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/14674/1/law%20engl_rus.pdf (дата обращения: 25.01.2021).

5. Доклад Комиссии международного права Генеральной Ассамблее о работе ее пятьдесят шестой сессии / [Электронный ресурс] / Комиссия международного права. URL: <https://legal.un.org/ilc/reports/2004/russian/chp10.pdf>. (дата обращения: 25.01.2021).

АНАЛИЗ ПРАКТИКИ ЮРИДИЧЕСКОГО ПЕРЕВОДА В СФЕРЕ ПРАВА ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

Ю. О. Коряченкова¹⁾, И. И. Макаревич²⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, yuliyakaraliova@gmail.com

²⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, makarevich-ii@mail.ru

В статье проведен анализ актуальных проблем профессионального дискурса в праве интеллектуальной собственности с учетом влияния технологического прогресса. Отмечена тенденция возникновения новых терминов как результат изменения правового регулирования под воздействием процессов глобальной цифровой трансформации. Проведен анализ научного юридического текста объемом сорок тысяч печатных знаков и выявлены наиболее часто встречаемые приемы перевода юриди-

ческого и академического дискурсов. Кроме того, ввиду относительной новизны темы было установлено отсутствие устоявшихся вариантов перевода, дан авторский перевод терминологии из сферы информационно-коммуникационных технологий, которая, в сравнении с существующей юридической терминологией, была введена в подъязык юриспруденции.

Ключевые слова: полисемия; право интеллектуальной собственности; профессиональный дискурс; специализированный перевод.

ANALYSIS OF THE PRACTICE OF LEGAL TRANSLATION IN THE FIELD OF INTELLECTUAL PROPERTY LAW

Y. O. Koryachenkova^a, I. I. Makarevich^b

^a*Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus*

^b*Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus*

Corresponding author: Y. O. Koryachenkova (yuliyakaraliova@gmail.com)

The article analyses the current problems of professional discourse in intellectual property law, taking into account the impact of technological progress. The trend of emergence of new terms resulting from changes in legal regulation under the influence of the processes of global digital transformation is noted. The analysis of a scientific legal text of forty thousand printable characters is carried out and the most common methods of translating legal and academic discourses are identified. In addition, because of the relative novelty of the topic there are no well-established translations. Authorial translation of terminology from the sphere of information and communication technologies is suggested, which, in comparison with the existing legal terminology is introduced in the domain of jurisprudence.

Keywords: polysemy; intellectual property law; professional discourse; branch-specific translation.

Стремительные и глубокие цифровые трансформации, затрагивающие абсолютное большинство сфер жизни общества, вполне закономерно влекут за собой необходимость адаптации существующего правового регулирования и (или) разработки новых правовых норм. С развитием отраслей права развивается и юридическая терминология. Глобальные вопросы, возникающие ввиду распространения технологий искусственного интеллекта (далее – ИИ) и необходимости совершенствования правовых конструкций, обуславливают возникновение новых понятий, выражающихся с помощью языковых средств.

Данные процессы влекут необходимость разработки специализированной лексики и поиска надлежащего и эквивалентного перевода современной терминологии, поскольку системность и внутренняя согласованность – необходимые черты системы юридической терминологии. Узкоспециальный характер терминологии обуславливает необходимость

понимания семантических особенностей специальных терминов, в связи с чем исключительную важность приобретает междисциплинарный подход, предполагающий, помимо знания иностранного языка, знание соответствующей отрасли права, в частности – права интеллектуальной собственности.

Стоит отметить, что профессиональный язык подвержен влиянию исторических, культурных и иных аспектов общественного развития. Перевод юридических текстов с английского на русский язык характеризуется необходимостью не только осуществления надлежащего перевода английской терминологии, но и сопоставления правовых концепций, относящихся к различным системам права, на предмет поиска адекватных эквивалентных терминов. Вместе с тем отметим существование параллельных процессов сближения правовых систем. Так, И. И. Макаревич приводит пример сопряжения национального права в сфере информационных технологий, Декрет № 8 «О развитии цифровой экономики» от 27 декабря 2017 г., который на законодательном уровне закрепил в Республике Беларусь термины и определения англосаксонского права [3, с. 227; 4].

Также немаловажно четко представлять стиль юридического текста, подлежащего переводу: перевод официального акта и перевод научного текста в области права будут отличаться: последний, наряду с юридической терминологией, будет содержать лексику академического дискурса.

В ходе осуществления перевода фрагмента оригинального текста исследования объемом 40 тысяч печатных знаков [5] мы столкнулись с рядом проблем, о которых пойдет речь далее.

Прежде всего стоит отметить, что для английского языка характерно явление полисемии – многозначности, что проявляется в том числе при переводе специализированной лексики. В данном случае важнейшую роль при раскрытии многозначности и выборе эквивалентного перевода играет контекст. Так, определение контекстуальных границ перевода автоматически сужает круг эквивалентных лексических единиц. Влияние выбора правового дискурса отражается в следующих примерах:

1. *omission* – бездействие (значения вне дискурса – недочет; оплошность; пропуск; недоработка и др.);
2. *party* – сторона (значения вне дискурса – вечеринка; группа; партия и др.);
3. *to revisit* – пересмотреть (значения вне дискурса – нанести повторный визит; мысленно возвращаться; и др.).

Выбранный круг может быть сужен до конкретной отрасли права – права интеллектуальной собственности:

4. *work* – произведение (значения вне дискурса – работа; исследование; и др.);

5. *moral rights* – личные неимущественные права (значение вне дискурса – моральные права).

Тем не менее, даже в таких случаях возможны ситуации, в которых необходимо выбирать наиболее узкий контекст:

6. *legal entity* – в перечисленных выше контекстах словосочетание по-прежнему имеет два варианта перевода: юридическое лицо и субъект права.

В качестве второго аспекта необходимо отметить, что юридическая плоскость английского языка не стала исключением в плане обилия так называемых «ложных друзей переводчика», (также известных как межъязыковые омонимы (межъязыковые паронимы)) – пар слов в языках, формальное сходство которых дает повод думать, что они взаимозаменяемы [2, с.38]. Так, английский язык для специальных целей содержит и такие примеры:

7. *accurate* – точный;

8. *activity* – деятельность;

9. *contribution* – вклад;

10. *control* – управление;

11. *creativity* – творческий потенциал;

12. *data* – данные;

13. *entitlement of the author to credit* – право автора на имя;

14. *legal* – правовой;

15. *perspective* – точка зрения;

16. *to act in concert* – действовать согласованно;

17. *useful art* – прикладное искусство.

Далее стоит подчеркнуть такую характерную особенность юридических английских текстов, как функциональные замены на уровне морфологии. Зачастую особая смысловая роль принадлежит артиклям, ввиду чего при переводе с английского языка на русский возникает необходимость восполнения значения использованного артикля [1, с. 156]. Такие компенсации могут осуществляться с помощью местоимений, а также путем использования предыдущих фрагментов текста, относящихся к данному вопросу. В качестве примеров можно привести следующие:

18. «...We should not consider all features of a technology to be essential without first considering how *the technology* is used in society». – «Не стоит рассматривать все особенности технологии в качестве существенных, не рассмотрев сперва использование этой технологии в обществе».

19. «One reason is that too many stakeholders are involved in the process of creating the AI (*Artificial Intelligence* – *нпум.*) system itself, with no

one acting as the main contributor. This point of view holds the contributors involved in *the process* as owners of the AI system, and thus the ones responsible for works generated by the AI system». – «Одна из причин заключается в том, что слишком много заинтересованных сторон вовлечены в процесс создания самой системы ИИ, и никто не выступает в качестве лица, внесшего наибольший вклад. Согласно данной точке зрения, вносящие вклад лица, вовлеченные в процесс создания системы ИИ, рассматриваются в качестве владельцев систем ИИ, и, таким образом, лиц, несущих ответственность за произведения, созданные системой ИИ».

Заметим, что выделение общих тенденций, характерных для юридических текстов в целом, не может лишить конкретный текст иных свойств, в т. ч. зависящих от вида юридического текста и личности его составителя. В связи с этим не стоит умалить роль иных приемов перевода. Так, с помощью описательного перевода значение лексической единицы передается через раскрытие существенных признаков явления:

20. *a multi-player model* – модель, предполагающая участие большого количества заинтересованных лиц;

21. *an AI-generated work* – произведение, созданное системой ИИ;

22. *protagonist* – главное действующее лицо;

23. *not to meet the threshold of authorship* – не иметь достаточной валидности для присвоения авторства.

Характерно использование калькирования:

24. *a then-emerging technology* – новая появляющаяся технология;

25. *artificial consciousness* – искусственное сознание;

26. *robotic system* – роботизированная система;

27. *trainer* – специалист по обучению систем искусственного интеллекта.

Наконец, следует помнить о стилистических особенностях текста оригинала, ведь перед переводчиком поставлена задача получить равноценный текст перевода. Важно сохранить как смысловое, так и внешнее соответствие:

28. *3A era of automated, autonomous, and advanced AI systems* – «3А» эпоха автоматизированных, автономных и авангардных систем ИИ.

В процессе перевода использовалась уже существующая база такой отрасли права, как право интеллектуальной собственности. Ввиду того, что исследуемая в оригинальном тексте проблема – искусственный интеллект и авторское право – является достаточно новой, было выявлено отсутствие устоявшихся вариантов перевода. Это, в свою очередь, показывает на то, что в самой сфере понятие до конца еще не сформиро-

вано, что отражается на переводе текста. Иными словами, план содержания присутствует, а план выражения не сформирован до конца.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Велединская С. Б. Курс общей теории перевода. Томск : Изд-во Томского политехнического университета, 2010. 230 с. URL: http://window.edu.ru/resource/968/73968/files/kurs_ob_ter_perev.pdf (дата обращения: 25.01.2021).
2. Илюшкина М. Ю. Теория перевода: основные понятия и проблемы. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2015. 84 с. URL: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/36110/1/978-5-7996-1574-1_2015.pdf (дата обращения: 21.01.2021).
3. Макаревич И. И. Влияние процессов цифровой трансформации на отрасли международного права: терминологический аспект // Актуальные проблемы сравнительного правоведения и юридической лингвистики. 2019. С. 224 – 236. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=39543256&> (дата обращения: 25.01.2021).
4. Макаревич И. И. Развитие цифровой экономики в Республике Беларусь // Международный молодежный научный форум «Ломоносов-2018» : материалы XXV Международной научной конференции студентов, магистрантов, аспирантов «Ломоносов», Москва, 9-13 апр. 2018 г. / Моск. госуд. ун-т им. М. В. Ломоносова / Отв. ред. И. А. Андреев, А. В. Андриянов, Е. А. Антипов. М. : МАКС Пресс, 2018. 1 электрон. опт. диск [DVD-ROM].
5. Yanisky-Ravid S. Generating Rembrandt: Artificial Intelligence, Copyright, and Accountability in the 3A Era – The Human-Like Authors Are Already Here – A New Model // Michigan State Law Review. 2017. P. 659 – 726. URL: <https://ssrn.com/abstract=2957722> (дата обращения: 20.01.2021).

МОДАЛЬНОСТЬ КАК СРЕДСТВО РЕАЛИЗАЦИИ СТРАТЕГИИ ДИСТАНЦИРОВАНИЯ В МЕЖЛИЧНОСТНОЙ КОММУНИКАЦИИ

А.Д. Круглик

*Белорусский государственный медицинский университет,
пр. Дзержинского, 83, 220116, г. Минск, Беларусь, sakruglik@mail.ru*

Рассматривается категория модальности в качестве языкового средства реализации стратегии дистанцирования в межличностной коммуникации. Выявлены лингвистические средства реализации стратегии в межличностной коммуникации. Результаты анализа, полученные в ходе исследования, развивают научное представление в области дальнейшего развития коммуникативных стратегий, используемых в английской художественной литературе.

Ключевые слова: диалогическое взаимодействие; коммуникативная стратегия; тактика; прием; стратегия кооперации; стратегия конфронтации; стратегия дистанцирования.

MODALITY AS A MEANS OF IMPLEMENTING A DISTANCE STRATEGY IN THE INTERPERSONAL COMMUNICATIONS

A.D. Kruglik

Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus

The article is devoted to the category of modality as a linguistic means of implementing the strategy of distancing in interpersonal communication. Linguistic means of implementing the strategy in interpersonal communication are identified. The results of the analysis obtained in the course of the study develop a scientific understanding of the further development of communication strategies used in English fiction.

Keywords: dialogic interaction; communication strategy; tactics; method; cooperation strategy; confrontation strategy; distancing strategy.

Одним из приоритетных направлений современной лингвистики являются вопросы вербальной коммуникации, которая определяет нормы и каноны поведения человека в современном обществе. Это особенно необходимо учитывать при выборе вербальных приемов, методов и стратегий общения в контексте межличностной коммуникации.

При реализации коммуникативного акта происходит «не просто передача сообщения, а идентификация символов, то есть адресат интерпретирует полученное сообщение на основе учета ситуации, своего языкового и неязыкового опыта, фоновых знаний» [1, с. 3].

В нашем исследовании анализируется коммуникативная стратегия дистанцирования в межличностной коммуникации.

Конечной целью данная стратегия имеет минимальное воздействие на адресата, проявление уважения его личной свободе.

Стратегия дистанцирования в процессе коммуникации может рассматриваться как инструмент, позволяющий регулировать степень близости или отдаленности коммуникантов. Нами данная стратегия рассматривается как «отдаление», «отстранённость» коммуникантов друг от друга. [3, 96]

Стратегия дистанцирования оперирует рядом языковых средств и методов, благодаря которым демонстрируется признание независимости собеседника, его личного пространства и отсутствия нарушения границы между оппонентами. [3, с. 127]

В английском языке существует разветвленная система лексико-грамматических средств выражения модальности. Это, в первую очередь, это комплекс модальных глаголов и их эквивалентов: *must, should, have to, to be supposed to, to be allowed to, can, could, will, would, might*. Также к данным средствам выражения следует отнести модальные прилагательные и наречия: *necessarily / necessary, probable / proba-*

bly, certain / certainly, possible / possibly, perhaps maybe. И несомненно, модальные модификаторы: вводные конструкции, маркеры вежливости (kindly, sweetly), а также лексические заполнители пауз (well, now well, so). Все эти лексические средства имеют своей конечной целью смягчение речевых актов, которые прячут в себе скрытое намерение вторжение в личное пространство коммуникантов.

Рассмотрим отдельно каждое из обозначенных выше лексико-грамматических средств выражения модальности для реализации стратегии дистанцирования в межличностной коммуникации на примере произведения А.Мердок «Время ангелов».

В результате исследования нами были выделены следующие тактики стратегии дистанцирования: 1) косвенность выражения; 2) уклончивость и непрямолинейность; 3) подчеркнутая вежливость; 4) извинение.

Стратегия дистанцирования в романе реализуется с помощью категории модальности, а именно: использования модальных глаголов, модальных модификаторов, маркеров вежливости и лексических заполнителей пауз.

Автор часто прибегает к употреблению глаголов *must*, *should*, которые помогают ему провести грань между различными оттенками долженствования.

Так глагол *must* передает значение «Ты должен это сделать». Мюриель, дочь священника Кэрола, настаивает извинении Лео перед своим отцом: «*You must get it back,*» said Muriel. «*You must get it back even if you have to steal it back.*» [4, 54].

В случаях уменьшения категоричности высказывания, используется менее сильный глагол *should*, либо модальные модификаторы. «*You should find no difficulty in obtaining a secretarial post in the city.*» Carel said «*obtaining a post*» and not «*getting a job*». It was part of a bureaucratic manner which, Muriel noticed, he kept reserved for her». [4, с. 79].

В этом диалоге, происходящем между Мюриель и ее отцом, священником Кэролом, употреблен глагол *should*, который позволяет уменьшить категоричность приказа и перевести его в совет. Но одновременно с этим, Кэрол употребляет выражение «*obtaining a post*», а не «*getting a job*», которую священник специально приберегал для разговора с дочерью.

Модальные модификаторы играют важную роль в процессе коммуникации. Они способны выполнять функцию смягчения речевых актов, которые прячут в себе скрытую угрозу вмешательства в личное пространство коммуникантов. Автор применяет в своем произведении огромное множество разнообразных модификаторов. Чаще всего - это

единицы, ориентированные на говорящего и переданные глаголами *to think, to suppose, to wondering*.

Лео ненавидит своего отца и считает это нормой поведения, потому что все мальчики не любят отцов, а девочки наоборот в них влюблены.

«Won't your father be disappointed?»

«My father? What the hell do I care what my father thinks?»

«Why, aren't you fond of him?»

«Fond of him? Haven't you read your Freud, girl? Sorry, I'm not supposed to talk like that, am I. You know all boys hate their fathers. Just like all girls are in love with them». [4, с. 23].

Именно лексико-семантические модификаторы *I think, I suppose, I assume* являются одним из важнейших средств уменьшения прямолинейности в высказывании, а также помогают говорящему выразить косвенно свои намерения, тем самым снизить степень прямолинейности, что в итоге и призвано реализовать стратегию дистанцирования.

Проведённый анализ текста романа показал, что наиболее распространены конструкции с глаголом *to think*, который может употребляется как в утвердительных и отрицательных, так и в вопросительных конструкциях. Если приведённая конструкция используется в совете или в просьбе, она позволяет снизить уровень влияния на адресата, как бы ставя под сомнение возможность или необходимость какого-либо действия.

Сын привратника Лео, молодой человек 23 лет, сильно нуждается в деньгах. Не найдя взаимопонимания с отцом, он приходит к директору колледжа и брату священника, Маркусу, чтобы просить денег.

«Too bad,» said Marcus. «Now I suppose you want me to lend you seventy-five pounds so that you can get in with Sally's father. I think you're going to be unlucky». [4, с. 56]. В такой форме Лео получил вежливый отказ от Маркуса в получении денег.

В романе мы можем выделить группу единиц (*I'm afraid, maybe, perhaps, probably, possibly*), которая может быть направлена на «уклонение» от предмета обсуждения и тем самым служить целям дистанцирования.

При общении с посетителями служанка священника часто говорит: «I'm afraid the Rector is not seeing anybody at present.» Или «Maybe he hasn't got round to dealing with any letters yet. Perhaps you could try again later». С помощью таких модальных модификаторов она абстрагируется от прямого ответа, чем выражает свое нежелание продолжать общение.

На стратегию дистанцирования также работает и тактика подчеркнутой вежливости, которая реализуется не только через использование

фамилий и титулов, но также и через маркеры вежливости в диалогах и лексические заполнители пауз.

Таким образом, учитывая все выше изложенное, необходимо отметить, что использование модальных средств реализации стратегии дистанцирования в межличностной коммуникации позволяет говорящему отдалиться от адресата или объекта высказывания. Применение подобных конструкций предоставляет возможность адресанту смягчить степень воздействия на адресата, предотвращать потенциальную угрозу конфликта и тем самым дистанцироваться от возможного развития коммуникативного взаимодействия.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М.: УРСС-ЛКИ, 2008. 288 с.
2. Конечкая В.П. Социология коммуникации. М.: Междунар. ун-т Бизнеса и Управления, 2004. 178 с.
3. Ларина Т.В. Категория вежливости и стиль коммуникации: сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций: учеб. пособие. М.: Языки славянских культур, 2009. 512 с.
4. Murdoch I. The Time of the Angels / Chatto & Windus. London, 1979. 92 p.

СІНАНІМІЧНЫЯ РАДЫ Ё БЕЛАРУСКАЙ ЭКАНАМІЧНАЙ ТЭРМІНАЛОГІІ

В. У. Праконіна

*Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт,
вул. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь, veraprok88@mail.ru*

У артыкуле разглядаюцца сінанімічныя рады як від колькасных змен у беларускай эканамічнай тэрміналогіі. Аналізуюцца асноўныя прычыны ўзнікнення сінаніміі: запазычванне і выкарыстанне розных словаўтваральных мадэлей. Пры ўтварэнні тэрмінаў-сінонімаў выкарыстоўваюцца афіксацыя і калькаванне. Выяўляюцца 3 шляхі ўжывання беларускіх эканамічных тэрмінаў-сінонімаў, адабраных са сферы фіксацыі, у сферы функцыянавання. Да іх ліку адносяцца: раўназначнае ўжыванне сінонімаў у сферы функцыянавання; выкарыстанне адных тэрмінаў з сінанімічнага рада часцей за астатнія; архаізацыя аднаго з тэрмінаў-сінонімаў і выкарыстанне замест яго неалагізма. У артыкуле робіцца выснова, што беларуская эканамічная тэрміналогія пастаянна развіваецца і папаўняецца новымі тэрмінамі. На сучасным этапе паўстае пытанне аб упарадкаванні беларускіх эканамічных тэрмінаў.

Ключавыя словы: сінанімічны рад; колькасныя змены; сфера фіксацыі; сфера функцыянавання; дынамічныя працэсы; беларуская эканамічная тэрміналогія.

SYNONYMIC ROWS IN BELARUSIAN ECONOMIC TERMINOLOGY

V. U. Prakonina

Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus

The article considers synonymous councils as a kind of quantitative changes in the Belarusian economic terminology. The main causes of synonymy are analyzed: borrowing and use of different word-forming models. Affixation and tracing are used in the formation of synonymous terms. There are 3 ways to use Belarusian economic terms-synonyms, selected from the sphere of fixation, in the sphere of functioning. These include: the equivalent use of synonyms in the field of functioning; more frequent use of some terms from the synonymous board than others; archaizing one of the synonymous terms and using a neologism instead. The article concludes that the Belarusian economic terminology is constantly evolving and supplemented with new terms. At the present stage, the question of streamlining Belarusian economic terms arises.

Key words: synonymic rows; dynamic processes; quantitative changes; fixation sphere; functioning sphere; Belarusian economic terminology.

Да колькасных змяненняў у беларускай эканамічнай тэрміналогіі належыць утварэнне сінанімічных радоў. Да ліку асноўных крыніц развіцця сінонімаў у беларускай мове даследчыкі адносяць полісемію, наяўнасць розных словаўтваральных мадэлей і з'яву запазычвання [1, с.28]. Аналіз беларускай эканамічнай тэрміналогіі даў падставы сцвярджаць, што сінонімы ўзніклі ў дадзенай галіне тэрміналогіі на падставе выкарыстання розных словаўтваральных мадэлей і працэса запазычвання.

Асноўная колькасць сінанімічных радоў утварылася за кошт запазычанняў: *выдаткі агульныя, супольныя выдаткі* [2, с.51]; *аферта, заказ, прапанова* [3, с.170]; *выпрацоўка (вырабатка)* [4, с.33]; *дастава, дастаўленьне* [2, с.56]; *кансэнсус, узгодненасць, аднадушнасць* [3, с.67–68]; *каштарысная вартасць* [5, с.64], *каштарысны кошт* [6, с.37], *каштарысная цана* [2, с.59]; *мыта протэкцыйнае, спрыяльнае* [2, с.65]; *наяўнасць касавая* [5, с.29], *касавая гатоўка* [2, с.59]; *паперы цэнныя* [2, с.71], *папера каштоўная* [7, с.504].

Па розных словаўтваральных мадэлях былі ўтвораны наступныя тэрміны-сінонімы: *аўкцыянер* [9, с.50], *аўкцыяніст* [9, с.50]; *вэксаль акцэптавы* [10, с.18], *акцэптаваны вэксаль* [11, с.8]; *дабро* [2, с.56], *даброты* [11, с.14]; *калькуляцыя* [12, с.512], *калькуляванне* [13, с.104]; *нявыплата, няплата* [6, с.27], *неплацеж* [3, с.167]; *падаткаабкладанне двойное* [8, с.300], *падаткаабкладанне падвойнае* [14, с.15].

Пры ўтварэнні тэрмінаў-сінонімаў можа выкарыстоўвацца як афіксацыя, так і калькаванне. Пар.: *прадпрыемец, прадпрымальнік* [15, с.57]; *тавараабмен* [16, с.86], *таварапамен* [2, с.69]; *удзел, саўдзел* [3, с.179]; *улік аналітычны* [5, с.5], *аналітычны падлік* [17, с.3]; *улік аператыўны* [11, с.78], [4, с.16], *аператыўны падлік* [17, с.17]; *серабро, срэбра* [5, с.63]; *падзел працы* [5, с.57], *раздзяленне працы* [4, с.112]. Акрамя дадзеных асаблівасцей, тэрміны могуць адрознівацца граматычнымі катэгорыямі, напр.: *памена* [18, с.199], *абмен* [15, с.35] – у родзе, *падаткі на нерухомасць* [19, с.140], *падатак на маёмасць* [14, с.53] – у ліку.

У беларускай эканамічнай тэрміналогіі пададзена 324 сінанімічныя рады (7,63% ад агульнай колькасці беларускіх эканамічных тэрмінаў – 4217 адзінак). З іх 276 сінонімаў (85%) утвораны шляхам запазычвання, 48 адзінак (15%) – па розных словаўтваральных мадэлях.

У працэсе аналізу сінанімічных радоў беларускіх эканамічных тэрмінаў былі выяўлены 3 шляхі ўжывання тэрмінаў-сінонімаў, адабраных са сферы фіксацыі, у сферы функцыянавання⁵:

1) Усе эканамічныя тэрміны, што ўтвараюць сінанімічны рад, могуць ужывацца ў сферы функцыянавання раўназначна: *аферта, заказ, прапанова* [3, с.170]; *выдатак, расход* [2, с.54]; *дагавор, дамова* (дагаворанасць), *дагавор* (дакумент) [6, с.16]; *кірмаш* [2, с.59], *рынак* [20, с. 176]. Колькасць такіх сінанімічных радоў у беларускай эканамічнай тэрміналогіі – 180 (56%).

2) 1, 2, 3 адзінкі ад агульнай колькасці сінонімаў у сінанімічным радзе выкарыстоўваюцца, а астатнія ўжываюцца радзей. Некаторыя з прадстаўленых тэрмінаадзінак уяўляюць рускія калькі. З сінанімічнага рада *нястача, недахватка* [2, с.62], *нястача, няхватка* [5, с.44] актыўна ўжываецца тэрмін *нястача*; *падатак транзітны* [13, с.143] ужываецца замест *мыта перавознае* [9, с.57]; замест слоў *аснаванне* [21, с. 63] і *падстаўка* [2, с.63] выкарыстоўваюць тэрмін *падстава* [3, с.41]; замест *прасрочка* [2, с.65] – *пратэрміноўка* [2, с.65]; замест *часны гандаль* [2, с.65] – *гандаль прыватны* [2, с.56]. Адпаведныя сінанімічныя рады складаюць 31% (101 адзінка).

3) Адзін з тэрмінаў, прадстаўленых у сінанімічным радзе, з’яўляецца архаізмам, таму замест яго ўжываецца яго новы адпаведнік: *вірэмент* [22, с.283] замест тэрміна *сконтыроўка* [2, с.54], *выдаткі агульныя* замест *супольныя выдаткі* [2, с.51], *выгрузка* замест *выладаваньне* [2, с.54], *цана аптовая* [8, с.307] замест *цана гуртовая* [7,

⁵ Як вядома, сфера функцыянавання прадстаўлена спецыяльнай навуковай літаратурай, сфера фіксацыі – слоўнікамі.

с.507]. Да архаізмаў адносіцца 13% беларускіх эканамічных сінанімічных радоў (43 адзінкі).

Аналіз дынамікі ўтварэння сінонімаў у беларускай эканамічнай тэрміналогіі сведчыць пра тое, што дадзеная галіна знаходзіцца ў працэсе пастаяннага развіцця. 56% тэрмінаў-сінонімаў ужываюцца раўназначна ў сферы функцыянавання. Паступова адны сінонімы, якія найбольш дакладна выражаюць эканамічнае паняцці, будуць выкарыстоўвацца замест іх адпаведнікаў. Згодна з асноўнымі патрабаваннямі да тэрміна, у яго не павінна быць сінонімаў, аднак для раскрыцця зместа эканамічнага паняцця з розных бакоў павінны выкарыстоўвацца ідэаграфічныя сінонімы. Сінонімы-дублеты праяўляюцца ў тэрміналогіі разам з запазычаннямі.

На сучасным этапе паўстае пытанне аб упарадкаванні тэрмінаў-сінонімаў, якія ўзніклі ў галіне беларускай эканамічнай тэрміналогіі да сучаснага этапу (пазбаўленне ад архаізмаў, неапраўданых калек з рускай мовы). Актуальнай падаецца сістэматызацыя тэрмінаў-сінонімаў неалагізмаў у беларускай эканамічнай тэрміналогіі.

БІБЛІАГРАФІЧНЫЯ СПАСЫЛКІ

1. Савіцкая І. І. Славянская лексікаграфія: тэарэтычныя аспекты супастаўлення // Сучасны стан і дынаміка норм беларускай літаратурнай мовы: Матэрыялы міжнароднай навуковай канферэнцыі. Мінск, 24-25 кастрычніка 2006 г. Мінск : Права і эканоміка, 2006.
2. Беларуская навуковая тэрміналогія. Вып. 17 : Слоўнік бухгалтарскай тэрміналогіі : расійска-беларускі слоўнік : праект. Менск, 1928.
3. Дубовик А. Е. Англо-руско-белорусский словарь менеджера = English-Russian-DeLarussian dictionary for a manager = Англа-руска-беларускі слоўнік менеджэра. Мінск : Выш. шк., 1996.
4. Аграрная эканоміка: Карот. слоўнік / П. В. Лешчылоўскі, Б. В. Ульянка, У. К. Буга; пад рэд. Г. М. Лыча. Мінск : Ураджай, 1990.
5. Краткий русско-белорусский словарь экономических и бухгалтерских терминов / Сост. О. П. Зенькович, П. И. Малько, В. С. Молчан, А. А. Скикевич, Т. И. Скикевич; Под ред. О. П. Зенькович. Минск : Ураджай, 1994.
6. Тлумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы: больш за 65 000 слоў / Пад рэд. М. Р. Судніка, М. Н. Крыўко; афармленне А. М. Хількевіча. Мінск: БелЭн, 2002.
7. Лапідус І. Палітычная эканомія ў сувязі з тэорыяй савецкай гаспадаркі. Мінск : Белдзяржвыд., 1931.
8. Словарь-справочник по современной экономике: на пяти языках / М.В. Мишкевич, Л. И., Василевская, В. Н., Ермаков, М.И. Плотницкий; под общ. ред. М.И. Плотницкого, М.В. Мишкевича. Минск : Выш. шк., 1996.
9. Шаршнёў, А. В. Беларуская мова. Прафесійная лексіка. Мінск : Прыватны інстытут кіравання і прадпрымальніцтва, 2010.

10. Международные валютно-финансовые отношения: Краткий словарь-справочник / Н. Е. Заяц, Н. С. Пшенко; Под ред. Н. С. Пшенко. Минск : ООО Интербрук-Дрозды, Агентство РекАРТ, 1993.
11. Акуленка А. А. Руска-беларускі слоўнік эканамічных тэрмінаў. Мінск : Права і эканоміка, 2011.
12. Ільін Н. І. Бухгалтарскі ўлік у савецкім гандлі. Мінск : Дзярж. вучэб.-пед. выд-ва м-ва асветы БССР, 1956.
13. Кароткі эканамічны слоўнік / Скл. Я. А. Александровіч, В. В. Асмалоўскі, І. В. Балдзін, Ф. В. Баравік, А. І. Бязлюдаў, Р. П. Валевіч, С. С. Васкоўскі; Пад рэд. М. І. Платніцкага. Мінск, 1993.
14. Слепуха Н. В. Краткий русско-белорусский словарь экономических терминов : учебно-методическое пособие. Минск: Частный институт управления и предпринимательства, 2007.
15. Гассиева И. И., Молочко Н. В. Словарь – минимум экономических терминов: Русско-белорусско-англо-французско-арабский: В 2 ч. / Белорус. гос. ун-т; Ред. Р. В. Михновец. Минск, 1995. Ч.-2.: Л-Я.
16. Тлумачальны слоўнік гандлёвых тэрмінаў / Р. П. Валевіч, М. М. Нясмелаў, А. Г. Роміна, Г. В. Траяноўская; пад агул. рэд. Р. П. Валевіч. Мінск : Выш.шк., 1995.
17. Падлік, аналіз, кантроль: Руска-беларускі тлумачальны слоўнік / Скл. В. І. Стражаў, Л. І. Краўчанка, А. П. Міхалкевіч, Н. А. Русак, В. В. Кажарскі, П. Я. Панкоўская, А. М. Сушкевіч, Д. А. Панкоў. Мінск, 1990.
18. Любімаў Л. Палітычная эканомія: (пачатковы курс). Менск: Дзяржаўнае выдавецтва Беларусі, 1925.
19. Рыночная эканоміка: Словарь-справочник / Сост. Е. Ф. Герштейн, Ф. С. Герштейн, В. М. Конопелько, Л. М. Крюков, В. Н. Лисицын, К. В. Логовский, П. П. Мезян, Э. Е. Симченко, А. В. Шевчук, Л. В. Шевчук; Под ред. А. В. Шевчука. Минск : Выш. шк., 1992.
20. Старавойтава Н. П. Беларуская мова: гісторыя і сучаснасць: вучэбна-метадычны дапаможнік для нефілалагічных спецыяльнасцяў. Мінск : БДЭУ, 2006.
21. Малашук І. М. Беларуская мова. Прафесійная лексіка: камунікатыўны аспект. Мінск : БДЭУ, 2009.
22. Слоўнік катэгорый эканамічнай тэорыі / С. Я. Янчанка (кіраўнік), Т. І. Адамовіч, А. І. Ванькевіч і інш. Мінск, 1999.

PREPARATION FOR INTERNATIONAL LANGUAGE EXAMS AS A MEANS OF DEVELOPING INTERCULTURAL COMPETENCE

S. V. Solovjeva^a, D. P. Baksheev^b

^a*Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus*

^b*Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus*

Corresponding author: S. V. Solovjeva (svetlana_sol@tut.by)

This article is devoted to the problem of the development of the intercultural competence in foreign language classes. It highlights the advantages of employing the types of tasks and assignments used in preparation for international language exams (primarily, in

English) for attaining such a purpose. The focus has been made on the Cambridge exams: FCE (First Certificate in English) and CAE (Certificate in Advanced English). Such a choice has been conditioned by their prestige and the practical experience of the authors of this article. The conclusion has been made that preparation for international language exams contributes to the development of not only linguistic skills, but also of such important aptitudes as openness for effective communication with representatives of other cultures, tolerance to social and cultural differences as well as the abilities of showing empathy and critical thinking.

Key words: intercultural competence; international language exams; Common European Framework of Reference; competence-based approach.

ПОДГОТОВКА К МЕЖДУНАРОДНЫМ ЯЗЫКОВЫМ ЭКЗАМЕНАМ КАК СРЕДСТВО РАЗВИТИЯ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ

С. В. Соловьёва¹⁾, Д. П. Бакшеев²⁾

*¹⁾ Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, svetlana_sol@tut.by*

*²⁾ Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, mr.baksheevd@gmail.com*

Настоящая статья посвящена проблеме развития межкультурной компетенции студентов на занятиях по иностранному языку. В ней представлены преимущества использования обучающих и контрольных типов заданий, которые применяются в рамках подготовки к международным экзаменам (в первую очередь, по английскому языку). Главным образом, речь идёт о кембриджских экзаменах FCE (First Certificate in English) и CAE (Certificate in Advanced English). Такой выбор был обусловлен их престижем и непосредственным практическим опытом авторов данной статьи. Сформулирован вывод о том, что подготовка к международным языковым экзаменам способствует развитию не только языковых умений, но и таких важных качеств личности, как готовность к эффективной коммуникации с представителями иных культур, толерантность в отношении социальных и культурных различий, способность к эмпатии и критическому мышлению.

Ключевые слова: межкультурная компетенция; международные языковые экзамены; общеевропейские компетенции владения иностранным языком; компетентный подход.

The globalization of international relations necessitates effective intercultural communication, which implies intensive personal and professional intercourse in foreign languages. The success of such communication largely hinges on the ability of the interlocutors to overcome the linguistic and cultural barriers. This, in turn, requires a sufficient level of their intercultural competence apart from a good command of foreign languages.

There exist various approaches to the understanding of what intercultural competence is. G. V. Elizarova states that intercultural competence is an integrative quality, an ability of an individual to carry out interpersonal and professional communication in order to attain a positive result [7, p. 310]. A. P. Sadokhin, a recognized expert in this field, generally considers such an approach to be the most common one in the practice of intercultural communication. He lists such important benchmarks of a developed intercultural competence as openness to learning foreign cultures; the perception of psychological, social and other intercultural differences; psychological readiness to cooperate with representatives of another culture; the ability to overcome social, ethnic and cultural stereotypes; the possession of a set of communicative tools and their correct choice depending on the context of speaking; the observance of etiquette norms in the communication process [8, p. 133].

In this regard it has to be said that quite a number of specialists in the field of foreign language teaching: E. Low, S. Chong, M. Ellis, T. V. Zhavner, S. V. Nesterova, L. M. Popkova, A. S. Iakovleva, Y. L. Semenova, G. V. Sorokovykh have come to the conclusion about the advantages of implementing oral and written types of tasks practiced in international language exams for the development of the integrative communicative competence [see 2; 3; 5; 6; 9; 10]; hence, the development of the intercultural competence as it is believed to be a derivative of its socio-cultural and linguistic aspects [7, p. 310]. In fact, the types of tasks offered at international language exams like CAE (Certificate in Advanced English) have been developed on the basis of the competence-based approach and are linked to the Common European Framework of Reference for Languages (CEFR) [see 1].

In accordance with it, there was developed a scale outlining 6 levels of foreign language proficiency distinguished from A1 to C2 (or from a beginner to a proficient user). International language exams measure the level of competence in 4 main types of activities: reading, writing, listening and speaking. This scale enables educational institutions and employers to establish the required level of the language proficiency for their potential students and employees. The scores for the exam can be considered as a reliable confirmation of the tested linguistic abilities as well as the level of development of the related competencies.

For the confirmation of proficiency in English, the most popular language exams in the European framework are FCE (First Certificate in English), IELTS (International English Language Testing System) and CAE (Certificate in Advanced English). L. M. Popkova and A. S. Iakovleva state that preparation for such tests presupposes a complex development of all the facets of the integrative communicative competence: i. e., the linguistic, sociolinguistic, discursive, strategic, social and sociocultural [6, p. 162]. They also

believe that borrowing European experience in compiling tests and assignments while preparing students for international language exams will help to strengthen the competitive position of the Russian educational system at the international level [6, p. 166].

With respect to increasing competitiveness, T. V. Zhavner describes the current approach of the Siberian Federal University in relation to foreign language teaching and testing since 2016. Within the framework of the Russian academic excellence program, bachelor students of engineering specialties have been studying English for preparing for the FCE Cambridge certificate which corresponds to the B2 level in accordance with the Common European Framework of Reference for Languages. It has to be added, though, that such preparation was organized for those students who demonstrated the best results after the entrance language tests at the university [3, p. 42].

S. V. Nesterova and Y. L. Semenova stress that focusing on the standards of international language exams in the process of language learning at university is a prerequisite for increasing academic and working mobility [see 5; 9]. The requirements of European universities to the language command of their potential exchange programs participants vary. However, an international certificate like TestDAF (Deutsch als Fremdsprache) for the German language or CAE for English are generally well-recognized both by educational institutions and companies. Y. L. Semenova says that CAE certificate has weight for such companies as Hewlett-Packard, Microsoft, Sony, Nokia and Bosch [9, p. 30]. In such a way preparation for international exams forms motivation for further education, enables students to reveal their potential and increases their competitiveness in the common European educational space.

From the personal experience of taking part in the CAE some other advantages in terms of competence development can be added. Apart from the knowledge of the language, international tests also check a number of essential skills and abilities expected from an educated member of society. Among the most important ones is the understanding of a wide cultural context.

At the lower levels, students generally have to know and analyze only everyday situations, for example, consuming goods and services, communicating with friends and relatives or knowing some basic aspects about the culture from which the language originates (like common etiquette norms). However, in order to effectively prepare and successfully pass international language exams of a higher level, like CAE or CPE (Certificate of Proficiency in English), it is essential to demonstrate more advanced vocabulary and grammar for communicating sophisticated thoughts and emotions, as well as an in-depth cultural knowledge.

The subtests on the receptive types of speech activity, *Reading and Use of English* and *Listening*, are oriented at a holistic comprehension of the situa-

tion, which presupposes background knowledge of technology, history, law, politics and other areas. Regarding the subtests on the productive kinds of speech activity, namely, *Speaking* and *Writing*, it has to be said that they require not only a vivid worldview, but also an ability of expressing an opinion on complex issues in a well-structured and comprehensible way.

One of the tasks of the subtest *Speaking* is connected with participating in a dialogue. Two candidates are expected to discuss an issue and come to a conclusion, which engages analytical and communicative skills aside from the linguistic ones. In subtest *Writing* the first task is always preparing an essay in which the test-takers are expected to reveal their ability of critical thinking. Apart from fluent grammar and vocabulary use, the vital criteria involve organization, clarity and coherence. It is worthy of note that in the second task of this subtest the topic and the style of the texts can be chosen by candidates.

Undoubtedly, doing these types of tasks may help students to develop cultural tolerance towards different nationalities, peoples and their ways of life. In the modern globalized world, building cultural tolerance is in demand. The related abilities to effectively communicate and express one's opinion, show empathy, analyze and critically assess the context of speaking lay the foundations of the students' future success in the XXI century. Notably, the mentioned qualities are in concordance with the list of universal competencies offered by A.V. Makarov, a recognized national expert in the field of educational standards [4, pp. 108 – 110].

Summing up, it has to be said that approximation of university tests and assignments to the types of tasks practiced in international language exams allows to solve a number of other important objectives like boosting motivation for language learning, liquidating knowledge gaps, bringing diversity to the methods of teaching, promoting personal development in terms of competence growth and contributing to the competitiveness among the educational establishments. The successful participation in international language exams as a logical consequence of preparation might promote further development of the intercultural competence as long as obtaining an internationally recognized language certificate may provide increased opportunities for taking part in academic and professional exchange programs.

REFERENCES

1. International Language Standards [Electronic resource]: Cambridge English Language Assessment. Mode of access: <https://www.cambridgeenglish.org/exams-and-tests/cefr/>. Date of access: 12.01.2020.
2. Low E., Chong S., Ellis M. Teachers' English communication skills: Using IELTS to measure competence of graduates from a Singaporean teacher education program // Australian Journal of Teacher Education. 2014. Vol. 39, iss. 10. P. 64–76.

3. Жавнер, Т. В. Коммуникативный подход при обучении иностранному языку для сдачи международного экзамена студентов технических направлений в ВУЗе // *Siberia Lingua*. 2017. №. 3. С. 40 – 53.
4. Макаров А. В. Компетентностный подход в высшем образовании: международный и отечественный опыт : учебное пособие. Минск : РИВШ, 2019. 252 с.
5. Нестерова С. В. Международные экзамены как оценка качества подготовки ВУЗовских выпускников по иностранному языку // Тенденции развития мировой торговли в XXI веке : Материалы VIII Международной научно-практической конференции, посвященной 55-летию учебного заведения. Пермь. 2019. №. 5. С. 175– 182.
6. Попкова Л. М, Яковлева А. С. О субтесте «Говорение» («Speaking») в структуре международных экзаменов по иностранному языку // Вестник Псковского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2016. № 4. С. 161–166.
7. Рылов А. Г. Развитие межкультурной компетенции учащихся колледжа средствами изучения иностранного языка и иноязычной культуры // *Филология и культура*. 2010. №. 22. С. 310 – 313.
8. Садохин А. П. Межкультурная компетентность: понятие, структура, пути формирования // *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2007. Т. 10. №. 1. С. 125 – 139.
9. Семёнова Ю. Л. Подготовка к международным экзаменам как средство формирования билингвальной коммуникативной компетенции учащихся // *Высшее образование сегодня*. 2011. №. 9. С. 27 – 30.
10. Сороковых Г. В. Современные средства оценивания как фактор повышения качества языкового образования // *Актуальные проблемы лингвистики, литературоведения, языкового образования*. 2009. С. 128 – 136.

К ВОПРОСУ О РЕКОНФИГУРАЦИИ СОВРЕМЕННОГО РЕКЛАМНОГО ДИСКУРСА (НА МАТЕРИАЛАХ ФРАНЦУЗСКОЙ ЛИНГВОСЕМИОТИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ)

Т.В. Солодовникова

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Республика Беларусь, solodovnikova@bsu.by*

В статье рассматриваются отдельные вопросы трансформации рекламного дискурса, анализируемые в рамках исследований французской лингвосемиотической школы. Отмечается отказ от традиционных рекламных практик и смещение рекламной коммуникации в сторону Интернет-технологий (баннеры, всплывающие уведомления). Описываются новые формы рекламной коммуникации, обусловленные диверсификацией носителей информации. Устанавливаются специфические черты реконфигурации рекламного дискурса: интерактивность, перенос акцента с продукции как таковой на продвижение марок, различные форма рекламной мимикрии, «размывание» посредством метадискурсивных практик и обращения к игровому регистру, «ужесточение» как следствие обращения к стратегиям шоковой рекламы.

Ключевые слова: рекламный дискурс, реконфигурация, массовая коммуникация, стратегия, интерактивность, мобильный маркетинг.

TO THE QUESTION OF THE RECONFIGURATION OF THE MODERN ADVERTISING DISCOURSE (ON THE MATERIALS OF FRENCH LINGUISTIC AND SEMIOTIC SCHOOLS)

T. V. Saladounikava

Belarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The article considers some issues of transformation of the advertising discourse analyzed in the framework of linguistic and semiotic studies of the French school. There is a rejection of traditional advertising practices and a shift in advertising communication towards Internet technologies (banners, pop-up notifications). The article describes new forms of advertising communication caused by the diversification of information channels. Specific features of the reconfiguration of advertising discourse are established: interactivity, shifting the focus from products as such to brand promotion, various forms of advertising mimicry, "blurring" through meta-discursive practices and appeal to the game register, "tightening" as a result of appeal to shock advertising strategies.

Keywords: advertising discourse, reconfiguration, mass communication, strategy, interactivity, mobile marketing.

Глубокие изменения, претерпеваемые рекламным дискурсом, возможно рассматривать с нескольких позиций. Прежде всего, следует отметить диверсификацию носителей информации рекламного характера, обусловленную стремительным развитием цифровых медиа. Многие вопросы, возникающие в связи с появлением рекламы в электронных медиа (стратегии коммуникации в сети Интернет, модели поведения пользователей Интернета, измерение эффективности рекламных кампаний и пр.) рассматривают в своих работах Ж.-М. Декодан и Ж. Дегу [1].

Отдельные моменты реконфигурации рекламного дискурса, а также краткий обзор литературы по соответствующим вопросам представлены в одном из выпусков авторитетного лингвосемиотического журнала во Франции «Semen» – научной платформы для ведения дискуссии о новых формах дискурса/ов в тесном диалоге с гуманитарными и социальными науками и, в частности, с науками об информации и коммуникации.

Новые форматы рекламы – баннеры, всплывающие (*pop-up*) уведомления – зачастую дополняют традиционные медиа и в таком качестве выполняют несколько функций. Во-первых, они способствуют продолжению, продлению рекламной кампании; во-вторых, привносят в нее неформальный аспект, в частности, предоставляя пользователям возможность оставлять отзывы о соответствующей продукции. Последний

момент сопряжен также с понятием, как *интерактивность* рекламы – принципом, наиболее полной реализации которого содействует Интернет. Так, интерактивность предполагает ориентацию на потребителей, предположительно заинтересованных в объекте рекламы, а также, в целом, более гибкий подход к потребителю, позволяющий последнему как отказаться от получения рекламных предложений, так и самому способствовать их распространению путем пересылки другим потенциальным клиентам. Таким образом, потребитель приобретает активную роль в процессе функционирования (в частности, распространения) рекламы, что усиливает динамизм последней; в то же время, заказчик рекламы сохраняет контроль над существом, ключевыми аспектами рекламного сообщения.

Определенными достоинствами, присущими, по большей части Интернету, обладает *мобильный маркетинг*, предполагающий рекламу посредством СМС-сообщений. Данному способу свойственна портативность, позволяющая представить рекламное сообщение пользователю независимо от его местонахождения, и высокие показатели просмотра (прочтения / читаемости). Более того, реклама в формате СМС зачастую отличается простотой и фактичностью, а также использованием типичных для СМС-сообщений лингвистических и графических средств (сокращений, идеограмм и т.п.), что, в конечном счете, делает рекламное сообщение «дружественным», доступным и удобным для пользователя. Данные свойства определяют особую популярность такого формата рекламы среди молодых людей.

В контексте эволюции рекламного дискурса фундаментальный характер имеет перенос акцента с продукции как таковой на *продвижение марок (фирм)*. Последние выступают отныне в качестве носителей определенных ценностей, что переводит рекламу в качественно новое измерение. Такая роль рекламных сообщений реализуется, в частности, посредством привлечения известных личностей, ссылающихся на ценности, которые пропагандирует данная марка [2].

Одной из стратегий, которые прослеживаются в рекламных сообщениях современного периода, является *смещение непосредственно рекламного посыла с информацией иной природы*, например, относящейся к проблемам политического плана, вопросам здоровья, экологии и т.д. Так, рекламодатели примеряют на себя роль действующего лица в рамках *гражданского общества*, «растворяя» собственный коммерческий интерес в интересе глобального уровня. Приемы такой направленности снижают ясность рекламной коммуникации и создают возможность ошибочной интерпретации некоторых ее аспектов. Показательными являются примеры рекламных продуктов, делающих отсылку к экологическим ценностям: сам объект рекламы при этом может не иметь никаких

свойств, которые непосредственно способствовали бы сохранению окружающей среды.

В рекламном дискурсе двух последних десятилетий обнаруживаются также два противоположных направления, что позволяет говорить, как о его «размывании» (*dilution*), так и об «ужесточении» (*durcissement*). Прежде всего, отмечается обращение к регистру развлекательного плана (*registre ludique*), и, как следствие – широкое использование скороговорок, игры слов, юмора, пародии; несообразных, шокирующих сравнений, отсылок (*références incongrues*); а также облечение рекламы в нетипичные форматы (сказки, стихотворения и т.п.). Следовательно, акцент в рекламном дискурсе смещается на повествовательный потенциал, речевые параметры, которыми наделяется рекламный продукт; при этом функции непосредственно рекламного характера оказываются завуалированными.

В то же время производители рекламы прибегают и к радикальным стратегиям, которые в англоязычной литературе охватываются понятием *shockvertising*. Подобная реклама использует неоднозначные отсылки и не ограничивается нормами религиозного или морального характера; зачастую в ней находит отражение мысль эпохи постмодерна. Такого рода рекламный дискурс призван вызвать интерес к марке путем порождения полемики и, в частности, посредством привлечения внимания отдельных категорий потребителей – молодых и раскрепощенных членов общества.

Резюмируя все вышесказанное, отметим, что в современный период рекламный дискурс претерпевает существенные изменения, происходящие как на уровне создания рекламного продукта (на этапах определения целевой аудитории, формулирования рекламного сообщения, придания ему соответствующей формы), так и на уровне распространения рекламы (в частности, выбора соответствующего носителя рекламной информации). Таким образом, конкретные направления последних и перспективных исследований в сфере рекламного дискурса определяются, в значительной степени, процессом реконфигурации рекламного дискурса в целом и отдельными тенденциями, которые обнаруживаются в рекламе настоящего периода.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Decaudin J.-M., Digout J. E-publicité. Les fondamentaux. Dunod, Coll. : Management Sup, 2011. 448 p.
2. Guellec L. Brand(ed) content ou la stratégie du contenu: cadrage pour l'analyse des nouveaux dispositifs publicitaires » // *Semen* [En ligne], 36. 2013. URL : <http://journals.openedition.org/semen/9652> ; DOI : <https://doi.org/10.4000/semen.9652>

СЕКЦИЯ 7
ЛИНГВОСТРАНОВЕДЕНИЕ

**СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ГРЕЧЕСКОГО ТЕРМИНА ХАОС
(ΧΑΟΣ) И КИТАЙСКОГО ТЕРМИНА ХУНЬДУНЬ (混沌
HÙNDÙN)**

В. В. Климович

*Белорусский государственный университет
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, victoria.klimovich@gmail.com*

Космогонические представления, в частности о первооснове сущего, являются важнейшими для древних культур, так как они определяют представления о мире, обществе и человеческой жизни. Обращаясь к древнекитайской космогонии, мы находим множество различных подходов, описывающих появление мира, но в каждом из них, будь то мифологический или философский, в качестве первоосновы выступает бесформенное, всеобъемлющее единство – хуньдунь или безымянное дао. Приступая к анализу данного понятия, исследователь неизбежно сталкивается с необходимостью сравнения восточных и европейских представлений об изначальном состоянии Вселенной, в первую очередь для того, чтобы определить, возможно ли применение древнегреческого термина «хаос» для обозначения понятия, возникшего в совершенно иных культурных реалиях. Таким образом, объектом данного исследования является концепция хаоса в культуре Китая эпохи Чжоу (XI – III вв. до н.э.), а целью – раскрыть содержание китайского термина 混沌 hùn (хаос) в сопоставлении с категорией хаоса в греческой мифологии и классической философии. Результаты исследования являются важными для решения проблем, связанных с историей китайской культуры, уточнения переводов классических памятников, а также проливают свет на различия между китайской и европейской философской мыслью.

Ключевые слова: хаос; хуньдунь; культура Китая; философия эпохи Чжоу; античная философия.

**COMPARISON OF THE GREEK TERM CHAOS (ΧΑΟΣ) AND THE
CHINESE TERM HUNDUN (混沌 HÙNDÙN)**

V. V. Klimovich

*Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus
Corresponding author: V. V. Klimovich (victoria.klimovich@gmail.com)*

Cosmogonic ideas are the most important for ancient cultures as they determines the ideas about the world, society and human life. As far as Chinese cosmogony is concerned, no matter from what point of view (mythological or philosophical) it describes the

emergence of the world, it always mentions “hundun” or “nameless tao” as a fundamental principle. Analyzing this concept, a researcher is inevitably faced with the need to compare Eastern and European ideas about the original state of the Universe, in order to determine whether it is possible to use ancient Greek term “chaos” to denote a concept that arose in completely different cultural realities. Thus, the object of this study is the concept of chaos in the culture of China during the Zhou era (11th-3rd centuries BC), and the goal is to compare Chinese term 混 *hùn* (chaos) with the term “chaos” in Greek mythology and classical philosophy. The results of the study are important for such fields of research as: the history of Chinese culture, translations of classical texts, differences between Chinese and European philosophical thought.

Key Words: chaos; hundun; Chinese culture; Zhou period philosophy; ancient Greek philosophy.

Важнейшим источником данных о значении древних терминов является их этимология. Греческий термин *хаос* происходит от глагола *χαός* ‘разверзаюсь’. Впервые данный термин употребляется в «Теогонии» Гесиода (VIII - VII вв. до н.э.), в которой он используется для обозначения разверзшейся бесформенной бездны, порождающей всех богов. С этого момента в греческую традицию прочно входит представление о хаосе как бесформенном, всеобъемлющем и непознаваемом начале, которое лежит в основе процесса космогенеза [1, с. 24].

Китайский термин *хуньдунь* (или *хунь*) имеет несколько вариантов односложной и двусложной иероглифической записи: 渾敦 *húndūn*, 混 *hùn*, 渾 *hún*, 渾沌 *húndùn*, 渾淪 *húnlún*. Этимологии данных иероглифов были посвящены многочисленные исследования и во всех отмечается, что использование ключа 氵 ‘вода’ во всех вариантах записи данного понятия не случайно и указывает на то, что изначальный хаос мыслился китайцами именно как хаос водный [2, с. 123]. Это подтверждают и китайские ученые Жао Чуньцю и Жао Сюэ, которые в своей статье «Первозданный хаос и миф о потопе» анализируют все упоминания понятия «хаос» в китайских философско-религиозных трактатах и приходят к выводу, что именно водная стихия в представлении древних китайцев была воплощением первозданного единства мира [3, с. 39]. М. А. Исаченкова, анализируя составные элементы (ключи) иероглифа 沌 *dùn*, приходит к выводу, что он воплощает идею самовозникновения в хаосе жизни. Правая часть иероглифа 屯 *zhūn* изображает росток, пробивающийся через землю [4, с. 23], таким образом весь иероглиф приобретает значение «водная стихия, содержащая проросшее зернышко, как символ зарождающейся жизни» [5, с.98].

Обобщая вышесказанное, отметим, что термины *хаос* и *хуньдунь* имеют разное происхождение. Первый восходит к глаголу «разверзаться», второй – к графическому изображению водной стихии. Однако,

нельзя не заметить, что эти, наиболее древние значения, которые представлены в этимологии содержат и общий признак – способность к порождению жизни. Таким образом, на этапе формирования данных понятий в греческой и китайской традициях термины лишены негативных коннотаций и обозначают лишь начало Вселенной.

Чтобы проследить, какое развитие получили исследуемые термины, обратимся к древнегреческим и древнекитайским философским трактатам и попытаемся определить, какими свойствами наделяли изначальное состояние Вселенной представители двух культур.

Греческие философы рассматривали различные аспекты категории хаоса. Например, в учении Анаксимандра (610 - 547 гг. до н.э.) об апейроне на первый план выходит такая характеристика как безграничность: «Беспредельное – начало всего» [6, с. 112]. В представлении философа эта безграничность воплощает всю полноту Вселенной, а возникновение вещей происходит не от его преобразования, а в следствии того, что внутри него выделяются противоположности.

В учении орфиков (VI – III вв. до н.э.) активно развивалась идея хаоса как единства противоположных начал. «Хаос не есть ни тьма, ни свет, ни влажное, ни сухое, ни теплое, ни холодное, но все в одновременной смеси. И он всегда был единым и бесформенным» [7, с. 716 - 717]. Данная идея достигла своего расцвета в философии античного Рима, в частности у Овидия (I в. до н.э. – I в. н.э.) хаос был представлен как громада, в которой смешаны еще не оформленные вещи [8, с. 31].

Другим важным аспектом хаоса являлась его непознаваемость, обусловленная тем, что хаос находится за пределами мира форм. Примером может служить философия Акусилая (VI в. до н.э.), который утверждал, что хаос «возвышается над всем как нечто непознаваемое и внутри непротивопоставляемое» [7, с. 702], а также философия орфиков и неоплатоников, которые утверждали, что хаос предшествует чувственно воспринимаемому миру [7, с.740].

Таким образом, в наиболее ранних греческих философских трактатах изначальный хаос, помимо способности к порождению мироздания, был наделен такими чертами как: безграничность, отсутствие внутреннего противопоставления и непознаваемость и не являлся воплощением темной стихии, а представлял собой соединение противоположностей, целостное и непостижимое начало.

Если говорить о древнекитайской философии, то вопросы космогонии и образ первозданного хаоса были наиболее разработаны в рамках даосской философской, представители которой исходили из общей идеи образования мира как результата разделения всеобъемлющего и бесформенного начала на противоположности.

В основе представлений даосских философов о первоизданном хаосе лежит идея его бесформенности, заимствованная еще из космогонических мифов. Такая целостность как основная характеристика изначального состояния мира в наиболее явном виде встречается в образах Хуньдуня из «Каталога гор и морей» (III – II вв. до н.э.) [8, с. 73] и великана Паньгу из «Собрания литературы, классифицированного по разрядам» (III в. н.э.) [9]. Начиная с Лао-цзы (IV – III вв. до н.э.) идея формы как отличительного признака вещей и бесформенности как неотъемлемого свойства изначального хаоса прочно входит в даосскую философию. В 41 главе «Даодэцзина» это свойство описывается следующим образом: «Великий образ не имеет формы»⁶ [10, с. 98].

Наибольшего развития идея бесформенности хаоса получила в философии Чжуан-цзы (III в. до н.э.). Воплощением изначального хаоса выступает владыка Центра – Хуньдунь, чья бесформенность и безликость призваны подчеркнуть отсутствие на этом этапе различий между субъектом и объектом, создающее идеальное изначальное единство.

Бесформенность как отличительная черта изначального хаоса указывает на безграничность его проявлений и всепроникаемость. Подтверждение этому также можно найти в даосских текстах, например, в «Даодэцзине»: «Великое дао повсюду, оно может быть и слева, и справа»⁷ [10, с. 83], а также в метафоре «Небесная кладовая», неоднократно используемой в «Чжуан-цзы»: «Наполняй ее, и она не переполнится, черпай из нее, и она не истощится»⁸ [11, с. 31].

Из безграничности и всепроникаемости хаоса китайские философы делают вывод о его непостижимости органами чувств и разумом. Эта мысль подчеркивается в трактате «Даодэцзине» использованием термина «безымянное». Наличие имени или хотя бы возможности обладать именем является символической границей между вещами и не-вещами, познаваемым и непознаваемым. Свойства вещей ограничены и их имена отражают эти ограниченные свойства, дао же беспредельно и нет такого имени, которое могло бы вместить в себя всю полноту этого понятия. Знание человека об изначальном хаосе носят исключительно интуитивный характер: «Смотрю на него и не вижу, и потому назову его великим, слушаю его, но не слышу, и потому назову его беззвучным, стремлюсь к нему и не могу достигнуть, и поэтому назову его крошечным»⁹ [10, с. 83].

⁶大象無形。

⁷大道汎兮，其可左右。

⁸注焉而不滿，酌焉而不竭。

⁹視之不見，名曰夷；聽之不聞，名曰希；搏之不得，名曰微。

Иными словами, древнекитайские философы выделяли следующие отличительные признаки изначального единства мира: бесформенность и целостность, всеохватность и всепроницаемость, а также непознаваемость.

Таким образом, мы можем прийти к вводу, что и в древнегреческой, и в древнекитайской традициях началом Вселенной полагалось превосходящее всякую форму беспредельное и непознаваемое абсолютное единство. Соответственно, использование древнегреческого термина «хаос» для обозначения данной категории китайской культуры вполне обоснованно, особенно учитывая, что в рамках собственно китайской традиции единого термина выработано не было.

Однако, здесь стоит сделать ряд оговорок. Во-первых, древнегреческая категория «хаос» имеет более широкое значение. И помимо извечной первопричины вселенной также обозначает пространство, вмещающее в себя все целое (в философии Аристотеля). Также хаосом в античной традиции называлось царство мертвых - Аид. случаев использования китайского термина хуньдунь в данных смыслах нами отмечено не было.

Во-вторых, в греческой философской традиции, начиная с Платона (V в. до н.э.), закрепляется идея о порядке как более совершенной форме существования мира. Например, в диалоге «Федр» порядок трактуется как проявление заботы богов о мире [7, с. 409]. Даосская философия предлагает прямо противоположную трактовку, в которой изначальное состояние вселенной – есть состояние наивысшей гармонии, утраченной в процессе космогенеза; таким образом, целью человеческой жизни становится не дальнейшее упорядочивание хаоса, а, напротив, возвращение к нему.

Для того, чтобы лучше понять причину таких различий, нам стоит обратиться к процессу космогенеза, каким его рисует греческая и китайская традиции и особенно обратить внимание на место хаоса в этом процессе. По описанию Гесиода, хаос – тучеподобная материя. Она не создает мир сама по себе, для это ей необходимо активное начало. Разные философы по-разному именуют это начало: Эрос орфиков, Эрот в философии Аристофана, Ум у Анаксагора. Все они представляют собой принципы порядка, которые трансформируют хаос в гармоничный Космос, который мыслится как идеальное состояния мира.

Совершенно иначе обстоит ситуация с китайским термином «хунь» или «хуньдунь». Именно в исходном единстве заложена способность порождать сущее, это его предназначение подчеркивается активным использованием метафор со значением женского начала: ложбинный дух (谷神 gǔshén), сокровенная самка (玄牝 xuán pìn), лощина подне-

бесной (天下谿 tiānxià xī), мать поднебесной (天下母 tiānxià mǔ). Такой подход к изначальному единству обуславливает его позитивную оценку в рамках даосской философии.

Обобщая вышеизложенное, отметим, что древнегреческий термин «хаос» может быть использован для обозначения китайского понятия «хуньдунь», т.к. за двумя категориями закреплены одинаковые признаки и сходные функции. В то же время хотя изначально в греческой традиции понятие «хаос» было нейтральным, к V в. до н.э. появилась выраженная дихотомия «хаос – порядок», в которой за категорией хаоса закрепились негативная коннотация. В китайской же традиции сформировалось позитивное отношение к изначальному состоянию Вселенной. Более того, интерпретация хуньдуня как воплощения естественности даосскими философами превратило его в воплощение высшей гармонии. Такое расхождение в интерпретации можно объяснить принципиальным отличием в философских моделях космогенеза. Если китайская традиция рассматривает образования мира как процесс саморазвития изначального единства, то в древнегреческой традиции состояние хаоса – этап чистой материи, которая не способна самостоятельно породить Космос и нуждается в воздействии на нее активной творящей силы.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Гесиод. Полное собрание текстов. Москва : Лабиринт, 2001.
2. Яньшина Э.М. Формирование и развитие древнекитайской мифологии. Москва : Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1984.
3. 饶春球, 饶雪. “混沌”与洪水神话 // 郧阳师范高等专科学校学报. 2009. № 4. = Жао Чуньцю, Жао Сюэ. Первозданный хаос и миф о потопе // Вестник педагогического училища г. Юньян. 2009. № 4.
4. 说文解字 / 柴剑虹编著. - 北京:九州出版社, 2001. = Шовэнь цзецзы / под ред. Чай Цзяньхун. Пекин : Цзючжоу, 2001.
5. Исаченкова М.А. Китайский космогенез: структура хаоса // Пути Поднебесной: сб. науч. тр. Вып. III. Минск : РИВШ, 2013.
6. Лосев А.Ф. Очерки античного символизма и мифологии. Москва : Мысль, 1993.
7. Лосев А.Ф. Мифология греков и римлян. Москва : Мысль, 1996.
8. Овидий. Метаморфозы. Москва : Художественная литература, 1977.
9. 山海经: 图文珍藏本 / 李润英, 陈焕良注译. 长沙 : 岳麓书社, 2006. = Каталог гор и морей: иллюстрированное издание / под ред. Ли Жуни, Чень Хуаньян. Чанша : Юэлу, 2006.
10. 藝文類聚 / 中國哲學書電子化計劃 [Электронный ресурс]. 2014. URL: <http://ctext.org/yiwen-leiju/zh> (дата обращения: 03.02.2018).
11. 图说老子道德经 / 方韬编著. - 北京: 北京联合出版公司, 2012. = Даодэцзин Лао-цзы с иллюстрациями / под. ред. Фан Тао. Пекин : Пекинская объединенная издательская компания, 2012.

12. 庄子讲读 / 方勇编. — 上海 : 华东师范大学出版社, 2008. = Чжуан-цзы / под ред Фан Юн. Шанхай : Хуадун шифань дасюэ чубаньшэ, 2008.

ОТНОШЕНИЕ АРАБОВ К ИРАНЦАМ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ (НА ПРИМЕРЕ МЕДИАПРОСТРАНСТВА)

В.О. Лещенко

*Белорусский государственный университет
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, oleglesh010@gmail.com*

В работе рассматривается отношение враждебности арабов к иранцам, усугубившееся в последнее десятилетие, что связано с получением Ираном роли ключевого игрока на Ближнем Востоке в следствие арабских революций, американского вторжения в данный регион и заключением ядерной сделки с Ираном. Однако корни разногласий между арабами иранцами следует искать не только в современной расстановке политических сил на Ближнем Востоке, поэтому помимо политических факторов в работе также выделяются исторические, культурные и религиозные. Враждебное отношение арабов к иранцам показывается на примере медиапространства, в котором по отношению к иранцам употребляются такие специфические наименования как аджам, маджус и т.д., что болезненно воспринимается иранцами, так как не отражает действительность. В СМИ арабы рассматривают любые действия со стороны Ирана как признак заговора, который Запад подготовил против них с помощью иранцев. В работе также приводятся данные опроса арабов относительно их взгляда на ирано-арабские отношения и иранцев в целом.

Ключевые слова: арабо-иранские взаимоотношения; медиапространство; отношение враждебности; средства массовой информации; маджус.

ARAB ATTITUDE TOWARD IRANIANS AT THE PRESENT STAGE (ON THE EXAMPLE OF THE MEDIA SPACE)

V.O. Leshchenko

Belarusian State University, st. Leningradskaya 20, 220006, Minsk, Belarus

The article examines the attitude of Arab hostility towards Iranians, which has increased in the last decade, which is related with Iran's gaining the role of a key player in the Middle East as a result of the Arab revolutions, the American invasion of the region and the signing of a nuclear deal with Iran. However, the roots of the disagreement between Arabs and Iranians should be sought not only in the current balance of political forces in the Middle East, therefore, in addition to political factors, historical, cultural and religious factors are mentioned in the work. The hostile attitude of the Arabs towards the Iranians is shown on the example of the media space, in which such specific names as ajam, majus, etc. are used towards the Iranians, which is painfully perceived by them, since it does not reflect reality. In the media, the Arabs are considering any actions by Iran as a

sign of a conspiracy that the West has prepared against them with the help of the Iranians. The article also cites data from a survey of Arabs regarding their views on Iranian-Arab relations and Iranians in general.

Key words: Arab-Iranian relations; media space; hostile attitude; media; majus.

В течение многих лет Иран является одним из основных политических игроков на Ближнем Востоке, без которого не решается ни один вопрос региона. В последнее время влияние ИРИ становится все больше, так как он остается одним из немногих «островков спокойствия» на ближневосточном пространстве. Вместе с тем, сегодня усиливается враждебность по отношению к Ирану, в первую очередь со стороны арабских государств, что, несомненно, обусловлено множеством факторов: политических, исторических, религиозных и культурных.

Наиболее интересными и актуальными для рассматриваемой проблематики видятся нам политические факторы, связанные с реальной расстановкой сил на Ближнем Востоке: Иран и Саудовская Аравия борются за первенство в регионе, у них есть свои союзники и противники, а их отношения постоянно обостряются. Нынешнее положение Ирана в ближневосточном регионе арабы связывают с военным вторжением американцев на арабский Восток и арабскими революциями, так как они ослабили Ближний Восток и впервые за несколько веков позволили иранцам достичь цели, к которой они так долго стремились: играть ведущую, а иногда и решающую роль в политике данного региона [9]. Сегодня саудиты и иранцы поддерживают разные стороны в конфликтах в Йемене и Сирии. Саудовская Аравия опасается того, что Иран может занять господствующее положение на Ближнем Востоке, и всячески препятствует его растущему влиянию. Антииранские настроения Саудовской Аравии поддерживал Дональд Трамп [1], вышедший из ядерной сделки в 2018 г. и занявший в отношении ИРИ жесткую позицию. Однако новоизбранный президент США, Джо Байден, заявляет о своей готовности к продолжению диалога с Ираном, если тот будет выполнять свои обязательства по ядерной сделке [13]. Возможное потепление в отношениях США и ИРИ может привести к новому витку напряженности в отношениях между арабскими странами и Ираном.

Исторические факторы связаны с тем, что арабы воспринимают ИРИ как преемницу Ахеменидского, Сасанидского и Сефевидского Ирана, то есть как государство-агрессор с экспансионистской политикой [7]. Проблема в том, что иранцы бережно хранят память о своем историческом прошлом и гордятся существованием своих обширных империй. По этой причине персы не могут простить арабам мусульманское завоевание Сасанидского Ирана, они до сих пор переживают гибель Персид-

ской империи. Даже после Исламской революции и образования ИРИ постоянно происходят апелляции к термину «большой Иран» и попытки к созданию союзов как на религиозной, так и на персоязычной основе со странами, некогда являвшимися частью иранских империй. Поэтому любое упоминание или отсылка со стороны Ирана к своему историческому прошлому, интерпретируется арабами негативно.

Религиозные факторы, повлиявшие на появление противоречий между арабами и иранцами, следует искать в том, что первые в большинстве своем являются суннитами, а вторые - шиитами. Однако до мусульманского завоевания иранцы были зороастрийцами. Арабы-сунниты отзываются об иранских шиитах весьма неоднозначно: широко распространенное арабское убеждение о том, что иранцы не являются настоящими мусульманами, основано на предположении, что последние никогда не исповедовали настоящий ислам. Вместо этого они развили шиизм, который якобы является не чем иным, как их старой религией (зороастризмом) с тонкой оболочкой ислама. Более того, арабы уверены, что иранцы сделали это, чтобы уничтожить и подорвать истинный ислам [6]. Идея шиизма как иранского творения, конечно же, не имеет под собой исторической основы. Раскол, произошедший внутри мусульманской общины Аравии сразу после смерти пророка Мухаммеда и приведший в конечном итоге к появлению шиизма, был чисто арабским явлением, так как в то время арабы-мусульмане еще не захватили Иран.

К причинам противостояния иранцев и арабов необходимо отнести и культурные факторы. К моменту появления ислама иранская культура уже насчитывала тысячу лет и оказала огромное влияние на соседние регионы, в то время как арабская культура только зарождалась. Столкновение двух культур, иранской и арабской, было неизбежно и его последствия ощущаются и в наше время. Арабы считают, что персы всегда умоляли и умоляют значение арабской цивилизации и арабского культурного наследия. Уже в ранний исламский период происходят попытки разделения арабской культуры и ислама со стороны иранцев. Между тем арабы уверены, что именно они обогатили иранскую культуру, привив им тягу к науке [9]. В период расцвета арабо-мусульманской культуры большое количество персидских ученых и теологов внесло вклад в развитие исламских идей и культурных ценностей, так как писали они на арабском, потому что он являлся языком науки.

Обзор арабских СМИ, блогов и интернет-форумов, а также комментарии обычных людей под опубликованными материалами, подавляющее большинство из которых негативные, может пролить свет на сегодняшнее отношение арабов к иранцам. Арабоязычные комментаторы для пренебрежительного наименования иранцев в основном используют

такие специфические термины как огнепоклонник (зороастриец), маджус (арабское собирательное наименование для приверженцев зороастризма [2, с. 151]) и аджам (арабское собирательное название, изначально употреблявшееся для обозначения немусульманских народов, но в последствие ставшее наименованием сугубо для иранцев, и имеющее в арабско-русском словаре значение ‘неараб’, ‘перс’ [4, с. 346]). В современных арабских СМИ и политической литературе часто происходит апелляция к «Кадисии» [7] (битве, произошедшей в 637 г., в ходе которой мусульманским войскам удалось одержать победу над Сасанидским Ираном).

К термину маджус апеллируют в основном ваххабиты Саудовской Аравии и их сторонники. Например, к понятию маджус в сюжете телеканала Аль-Джазира от 20 июля 2013 года обращался и Халед Мостафи, ярый сторонник Свободной армии Сирии, одной из крупнейших военных группировок, враждебно настроенной к правительству Башара Асада, которая получает материальную поддержку от Саудовской Аравии. В данном сюжете Мостафи обвинял иранцев в поддержке режима Асада и заявлял, что «иранцы – маджусы и неверные, и, в отличие от них, сирийцы произошли от курайшитов» [11].

После массовой давки в г. Мекка в 2015 г. во время хаджа и негативной оценки данного происшествия со стороны ИРИ, великий муфтий Саудовской Аравии, Абдул Азиз аль-Шейх, заявил, что иранцы являются потомками маджусов, по этой причине запретил им совершать хадж, после чего дипотношения между странами были разорваны [8]. Также в СМИ, контролируемых Саудовской Аравией, сегодня часты такие изречения и призывы, как «очистите мир от еретиков-маджусов и исходящих от них нечистот от Кербелы до Бушера» и т.д. [10].

Обращение к понятию маджус арабами иранцы считают унижительным и подчеркивают, что сами они никогда не используют слово «идолопоклонник» по отношению к арабам [9], хотя, если исходить из принципа наименования по доисламским верованиям, такое обращение было бы уместно.

Однако у иранцев само слово «араб» стало синонимом необразованности и дикости. Известные персидские писатели, такие как Садег Хедаят и Бозорг Алави, изображают арабов как подлых, хитрых и алчных людей [10]. В персидском языке отношение к арабам закреплено даже на уровне фразеологии: например, *az biḵ arab shodan*, что дословно переводится как ‘в корне стать арабом’ – ‘напрочь отрицать что-либо’, [3, ч. 1, с. 239].

В 2015 г. иранский рэп-исполнитель Бехзад Пакс выпустил песню под названием «Arab-Kosh» («Убийца арабов»), в которой призывалось к

убийству арабов. Данная композиция широко освещалась в арабских СМИ, утверждающих, что она была выпущена с одобрения Министерства культуры и исламской ориентации ИРИ. Однако руководство данного ведомства отрицало этот факт и оценило данную композицию как продукт «больного ума» [12].

Одной из проблем в ирано-арабских отношениях является то, что иранские СМИ в любых действиях арабских государств видят результат иностранной воли и вмешательства, особенно со стороны Соединенных Штатов Америки. Однако многие проблемы в регионе имеют исторические корни, и если Запад и использует их в своих целях, то это связано с их существованием на Ближнем Востоке. Реакция Ирана на эти проблемы не всегда соответствует действительности, что делает ситуацию в регионе еще более сложной и неуправляемой.

Арабские государства в свою очередь начинают верить в теории заговоров и рассматривают любые действия со стороны Ирана как признак заговора, который Запад подготовил против них с помощью иранцев. Так, например, во время переговоров по иранской ядерной сделке в 2015 г. в Лозанне в арабских СМИ были опубликованы статьи, в которых утверждалось, что помолвка дочери госсекретаря США Джона Керри с молодым иранским врачом заставило его во время переговоров отвернуться от арабов [14].

Еще одно подтверждение проиранской позиции американского политика арабские СМИ нашли в использовании им названия «Персидский залив» в сообщении, которое Джон Керри направил иранцам по случаю праздника Ноуруз [14]. Дело в том, что наименование Персидского залива оспаривается большинством арабских стран, которые именуют его Арабским заливом.

Можно также отметить, что в 2016 году новостным агентством Аль-Джазира был проведен опрос среди политических элит арабских государств касательно их мнения о состоянии арабо-иранских отношений и роли Ирана в регионе, в котором приняли участие все представители Лиги арабских государств. Согласно результатам опроса, 61% респондентов оценили арабо-иранские отношения как плохие, а 28% - как очень плохие. 67% опрошенных считают, что Иран играет отрицательную роль в регионе и угрожает арабским интересам. 48% респондентов были убеждены, что в ближайшие пять лет отношения между ИРИ и арабскими государствами ухудшатся, а 21% считали, что они останутся на том же уровне [5]. Сейчас уже можно сказать, что прогнозы оказались верными и отношения между арабскими государствами и Ираном не стали лучше, а даже усугубились.

В ходе опроса также были поставлены вопросы касательно взгляда арабов на иранцев и взаимосвязи их этносов. 82% опрошенных посчитали, что иранцы плохо относятся к арабам, а 87% подтвердили наличие

антииранских настроений внутри арабского мира. 57% респондентов придерживаются мнения, что арабы и иранцы – это два разных народа с некоторыми общими характеристиками, 32% – это одна исламская нация, но каждая этническая группа обладает некоторыми уникальными чертами, 9% считают, что арабы и иранцы – это два разных народа без общих черт [5].

Таким образом, становится понятным, что существует серьезный конфликт между ИРИ и арабскими государствами, который отчетливо виден на примере медиапространства, однако корни конфликта сокрыты в истории. В вопросе арабо-иранских отношений на первый план выходят именно цивилизационные отличия, а не религиозное единство. В рамках цивилизационного подхода выделяются следующие факторы многовекового соперничества арабов и иранцев: исторические, политические, религиозные и культурные.

Из всего вышесказанного следует, что отношения между арабами и иранцами могут быть охарактеризованы как постоянно напряженные, а в последнее десятилетие они даже усугубились. Арабы апеллируют к нетипичным наименованиям иранцев с целью их дискредитации в мусульманском мире. Иранцы в свою очередь также закрепили негативное отношение к арабам на языковом уровне. Современная расстановка сил на Ближнем Востоке и стремление шиитского Ирана стать ключевым игроком на его арене приводит к озабоченности арабских государств, в особенности Саудовской Аравии. Данная озабоченность становится плодотворной почвой для обращения взоров арабов на историю своего сосуществования с иранцами и, как следствие, возрождения мифологем.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Каждый за себя. Расклад сил в Персидском заливе перед угрозой нового конфликта BBC [Электронный ресурс]. 2019. URL: <https://www.bbc.com/russian/features-41953451> (дата обращения: 14.11.2020).
2. Ислам: Энциклопедический словарь / Г. В. Милославский, Ю. А. Петросян, М. Б. Пиотровский; гл. ред. Л.В. Негря. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1991.
3. Персидско-русский словарь: в 2 ч. / Ю.А. Рубинчик; под ред. М.Н. Османова. Тегеран, 2012.
4. Большой арабско-русский словарь. 250 000 слов и словосочетаний / А. С. Юшманов; под ред. Н. Цили. М.: ООО «Дом Славянской книги», 2010.
5. Al-Smadi, F. Opinion Poll: “Arab Elites’ Attitudes toward Arab-Iranian Relations and Iran’s Role in the Region” // Aljazeera center for studies [Electronic resource]. 2016. Mode of access: <https://studies.aljazeera.net/en/reports/2016/01/2016118124555639612.html>. Date of access: 02.12.2020.
6. Hunter, Sh. Calling Iranians “Descendants Of The Magi” Is Actually A Compliment // LobeLog [Electronic resource]. 2016. Mode of access: <http://fa.alalam.ir/news/1859794>. Date of access: 02.10.2020.

7. Каков взгляд арабов на Иран? // khabaronline [Электронный ресурс]. 2015. URL: <https://www.khabaronline.ir/news/نگرنداعراب-به-ایران-چگونه-می-409171> (дата обращения: 25.11.2020).
8. Кризис управления «религиозной ненавистью» в ирано-саудовских отношениях // BBC [Электронный ресурс]. 2016. URL: <https://www.bbc.com/persian/iran-54983010> (дата обращения: 04.10.2020).
9. Тарик Осман: Как мы понимаем главную дилемму иранской мысли и ее взглядов на арабов? // CNN [Электронный ресурс]. 2020. URL: <https://arabic.cnn.com/middle-east/article/2020/12/23/opinion-iran-dilemma> (дата обращения: 25.11.2020).
10. Антииранский Иран или антииранские арабы? // radiofarda [Электронный ресурс]. 2016. URL: <https://www.radiofarda.com/a/f7-taboo-e9-anti-arab-sentiments-in-iran/28096960.html> (дата обращения: 14.11.2020).
11. Странное отношение представителя свободной сирийской армии // Oshidā [Электронный ресурс]. 2014. URL: <http://oshida.ir/prtiqzaz.t1auz2bcct.html> (дата обращения: 14.11.2020).
12. Министерство культуры Ирана: песня // Qanah al'alem [Электронный ресурс]. 2015. URL: <http://www.alalam.ir/news/1730791> (дата обращения: 14.11.2020).
13. Министр иностранных дел Ирана об исполнении ядерной сделки: ожидаем снятия санкций // BBC [Электронный ресурс]. 2020. URL: <https://www.bbc.com/persian/iran-54983010> (дата обращения: 14.11.2020).
14. Керри уважил своих иранских родственников твитом о Персидском заливе? // arabi21 [Электронный ресурс]. 2015. URL: <https://arabi21.com/story/819494/> (дата обращения: 14.11.2020).

ОСОБЕННОСТИ ЯПОНСКОЙ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ В ДЕЛОВОЙ СФЕРЕ НА ПРИМЕРЕ ВЕДЕНИЯ ПЕРЕГОВОРОВ

К.О. Севрюк

*Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь, sevruc.karina@gmail.com*

В статье описаны особенности японской деловой коммуникации в контексте межкультурной коммуникации на фоне социокультурных особенностей японского общества, таких как: гармония как основополагающий принцип взаимодействия в социуме, для поддержания гармонии необходимо соблюдение принципов коллективизма, норм поведения, иерархии. Общий социально-культурный опыт обуславливает высококонтекстное использование языка. Переговоры с японской стороной не ограничиваются исключительно обсуждением дел, существует также традиционный этикет, такой как обмен визитками и подарками, совместное времяпрепровождение вне офиса.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация; высококонтекстное общение; деловые переговоры.

FEATURES OF JAPANESE INTERCULTURAL COMMUNICATION IN THE BUSINESS SPHERE ON THE EXAMPLE OF NEGOTIATION

K.O. Sevruk

Belarusian State University, Niezaliežnasci Avenue, 4, 220030, Minsk, Belarus

The features of Japanese business communication in the context of intercultural communication against the background of the socio-cultural characteristics of Japanese society are described, such as: harmony as a fundamental principle of interaction in society; to maintain harmony, it is necessary to observe the principles of collectivism, norms of behavior, hierarchy. Shared socio-cultural experience determines the highly contextual use of language. Negotiations with the Japanese side are not limited solely to business meetings and negotiations; there is also traditional etiquette, such as exchanging business cards and gifts, spending time together outside the office.

Key words: intercultural communication; high-context communication; business negotiations.

В связи с усилением глобализации мирового сообщества, более тесным взаимодействием культур разных стран и углублением межкультурной коммуникации, диалог культур становится все более важным предметом изучения. В современной культурологии все большее внимание уделяется исследованию стратегий межкультурного общения, что особенно необходимо в деловой сфере, поскольку позволяет избежать конфликта деловых партнеров из-за разности культур.

Специфика коммуникационных процессов в Японии формировалась под воздействием различных культурно-исторических факторов, обусловивших своеобразие языка и стиля коммуникации: однородности населения, влияния религиозных традиций и философских воззрений, особенностях исторического развития японской культуры. Эти факторы сформировали специфическую структуру социальной организации и межличностных отношений в Японии, которые, в свою очередь, сформировали характер японской коммуникации [3]. Процесс межкультурного общения подразумевает принятие во внимание культурной обусловленности своего родного языка и языка партнера по коммуникации. Язык партнера следует воспринимать с учетом той культуры, в которой он живет и носителем которой является. Это требует определенной компетенции не только в языке, но и в связанном с ним поведении. По определению японского ученого Нагасима Нобухиро, для западной цивилизации типичной является форма «коммуникации максимального общения», в то время как для японской – «форма минимального общения» [3]. В японском социуме, где присутствует общий социокультурный фон, нет необходимости проговаривать каждую мысль, поскольку

считается, что два человека с одинаковым историческим и социально-культурным опытом способны понять друг друга при помощи этого опыта и с минимальным использованием слов.

Эту же теорию изложил антрополог Эдвард Холл в своей книге «Вне культуры», где разделил использование языка на два типа: высококонтекстное и низкоконтекстное. Низкоконтекстное использование распространено в англоговорящих странах, а также в Германии, Голландии и Швеции, где говорят достаточно прямо и в проговоренном содержится непосредственно сообщение о том, что хотел сказать говорящий. Для понимания сообщения не нужно больше никакой другой информации. К примеру, к низкоконтекстному общению относятся научные концепции или математические формулы, которые понимаются через универсально разделяемые определения, и ясность их сообщения должна быть максимальной. Такие сообщения прямолинейны и по существу, а говорящие нетерпеливы к риторике и расплывчатости. В США требование «говорить то, что вы имеете в виду, и иметь в виду то, что вы говорите» указывает на предпочтение низкоконтекстного общения. Напротив, высококонтекстное общение является многонаправленным, в нем каждое сообщение не ограничивается только словами. Высококонтекстное сообщение включает в себя тон голоса, язык тела, и общий социально-культурный опыт. Высококонтекстное общение предполагает множественные смыслы и символизм. Японская культура является высококонтекстной. Японские высказывания зачастую не прямые и расплывчатые, и многие из них могут быть поняты правильно только в случае, если слушающий хорошо знает говорящего, распознает язык тела и тон, которым произнесено сообщение. Таким образом, основная специфика, которую необходимо учитывать в межкультурной коммуникации, в которой участвуют японцы, – это восприятие любого информационного сообщения как высококонтекстного [цит. по: 2, ст. 30].

Необходимо помнить, что в Японии как в стране с сильными позициями традиционной культуры очень важны специфические деловые практики, позволяющие в надлежащей форме вести деловые переговоры. Например, гармония 和 (*ва*) остается ведущей философией в Японии, которая влияет на многие сферы общества, включая деловые отношения. Японская культура бизнеса имеет ряд особенностей. Поскольку японская культура даже в современном мире сохраняет дух традиций и обычаев, которые складывались на протяжении истории японской нации, в японцах глубоко укоренились концепция жизни в гармонии, для поддержания которой необходимы сильные принципы коллективизма, соблюдение норм поведения, иерархия. Гармония отводит каждому человеку его персональное место, а способы сохранения гармонии опре-

деляют обязанности и полномочия, которые надлежит неукоснительно исполнять, поскольку все люди «равны перед гармонией» [1].

Поддержание гармонии является основополагающим элементом деловых отношений, и из этого вытекают специфические для японской коммуникации схемы поведения, например, косвенные, расплывчатые и вежливые реакции, даже если они не согласны с тем, что сообщает им говорящий. Японцы редко открыто не соглашаются или высказывают какое-либо мнение, которое могло бы вызвать трения, поскольку стараются быть вежливыми и сохранять гармонию в любой ситуации. Это выражается и в способах использования языка во время переговоров. Например, на деловых встречах японцы часто говорят «да» и кивают, пока слушают речь собеседника. Это означает, что предложение, высказанное в ходе переговоров, услышано, однако это кивание не значит, что высказанное предложение обязательно принято. Для тактичного отказа часто используется и тишина. Когда возникает проблема, которую невозможно разрешить, японские бизнесмены иногда сидят в тишине. Это японский способ позволить разговору вернуться к гармонии, чтобы было свободное место для новой темы обсуждения. Западные партнеры часто находят такое молчание неловким, но стараются не нарушать его и не продолжать настаивать на вопросе.

В деловой сфере японцы очень ориентированы на личные отношения, поскольку ориентированы на развитие долгосрочных партнерских отношений, а не просто на быстрое заключение сделки. Именно в рамках этого долгосрочного подхода к деловым отношениям они, как правило, пытаются узнать о своих партнерах как можно больше информации, не только деловой, но и культурной, чтобы завоевать доверие и лояльность, необходимые для поддержания эффективных деловых отношений в будущем. На хороших взаимоотношениях между людьми строятся хорошие деловые отношения. Работа и частная жизнь достаточно тесно связаны, поэтому деловых партнеров во время переговоров приглашают провести в неформальной обстановке, например, в ресторане или на культурном мероприятии. Такое неформальное времяпрепровождение помогает наладить контакт, расположить людей к себе и обсудить заключение сделки в деталях. Однако японская нацеленность на долгосрочную лояльность и перспективы может привести к потере краткосрочной немедленной прибыли, что часто разочаровывает западных партнеров.

В культуре Японии, ориентированной на коллективные отношения, уважение и поддержание иерархических отношений имеет важное значение в обществе и бизнесе. На этом принципе основывается поведение на совещаниях, банкетах и т.д. К примеру, на совещании порядок говорения основан на иерархии, и часто человек самого высокого положения говорит первым, произнося несколько приветственных слов, хотя

вступительная речь обычно короткая и общая. Рассадка основана на иерархии. В такси место позади водителя предназначено для человека самого высокого ранга, в то время как место рядом с водителем предназначено для человека самого низкого ранга. Иерархия также подчеркивается той формой вежливости японского языка, которой пользуется сотрудник компании: человек с более высоким статусом использует нейтрально-вежливую речь, тогда как человек с более низким социальным статусом говорит в более вежливом стиле. На переговорах для японской стороны важно знать, что они говорят с людьми, стоящими на нужной для успеха переговоров ступени иерархии.

По мере нарастания процессов глобализации межкультурная коммуникация японцев претерпевает изменения. За последние десятилетия коммуникация стала более ориентированной на западные традиции и стандарты, поскольку в японскую культуру все больше встраиваются западные ценности, такие как индивидуальность поведения, в том числе и речевого. Вместе с тем продолжают сохраняться характерные для японской культуры традиционные формы коммуникации, определяющие поведение индивидуумов. В японских стилях ведения переговоров очевидно, что японцы ценят создание доверительных отношений со своими коллегами как предварительное требование перед отрицанием. Помимо стилей переговоров, существует традиционный этикет, такой как обмен визитками и подарками. Наконец, для японского стиля переговоров характерно преобладание не прямых, обтекаемых форм высказывания.

Изучение культурного поведения, отношения, норм и ценностей другой стороны может помочь в эффективном проведении межкультурной коммуникации.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. 日本は本当に「和の国」か / 吉木 誉絵. – 東京 : PHP研究所、2019.
2. John Alston, Isao Takei. Japanese Business Culture and Practices: A Guide to Twenty-First Century Japanese Business. Lexington : iUniverse, 2018.
3. Изотова Н. Н. Этнокультурные особенности стиля японской коммуникации // Вестник МГИМО Университета. 2012. № 6.

Научное издание

**МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ:
ИСТОРИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА**

**Материалы XI научно-практической конференции
молодых ученых факультета международных отношений
Белорусского государственного университета
Минск, 4 февраля 2021 г.**

В авторской редакции

Ответственный за выпуск *И. А. Ситник*

Подписано в печать 28.06.2021. Формат 60×84/16. Бумага офсетная.
Печать цифровая. Усл. печ. л. 26,27. Уч.-изд. л. 26,09.
Тираж экз. Заказ

Белорусский государственный университет.
Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя,
распространителя печатных изданий № 1/270 от 03.04.2014.
Пр. Независимости, 4, 220030, Минск.

Отпечатано с оригинал-макета заказчика